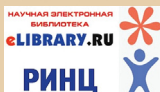

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

ISSN 2225-756X (Print)
ISSN 2227-1295 (Online)

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Том 14, выпуск 3, 2025

NAUCHNYI DIALOG

Volume 14, Issue 3, 2025

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Том 14, выпуск 3, 2025

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

ISSN	2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online)
Свидетельство о регистрации	ПИ № ФС 77-86214 от 27.10.2023 г., Роскомнадзор
DOI:	10.24224
Год основания	2012
Периодичность	10 раз в год
Представление в каталогах, индексирование	• WoS (Emerging Sources Citation Index) • Scopus • DOAJ • ERIH PLUS • Российский индекс научного цитирования – РИНЦ • КиберЛенинка
Подписной индекс	29255, Объединенный каталог «Пресса России»
Адрес редакции	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, оф. 57
Телефон редакции	8(343)3458984
E-mail редакции	nauka-dialog@mail.ru
Учредитель / Издатель	ООО «Центр научных и образовательных проектов»
Электронный адрес издателя	http://www.nauka-dialog.ru/
Адрес издателя	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, к. 57
E-mail издателя	snior@bk.ru
Типография	ООО «Издательский Дом «Ажур». 620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54. Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.
Тираж	500 экземпляров

СТАТИСТИКА ВЫПУСКА

География авторов выпуска	Волгоград	Санкт-Петербург
	Екатеринбург	Севастополь
	Казань	Симферополь
	Кемерово	Тамбов
	Москва	Тюмень
	Нижний Новгород	Хива (Узбекистан)
	Пятигорск	Якутск
	Ростов-на-Дону	Ялта
	Самарканд (Узбекистан)	Элиста
Авторы, имеющие ученую степень	85 %	

© Центр научных и образовательных проектов, 2025

Дата выхода в свет 24.04.2025

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ISSN 2225-756X

Nauchnyi dialog
(Naučnyj dialog = Nauchnyy dialog = Scientific Dialogue = ND)

Volume 14, Issue 3, 2025

ISSN	ISSN 2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online) Key title: Naučnyj dialog, Abbreviated key title: Naučn. dialog
Creative Commons	Attribution license 4.0 International (CC BY 4.0)
Mass Media Registration Certificate (by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications)	PI № FS 77-86214 of 27.10.2023
DOI:	10.24224
Subscription Code	29255, Union Catalog “Pressa Rossii” (Russian Press)
Coverage	Russian Federation, foreign countries
Publication Frequency	10 issues per year
Publisher	Centr naučnyh i obrazovatel’nyh proektov, 620135, Yekaterinburg, Kosmonavtov Ave., 43, fl. 57
Presence in Citation Bases, indexation	• WoS (Emerging Sources Citation Index) • Scopus • DOAJ • ERIH PLUS • Science Index (Rus) • CyberLeninka
Text Presentation Form	• Science Index (Rus) — All published articles are public-ly available for reading and citing on the journal’s web-site and in the National E-Library • CyberLeninka
Printing house	• LLC Publishing House Azhur. 620075, Yekaterinburg, st. Vostochnaya, 54. Tel. (343) 350-78-28, 350-78-49.
Circulation	• 500 copies
Reviewing	All manuscripts submitted to the editorial office are to be reviewed

© LLC Center for Scientific and Educational Projects, 2025

Тематика журнала «Научный диалог»: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакommunikации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Главный редактор: Татьяна Валерьевна Леонтьева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)

Ответственный секретарь: Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)

Английский перевод метаданных: Ирина Владимировна Волгина, Doctor of Philosophy (in Pedagogic), доцент, Уральский государственный медицинский университет (Россия, Екатеринбург)

Редакционная коллегия

Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)

Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)

Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)

Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)

Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)

Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)

Татьяна Владимировна Гусейнова, доктор педагогических наук, профессор (Таджикистан, Душанбе)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ**Языкознание. Медиакommunikации. Журналистика**

Александр Константинович Киклевич, доктор филологических наук, профессор (Польша, Ольштын)

Андреана Борисова Ефимова, доктор наук, профессор (Болгария, София)

Арто Мустайоки, доктор философии (русский язык), профессор (Финляндия, Хельсинки)

Биляна Марич, доктор филологических наук, доцент (Сербия, Белград)

Евгения Викторовна Терехова, доктор филологических наук, профессор (Россия, Владивосток)

Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)

Нина Марковна Разинкина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Москва)

Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)

Ренате Ратмайр, доктор филологических наук, профессор (Австрия, Вена)

Татьяна Геннадьевна Никитина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Псков)

Тимур Беньяминович Радбиль, доктор филологических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

Литературоведение. Фольклористика

Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)

Александр Самуилович Кацев, доктор филологических наук, профессор (Кыргызская Республика, Бишкек)

Александр Валериевич Юдин, кандидат филологических наук, профессор (Бельгия, Гент)

Иво Поспишил, доктор наук (Чешская Республика, Брно)

Ирина Леонардовна Савкина, доктор философии (Финляндия, Тампере)

Ольга Юрьевна Осьмухина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Саранск)

Татьяна Алексеевна Савоскина, кандидат филологических наук, доцент (Украина, Измаил)

Татьяна Васильевна Володина, доктор наук, доцент (Беларусь, Минск)

Исторические науки

Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)

Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)

Альбина Советовна Жанбосинова, доктор исторических наук, профессор (Казахстан, Астана)

Иван Иванович Думица, доктор исторических наук (Молдова, Кишинев)

Ирина Ромуальдовна Чикалова, доктор исторических наук, профессор (Беларусь, Минск)

Юрий Дмитриевич Анчабадзе, доктор исторических наук, профессор (Россия, Москва)

Editor-in-Chief: Tatyana V. Leontyeva, Doctor of Philology, Head of the Department of Mass Communication Languages, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg)

Responsible secretary: Anna V. Shchetinina, PhD in Philology, associate professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg)

English translation: Irina V. Volgina, Doctor of Philosophy (in Pedagogy), associate professor, Urals State Medical University (Russia, Yekaterinburg)

EDITORIAL BOARD

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)

Alexandr G. Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)

Anna V. Shchetinina, PhD in Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)

Marija K. Kitanova-Markova, Doctor of Philology, associate professor (Bulgaria, Sofia)

Rafael G. Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)

Sergey N. Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)

Tatyana V. Guseynova, Doctor of Education, professor (Tajikistan, Dushanbe)

EDITORIAL COUNCIL

LINGUISTICS. MEDIA COMMUNICATIONS. JOURNALISM

Aleksander Kiklewicz, Doctor of Philology, associate professor (Poland, Olsztyn)

Andreana B. Eftimova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)

Arto Mustajoki, Doctor of Philosophy (Russian), associate professor (Finland, Helsinki)

Biljana Marič, Doctor of Philology, associate professor (Serbia, Belgrad)

Evgeniya V. Terekhova, Doctor of Philology, professor (Russia, Vladivostok)

Marija K. Kitanova-Markova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)

Nina M. Razinkina, Doctor of Philology, professor (Russia, Moscow)

Rafael G. Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)

Renate Rathmayr, Doctor of Philology, professor (Austria, Vienna)

Tatyana G. Nikitina, Doctor of Philology, professor (Russia, Pskov)

Timur B. Radbil, Doctor of Philology, professor (Russia, Nizhny Novgorod)

LITERARY STUDIES. FOLKLORE

Sergey N. Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)

Aleksandr S. Katsev, Doctor of Philology, professor (Kyrgyz Republic, Bishkek)

Aleksey V. Yudin, Ph.D. in Philology, professor (Belgium, Ghent)

Irina L. Savkina, Doctor of Philosophy, professor (Finland, Tampere)

Ivo Pospíšil, Doctor of Philology, professor (Чешская Республика, Брно (Czech Republic, Brno))

Olga Yu. Osmukhina, Doctor of Philology, professor (Russia, Saransk)

Tatyana A. Savoskina, PhD in Philology, associate professor (Ukraine, Izmail)

Tatsiana V. Valodzina, Doctor of Philology, associate professor (Belarus, Minsk)

HISTORY

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)

Alexandr G. Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)

Albina S. Zhanbosinova, Doctor of History, professor (Kazakhstan, Astana)

Ivan I. Duminica, Doctor of History (Moldova, Kishinev)

Irina R. Chikalova Doctor of History, professor (Belarus, Minsk)

Yuri D. Anchabadze, Doctor of History, professor (Russia, Moscow)

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Агеева А. В., Абдуллина Л. Р.</i> Семасиологические отношения лексических параллелей в английской и французской колор-номинации	9
<i>Данилов И. А., Степанова Ю. Г.</i> Малая и большая родина в языковом сознании жителей Северо-Востока России	25
<i>Пищальникова В. А., Степыкин Н. И.</i> Изменение характера предсказания в речевом действии : экспериментальное исследование	43
<i>Сдобников В. В.</i> Искусственный интеллект в переводе : условия эффективного использования	62
<i>Тишина Е. В., Захарова М. А., Калинина М. В.</i> Отношение к этическим и коммуникативным нормам в студенческих групповых чатах (по результатам социолингвистического опроса).....	81

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА

<i>Дубина А. М., Кондратенко П. И.</i> Wildberries : особенности ассимиляции псевдозаемствованного эргонима в русском языке	102
<i>Меркулова А. М., Шарипкова А. А.</i> Восприятие исторических фейков : экспериментальный подход и фреймовый анализ	123
<i>Шубина Э. Л., Шелехова Р. С.</i> Эвфемизация в рамках миграционного дискурса в немецкой публицистике.....	156

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Захарова Н. В.</i> Объединение китайских литераторов «Юй сы» («Нити слов») и рождение новой китайской эссенстики	178
<i>Каплун М. В.</i> Звери рече : конструирование маргинального нарратива в «Стефаните и Ихнилате» (в редакции XV века)	196
<i>Лушникова Г. И., Осадчая Т. Ю.</i> Роль языковых средств в создании культурно-исторической специфики художественного текста	212
<i>Норец М. В., Рейнова А. В.</i> Репрезентация образов членов британской королевской семьи в пьесе Майка Бартлетта «Король Карл III».....	229
<i>Уртминцева М. Г.</i> Жанр письма в творчестве М. Горького (переписка с В. Ф. Ходасевичем (1924—1925))	249
<i>Цветова Н. С.</i> Публицистический контур советской литературной эпохи	267

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бадмаева Е. Н. Отгонно-пастбищное животноводство регионов Юга России в природно-климатических условиях «Черных земель» Калмыкии в 1930-е годы	285
Богатырева О. Н., Крапивница Е. Д. Изменение миграционного ландшафта в Латинской Америке в XXI веке	303
Бодрова Е. В., Калинов В. В., Красивская В. Н. Эффективность мер по модернизации советской промышленности во второй половине 1960-х годов.....	332
Ганиев Р. Т., Буцык П. И., Хамзин И. Р. Сведения о «татарах» в китайских исторических хрониках («Сун ши» и труды Ли Синьчуаня)	351
Гордеев Ю. М. Оренбургское Неплюевское военное училище в первой половине 1840-х годов: накануне переименования в кадетский корпус	369
Ермаков В. П., Колесников И. Н., Каспарян К. В. Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны : внешнеполитический аспект и взаимодействие с советской властью.....	390
Завьялова О. О. Славянский вопрос в общественном дискурсе России 1860—1870-х годов (по материалам газеты «Новое время»)	410
Мамяченков В. Н., Мотревич В. П. Государственные заготовки и закупки продукции животноводства на Урале в 1946—1950 годах	430
Махрачев Г. С. Хозяйственная деятельность промысловой кооперации Тамбовской губернии в 1921—1924 годах	451
Муслимова Е. О., Нестеров А. Г., Катунцев В. А. Федеральные земли Австрии в трансрегиональном сотрудничестве с регионами и странами Востока в XX—XXI веках	468
Разинков С. Л., Ларионова М. Б., Заглодина Т. А. Трудовые резервы в СССР в 1940—1950-е годы : социокультурный портрет учащихся	491
Сорокин А. А., Соколов Ю. В. Портсмутский мирный договор 1905 года в оценках российского общественного мнения	512
Шайдуров В. Н., Наврузов С. Н., Абдалов У. М. Немцы Туркестана : история формирования этнического сообщества в 1880-е — 1906 годы.....	531
АВТОРАМ.....	552
CONTENTS.....	558

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

LINGUISTICS

.....

Анастасия Владимировна Агеева, д-р филол. наук (Казань)

Вадим Витальевич Сдобников, д-р филол. наук (Самарканд, Н. Новгород)

Вера Анатольевна Пищальникова, д-р филол. наук (Москва)

Елена Валерьевна Тишина, канд. филол. наук (Москва)

Игорь Альбертович Данилов, младший научный сотрудник (Якутск)

Лилия Рафаиловна Абдуллина, канд. филол. наук (Казань)

Маргарита Владимировна Калинина, канд. филол. наук (Волгоград)

Мария Алексеевна Захарова, канд. филол. наук (Волгоград)

Николай Иванович Степыкин, д-р филол. наук (Москва)

Юлия Гаврильевна Степанова, младший научный сотрудник (Якутск)

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(3), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Агеева А. В. Семасиологические отношения лексических параллелей в английской и французской колор-номинации / А. В. Агеева, Л. Р. Абдуллина // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 3. — С. 9—24. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-9-24.

Ageeva, A. V., Abdullina, L. R. (2025). Semasiological Relationships of Lexical Parallels in English and French Color Nomenclature. *Nauchnyi dialog*, 14 (3): 9-24. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-9-24. (In Russ.).

Web of Science™

Scopus®

DOAJ

ERIH PLUS

НАУЧНАЯ ЦИТАТЕЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА

LIBRARY.RU

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Семасиологические отношения лексических параллелей в английской и французской колор-номинации

Агеева Анастасия Владимировна

orcid.org/0000-0002-2046-2865

доктор филологических наук,
профессор, кафедра

европейских языков и культур

корреспондирующий автор

anastasia_ageeva@mail.ru

Абдуллина Лилия Рафаиловна

orcid.org/0000-0002-0774-9757

кандидат филологических наук, доцент

кафедра европейских

языков и культур

lilioven@mail.ru

Казанский (Приволжский)
федеральный университет
(Казань, Россия)

Semasiological Relationships of Lexical Parallels in English and French Color Nomenclature

Anastasia V. Ageeva

orcid.org/0000-0002-2046-2865

Doctor of Philology, Professor,
Department of European

Languages and Cultures,

corresponding author

anastasia_ageeva@mail.ru

Liliya R. Abdullina

orcid.org/0000-0002-0774-9757

PhD in Philology, Associate Professor,

Department of European

Languages and Cultures

lilioven@mail.ru

Kazan (Volga region)
Federal University
(Kazan, Russia)

© Агеева А. В., Абдуллина Л. Р., 2025

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Настоящая работа посвящена изучению алло- и изоморфных характеристик колоративных систем английского и французского языков. Цель исследования — выявление общих и специфических характеристик формы и содержания колоронимических единиц, представленных в англо- и франкоязычном арт-дискурсе. Материалом работы послужили искусствоведческие тексты на английском и французском языках, а также лексикографические источники: толковые и этимологические словари, тезаурусы и данные корпусов и контекстов обоих анализируемых языков. Статья конкретизирует ключевые дефиниции лингвистики цвета, предлагая транспарентные критерии отнесения единиц к колоронимам и колоративам. Авторами устанавливаются сигнификативные интра- и экстралингвистические векторы цветонаименования. На основании детального анализа структуры, семантики и происхождения лексических единиц авторы представляют сопоставительную типологию колоронимов английского и французского языков. Выделяются полностью эквивалентные единицы, единицы-кальки, единицы, эквивалентные только формально или только семантически, а также единицы с нулевой эквивалентностью. Исследование позволяет выявить и сопоставить восходящие и нисходящие тренды цветонаименования в двух языках с учетом влияния внеязыковой действительности на языковые процессы.

Ключевые слова:

английский язык; французский язык; колороним; цветообозначение; хроматическое поле; прототип; эквивалентность.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This paper is dedicated to the exploration of allo- and isomorphic characteristics of the color systems in the English and French languages. The primary aim of this study is to identify both common and specific features of the form and content of color-naming units represented in English and French art discourse. The material for this research includes art criticism texts in both languages, as well as lexicographic sources: explanatory and etymological dictionaries, thesauri, and corpus data from both analyzed languages. The article clarifies key definitions in the linguistics of color, proposing transparent criteria for classifying units as coloronyms and coloratives. The authors establish significant intra- and extralinguistic vectors of color naming. Based on a detailed analysis of the structure, semantics, and origins of lexical units, the authors present a comparative typology of coloronyms in English and French. Fully equivalent units, calque units, units that are equivalent only formally or semantically, as well as units with zero equivalence are identified. This study allows for the identification and comparison of ascending and descending trends in color naming across both languages, taking into account the influence of extralinguistic reality on linguistic processes.

Key words:

English language; French language; coloronym; color designation; chromatic field; prototype; equivalence.

УДК [811.111'373.42+811.133.1'373.42]:75.017.4

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-9-24

Научная специальность ВАК

5.9.6. Языки народов зарубежных стран

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Семасиологические отношения лексических параллелей в английской и французской колор-номинации

© Агеева А. В., Абдуллина Л. Р., 2025

1. Введение = Introduction

Каждая лингвокультура уделяет особое внимание цветоименованию. Цвет сопровождает человека на протяжении всей его жизни и тесно связан с философским и эстетическим осмыслением мира. Представляя собой важнейшую характеристику восприятия нового предмета или явления, он способствует формированию соответствующего психоэмоционального комплекса и, соответственно, может влиять на отношение человека к объекту, обладающему характеристикой цвета.

Проблематика цвета в современной лингвистике рассматривается прежде всего в трудах понятийно-терминологического характера, которые представляют широкий спектр терминологических вариантов языковых единиц, относящихся к данной категории, наибольшую частотность из них демонстрируют термины *цветонаименование* [Абжапарова, 2018; Грибер, 2021; Россаль, 2022] и *цветообозначение* [Воробьева, 2024; Герасименко, 2023; Слестникова и др., 2021]. В зарубежной лингвистической традиции закрепилось словосочетание *colour term*, которое было впервые употреблено в работе Б. Берлина и П. Кея [Berlin et al., 1969]. Помимо указанных вариантов можно отметить использование других терминов: *хроматоним*, *цветолексема*, *цветономинация*, *цветовая лексика*, *лексика цвета*, *колороним*, *колоризм*, *колоратив* и т. п. При этом авторы исследований редко обосновывают выбор того или иного термина в своих работах и еще реже приводят их дефиниции. Здесь мы не можем не согласиться с Т. А. Михайловой, отмечающей некую интуитивность подхода лингвистов к понятию «цветообозначение» и сугубо прикладной подход к проблеме отнесения лексических единиц к данной категории [Михайлова, 2003, с. 43].

Данная ремарка может служить своеобразным введением в общую проблематику изучения цветовой картины мира, предвзявая вопросы категоризации цвета и к созданию научной типологии языковых единиц, его называющих. В попытке выстроить модели семантических связей в сфере

цветонаименования исследователь, вне зависимости от языковой культуры, которая служит объектом его интереса, обнаруживает невозможность следования единому принципу отбора и классификации единиц. Результатом многочисленных попыток осмысления разнообразных критериев, согласно которым лексика включается в цветовую схему, явились несколько принципов структурирования колоративной лексики. В качестве наиболее проработанных с лингвистической точки зрения следует указать антропологический [Berlin et al., 1969], структурно-семантический [Косых, 2022] и лексико-семантический [Волкова, 2013]. В рамках когнитивной парадигмы следует отметить труды А. Вежбицкой [Вежбицкая, 1996] и Е. С. Лукашенко [Лукашенко, 2011]. В работах Н. В. Норманской [Норманская, 2002] и А. П. Василевича [Василевич, 2016] цветонаименования рассматриваются в исторической перспективе. Встречаются также исследования цветообозначений с учетом гендерного принципа [Lakoff, 1973; Мишенькина, 2004].

Следует при этом заметить, что количественные характеристики цветового пространства языка далеко не статичны: они меняются на разных этапах развития лингвистических систем в зависимости от языковых и внеязыковых реалий, что существенно затрудняет поиск универсальной классификации. Ряд отечественных и зарубежных трудов посвящен специфике и соотношению интра- и экстралингвистических факторов, влияющих на формирование и эволюцию колоративных систем [Абдуллина и др., 2019; Агеева и др., 2023; Conway et al., 2020; Zaslavsky et al., 2022; Zhang, 2019].

Таким образом, актуальность представленной работы обусловлена двумя типами причин:

- в первую очередь, факторами гносеологического характера, то есть необходимостью конкретизации научной терминологии и разработки методик комплексного анализа языкового материала;

- во-вторых, потребностью в стандартизации колоронимических традиций, обусловленной становлением новых сфер деятельности, где необходимы прозрачные критерии номинации новых цветов и оттенков и конкретизация характеристик уже существующих единиц.

Научная новизна работы состоит в комплексном исследовании конвергентно-дивергентной эволюции колоративных систем двух разнотипных языков.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Настоящее исследование представляет собой попытку выявить общие и специфические черты колоративных единиц английского и французского языков с целью определения алло- и изоморфных характеристик лексических процессов в сфере цветонаименования. Объектом исследования

служат колоративные единицы, представленные в англо- и франкоязычном искусствоведческом дискурсе. Предметом исследования являются структурно-семантические параметры и особенности функционирования колоративной лексики в английском и французском языках.

Материалом исследования послужили данные сплошной выборки из тематических справочников, публицистических работ и искусствоведческой литературы, предназначенной для учащихся художественных школ, на английском [Albers, 2013; Burchett, 2002; Lynch et al., 2001; Marmor et al., 2001], французском [Dérivé, 2014 ; Bracquemond, 1885; Chaperon, 1788; Chevalier et al., 1969; Chevreul, 1861; Bergeon Langle, 2009; Simonnet, 2004] языках, а также тематических сайтов и форумов в сети Интернет. Фактологические данные в отношении этимологии лексических единиц, развития их семантической структуры, фиксации колоронимов в письменных источниках и частотности их употребления в литературе обеспечены онлайн-версиями словарей французского и английского языков, представленных на соответствующих лексикографических ресурсах [CNRTL ; CD ; MEI ; TLFi]. Всего в поле настоящего анализа было включено 237 лексических единиц совокупно в обоих языках.

Методология работы со столь обширным материалом включает в себя несколько этапов:

— этап формирования иллюстративной базы, подразумевающий непосредственную работу с вышеперечисленными источниками. На данном этапе нами использовались методы сплошной выборки и контекстного анализа языкового материала;

— этап систематизации данных. Для решения задач исследования мы обратились к описательному методу, базирующемуся на сопоставлении, классификации и обобщении языкового материала; были использованы элементы количественного и статистического анализа, а также метод компонентного анализа для изучения семантики лексических единиц;

— этап контрастивного анализа языкового материала, потребовавший применения сопоставительного метода и позволивший нам установить основные векторы развития колоративных систем сравниваемых языков, природу и степень взаимовлияния языковых систем.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Основные концепции и базовые дефиниции цветообозначения

На сегодняшний день принято выделять семь основных спектральных (хроматических) цветов и два ахроматических (белый и чёрный). При этом человеческий глаз может различать от 500 до 2,5 миллионов оттенков, обладающих каждый собственным кодом в современных цветовых палитрах

(RGB, CMYK, HSL, Lab и др.) [Sève, 2009]. Цветовая палитра — это структурированная панорама цветов и оттенков, существующая физически или в виде цифровой матрицы. Фактически это система координат, применяемая в профессиональной среде. В рамках данной работы мы неоднократно будем ссылаться на колориметрический стандарт RAL, элементам которого (цветам и оттенкам) присваивается уникальный цифро-буквенный индекс. Понятно, что каждый из этих оттенков в перспективе может обрести собственное вербальное выражение, отражающее некую психологическую компоненту в восприятии цвета и света.

Колоронимический диапазон разных языков не всегда совпадает. В качестве иллюстрации можно привести весьма широко тиражируемый пример с отсутствием отдельного имени у спектрального цвета *голубой* в некоторых языковых системах (фр. *bleu clair* — англ. *light blue*, досл. *светлосиний* в обоих случаях) или не менее известную проблему с обозначением двух спектральных цветов — синего и зеленого — одним словом в других (например, яп. 青 [*ao*]). Это означает, что традиции цветообозначения зачастую детерминированы этнически.

Помимо факторов внеязыкового характера, вопросы изучения цветоименования осложняются металингвистически, то есть терминологической неопределенностью в рамках соответствующей предметной области. Например, широко распространенный термин *имя цвета* может применяться далеко не в каждом контексте, так как, на наш взгляд, он должен включать в себя группу слов, принадлежащих к одному морфологическому классу. Н. В. Коптева предлагает термин *колоризм*, определяя его как «языковую (узуальную) или речевую (оказиональную) единицу, в состав которой входит корневой морф, семантически или этимологически связанный с цветоименованием» [Коптева, 2055, с. 7]. Подобная дефиниция довольно удобна в использовании, но не лишена недостатков: если слово называет цвет метонимически, то в контексте или изолированно оно в первую очередь будет вызывать ассоциации с признаками, передаваемыми прямым значением (малина или вишня), но не цветообозначение. Кроме того, подобное определение автоматически отнесет к категории колоронимической лексики любые слова, метафорически интерпретирующие цветоименование в разных сферах (*партия зеленых, синий чулок, желторотый*).

Введение термина *колороним* представляет собой попытку создать и внедрить конкретное научное обозначение существующей языковой реальности по аналогии с длинным рядом подобных наименований (*антропоним, топоним, фитоним, зооним, даже космоним или фильмоним*). Нам представляется, что, в силу сложившейся лингвистической традиции, именно данный термин (равно как и его русскоязычная калька *цветонаименова-*

ние) наиболее удачен для максимально общего обозначения всей палитры языковых или речевых единиц, так или иначе представляющих цвет или оттенок. Семантическая структура колоронима может включать как реальную «цветовую» сему (*красный, зеленый, беж, маджента или индиго*), так и потенциальную (*небесный, жемчужный, малина, вишня*).

В более узком смысле мы используем термин **колоратив**. К данной категории мы предлагаем относить лексические единицы конкретного морфологического класса (чаще всего это имена прилагательные или адъективированные имена существительные), семантика которых соотносится со значением цвета.

3.2. Сопоставление колоративных систем английского и французского языков

Благодаря исследованию Э. Рош [Rosch, 1973] в области цветообозначений вводится важное для анализируемой сферы понятие **прототипа**, то есть члена категории, который максимально актуализирует присущие ей характеристики. Данный подход позволяет классифицировать любые колоронимические единицы исходя из принципа их корреляций с цветовым прототипом, который непосредственно вызывает визуальное восприятие и может включать целые ряды цветов, формируя категорию хроматического поля. Так, изумрудный или малахитовый представляют зеленый цвет с характерными оттенками, а эвкалиптовый или мятный — тот же зеленый, но отличающийся в первую очередь интенсивностью основного цвета. Соответственно, зеленый цвет является прототипом, а хроматическое поле представлено его оттенками, наименования которых указывают на цвет метонимически, используя денотат (мята, малахит) как субъект номинации. Неоднозначно интерпретируясь разными языковыми системами, хроматические поля являются объектом лингвистических и антропологических разногласий [Rosch, 1973].

Следуя данному принципу, структуру колоративных систем английского и французского языков можно представить схематично (рис. 1).

Рис. 1. Квантитативные характеристики колоративных систем английского (слева) и французского (справа) языков

Как видно из диаграмм (рис. 1), наиболее продуктивной категорией в обоих языках является хроматополе **красный**. В него входят 22 английских единицы и 20 французских, напр., *bordeaux / bordeaux* ‘бордо’, *carmine / carmin* ‘кармин’, *crimson / cramoisi* ‘малиновый’, *garnet / grenat* ‘гранатовый’, *scarlet / vermeil* ‘алый’.

Вторая по продуктивности категория английского языка — 20 единиц — представлена номинациями оттенков **желтого**. На диаграмме (рис. 1) показано, что во французском языке количество единиц здесь эквивалентно предыдущему, сами же лексемы совпадают в обоих языках: *apricot / abricot* ‘абрикосовый’, *amber / ambre* ‘янтарный’, *gold / jaune doré* ‘золотисто-желтый’, *lemon / citron* ‘лимонный’, *sand / sable* ‘песочный’.

Далее мы наблюдаем довольно значительные расхождения в отношении номинации **синего**: *Navy blue / acier* ‘ярко-голубой’, *layette / aqua* ‘бледно-голубой’, *phthalocyanine / bleu foncé* ‘темно-синий’, *cobalt / cobalt* ‘кобальт’ (18 единиц в английском, 12 во французском), а также розового: *quartz / quartz* ‘розовый кварц’, *light pink / dragée* ‘светло-розовый’, *pastel pink / rose pastel* ‘пастельно-розовый’, *bright rose / bonbon* ‘конфетно-розовый’ (18 единиц во французском языке, 10 единиц в английском) и коричневого: *burnt umber / terre d'ombre brûlée* ‘умбра жжёная’, *caramel / caramel* ‘карамельный’, *coffee / café* ‘кофейный’, *morocco brown / brou de noix* ‘ореховый, марокканский коричневый’ (17 единиц в английском языке, 12 во французском).

Хроматическое поле **зеленый** практически совпадает в обоих языках (12 единиц в английском, 15 во французском, напр., *dark green / sapin* ‘ель’, *light green / tilleuil* ‘липовый цвет’, *apple / pomme* ‘яблоко’, *olive / olive* ‘оливковый’, *pistache / pistache* ‘фисташковый’), равно как и менее продуктивные категории цвета: **оранжевый** (7 единиц в английском, 8 во французском, напр., *carrot orange / carotte* ‘морковный’, *coral / corail* ‘коралловый’, *ginger / roux* ‘рыжий’, *peach / pêche* ‘персиковый’, *rusty / rouille* ‘ржавый’), **фиолетовый** (7 единиц в английском, 9 во французском, напр., *mauve / mauve* ‘розовато-лиловый’, *lilac / lilas* ‘сиреневый’, *plum / prune* ‘сливовый’, *purple / pourpre* ‘пурпур’) и **серый** (по 5 единиц в обоих языках, напр., *light gray / tourterelle* ‘светло-серый’, *silver / fer* ‘металлический’, *taupe / gris foncé* ‘тёмно-серый’).

В целом, исходя из вышеописанного, можно констатировать полное совпадение количественных характеристик лексического наполнения хроматических полей в анализируемых языках, что легко объясняется как генетической близостью языковых систем, так и культурной общностью их носителей. С этих позиций вполне логичным также является доминирование колоронимов, обозначающих оттенки красного и желтого: первый ассоциировался в средневековой Европе с величием и богатством, а также

играл важную роль в ритуалах Римской католической церкви, символизируя кровь Христа и христианских мучеников, тогда как второй считался цветом золота и прочно связывался в раннехристианской традиции с золотыми ключами рая [Охоцимский, 2022].

3.3. Корреляция формы и содержания колоронимов английского и французского языков

Сопоставительный анализ колоративов в английском и французском арт-пространствах демонстрирует, что, с точки зрения эквивалентности называемых понятий, все лексические единицы данного семантического поля следует разделить на 4 группы:

1. Колоронимы, совпадающие в английском и во французском языках как формально, так и семантически. Как правило, такие единицы являются следствием англо-французских и франко-английских языковых контактов. Заранее оговорим, что под формальным совпадением мы понимаем совпадение графики, не учитывая особенностей фонологической адаптации иноязычий, которая может полностью исказить звуковой облик заимствуемой единицы. С точки зрения этимологии в данной группе доминируют **галлицизмы**, то есть ЛЕ, возникшие во французском языке и заимствованные английским, например: *beige* ‘беж’, *champagne* ‘шампанское’, *ecru* ‘экрю, серовато-бежевый’, *chartreuse* ‘шартрез’, *canard* ‘сине-зелёный’, *turquoise* ‘бирюзовый’, *cerise* ‘вишневый’, *coquelicot* ‘маковый’. Также мы фиксируем значительное количество **экзотизмов**, то есть ЛЕ гетерогенной этимологии, пришедших во французский и английский из других языков: др.-перс. *bagdad* ‘устар. багдад, кирпично-розовый’, грек. *indigo* ‘индиго’, итал. *magenta* ‘маджента’, искаж. монг. *xanadu* ‘занаду’, нем. *zinnwaldite* ‘циннвальдит’, арабск. *zinzolin* ‘красно-лиловый’. И, наконец, исчезающее малое количество **англицизмов**, то есть ЛЕ, возникших в английском языке и окказионально фигурирующих во французских текстах: *ivory* ‘слоновая кость’, *maroon* ‘коричневый’, *pink* ‘розовый’.

2. Колоронимы-кальки — лексические единицы, образованные по словным переводом (фразеологическим калькированием) (например, *pastel pink* / *rose pastel* ‘пастельно-розовый’) либо присвоением семы, сформированной метонимическим переносом в языке-доноре, исконной единице (семантическое калькирование), например: *eggplant* / *aubergine* ‘баклажановый’; *lemon* / *citron* ‘лимонный’; *plum* / *prune* ‘сливовый’; *salmon* / *saumon* ‘лососевый’; *sand* / *sable* ‘песочный’. Единицы этого типа составляют подавляющее большинство всех колоративов обоих языков, включенных в поле нашего исследования.

3. Колоронимы, передающие идентичное цветовое содержание совершенно разными единицами (здесь мы умышленно оставляем в определе-

ниях цифровую кодировку системы PAL, чтобы продемонстрировать, что речь идет об одном и том же оттенке): фр. *airielle rouge* / англ. *bordeaux* брусничный (560319); фр. *bordeaux* / англ. *bright red* — глухой темно-красный, бордо (b00000); фр. *bourgogne* / англ. *rosewood* — темно-красный с розовым подтоном (65000b); фр. *charme* / англ. *old rose* — пепельная роза (c08081); фр. *grenat* / англ. *red orange* — темно-вишневый с синим подтоном (f34723); фр. *poil de chameau* / англ. *fallow* — камель, верблюжья шерсть (c19a6b); фр. *roux* / англ. *thunderbird* — темно-оранжевый, рыжий (91302b); фр. *solférino* / англ. *disco* — ярко-красный с лиловым подтоном (32049); фр. *vermeil* / англ. *scarlet* — алый (ff2400). Подобные единицы также довольно частотны в рамках анализируемого материала, для иллюстрации мы отобрали наиболее яркие примеры. Дивергенция номинации обусловлена в большинстве случаев специфическим выбором объекта метонимического переноса, который лежит в основе наименования оттенка (*grenat* ‘гранат’ / *red orange* ‘красный апельсин’, *poil de chameau* ‘верблюжья шерсть’ / *fallow* ‘лань’), отсутствием в одной из лингвокультур соответствующей фоновой информации (*bourgogne* ‘бургундское (вино)’ / англ. *rosewood* ‘красное дерево’, *roux* ‘рыжий’ / англ. *thunderbird* ‘громовая птица’) либо несовпадением ее (*solférino* ‘сольферино’ / *disco* ‘диско’).

4. Колоронимы, не имеющие эквивалентов в одном из языков. Напомним здесь, что иллюстративная база для каждого языка формировалась отдельно, затем с помощью лексикографических источников и справочников авторы устанавливали корреляции между англо- и франкоязычными единицами. Отсутствие эквивалента, таким образом, подразумевает, что соответствующая единица не фигурирует в специальной литературе и не зафиксирована словарно. Возможно также, что окказионально она представлена в каких-либо иных текстах и, соответственно, потенциально способна стать частью словарного фонда языка, что, например, продемонстрировал английский колороним *aerospace orange* ‘международный оранжевый, сигнальный’, вошедший во французский язык как *orange international*. Во франкоязычных текстах нами зафиксированы такие единицы, как *aurore* ‘золотисто-розовый’; *lie de vin* ‘бургундия’ и т. д. Абсолютное большинство таких колоронимов были созданы и получили широкое распространение на рубеже XVIII — XIX веков. Безэквивалентная цветовая лексика английского языка более современна и даже «технологична»: *android green* ‘зелёный андроид’, *british racing green* ‘британский гоночный зеленый’, *engineering orange* ‘инженерный оранжевый’; *fire engine red* ‘цвет пожарной машины’; *off-red* ‘электрический красный’ и т. д. Здесь процессы номинации цвета тесно переплетаются с научно-техническим прогрессом и эволюцией патентного права, которое позволяет защитить не только само изобретение, но и сопутствующие эле-

менты маркетинга. Ранее мы подробнее писали о бренд-политике различных организаций как причине возникновения новых цветообозначений, например: *Columbia blue* ‘колумбийский синий’ — светло-голубой (B9D9EB), официальный цвет Колумбийского университета; *Giants orange* ‘оранжевые гиганты’ — оттенок под номером FE5A1D, насыщенный красно-оранжевый цвет, символизирующий бейсбольную команду San Francisco Giants и т. п. [Агеева и др., 2023]. Здесь отметим лишь, что дальнейшее изучение данного вектора в цветонаименовании требует рассмотрения процессов в динамике. Однако, судя по сравнительным датировкам образования новых колоронимов, которые невооруженным глазом прослеживаются на материале последней группы, можно сделать осторожный вывод, что англоязычная колоративная система развивается в настоящее время более динамично, нежели французская: включив в свою структуру франкоязычные номинации цветов и оттенков, англоязычный арт-дискурс создает собственные законы словотворчества в сфере цветообозначения.

4. Заключение = Conclusions

Колоративная система языка есть многослойный гетерогенный продукт, характеризующийся системной связностью и понятийной однородностью, относительно автономный по сравнению с иными лексическими подсистемами и организованный в соответствии со специфической иерархией. Этой организации свойственна довольно заметная асимметрия и, одновременно, непрерывность смыслового пространства, создаваемого элементами системы — колоронимами.

Колоративная лексика любого языка представляет психологическую реальность его носителей, что подразумевает тесную связь ее эволюции с этнокультурными координатами языкового коллектива. Следовательно, структура и содержание колоративной системы могут быть определены лишь при анализе конкретного языкового материала, а сопоставление с внешними данными позволяет установить основные векторы ее развития.

Подводя итоги сопоставительного анализа колоративных систем английского и французского языков, мы можем сделать следующие выводы:

— количественно хроматические поля английского и французского языков практически идентичны. Наиболее многочисленной и распространенной группой в обоих языках являются лексемы, называющие и описывающие оттенки красного цвета; наименее представлены оттенки серого. Частные расхождения, фиксируемые на уровне отдельных хроматополей, не оказывают существенного влияния на картину в целом;

— большинство колоронимов обоих языков представлено семантическими кальками, где цветовая сема присваивается имени метонимически,

по аналогии с языком-донором. Значительное количество единиц имеет абсолютно разную форму при общем содержании, однако не менее распространены прямые лексические заимствования. Наконец, в современном английском языке частотна колоративная лексика, не имеющая французских эквивалентов, что говорит о большей интенсивности процесса колор-номинации и обширном влиянии на него экстралингвистических факторов.

Вышепредставленные тенденции во многом определяют перспективы дальнейших исследований в рамках лингвистики цвета. Как известно, универсальным законом развития любого языка является его тесная и неразрывная связь с эволюцией социума. Человеческое общество вступило в такую фазу своего существования, когда изменения нарастают лавинообразно во всех сферах деятельности — и столь же стихийны и многополярны продуцируемые ими изменения в языке, которые носят к тому же массовый характер. Цветонаименование — один из древнейших в языке процессов, сохраняющий свою продуктивность и поныне. Вполне закономерным представляется его рассмотрение в рамках диахронического подхода, с учетом новых научных данных и с привлечением генетически разнородного языкового материала.

Глобальной перспективой настоящего исследования нам видится создание мультидисциплинарной модели диахронического изучения цветонаименования на материале разных языковых систем.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Albers J.* Interaction of Color / J. Albers. — New Haven, London : Yale University Press, 2013. — 191 p. — ISBN 978-0-300-17935-4.
2. *Bergeon Langle S.* Peinture et dessin : vocabulaire typologique et technique / S. Langle Bergeon, P. Curie. — Paris : Editions du patrimoine, centre des monuments nationaux, 2009. — 584 p. — ISBN 978-2757700655.
3. *Bracquemond F.* Du dessin et de la couleur / F. Bracquemond. — Paris : G. Charpentier, 1885. — 281 p.
4. *Burchett R.* Color harmony / R. Burchett // Research and application of color. — 2002. — Vol. 27 (1). — Pp. 28—31. — DOI: 10.1002/col.10004.
5. CD — *Cambridge Dictionary* [Electronic resource]. — Access mode : <https://dictionary.cambridge.org/> (accessed 21.09.2024).
6. *Chaperon P.-R.* Traité de la peinture au pastel, du secret d'en composer les crayons, & des moeysn de le fixer / P.-R. Chaperon. — Paris : Defer de Maisonneuve, 1788. — 381 p.

7. *Chevalier J.* Dictionnaire des symboles : mythes, rêves, coutumes, gestes, formes, figures, couleurs / J. Chevalier, A. Gheerbrant. — Paris : Jupiter, 1969. — 1092 p. — ISBN 978-2221087169.

8. *Chevreul M. E.* Exposé d'un moyen de définir et de nommer les couleurs : d'après une méthode précise et expérimentale avec l'application de ce moyen a la définition et a la dénomination des couleurs d'un grand nombre de corps naturels et de produits artificiels : atlas / M. E. Chevreul. — Paris : Typographie de Firmin Didot frères et fils, 1861. — 29 p.

9. CNRTL — Centre Nationale des Ressources Textuelles et Lexicales [Electronic resource]. — Access mode : <http://www.cnrtl.fr/etymologie/> (accessed 22.08.2024).

10. *Dérivée M.* Couleur / M. Dérivée. — Paris : Presses Universitaires de France, 2014. — 128 p.

11. *Lynch D. K.* Color and light in nature / D. K. Lynch, W. Livingston. — Cambridge : Cambridge University Press, 2001. — 292 p. — ISBN 978-0521775045.

12. *Marmor M. F.* The dilemma of color deficiency and art / M. F. Marmor, P. Lanthoni // Survey of ophthalmology. — 2001. — Vol. 45 (5). — Pp. 407—415. — DOI: 10.1016/s0039-6257(00)00192-2.

13. MED — Macmillan English Dictionary [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.macmillandictionary.com> (accessed 21.08.2024).

14. *Simonnet D.* Demi-teintes : gris pluie, rose bonbon [Electronic resource] / D. Simonnet // L'Express. — 2004. — Access mode : https://www.lexpress.fr/culture/livre/7-les-demi-couleurs-gris-pluie-rose-bonbon_819839.html (accessed 30.10.2024).

15. TLFi — Le Trésor de la langue française informatisé [Electronic resource]. — Access mode : <http://atilf.atilf.fr/> (accessed 17.09.2024).

Литература

1. *Абдуллина Л. П.* Манипулятивный потенциал цветоименований в креолизованных текстах рекламы декоративной косметики (на материале французского и русского языков) / Л. П. Абдуллина, Е. В. Артамонова // Научный диалог. — 2019. — № 2. — С. 9—21. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-9-21.

2. *Абжапарова М. Д.* Способы пополнения лексико-семантической группы цвета в разноструктурных языках / М. Д. Абжапарова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : История, филология. — 2018. — Т. 17. — № 2. — С. 115—122. — DOI: 10.25205/1818-7919-2018-17-2-115-122.

3. *Агеева А. В.* Прагматика колоронимов в арт-пространствах (на материале французского и английского языков) / А. В. Агеева, А. О. Патрикеева // Филология и культура. — 2023. — № 2 (72). — С. 7—12. — DOI: 10.26907/2782-4756-2023-72-2-7-12.

4. *Василевич А. П.* Наименования цвета в индоевропейских языках : Системный и исторический анализ / А. П. Василевич. — Москва : URSS, 2016. — 320 с. — ISBN 978-5-9710-2980-9.

5. *Вежицкая А.* Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия / А. Вежицкая // Язык. Культура. Познание. — Москва : Русские словари, 1996. — С. 231—290. — ISBN 5-89216-002-5.

6. *Волкова М. Г.* Значение цветоименований в казахском языке в сравнении с алтайским, татарским, английским и русским языками / М. Г. Волкова // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2013. — № 2 (131). — С. 57—61.

7. *Воробьева Е. Ю.* Цветовая номинация как когнитивно-эмоциональная деятельность (на примере цветообозначений французского языка) / Е. Ю. Воробьева // Вестник

Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2024. — Т. 27 — № 1. — С. 194—200. — DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-27-1-14.

8. Герасименко И. А. Цветовые обозначения в русском языковом пространстве : лингвокультурологический аспект / И. А. Герасименко. — Санкт-Петербург : Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2023. — 400 с. — ISBN 978-5-00188-377-7.

9. Грибер Ю. А. Минералогический код в русских цветоименованиях / Ю. А. Грибер // Научный диалог. — 2021. — № 4. — С. 42—65. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-42-65.

10. Коптева Н. В. Функционирование колоризмов в художественном тексте как результат взаимодействия лингвокультурного и креативного факторов (на материале творчества русских писателей XIX — XX вв.) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Н. В. Коптева. — Ростов-на-Дону, 2005. — 247 с.

11. Косых Е. А. Структурно-семантические особенности современных цветообозначений / Е. А. Косых // Ученые записки Российского общества цвета. — Смоленск: Смоленский государственный университет. — 2022. — Т. 3. — С. 24—30. — ISBN 978-5-88018-642-6.

12. Лукашенко Е. С. Функционально-номинативный потенциал цветообозначений в контексте когнитивной парадигмы (на материале английского языка) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / Е. С. Лукашенко. — Нижний Новгород, 2011. — 264 с.

13. Михайлова Т. А. Понятие «цвета» как лексико-семантического квалификатора (к уточнению семантики древнеирландского *gel*) / Т. А. Михайлова // Вестник Московского университета. Серия 9 : Филология. — 2003. — № 5. — С. 43—53.

14. Мишенькина Е. В. Цветовосприятие и цветопредпочтения как гендерная характеристика / Е. В. Мишенькина // Ярославский педагогический вестник. — 2004. — № 1—2. — С. 38—39.

15. Норманская Ю. В. Историко-типологический анализ цветообозначений в древних индоевропейских языках : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / Ю. В. Норманская. — Москва, 2002. — 252 с.

16. Охоцимский А. Д. Пей и живи! Римские золотые донца и раннехристианская иеротопия / А. Д. Охоцимский // Визуальная теология. — 2022. — Т. 4. — № 1. — С. 10—38. — DOI: 10.34680/vistheo-2022-4-1-10-38.

Статья поступила в редакцию 11.11.2024,
одобрена после рецензирования 24.02.2025,
подготовлена к публикации 07.04.2025.

Material resources

Albers, J. (2013). *Interaction of Color*. New Haven, London: Yale University Press. 191 p. ISBN 978-0-300-17935-4.

Bergeon Langle, S., Curie, P. (2009). *Peinture et dessin: vocabulaire typologique et technique*. Paris: Editions du patrimoine, centre des monuments nationaux. 584 p. ISBN 978-2757700655. (In Franc.).

Bracquemond, F. (1885). *Du dessin et de la couleur*. Paris: G. Charpentier. 281 p. (In Franc.).
Burchett, R. (2002). Color harmony. *Research and application of color*, 27 (1): 28—31. DOI: 10.1002/col.10004.

CD — *Cambridge Dictionary*. Available at: <https://dictionary.cambridge.org/> (accessed 21.09.2024).

- Chaperon, P.-R. (1788). *Traité de la peinture au pastel, du secret d'en composer les crayons, & des moeys de le fixer*. Paris: Defer de Maisonneuve. 381 p. (In Franc.).
- Chevalier, J., Gheerbrant, A. (1969). *Dictionnaire des symboles: mythes, rêves, coutumes, gestes, formes, figures, couleurs*. Paris: Jupiter. 1092 p. ISBN 978-2221087169. (In Franc.).
- Chevreul, M. E. (1861). *Exposé d'un moyen de définir et de nommer les couleurs: d'après une méthode précise et expérimentale avec l'application de ce moyen a la définition et a la dénomination des couleurs d'un grand nombre de corps naturels et de produits artificiels: atlas*. Paris: Typographie de Firmin Didot frères et fils. 29 p. (In Franc.).
- CNRTL — *Centre Nationale des Ressources Textuelles et Lexicales*. Available at: <http://www.cnrtl.fr/etymologie/> (accessed 22.08.2024). (In Franc.).
- Déribéré, M. (2014). *Couleur*. Paris: Presses Universitaires de France. 128 p. (In Franc.).
- Lynch, D. K. (2001). *Color and light in nature*. Cambridge: Cambridge University Press. 292 p. — ISBN 978-0521775045.
- Marmor, M. F. (2001). The dilemma of color deficiency and art. *Survey of ophthalmology*, 45 (5): 407—415. DOI: 10.1016/s0039-6257(00)00192-2.
- MED — *Macmillan English Dictionary*. Available at: <https://www.macmillandictionary.com> (accessed 21.08.2024).
- Simonnet, D. (2004). Demi-teintes: gris pluie, rose bonbon. *L'Express*. Available at: https://www.lexpress.fr/culture/livre/7-les-demi-couleurs-gris-pluie-rose-bonbon_819839.html (accessed 30.10.2024). (In Franc.).
- TLFi — *Le Trésor de la langue française informatisé*. Available at: <http://atilf.atilf.fr/> (accessed 17.09.2024). (In Franc.).

References

- Abdullina, L. R., Artamonova, E. V. (2019). Manipulative Potential of Colour Names in Creolized Texts of Decorative Cosmetics Advertising (by Material of French and Russian Languages). *Nauchnyi dialog*, 2: 9—21. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-2-9-21> (In Russ.).
- Abzhaparova, M. D. (2018). Ways of replenishment lexico-semantic groups of color in differently structured languages. *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, philology*, 17 (2): 115—122. DOI: 10.25205/1818-7919-2018-17-2-115-122. (In Russ.).
- Ageeva, A. V., Patrikeeva, A. O. (2023). Pragmatics of coloronyms in art spaces (based on the French and English languages). *Philology and Culture*, 2 (72): 7—12. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-72-2-7-12. (In Russ.).
- Gerasimenko, I. A. (2023). *Color meanings in the Russian linguistic space: a linguistic and cultural aspect*. Saint Petersburg: Asterion Center for Scientific and Information Technologies. 400 p. ISBN 978-5-00188-377-7. (In Russ.).
- Griber, Yu. A. (2021). Mineralogical Code in Russian Color Names. *Nauchnyi dialog*, 4: 42—65. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-4-42-65> (In Russ.).
- Kopteva, N. V. (2005). *The functioning of colorisms in a literary text as a result of the interaction of linguistic, cultural and creative factors (based on the work of Russian writers of the XIX — XX centuries)*. Author's abstract of PhD Diss. Rostov-on-Don. 247 p. (In Russ.).
- Kosykh, E. A. (2022). Structural and semantic features of modern color designations. In: *Scientific notes of the Russian Color Society*, 3. Smolensk: Smolensk State University. 24—30. ISBN 978-5-88018-642-6. (In Russ.).

- Lukashenko, E. S. (2011). *Functional-nominative potential of color meanings in the context of the cognitive paradigm (based on the material of the English language)*. PhD Diss. Nizhny Novgorod. 264 p. (In Russ.).
- Mikhailova, T. A. (2003). The concept of “color” as a lexico-semantic qualifier (to clarify the semantics of the Old Irish gel). *Bulletin of the Moscow University. Episode 9: Philology*, 5: 43—53. (In Russ.).
- Mishenkina, E. V. (2004). Color perception and color representations as a gender characteristic. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 1—2: 38—39. (In Russ.).
- Normanskaya, Yu. V. (2002). *Historical and typological analysis of color meanings in ancient Indo-European languages*. PhD Diss. Moscow. 252 p. (In Russ.).
- Okhotsimsky, A. D. (2022). Drink and live! Roman Golden Donets and Early Christian Hierotopia. *Visual Theology*, 4 (1): 10—38. DOI: 10.34680/vistheo-2022-4-1-10-38. (In Russ.).
- Vasilevich, A. P. (2016). *Color names in Indo-European languages: A systematic and historical analysis*. Moscow: URSS. 320 p. ISBN 978-5-9710-2980-9. (In Russ.).
- Vezhbitskaya, A. (1996). Color designations and universals of visual perception. In: *Language. Culture. Cognition*. Moscow: Russian Dictionaries. 231—290. ISBN 5-89216-002-5. (In Russ.).
- Volkova, M. G. (2013). The meaning of color names in the Kazakh language in comparison with Altaic, Tatar, English and Russian languages. *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*, 2 (131): 57—61. (In Russ.).
- Vorobyeva, E. Y. (2024). Color nomination as a cognitive-emotional activity (on the example of the color meanings of the French language). *Bulletin of the Moscow University. Series 19. Linguistics and intercultural communication*, 27 (1): 194—200. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-27-1-14. (In Russ.).

*The article was submitted 11.11.2024;
approved after reviewing 24.02.2025;
accepted for publication 07.04.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(3), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Данилов И. А. Малая и большая родина в языковом сознании жителей Северо-Востока России / И. А. Данилов, Ю. Г. Степанова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 3. — С. 25—42. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-25-42.

Danilov, I. A., Stepanova, Yu. G. (2025). Concepts of “Small Homeland” and “Big Homeland” in Linguistic Consciousness of Residents of Northeast Russia. *Nauchnyi dialog*, 14 (3): 25-42. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-25-42. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Малая и большая родина в языковом сознании жителей Северо-Востока России

Данилов Игорь Альбертович

orcid.org/0000-0002-1974-3088

младший научный сотрудник,

Центр социолингвистических
исследований,

корреспондирующий автор

igor_danilov_2000@mail.ru

Степанова Юлия Гаврильевна

orcid.org/0000-0002-7721-0298

младший научный сотрудник,

отдел этносоциологии

julia_stepan_99@mail.ru

Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов
Севера Сибирского отделения
Российской академии наук
(Якутск, Россия)

Благодарности:

Исследование проведено по проекту
«Патриотизм народов Северо-Востока
России: большая и малая родина в нарративах
жителей Якутии и Чукотки» в рамках
реализации Программы научных исследований
этнокультурного многообразия российского
общества и направленных на укрепление
российской идентичности, 2023—2025 гг.
(порушение Президента Российской Федерации
№ Пр-71 от 16.01.2020 г.)

Concepts of “Small Homeland” and “Big Homeland” in Linguistic Consciousness of Residents of Northeast Russia

Igor A. Danilov

orcid.org/0000-0002-1974-3088

junior research scientist,

Center for Sociolinguistic Research,

corresponding author

igor_danilov_2000@mail.ru

Yulia G. Stepanova

orcid.org/0000-0002-7721-0298

junior research scientist,

Department of Ethnosociology

julia_stepan_99@mail.ru

Institute for Humanities Research and Indigenous
Studies of the North of Siberian branch
of the Russian Academy of Sciences
(Yakutsk, Russia)

Acknowledgments:

The study was conducted under the project
“Patriotism of the Peoples of the Russian Northeast:
The Greater and Lesser Homeland in the Narratives
of Residents of Yakutia and Chukotka” as
part of the Program of Scientific Research on
the Ethnocultural Diversity of Russian Society and
Strengthening Russian Identity, 2023—2025
(Order of the President of the Russian Federation
№ Пр-71, dated January 16, 2020)

© Данилов И. А., Степанова Ю. Г., 2025

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье представлены результаты психолингвистического исследования концептов МАЛАЯ РОДИНА и БОЛЬШАЯ РОДИНА в языковом сознании жителей Северо-Востока России на примере Якутии и Чукотки. С помощью метода субъективной дефиниции, реализованного в рамках массового социологического опроса (N=1434), были выявлены ключевые смысловые доминанты и коннотации, связанные с данными понятиями. Анализ полученных ассоциаций позволил выделить основные категории, отражающие различные уровни территориальной идентичности респондентов — от глобального до локального. Особое внимание уделено региональной специфике языкового сознания, а также возрастным и гендерным различиям в интерпретации изучаемых концептов. Результаты исследования демонстрируют сложную многоуровневую структуру понятий «малая родина» и «большая родина», которые выступают как маркеры локальной, региональной и гражданской идентичности в сознании жителей Северо-Востока России. Полученные данные вносят вклад в развитие психолингвистического подхода к изучению территориальной идентичности и открывают перспективы для дальнейших междисциплинарных исследований в данной области.

Ключевые слова:

языковое сознание; языковая вербализация; территориальная идентичность; региональная идентичность; гражданская идентичность; Якутия; Чукотка.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article presents the findings of a psycholinguistic study on the concepts of “Small Homeland” and “Big Homeland” within the linguistic consciousness of residents in Northeast Russia, specifically focusing on the regions of Yakutia and Chukotka. Utilizing a free associative experiment conducted as part of a large-scale sociological survey (N=1434), key semantic dominants and connotations associated with these concepts were identified. The analysis of the resulting associations allowed for the categorization of various levels of territorial identity among respondents, ranging from global to local. Special attention is given to the regional specificity of linguistic consciousness, as well as age and gender differences in the interpretation of the studied concepts. The results of the study reveal a complex, multi-layered structure of the notions “small homeland” and “big homeland,” which serve as markers of local, regional, and civic identity in the minds of residents in Northeast Russia. The findings contribute to the development of a psycholinguistic approach to the study of territorial identity and open avenues for further interdisciplinary research in this field.

Key words:

linguistic consciousness; linguistic verbalization; territorial identity; regional identity; civic identity; Yakutia; Chukotka.

УДК 811.161.1'23

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-25-42

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Малая и большая родина в языковом сознании жителей Северо-Востока России

© Данилов И. А., Степанова Ю. Г., 2025

1. Введение = Introduction

В современной социогуманитарной научной парадигме проблема идентичности занимает одно из центральных мест, в частности, в лингвистике. Проведение исследования, направленного на анализ того, как МАЛАЯ РОДИНА и БОЛЬШАЯ РОДИНА концептуализируются в языковом сознании населения различных регионов, позволило бы глубже понять механизмы формирования территориальной и гражданской идентичности, что особенно важно на фоне глобализации и социокультурных трансформаций. Северо-Восток России, олицетворяющий уникальную территорию взаимодействия различных культур и языков, представляет особый интерес для изучения данных явлений, особенно в контексте геополитических процессов, воздействующих на региональное самосознание.

Проблема исследования заключается в разнообразии интерпретаций концептов МАЛАЯ РОДИНА и БОЛЬШАЯ РОДИНА, которые могут варьироваться в зависимости от множества факторов — от географического положения до этнокультурной принадлежности. В этом контексте релевантным является определение родины, представленное в трудах известных лингвистов. В словаре В. И. Даля, например, под *родиной* понимается «родимая земля»; в широком смысле слова — это земля, государство, где кто-то родился, а в узком смысле — это конкретный населённый пункт, город или деревня [Даль, 1886, с. 7]. В. Н. Телия со ссылкой на большой академический словарь русского языка уточняет, что под *родиной* следует понимать, во-первых, страну, где человек родился и гражданином которой он является (большая родина), во-вторых, место рождения человека (малая родина) [Телия, 1999, с. 466]. Эти определения помогают углубленно анализировать, как лингвистические интерпретации родины связаны с территориальной и гражданской идентичностью на личном и групповом уровне и как они трансформируются в ответ на социокультурные изменения. Исследование обсуждаемых концептов через призму языка позволяет не

только фиксировать существующие варианты понимания, но и отслеживать динамику социокультурных изменений в регионе.

Целью данного исследования является анализ вербализации представлений о «малой» и «большой» родине жителями Северо-Востока России на примере Якутии и Чукотки. Данное исследование направлено на глубокое понимание региональных особенностей языкового сознания, а также на расширение и углубление базы данных, что станет основой для дальнейшего анализа психолингвистических аспектов вербализации понятия «Родина» в контексте территориальной и гражданской идентичности.

Вопрос изучения концептов РОДИНА, МАЛАЯ РОДИНА и БОЛЬШАЯ РОДИНА в языковом сознании носителей различных культур привлекает внимание многих исследователей. В российской науке данная тема разрабатывается в рамках лингвокультурологического и психолингвистического подходов.

Лингвокультурологический аспект репрезентации концепта РОДИНА в русском языковом сознании освещается в работах В. В. Колесова [Колесов, 2019], А. К. Перевозниковой [Перевозникова, 2019] и др. Авторы отмечают тесную связь данного концепта с ключевыми понятиями русской культуры, такими как «народ», «природа», «отечество».

Психолингвистический анализ концепта РОДИНА представлен в исследованиях Н. С. Сергиевой [Сергиева, 2012], Ф. Г. Самигулиной и С. А. Леоновой [Самигулина и др., 2018], М. Чжан [Чжан, 2024] и др. С помощью ассоциативных экспериментов выявляются ядерные и периферийные компоненты данного концепта в языковом сознании носителей русского языка.

А. А. Степанова [Степанова, 2016] исследует региональное языковое самосознание на примере вербализации концептов РОДНОЙ и РОДИНА. Сопоставляя данные русского ассоциативного словаря и результаты экспериментов в Республиках Коми и Татарстан, автор приходит к выводу, что значительных региональных различий в понимании данных концептов не наблюдается. Это объясняется универсальностью русского языка как средства межнационального общения и доминированием образа «большой родины» над «малой родиной» в языковом сознании жителей разных регионов России.

Сопоставительные исследования образов «Родины» и «Дома» в русском и арабском [Кечина, 2010] языковом сознании позволяют выявить как универсальные, так и национально-специфические черты в понимании данных концептов представителями разных культур.

Особый интерес представляют работы, выполненные на материале языков и культур коренных народов России. Так, С. И. Драчева и Т. Н. Юр-

ченко исследуют представления о родине в контексте национальной концептосферы алтайцев [Драчева и др., 2015]. Л. М. Дзуганова с соавторами анализируют специфику языковой репрезентации феномена «Родина» в адыгской лингвокультуре [Дзуганова и др., 2018]. В. А. Каменева, Н. В. Рябкина, А. П. Картавцева и др. моделируют концепт РОДИНА в языковом сознании бачатских телеутов [Каменева и др., 2023].

Среди исследований, выполненных на материале лингвокультуры Якутии, то здесь можно отметить работы С. В. Филипповой [Филиппова, 2013]; С. В. Савицкой [Савицкая, 2017]; Т. М. Никаевой, Я. И. Григорьевой, Е. В. Соловьевой [Григорьева и др., 2016; Никаева и др., 2016; Никаева, 2022], в которых изучаются особенности репрезентации концептов РОДИНА, ПАТРИОТИЗМ, образ Республики Саха (Якутия) в языковом сознании якутов и русских, проживающих в регионе. Авторы отмечают как общие, так и этноспецифические черты в понимании данных концептов, обусловленные влиянием этнической культуры и истории.

Однако следует отметить, что подобных исследований на материале Чукотского автономного округа до сих пор не проводилось. Кроме того, сопоставительный анализ концептов МАЛАЯ РОДИНА и БОЛЬШАЯ РОДИНА в языковом сознании жителей разных регионов Северо-Востока России (Якутии и Чукотки) ранее не осуществлялся. Таким образом, настоящее исследование призвано восполнить существующие пробелы и расширить научные представления о региональной специфике языкового сознания россиян.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В рамках данного исследования осуществлен массовый социологический опрос среди жителей Северо-Востока России (N = 1434): Республика Саха (Якутия) (N = 1064) и Чукотский автономный округ (N = 370). Для обеспечения репрезентативности выборка была стратифицирована по нескольким ключевым параметрам: возрасту, полу и этнической принадлежности респондентов. Эта стратегия позволила учесть разнообразие социодемографических групп, присутствующих в данных регионах. Инструменты исследования включали стандартизированный опросник с открытыми и закрытыми вопросами. Особое внимание в анкете было уделено вопросу: «Если говорить о малой родине и о большой родине, то что бы Вы назвали для себя малой родиной, а что — большой родиной?», — при этом респондентам предлагалось продолжить предложения: «Малая родина — это...» и «Большая родина — это...».

Такой формат вопроса представляет собой метод субъективной дефиниции, позволяющий вербализовать личные и коллективные представления

о родине. Нужно отметить, что анкетирование, в целом, было изначально направлено на изучение патриотических чувств, что, несомненно, могло повлиять на характер реакций респондентов на данный вопрос. Но, как нам кажется, этот фактор имеет особое значение, поскольку предшествующие вопросы могли активизировать определенные эмоциональные и интеллектуальные состояния, предрасполагая участников к выражению более глубоких и «заряженных чувственных» ответов. Это обстоятельство можно рассматривать как преимущество исследования: активизация патриотических ощущений позволила получить данные, насыщенные личным смыслом и эмоциями, что делает материал особенно ценным для анализа.

Таким образом, несмотря на то, что структура анкеты и характер вопросов могли не полностью соответствовать строгим канонам психолингвистических исследований, данный подход оказался эффективным для вербализации и глубокого анализа территориальной и гражданской идентичности респондентов. Это сочетание социологического сбора данных и лингвистического анализа придает нашему исследованию уникальность в предпринятой попытке взглянуть на то, как жители Северо-Востока России определяют понятие «Родина» в его малых и больших измерениях.

Важно указать, что опрос проводился исключительно на русском языке, что сыграло существенную роль в формировании ассоциаций участников, которые также размышляли и реагировали в рамках этого языкового контекста. С одной стороны, выбор русского языка как основного языка в анкетировании населения многоязычных и поликультурных регионов, таких как Якутия и Чукотка, мог в некоторой степени ограничить возможности респондентов для полного и точного выражения их этнокультурных особенностей, которые могли бы быть более ярко и точно представлены на их родных (этнических) языках. С другой — использование русского языка способствовало тому, что участники могли выразить свои мысли и чувства в рамках более широкого контекста общенациональной идентичности. Это особенно ценно для анализа концептов МАЛАЯ РОДИНА и БОЛЬШАЯ РОДИНА, поскольку подчеркивает единство национального самосознания.

Необходимо отметить, что наше исследование, фокусируясь на открытых вербальных ответах, отличается от подхода, используемого в психолингвистических работах, проводимых в том числе в Республике Саха (Якутия). Так, в последние годы были изданы региональные ассоциативные словари: «Эвенкийский ассоциативный словарь» [Захарова, 2022], «Якутский ассоциативный словарь» [Заморщикова, 2022], «Ассоциативный словарь якутов-билингвов Республики Саха (Якутия)» [Уфимцева и др., 2023]. Данные словари, несомненно, вносят значительный вклад в изучение языкового сознания, выявляя устойчивые связи между поня-

тиями в ментальном лексиконе. В нашем же случае респонденты имели полную свободу в формулировке ответов, что позволило нам выйти за рамки заданных ассоциативных полей и зафиксировать спонтанные, не обусловленные прямыми языковыми ассоциациями, репрезентации концептов МАЛАЯ РОДИНА и БОЛЬШАЯ РОДИНА.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Категоризация реакций на стимулы «малая родина» и «большая родина»

Как указано выше, в рамках данной статьи были проанализированы лексические данные, отражающие множественные реакции респондентов на стимулы «малая родина» и «большая родина». Все полученные реакции были сгруппированы в соответствии с их характером и содержанием. Каждая категория отражает определенный аспект понимания родины. Так, всего было выделено 20 категорий, отражающих различные уровни территориальной идентичности — от глобального до локального, а также значимость личного опыта, культурного наследия и исторической памяти в формировании представлений о родине.

1. Земля. Данная категория отражает глобальную идентичность, где ответы типа *‘Земля’*, *‘наша планета Земля’*, *‘планета Земля’* указывают на универсалистский взгляд на родину, расширяя её границы до масштабов всей планеты. Принадлежность к Земле как планете отображает широкий мировоззренческий формат идентичности, охватывающий все человечество без дифференциации по политическим или географическим границам.

2. Место, где живешь (абстрактно). Ответы типа *‘где я живу’* и *‘мое место жительства’* и др. иллюстрируют ситуативное определение родины, акцентируя внимание на текущем месте жительства, что может свидетельствовать о мобильности современного общества или о том, что для респондентов важны не столько исторические корни, сколько место, удовлетворяющее их текущие потребности.

3. Место, где жили / живут предки (абстрактно). Привязка к исторической родине предков через реакции как *‘где родились и жили предки’*; *‘место, по которым кочевали предки’*; *‘там, где родились родители’* и др. подчеркивает ценность культурного наследия и исторической памяти в формировании идентичности.

4. Место, где родился и вырос (абстрактно). Например, реакции *‘где я родился и вырос’*, *‘где прошло мое детство’*, *‘место, в котором родился’*, *‘место моего рождения’* и др. делают акцент на важности первоначальных жизненных этапов и связей, формировавших раннюю социальную среду и базовую идентичность.

5. Место, где родился и живешь (абстрактно): отражает глубокую связь с местом рождения, которая осталась актуальной на протяжении всей жизни, что ярко демонстрируется ответами типа *‘где я родился и живу’*.

6. Дом (реакции: *‘дом’*, *‘мой дом’*, *‘свой дом’*, *‘родной дом’*, *‘отчий дом’*). Дом как символ родины иллюстрирует значимость личного и частного пространства в формировании идентичности. Возможно, это связано с традиционным укладом жизни, где дом является центром семейного и социального бытия.

7. Народ (реакции: *‘народ’*, *‘мой народ’*, *‘наш народ’*). Указание на народ подчеркивает этническую и культурную составляющую родины.

8. Семья (реакции: *‘семья’*, *‘моя семья’*). Семья как ядро родины акцентирует роль близких человеческих отношений и семейных уз, важных для эмоциональной и социальной поддержки.

9. Россия (реакции: *‘вся Россия’*, *‘Россия’*, *‘РФ’*, *‘Российская Федерация’*, *‘наша Россия’*, *‘наша страна Россия’*, *‘моя Россия’*). Упоминание России выражает национальную принадлежность и демонстрирует государственную идентичность.

10. СССР (реакции: *‘СССР’*, *‘Советский союз’*). Отсылка к СССР несет в себе ностальгические и исторические переключки, выражая привязанность к историческому прошлому.

11. Страна (абстрактно). Например: *‘страна’*, *‘моя страна’*, *‘вся страна’*, *‘страна, в которой живу’*, *‘мое государство’*, *‘наше государство’* и др. Обобщенное понятие страны говорит о широкой идентификации на уровне государства.

12. Макрорегион. Такие реакции, как *‘Сибирь’*, *‘Дальний Восток’*, *‘Север’*, обозначают пространственные и культурные рамки, которые формируют макрорегиональный уровень идентичности.

13-14. Якутия (реакции: *‘Якутия’*, *‘РС(Я)’*, *‘республика Саха; ЯАССР’*) и **Чукотка** (реакции: *‘Чукотка’*, *‘ЧАО’*). Упоминания конкретных регионов подчеркивают уникальные культурные и географические особенности, акцентируя региональную принадлежность.

15. Регион (абстрактно) — например, реакции: *‘мой регион’*, *‘наша республика’*, *‘республика’*, *‘регион проживания’*, *‘регион, в котором живу’* и др. Отсылки к региону именуют более конкретные административные или географические единицы в рамках большого государства.

16. Район (абстрактно) (*‘район’*, *‘улус’*, *‘родной улус’*, *‘район, в котором родился’*, *‘мой улус’*, *‘наш район’* и др.). Обозначение района демонстрирует еще большую узость территориальной идентичности.

17. Район (конкретное упоминание) (*‘Таатта’*, *‘Амгинский улус’*, *‘Алданский район’* и др.). Конкретные наименования районов подчеркивают точные географические привязки идентичности.

18. Населенный пункт (абстрактно). Реакции типа *‘родная деревня’, ‘город, в котором живу’, ‘мое село’* и др. указывают на общее отношение к месту жительства без уточнения конкретного наименования. Абстрактность в данной категории подчеркивает влияние общих характеристик местности на формирование чувства родины, которое базируется не на юридических или административных границах, а на личностном восприятии и переживаниях.

19. Населенный пункт (конкретное упоминание). Упоминания конкретных мест, таких как *‘Якутск’, ‘Анадырь’, ‘Батагай’, ‘Ваеги’*, характеризуют более точное и специфичное отношение к родине. Такие конкретные названия позволяют глубже понять, как географическая привязанность влияет на идентичность респондента.

20. Нет реакции. Отсутствие реакции может говорить о нескольких аспектах. Например, это может отражать трудности идентификации с каким-либо одним местом из-за частых переездов, миграции или смешанного этнического происхождения. Также это может указывать на общую апатию или равнодушие к концепции родины, что может быть связано с глобализацией и уменьшением привязанности к определенной местности.

Итак, каждая из этих групп представляет собой различные уровни территориальной идентификации, от самого широкого — глобального — до самого узкого — личного пространства. Такое разнообразие восприятий отражает глубину и сложность концепта РОДИНА как многоаспектного и многогранно интерпретируемого понятия. Разнообразие и глубина ответов подчеркивают значимость локальных и глобальных контекстов в определении того, что для человека является родиной. Проведенная категоризация реакций на стимулы «малая родина» и «большая родина» раскрывает многослойность и динамичность языкового сознания жителей Северо-Востока России. Выделенные 20 категорий — это не просто перечень ответов, а система лингвокультурных координат, отражающая многообразие смыслов, вкладываемых в понятие «Родина».

Использованные респондентами языковые средства также несут важную информацию: а) личные местоимения (*мой дом, моя страна*) указывают на личностную значимость и эмоциональную привязанность; б) абстрактные существительные (*страна, регион*) отражают способность к обобщению и оперированию абстрактными категориям; в) конкретные топонимы (*Якутск, Анадырь* и др.) указывают на локальную идентичность и привязанность к конкретному месту.

Проведенный анализ реакций демонстрирует, что понятие «Родина» не является статичным и однозначным. Это динамичный конструкт, а язык выступает инструментом структурирования этого сложного концепта, отражая многообразие его граней.

3.2. Малая родина: между локальной привязанностью и глобальными трансформациями

Исследование восприятия «малой родины» жителями Якутии и Чукотки выявило не только социокультурные, но и глубинные психолингвистические механизмы формирования этого многогранного концепта. Анализ языкового сознания респондентов позволил установить, как абстрактные категории переплетаются с личным опытом, а языковые маркеры отражают региональную специфику и гендерные особенности.

Наиболее распространенным ответом на вопрос «Малая родина — это...» среди жителей Северо-Востока России стало «место, где родился и вырос (абстрактно)» (20,1 %). Данный результат указывает на важность раннего опыта и детских воспоминаний в формировании привязанности к определенной территории. Представления о месте, где человек провел детство и юность, становятся основой для формирования базовых ценностей, социальных связей и культурных кодов, которые впоследствии определяют его территориальную идентичность.

Однако обращает на себя внимание и высокий процент респондентов, затруднившихся с ответом (31,9 %). Этот факт, как нам кажется, связан с активной миграцией населения, характерной для многих регионов России, в том числе и для Дальнего Востока [Бормотова и др., 2020], которая приводит к размыванию территориальной идентичности. Люди, сменившие место жительства, могут испытывать трудности с определением своей «Малой родины», разрываясь между местом рождения, местом взросления и текущим местом проживания. Кроме того, глобализация, развитие информационных технологий, стирание культурных границ — все это влияет на формирование территориальной идентичности современных людей, делая ее более гибкой и многомерной. В этих условиях привязка к конкретной территории может ослабевать, уступая место другим идентификационным маркерам, например, профессиональным, субкультурным или глобальным.

Сравнительный анализ ассоциаций жителей Якутии и Чукотки позволяет выявить как общие тенденции, характерные для всего Северо-Востока России, так и региональную специфику. И в Якутии (18,3 %), и на Чукотке (25,1 %) доминирует категория «место, где родился и вырос (абстрактно)». Высокий процент отсутствия ответа также наблюдается в обоих регионах (32,5 % и 30,3 % соответственно).

В то же время жители Чукотки демонстрируют более выраженную региональную идентичность, чем жители Якутии. Так, 18,6 % жителей Чукотки идентифицируют свою малую родину с регионом проживания, в то время как в Якутии этот показатель составляет 8,9 %. Данная тенденция подтверждается и результатами социологического исследования [Смирно-

ва, 2023, с. 106], согласно которым уровень региональной идентичности на Чукотке (73,5 %) значительно превышает аналогичный показатель в Якутии (60 %). Вместе с тем жители Якутии (14,4 %) чаще связывают малую родину с абстрактным населенным пунктом, чем жители Чукотки (7,3 %), что, как нам кажется, связано с многообразием ландшафтов и типов поселений в Якутии (см.: [Федорова и др., 2011]), затрудняющим выбор одного конкретного населенного пункта в качестве символа «Малой родины».

Гендерные различия в восприятии «Малой родины» отражают особенности мужского и женского языкового сознания. Интересно отметить, что и среди мужчин, и среди женщин Якутии наиболее популярным ответом остается «место, где родился и вырос (абстрактно)», однако количественные показатели различаются: 17 % среди мужчин и 19,5 % среди женщин. Это может свидетельствовать о том, что для женщин более характерна эмоциональная привязанность к месту рождения, что проявляется в использовании более чувственной лексики при описании «малой родины».

На Чукотке гендерные различия проявляются более ярко. Почти каждый пятый мужчина (18,7 %) идентифицирует свою «малую родину» с регионом проживания («Чукотка»). Данный факт, как нам кажется, связан с большей мобильностью мужчин в рамках региона: работа в удаленных поселках, связанная с традиционными промыслами или добывающей промышленностью, может приводить к тому, что именно Чукотка в целом воспринимается как «малая родина». Женщины же (29,3 %) демонстрируют большую привязанность к месту своего происхождения: «место, где родился и вырос (абстрактно)».

В то же время и в Якутии, и на Чукотке за рамками доминирующих ответов прослеживаются любопытные тенденции. Примечательно, что категории «Дом» и «Семья», традиционно ассоциирующиеся с теплом, уютом и чувством защищенности, выбирались респондентами реже географических маркеров. Так, в Якутии понятие «малой родины» с «домом» связали 4,7 % мужчин и 3,6 % женщин. На Чукотке эти показатели составили 2,2 % и 2,1 % соответственно. Обращает на себя внимание тот факт, что мужчины (как в Якутии, так и на Чукотке) несколько чаще женщин ассоциируют «малую родину» с «домом». Данная тенденция, возможно, объясняется спецификой образа жизни на Крайнем Севере. Вахтовый метод работы и длительные командировки, характерные для многих мужчин в этих регионах, наделяют «дом» особой ценностью. Он приобретает символическое значение островка стабильности и покоя на фоне частых выездов и мобильной жизни.

Возраст респондентов вносит дополнительные коррективы в общую картину. В Якутии молодые люди в возрасте 18—34 лет реже, чем представители старшего поколения, выбирали вариант «место, где родился и вырос

(абстрактно)» — 16 % против 21,3 % у людей старше 55 лет. Можно предположить, что на выбор «Малой родины» молодежи влияет их более высокая мобильность: учеба в других городах, поиск работы — все это приводит к смещению акцентов в сторону более широких географических рамок.

На Чукотке наблюдается обратная тенденция: среди респондентов старше 55 лет категория «Чукотка» встречается значительно чаще (26,8 %), чем среди молодежи 18—34 лет (20,6 %). Вероятно, это связано с тем, что для старшего поколения, жизненный путь которого часто был тесно связан с родным регионом, именно он стал олицетворением «малой родины», впитав в себя ключевые жизненные вехи и воспоминания.

Таким образом, «малая родина» — это не просто географическое понятие, а сложное психолингвистическое образование, формирующееся на пересечении универсальных архетипов, региональных особенностей и личного опыта. Анализ языкового сознания позволяет глубже понять механизмы формирования локальной идентичности в условиях динамично меняющегося мира.

3.3. Языковая репрезентация ментального пространства «большая родина»: от абстрактных категорий к личностному смыслу

Понятие «большая родина» для жителей Северо-Востока России — это многомерный концепт, отражающий сложное взаимодействие абстрактных категорий, территориальной принадлежности и личностных смыслов. Анализ языковых данных исследования позволяет проследить, как на уровне языка конструируются различные грани этого концепта.

Так, анализ ответов демонстрирует, что на первый план выходят категории: «страна (абстрактно)» (28,9 %) и «Россия» (25,9 %). Это говорит о доминировании обобщенных представлений о государстве, родине в широком смысле, а также свидетельствует о сильной гражданской идентичности. Стоит отметить, что «страна» выступает как гипероним, объединяющий общие признаки государства, в то время как «Россия» — средство конкретизации, гипоним, наполненный историческим и эмоциональным содержанием.

Интересно, что понятие «большой родины» не ограничивается для жителей региона только общегосударственным уровнем. Значительная доля респондентов ассоциирует «большую родину» с местом проживания, но не в конкретном, а в абстрактном значении: «место, где живешь» (3,4 %), «место, где жили / живут предки» (0,3 %), «место, где родился и вырос» (0,8 %).

При этом прослеживается четкая региональная привязанность: 2,2 % респондентов идентифицируют «большую родину» с Якутией или Чукоткой. При этом жители Якутии (2,7 %) демонстрируют более выраженную тенденцию к такой идентификации, чем жители Чукотки (0,5 %). Этот, на

первый взгляд, парадоксальный результат — на фоне того, что Чукотка демонстрирует более высокие показатели привязанности к региону в контексте «Малой родины», — можно объяснить следующим образом. В Якутии много ответов, где «малая родина» ассоциируется с конкретным районом или населенным пунктом. Это может свидетельствовать о том, что для якутян региональная идентичность более многоуровневая: «малая родина» локализована на уровне малой территории, а «большая родина» — на уровне республики.

Стоит отметить, что часть респондентов затруднилась дать ответ на вопрос о «большой родине», что может быть связано как со сложностью самой формулировки, так и с тенденцией к размыванию однозначных представлений о «большой родине» в условиях глобализации и усиления миграционных процессов.

Гендерные различия в выборе между «страной» и «Россией» указывают на особенности мужского и женского языкового сознания. Так, в Якутии женщины склонны ассоциировать «большую родину» с этими понятиями практически в равной степени (по 30,7 %), в то время как у мужчин более абстрактное восприятие «страна» (26,9 %) превалирует над «Россией» (23,1 %).

На Чукотке наблюдается обратная картина. Женщины, как и в Якутии, демонстрируют практически равное предпочтение «России» и «стране» (33 % и 33,5 % соответственно). У мужчин же фокус смещается в сторону конкретной страны: «Россия» (32,4 %) значительно опережает абстрактную «страну» (24,7 %).

Понятие «большой родины» для жителей Якутии и Чукотки, как показывают данные исследования, неоднозначно и подвержено влиянию не только гендерных, но и возрастных факторов.

Несмотря на то, что абстрактные категории «страна» и «Россия» лидируют во всех возрастных группах как в Якутии, так и на Чукотке, наблюдаются интересные тенденции. Молодежь (18—34 года) в Якутии чаще склонна ассоциировать «большую родину» с абстрактной «страной» (34,1 %), нежели с конкретной «Россией» (17 %). С возрастом фокус смещается в сторону России: у людей старше 55 лет «Россия» (30,2 %) значительно опережает «страну» (22,3 %), что свидетельствует о том, что с возрастом усиливается значение общероссийской идентичности.

На Чукотке наблюдается схожая тенденция: с возрастом растет число респондентов, идентифицирующих «большую родину» с «Россией» (от 31,8 % у молодежи до 45,4 % у людей старше 55 лет), в то время как доля выбравших абстрактную «страну» снижается (с 30 % до 20,6 % соответственно).

Интересно, что категория «место, где живешь» в Якутии популярнее среди людей среднего возраста (4,9 %), чем среди молодежи (3,9 %) и старшего поколения (2,7 %). Возможно, это связано с тем, что в этом возрасте люди часто уже укоренены на определенной территории, создали семьи, построили карьеру, что усиливает их привязанность к месту жительства.

Анализ языковых данных позволяет сделать вывод о том, что «большая родина» — это не статичный концепт, а динамичная ментальная модель, формирующаяся под влиянием когнитивных, социальных и культурных факторов.

4. Заключение = Conclusions

Итак, психолингвистическое исследование концептов МАЛАЯ РОДИНА и БОЛЬШАЯ РОДИНА в языковом сознании жителей Северо-Востока России на примере Якутии и Чукотки позволило сделать следующие выводы:

1. Ассоциативные поля изучаемых концептов имеют сложную многоуровневую структуру, отражающую различные аспекты территориальной идентичности респондентов. Ядро ассоциативных полей составляют смысловые доминанты, связанные с локальной привязанностью («место, где родился и вырос», «родной дом»), региональной («Якутия», «Чукотка») и общероссийской («Россия», «страна») идентичностью. Периферия ассоциативных полей включает менее частотные, но семантически значимые реакции, отражающие индивидуальное своеобразие восприятия «малой родины» и «большой родины».

2. Выявлены региональные особенности вербализации изучаемых концептов. Для жителей Якутии характерна более выраженная дифференциация «малой родины» и «большой родины», при этом «малая родина» чаще ассоциируется с конкретными населенными пунктами, а «большая родина» — с республикой и страной в целом. Жители Чукотки демонстрируют более целостное восприятие родины, в котором региональная идентичность тесно связана с локальной и общероссийской.

3. Обнаружены возрастные и гендерные различия в структуре ассоциативных полей. Для молодого поколения характерны более абстрактные и глобальные представления о родине, в то время как старшее поколение демонстрирует более конкретные и эмоционально насыщенные ассоциации, связанные с малой родиной. Женщины чаще апеллируют к семейным и личностным смыслам родины, а мужчины — к территориальным и государственным.

4. Результаты исследования свидетельствуют о том, что концепты МАЛАЯ РОДИНА и БОЛЬШАЯ РОДИНА являются важными элементами ментального лексикона жителей Северо-Востока России и выступают как

средство вербализации их территориальной идентичности. Анализ ассоциативных полей позволяет реконструировать психолингвистические механизмы формирования и функционирования данных концептов в их языковом сознании.

Исследование выполнено по проекту «Патриотизм народов Северо-Востока России: большая и малая родина в нарративах жителей Якутии и Чукотки» в рамках реализации Программы научных исследований этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление российской идентичности, 2023—2025 гг. (поручение Президента Российской Федерации № Пр-71 от 16.01.2020 г.) под руководством академика РАН В. А. Тишкова. Оно вносит вклад в развитие психолингвистического подхода к изучению территориальной идентичности и открывает перспективы для дальнейших междисциплинарных исследований в данной области. Полученные результаты могут быть использованы для разработки более эффективных стратегий регионального развития и укрепления общероссийской идентичности с учетом специфики языкового сознания жителей различных регионов России.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. — Санкт-Петербург : Типография М. О. Вольфа, 1886. — Т. 4. — 712 с.
2. *Заморщикова Л. С.* Ассоциативный словарь якутского языка / Л. С. Заморщикова. — Якутск : Издательский дом СВФУ, 2022. — 376 с. — ISBN 978-5-7513-3449-9.
3. *Захарова Н. Е.* Эвенкийский ассоциативный словарь : эвенки Южной Якутии / Н. Е. Захарова. — Новосибирск : Наука, 2022. — 248 с. — ISBN 978-5-02-041459-4.
4. *Уфимцева Н. В.* Ассоциативный словарь якутов-билингвов Республики Саха (Якутия) / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова, И. С. Хохолова. — Якутск : Издательский дом СВФУ, 2023. — 372 с. — ISBN 978-5-7513-3526-7.

Литература

1. *Бормотова Т. М.* Общие и особенные тенденции миграции населения в Сибири и на Дальнем Востоке в 2010—2020 гг. / Т. М. Бормотова, Е. И. Рябова, О. В. Щупленков. — Москва : Международный издательский центр «Этносоциум», 2020. — 189 с. — ISBN 978-5-907021-79-2.
2. *Григорьева Я. И.* Общечеловеческие ценности «Родина» и «патриотизм» в языковом сознании русских и якутов / Я. И. Григорьева, Т. М. Никаева // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. — 2016. — № 4 (54). — С. 67—77.

3. *Дзуганова Л. М.* Языковая репрезентация феномена «Родина» в адыгской лингвокультуре / Л. М. Дзуганова, З. О. Доткулова, Ф. М. Ордокова, А. Г. Хамурзова // Казанская наука. — 2018. — № 10. — С. 88—91.
4. *Драчева С. И.* Концепт «родина» в национальном языковом сознании алтайцев / С. И. Драчева, Т. Н. Юрченко // Образование и наука в современных условиях. — Чебоксары: Интерактив плюс, 2015. — № 3. — С. 248—249.
5. *Каменева В. А.* Концепт «родина» в языковом сознании бачатских телеутов (на материале ассоциативных полей «родина», «род» и «Кемеровская область») / В. А. Каменева, Н. В. Рабкина, А. П. Картавцева // Политическая лингвистика. — 2023. — № 3 (99). — С. 145—154.
6. *Каменева В. А.* Образ родины в языковом сознании шорцев Кузбасса школьного возраста (на примере ассоциативных полей «Родина» и «Горная Шория») / В. А. Каменева, А. П. Картавцева, С. В. Коломиец, И. С. Морозова // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2023. — № 83. — С. 51—66. — DOI: 10.17223/19986645/83/3.
7. *Кечина Э. А.* Исследование национально-культурной специфики языкового сознания носителей русской и арабской культур на основе сравнительного анализа образа «Родины» / Э. А. Кечина // Мир науки, культуры, образования. — 2010. — № 6—2 (25). — С. 6—9.
8. *Колесов В. В.* Концепты «Природа», «Родина», «Народ» в русском языковом сознании / В. В. Колесов // Политическая лингвистика. — 2019. — № 2 (74). — С. 12—23. — DOI: 10.26170/pl19-02-01.
9. *Никаева Т. М.* Республика Саха (Якутия) в языковом сознании современной молодежи / Т. М. Никаева, Е. В. Соловьева // Вестник научных конференций. — 2016. — № 9—6 (13). — С. 47—60.
10. *Никаева Т. М.* Фрагмент политического сознания современной молодежи Республики Саха (Якутия), отраженный в языке / Т. М. Никаева // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. — 2022. — № 2 (88). — С. 95—108. — DOI: 10.25587/SVFU.2022.90.41.010.
11. *Перевозникова А. К.* Концепт «Родина» как составляющая национального образа России в русской картине мира / А. К. Перевозникова // Концепт : философия, религия, культура. — 2019. — № 1 (9). — С. 54—61. — DOI: 10.24833/2541-8831-2019-1-9-54-61.
12. *Савицкая С. В.* Сопоставительное исследование языкового сознания русских и якутов (на примере образа родины) / С. В. Савицкая // Вопросы психолингвистики. — 2017. — № 31. — С. 203—216.
13. *Самигулина Ф. Г.* Динамика содержания концепта Родина в языковом сознании носителей русского языка / Ф. Г. Самигулина, С. А. Леонова. — Ростов-на-Дону : АкадемЛит ТМ, 2018. — 100 с. — ISBN 978-89-04-06759-6.
14. *Сергиева Н. С.* Пространственная модель «своего» в русском языковом сознании : дом — Родина / Н. С. Сергиева // Вестник Череповецкого государственного университета. — 2012. — № 2—2 (39). — С. 134—137.
15. *Смирнова Т. Б.* Этническая идентичность в регионах Урала, Сибири и Дальнего Востока (по результатам социологического исследования) / Т. Б. Смирнова // Вестник Омского университета. Серия : Исторические науки. — 2023. — Т. 10. — № 4 (40). — С. 104—110. — DOI: 10.24147/2312-1300.2023.10(4).105-110.
16. *Степанова А. А.* Репрезентация образов «родной» и «родина» в региональном языковом сознании / А. А. Степанова // Вопросы психолингвистики. — 2016. — № 28. — С. 258—263.

17. Телия В. Н. Рефлексы архетипов сознания в культурном концепте «родина» / В. Н. Телия // Славянские этюды : сборник к юбилею С. М. Толстой. — Москва : Индрик, 1999. — С. 466—476.

18. Федорова Е. Н. Административно-территориальное устройство Якутии : прошлое и настоящее / Е. Н. Федорова. — Новосибирск : Наука, 2011. — 156 с. — ISBN 978-5-02-019025-2.

19. Филиппова С. В. Образы «Дом» и «Родина» в языковом сознании носителей русской и якутской культур / С. В. Филиппова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2013. — № 5. — С. 274—279.

20. Чжан Минь. Концепты «Родина» и «Государство» в русском языке / Чжан Минь // Litera. — 2024. — № 1. — С. 312—321. — DOI: 10.25136/2409-8698.2024.1.69218.

Статья поступила в редакцию 17.10.2024,
одобрена после рецензирования 10.12.2024,
подготовлена к публикации 21.04.2025.

Material resources

Dahl, V. I. (1886). *Explanatory dictionary of the living Great Russian language*, 4. St. Petersburg: M. O. Wolf Printing House. 712 p. (In Russ.).

Ufimtseva, N. V., Cherkasova, G. A., Khokhlova, I. S. (2023). *Associative dictionary of Yakut bilinguals of the Republic of Sakha*. Yakutsk: NEFU Publishing House. 372 p. ISBN 978-5-7513-3526-7. (In Yakut.).

Zakharova, N. E. (2022). *Evenki associative dictionary: Evenki of South Yakutia*. Novosibirsk: Nauka Publ., 2022, 248 p. ISBN 978-5-02-041459-4. (In Russ.).

Zamorshchikova, L. S. (2022). *Associative dictionary of the Yakut language*. Yakutsk: NEFU Publishing House. 376 p. ISBN 978-5-7513-3449-9. (In Russ.).

References

Bormotova, T. M., Ryabova, E. I., Shchuplenkov, O. V. (2020). *General and special trends of population migration in Siberia and the Far East in 2010—2020*. Moscow: International Publishing Center “Ethnosocium”. 189 p. ISBN 978-5-907021-79-2. (In Russ.).

Dracheva, S. I., Yurchenko, T. N. (2015). The concept of “homeland” in the national linguistic consciousness of the Altaians. In: *Education and science in modern conditions*. Cheboksary: Interactive plus. 3: 248—249. (In Russ.).

Dzuganova, L. M. (2018). Linguistic representation of the phenomenon of “Homeland” in the Adyghe linguoculture. *Kazanskaya nauka*, 10: 88—91. (In Russ.).

Fedorova, E. N. (2011). *Administrative-territorial structure of Yakutia: past and present*. Novosibirsk: Nauka Publ. 156 p. ISBN 978-5-02-019025-2. (In Russ.).

Filippova, S. V. (2013). Images of “Home” and “Homeland” in the linguistic consciousness of native speakers of Russian and Yakut cultures. *Current problems of the humanities and natural sciences*, 5: 274—279. (In Russ.).

Grigorieva, Ya. I., Nikaeva, T. M. (2016). Universal human values “Homeland” and “patriotism” in the linguistic consciousness of Russians and Yakuts. *Bulletin of the North-eastern Federal University named after M. K. Ammosov*, 4 (54): 67—77. (In Russ.).

Kameneva, V. A. (2023). The image of the motherland in the linguistic consciousness of Kuzbass Shorians of school age (on the example of the associative fields “Homeland”

- and “Mountain Shoria”). *Bulletin of Tomsk State University. Philology*, 83: 51—66. DOI: 10.17223/19986645/83/3. (In Russ.).
- Kameneva, V. A., Rabkina, N. V., Kartavtseva, A. P. (2023). The concept of “homeland” in the linguistic consciousness of the Bachata Teleutes (based on the associative fields “homeland”, “genus” and “Kemerovo region”). *Political Linguistics*, 3 (99): 145—154. (In Russ.).
- Kechina, E. A. (2010). A study of the national and cultural specifics of the linguistic consciousness of native speakers of Russian and Arabic cultures based on a comparative analysis of the image of the “Motherland”. *The world of science, culture, and education*, 6—2 (25): 6—9. (In Russ.).
- Kolesov, V. V. (2019). Concepts of “Nature”, “Homeland”, “People” in the Russian linguistic consciousness. *Political linguistics*, 2 (74): 12—23. DOI: 10.26170/pl19-02-01. (In Russ.).
- Nikaeva, T. M. (2016). The Republic of Sakha (Yakutia) in the linguistic consciousness of modern youth. *Bulletin of scientific conferences*, 9—6 (13): 47—60. (In Russ.).
- Nikaeva, T. M. (2022). A fragment of the political consciousness of the modern youth of the Republic of Sakha (Yakutia), reflected in the language. *Bulletin of the North-eastern Federal University named after M. K. Ammosov*, 2 (88): 95—108. DOI: 10.25587/SVFU.2022.90.41.010. (In Russ.).
- Perevostnikova, A. K. (2019). The concept of “Homeland” as a component of the national image of Russia in the Russian worldview. *Concept: philosophy, religion, culture*, 1 (9): 54—61. DOI: 10.24833/2541-8831-2019-1-9-54-61. (In Russ.).
- Samigulina, F. G., Leonova, S. A. (2018). *Dynamics of the content of the concept of Homeland in the linguistic consciousness of native speakers of the Russian language*. Rostov-on-Don Russian Academy of Sciences. 100 p. ISBN 978-89-04-06759-6. (In Russ.).
- Savitskaya, S. V. (2017). Comparative study of the linguistic consciousness of Russians and Yakuts (on the example of the image of the motherland). *Questions of psycholinguistics*, 31: 203—216. (In Russ.).
- Sergieva, N. S. (2012). Spatial model of “one’s own” in the Russian linguistic consciousness: home — Homeland. *Bulletin of Cherepovets State University*, 2—2 (39): 134—137. (In Russ.).
- Smirnova, T. B. (2023). Ethnic identity in the regions of the Urals, Siberia and the Far East (based on the results of a sociological study). *Bulletin of Omsk University. Series: Historical Sciences*, 10 / 4 (40): 104—110. DOI: 10.24147/2312-1300.2023.10(4).105-110. (In Russ.).
- Stepanova, A. A. (2016). Representation of images of “native” and “homeland” in regional linguistic consciousness. *Questions of psycholinguistics*, 28: 258—263. (In Russ.).
- Teliya, V. N. (1999). Reflexes of archetypes of consciousness in the cultural concept of “homeland”. In: *Slavic studies: a collection dedicated to the anniversary of S. M. Tolstoy*. Moscow: Indrik. 466—476. (In Russ.).
- Zhang, M. (2024). Concepts of “Homeland” and “State” in Russian. *Litera*, 1: 312—321. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.1.69218. (In Russ.).

*The article was submitted 17.10.2024;
approved after reviewing 10.12.2024;
accepted for publication 21.04.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(3), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Пищальникова В. А. Изменение характера предсказания в речевом действии : экспериментальное исследование / В. А. Пищальникова, Н. И. Степыкин // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 3. — С. 43—61. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-43-61.

Pishchalnikova, V. A., Stepykin, N. I. (2025). Changes in Nature of Prediction in Speech Acts: An Experimental Study. *Nauchnyi dialog*, 14 (3): 43-61. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-43-61. (In Russ.).

Web of Science™

Scopus®

DOAJ

ERIH PLUS

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Изменение характера предсказания в речевом действии: экспериментальное исследование

Пищальникова Вера Анатольевна

orcid.org/0000-0002-0992-0466

доктор филологических наук,

профессор,

профессор кафедры общего

и сравнительного языкознания

pishchalnikova@mail.ru

Степыкин Николай Иванович

orcid.org/0000-0002-2802-5686

доктор филологических наук, доцент,

профессор кафедры иностранных

языков;

ведущий научный сотрудник,

корреспондирующий автор

nick1086@mail.ru

Московский государственный

лингвистический университет

(Москва, Россия)

Changes in Nature of Prediction in Speech Acts: An Experimental Study

Vera A. Pishchalnikova

orcid.org/0000-0002-0992-0466

Doctor of Philology, Professor,

Department of General

and Comparative Linguistics

pishchalnikova@mail.ru

Nikolai I. Stepykin

orcid.org/0000-0002-2802-5686

Doctor of Philology, Associate Professor,

Professor, Department

of Foreign Languages;

leading research scientist,

corresponding author

nick1086@mail.ru

Moscow State

Linguistic University

(Moscow, Russia)

© Пищальникова В. А., Степыкин Н. И., 2025

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья лежит в русле когнитивных и психолингвистических исследований речевого действия как индикатора сформированности многих когнитивных процессов, показателя языковой компетентности индивида и степени владения человеком речевыми операциями. Исследуется изменение характера речевого действия, которое отображается в особенностях предикации (ассоциирования) между стимулом и реакцией. На материале трех ассоциативных словарей разных лет издания с помощью метода интерпретации ассоциативных полей показана динамика предсказания в речевом действии. Новизна результатов исследования состоит в обосновании ряда положений. При исследовании динамики способов осуществления речевого действия авторы статьи призывают учитывать разные способы сбора ассоциатов: устный письменный и письменный. Отмечается, что в современной лингвокультуре операции семантического и поверхностного синтаксирования в продуцировании речевого действия с разной интенсивностью в определенные временные периоды вытесняются смысловым синтаксированием. Определены индикаторы этого процесса: количественный рост топик-коммент структур, синтаксических примитивов, сокращение доли речевых действий полного цикла синтаксирования; деактуализация поверхностного синтаксирования; падение индексов разнообразия в ядре речевого действия полного цикла синтаксирования и стереотипизация ядерных ассоциатов.

Ключевые слова:

речевое действие; речевая деятельность; операции синтаксирования; продуцирование речи; предикация; свободный ассоциативный эксперимент.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article aligns with cognitive and psycholinguistic research on speech acts as indicators of the development of various cognitive processes, a measure of an individual's linguistic competence, and the extent to which a person masters speech operations. The study investigates changes in the nature of speech acts, reflected in the characteristics of predication (association) between stimuli and responses. Utilizing three associative dictionaries published in different years, the dynamics of prediction in speech acts are demonstrated through the method of interpreting associative fields. The novelty of the research findings lies in substantiating several propositions. In examining the dynamics of speech act execution, the authors emphasize the need to consider different methods of collecting associates: oral-written and written. It is noted that in contemporary linguistic culture, the operations of semantic and surface syntactic processing in speech act production are increasingly supplanted by meaning-based syntactic processing during specific time periods. Indicators of this process include a quantitative increase in topic-comment structures, syntactic primitives, a reduction in the proportion of complete cycle syntactic speech acts, deactivation of surface syntactic processing, a decline in diversity indices within the core of complete cycle syntactic speech acts, and the stereotypization of core associates.

Key words:

speech act; speech activity; syntactic processing operations; speech production; predication; free associative experiment.

УДК 81'23

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-43-61

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Изменение характера предикирования в речевом действии: экспериментальное исследование

© Пищальникова В. А., Степыкин Н. И., 2025

1. Введение = Introduction

Изучение структуры речевого действия (РД) как базового смыслообразующего компонента коммуникации является актуальной междисциплинарной проблемой «системного шва» психолингвистики, нейролингвистики, психологии, социолингвистики, теории коммуникации и других гуманитарных дисциплин, так или иначе связанных с языком, индивидом и обществом.

Теоретическое осмысление сущности РД как элемента речевой деятельности позволяет решать ряд злободневных психолингвистических, когнитивных и иных практических задач, поскольку характер РД становится индикатором не только языковой компетентности индивида и степени овладения базовыми логическими операциями, но и маркером их изменения, а также показателем сформированности ряда когнитивных функций, позволяющих осуществлять эффективную социальную коммуникацию. Индикативная функция РД проявляется в том, что любое изменение параметров РД и способов их существования отображается в характере предикации РД, что особенно удобно наблюдать в соотношении вербальных стимула и реакции как элементарном РД. Характер РД влияет на формирование качества и количества ассоциативных вербальных и невербальных связей, способствуя поддержанию высокого уровня психической активности мозга; структура РД опосредованно демонстрирует способность индивида выполнять различные виды ментальных операций с информацией разной сложности; степень социальной адаптации и т. д.

Всё перечисленное особенно очевидно выявляется в разных видах ассоциативного эксперимента как одного из основных методов исследования речевого действия, что детерминировано его внутренней психологической сущностью: этот метод «позволяет регистрировать психологически актуальные смыслы, реализуемые носителями языка в речевых произведениях, в том числе и в соотношении стимул — реакция» [Пищальникова, 2019,

с. 751], которое в современной психолингвистике рассматривается как речевое действие.

Нейролингвистические основания для постулирования этой позиции были заложены А. Р. Лурия, который писал: «Анализируя самую ответную речевую реакцию, мы видим, что она определенным образом связана с раздражителем, так что и анализ формы этой связи дает нам возможность судить о *характере скрытого интеллектуального процесса, поведшего к данной реакции*» [Лурия, 1928, с. 9] (курсив наш. — В. П., Н. С.), то есть моделировать предикативные связи стимула и реакции, которые опосредованно указывают на характер ментальных процессов, а также на структуру и содержание концепта [Ладоса и др., 2021; Хлопова и др., 2021].

Развивая концептуальные идеи основоположников теории речевой деятельности [Леонтьев, 1969], исследователи предлагают рассматривать ассоциирование как акт предикации, а речевое действие в целом как «установление определенных отношений между характером психологической предикации и внутренней формой языка. Это одновременно и способ предиктирования, представляющий личностный смысл, и средство предиктирования, установленное внутренней формой языка. Вербальная форма речевого действия становится, таким образом, средством доступа к пониманию специфики предикации» [Пищальникова, 2020, с. 10]. Именно в вербальной паре стимул — реакция проявляются способы, средства и признаки предиктирования, определяющие характер принципиально динамической структуры речевого действия. Опираясь на экспериментально верифицированную и апробированную модель речепорождения школы Л. С. Выготского [Ахутина, 2022], в структуре речевого действия мы, вслед за Т. А. Рябовой-Ахутиной, выделяем смысловое, семантическое и поверхностное синтаксирование как основные операции, детерминирующие механизм предиктирования [Степыкин, 2021]. Характеристики и последовательность осуществления этих операций были установлены экспериментально, причем перечисленные операции обладают разной степенью конструктивной устойчивости: самой устойчивой формой организации высказываний испытуемых является смысловой, или топик-коммент синтаксис, менее устойчивая форма — семантический синтаксис; поверхностный синтаксис наиболее подвижен [Ахутина, 2008]. Эти выводы были подтверждены в ряде исследований на материале различных языков мира, пиджинов и креольских языков, что привело к разработке уточненной модели порождения речи Леонтьева — Рябовой-Ахутиной, согласно которой полный цикл эффективного процесса речепроизводства предполагает операции смыслового, семантического и поверхностного синтаксирования, причем построение внешней синтаксической структуры не алгоритмично, оно подчиняется сетевому механизму

распределительной активации смысла [Залевская, 2014; McClelland et al., 1981; Dell, 1982; Morsella et al., 2002; Thompson et al., 2014; Walenski et al., 2019] и определяется «соперничающим взаимодействием» всех трех операций синтаксирования [Bates, 1976; Bates et al., 1982].

Таким образом, приведенные теоретические положения позволяют считать, что механизм предиктирования в полной мере реализуется в ассоциативной паре стимул — реакция, а свободный ассоциативный эксперимент (САЭ) является действенным средством получения презентативного фактического материала для установления характера изменений речевых операций, отмечаемых в современной лингвокультуре. В САЭ разных лет представлены, во-первых, речевые действия полного цикла синтаксирования типа *бабушка вяжет, играть в футбол, синий цвет*, отражающие высокий уровень языковой компетенции; во-вторых, испытуемые могут актуализировать топик-коммент структуры типа *бабушка — деревня, бабушка — вязание*, предполагающие операцию смыслового синтаксирования как базовый способ предиктирования, но не использующие поверхностное синтаксирование как операцию фиксации формируемого содержания в структурах конкретного языка. Наконец, ассоциативные словари фиксируют реакции-«синтаксические примитивы» [Караулов, 1999]: *бабушка — вязать, играть — компьютер, красный — яблоко*. Однако количественное соотношение этих операций при формировании речевого действия в современной лингвокультуре существенно изменяется, что установлено на основе сопоставления данных ассоциативных словарей разного времени. При этом растет число топик-коммент структур и синтаксических примитивов, что коррелирует не только с «синтагматическими сбоями в русской речи» [Овчинникова, 2018], но и с понижением уровня языковой компетенции в социуме, с геометрическим ростом функциональной неграмотности.

Сокращение количества операций при сохранении универсальных параметров РД не свидетельствует об изменении сущности механизма предиктирования, а говорит лишь об изменении способа его осуществления. В нарушении последовательности и изменении качества речевых операций, порождающих РД, мы усматриваем качественное изменение способа осуществления механизма — «выбрасывание» языка из построения мысли, из «осуществления мысли в слове» (Л. С. Выготский). Как показывают наблюдения, в этом случае мысль становится недифференцированной, неточной. И если такие процессы будут углубляться, это приведет к изменению механизма, из которого будет выброшен этап внутренней речи, когда «мысль идет в слова» (Л. С. Выготский). Если нет членораздельности речевого действия, то есть его семантической и формальной дифференцированности, то невозможна и эффективная коммуникация.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель работы — показать на материале ассоциативных полей определенных стимулов, сформированных исследователями в разное время, качественно-количественные изменения в операциях, осуществляющих речевое действие. Это позволяет сформулировать рабочую гипотезу исследования: изменение характера предиктирования между стимулом и реакцией является индикатором несформированности определенных языковых структур или начинающейся деструкции механизма предиктирования. Установление такой зависимости определяет новизну работы, имеющей широкое и разнообразное практическое применение в ряде гуманитарных наук при обучении родному и иностранному языкам, в коррекции когнитивных функций, в осуществлении эффективной коммуникации и пр. Обращение к эксперименту определяется тем, что речевое действие включается в процесс непрерывного формирования мысли, следовательно, изменение структуры РД будет влиять на характер осуществления мышления, а специфика мышления в свою очередь станет определять использование речевого действия особой, измененной структуры, и для установления сущности этого циклического взаимодействия требуется эксперимент как намеренный срез определенного этапа этого «круговорота» с целью описать характер изменения способа осуществления РД.

Исследование осуществляется на материале словаря ассоциативных норм русского языка под ред. А. А. Леонтьева 1977 года (далее САНРЯ), русского ассоциативного словаря, опубликованного поэтапно в 1994, 1996 и 1998 годах под названием «Ассоциативный тезаурус современного русского языка» (далее АТСРЯ), и русского регионального ассоциативного словаря-тезауруса 2014 года издания (далее ЕВРАС).

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

На начальном этапе исследования нами были отобраны четыре ассоциативных поля лексем, принадлежащих к разным частям речи, обладающих высокой частотностью, следовательно, потенциально вступающих в самые разнообразные синтагматические и парадигматические связи, стилистически нейтральных, в прямом значении, представленных в каждом из обозначенных выше ассоциативных словарей: *бабушка, день, большой, вспоминать*. Такие характеристики стимулов позволяют предполагать максимально широкий состав ассоциатов, что важно при установлении типов предикации. Цель работы предполагает решение существенной задачи — установить наиболее типичные способы предиктирования в структуре речевого действия, для чего последовательно будет рассмотрено каждое из отобранных ассоциативных полей (АП). При этом реакции АП, вероят-

ность актуализации которых в эксперименте составляет менее 0,3 %, не учитывались.

Сопоставим АП, представленные в ассоциативных словарях, изданных в разное время. В АП *бабушка*, представленное в САНРЯ (1977), включено 622 реакции. Вероятность появления каждой из единичных реакций равна 0,16 %, поэтому объем анализируемого поля сужается до 530 языковых единиц. Парадигматические реакции *дедушка* 204 (32,8); *старушка* 21 (3,38); *внучка* 8 (1,29); *очки* 7 (1,13); *старуха* 6 (0,96); *дед*, *старость* 5 (0,8); *морищины*, *родственник* 3 (0,48); *вязание*, *доброта*, *моя бабушка*, *предки*, *седина*, *старая женщина* 2 (0,32) образуют в соотношении со стимульным словом *бабушка* топик-коммент структуры¹. Эти структуры являются разновидностью речевых действий, образованных в результате операции смыслового синтаксирования.

Наиболее частотной оказалась топик-коммент структура *бабушка* — *дедушка* с вероятностью актуализации 32,8 %. Суммируя данные по всем выявленным речевым действиям, актуализированным с помощью **смыслового синтаксирования**, устанавливаем, что их доля равна 52 %.

АП *бабушка* содержит и речевые действия принципиально иного характера (*бабушка старая*, *бабушка в платке*, *бабушка умерла*), предполагающие полный цикл синтаксирования РД и использование операций смыслового, семантического и поверхностного синтаксирования. Синтагматические реакции *старая* 78 (12,54); *старенькая* 56 (9); *добрая* 35 (5,63); *моя* 28 (4,5); *хорошая* 14 (2,25); *милая*, *седая* 8 (1,29); *в платке*, *любимая*, *родная*, *умерла* 4 (0,64); *далеко*, *вяжет*, *надвое сказала*, *наша*, *умная*, *ушла* 2 (0,32) формируют в соотношении со стимулом *бабушка* речевые действия полного цикла, доля которых составила 48 %.

В АП *бабушка*, представленном в АТСРЯ (1994—1998), операция смыслового синтаксирования отражена в соотношениях стимула *бабушка* с реакциями *дедушка*, *старушка*, *дед*, *внук*, *внучка*, *доброта*, *платок*, *родня*, *старость*, *бабушка*, *детство*, и *дедушка*, *мама*, *моя бабушка*, *женщина*, *очки*, *старуха*, *блины*, *деревня*, *дом*, *пирог*, *пирожки*, *тепло*, *тетушка*. Сформированные таким образом топик-коммент структуры составляют 46 % от всех речевых действий в составе АП. Речевые действия полного цикла синтаксирования составляют 53 %. Они актуализированы сочетаниями стимула *бабушка* с реакциями *моя*, *старая*, *добрая*, *любимая*, *старенькая*, *родная*, *милая*, *дорогая*, *рядышком с дедушкой*, *с дедушкой*, *в деревне*, *заболела*, *надвое сказала*, *дряхлая*, *идет* и т. п. РД *бабушка* вя-

1 Цифра справа от слова обозначает частотность реакции, цифра в скобках — долю реакции в общем объеме ассоциативного поля. Например, на стимул *бабушка* 204 респондента ответили *дедушка*, что составляет 32,8 % от общего количества реакций.

затя является синтаксическим примитивом, сформированным в результате операций смыслового и семантического синтаксирования (1 %).

По данным ЕВРАС (2014), наиболее частотны речевые действия, актуализированные с помощью операции смыслового синтаксирования (60 %), то есть топик-коммент структуры, которые сформированы соотношением стимула *бабушка* с реакциями *дедушка* 90; *старушка* 19; *деревня* 14; *старость* 12; *доброта* 11; *родственник* 10; *тепло, пирожки, платок* 7; *добро* 6, *забота* 5; *пирог, семья* 4; *блины, внучка, возраст, дед, и дедушка, любовь, очки, родня*, 3; *баба, бабушка, блинчики, внуки, вязание, детство, дом, мать матери, мудрость, носки, рева, спицы, старуха, уважение, уют* 2.

Синтаксические примитивы *бабушка люблю* и *бабушка родное* занимают всего 1 % от общего количества анализируемых речевых действий. Подчеркнем еще раз, что при формировании синтаксических примитивов не выполняется операция поверхностного синтаксирования.

Речевые действия полного цикла синтаксирования составляют только 39 % от общего объема анализируемого поля и отражены в сочетаниях стимула *бабушка* и реакций *старая* 43; *любимая* 25; *добрая* 24; *моя* 21; *родная* 17; *Яга* 8; *старенькая* 6; *спит, умерла* 3, *далеко, дома, дорогая, заботливая, злая, молодая, мудрая, с дедушкой*.

Объединим в таблице данные количественного анализа представленности речевых действий разного типа в структуре ассоциативных полей *бабушка*, представленных в САНРЯ, АТСРЯ и ЕВРАС.

Таблица 1

Процентное соотношение речевых действий трех типов
в составе АП *бабушка*

Наименование словаря	Тип речевого действия, %		
	Топик-коммент структуры, %	Синтаксические примитивы, %	Речевые действия полного цикла синтаксирования, %
САНРЯ	52	0	48
АТСРЯ	46	1	53
ЕВРАС	60	1	39

Если сравнивать данные САНРЯ и АТСРЯ, доля топик-коммент структур при образовании РД снизилась на 6 %, что, если опираться только на отвлеченные цифры, хотелось бы связать с повышением уровня языковой компетенции носителей лингвокультуры. Однако, на наш взгляд, количество топик-коммент структур во многом зависит от формы проведения САЭ — устно-письменной или письменной, поскольку, как установлено

психолингвистами, смысловой синтаксис более характерен для разговорной речи и проявляется «в однословных репликах участников диалога, в словах-предложениях, их цепочках и конструкциях “топик — коммент” у детей: “Ложки, бай-бай они?” Следы смыслового синтаксиса видны в конструкциях разговорной речи с вынесением топика...» [Ахутина, 2022]. Известно, что разработчиками САНРЯ эксперимент проводился в устно-письменной форме с группами респондентов (10—20 человек), когда стимул предъявлялся устно, а реакция записывалась в перечень, пронумерованный в порядке предъявления стимула. Индивидуальный опрос был полностью устным, реакции записывались экспериментатором. Сбор данных для АТСРЯ производился путем письменного заполнения анкеты, поэтому количество коммент-структур здесь ниже. Полученные данные современных САЭ [Исследование динамики ..., 2023] подтверждают, что устная форма проведения ассоциативного эксперимента в большей степени способствует проявлению топик-коммент структур, а письменная — речевых действий полного цикла синтаксирования. Поэтому, сопоставляя данные АТСРЯ и ЕВРАС, полученные только письменным путем, можно с уверенностью говорить о сокращении речевых действий полного цикла синтаксирования и увеличении топик-коммент структур. Это может свидетельствовать о снижении в формировании РД доли операций семантического и поверхностного синтаксирования. Это положение требует верификации в процессе анализа других АП.

В АП *день*, представленном в САНРЯ, топик-коммент структуры составляют 47 %. Они сформированы в результате операции смыслового синтаксирования в соотношениях стимула *день* со следующими парадигматическими реакциями: *ночь* 80; *работа, свет* 4; *солнце, сутки* 3; *вечер, день* 2; *год, дело, деньги, жизнь, надежда, отпуск, полдень, понедельник, серость, туман, тьма, утро, час, число, чудо*.

Доля речевых действий полного цикла синтаксирования равна 48 %, что на 1 % превышает долю топик-коммент структур. Полный цикл синтаксирования реализуется синтагматическими реакциями *короткий* 20; *ясный* 15; *длинный, светлый* 10; *солнечный* 9; *теплый, хороший* 5; *дождливый, жаркий, чудесный* 3; *наступает, пасмурный, прекрасный, трудный, яркий* 2; *большой, веселый, весенний, выходной, деньской, добрый, долгий, дрянной, за днем, каждый, настоящий, неудачный, новый, осенний, отличный, погожий, прошел, рождения, скучный, счастливый, счастья, удачный, черный*.

Реакции *светло, много, мрачно, приходит, поздно* на стимул *день* порождают синтаксические примитивы (5 %), в которых ведущим способом предиктирования является семантическое синтаксирование, а поверхност-

ное, использующее синтаксические структуры конкретного языка, не осуществляется, то есть не образуются РД, способные эффективно выполнять коммуникативную функцию.

По данным АТСРЯ, в составе АП *день* обнаружено 35 % топик-коммент структур, представленных реакциями *ночь 15, солнце 5, свет 4, 24 часа, жара, круг, ожидание, пень, пятница, работа, светлое время суток, стадо, тень, тундра, хмурое утро 1*.

Речевые действия полного цикла синтаксирования представлены в отношении стимула *день* со следующими синтагматическими реакциями: *рождения 11; солнечный 5; прошел, светлый, тяжелый 3; длинный, долгий, пасмурный, трудный 2; безоблачный, везучий, встречи, деньской, дурной, единственный, за днем, закончился, кончился, наступил, начался, начинается, недели, новый, плохой, прекрасен, прекрасный, пролетел, противный, радостный, сегодня, сменяется ночью, солнце светило, счастливый, теплый, тот же, удачный, хорош, хороший, черный, яркое, приходить, светло*. Они наиболее частотны и составляют 63 % от всех речевых действий.

Количество топик-коммент структур в АП *день*, представленном в ЕВРАС, значительно выше по сравнению с данными АТСРЯ (61 % vs 35 %). Операция смыслового синтаксирования реализуется в реакциях *ночь 129; солнце 49; свет 18; учеба 8; сутки, утро 6; и ночь, суббота 4; небо, работа 3; вечер, время, время суток, дата, день, жизнь, календарь, радость, сегодня, среда 2*. Также в 2 раза выросло количество синтаксических примитивов, актуализированных соотношениями стимула *день* и реакций *светло, неделя, рождение*, а доля речевых действий полного цикла синтаксирования, напротив, уменьшилась (35 % vs 63 %). Синтагматические реакции *рождения 42; солнечный 23; ясный 15; светлый 14; Победы 12; хороший 10; недели, новый 8, длинный, добрый 5; весенний, деньской, долгий, жаркий, независимости, пасмурный, сурка, удачный 3, выходной, за днем, знаний, короткий, мой, начался, ненастный, прекрасный, прошел, Святого Валентина, судный, теплый 2* в сочетании со стимулом *день* реализуются с помощью операций смыслового, семантического и поверхностного синтаксирования.

Представим процентное соотношение речевых действий различного типа в составе ассоциативных полей *день*, опубликованных в САНРЯ, АТСРЯ и ЕВРАС, в таблице 2.

Результаты количественного анализа, приведенные в таблицах 1 и 2, во многом аналогичны: в составе полей *бабушка* и *день* преобладают топик-коммент структуры и речевые действия полного цикла синтаксирования (от 35 % до 63; доля синтаксических примитивов незначительна (от 0 % до 5 %). Но по существу сопоставимы только данные АТСРЯ и ЕВРАС,

Таблица 2

Процентное соотношение речевых действий различного типа
в составе АП *день*

Наименование словаря	Тип речевого действия, %		
	Топик-коммент структуры, %	Синтаксические примитивы, %	Речевые действия полного цикла синтаксирования, %
САНРЯ	48	5	47
АТСРЯ	35	2	63
ЕВРАС	61	4	35

полученные одним способом предъявления и фиксации ассоциатов. И здесь тоже обнаруживаются аналогичные тенденции: значительно сокращается доля речевых действий полного цикла синтаксирования (почти в 2 раза) и существенно увеличивается количество топик-коммент структур (почти в 2 раза), в 2 раза возрастает доля семантических примитивов. Вместе с тем сопоставление анализируемых полей в САНРЯ и ЕВРАС тоже свидетельствует об устойчивости выявленной тенденции. Несмотря на то, что устная форма проведения эксперимента способствует проявлению топик-коммент структур, смысловое синтаксирование в большей степени реализуется в ЕВРАС (60 % и 61 % vs 52 % и 48 %). Доля речевых действий полного цикла в составе полей, представленных в ЕВРАС, меньше по сравнению с САНРЯ (39 % и 35 % vs 48 % и 47 %).

Важно подчеркнуть, что тенденция к увеличению типов РД, не использующих поверхностное синтаксирование, коррелирует с падением индексов разнообразия в ядре РД полного цикла синтаксирования, части ядер топик-коммент структур и с повышением частотности стереотипных реакций. Так, по данным САНРЯ, индекс разнообразия ядерных реакций на слово *день* в РД полного цикла синтаксирования составляет 0.072, в АТСРЯ — 0.09, но самой частотной является уже операциональная реакция *день рождения*, воспроизводящая устойчивое словосочетание, в ЕВРАС — 0.051 с сохранением той же наиболее частотной стереотипной реакции. (Вспомним и о том, что повышение индекса разнообразия в АТСРЯ может быть связано с формой получения ассоциатов). Если сопоставить индексы разнообразия речевых действий полного цикла для АП в целом за сорок лет, то, например, индекс для слова *день* в САНРЯ — 0.33, в ЕВРАС — 0.17; для слова *бабушка* — соответственно 0.07 и 0.10. Сопоставление данных АТСРЯ и ЕВРАС, собранных одинаковым способом, также демонстрирует падение индекса разнообразия, что позволяет говорить об общей тенденции его снижения в РД полного цикла синтаксирования.

ния. Вместе с тем этот вопрос требует более детального изучения с учетом семантических и частеречных характеристик стимулов. Отметим также, что исследования, проводимые на ассоциативном материале последнего десятилетия, убедительно показывают существенное снижение РД полного цикла синтаксирования в группах респондентов 17—25 лет.

Проанализировав АП *большой*, представленное в САНРЯ, мы установили, что в нем тоже преобладают топик-коммент структуры (54 %) с наиболее частотной реакцией *маленький*, составляющей 29,63 % от общего количества полученных ассоциатов. Таким образом, наше предположение о том, что количество топик-коммент структур и синтаксических примитивов коррелирует с количеством стереотипных / операциональных реакций, подтверждается.

Речевые действия полного цикла актуализируются в сочетании стимула *большой* с реакциями *дом, город, человек, мяч, слон, великан, круг, друг, дым, лес, мальчик, праздник, путь, ребенок, сад, стул, счет, ум, шар* (46 % от всего объема АП).

В структуре АП *большой*, представленного в ЕВРАС, преобладают речевые действия полного цикла синтаксирования, формирующиеся в соотношении стимула *большой* с реакциями *дом, куш, человек, размер, шар, город, палец, мир, слон, друг, брат, медведь, нос, театр, торт, член, зал, круг, магазин, папа, рост, успех, мозг, мяч, опыт, пирог, взрыв, груз, день, знак, камень, кран, мальчик, огурец, приз, рот, ум, чемодан, шарик, экран* (74 %).

Топик-коммент структуры актуализируются в реакциях *маленький, огромный, малый, толстый, громадный, необъятный, злой, круглый, мелкий* и составляют 24 %. Отметим также появление в ЕВРАС синтаксического примитива (*большой гора*).

Обобщим данные анализа АП *большой* в таблице 3.

Таблица 3

Процентное соотношение речевых действий различного типа
в составе АП *большой*

Наименование словаря	Тип речевого действия, %		
	Топик-коммент структуры, %	Синтаксические примитивы, %	Речевые действия полного цикла синтаксирования, %
САНРЯ	54	0	46
АТСРЯ	26	0	74
ЕВРАС	25	1	74

На первый взгляд, данные таблицы 3 противоречат выявленным тенденциям. Однако показательна стабильность данных АТСРЯ и ЕВРАС и по-

явление в ЕВРАС синтаксического примитива. Возможно, в период между выходом двух ассоциативных словарей происходит медленное накопление изменений в использовании тех или иных типов РД, но оно слабо касается слов с предельно широкой семантикой и частеречной принадлежностью, позволяющей легко создавать предикативные пары с неограниченным количеством имен существительных, что подтверждается высокими индексами разнообразия АП и практически полным совпадением количества топик-коммент структур и РД полного цикла синтаксирования. (Поэтому необходимо отдельное исследование стимулов, являющихся разными типами прилагательных.) Однако уже сейчас очевидно, что установленная тенденция будет проявляться с разной интенсивностью в разных стимулах, что связано не только с частотностью их употребления, но и с семантикой, в том числе частеречной.

Анализ АП *вспоминать*, которое представлено в САНРЯ, показал преобладание речевых действий полного цикла синтаксирования (88 %), репрезентированных реакциями *прошлое, о прошлом, детство, тебя, бывшее, забытое, друзей, хорошее, случай, дом, о былом, о тебе, событие, друга, номер, приятное, часто, школу, море, о детстве, прошедшее, рассказ, долго, жизнь, молодость, ничего, о приятном, человека, что, что-то, бывшие времена, вечер, встречу, его, маму, мать, меня, о маме, о нем, о чем-то, песню, стихи, стихотворение, товарища, что было, Витю, глаза, годы детства, действие, деревню, кинофильм, материал, мужа, мысли, нужно, одни, о доме, о друге, о ком, о хорошем, обо всем, по ночам, повесть, прошлую осень, родных, слово, старое, стих, тяжело, урок, утро, факты, хочу, хорошо, ярко*.

Анализ АП подтверждает высказанное нами предположение о влиянии на характер предикирования частеречной принадлежности и семантики стимула. Так, глагол как компонент определенной синтаксической структуры, детерминированной его семантикой и грамматическими показателями, требует включения в эту структуру неограниченного количества грамматических объектов, и в РД полного цикла синтаксирования это с очевидностью проявляется. Актуализация синтаксической структуры с потенциально неограниченным количеством объектов отражается в высоком индексе разнообразия ассоциатов (0,27).

Топик-коммент ассоциаты (*забывать, память, забыть, думать, воспоминания, вспомнить, мечтать, плакать*) составляют 11 % от общего количества реакций, подавляющее большинство которых — глаголы или существительные со значением процессуальности. Это, по сути, говорит об отсутствии последней необходимой операции в порождении РД — поверхностного синтаксирования, фиксирующего синтагматические отношения

единиц языка в структурах, свойственных данному языку. При смысловом синтаксировании актуализируется только формальная принадлежность слова к лексемам, обозначающим процесс или состояние.

Реакции *война, грусть, школа* в соотношении со стимулом *вспоминать* формируют синтаксические примитивы (1 %).

В АТСРЯ в структуре АП *вспоминать* преобладают речевые действия полного цикла (83 %), актуализированные в реакциях *прошлое, о прошлом, детство, хорошее, бывшее, дом, историю, о былом, что-то, друга, жизнь, лето, мать, о тебе о хорошем, случай, сон, о нем, приятное, долго, его, забытое, любимого, маму, мысль, о лете, о прошедшем, прошедшее, разговор, родных, стихи, урок, юность, билет, близких, вечер, встречу, грустно, друзей, задание, институт, надо, о жизни, о приятном, о чем-то, плохое, приятно, радость, с трудом, теорему, фильм, часто*, однако их доля на 5 % меньше по сравнению с САНРЯ. Вместе с тем в составе АП *вспоминать* в АТСРЯ на 4 % возрастает доля топик-коммент структур (реакции *забывать, забыть, думать, память, напрягаться, забыл, запомнить, мечтать, припоминать*) и доля синтаксических примитивов (*друзья, книга, мама, ностальгия, человек*) — на 1 %.

Таким образом, отличия в характере РД в сопоставляемых АП минимальны, хотя как значимое для подтверждения выделенной тенденции можно отметить появление синтаксических примитивов. Однако за 20 последующих лет в структуре АП *вспоминать*, представленного в ЕВРАС, произошли принципиальные изменения, что, во-первых, проявляется в сокращении доли речевых действий полного цикла синтаксирования на 6 % и 11 % по сравнению с данными АТСРЯ и САНРЯ соответственно (*вспоминать — прошлое, детство, всё, бывшее, лето, хорошее, события, долго, о прошлом, случай, день, дом, жизнь, задание, маму, мысль, отдых, приятное, сон, имя, историю, любовь, моменты, отпуск, родных, себя, старое, фотографии, что-то, экзамен, время, встречу, годы, дату, ее, забытое, лучшее, любимого, молодость, мотив, мысли, нужно, о былом, о хорошем, рассказ, со бытие, телефон, тему, хорошие моменты, человека*). Во-вторых, доля топик-коммент структур (*память, думать, забывать, помнить, забыть, напрягаться, воспоминания, амнезия, любить, мечта, мозги, узнавать, улыбаться*) в общем объеме анализируемого АП в ЕВРАС составила 21 %, что на 6 % превосходит данные АТСРЯ и на 10 % — САНРЯ.

Далее обобщим результаты проведённого анализа (табл. 4).

Как видим, тенденция к уменьшению РД полного цикла синтаксирования с одновременным увеличением количества синтаксических примитивов и топик-коммент структур при сравнении данных АТСРЯ и ЕВРАС подтверждается. Сравнительные данные между САНРЯ и АТСРЯ по то-

Таблица 4

Процентное соотношение речевых действий различного типа
в составе АП *вспоминать*

Наименование словаря	Тип речевого действия, %		
	Топик-коммент структуры, %	Синтаксические примитивы, %	Речевые действия полного цикла синтаксирования, %
САНРЯ	11	1	88
АТСРЯ	15	2	83
ЕВРАС	21	2	77

пик-коммент структурам и РД полного цикла синтаксирования могут быть объяснены разной формой получения ассоциативных данных.

4. Заключение = Conclusions

Сопоставительный анализ ассоциативных полей, сформированных в различные периоды (с 1970-х по 2014 годы) и опубликованных в соответствующих словарях и тезаурусах, позволил выявить определенные тенденции и подтвердить ранее установленные закономерности в развитии механизмов предсказания речевого действия.

Количественное сопоставление данных САНРЯ и АТСРЯ, которые отделены во времени приблизительно двадцатилетием, в большинстве исследованных АП выявляет увеличение количества речевых действий полного цикла синтаксирования и сокращение топик-коммент структур. Это во многом объясняется, как мы уже отмечали, разными способами сбора ассоциатов — устно-письменным и письменным: в устном эксперименте в большей мере задействовано смысловое синтаксирование, что и отражается в большем количестве топик-коммент структур.

Количественное сравнение типов РД, представленных в ассоциативных полях АТСРЯ и ЕВРАС, сбор данных для которых тоже разделен временным периодом от 20 до 22 лет, показывает, что в настоящее время операции семантического и поверхностного синтаксирования в продуцировании РД постепенно вытесняются смысловым синтаксированием. Индикаторами этого процесса выступают количественный рост топик-коммент структур и синтаксических примитивов в условиях экспериментального производства РД и уменьшение доли РД полного цикла синтаксирования.

Если сравнить данные САНРЯ и ЕВРАС как точки регистрации временного периода в сорок лет, то доля РД неполного цикла синтаксирования в подавляющем большинстве исследованных ассоциативных полей имеет тенденцию к увеличению. Поэтому в целом проделанный анализ позволяет говорить

о медленном, но постоянном увеличении таких РД в первое исследуемое двадцатилетие и резком их увеличении во втором. Такой вывод коррелирует с данными психологов о снижении уровня владения языком и неспособности значительной части населения выполнять виды неалгоритмической текстовой деятельности — функциональной неграмотности. Доминирование синтагматических реакций как следствие реализация всех этапов порождения РД указывает на высокий уровень языковой компетентности. Но экспериментальные данные, фиксирующие увеличение РД неполного цикла синтаксирования, особенно в последнее десятилетие, позволяют отметить устойчивую тенденцию к распаду целостного механизма предикторирования, когда необходимые этапы продуцирования РД не актуализируются. Для формулирования закономерностей этого процесса необходимо детальное изучение специфики деактуализации циклов РД, которая зависит от характера стимула, что было отмечено в нашем анализе, и в целом деструкции механизма продуцирования речи. Кроме того, необходимо изучать единичные ассоциаты, что поможет более точно охарактеризовать выявленные тенденции изменения способов продуцирования РД. В настоящем исследовании такие реакции были намеренно исключены из анализа в связи с ограниченностью размеров статьи.

Изменение способа осуществления РД не может не вызывать тревоги в плане усиления функциональной неграмотности населения [Функциональная неграмотность ..., 2022] еще и потому, что такое изменение вызывает упрощение языка, следствием чего является и упрощение мышления. Взаимозависимость способа осуществления РД и способа реализации мысли, встроенность языка в процесс мышления (Л. С. Выготский) определяют и изменение нейрофизиологических процессов, способствующих упрощению функций мозга.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. АТСРЯ — *Русский ассоциативный словарь* : ассоциативный тезаурус современного русского языка [Электронный ресурс] / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. С. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. — 1994—1998. — Режим доступа : <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/> (дата обращения 21.12.2024).
- 2э ЕВРАС — *Черкасова Г. А.* Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус [Электронный ресурс] / Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева. — Москва : Институт языкознания РАН, 2014. — Т. 1—2. — Режим доступа : <https://iling-ran.ru/web/ru/publications/evras> (дата обращения 23.12.2024).

3. САНРЯ — Леонтьев А. А. Словарь ассоциативных норм русского языка [Электронный ресурс] / А. А. Леонтьев. — Москва : Московский университет, 1977. — Режим доступа : <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/Leont/Index.htm> (дата обращения 24.12.2024).

Литература

1. Ахутина Т. В. Модель порождения речи Леонтьева — Рябовой : 1967—2005 / Т. В. Ахутина // Психология, лингвистика и междисциплинарные связи / Под ред. Т. В. Ахутиной и Д. А. Леонтьева. — Москва : Смысл, 2008. — С. 79—104.
2. Ахутина Т. В. Модель порождения речи школы Л. С. Выготского : основы и верификация / Т. В. Ахутина // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. — 2022. — Т. 164. — Книга 1—2. — С. 7—27. — DOI: 10.26907/2541-7738.2022.1-2.7-27.
3. Залевская А. А. Интерфейсная теория значения слова : психолингвистический подход / А. А. Залевская. — London : Международная академия наук и высшего образования, 2014. — 180 с.
4. Исследование динамики ментального лексикона по данным свободного ассоциативного эксперимента / Н. И. Степыкин, Ж. Багана, К. Н. Слободова, С. В. Фуникова // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. — 2023. — Т. 9. — № 2. — С. 19—33. — DOI: 10.18413/2313-8912-2023-9-2-0-2.
5. Караулов Ю. Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть / Ю. Н. Караулов. — Москва : Институт русского языка РАН, 1999. — 180 с.
6. Ладоса О. М. Модель базисного концепта «Wahrheit» в немецкой лингвокультуре / О. М. Ладоса, А. И. Хлопова // Вестник Адыгейского государственного университета. — Серия 2: Филология и искусствоведение. — 2021. — № 1(272). — С. 67—78.
7. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность / А. А. Леонтьев. — Москва : Просвещение, 1969. — 214 с.
8. Лурия А. Р. Речь и интеллект в развитии ребенка / А. Р. Лурия. — Москва : Полиграфшкола им. А. В. Луначарского, 1928. — 279 с.
9. Овчинникова И. Г. Синтагматические сбои в русской речи : интерпретация в свете актуальных моделей ментального лексикона / И. Г. Овчинникова // Вопросы психолингвистики. — 2018. — № 2 (36). — С. 84—98. — DOI: 10.30982/2077-5911-36-2-84-98.
10. Пищальникова В. А. Интерпретация ассоциативных данных как проблема методологии психолингвистики / В. А. Пищальникова // Russian Journal of Linguistics. — 2019. — Т. 23. — № 3. — С. 749—761. — DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-749-761.
11. Пищальникова В. А. Этническая картина мира : проблемы терминологии описания / В. А. Пищальникова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2020. — № 2. — С. 6—11. — DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.2/2827>.
12. Степыкин Н. И. Опыт моделирования ассоциативных полей (по материалам проекта «Мультилингвальный ассоциативный тезаурус вежливости») / Н. И. Степыкин // Научный диалог. — 2021. — № 3. — С. 106—120. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-106-120.
13. Хлопова А. И. Лексико-семантическое содержание ценности «Erfolg» в немецкой лингвокультуре / А. И. Хлопова, О. М. Ладоса // Теоретическая и прикладная лингвистика. — 2021. — Т. 7, № 2. — С. 135—151. — DOI: http://dx.doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_2_135_151.
14. Bates E. Language and Context : The Acquisition of Pragmatics / E. Bates. — New York : Acad. Press, 1976. — 375 p.

15. Bates E. Functionalism approaches to grammar / E. Bates, B. MacWhinney // *Language Acquisition : The State of the Art* / Ed. by E. Wanner, L. R. Gleitman. — Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1982. — Pp. 173—218.
16. Dell G. S. A spreading activation theory of retrieval in language production / G. S. Dell // *Psychological Review*. — 1986. — Vol. 93. — Pp. 283—321.
17. McClelland J. L. An interactive activation model of context effects in letter perception: Part 1. An account of basic findings / J. L. McClelland, D. E. Rumelhart // *Psychological Review*. — 1981. — Vol. 88. — Pp. 375—407.
18. Morsella E. Evidence for a Cascade Model of Lexical Access in Speech Production / E. Morsella, M. Miozzo // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition*. — 2002. — Vol. 28. — no. 3. — Pp. 555—563. — DOI: <http://dx.doi.org/10.1037//0278-7393.28.3.555>.
19. Thompson C. K. Neural basis of sentence processing : Evidence from neurolinguistic and neuroimaging studies / C. K. Thompson, A. Kiehl // *The Oxford Handbook of Language Production*. — Oxford : Oxford Univ. Press, 2014. — Pp. 47—69.
20. Walenski M. Neural networks for sentence comprehension and production : An ALE-based meta-analysis of neuroimaging studies / M. Walenski, E. Europa, D. Caplan, C. K. Thompson // *Human Brain Mapping*. — 2019. — Vol. 40. — № 8. — Pp. 2275—2304. — DOI: [10.1002/hbm.24523](https://doi.org/10.1002/hbm.24523).

*Статья поступила в редакцию 11.01.2025,
одобрена после рецензирования 24.03.2025,
подготовлена к публикации 06.04.2025.*

Material resources

- ATSPYЯ — *Russian associative dictionary: an associative thesaurus of the modern Russian language*. (1994—1998). Available at: <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/> (accessed 21.12.2024). (In Russ.).
- EVRAС — Cherkasova, G. A., Ufimtseva, N. V. (2014). *Russian regional associative dictionary-thesaurus, 1—2*. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. Available at: <https://iling-ran.ru/web/ru/publications/evras> (accessed 21.12.2024). (In Russ.).
- SANRYA — Leontiev, A. A. (1977). *Dictionary of associative norms of the Russian language*. Moscow: Moscow University. Available at: <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/Leont/ Index.htm> (accessed 24.12.2024). (In Russ.).

References

- Akhutina, T. V. (2008). Leontiev-Ryabova model of speech generation: 1967—2005. In: *Psychology, linguistics and interdisciplinary relations*. Moscow: Smysl. 79—104. (In Russ.).
- Akhutina, T. V. (2022). Vygotsky's speech generation model: fundamentals and verification. *Scientific Journal. The cauldron. University of the Humanities. Science*, 164 (1—2): 7—27. DOI: [10.26907/2541-7738.2022.1-2.7-27](https://doi.org/10.26907/2541-7738.2022.1-2.7-27). (In Russ.).
- Bates, E. (1976). *Language and Context: The Acquisition of Pragmatics*. New York: Acad. Press. 375 p.
- Bates, E., MacWhinney, B. (1982). Functionalism approaches to grammar. In: *Language Acquisition: The State of the Art*. Cambridge: Cambridge Univ. Press. 173—218.

- Dell, G. S. (1986). A spreading activation theory of retrieval in language production. *Psychological Review*, 93: 283—321.
- Karaulov, Yu. N. (1999). *Active grammar and associative-verbal network*. Moscow: Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences. 180 p. (In Russ.).
- Khlopova, A. I., Ladosha, O. M. (2021). Lexical and semantic content of the value “Erfolg” in German linguistic culture. *Theoretical and Applied Linguistics*, 7(2): 135–151. DOI: http://dx.doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_2_135_151. (In Russ.).
- Ladosha, O. M., Khlopova, A. I. (2021). Model of the basic concept “Wahrheit” in German linguoculture. *Bulletin of Adyge State University. Series 2: Philology and Art Criticism*, 1(272): 67–78. (In Russ.).
- Leontyev, A. A. (1969). *Language, speech, speech activity*. Moscow: Prosveshchenie Publ. 214 p. (In Russ.).
- Luria, A. R. (1928). *Speech and intelligence in child development*. Moscow: Lunacharsky Polygraph School. 279 p. (In Russ.).
- Mcclelland, J. L., Rumelhart, D. E. (1981). An interactive activation model of context effects in letter perception: Part 1. An account of basic findings. *Psychological Review*, 88: 375–407.
- Morsella, E., Miozzo, M. (2002). Evidence for a Cascade Model of Lexical Access in Speech Production. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition*, 28(3): 555–563. <http://dx.doi.org/10.1037//0278-7393.28.3.555>.
- Ovchinnikova, I. G. (2018). Syntagmatic failures in Russian speech: interpretation in light of current models of the mental lexicon. *Issues of psycholinguistics*, 2(36): 84–98. DOI: 10.30982/2077-5911-36-2-84–98. (In Russ.).
- Pishchalnikova, V. A. (2019). Interpretation of associative data as a problem of the methodology of psycholinguistics. *Russian Journal of Linguistics*, 23 (3): 749—761. DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-749-761. (In Russ.).
- Pishchalnikova, V. A. (2020). Ethnic picture of the world: problems of terminology description. *Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural communication*, 2: 6—11. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.2/2827>. (In Russ.).
- Stepykin, N. I. (2021). Experience in Modeling Associative Fields (Project “Multilingual Associative Thesaurus of Politeness”). *Nauchnyi dialog*, 3: 106—120. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-106-120. (In Russ.).
- Stepykin, N. I., Bagana, J., Slobodova, K. N., Funikova, S. V. (2023). Investigation of the dynamics of the mental lexicon according to the data of a free associative experiment. *Scientific result. Questions of theoretical and applied linguistics*, 9 (2): 19—33. DOI: 10.18413/2313-8912-2023-9-2-0-2. (In Russ.).
- Thompson, C. K. (2014). Neural basis of sentence processing: Evidence from neurolinguistic and neuroimaging studies. In: *The Oxford Handbook of Language Production*. Oxford: Oxford Univ. Press. 47—69.
- Walenski, M., Europa, E., Caplan, D., Thompson, C. K. (2019). Neural networks for sentence comprehension and production: An ALE-based meta-analysis of neuroimaging studies. *Human Brain Mapping*, 40 (8): 2275—2304. DOI: 10.1002/hbm.24523.
- Zalevskaya, A. A. (2014). *Interface theory of word meaning: psycholinguistic approach*. London: International Academy of Sciences and Higher Education. 180 p. (In Russ.).

*The article was submitted 11.01.2025;
approved after reviewing 24.03.2025;
accepted for publication 06.04.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(3), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Сдобников В. В. Искусственный интеллект в переводе : условия эффективного использования / В. В. Сдобников // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 3. — С. 62—80. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-62-80.

Sdobnikov, V. V. (2025). AI in Translation: How to Use it Effectively. *Nauchnyi dialog*, 14 (3): 62-80. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-62-80. (In Russ.).

Web of Science™

Scopus®

DOAJ

ERIH PLUS

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Искусственный интеллект в переводе: условия эффективного использования

Сдобников Вадим Витальевич^{1,2}

orcid.org/0000-0002-4717-2980

доктор филологических наук, доцент,

профессор кафедры

теории и практики английского

языка и перевода, профессор

Sdobnik@lunn.ru

¹ Самаркандский государственный
университет им. Шарофа Рашидова
(Самарканд, Узбекистан)

² Нижегородский государственный
лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова
(Нижний Новгород, Россия)

AI in Translation: How to Use it Effectively

Vadim V. Sdobnikov^{1,2}

orcid.org/0000-0002-4717-2980

Doctor of Philology, Associate Professor,

Professor, Department of Theory

and Practice of English Language

and Translation, Professor

Sdobnik@lunn.ru

¹ Sharof Rashidov
Samarkand State University
(Samarkand, Uzbekistan)

² Linguistics University
of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается проблема воздействия процедур использования систем искусственного интеллекта на профессиональное мышление переводчиков. Цель статьи — определить условия, при которых использование систем машинного перевода, в частности, основанных на использовании искусственного интеллекта, позволяет эффективно решать задачи профессиональной переводческой деятельности. В качестве метода исследования используется анализ эмпирических данных, полученных при наблюдении за профессиональной деятельностью опытных и начинающих переводчиков. Отмечается, что переводчики часто не учитывают, что создаваемый искусственным интеллектом продукт не является текстом в традиционном понимании этого слова, а может считаться лишь текстойдом. Автор утверждает, что в рамках взаимодействия с системой искусственного интеллекта переводчики забывают о необходимости создать истинный текст как коммуникативное и структурно-семантическое единство, перестают воспринимать внутритекстовые логические связи, утраченные в текстойде, произведенном искусственным интеллектом, а главное, забывают о назначении переводческого продукта, форма и содержание которого должны соответствовать ожиданиям предполагаемого получателя перевода в данной коммуникативной ситуации. Сделан вывод, что переводчик должен помнить об имманентных ограничениях таких систем и не должен воспринимать себя в качестве придатка к системе искусственного интеллекта; его усилия должны быть направлены на создание текста для потребителя.

Ключевые слова:

искусственный интеллект; машинный перевод; текст; текстойд.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article considers the problem of the impact of the procedures of using artificial intelligence systems on the translators' professional mindset. The aim of the article is to determine the conditions under which the use of machine translation systems, in particular, based on the use of artificial intelligence, allows to effectively solve the tasks of professional translation activity. The main research method used is the analysis of empirical data obtained by observing the professional activities of experienced and novice translators. This analysis shows that translators often do not take into account that the product created by artificial intelligence is not a text in the traditional meaning of the word, but can only be considered a textoid. Within the framework of interaction with the artificial intelligence system, translators forget about the need to create a true text, i.e. a communicative and structural-semantic unity, do not perceive the intratextual logical links lost in the textoid produced by the artificial intelligence, and — most importantly — forget about the purpose of the translation product, the form and content of which should meet the expectations of the intended target text recipient in a given communicative situation. The article concludes that to ensure the effective use of artificial intelligence systems, the translator must constantly keep in mind the inherent limitations of such systems and must not perceive himself as an appendage to such a system; all his efforts must be directed towards the production of a text that satisfies the needs of the consumer.

Key words:

artificial intelligence; machine translation; text; textoid.

УДК 81'25

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-62-80

Научная специальность ВАК
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Искусственный интеллект в переводе: условия эффективного использования

© Сдобников В. В., 2025

1. Введение = Introduction

Вполне очевидно, что искусственный интеллект в виде систем машинного перевода прочно обосновался в переводческой деятельности. Мы теперь исходим из того, что ИИ — это некая объективная данность, от которой невозможно отмахнуться. Как пишет О. В. Петрова, «профессиональный переводчик не только может, но иногда, по требованию работодателя, просто обязан брать за основу машинный перевод» [Петрова, 2023, с. 50]. А между тем еще памятно время, когда отношение переводческого сообщества к тем же системам машинного перевода (МП) было, мягко говоря, неоднозначным, если не резко отрицательным. И связано это было, прежде всего, с возможностью систем МП создавать текст перевода (ПТ) практически мгновенно, что ставило под сомнение необходимость переводчика-человека как субъекта осуществления переводческой деятельности. И сейчас непрофессионалы в переводе выражают убежденность в том, что ИИ в ближайшее время заменит человека, и это будет означать смерть переводческой профессии. Однако прошло время, и в переводческом сообществе на смену резкому неприятию машинного перевода пришло сначала спокойное отношение к нему, а во многих случаях и отношение восторженное, правда, с легким налетом досады, вызванной тем, что пока порождаемые искусственным интеллектом тексты не так хороши, как хотелось бы. Но, как известно, надежда умирает последней.

Как бы мы ни относились к ИИ, в любом случае мы должны понять: настало время проанализировать последствия внедрения систем ИИ в переводческую деятельность и осознать значение этого события для переводческой профессии в целом. В этой статье мы остановимся не только на достоинствах и ограничениях систем машинного перевода (они достаточно очевидны), но и на том воздействии, которое такие системы оказывают на самих переводчиков, и на условиях, при которых использование ИИ в переводческой деятельности будет не только оправданным, но и эффективным.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В последнее время в связи с широким использованием информационных технологий в переводческой деятельности обострился интерес исследователей прежде всего к практическим аспектам применения искусственного интеллекта в системах машинного перевода [Асонова, 2024; Буравлев и др., 2024; Жилионис, 2024; Камшилова и др., 2023; Раренко, 2021; Сдобников, 2024a]. По вполне понятной причине наиболее широко обсуждается вопрос об ошибках систем машинного перевода и классификации ошибок [Гончаров, 2019; Гребенюк, 2024; Гусева и др., 2023; Калинин, 2017; Нуриев и др., 2021; Петрова, 2023] и связанная с ним тема — подходы к устранению ошибок в результатах машинного перевода, то есть к постредактированию, основные принципы постредактирования [Малявина, 2024a; Нестерова и др., 2022; Хромова, 2024; Carl et al., 2015; Hu et al., 2016; Koronen, 2016a]. Учитывая потребности переводческой отрасли в квалифицированных специалистах, некоторые, пока еще немногочисленные, исследователи рассматривают проблемы обучения будущих переводчиков постредактированию [Малявина, 2024b; Нечаева и др., 2018]. Вместе с тем можно считать единичными работы, посвященные такому важному вопросу, как воздействие систем искусственного интеллекта на профессиональное мышление переводчиков [Гарбовский, 2019; Сдобников, 2024b].

Материалом для настоящего исследования послужили научные труды, посвященные рассмотрению широкого круга вопросов, связанных с использованием систем машинного перевода, в том числе основанных на нейронных сетях. С помощью метода анализа выявляются основные проявления воздействия систем ИИ на профессиональное мышление переводчиков.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Машинный перевод: что с ним не так?

Прежде чем говорить о недостатках машинного перевода (основанного на использовании нейронных сетей), справедливости ради обратимся к его достоинствам. И исследователи, и переводчики-практики отмечают прежде всего высокую скорость выполнения перевода [Асонова, 2024; Добрынина, 2021; Камшилова и др., 2023; Королькова и др., 2021; Раренко, 2021]. Остальные достоинства систем МП нам представляются сомнительными или неочевидными. В частности, сомнительно утверждение, что «искусственный интеллект позволил улучшить качество перевода» [Асонова, 2024, с. 5]. Вероятно, автор сопоставляет качество перевода, предлагаемого системами МП, с качеством «человеческого» перевода. Но действительно ли качество МП превосходит качество перевода,

выполняемого людьми? Вряд ли. Ссылаясь на участников конференции российского облачного провайдера Cloud.ru, О. В. Асонова утверждает, что «рост качества нейронного перевода превзошел все ожидания» [Там же]. А вот с этим вполне можно согласиться: на самом деле, нейронный перевод сам по себе стал много лучше, чем был ранее. Но, тем не менее, он не стал лучше перевода, выполненного человеком. Не случайно исследователи по-прежнему много внимания уделяют типологизации ошибок машинного перевода.

Ошибки машинного перевода хорошо известны тем, кто непосредственно использует эти системы в своей профессиональной деятельности или, так сказать, для бытовых целей. Но пользователи систем МП всего лишь наблюдают эти ошибки, отмечают их для себя и про себя, но не анализируют их, не систематизируют и не классифицируют. Анализ и классификация ошибок МП — это задача исследователей, которую они настойчиво решают последние годы. При этом следует иметь в виду, что через выделение и типологизацию ошибок МП решается глобальная задача оценки качества машинного перевода. Исследователи используют два подхода к оценке качества перевода, или две методики: автоматическую оценку качества МП (на основе сопоставления машинного перевода с референтным, или эталонным, переводом с применением метрик автоматической оценки МП, например, метрики BLEU) и экспертную оценку качества МП с привлечением специалистов — лингвистов и переводчиков [Гончаров и др., 2019; Нуриев и др., 2021]. В целом можно выделить следующие виды ошибок: лексические (опущения, добавления или отсутствие перевода), грамматические (ошибки неверного выбора, ошибки неверного порядка), семантические (смысловые ошибки, ошибки выбора и ошибки сочетания и идиоматику), дискурсивные (неспособность системы выбрать наиболее естественный для данного контекста вариант), стилистические ошибки, ошибки вариативности (вызванные неспособностью системы распознать диалектные варианты), ошибки избыточного перевода [Гончаров и др., 2019, с. 95].

Менее «системные» классификации (а точнее, перечни возможных ошибок МП) включают следующие виды:

- отождествление имен собственных с именами нарицательными;
- терминологическое многообразие одного понятия;
- сохранение синтаксической структуры текста оригинала;
- неспособность систем МП к конвертации единиц измерения;
- дословный перевод идиом, устойчивых выражений;
- сохранение пунктуационных знаков (например, кавычек «») текста оригинала в тексте перевода;

— неточности в передаче аббревиатур и сокращений [Гусева и др., 2023].

Существуют и иные классификации ошибок машинного перевода (см., например, [Гребенюк, 2024]). При этом наиболее частотными ошибками являются лексико-семантические; причем именно они чаще всего приводят к коммуникативным сбоям. Авторы отмечают, что классификация ошибок машинного перевода «в значительной степени определяется языковой парой (и направлением перевода в этой паре), типом текста и целью перевода» [Там же, с. 18]. Интересно то, что тип используемой системы МП мало влияет на распределение ошибок по группам: все системы показывают примерно одинаковые результаты.

Очевидно, что внедрение в архитектуру систем МП нейросетей должно привести и к изменению подходов к оценке качества машинного перевода, алгоритма оценки и используемых метрик автоматической оценки. Вероятно, и классификации ошибок МП, которые мы получим в будущем, будут несколько иными.

3.2. Что создает искусственный интеллект?

Ответ на этот вопрос, казалось бы, вполне очевиден: ИИ создает текст, будь то текст перевода или текст, сгенерированный, например, чатом GPT. При более внимательном рассмотрении ситуации использования ИИ это утверждение, однако, вызывает сомнения.

Прежде всего, необходимо вспомнить, что есть *текст*. Классическое определение текста предложил И. Р. Гальперин: текст — «это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [Гальперин, 2006, с. 18]. В этом определении, по сути, названы признаки текста, те его характеристики, которые и делают текст текстом. К их числу мы относим следующие:

— текст — продукт *речетворчества*; заметим, что способностью к речетворческой деятельности обладает только человек;

— единицы текста объединены разными типами *логической* связи; заметим, что логика — это «нормативная наука о законах, принципах и методах идеализированных рассуждений, выражающих результаты *рациональной мыслительной деятельности человека* (курсив наш. — В. С.), а также о языке как средстве такой деятельности» [Гуманитарный портал: Электронный ресурс], из чего следует, что мыслительная деятельность,

основанная на логических принципах, — прерогатива человека, и именно человек использует язык как средство такой деятельности, а текст, соответственно, это результат мыслительной деятельности;

— текст обладает свойством *целенаправленности*; заметим, что задавать тексту определенную цель, использовать текст как средство достижения ранее установленной цели может только человек;

— текст имеет *прагматическую установку*; заметим, что прагматика предполагает связь текста с его создателем и пользователем, а значит, и включенность текста в акт коммуникации, в котором он является инструментом этой коммуникации, во *внешнюю* по отношению к самому себе среду; другими словами, прагматическая установка текста не может быть реализована без учета *экстралингвистических* факторов.

Очевидно, что текст, создаваемый системой ИИ, не обладает ни одним из этих качеств прежде всего потому, что субъект создания текста (в нашем случае — система МП) не способен к мыслительной деятельности. А значит, нельзя говорить ни о какой-то целенаправленности в создании продукта ИИ, ни о прагматической установке, которая может задаваться только человеком. И логичность такого продукта, если она, конечно, в нем присутствует, что далеко не всегда очевидно, не может рассматриваться как результат *мыслительной* деятельности.

Продуцирование текста можно рассмотреть и с точки зрения теории речевых актов, согласно которой «процесс порождения текста являет собой сложную многоуровневую структуру; он начинается с формирования замысла и оформления коммуникативного намерения, на последующих этапах происходит оформление смысловой структуры текста, ее структурирование, лишь на заключительных этапах осуществляется процесс кодирования информации в вербальной форме» [Захарова, 2011, с. 194]. Сформировать замысел и оформить коммуникативное намерение, а также осуществить и все последующие мыслительные операции опять же может только человек. Таким образом, то, что создает система ИИ, не может считаться текстом.

Так что же создает ИИ? По нашему мнению, продукт, создаваемый искусственным интеллектом, заслуживает названия *текстоид*. Текстоид определяется как «сетевой текст, лишенный твердой фиксации, свободно меняющий свою форму и контекст, переходящий от пользователя к пользователю... Текстоид может объединять в себе элементы высказываний самых разных речевых субъектов, свободно их перемешивать операциями “вырезать” и “вставить”» [Текстоид: Электронный ресурс]. Собственно, этим и занимается искусственный интеллект.

Важно понимать, что текстоид — это неизбежный результат деятельности ИИ; особенности этого продукта определяются самой природой

искусственного интеллекта, которая отражается в приводимых определениях. А. И. Буравлев и В. М. Ветошкин предлагают одно из возможных определений ИИ: это «объединение (симбиоз) технических и программных средств, способное выполнять некоторые творческие функции в определенной предметной области, которые традиционно считаются прерогативой человека» [Буравлев и др., 2024, с. 36]. И далее: «Искусственный интеллект есть, по сути, интеллектуальный робот» [Там же, с. 42]. Системы ИИ способны решать поставленные им задачи благодаря наличию определенных структурно-функциональных элементов — баз данных, баз знаний, баз правил вывода умозаключений, баз связей с внешней средой (интерфейс), — представляющих собой «подсистемы логико-математических, процедурных, фреймовых и семантических моделей, описывающих свойства объектов, их отношения и связи, процессы взаимодействия, критерии и методы анализа и прогнозирования их влияния на внешнюю среду» [Там же, с. 39]. Создавая текстоид, системы ИИ работают исключительно на поверхностном уровне исходного текста (ИТ), оперируют отдельными языковыми элементами и предложениями как обозначениями (номинациями) отдельных объектов, действий, явлений. Такой подход определяется самой организацией искусственных (рекуррентных, глубоких и проч.) нейронных сетей с характерными для них архитектурой «кодер — декодер» и преобразованием слова в контекстный вектор (см., например, [Жилионис, 2024; Калинин, 2017]). Процесс решения переводческой задачи представляется следующим образом: на стороне предложения-источника (source sentence) кодер преобразует каждое отдельное слово в контекстный вектор, который, в свою очередь, декодер превращает в слово целевого предложения (target sentence). Механизм отслеживания позволяет системе фокусироваться на отдельных частях предложения-источника и контролировать точность перевода [Калинин, 2017, с. 71]. Общий принцип работы таких систем можно представить как «слово — слово», «предложение — предложение», но отнюдь не как «смысл — смысл».

3.3. Что не так с теми, кто использует ИИ?

Говоря об ограничениях систем ИИ, мы не можем и не должны игнорировать и тех, кто ими пользуется, в нашем случае — переводчиков. В конце концов, системы машинного перевода не живут своей собственной жизнью; они приводятся в действие человеком для решения задач, возникающих в профессиональной переводческой деятельности. Как пишет Н. К. Гарбовский, «перевод в цифровую эпоху представляет собой сложную систему противоречивых отношений в «биноме человек — искусственный интеллект (ИИ)» [Гарбовский, 2019, с. 10]. Будучи связанными друг с другом одной деятельностью, эти элементы бинома не могут не

влиять друг на друга. Для нас же важно, что «в биноме человек — ИИ» меняется и характер когнитивных процессов, происходящих в сознании переводчика-человека» [Там же]. Представляется, что на сегодняшний день эти изменения следует рассматривать как негативные.

Ранее мы уже писали о пагубном воздействии информационных технологий на профессиональное мышление переводчиков [Сдобников, 2022; Сдобников, 2023; Сдобников, 2024а; Сдобников, 2024б]. Прежде чем мы перечислим проявления этого воздействия, остановимся кратко на некоторых теоретических аспектах изучения переводческой деятельности на современном этапе.

Сейчас и в переводоведении, и в практической переводческой деятельности сложилась непростая ситуация: исследователи и переводчики-практики делятся на два лагеря, различающиеся общим представлением о том, что есть перевод. Одни придерживаются воззрений, сложившихся в рамках лингвистического переводоведения в 1960—1970-е годы (перевод — это преобразование текста на одном языке в текст на другом языке), другим ближе коммуникативно-функциональный подход (перевод — это создание текста, удовлетворяющего потребности получателя перевода и способного быть инструментом осуществления его деятельности). Мы придерживаемся мнения, что даже с точки здравого смысла второй подход более правильный. В конце концов, в реальности перевод осуществляется не «в никуда и ни для кого», а всегда *для кого-то и зачем-то*. Следовательно, чтобы перевод был полезным для получателя, то есть адекватным, переводчику необходимо осознавать, для кого он переводит, зачем он это делает и как текст перевода будет в дальнейшем использоваться его потребителем. Разумеется, это именно то, чего система МП никогда (именно никогда!) не сможет учесть или осознать, потому что ей нечем осознавать. Кроме того, она не включается как некий субъект в переводческое событие, происходящее именно потому, что необходимо при помощи перевода удовлетворить потребности лица, внешнего по отношению к самой системе. Поскольку ее деятельность лишена целеполагания (см. выше), машинный перевод, выполняемый ИИ, не направлен на достижение цели перевода, ибо цель перевода системой ИИ не учитывается и не может быть учтена.

Если так, то в биноме «человек — система ИИ» именно человек должен взять на себя выполнение функций учета *экстралингвистических, внешних по отношению к системе* факторов и, соответственно, учета цели выполнения перевода. Но именно в этом и проявляется сугубое «коварство» ИИ и заключается основная опасность: сама ситуация взаимодействия человека и системы ИИ такова, что человек невольно, неосознанно

начинает подчиняться алгоритму действий, который продиктован способом использования системы ИИ. В результате в сознании переводчика возникает иллюзия, что именно ИИ выполняет основную работу, а его задача — лишь скорректировать полученный на выходе перевод, иллюзия некоей подчиненности системе, другими словами, переводчик начинает ощущать себя неким придатком к системе МП. При таком отношении невозможно надеяться на повышение качества перевода.

Мы не случайно упомянули две переводоведческие парадигмы. Дело в том, что если до появления систем машинного перевода еще можно было надеяться на избавление от заблуждений, навеянных сугубо лингвистическим подходом к переводу, и на усвоение положений коммуникативно-функционального подхода, то сейчас эти надежды становятся все более призрачными. Размышляя о своей роли в производственном переводческом процессе, пытаясь найти свое место в нем, переводчики — под влиянием собственного опыта общения с системами МП и положений лингвистического переводоведения — усваивают (если они не сделали это раньше, во время обучения в вузе) все те же ложные представления о переводе, которые господствовали в доцифровую эпоху, укрепляются в своих заблуждениях. Не об этом ли свидетельствуют высказывания ученых, формулирующих их понимание назначения перевода? Например: «Если говорить об автоматизации перевода и особенно о выполнении перевода машиной без человека, то следует отметить *возрастающую актуальность теории закономерных соответствий и единиц перевода* (курсив мой. — В. С.)» [Чиков и др., 2023, с. 109]. Можно встретить и такое утверждение: «...задачей перевода является *трансформация текста из одного языка в другой при сохранении его смысла и содержания* (курсив мой. — В. С.). Учитывая тот факт, что текст представляет собой естественную информацию, можно сказать, что нейронная сеть вполне способна выполнить такую задачу» [Асонова, 2024, с. 6]. В этом утверждении звучат даже не отголоски «классических» определений перевода, предложенных в прошлом веке; нет, это прямое повторение того, что было тогда заявлено. При этом многие исследователи и переводчики не хотят признать тот факт, что текст перевода должен соответствовать ожиданиям получателя перевода в данной коммуникативной ситуации, что каждый создаваемый на определенном языке текст в той или иной мере уникален: он создается в такой форме и с таким содержанием, сочетание которых только и способно обеспечить успешность его использования в рамках определенной предметной деятельности в не менее определенной ситуации. А ситуации эти не только многообразны, но и неповторимы, из чего следует, что один и тот же текст может быть переведен по-разному в зависимости от *цели перевода*.

Помимо ложного позиционирования переводчика в системе взаимодействия «человек — система ИИ» есть и другие негативные последствия использования ИИ в переводе. В частности, в сознании переводчиков текст перестает восприниматься как коммуникативное и структурно-семантическое единство (см. выше определение текста по И. Р. Гальперину). Переводчик и / или редактор перестают обращать внимание на внутреннюю целостность и связность текста, его когерентность, его смысловую структуру, фокусируясь на отдельных предложениях и словах. В результате продукт, даже подвергшийся редакторской правке, все равно не превращается в текст, а остается текстоидом.

3.4. Постредактирование как неизбежность. Уточнение подходов

Итак, результат машинного, даже нейросетевого, перевода несовершенен, из чего следует необходимость его редактирования, особенно если перевод предназначен для публикации или использования в других целях, требующих точной передачи информации в соответствующей форме; другими словами, если требуется высокая эргономичность текста перевода. Проще говоря, *текстоид нужно превратить в текст*. И эта задача должна решаться в процессе постредактирования машинного перевода (ПРМП).

В настоящее время количество публикаций, посвященных видам и особенностям постредактирования, задачам, решаемым в процессе постредактирования, требованиям к постредактору и проблемам обучения постредактированию, достаточно велико (см., например, [Беляева и др., 2023; Малявина 2024а; Малявина 2024б; Нестерова и др., 2020; Нечаева и др., 2018; Хромова и др., 2024; Carl et al., 2015; Koronen, 2016а; Koronen, 2016б; Pérez Macías, 2020; Screen, 2019]). Только в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU по ключевому слову «постредактирование» можно найти 191 статью (по данным на начало февраля 2025 года). И это публикации только российских авторов. Есть основания полагать, что количество зарубежных публикаций на эту тему превышает количество российских публикаций в разы.

В деятельности переводческих компаний, а также в теоретических исследованиях ПРМП принято подразделять постредактирование на «легкое» (поверхностное, черновое, light post-editing) и полное (максимальное, full post-editing). Н. М. Нестерова и Н. М. Злых, ссылаясь на стандарт ISO 18587, поясняют: «Легкое постредактирование — это процесс постредактирования с целью получения исключительно понятного текста без стремления создать продукт (перевод), сравнимый по качеству с переводом, выполненным человеком, другими словами, легкое постредактирование выполняется, чтобы сделать полученный текст читабельным, не более того... Полное постредактирование, по стандарту, подразумевает получение

ние продукта (перевода), сравнимого с переводом, выполненным человеком, то есть такое постредактирование, напротив, направлено на то, чтобы не только исправить лексико-грамматические или смысловые ошибки, допущенные системами автоматического перевода, но и воссоздать стиль оригинала в переводе» [Нестерова и др., 2020, с. 107]. Так же дифференцируют и определяют виды ПРМП и другие авторы [Hu et al., 2016; Koronen, 2016a; Koronen, 2016b; Screen, 2019]. Некоторые авторы выделяют и промежуточный вид ПРМП [Carl et al, 2015], а именно «частичное постредактирование» (partial post-editing), включающее все виды ПРМП в диапазоне от поверхностного до полного постредактирования, однако он не рассматривается в литературе как отдельный вид; как правило, обсуждаются два основных вида ПРМП.

Необходимо отметить, что на практике выбор между двумя видами ПРМП определяется потребностями конечного получателя текста: он либо хочет просто ознакомиться с содержанием текста, либо хочет получить текст перевода высокого качества, возможно, для дальнейшей публикации, на что содержатся указания во всех ранее упомянутых работах. Но, собственно, этим весьма общим утверждением все и заканчивается. Несмотря на упоминания конечного получателя перевода и его ожиданий в отношении переводческого продукта, все действия постредактора сводятся либо к созданию пусть «сырого», но вполне читабельного продукта, либо к созданию совершенного текста, сопоставимого по качеству с ручным переводом. Однако можно вполне обоснованно предполагать, что в разных ситуациях с использованием машинного перевода, а значит, и постредактирования качество конечного продукта может существенным образом варьироваться. Более того, не только по форме, но и по своему содержанию переводной текст может в *той или иной степени* отличаться от оригинала «в зависимости от требований заказчика к качеству перевода и способа использования конечного продукта (перевод наш. — В. С.)» [Carl et al, 2015, с. 147].

Считаем необходимым сделать некоторые уточнения теоретического, дидактического и практического характера.

1. Прежде всего, профессионально осуществлять постредактирование может только человек, умеющий переводить на высоком уровне. Даже если придерживаться общепринятой точки зрения, что ПРМП — это исправление ошибок (как содержательных, так и языковых), то нужно, чтобы постредактор умел обнаруживать ошибки, умел увидеть их в созданном машиной текстоиде. Этим он, в частности, отличается от простого пользователя системами МП, для которого многие погрешности в машинном переводе остаются неочевидными, незаметными. Переводчик же замечает то, что он сам никогда бы не привнес в текст перевода, то, чего он не до-

пустил бы, если переводил бы вручную. При этом он осознает, что ошибки машинного перевода — это неизбежный и вполне предсказуемый результат «безмозглости» и «бездуховности» машины.

2. Однако собственно переводческих навыков недостаточно, чтобы эффективно осуществлять постредактирование. Постредактор должен обладать дополнительными умениями и навыками, соответствующими характеру осуществляемой деятельности. Как справедливо замечают Н. В. Нечаева и С. Ю. Светова, «постредактирование машинного перевода имеет ряд особенностей, которые отличают его от традиционного перевода и редактирования “человеческого” перевода: минимальное количество времени на перевод, минимальные усилия постредактора, качество в соответствии с техническим заданием (минимальное или максимальное улучшение качества МП)» [Нечаева и др., 2018, с. 69]. Другими словами, постредактированию нужно учить, и наличие собственно переводческого опыта — это условие необходимое, но не достаточное.

3. А теперь — самое главное. Осуществляя постредактирование, переводчик-редактор, как и всякий профессиональный переводчик, должен четко осознавать, зачем, с какой целью создается данный текст на переводящем языке. То есть он должен придерживаться коммуникативно-функционального подхода не только к переводу, но и к постредактированию — вообще к осуществлению переводческой деятельности. Представляется, что выбор одного из общепризнанных видов постредактирования — легкого или полного — может оказаться недостаточным в определенной ситуации использования перевода, а главное — не соответствующим характеру тех задач, которые должны быть решены при помощи переводного текста. Нам импонирует подход, в соответствии с которым постредактирование может выполняться с разной «глубиной». Это означает, что не следует впадать в крайности («легкое» vs «полное» постредактирование), а нужно выбрать оптимальную глубину постредактирования, соответствующую потребностям заказчика / получателя перевода в отношении качества. Но для этого придется «окунуться» в коммуникативную ситуацию, в которой перевод будет использоваться, понять назначение переводного текста и цель перевода. Проще говоря, в процессе постредактирования специалист должен постоянно помнить, как и зачем заказчик будет использовать перевод.

Таким образом, постредактор — так же как и переводчик — должен обладать особым профессиональным мышлением, исключающим возможность низведения себя до уровня простого придатка к системе МП. Постредактор — «соучастник» в создании текста, который способен и должен служить эффективным инструментом осуществления получателем перевода его предметной деятельности.

4. Заключение = Conclusions

Искусственный интеллект в виде систем машинного перевода в профессиональной переводческой деятельности может оказать медвежью услугу, если воспринимать его как основного субъекта осуществления переводческой деятельности, а себя — как некое дополнение к нему, если не сопротивляться тому воздействию, которое сама организация использования систем МП оказывает на сознание переводчика и постредактора. Искусственный интеллект может служить надежным помощником, инструментом в осуществлении переводческой деятельности, если к нему относиться именно таким образом, воспринимать его как инструмент, сохраняя за собой право оставаться основным субъектом осуществления перевода. Представление о том, что система ИИ — это партнер человека, таит в себе угрозу оказаться в подчиненном положении по отношению к ИИ. Между человеком и ИИ не может быть равноправных отношений, как не может быть равноправных отношений между токарем и токарным станком.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Гуманитарный портал [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://gtmarket.ru/concepts/6892> (дата обращения 03.02.2025).
2. Захарова Л. Д. TEXT PRODUCTION (порождение текста) / Л. Д. Захарова // Основные понятия англоязычного переводоведения: терминологический словарь-справочник. — Москва : РАН ; ИНИОН, 2011. — С. 194.
3. Текстоид — *Философская* энциклопедия [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://terme.ru/termin/tekstoid.html> (дата обращения 03.02.2025).

Литература

1. Асонова О. В. Нейросетевой и автоматизированный перевод : внедрение искусственного интеллекта и задачи постредактирования / О. В. Асонова // Лингвистическая компетентность в современной образовательной среде : сборник статей II Заочной научно-практической конференции. — Санкт-Петербург : Михайловская военная артиллерийская академия, 2024. — С. 4—8.
2. Беляева Л. Н. Машинный перевод в системе обучения : процедуры и ресурсы / Л. Н. Беляева, О. Н. Камшилова // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. — 2023. — № 208. — С. 230—239. — DOI: 10.33910/1992-6464-2023-208-230-239.
3. Буравлев А. И. Искусственный интеллект : сущность, принципы работы, области применения / А. И. Буравлев, В. М. Ветошкин // Вооружение и экономика. — 2024. — № 2 (68). — С. 33—42.
4. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 5-е, стереотипное / И. Р. Гальперин. — Москва : КомКнига, 2007. — 144 с. — ISBN 5-484-00854-9.

5. *Гарбовский Н. К.* Интеллект для перевода : искусный или искусственный? / Н. К. Гарбовский // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. — 2019. — № 4. — С. 3—25.

6. *Гончаров А. А.* Ошибки в машинном переводе : проблемы классификации / А. А. Гончаров, Н. В. Бунтман, В. А. Нурiev // Системы и средства информатики. — 2019. — Т. 29. — № 3. — С. 92—103. — DOI: 10.14357/08696527190308.

7. *Гребенюк А. В.* Проблемы типологии ошибок машинного перевода : стремление к универсальности vs таргетированность / А. В. Гребенюк // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. — 2024. — Т. 17. — № 2. — С. 7—25. — DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-2-7-25.

8. *Гусева Т. В.* Ошибки машинного перевода (на материале немецкого языка) / Т. В. Гусева, В. А. Павлова // Язык как основа современного межкультурного взаимодействия: материалы X Международной научно-практической конференции. — Пенза : Пензенский государственный технологический университет, 2023. — С. 73—79. — ISBN 978-5-98903-374-4.

9. *Добрынина О. Л.* Академическое письмо для публикационных целей и машинный перевод : возможен ли симбиоз? / О. Л. Добрынина // Высшее образование в России. — 2021. — Т. 30. — № 12. — С. 87—101. — DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-12-87-101

10. *Жилионис Э. С.* Проблемы нейросетевого перевода / Э. С. Жилионис // Актуальные проблемы лингвистики, переводоведения, языковой коммуникации и лингводидактики : сборник материалов XXIV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. — Красноярск : Сибирский государственный университет науки и технологий им. акад. М. Ф. Решетнева, 2024. — С. 64—67.

11. *Калинин С. М.* Обзор современных подходов к улучшению точности современного машинного перевода / С. М. Калинин // Rhema. Рема. — 2017. — № 2. — С. 70—79.

12. *Камшилова О. Н.* Машинный перевод в эпоху цифровизации : новые практики, процедуры и ресурсы / О. Н. Камшилова, Л. Н. Беляева // Terra Linguistica. — 2023. — Т. 14. — № 1. — С. 41—56. — DOI: 10.18721/JHSS.14105.

13. *Королькова С. А.* Эффективность систем машинного перевода в урбанистическом дискурсе / С. А. Королькова, А. А. Новожилова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. — 2021. — Т. 20. — № 3. — С. 87—98. — DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.3.8>.

14. *Малявина А. Н.* Постредактирование : некоторые теоретические вопросы / А. Н. Малявина // Новейшая филология : современные парадигмы исследований : сборник тезисов участников Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти проф. Г. Г. Галич. — Омск : Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 2024а. — С. 126—128. — ISBN 978-5-7779-2688-3.

15. *Малявина А. Н.* Обучение постредактированию будущих переводчиков / А. Н. Малявина // Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. — Мурманск : Мурманский арктический университет, 2024б. — С. 34—37.

16. *Нестерова Н. М.* Постредактирование машинного перевода как профессиональный навык современного переводчика / Н. М. Нестерова, Н. М. Злых // Перевод, реклама и PR в современной коммуникации. — Пермь : Пермский национальный исследовательский политехнический университет, 2022. — Т. 1. — С. 106—109.

17. Нечаева Н. В. Постредактирование машинного перевода как актуальное направление подготовки переводчиков в вузах / Н. В. Нечаева, С. Ю. Светова // Вопросы методики преподавания в вузе. — 2018. — Т. 7. — № 25. — С. 64—72. — DOI: 10.18720/HUM/ISSN 2227-8591.25.07.

18. Нуриев В. А. Методы оценки качества машинного перевода : современное состояние / В. А. Нуриев, А. Ю. Егорова // Информатика и её применения. — 2021. — Т. 15. — Выпуск 2. — С. 104—111. — DOI: 10.14357/19922264210215.

19. Петрова О. В. О явных и скрытых ошибках машинного перевода / О. В. Петрова // Язык. Культура. Коммуникация : изучение и обучение. Сборник научных трудов VII Международной научно-практической конференции. — Орел : Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева, 2023. — С. 49—54.

20. Раренко М. Б. Машинный перевод как вызов / М. Б. Раренко // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. — 2021. — № 2. — С. 117—126.

21. Сдобников В. В. Меняется ли переводческая парадигма в цифровую эпоху? / В. В. Сдобников // Язык. Культура. Перевод : межкультурная коммуникация в цифровую эпоху : сборник научных трудов / под ред. В. А. Иконниковой, Е. В. Глушко, Н. А. Гусейновой. — Москва : МГИМО (Одинцовский филиал), 2022. — С. 25—36.

22. Сдобников В. В. Искусственный интеллект в технологиях машинного перевода : проблемы и перспективы / В. В. Сдобников // IT-лингвистика : теоретические основы : монография / под общ. ред. Ж. В. Никоновой, В. М. Бухарова. — Нижний Новгород : НГЛУ, 2023. — С. 31—66. — ISBN 978-5-85839-410-5.

23. Сдобников В. В. Искусственный интеллект в переводе : уточнение понятий / В. В. Сдобников // Военно-филологический журнал. — 2024а. — № 4. — С. 38—47.

24. Сдобников В. В. Переводческое мышление в эпоху цифровизации / В. В. Сдобников // Актуальные вопросы переводоведения и регионоведения : сборник статей Международного форума, 20—22 октября 2023 г. — Нижний Новгород : НГЛУ, 2024б. — С. 222—230.

25. Хромова А. А. Постредактирование англо-русского машинного перевода : проблемы, методы и оптимизация / А. А. Хромова, Р. Р. Лукманова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2024. — Т. 17. — Выпуск 3. — С. 948—956.

26. Чиков М. Б. Цифровые проекты в IT-лингвистике. Создание и внедрение новых систем обработки языка / М. Б. Чиков, Н. Д. Чикова // IT-лингвистика : теоретические основы : монография / Под общ. Ред. Ж. В. Никоновой, В. М. Бухарова. — Нижний Новгород : НГЛУ, 2023. — С. 103—119. — ISBN 978-5-85839-410-5.

27. Carl M. Post-Editing Machine Translation : Efficiency, Strategies, and Revision Processes in Professional Translation Settings / M. Carl, S. Gutermuth, S. Hansen-Schirra // Psycholinguistic and Cognitive Inquiries into Translation and Interpreting / Aline Ferreira, John W. Schwieter (Ed.). — Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2015. — Pp. 145—174. — ISBN 9789027258557.

28. Hu Ke. a Comparative Study of Post-Editing Guidelines / Ke Hu, Patrick Cadwell // Modern Computing. — 2016. — Vol. 4. — № 2. — Pp. 346—353.

29. Koponen M. Is machine translation post-editing worth the effort? a survey of research into post-editing and effort / M. Koponen // The Journal of Specialised Translation. — 2016а. — Issue 25. — Pp. 131—148.

30. Koponen M. Machine Translation Post-Editing and Effort : academic dissertation / M. Koponen. — Helsinki : University of Helsinki, 2016б. — 64 p.

31. Pérez Macías L. What Do Translators Think About Post-Editing? a Mixed-Methods Study of Translators' Fears, Worries And Preferences On Machine Translation Post-Editing / L. Pérez Macías // *Revista Tradumática*. — 2020. — № 18. — Pp. 11—32.

32. Screen B. What effect does post-editing have on the translation product from an end-user's perspective? / B. Screen // *The Journal of Specialised Translation*. — 2019. — № 31. — Pp. 133—157.

Статья поступила в редакцию 23.02.2025,
одобрена после рецензирования 04.04.2025,
подготовлена к публикации 16.04.2025.

Material resources

Humanitarian portal. Available at: <https://gtmarket.ru/concepts/6892> (accessed 03.03.2025). (In Russ.).

Textoid — *Philosophical Encyclopedia*. Available at: <https://terme.ru/termin/tekstoid.html> (accessed 03.02.2025). (In Russ.).

Zakharova, L. D. (2011). TEXT PRODUCTION. In: *Basic concepts of English translation studies: a terminological reference dictionary*. Moscow: RAS; INION. P. 194. (In Russ.).

References

Asonova, O. V. (2024). Neural network and automated translation: the introduction of artificial intelligence and post-editing tasks. In: *Linguistic competence in the modern educational environment: collection of articles of the II Correspondence scientific and practical conference*. Saint Petersburg: Mikhailovskaya Military Artillery Academy. 4—8. (In Russ.).

Belyaeva, L. N., Kamshilova, O. N. (2023). Machine translation in the training system: procedures and resources. *Izvestiya RSPU named after A. I. Herzen*, 208: 230—239. DOI: 10.33910/1992-6464-2023-208-230-239. (In Russ.).

Buravlev, A. I., Vetoshkin, V. M. (2024). Artificial intelligence: essence, principles of work, areas of application. *Armament and economics*, 2 (68): 33—42. (In Russ.).

Carl, M., Gutermuth, S., Hansen-Schirra, S. (2015). Post-Editing Machine Translation: Efficiency, Strategies, and Revision Processes in Professional Translation Settings. In: *Psycholinguistic and Cognitive Inquiries into Translation and Interpreting*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. 145—174. ISBN 9789027258557.

Chikov, M. B., Chikova, N. D. (2023). Digital projects in IT linguistics. Creation and implementation of new language processing systems. In: *IT-linguistics: theoretical foundations: monograph*. Nizhny Novgorod: NGLU. 103—119. ISBN 978-5-85839-410-5. (In Russ.).

Dobrynina, O. L. (2021). Academic writing for publication purposes and machine translation: is symbiosis possible? *Higher education in Russia*, 30 (12): 87—101. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-12-87-101. (In Russ.).

Galperin, I. R. (2007). *Text as an object of linguistic research. 5th edition, stereotypical*. Moscow: KomKniga. 144 p. ISBN 5-484-00854-9. (In Russ.).

Garbovsky, N. K. (2019). Intelligence for translation: artificial or artificial? *Bulletin of the Moscow University. Episode 22. Theory of translation*, 4: 3—25. (In Russ.).

Goncharov, A. A. (2019). Errors in machine translation: classification problems. *Systems and means of computer science*, 29 (3): 92—103. DOI: 10.14357/08696527190308. (In Russ.).

- Grebenyuk, A. V. (2024). Problems of typology of machine translation errors: striving for universality vs targeting. *Bulletin of the Moscow University. Episode 22. Theory of translation*, 17 (2): 7—25. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-2-7-25. (In Russ.).
- Guseva, T. V., Pavlova, V. A. (2023). Machine translation errors (based on the German language). In: *Language as the basis of modern intercultural interaction: proceedings of the X International Scientific and Practical Conference*. Penza: Penza State Technological University. 73—79. ISBN 978-5-98903-374-4. (In Russ.).
- Hu Ke., Cadwell, P. (2016). A Comparative Study of Post-Editing Guidelines. *Modern Computing*, 4 (2): 346—353.
- Kalinin, S. M. (2017). Review of modern approaches to improving the accuracy of modern machine translation. *Rhema. Rema*, 2: 70—79. (In Russ.).
- Kamshilova, O. N. (2023). Machine translation in the era of digitalization: new practices, procedures and resources. *Terra Linguistica*, 14 (1): 41—56. DOI: 10.18721/JHSS.14105. (In Russ.).
- Khromova, A. A., Lukmanova, R. R. (2024). Post-editing of English-Russian machine translation: problems, methods and optimization. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 17 (3): 948—956. (In Russ.).
- Koponen, M. (2016a). Is machine translation post-editing worth the effort? a survey of research into post-editing and effort. *The Journal of Specialized Translation*, 25: 131—148.
- Koponen, M. (2016b). *Machine Translation Post-Editing and Effort: academic dissertation*. Helsinki: University of Helsinki. 64 p.
- Korolkova, S. A., Novozhilova, A. A. (2021). The effectiveness of machine translation systems in urban discourse. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 2, Linguistics*, 20 (3): 87—98. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.3.8>. (In Russ.).
- Malyavina, A. N. (2024a). Post-editing: some theoretical issues. In: *Modern philology: modern research paradigms: a collection of abstracts of participants of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to the memory of Professor G. G. Galich*. Omsk: Omsk State University named after F. M. Dostoevsky. 126—128. ISBN 978-5-7779-2688-3. (In Russ.).
- Malyavina, A. N. (2024b). Teaching post-editing to future translators. In: *Actual problems of linguistics and methods of teaching foreign languages: materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation*. Murmansk: Murmansk Arctic University. 34—37. (In Russ.).
- Nechaeva, N. V. (2018). Post-editing machine translation as an urgent area of translation training in universities. *Questions of teaching methods at the university*, 7 (25): 64—72. DOI: 10.18720/HUM/ISSN 2227-8591.25.07. (In Russ.).
- Nesterova, N. M., Zlykh, N. M. (2022). Post-editing machine translation as a professional skill of a modern translator. In: *Translation, advertising and PR in modern communication, 1*. Perm: Perm National Research Polytechnic University. 106—109. (In Russ.).
- Nuriev, V. A., Egorova, A. Yu. (2021). Methods for assessing the quality of machine translation: the current state. *Computer Science and its applications*, 15 (2): 104—111. DOI: 10.14357/19922264210215. (In Russ.).
- Pérez Macías, L. (2020). What Do Translators Think About Post-Editing? a Mixed-Methods Study of Translators' Fears, Worries And Preferences On Machine Translation Post-Editing. *Revista Tradumàtica*, 18: 11—32.

- Petrova, O. V. (2023). On explicit and hidden machine translation errors. In: *Language. Culture. Communication: study and learning. Collection of scientific papers of the VII International Scientific and Practical Conference*. Orel: I. S. Turgenev Orel State University. 49—54. (In Russ.).
- Rarenko, M. B. (2021). Machine translation as a challenge. *Bulletin of the Moscow University. Episode 22. Theory of translation*, 2: 117—126. (In Russ.).
- Screen, B. (2019). What effect does post-editing have on the translation product from an end-user's perspective? *The Journal of Specialised Translation*, 31: 133—157.
- Sdobnikov, V. V. (2022). Is the translation paradigm changing in the digital age? In: *Language. Culture. Translation: intercultural communication in the digital age: a collection of scientific papers*. Moscow: MGIMO (Odintsovo Branch). 25—36. (In Russ.).
- Sdobnikov, V. V. (2023). Artificial intelligence in machine translation technologies: problems and prospects. In: *IT linguistics: theoretical foundations: monograph*. Nizhny Novgorod: NGLU. 31—66. ISBN 978-5-85839-410-5. (In Russ.).
- Sdobnikov, V. V. (2024a). Artificial intelligence in translation: clarifying concepts. *Military Philological Journal*, 4: 38—47. (In Russ.).
- Sdobnikov, V. V. (2024b). Translation thinking in the era of digitalization. In: *Actual issues of translation and regional studies: collection of articles of the International Forum, October 20—22, 2023*. Nizhny Novgorod: NGLU. 222—230. (In Russ.).
- Zhilionis, E. S. (2024). Problems of neural network translation. In: *Actual problems of linguistics, translation studies, language communication and linguodidactics: collection of materials of the XXIV All-Russian scientific and practical conference with international participation*. Krasnoyarsk: Siberian State University of Science and Technology named after Academician M. F. Reshetneva. 64—67. (In Russ.).

*The article was submitted 23.02.2025;
approved after reviewing 04.04.2025;
accepted for publication 16.04.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(3), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Тишина Е. В. Отношение к этическим и коммуникативным нормам в студенческих групповых чатах (по результатам социолингвистического опроса) / Е. В. Тишина, М. А. Захарова, М. В. Калинина // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 3. — С. 81—100. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-81-100.

Tishina, E. V., Zakharova, M. A., Kalinina, M. V. (2025). Attitudes Toward Ethical and Communicative Norms in Student Group Chats: Findings from a Sociolinguistic Survey. *Nauchnyi dialog*, 14 (3): 81-100. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-81-100. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Отношение к этическим и коммуникативным нормам в студенческих групповых чатах (по результатам социолингвистического опроса)

Тишина Елена Валерьевна¹

orcid.org/0009-0001-0419-5269

кандидат филологических наук,
доцент кафедры филологии
Lena-tishina@yandex.ru

Захарова Мария Алексеевна²

orcid.org/0009-0000-2856-1254

кандидат филологических наук,
преподаватель кафедры
гуманитарных дисциплин
forestwell@yandex.ru

Калинина Маргарита Владимировна²

orcid.org/0000-0002-4096-9663

кандидат филологических наук, доцент
кафедры гуманитарных дисциплин,
корреспондирующий автор
kalinina_8181@mail.ru

¹ Московский университет «Синергия»
(Москва, Россия)

² Волгоградский государственный
институт искусств и культуры
(Волгоград, Россия)

Attitudes Toward Ethical and Communicative Norms in Student Group Chats: Findings from a Sociolinguistic Survey

Elena V. Tishina¹

orcid.org/0009-0001-0419-5269

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Philology
Lena-tishina@yandex.ru

Maria A. Zakharova²

orcid.org/0009-0000-2856-1254

PhD in Philology, Lecturer,
Department of Humanities
forestwell@yandex.ru

Margarita V. Kalinina²

orcid.org/0000-0002-4096-9663

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Humanities,
corresponding author
kalinina_8181@mail.ru

¹ Moscow University “Synergy”
(Moscow, Russia)

² Volgograd State Institute
of Arts and Culture
(Volgograd, Russia)

© Тишина Е. В., Захарова М. А., Калинина М. В., 2025

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Цель статьи — проанализировать особенности трансформации этических и коммуникативных норм в жанре группового студенческого чата. Эмпирическую базу исследования составили данные социолингвистического опроса, проведённого в ноябре-декабре 2024 года с помощью Google Forms и состоящего из 5 разделов и 30 вопросов. В опросе приняли участие 95 студентов творческих специальностей двух возрастных групп: 1) от 17 лет до 21 года (89,47 %); 2) 22 года и старше (10,53 %). Предметом исследования в статье являются материалы двух начальных разделов опросника, характеризующие отношение респондентов к этическим и коммуникативным нормам русского языка. По результатам исследования сделан вывод о том, что в современной чат-коммуникации прослеживается ряд новых тенденций, в частности, нейтральное и положительное отношение к отсутствию приветствия и фразам «Заранее спасибо», «Я Вас услышал(а)». Выявлено, что ведущей коммуникативно-этической ценностью остаётся вежливость к адресату, при этом не все респонденты различают нейтральный (искренняя вежливость) и иронический (нарочитая вежливость) подтексты, что может приводить к коммуникативным неудачам. Отмечено, что в студенческом сообществе стремление соблюдать нормы письменной речи зависит от степени официальности беседы. Выявлена тенденция к разграничению делового и личного коммуникативного пространства.

Ключевые слова:

социолингвистический опрос; этические нормы; коммуникативные нормы; групповая чат-коммуникация; коммуникативные стратегии.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The aim of this article is to analyze the characteristics of the transformation of ethical and communicative norms within the genre of student group chats. The empirical basis for the study consists of data collected from a sociolinguistic survey conducted in November-December 2024 using Google Forms, comprising five sections and thirty questions. A total of 95 students from creative disciplines participated in the survey, divided into two age groups: 1) 17 to 21 years old (89.47%); 2) 22 years and older (10.53%). The focus of the research is on the materials from the first two sections of the questionnaire, which characterize respondents' attitudes toward ethical and communicative norms in the Russian. The findings indicate that contemporary chat communication reveals several new trends, particularly a neutral and positive attitude towards the absence of greetings and phrases such as "Thank you in advance" and "I hear you." It was found that politeness towards the recipient remains a leading communicative-ethical value; however, not all respondents distinguish between neutral (sincere politeness) and ironic (deliberate politeness) undertones, which may lead to communicative failures. Additionally, it was noted that within the student community, the adherence to written speech norms varies depending on the level of formality in the conversation. A trend towards differentiating between business and personal communicative spaces was also identified.

Key words:

sociolinguistic survey; ethical norms; communicative norms; group chat communication; communicative strategies.

УДК 81'42:004.738+316.454.52:378.1

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-81-100

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Отношение к этическим и коммуникативным нормам в студенческих групповых чатах (по результатам социолингвистического опроса)

© Тишина Е. В., Захарова М. А., Калинина М. В., 2025

1. Введение = Introduction

Актуальность исследования этических и коммуникативных норм в цифровой среде обусловлена стремительным развитием информационных технологий и их интеграцией в различные сферы жизни, включая образовательный процесс. В настоящее время студенческие групповые чаты, являющиеся формой опосредованного онлайн-взаимодействия, становятся неотъемлемой частью учебной коммуникации, порождая новые речевые жанры и требуя переосмысления традиционных норм общения. Соблюдение этических и коммуникативных норм в академической среде становится важным фактором эффективного и бесконфликтного взаимодействия. Исследование отношения в студенческих чатах к этическим и коммуникативным нормам расширяет представление о современном неофициальном или полуофициальном академическом общении в повседневных коммуникативных практиках, что определяет **актуальность нашей работы**.

Этикет чат-коммуникации окончательно не сформирован, носит рекомендательный характер, поэтому перед интернет-лингвистикой стоит задача не только описания всех новых жанров с целью выявления типичных особенностей каждого из них, но и изучения тех новых правил переписки, которые еще не были зафиксированы, однако являются отражением направления развития современной интернет-коммуникации.

До настоящего времени мы не располагаем исчерпывающими достоверными данными о том, как сами молодые носители языка оценивают важность соблюдения этических и коммуникативных норм, какие нарушения правил вежливости представляются им негативными, а какие оцениваются нейтрально или даже положительно; что думают студенты о современных тенденциях развития языка и языковых новациях. Этим обусловлена **новизна** предпринятого исследования. Изложенным выше так-

же определяется **цель предлагаемой статьи** — проанализировать коммуникативные и этические нормы, формирующиеся в академической среде между студентами в жанре группового чата.

Теоретической основой работы стали отечественные и зарубежные исследования в области интернет-лингвистики, касающиеся теории и практики сетевого дискурса, чат-коммуникации и цифрового этикета [Байкулова и др., 2023; Калинина, 2021; Карасик, 2019; Колокольцева, 2011; Лукинова, 2020; Лукинова, 2023; Лутовинова, 2009], критериев успешности / неуспешности речевых актов Дж. Остина [Остин, 1999], а также постулаты Г. П. Грайса и Дж. Лича [Grice, 1957; Leech, 2003]. Кроме того, учитывались труды ученых, излагающих свои классификации жанров электронной коммуникации и описывающих особенности коммуникации в групповом чате профессионального сообщества [Евсеева и др., 2022], исследующих коммуникативно-прагматические свойства обращения в виртуальном педагогическом дискурсе [Рабенко и др., 2024], рассматривающих нормы сетевого этикета [Мамина и др., 2018] и описывающих лингвистические характеристики интернет-чатов как вида коммуникации на материале русского [Подгорная и др., 2014], немецкого [Куловерова и др., 2014] и французского языков [Шангаева, 2012].

Исследователями отмечаются такие особенности чат-коммуникации, как дистантность, опосредованность, установка на неформальность общения, эмоциональность, комбинация письменно-устной формы общения, полимодальность сообщений, включающих визуальный, аудиальный и собственно текстовый компоненты. «Включаясь в деловое общение, участники чатов стремятся осуществить различные планы, реализуя собственно коммерческие цели; цели, связанные с получением / предоставлением информации, необходимостью солидаризироваться, решать бытовые, воспитательные и другие проблемы без существенной траты времени и сил» [Байкулова, 2023, с. 463]. Если мы говорим о студенческих чатах, то их основная цель — предоставление и получение быстрой вербальной информации, связанной с учебным процессом.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В статье обсуждаются результаты социолингвистического эксперимента, проведённого в формате предъявления студентам опросника (ноябрь-декабрь 2024 года). Целью стало изучение представлений студентов об этических, коммуникативных и языковых нормах, которые соблюдаются или нарушаются в групповых чатах. Основной блок опросника состоял из 5 разделов, включающих описания 30 речевых поступков и ситуаций. Участникам опроса было предложено аргументированно выразить своё

отношение к данным стимулам. Предполагались ответы в основном открытого типа:

Мне это нравится, потому что ...

Мне это не нравится, потому что ...

Мне это безразлично.

Полученный материал достаточно объёмен, поэтому в рамках данной статьи будут описаны результаты обработки двух разделов, связанных с этикетом и коммуникативными нормами общения.

Для обработки результатов использовался **метод описательной статистики**. Ответы респондентов также оценивались с точки зрения релевантности — точного соответствия запросу и возможности однозначной интерпретации. Была выделена группа вариативных ответов, учитывающих тот факт, что отношение к рассматриваемому речевому поступку может зависеть от ряда условий.

В предлагаемой работе изложены результаты исследования отношения к этическим и коммуникативным нормам в общении студентов творческих специальностей двух возрастных групп (всего в опросе приняли участие 95 человек): 1) от 17 лет до 21 года — 89,47 %; 2) 22 года и старше — 10,53 % (рис. 1):

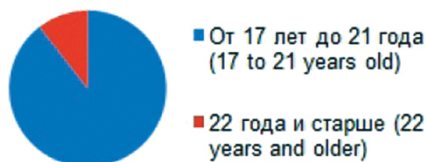

Рис. 1. Распределение студентов — участников опроса по возрастам

Fig. 1. Student survey participants classified by age

Основная масса опрошенных — это студенты, пришедшие в институт после школы (74,74 %). Студенты, поступившие в институт после колледжа, составляют примерно четверть опрошенных — 25,26 % (рис. 2):

Рис. 2. Распределение студентов — участников опроса по ступеням обучения

Fig. 2. Student survey participants classified by level of education

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Изучение речевого поведения в аспекте принятых в студенческом сообществе коммуникативных норм целесообразно начать с тех вопросов, которые наиболее ярко репрезентируют этический, коммуникативный и культурологический компоненты группового сознания. На наш взгляд, это вопросы, которые связаны с оценкой студентами реакции на отсутствие приветствия, с выявлением отношения к фразам *Заранее спасибо, Я Вас услышал(а)*, реакции на приветствие *«Доброго времени суток»* и особенностей использования обращения *Уважаемый / уважаемая* при бурном обсуждении темы и выражении несогласия. Все примеры-цитаты приводятся в авторской орфографии и пунктуации.

3.1. Отношение участников опроса к коммуникативным нормам с точки зрения речевого этикета

В рамках раздела 1 респондентам предлагалось высказать и аргументировать своё отношение к четырём речевым поступкам, связанным с обращением к собеседнику. Ниже рассмотрены речевые поступки и реакция респондентов на них. Результаты кратко представлены в таблице (табл. 1).

Таблица 1
Table 1

Отношение участников опроса к коммуникативным нормам
с точки зрения речевого этикета
= Participants' attitude to communicative norms from the point
of view of spoken etiquette

Стимул для оценивания	Нравится	Не нравится	Безразлично	Вариативные ответы	Нерелевантные ответы
Отсутствие приветствия	5,26 %	62,11 %	28,42 %	—	4,21 %
Фразы <i>Заранее спасибо, Я Вас услышал(а)</i>	49,47 %	14,74 %	22,1 %	11,58 %	2,11 %
Приветствие <i>Доброго времени суток</i>	41,05 %	14,74 %	35,79 %	6,32 %	2,1 %
Обращение <i>Уважаемый / Уважаемая</i> при бурном обсуждении темы и выражении несогласия (<i>Иван, уважаемый, а Вам не кажется, что...</i>)	13,68 %	56,84 %	17,9 %	8,42 %	3,16 %

ОТСУТСТВИЕ ПРИВЕТСТВИЯ

1) «Не нравится / раздражает» (59 ответов, 62,11 %). По мнению респондентов, отсутствие приветствия говорит о презрении, безразличии или неуважении к собеседнику, попытке демонстрировать превосходство над адресатом, пренебрежении этикетными и этическими нормами или невежестве и бестактности адресанта. Отдельные респонденты отметили эмоционально-этический аспект приветствия: *...с психологической точки зрения приветствие это пожелание здоровья и долгой жизни и оно настраивает диалог на позитивное взаимодействие* (здесь и далее сохранены орфография и пунктуация ответов участников эксперимента). Вежливость, по мнению отдельных участников опроса, должна быть взаимной: *...обычно я всегда приветствую собеседника и ожидаю от него того же*. Приветствие, даже короткое, является для данной группы респондентов неотъемлемой частью общения.

2) «Безразлично / нейтрально» (27 ответов, 28,42 %). Отсутствие приветствия, по мнению отдельных участников опроса, вполне приемлемо в регулярном дружеском общении: *...переписка в группе фактически не заканчивается, значит и смысла говорить привет и пока — нет*. При этом часть респондентов отмечает, что отсутствие приветствия *«создаёт напряжённую атмосферу»* и в целом услышать (прочитать) приветствие *«всегда приятно»*, особенно если пишет незнакомый человек. Отсутствие приветствия, по мнению отдельных участников опроса, может говорить о недостаточной воспитанности собеседника, но данный фактор не влияет на психологическое состояние респондента: *Не беру в голову, так как каждый человек воспитан по-разному*. Отмечается также связь этого речевого поступка с формальностью / неформальностью общения, со степенью социально-психологической близости участников общения: *Отсутствие приветствия — это нормально, вполне естественно в переписке близких людей, хороших друзей и т. д.* Таким образом, для данной группы опрошенных наличие приветствия является желаемым, но необязательным (факкультативным) элементом общения.

3) «Нормально / нравится» (5 ответов, 5,26 %). По мнению респондентов данной группы, долгие приветствия неуместны, так как лишают деловое общение лаконичности и точности: *...в групповых чатах нужно общаться по делу...; ...человек сразу задаёт вопрос или тему, которую хочет обсудить*. Таким образом, отсутствие приветствия расценивается как экономия времени собеседника, а приветствие воспринимается как этикетная рамка высказывания, второстепенная при неформальном общении.

Нерелевантные ответы дали 4 человека (4,21 %): *Да* и *Холодно* (не содержат аргументации или допускают неоднозначное толкование).

ФРАЗЫ «ЗАРАНЕЕ СПАСИБО», «Я ВАС УСЛЫШАЛ(А)»

1) «Нравится» (47 ответов — 49,47 %). По мнению респондентов, указанные фразы говорят о внимании: *...это вежливо и дает понять то, что вы услышаны*; об уважении к собеседнику и к его времени, заинтересованности в адресате: *...так человек показывает, что ценит моё время и ему важно найти со мной общий язык*; о реальной благодарности за услугу, вежливости и внутренней культуре, отзывчивости, наличии обратной связи. По мнению участников опроса, включённых в данную группу, фразы «Заранее спасибо», «Я Вас услышал(а)» улучшают психологическое состояние собеседника: *...мне приятно от этих слов*; *...настраивает на позитивный лад в разговоре*. Отдельные респонденты отмечают, что им нравится официальность таких реплик. На наш взгляд, однако, заявленные в вопросе фразы нравятся тем респондентам, которые понимают их буквально.

2) «Безразлично / нормально / нейтрально» (21 ответ — 22,1 %). Получены в основном односложные ответы. Мы полагаем, что в данном случае нельзя исключать нежелание или невозможность реципиентов развернуто ответить на поставленный вопрос.

3) «Не нравится» (14 ответов — 14,74 %). Как отмечают респонденты данной группы, причины неприятия фраз «Заранее спасибо», «Я Вас услышал(а)» — это звучащие в них пассивная агрессия и манипуляция: *...автоматически обязывает выполнить какое-либо действие...*; грубость и «негативный подтекст», излишняя официальность, пренебрежение собеседником или стремление прекратить беседу: *...«заранее спасибо» обязывает, а «я вас услышал(а)» звучит как попытка поскорее отделаться от человека*.

4) Неоднозначное отношение к фразам (11 ответов — 11,58 %). Респонденты отмечают, что восприятие реплик «Заранее спасибо», «Я Вас услышал(а)» зависит от контекста, то есть дополнительных дискурсивных характеристик высказывания: *Зависит от тона говорящего, был ли это сарказм или искреннее высказывание; Мне нравится эта фраза, но в зависимости от того, с какой интонацией её произнесут*. При этом реплика «Я Вас услышал(а)» может восприниматься как наделённая саркастическими коннотациями и достаточно агрессивная, а может, наоборот, ставить точку в диалоге, то есть являться функционально значимой. Фраза «Заранее спасибо» может быть уместна в том случае, когда собеседник согласился выполнить работу, в противном случае данное высказывание звучит как принуждение и может вызвать отторжение. На наш взгляд, респонденты данной группы продемонстрировали более глубокое понимание речевых ситуаций, в которых могут встретиться фразы «Заранее спасибо», «Я Вас услышал(а)».

Два ответа (2,11 %) признаны нерелевантными.

ПРИВЕТСТВИЕ «ДОБРОГО ВРЕМЕНИ СУТОК»

1) «Нравится» (39 ответов — 41,05 %). Респонденты отмечают, что у них такое приветствие ассоциируется с соблюдением норм этикета (вежливостью, культурностью), уважением «старых традиций», проявлением творческого начала, учётом экстралингвистических факторов: *Мне это нравится, потому что никогда не знаешь когда человек прочитает письмо.* Отдельные участники опроса отметили положительную психологическую реакцию на данное приветствие: *звучит очень доброжелательно; звучит элегантнее, чем привет; звучит интересно; это удобно; звучит забавно.* Интересны отдельные ассоциации: *Мне это нравится, потому что у меня это приветствие ассоциируется с теле- и радиопередачами.*

2) «Безразлично / нейтрально / нормально / не важно» (34 ответа — 35,79 %). Отдельные респонденты не видят в приветствии «Доброго времени суток» ничего необычного; встречается оригинальная ассоциация: *В целом безразлично, но может вызвать улыбку по причине ассоциации с тюремным жаргоном.*

3) «Не нравится» (14 ответов, 14,74 %). Для респондентов данной группы фраза «Доброго времени суток» является знаком низкой речевой культуры и воспринимается как речевая ошибка: *...данная фраза вызывает ощущение безграмотности, неумения красиво общаться.* Отдельные респонденты считают, что такое приветствие звучит «чересчур официально» и воспринимается как «неудачная попытка проявить оригинальность». Участники опроса отмечают, что есть иные, рекомендуемые речевыми нормами способы приветствия: *Данная форма не должна использоваться, вместо этого лучше сказать: здравствуйте, добрый день или добрый вечер.*

4) Ответы, подразумевающие неоднозначное отношение к фразе (6 ответов — 6,32 %). Часть респондентов отмечает, что необходимо учитывать экстралингвистический контекст, определяющий уместность использования данной реплики: *Эта фраза обычно используется при обращении к собеседникам, которые либо находятся в разных часовых поясах, либо заранее понятно, что сообщение прочитают в разное время суток. Не вижу ничего плохого, обычное обращение. Главное использовать его уместно.* С другой стороны, приветствие «Доброго времени суток» может быть уместно исключительно в юмористическом контексте, как элемент языковой игры: *Как шутка — приемлемо. Как начало разговора — неуместное низкосортное выражение.* Или оно может служить отличительной особенностью языковой личности: *Воспринимается скорее как юмористическое приветствие, всерьез так мало кто здоровается,*

а если и здороваётся, то это уже фишка человека, навряд ли к этому можно относиться негативно. Один респондент отмечает чисто функциональную нагрузку анализируемой фразы: *Я считаю, что подобное приветствие применимо в групповом диалоге со знакомыми, потому что не выражает никаких эмоций, но показывает то, что человек присутствует в данном диалоге.*

Два ответа не представляются релевантными (2,1 %).

ОБРАЩЕНИЕ «УВАЖАЕМЫЙ / УВАЖАЕМАЯ» ПРИ БУРНОМ ОБОСНОВАНИИ ТЕМЫ И ВЫРАЖЕНИИ НЕСОГЛАСИЯ («ИВАН, УВАЖАЕМЫЙ, А ВАМ НЕ КАЖЕТСЯ, ЧТО...»). Отметим, что в контексте опроса подразумевается не формально-этикетное, а вызывающе вежливое обращение к оппоненту.

1) «Не нравится» (54 ответа — 56,84 %). Респонденты данной группы отмечают, что подобное обращение является вежливым только формально, скрывая пассивную агрессию, сарказм, иронию, неискренность, недовольство, неприязнь, презрение, грубость, желание задеть оппонента: *...будто уважением к этому человеку стараются показательно пренебречь», «Для меня это как проявления неуважения к человеку, слишком сильное выделение его личности и как бы высмеивания», «маска вежливости», «токсичное отношение.* Подобное обращение оценивается отдельными участниками опроса как провокация (*глупое издевательство*), которая может усугубить развивающийся конфликт. Нарочито вежливое обращение *Уважаемый* трактуется отдельными респондентами как одна из негативных черт межличностного общения: *Я считаю подобные саркастические, язвительные, пассивно-агрессивные привычки общения бичом современного общества.*

2) «Безразлично / нейтрально» (17 ответов — 17,9 %). Участники этой группы не придают большого значения коннотациям, которые несёт нарочито вежливое обращение *Уважаемый* в споре: *Мне это безразлично, споры всегда были и будут в коллективе, а обращение уважаемый, оно просто есть.*

3) «Нравится» (13 ответов — 13,68 %). Респонденты данной группы отмечают, что указанное обращение *«разбавляет атмосферу», «звучит интересно»,* а также свидетельствует об уважении говорящего к оппоненту: *...это знак уважения собеседника, даже при учёте дискуссии; больше уважения получаю к себе.* Оно якобы позволяет перевести конфликт в более конструктивное русло: *Мне нравится, потому что соблюдается формат конструктивного спора или просто диалога; Уместно, так как позволяет не нарываться на конфликт.* Часть респондентов полагает, что *«это правила хороших манер»,* а также знак того, что *«у каждого*

человека должно быть своё мнение». На наш взгляд, участники опроса, положительно оценившие данную форму обращения, не улавливают содержащуюся в ней иронию, то есть не распознают стилистическую фигуру астеизма. Возможно, это связано с недостаточно высоким уровнем функциональной грамотности отдельных респондентов данной группы, что в перспективе может привести к коммуникативной неудаче (например, в том случае, когда фраза типа «*Иван, уважаемый, а Вам не кажется, что...*» будет понята формально, как прямое выражение уважения, без учёта иронического подтекста).

4) Вариативные ответы, демонстрирующие неоднозначное отношение, попытку проанализировать контексты употребления и роль данной фразы (8 ответов — 8,42 %). Респонденты данной группы отмечают, что анализируемая фраза может выступать в роли эвфемизма: *Зачастую в такой ситуации это слово заменяет собой некультурную лексику, так что пусть лучше будет это, чем, например, мат.* Опрошенные допускают варьирование эмоционально-оценочных коннотаций фразы в зависимости от контекста: *Мне кажется, такое обращение вполне допускается, если оно не имеет явной негативной окраски; Исключительно как юмористический или саркастически направленный момент, молодежь так говорит разве что в шутку, так что зависит от ситуации, если с юмором — положительное отношение, с сатирой — негативное.* Некоторые участники опроса наделяют данную фразу функциональной энантиосемией: *Может успокоить собеседника, но также и задеть.* Другие респонденты приписывают ей нейтральную окраску: *Слово «уважаемый» употребляется как нейтральная форма вежливости.*

Нерелевантные ответы — 3 (3,16 %), например: «*Мне такого не говорят*». Они могут свидетельствовать о невнимательности, недостаточно высоком уровне функциональной грамотности респондентов (неумении чётко понимать инструкции, что приводит к неточному выполнению поставленной коммуникативной задачи), нежелании отвечать на вопросы или об изначально ироническом отношении к опросу как таковому.

3.2. Отношение к коммуникативным нормам в контексте оппозиций «публичное — частное», «деловое — личное», «формальное — неформальное»

Цель раздела 2 — выявить отношение студентов к отдельным элементам речевой деятельности, связанным с обсуждением в групповом чате личных тем. Результаты опроса кратко представлены в таблице (табл. 2).

ЛИЧНЫЕ ВОПРОСЫ В УЧЕБНОЙ ГРУППЕ («КАК ДЕЛА, СВЕТ? ЧЕМ СЕЙЧАС ЗАНИМАЕШЬСЯ?»)

Таблица 2
Table 2

Отношение к коммуникативным нормам в контексте оппозиций
«публичное — частное», «деловое — личное»,
«формальное — неформальное»
Participants' attitude to communicative norms in the context of oppositions
“public — private”, “business — personal”, “formal — informal”

	Нравится	Не нрав- ится	Безраз- лично	Вариатив- ные ответы	Нереле- вантные ответы
Личные вопросы в учебной группе (Как дела, Свет? Чем сейчас занима- ешься?)	31,58 %	32,63 %	26,32 %	7,37 %	2,1 %
Обсуждение в учеб- ном чате вопроса, который касается только двух человек	3,16 %	64,21 %	25,26 %	5,26 %	2,11 %
Отправка в чат предостережений про внешние угрозы (новые схемы мо- шенников, опасные вирусы и т. п.)	33,68 %	18,95 %	35,79 %	6,32 %	5,26 %
Публикация в чате учебной группы по- здравлений с празд- никами и открыток	50,53 %	8,42 %	23,16 %	9,47 %	4,21 %
			4,21 % (нейтраль- но или близко к положи- тельному)		

1) «Не нравится» (31 человек — 32,63 %). Респонденты отмечают, что должно быть разделение личного и делового коммуникативного пространства (*должны быть границы, принцип рациональности*): личные подробности неинтересны остальным, могут вызывать неловкость у тех, кому сообщение не предназначалось напрямую, а также являются «спамом», «флудом» и мешают восприятию деловой информации. Кроме того, отправка в групповой чат личных сообщений может свидетельствовать о неуважении к остальным участникам группы и низком уровне культуры

адресанта: ...это выражение некомпетентности и неуважение чувств остальных обучающихся.

2) «Нравится» (30 ответов — 31,58 %). Респондентам данной группы приятно внимание социально значимой группы: ...я понимаю, что я им безразлична; я чувствую себя неотъемлемой частью коллектива. Подобные вопросы оцениваются как способствующие сплочению группы (... это сближает; ...это скрепляет дружбу между людьми на курсе) и создающие психологически благоприятную (непринуждённую) атмосферу.

3) «Безразлично / нейтрально / нормально» (25 ответов — 26,32 %). Респонденты данной группы считают личные сообщения привычной частью учебной коммуникации; опосредованно упомянут принцип меры: *Безразлично, если группа не превращается в переписку между двумя людьми.*

4) Вариативные ответы (7 человек — 7,37 %). Респонденты данной группы полагают, что личные вопросы допустимы в рабочей группе в исключительных случаях: ...например, Света очень долго отсутствовала на учёбе по какой-то причине, и всем интересно узнать, как она, то нет ничего страшного. Главное, чтобы это не превратилось во флуд. Реакция на личные сообщения зависит от конкретной ситуации и от адресанта и может вызвать у него либо настороженность (неожиданность), либо приятные эмоции: ...приятна заинтересованность коллектива. Тип чата также играет роль: подобные вопросы неуместны в беседе, предназначенной для обсуждения исключительно учебных вопросов, но допустимы и уместны в недифференцированном по функции чате: ...если это просто чат с одноклассниками для общения, почему бы и нет. Подобные вопросы могут выполнять «психотерапевтическую» функцию: *Такие вопросы (КОНКРЕТНО ТАКИЕ) в групповых беседах задаются исключительно для юмористических целей.* Звучит мысль о разделении коммуникативного пространства на формальное и неформальное: *Если брать площадку Телеграм — там все просто. В одном чате есть разделение на подгруппы. Группа для общения на молодёжном сленге может звучать как «флуд» / «флудилка», бывают и другие варианты. А группа для информации называется в зависимости от рода информации.* Ответы данной группы интересны наиболее глубоким анализом коммуникативных ситуаций, в которых возможны или нежелательны сообщения личного характера.

Два ответа (2,1 %) на этот вопрос не содержат аргументации и не могут быть истолкованы однозначно.

ОБСУЖДЕНИЕ В УЧЕБНОМ ЧАТЕ ВОПРОСА, КОТОРЫЙ КАСАЕТСЯ ТОЛЬКО ДВУХ ЧЕЛОВЕК

1) «Не нравится» (61 ответ, 64,21 %). Респонденты отмечают, что частная информация неуместна в деловом чате и может говорить о неуважении

к остальным членам группы. Иными словами, участники опроса считают смешивание деловой и личной информации нежелательным: *...общий чат создан для организационных вопросов, а личное можно обсудить в личных сообщениях*. Смешивание личного и делового вызывает у отдельных респондентов агрессию, дискомфорт и неприязнь: *Это мало того, что неприлично, так еще и выставляет кого-то в дурном свете перед остальными; Раздражает, потому что теряется нужная информация, а также раздражают уведомления о том, что тебе не нужно*.

2) «Безразлично» (24 ответа, 25,26 %). Отдельные респонденты никак не реагируют на появление в чате частной переписки двух людей, *«если вопрос занимает не долгое время обсуждения»*. Часть ответов в данном блоке близка к ответам в пункте 3.

3) Вариативные ответы (5 человек, 5,26 %). Респонденты данной группы отмечают, что обсуждение в учебном чате вопроса, касающегося двух людей, уместно в зависимости от ситуации: *Если это влияет на всю группу, то вынесение вопроса на общее обозрение — нормально. Так как конфликт нужно решить*. Кроме того, если подобная переписка затрагивает какой-либо учебный вопрос, она также оценивается как уместная: *...удобно хранить всю информацию по учёбе в одном чате; Если это небольшое обсуждение, то почему бы и нет, особенно если вопрос касается работы, учебы, если выяснение личных отношений, будьте добры в личные сообщения*. Таким образом, для респондентов данной группы ценность подобного рода информации определяется принципами меры и целесообразности.

4) «Нравится» (3 ответа, 3,16 %). Данная группа респондентов рассматривает отправку в общий чат сообщений, касающихся только двоих собеседников, как способ сохранения и поддержания хороших межличностных отношений в группе (*Мне это важно, потому что на курсе должны быть хорошие взаимоотношения*), а также как способ информирования одногруппников.

Нерелевантными являются 2 ответа (2,11 %): их невозможно однозначно интерпретировать (*Да; Холодно*), отсутствует аргументация.

ОТПРАВКА В ЧАТ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЙ ПРО ВНЕШНИЕ УГРОЗЫ (НОВЫЕ СХЕМЫ МОШЕННИКОВ, ОПАСНЫЕ ВИРУСЫ И Т. П.)

1) «Безразлично» (34 ответа, 35,79 %). Отдельные респонденты отмечают, что, хотя такого рода информация им безразлична, кому-то она может помочь.

2) «Нравится» (32 ответа, 33,68 %). Респонденты, положительно оценивающие данный речевой поступок, видят в нём проявление заботы (*...предостережение про внешние угрозы говорит о равнодушии к другим учащимся в группе*) и способ сплочения коллектива (*...это полезно, и мы*

коллективно можем это обсудить). Участники опроса оценивают подобную информацию как полезную для других (...нужно предупреждать друзей о возможных опасностях) и для себя (Мне это нравится, потому что во-первых так можно понять, что одноклассник беспокоится, а во-вторых действительно узнать что-то по этому поводу и не попасть в опасность). Таким образом, для респондентов данной группы на первый план выходит утилитарная функция подобных предупреждений, а сама информация с высокой долей вероятности будет воспринята как достоверная.

3) «Не нравится» (18 ответов, 18,95 %). Респонденты данной группы воспринимают такие сообщения как спам, снижающий доверие к собеседнику, раздражающий адресатов и встраивающийся в один ассоциативный ряд с навязчивой рекламой: *Люди, которые хотят быть об этом осведомлены — подписываются на тематические сообщества. Присылать это по чатам — бесполезная затея; Не нравится, потому что засоряет чат, отвлекает от важных дел. Для таких рассылок можно создать другой специальный чат; Мне не нравится, поскольку должно быть разделение личного и иного рода общения, должны быть границы, принцип рациональности.* По мнению отдельных участников опроса, подобные сообщения содержат недостоверную информацию и могут нагнетать панические настроения в обществе. Таким образом, в данной группе респондентов преобладает критическая оценка сообщений-предупреждений.

4) Вариативные ответы (6 человек, 6,32 %). Для респондентов, ответы которых помещены в данную группу, отношение к сообщениям об угрозах определяется такими параметрами, как новизна информации (*Скорее это полезно, если информация достаточно новая*) и её достоверность (*Уместно, если информация проверена / из достоверных источников*). Играет роль охват потенциальной проблемной ситуацией большого числа участников чата: *Если угроза не затронет всех участников чата, предупреждение лучше отправлять лично.* На наш взгляд, респонденты данной группы демонстрируют наиболее взвешенный подход к оценке предупреждающих сообщений.

Нерелевантные ответы дали 5 человек (5,26 %).

ПУБЛИКАЦИЯ В ЧАТЕ УЧЕБНОЙ ГРУППЫ ПОЗДРАВЛЕНИЙ С ПРАЗДНИКАМИ И ОТКРЫТОК

1) «Нравится» (48 ответов, 50,53 %). По мнению большинства респондентов, такие речевые поступки приносят в общение положительные эмоции (...это поднимает настроение и порой бывают смешные картинки; тепло; это очень мило), укрепляют внутригрупповые отношения, свидетельствуют о благоприятном психологическом микроклимате: ...это говорит о хорошем взаимоотношении участников группы; создаёт неприменно

нуждѐнную атмосферу; Мне это нравится, потому что поддерживается коллективный дух, самому человеку который это получит будет приятно. Считаю этот жест очень красивым и правильным.

2) «Безразлично» (22 ответа, 23,16 %).

3) Нейтральное или близкое к положительному отношение (4 ответа, 4,21 %). Один участник опроса отметил, что получение подобных сообщений связано с положительными эмоциями: *Мне безразлично но всё же немного приятно.*

4) «Не нравится» (8 ответов, 8,42 %). Респонденты данной группы отмечают, что открытки (в одном из ответов фигурирует обозначение *спам-атака*) могут затруднять поиск полезной (деловой) информации, то есть необходимо разделять формальное и неформальное общение: *должны быть границы, принцип рациональности.* Один респондент отмечает: *Легкое чувство испанского стыда. Можно ведь просто словами поздравить без этих глупых открыток.* Таким образом, отправка открыток воспринимается как сентиментальный жест, не несущий важной смысловой нагрузки.

5) Вариативные ответы (9 человек, 9,47 %). Респонденты отмечают уместность такого рода сообщений при условии разделения группы на подгруппы. Один респондент (возрастная группа от 17 лет до 21 года) выражает отношение к поздравлениям в чате в контексте возрастной психологии: *Не раздражает, если есть разделение группы на подгруппы. Но вообще, молодѐжь сейчас относится к электронным открыткам очень иронично))) Все эти странные шрифты текста, какие-то звездочки, звёрушки... Нашему поколению этого не понять.*

Участники опроса также отмечают неискренность подобных поздравлений: *Обычно такие поздравления весьма лицемерны, но если искренне, то я не против.* Важен текст, а не визуальный ряд: *Поздравления уместны и без открыток.* Для респондентов данной группы важны принципы уместности и умеренности, разделения делового и личного коммуникативного пространства: *Мне это нравится, если у человека день рождения или какой-нибудь профессиональный праздник, связанный с группой; Только если поздравить педагога с днём рождения или с днём учителя. Потому что я также считаю, что заполнять важный чат картинками и бессмысленными переписками не стоит, ведь чат создан для важной информации. Поздравить / спросить что-то личное можно и в личных сообщениях; Это довольно мило. Если поздравлять с такими праздниками, как Новый год, 8 марта, 23 февраля и прочее, то это может добавить позитива в коммуникацию с одноклассниками. С днём рождения лучше поздравлять в личных сообщениях или отдельном чате, предусмотренном для этого.*

Нерелевантные ответы дали 4 человека (4,21 %), при этом один из ответов отбракован из-за неверного понимания и употребления слова **корректно**: *Отношусь корректно*.

4. Заключение = Conclusions

Количественный анализ показал, что к самым негативно оцениваемым элементам переписки можно отнести формулы, которые содержат неуважение к адресату, проявляющееся в отсутствии приветствия (62,11 %), и скрытую агрессию, выражающуюся в использовании обращения *Уважаемый* при эмоциональном обсуждении темы и / или выражении несогласия (56,84 %). Большинство респондентов при этом, как показывают количественные данные, правильно понимают подтекст речевой ситуации, в которой использована или опущена «проблемная фраза».

Интересными показались ответы, в которых рекомендуемые лингвистами правила не совпадают с употреблением, характерным для студенческой среды. Например, ненормативное с точки зрения русского языка приветствие «Доброго времени суток» нравится 41,05 % респондентов; 49,47 % опрошенных позитивно оценивают фразы «Заранее спасибо», «Я Вас услышал(а)». Мы полагаем, что эти несовпадения (норма / рекомендация / реальное употребление) могут отражать актуальные тенденции формирования новых представлений о приемлемых формулах, используемых в чат-коммуникации. Позитивная оценка неправильных с точки зрения литературной нормы фактов может быть связана со стилистической гибридностью онлайн-коммуникации, с проникновением в неё элементов, пограничных между литературным разговорным стилем и просторечием. Это, в свою очередь, размывает границы литературной нормы в рамках онлайн-коммуникации.

Прослеживается тенденция к разделению делового (формального) и дружеского (неформального) коммуникативного пространства. Выявлено негативное отношение к появлению в общем чате информации, касающейся только двоих собеседников (64,21 %). При этом, однако, положительно оценивается отправка в чат поздравлений с праздниками и открыток (50,53 %).

Двойственный характер имеют такие ситуации, как обсуждение личных вопросов в учебной группе (31,58 % опрошенных одобряют такое поведение, в то время как 32,63 % оценивают его негативно), а также отправка в чат предостережений про внешние угрозы (33,68 % опрошенных положительно относятся к такой практике, в то время как 35,79 % респондентов равнодушны к подобной информации).

Обращает на себя внимание определённая доля ответов, которые в контексте проведённого опроса были сочтены нерелевантными

(2,1 %—5,26 %). На наш взгляд, появление таких ответов свидетельствует о недостаточной функциональной грамотности отдельной части студенческого сообщества и о необходимости посвящать специальное внимание коммуникативному контексту и речевой ситуации при обучении студентов русскому языку.

Изучение отношения молодежной аудитории к этическим и коммуникативным нормам в перспективе требует комплексного рассмотрения не только с коммуникационной и этической сторон, но и с точки зрения языковой культуры и, возможно, информационной безопасности, ведь переписка может пересылаться и тем, кому информация не была предназначена — и это уже проблема юридического характера, диктующая необходимость формулирования и закрепления норм этики онлайн-коммуникации в групповых чатах.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Литература

1. Байкулова А. Н. Позитивная деловая коммуникация : средства гармонизации общения в групповых коммерческих чатах / А. Н. Байкулова, М. А. Кормилицына // СибСкрипт. — 2023. — Т. 25. — № 4. — С. 461—470. — DOI: 10.21603/sibscript-2023-25-4-461-470.
2. Карасик В. И. Жанры сетевого дискурса / В. И. Карасик // Жанры речи. — 2019. — № 1 (21). — С. 49—55. — DOI: 10.18500/2311-0740-2019-1-21-49-55.
3. Евсеева И. В. Эпистолярные жанры интернет-дискурса : классификация и моделирование / И. В. Евсеева, А. В. Кожеко, Э. А. Евсеева // МИРС. — 2022. — № 4. — С. 24—34. — DOI: 10.24412/1811-1629-2022-4-24-34.
4. Калинина М. А. Цифровая коммуникация в современном образовательном процессе / М. А. Калинина // Векторы развития русистики и лингводидактики в контексте современного филологического образования : Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Астрахань, 14—15 октября 2021 года / под редакцией З. Р. Аглеевой, Л. Ю. Касьяновой, М. Л. Лаптевой. — Астрахань : Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2021. — С. 149—151.
5. Колокольцева Т. Н. Интернет-коммуникация как зеркало основных тенденций развития и функционирования русского языка / Т. Н. Колокольцева // Грани познания. — 2011. — № 4. — С. 13—17.
6. Куловерова О. М. Особенности языка электронной коммуникации (на примере чатов немецкоязычных сайтов) / О. М. Куловерова, О. Н. Русецкая // Вестник Амурского государственного университета. Серия : Гуманитарные науки. — 2014. — № 64. — С. 183—188.

7. Лукинова О. В. Цифровой этикет. Как не бесить друг друга в интернете / О. В. Лукинова. — Москва : Эксмо, 2020. — 240 с. — ISBN 978-5-04-103459-7.
8. Лукинова О. В. Языковая рефлексия: цифровой этикет / О. В. Лукинова // МИРС. — 2023. — № 3. — С. 22—29. — DOI: 10.21638/spbu30.2023.303.
9. Лутовинова О. В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса / О. В. Лутовинова. — Волгоград : Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. — 447 с. — ISBN 978-5-9935-0101-7.
10. Мамина Р. И. Цифровой этикет в структуре корпоративной культуры современной организации : философско-культурологический аспект / Р. И. Мамина, С. И. Царева // Дискурс. — 2018. — № 4. — С. 22—30.
11. Остин Дж. Как совершать действия при помощи слов / Дж. Остин // Избранное / пер. с англ. Л. Б. Макеевой, В. П. Руднева. — Москва : Идея Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. — С. 13—136.
12. Подгорная Е. А. Лингвистические характеристики интернет-чатов как вида коммуникации / Е. А. Подгорная, К. А. Демиденко // Концепт. — 2014. — № 9 (сентябрь). — С. 5—7.
13. Рабенко Т. Г. Коммуникативно-прагматические свойства обращения в виртуальном педагогическом дискурсе (на материале школьных чатов) / Т. Г. Рабенко, Э. С. Денисова, А. Д. Чардынцева // Научный диалог. — 2024. — № 13 (9). — С. 149—168. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-149-168.
14. Шангаева Н. К. Языковые средства организации чата во французской интернет-коммуникации / Н. К. Шангаева // Вестн. Бурятского гос. ун-та. — 2012. — № 11. — С. 124—128.
15. Grice H. P. Meaning / H. P. Grice // *Philosophical Rev.* — 1957. — Vol. 66. — № 3. — Pp. 377—388. — DOI: [https:// doi.org/10.2307/2182440](https://doi.org/10.2307/2182440).
16. Leech G. An anatomy of politeness in communication / G. Leech // *International Journal of Pragmatics.* — 2003. — Vol. 14. — Pp. 10—123.

*Статья поступила в редакцию 10.01.2025,
одобрена после рецензирования 08.04.2025,
подготовлена к публикации 19.04.2025.*

References

- Austin, J. (1999). How to perform actions using words. In: *Favorites*. Moscow: Idea Press, House of Intellectual Books. 13—136. (In Russ.).
- Baykulova, A. N., Kormilitsyna, M. A. (2023). Positive business communication: means of harmonizing communication in group commercial chats. *SibScript*, 25 (4): 461—470. DOI: 10.21603/ sibscript-2023-25-4-461-470. (In Russ.).
- Evseeva, I. V., Kozheko, A. V. (2022). Epistolary genres of Internet discourse: classification and modeling. *MIRS*, 4: 24—34. DOI: 10.24412/1811-1629-2022-4-24-34. (In Russ.).
- Grice, H. P. (1957). Meaning. *Philosophical Rev*, 66 (3): 377—388. DOI: [https:// doi.org/10.2307/2182440](https://doi.org/10.2307/2182440).
- Kalinina, M. A. (2021). Digital communication in the modern educational process. In: *Vectors of development of Russian studies and linguodidactics in the context of modern philological education: Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation, Astrakhan, October 14—15, 2021*.

- Astrakhan: Astrakhan State University, Astrakhan University Publishing House. 149—151. (In Russ.).
- Karasik, V. I. (2019). Genres of network discourse. *Genres of speech, 1* (21): 49—55. DOI: 10.18500/2311-0740-2019-1-21-49-55. (In Russ.).
- Kolokoltseva, T. N. (2011). Internet communication as a mirror of the main trends in the development and functioning of the Russian language. *Facets of cognition, 4*: 13—17. (In Russ.).
- Kuloverova, O. M., Rusetskaya, O. N. (2014). Features of the language of electronic communication (on the example of chat rooms on German-language sites). *Bulletin of Amur State University. Series: Humanities, 64*: 183—188. (In Russ.).
- Leech, G. (2003). An anatomy of politeness in communication. *International Journal of Pragmatics, 14*: 10—123.
- Lukinova, O. V. (2020). *Digital etiquette. How not to piss each other off on the Internet*. Moscow: Eksmo. 240 p. ISBN 978-5-04-103459-7. (In Russ.).
- Lukinova, O. V. (2023). Linguistic reflection: digital etiquette. *MIRS, 3*: 22—29. DOI: 10.21638/spbu30.2023.303. (In Russ.).
- Lutovinova, O. V. (2009). *Linguistic and cultural characteristics of virtual discourse*. Volgograd: Publishing House of VGPU “Change”. 447 p. ISBN 978-5-9935-0101-7. (In Russ.).
- Mamina, R. I. (2018). Digital etiquette in the structure of corporate culture of a modern organization: philosophical and cultural aspect. *Discourse, 4*: 22—30. (In Russ.).
- Podgornaya, E. A., Demidenko, K. A. (2014). Linguistic characteristics of Internet chats as a type of communication. *Concept, 9*: 5—7. (In Russ.).
- Rabenko, T. G., Denisova, E. S., Chardyntseva, A. D. (2024). Communicative-Pragmatic Properties of Addressing in Virtual Pedagogical Discourse: Insights from School Chats. *Nauchnyi dialog, 13* (9): 149—168. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-9-149-168> (In Russ.).
- Shangaeva, N. K. (2012). Linguistic means of chat organization in French Internet communication. *Vestn. Buryat State University, 11*: 124—128. (In Russ.).

*The article was submitted 10.01.2025;
approved after reviewing 08.04.2025;
accepted for publication 19.04.2025.*

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА MEDIA COMMUNICATIONS AND JOURNALISM

Анастасия Андреевна Шарапкова, канд. филол. наук (Москва)

Анастасия Михайловна Дубина, старший преподаватель (Санкт-Петербург)

Анастасия Михайловна Меркулова, канд. истор. наук (Москва)

Полина Игоревна Кондратенко, канд. филол. наук (Санкт-Петербург)

Роза Сергеевна Шелехова, старший преподаватель (Москва)

Эльвира Леонидовна Шубина, д-р филол. наук (Москва)

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(3), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Дубина А. М. *Wildberries* : особенности ассимиляции псевдозаимствованного эргонима в русском языке / А. М. Дубина, П. И. Кондратенко // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 3. — С. 102—122. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-102-122.

Dubina, A. M., Kondratenko, P. I. (2025). *Wildberries: Features of Assimilation of a Pseudo-Borrowed Ergonym in Russian*. *Nauchnyi dialog*, 14 (3): 102-122. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-102-122. (In Russ.).

Web of Science™

Scopus®

DOAJ

ERIH PLUS

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

***Wildberries:* особенности ассимиляции псевдозаимствованного эргонима в русском языке**

Дубина Анастасия Михайловна
orcid.org/0009-0002-5633-9233
старший преподаватель кафедры
немецкой филологии
a.dubina@spbu.ru

Кондратенко Полина Игоревна
orcid.org/0000-0001-6749-3047
кандидат филологических наук,
ассистент кафедры
немецкой филологии,
корреспондирующий автор
p.kondratenko@spbu.ru

Санкт-Петербургский
государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Wildberries: Features of Assimilation of a Pseudo-Borrowed Ergonym in Russian

Anastasiia M. Dubina
orcid.org/0009-0002-5633-9233
Senior Lecturer,
Department of German Philology
a.dubina@spbu.ru

Polina I. Kondratenko
orcid.org/0000-0001-6749-3047
PhD in Philology, Assistant Lecturer,
Department of German Philology,
corresponding author
p.kondratenko@spbu.ru

St. Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia)

© Дубина А. М., Кондратенко П. И., 2025

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье поднимается вопрос об освоении имени собственного *Wildberries* современным русским языком. Особое внимание уделяется статусу этого онима. Авторы приходят к выводу о том, что *Wildberries* представляет собой псевдозаимствованный эргоним, поскольку данная лексема образована как название бренда из английских корней, однако в английском языке такой композит не представлен. Актуальность исследования обусловлена высокими темпами заимствования иноязычной лексики, что в особенности характерно для нейминга в сети Интернет. Новизна исследования видится в том, что впервые с помощью опроса рядовых носителей русского языка установлены особенности фонетико-орфографической, морфологической и коммуникативно-прагматической ассимиляции эргонима *Wildberries*. На фонетико-орфографическом уровне рассмотрены особенности передачи формы слова, установлены случаи гиперкоррекции при передаче специфики английского произношения. На уровне грамматики авторы конкретизируют наполнение морфологических категорий имени существительного и приходят к выводу о том, что эти категории не до конца стабилизировались. К особенностям коммуникативно-прагматической ассимиляции авторы относят лингвокреативное переосмысление онима, использование эмоционально-оценочных средств и выражений иронии, а также случаи метаязыковой рефлексии рядовых носителей.

Ключевые слова:

Wildberries; псевдозаимствование; эргоним; нейминг; опрос рядовых носителей языка.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article addresses the assimilation of the proper name 'Wildberries' within contemporary Russian. Special attention is given to the status of this name. The authors conclude that 'Wildberries' represents a pseudo-borrowed ergonym, as this lexeme is formed as a brand name from English roots, although such a composite does not exist in the English. The relevance of this study is underscored by the rapid pace of borrowing foreign vocabulary, particularly in the context of naming in the Internet domain. The novelty of the research lies in the fact that, for the first time, the phonetic-orthographic, morphological, and communicative-pragmatic features of the assimilation of the ergonym 'Wildberries' have been established through a survey of ordinary speakers of Russian. At the phonetic-orthographic level, the study examines the peculiarities of word form representation and identifies instances of hypercorrection when conveying specific aspects of English pronunciation. At the grammatical level, the authors specify the filling of morphological categories of the noun and conclude that these categories have not yet fully stabilized. As for the features of communicative-pragmatic assimilation, the authors highlight linguistic creativity in reinterpreting the name, the use of emotional-evaluative expressions and irony, as well as instances of meta-linguistic reflection among ordinary speakers.

Key words:

Wildberries; pseudo-borrowing; ergonym; naming; survey of ordinary language speakers.

УДК: 81'373.45

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-102-122

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и

сравнительно-сопоставительная лингвистика

5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

***Wildberries*: особенности ассимиляции псевдозаимствованного эргонима в русском языке**

© Дубина А. М., Кондратенко П. И., 2025

1. Введение = Introduction

После пандемии коронавируса с уверенностью можно утверждать, что интернет-коммерция стала неотъемлемой частью жизни современного человека. Вместе с товарами и услугами, реализуемыми с помощью сетевых технологий, в повседневное общение вошли и имена собственные — названия брендов, магазинов, платформ, маркетплейсов и сайтов-агрегаторов. Исследуя закономерности употребления интернет-онимов с предложениями в немецком языке [Кондратенко и др., 2024], в одной русскоязычной статье мы обнаружили употребление онима *Wildberries* в женском роде: *Ozon всегда был крупным продавцом книг, а в последние годы им стала Wildberries* [Что происходит с «Лабиринтом» ..., 2024]. Так как в немецкоязычном корпусе нашего исследования подобные примеры отсутствовали, мы приняли решение сосредоточиться на русскоязычном материале для изучения особенностей употребления эргонима *Wildberries* интернет-пользователями. В предлагаемой статье мы ставим следующие задачи: конкретизировать статус иноязычного онима *Wildberries*, рассмотреть орфографическую и морфологическую вариативность употребления этого онима в рамках интернет-коммуникации и, наконец, обобщить особенности интеграции интересующего нас онима в современный русский язык.

Для начала отметим, что для письменной интернет-коммуникации характерна высокая скорость обмена информацией. При быстром обмене сообщениями письменный модус формулирования текста смешивается с устным [Dürscheid, 2018]. Коммуникация в сети Интернет требует максимального вовлечения участников общения для построения и перестраивания диалога [Имо, 2017]; для неё характерно большое количество языковых и мультимодальных новаций [Езан и др., 2022]. Вышеуказанные особенности обуславливают большую вариативность [Berg, 2020], проявляющуюся как в орфографии, так и на синтаксическом и морфологическом

уровнях. Потенциально неограниченное формальное варьирование свойственно употреблению иноязычных заимствований в интернет-коммуникации [Осетрова, 2018].

Как известно, вхождение заимствований в язык-реципиент происходит поэтапно. На первом этапе ассимиляции происходит модификация заимствования на фонетико-орфографическом уровне. Промежуточным результатом ассимиляции становятся транслитерация и трансфонация или фонетическая субституция. На втором, морфолого-грамматическом этапе ассимиляции заимствованная единица приобретает черты, позволяющие определить её грамматическую категорию в языке-реципиенте [Лашкова и др., 2022]. Таким образом, на первом этапе вхождения в русский язык заимствование получает кириллическое написание, а его произношение приспособляется к фонетической системе русского языка. Колебания в роде и формообразовании, свойственные первому этапу, нивелируются на втором этапе; установившаяся категория рода и парадигма свидетельствуют о полном освоении заимствования языком-реципиентом.

Можно исходить из того, что те же этапы проходит наименование *Wildberries*, составленное из лексического материала английского языка. Заметим, однако, что вхождение этого онима в узус характеризуется особенностями, обусловленными его ономастическим и словообразовательным статусом.

С точки зрения ономастики рассматриваемое наименование может считаться эргонимом, «собственным именем делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка» [Подольская, 1988, с. 166]. В случае с *Wildberries* речь идёт о компании: коммерческой онлайн-площадке и сайте, на котором осуществляется торговля. Тем не менее считать *Wildberries* сайтономимом [Карпенко, 2014] было бы неверно, поскольку в структуре компании находятся не только IT-продукты, но и физические объекты, такие как офисы, логистическая инфраструктура: склады, пункты выдачи и т. д.

С точки зрения словообразования, лексема *Wildberries* построена лексико-синтаксическим способом из англоязычного атрибутивного словосочетания *wild berries* ‘дикие ягоды’. Использование материала английского языка, с одной стороны, не вызывает удивления: исследователи отмечают употребление англицизмов и галлицизмов среди основных приёмов создания эргонимов сегодня [Куликова и др., 2016, с. 105]. С другой стороны, следует помнить об идентификационно-дифференцирующей функции эргонимов [Куликова и др., 2016, с. 105]; о том, что эргонимы — знаки, с которыми потенциальный клиент компании взаимодействует в первую очередь [Иванова, 2016, с. 185]. Бесспорно, что наименование *Wildberries*

раскрывает «творческий потенциал номинатора» [Иванова, 2016, с. 185], но можно ли утверждать, что изучаемое наименование отвечает «параметрам имиджирования объекта для создания необходимого впечатления» и согласуется с «задачами продвижения объекта в социальной среде» [Голомидова, 2019, с. 166]?

Здесь важно обратиться к мотивированности рассматриваемого нами эргонима. История компании имеет начало в 2004 году, когда преподавательница английского Татьяна Бакальчук создала соответствующий сайт. За выбранным наименованием для бизнеса, по всей видимости, не скрывается особый подтекст. Первоочередная задача компании Бакальчук заключалась в том, чтобы предоставить женщинам широкий ассортимент одежды, и название *Wildberries*, вероятно, было выбрано как наиболее броское [Рыжова, 2023]. Впоследствии фирменный стиль компании дополнило розово-фиолетовое оформление шрифта и других визуальных элементов, что может отсылать как к цвету ягод, так и к гендерно-стереотипным цветовым ассоциациям.

Определяющими факторами для выбора названия бренда могла, с одной стороны, послужить профессия Бакальчук, с другой — сложившаяся в 2000-х годах тенденция к предпочтению иностранного нейминга. Среди предпосылок этой тенденции М. В. Коньшева выделяет международный характер английского языка и традиционное для русскоязычного социума уважение ко всему иноязычному и иностранному [Коньшева, 2018, с. 292].

Несмотря на то, что эргоним *Wildberries* образован из англоязычных лексем, было бы неверно считать его заимствованием. Каждая составляющая слова *Wildberries* функционирует в английском языке как самостоятельная лексема. Однако композита *wildberries*, сложенного из словосочетания *wild berries*, в английском языке нет. Отсутствие соответствующей лексической единицы в языке-доноре, согласно А. Б. Волковой и Ю. В. Кобенко, может рассматриваться как один из критериев определения псевдозаимствованных онимов [Волкова и др., 2023, с. 3]. По отношению к заимствованию оним-псевдозаимствование вторичен: он только имитирует иноязычное имяречение [Кобенко, 2016, с. 32]. Тот факт, что наименование *Wildberries* образовано в среде русскоязычного общения с помощью основ английского происхождения, даёт основание рассматривать этот оним как *псевдоанглицизм* [Маринова, 2018, с. 166]. Как и англицизмы, псевдоанглицизмы «отражают стремление современного человека к сближению культур, к культурной интеграции носителей разных языков» [Нефедова, 2017, с. 10]. Неудивительно, что исследователи относят создание искусственного слова с использованием заимствованных элементов к одному из двух основных методов коммерческой номинации сегодня. Вместе с тем

учёные замечают, что такого рода наименования недостаточно изучаются лингвистами [Романкевич, 2019, с. 114]. Мы разделяем это наблюдение.

Вопросы языковой интерференции разрабатываются в лингвистике с середины XX века [Вайнрайх, 1979]. Ассимиляция заимствований попадает в фокус исследований в связи с развитием интернет-технологий и нарастанием межкультурных контактов [Крысин, 2016; Радбиль, 2024]. Солидный пласт работ посвящён неймингу [Ремчукова и др., 2015; Иссерс, 2016; Голомидова, 2019], ряд публикаций осмысляют псевдозаимствования (в том числе *nomina propria*) в немецком языке [Кобенко, 2016; Нефедова, 2017; Волкова и др., 2023]. Вместе с тем освоение заимствованных онимов остаётся открытым исследовательским вопросом, не говоря уже об ассимиляции псевдозаимствованных имён собственных.

Цель нашей статьи заключается в установлении особенностей освоения псевдозаимствованного эргонима *Wildberries* современным русским языком.

Предполагается, что освоение псевдозаимствований, как и ассимиляция заимствований, происходит поэтапно. Высшим уровнем лингвокультурного освоения чужеродной лексики Т. Б. Радбиль считает коммуникативно-прагматический. На этом уровне функционирование заимствованной лексемы выходит за пределы изначально специализированной области употребления [Радбиль, 2024, с. 101]. Данное замечание лишь с оговоркой действительно в отношении онимов, поскольку онимы обозначают конкретный объект внеязыковой действительности, а не их класс.

Л. П. Крысин выделяет пять этапов вхождения заимствования в язык-реципиент. На первом этапе слово употребляется в исконной форме, на письме — без транслитерации. На втором начинается адаптация к орфографической и грамматической системе языка-реципиента, при этом слово сохраняет оттенок чужеродности. На третьем этапе оттенок чужеродности утрачивается, однако употребление слова ограничено коммуникативной ситуацией, жанром высказывания и речевой практикой социальной группы. На четвёртом этапе ограничения нивелируются, семантика лексемы стабилизируется, формируется лексическая сочетаемость. На пятом этапе слово включается в нормативные словари [Крысин, 2016].

Если исходить из того, что в результате ассимиляции псевдозаимствование проходит те же стадии, что и заимствование, освоение псевдоанглийского имени собственного будет сопровождаться вариативным употреблением онима. Пример, послуживший отправной точкой нашего исследования, позволяет предположить, что будет варьироваться не только написание онима *Wildberries*, но и его морфологические характеристики: род, число, падеж. Такого рода вариативность может свидетельствовать об

этапе адаптации псевдозаимствования к орфографической и грамматической системе языка-реципиента.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Для достижения цели исследования мы провели интернет-опрос носителей русского языка [Опрос о популярном маркетплейсе, 2024]. В опросе учитывались такие социологические переменные, как место жительства, возраст, пол, образование, сфера деятельности и уровень владения английским языком.

Лингвистическая часть анкеты включает в себя два блока вопросов. Первый блок состоит из вопросов с пропусками. Такая форма совместно с использованием описательных формулировок вроде *тот самый маркетплейс* позволяет нам уменьшить нежелательное влияние на ответы респондентов. Вопросы первого блока симулируют повседневное общение с другими интернет-пользователями; формулировки вопросов призваны мотивировать употребление интересующего нас эргонима в косвенных падежах. Например, в винительном: *Я люблю _____ . Отличный магазин, и цены всегда радуют!*; родительном: *А я от _____ не в восторге. Заказываешь одно, а приходит совсем другое;* творительном: *Мы с подругами часто пользуемся _____ . Это здорово экономит время!* или предложном: *Видели рекламу? На _____ снова распродажа.*

Второй блок лингвистической части анкеты фиксирует случаи употребления эргонима *Вайлдберриз* в том или ином числе и роде. Блок содержит четыре вопроса с выбором вариантов ответа. Три вопроса предлагают респонденту выбрать из двух «сообщений» то, которое кажется ему наиболее близким к узусу, см.: *Какое сообщение кажется вам наиболее привычным?* а) *Wildberries проводит жёсткую борьбу с конкурентами;* б) *Wildberries проводят жёсткую борьбу с конкурентами.* В четвёртом вопросе с выбором вариантов респонденту нужно установить соответствие между онимом и денотатом и решить, что для него *Wildberries* в первую очередь (маркетплейс / интернет-магазин, компания / организация, мобильное приложение, сайт). Если ни один из предложенных вариантов респонденту не подходит, он может добавить свой вариант ответа.

В опросе приняли участие 126 респондентов. Мы исключили 12 анкет из рассмотрения, так как они содержали нерелевантные сведения: наименования конкурирующих интернет-магазинов вместо *Wildberries* / *Вайлдберриз*, эмоциональную оценку опросника без непосредственного ответа на вопросы, интернет-троллинг. Таким образом, материал для анализа составили 114 анкет. Географически они распределяются следующим образом: 69 анкет получены из Санкт-Петербурга, 18 из Москвы, 27 анкет за-

полнили респонденты из Алматы, Барнаула, Белгорода, Брянска, Великого Новгорода, Воронежа, Кемерово, Курска, Новосибирска, Перми, Саратова, Ставрополя, Твери, Тюмени, Челябинска, Калужской, Ленинградской, Московской и Свердловской областей.

При обработке результатов опроса использовались статистические методы, а также методы фонемного, морфологического и коммуникативно-прагматического анализа.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Анализ полученных ответов позволил установить особенности фонетико-орфографической и морфологической ассимиляции псевдозаимствованного эргонима *Wildberries* / *Вайлдберриз*. О них пойдёт речь в дальнейшем.

3.1. Особенности фонетико-орфографической ассимиляции онима *Wildberries* / *Вайлдберриз*

В первую очередь обращает на себя внимание вариативность написания интересующего нас онима. Орфографические варианты связаны со стремлением интернет-пользователей передать особенности произношения псевдозаимствования. Если учесть, что интернет-коммуникацию принято рассматривать как устно-письменный тип речи, обусловленный новыми инструментами и технологиями для общения [Копчук и др., 2022, с. 630], то можно отнести обилие вариантов написания онима к явлениям фонетико-орфографической ассимиляции. Можно ли при этом утверждать, что пользователи ориентируются на исконно английское произношение при передаче звучания имени средствами русского языка? Выборка наших респондентов даёт основания для такого предположения. На диаграмме (рис. 1) можно видеть, что подавляющее большинство опрошенных вла-

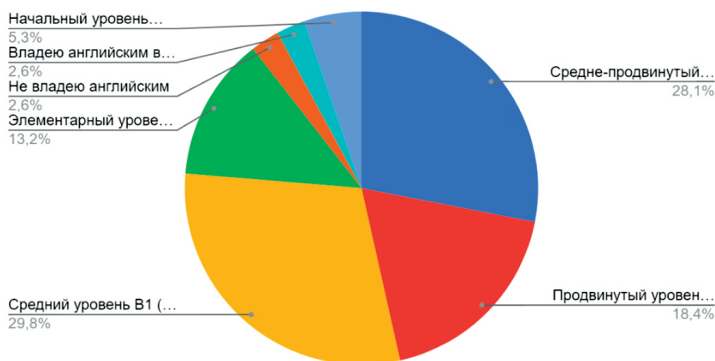

Рис. 1. Уровень владения английским языком у респондентов

деют английским языком, причём на высоких уровнях: среднем (B1) — 29,8 %, средне-продвинутом (B2) — 28,1 %, продвинутом (C1) — 18,4 %.

В выборке присутствуют как наименования *Wildberries* и *WB*, переданные латиницей (9,6 %), так и многочисленные варианты написания онима кириллицей (90,4 %). Преобладание кириллических вариантов над латинскими отражает тенденцию к двойному наименованию, уже зафиксированную исследователями эргоники в городском пространстве [Иванова, 2016]. Тогда как в официальном поле использование русскоязычного варианта в значительной степени может быть обусловлено политической ситуацией, усиление этой тенденции в неформальной онлайн-коммуникации связано с необходимостью оперативного обмена информацией и, как следствие, стремлением ускорить процесс написания текста, избежав переключения между английской и русской раскладками.

Разнообразие кириллических вариантов поражает. Наряду с вполне устойчивыми вариантами *Вайлдберриз* (19 %), *Вайлдберрис* (14 %) и *ВБ / вб* (16 %) в анкетах отразилось написание онима с пропуском *д* в середине слова: *Вайлберис* (4 %) и *Валберис* (3 %). При этом вариант *Уайлдберрис* с *у* в начале был зафиксирован в одной анкете. Респондент-автор анкеты старше 70 лет: вероятно, при выборе стратегии передачи он ориентировался на советские стандарты английской транслитерации.

Кроме того, в анкетах наблюдаются единичные случаи ошибочной (гиперкорректной) передачи английского произношения. В фокусе внимания респондентов оказываются аллофоны сонанта /л/. Так, варианты *Вайльдбериз* и *Вальберис* отражают восприятие английского сонанта как более «мягкого» по сравнению с твёрдым /л/ в русском языке. Такое восприятие, однако, едва ли может распространяться на «тёмный» аллофон /л/, который реализуется на конце слов и перед согласным (релевантно для *wild*). /л/ свойственна веляризация: задняя спинка языка при артикуляции поднимается к мягкому нёбу и образует второй фокус [Фунтова, 2013, с. 89].

В некоторых случаях неверно передаётся корневой гласный: дифтонг заменяется на монофтонг, и это отражается в написании *Вэлдберис* / *Вэлдбериз*. Заметим, что эти два употребления представлены в анкете одного и того же респондента: помимо гласного в корне примеры интересны варьированием согласного на конце слова. Как известно, в английском языке согласные не оглушаются в слабой позиции. В то же время русскому языку свойственно обратное, и оглушение согласного на конце слова *Вайлдберриз* можно интерпретировать как один из признаков продвижения псевдо-заимствования от первого этапа ассимиляции к следующим.

3.2. Особенности морфологической ассимиляции онима *Wildberries* / *Вайлдберриз*

При вхождении в грамматическую систему русского языка заимствованное существительное приобретает категории рода, числа и падежа. Рассмотрим, какое конкретное выражение получают эти категории в случае с псевдозаимствованным *Вайлдберриз*.

3.2.1. Род

Данные, полученные нами от респондентов, позволяют утверждать, что категория рода в случае с *Вайлдберриз* стремится к стабилизации. В контексте: «*Что насчёт Wildberries? Она / он / оно сейчас даёт неплохие скидки*» 77 % опрошенных заменили оним на личное местоимение мужского рода. 11 % респондентов воспользовались возможностью задать в качестве своего варианта личное местоимение третьего лица множественного числа *они*. В 2,6 % анкет опрошенные произвели замену онима на личное местоимение среднего рода *оно*, и только в 0,9 % случаев (в одной анкете) был выбран вариант *она* (рис. 2).

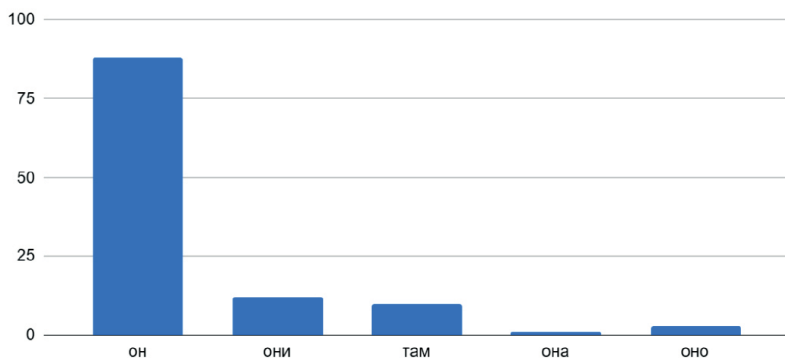

Рис. 2. Замена эргонима *Wildberries* / *Вайлдберриз* на личное местоимение

Интересно, что 8,5 % респондентов предложили в качестве своего варианта замены эргонима указательное местоименное наречие *там*, убрав из предложения глагол: *там сейчас неплохие скидки*. Можно предположить, что предложение, в котором *Вайлдберриз* выполняет функцию обстоятельства места, кажется респондентам более привычным, однако это предположение требует дополнительной проверки на широкой выборке языкового материала.

В целом можно говорить о том, что определение рода эргонима *Вайлдберриз*, с одной стороны, обусловлено формальными особенностями: этот

эргоним вполне способен продолжить ряд существительных мужского рода с нулевым окончанием и основой на твёрдый согласный. С другой стороны, доминирование мужского рода в анкетах может быть связано с тем, что большинство опрошенных рассматривают *Вайлдберриз* как разновидность *маркетплейса / интернет-магазина* (рис. 3) и руководствуются при выборе рода критерием семантической аналогии (грамматический род гиперонима влияет на гипоним)¹.

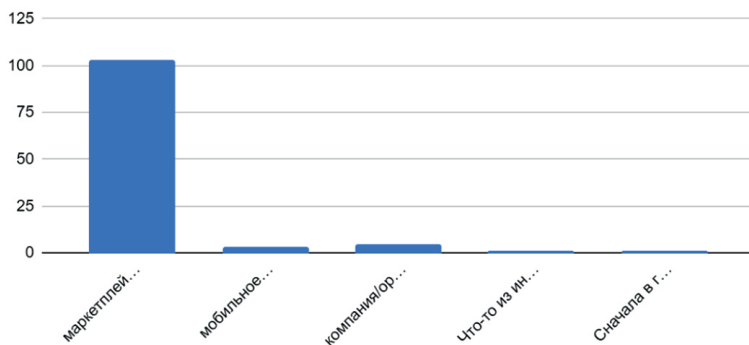

Рис. 3. Соотнесение онима с денотатом

3.2.2. Число

Очевидно, что в образовании эргонима *Wildberries* участвуют англоязычные показатели множественного числа. Кроме того, выше мы уже отмечали, что 11 % респондентов воспользовались возможностью ввода местоимения *они* в качестве контекстной замены эргонима в предыдущем вопросе. Несмотря на эти обстоятельства, контексты, в которых подлежащее *Вайлдберриз* согласуется со сказуемым, выраженным глаголом в настоящем времени и множественном числе, менее частотны (рис. 4). Если учитывать, что онимы выполняют идентифицирующую функцию и именуют уникальный объект, то полученный результат кажется ожидаемым.

Однако для контекста, в котором *Вайлдберриз* согласуется с глаголом в прошедшем времени, процентные показатели меняются. Доля опрошенных, сделавших выбор в пользу глагола в единственном числе, вполне сопоставима с респондентами, выбравшими вариант с глаголом во множественном числе (рис. 5).

1 Подробнее о критерии семантической аналогии и других критериях определения рода существительных рядовыми носителями языка см. [Баранова, 2016].

Какое сообщение кажется вам наиболее привычным?

114 ответов

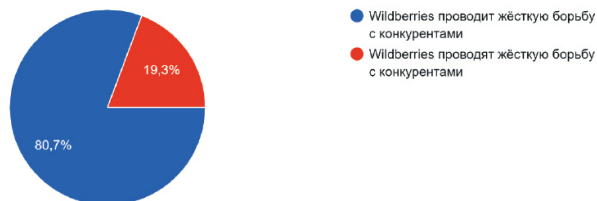

Рис. 4. Согласование между субъектом и предикатом в настоящем времени

Какое сообщение кажется вам наиболее привычным?

114 ответов

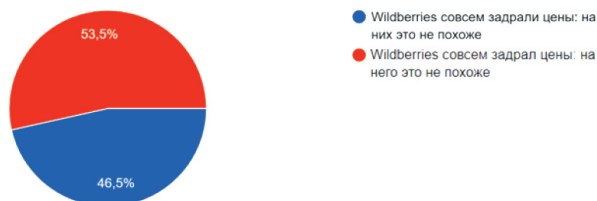

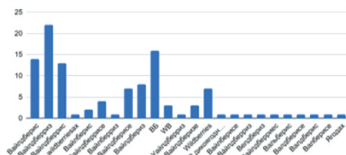
Рис. 5. Согласование между субъектом и предикатом в прошедшем времени

Сложно сказать, чем вызвано такое расхождение показателей. Открытым вопросом остаётся и то, что творческое переосмысление онима в контекстах вроде *купил на Ягодах* отражает элемент множественного числа, который присутствует в структуре исходного англоязычного слова.

3.2.3. Падеж

Ещё более заметное количество расхождений было обнаружено в вопросах, направленных на уточнение категории падежа для *Вайлдберриз*. В поле для ввода онима в именительном падеже чаще писали сокращённые варианты *WB* и *BB*, чем в поля для ввода онима в косвенных падежах. Кроме того, в вопросах, выявляющих особенности употребления онима в косвенных падежах, респонденты указывали варианты написания, которых не было в ответах на вопрос о названии маркетплейса в именительном падеже (рис. 6).

Разнообразие предложенных вариантов, однако, не мешает заметить способность онима изменяться по падежам. Несмотря на то, что большин-

Как мы отмечали ранее, внутренняя форма онима *Wildberries*, по всей видимости, успешно считывается респондентами, в абсолютном боль-

шинстве владеющими английским языком. Благодаря этому оним становится предметом творческого переосмысления в разговорной речи. Так, от композита *Wildberries* с помощью калькирования может образовываться атрибут *дикоягодный* (*дикоягодный магазин*). В других случаях компонент *дикий* может вообще отсутствовать: скорость интернет-коммуникации и общее знание о местах интернет-торговли позволяет пользователям прибегать к более кратким и ёмким формулировкам. В результате появляется вариант *ягоды*, сохраняющий множественное число исходного слова (отметим, что *ягода* в единственном числе для обозначения маркетплейса не используется). В дальнейшем слово может получать положительную эмоционально-оценочную окраску с помощью диминутивного суффикса *-к*: *ягодки*. Ироническую или даже пейоративную коннотацию, напротив, приобретает вариант *ягодицы*, созвучный одновременно и *ягодам*, и обозначению определённых частей тела.

Сознания, которые оним приобретает в контексте, ускоряют его внедрение в систему русского языка, но, вместе с тем, едва ли способствуют унификации его формы на данном этапе.

3.3.2. Метаязыковая рефлексия респондентов

В других анкетах стоит отметить высокий уровень языковой рефлексии респондентов, связанный, с одной стороны, с критичным и внимательным отношением к выбору номинации, а также стремлением поделиться своими наблюдениями с адресатом [Козырев и др., 2007, с. 58], а с другой — с очевидным безразличием респондентов как к вопросам заимствованной лексики, так и к рассматриваемой торговой площадке.

Так, некоторые респонденты включили в ответы указания на различия при использовании онима в устной и письменной речи: **Вб** — *в переписке*, **валберис** *в разговоре*. Ряд метакомментариев коснулся и формы слова: **Вайлберис** (*о почему-то пропускается*); **WB** (**вэ бэ**). Один из респондентов дополнил ответ импровизированной транскрипцией: [*вайлбэр'ис*]. Автором другой анкеты (жен. пола) отмечено влияние речевых привычек других коммуникантов на то, как она произносит / пишет *Вайлберриз*: *В процессе заполнения задумалась, что название этого маркетплейса у меня часто звучит в разговорах с мамой, а она никогда не учила английский и с удовольствием говорит как попало. И я во многом копирую ее*. В отношении формы не менее интересен комментарий, в котором размышления о языковой экономии соединяются с утилитарным фактором: *Если бы я часто пользовалась этим маркетплейсом, и если бы его название было не таким длинным, ответы, скорее всего, были бы другими*.

Кроме того, мы получили комментарии о необходимости замены предложения на / в: *у вайлдбериса не говорю; в магазине / на Вайлд-*

бериз / в нём; у вайлдбериза (хотя я бы сказала на вб). Респонденты также дали рекомендацию заменить предлог *с* предлогом *на*, мотивируя своё предложение так: *не говорят же с какого-то города.* Эти комментарии позволяют задуматься о необходимости более обстоятельного исследования вариативности в предложно-субстантивных сочетаниях с онимами.

Вопреки ожиданиям, основанным на распространённом мнении, что наивные носители, как правило, спорят о том, что правильно и что неправильно в речи [Rössler, 2019, S. 403], комментарии, приведённые выше, носят скорее дескриптивный, чем прескриптивный характер. Однако один комментарий отличается от остальных выраженной прескриптивностью и тематической многоаспектностью, а также обилием оценочных высказываний, направленных на компетентность автора, системы английского и русского языков. Приведём его полностью с сохранением авторской орфографии и пунктуации: *Воспользуюсь предоставленным местом для объяснения. Не являюсь лингвистом по образованию, поэтому пытаюсь исходить из логики. «Вайлдберрис» — это наименование зарубежного бренда. Английский язык не предусматривает вольного изменения формы слова, поэтому разнообразные «вайлдберрисы» отменяются, а само название не должно коверкаться. Название конечно во множественном числе и мы имеем такие примеры, как джинсы и кроксы, но они стали нарицательными, поэтому все извращения и прелести русского языка теперь к ним применимы. Исходя из вышесказанного, род бренда «Вайлдберрис» должен выбираться, опираясь на определяемое слово, и здесь сама компания использует американизм «маркетплейс». По нормам английского языка «маркетплейс» — это «it», но для русского языка вариант «оно» подходит мало из-за значительно большего инструментария языка. Пытаясь найти подобные по форме слова, мы натываемся на второе и третье склонения: слова без окончаний, для второго скоонения — это мужской или средний род, для третьего — женский. Если бы применялся не американизм, а прямая замена на «торговую площадку», то ответ был бы очевиден. Поэтому идя методом от обратного я выбрал для себя мужской род для слова «маркетплейс». Опять же, вариант «интернет-магазин» приводит нас сюда же, но более коротким путем. Руководствуясь вышеприведенной логикой, выбрал ответы в данном опросе, надеюсь, объяснение было не очень «душиным»».*

Комментарий респондента подтверждает наше предположение о том, что при замене эргонима на личное местоимение респонденты могли руководствоваться критерием семантической аналогии. С сожалением констатируем, что ограничения по объёму статьи не позволяют нам подробнее остановиться на маркерах оценочного отношения к языку, которыми автор

отзыва поддерживает развитие лингвокритической мысли. Оставим это начинание для следующих работ.

4. Заключение = Conclusions

Проведённое исследование подтверждает исходное предположение о наличии широкой вариативности при использовании онима *Wildberries* в интернет-коммуникации. Вариативность обусловлена скоростью обмена информацией в сети Интернет, а также тем, что эргоним является псевдозаимствованием и его непривычная форма мотивирует носителей искать различные подходы к освоению слова, в том числе творческие.

Разнообразие вариантов, с одной стороны, свидетельствует о прогрессирующей интеграции псевдозаимствованного онима в систему русского языка. С другой стороны, проведённое исследование позволяет отметить особенности, отличающие ассимиляцию имён собственных от освоения заимствованных имён нарицательных. На ассимиляцию эргонима значительное влияние оказывает официальное имя активного бренда; как следствие, в коммуникации сосуществуют разные написания: латинское и кириллическое. Представляется, что творчески переосмысленные варианты скорее окажутся характерными для неформальной коммуникации, в то время как в интернет-публицистике будут доминировать латинское наименование и «нормативные» транслитерации, которые не прошли через «горнило народной речи» и не вошли в узус естественным путём.

Наличие официального, искусственно созданного названия торговой площадки, противоречащего языковой прагматике, а также широкий диапазон мотивировок говорящих при выборе того или иного варианта написания не дают оснований полагать, что внешняя форма данного онима в скором времени будет унифицирована. Несмотря на то, что мы можем наблюдать попытки конкретизировать содержание основных грамматических категорий имени, нельзя утверждать, что грамматические категории в случае с *Вайлдберриз* стабилизировались. Наблюдаемые расхождения в роде, числе и падеже позволяют сделать вывод о том, что освоение псевдозаимствованного эргонима завершает вторую стадию, на которой лексема уже приобрела кириллическое написание, но далека от формирования непротиворечивой морфологической парадигмы.

В обсуждении результатов исследования стоит указать на существенные ограничения. Во-первых, итоговая выборка анкет респондентов получилась недостаточно объёмной. Полученные ответы способствовали установлению тенденций освоения псевдозаимствованного онима, однако затруднили учёт социологических параметров в анализе и не позволили дифференцировать выборку. Во-вторых, опора исключительно на ответы пользователей недо-

статочна для полноценного изучения интеграции эргонима *Wildberries* в реальную интернет-коммуникацию. В дальнейшем мы планируем дополнить материал исследования текстами отзывов, размещённых на открытых интернет-порталах, таких как irecommend.ru и otzovik.com. Эти ресурсы отличает минимальная модерация (орфография и пунктуация авторов сохраняются), кроме того, платформы не привязаны к конкретным площадкам интернет-торговли, и покупатели часто указывают место покупки товаров, сравнивают цены конкурирующих интернет-магазинов и т. д. Не менее продуктивной перспективой для дальнейших исследований может стать поиск других псевдозаимствованных онимов в сфере интернет-коммерции и проверка результатов, полученных для *Вайлдберриз*, на более широкой выборке наименований. Наконец, отдельных исследований с позиций критики языка и языковых идеологий требуют метакоммуникативные комментарии рядовых носителей. Есть основания надеяться, что со временем будут пересмотрены стратегии построения новых имён собственных, называющих объекты Интернета и городской среды, и новые наименования окажутся более близкими опыту носителей русского языка.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Маринова Е. В. Теория заимствования в основных понятиях и терминах : словарь-справочник / Е. В. Маринова. — Москва : Флинта, 2018. — 238 с. — ISBN 978-5-9765-1560-4.
2. *Опрос* о популярном маркетплейсе [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://forms.gle/tsdQbz1NAUaC7CMD8> (дата обращения 26.10.2024).
3. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. — Москва : Наука, 1988. — 187 с. — ISBN 5-02-010892-8.
4. Рыжова Е. История развития и успеха компании Wildberries [Электронный ресурс] / Е. Рыжова. — 24.04.2023. — Режим доступа : <https://dasreda.ru/learn/blog/article/1956-istoriya-razvitiya-i-uspeha-kompanii-wildberries> (дата обращения 26.10.2024).
5. *Что происходит с «Лабиринтом»* : издательства перестают поставлять книги и судятся из-за долгов [Электронный ресурс]. — 03.06.2024. — Режим доступа : <https://journal.tinkoff.ru/news/labirint-out/> (дата обращения 04.11.2024).

Литература

1. Баранова А. С. Критерии выбора рода несклоняемых неодушевлённых существительных рядовыми носителями языка (на материале метаязыковых комментариев) / А. С. Баранова // Вестник Томского государственного университета. — 2016. — № 412. — С. 5—13. — DOI: 10.17223/15617793/412/1.

2. *Вайнрайх У.* Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования / У. Вайнрайх. — Киев : Вища школа, 1979. — 263 с.
3. *Волкова А. Б.* Сегменты и субклассы псевдозаимствованных онимов в немецком литературном языке / А. Б. Волкова, Ю. В. Кобенко // СибСкрипт. — 2023. — Т. 25. — № 1. — С. 1—9. — DOI: 10.21603/sibscript-2023-25-1-1-9.
4. *Голомидова М. В.* Использование технологии нейминга при создании официальных городских топонимов : анализ возможностей / М. В. Голомидова // Вопросы ономастики. — 2019. — Т. 16. — № 3. — С. 162—178. — DOI: 10.15826/vopr_onom.2019.16.3.037.
5. *Езан И. Е.* Немецкоязычная интернет-лингвистика : история и современность / И. Е. Езан, Е. А. Ковтунова // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. — 2022. — Выпуск 12. — С. 252—272. — DOI:10.21638/spbu33.2022.113.
6. *Иванова Ю. В.* К вопросу об инвентаризации иноязычных эргонимов Смоленска / Ю. В. Иванова // Риторика ↔ Лингвистика. — Смоленск : Издательство СмолГУ, 2016. — С. 184—189.
7. *Карпенко М. Ю.* Мотивация сайтонимов англоязычного сектора интернета / М. Ю. Карпенко // Вестник ВГУ. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2014. — № 2. — С. 35—39.
8. *Кобенко Ю. В.* Экстралингвистический детерминизм природы псевдозаимствования / Ю. В. Кобенко // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. — 2016. — № 1 (11). — С. 29—35.
9. *Козырев В. А.* Свое и чужое : заимствованное слово в современной речи / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Universum : Вестник Герценовского университета. — 2007. — № 3. — С. 54—59.
10. *Иссерс О. С.* Нейминг в медиапространстве сибирского региона / О. С. Иссерс // Коммуникативные исследования. — 2016. — № 4 (10). — С. 77—91.
11. *Кондратенко П. И.* К вопросу о выборе правильного предлога с названием медиа-ресурса в немецком языке / П. И. Кондратенко, А. М. Дубина // LI Международная научная филологическая конференция имени Людмилы Алексеевны Вербицкой. Сборник тезисов. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет, 2024. — С. 824—825.
12. *Коньшева М. В.* Виды иноязычных эргонимов в Рунете / М. В. Коньшева // Мировое культурно-языковое и политическое пространство : инновации в коммуникации. — Москва : РУДН, 2018. — С. 289—296.
13. *Копчук Л. Б.* Коммуникация 2.0 : языковые особенности переписки в мессенджере немецкоязычной молодежи Швейцарии / Л. Б. Копчук, В. А. Андреева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2022. — № 19 (3). — С. 627—645. — DOI: 10.21638/spbu09.2022.314.
14. *Крысин Л. П.* Этапы освоения иноязычного слова / Л. П. Крысин // Русский язык в школе. — 1991. — № 2. — С. 74—78.
15. *Куликова Э. Г.* Лингвопрагматический потенциал онимов : динамический аспект / Э. Г. Куликова, Н. О. Григорьева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 10 (64). — С. 104—106.
16. *Лашкова Г. В.* Англицизмы в современном русском языке : к проблеме лингвотолерантности / Г. В. Лашкова, А. И. Матяшевская // Изв. Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. — 2022. — № 2. — С. 151—157. — DOI: 10.18500/1817-7115-2022-22-2-151-157.

17. *Нефедова Л. А.* Псевдоанглицизмы в немецком и русском языках : актуальные тенденции современного словообразования / Л. А. Нефедова // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. — 2017. — № 3 (35). — С. 140—151.
18. *Осетрова О. И.* Заимствования интернет-коммуникации : проблема орфографической вариативности и её отражение в словарях / О. И. Осетрова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2018. — № 3 (81). — С. 160—163.
19. *Радбиль Т. Б.* Лингвокультурное освоение заимствований в сетевом медиакурсе как проявление процессов глокализации / Т. Б. Радбиль // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2024. — № 1. — С. 112—121. — DOI: 10.29025/2079-6021-2024-1-98-111.
20. *Ремчукова Е. Н.* Проблемы нейминга : новые русские урбанонимы в лингвокреативном аспекте / Е. Н. Ремчукова, Т. П. Соколова, Л. Р. Махиянова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2015. — № 9. — С. 328—332.
21. *Романкевич М. Н.* Особенности проявления языковой гибридации в названиях минских кафе и ресторанов / М. Н. Романкевич // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2019. — № 3 (819). — С. 112—120.
22. *Фунтова И. Л.* Вокализация «тёмного» аллофона сонанта /л/ в современном британском произношении / И. Л. Фунтова // Международный научно-исследовательский журнал. — 2013. — № 9—2 (16). — С. 88—89.
23. *Berg K.* Variation im digitalen Schreiben. Demokratisierung der Orthographie / K. Berg // Register des Graphischen. Variation, Interaktion und Reflexion in der digitalen Schriftlichkeit. — Berlin/Boston : De Gruyter, 2020. — S. 53—66. — DOI: 10.1515/zrs-2022-2082.
24. *Dürscheid Ch.* Von der Mündlichkeit zur Schriftlichkeit. Normen in der Internetkommunikation. Informationen zur Deutschdidaktik (ide) / Ch. Dürscheid // Zeitschrift für den Deutschunterricht in Wissenschaft und Schule. — 2018. — Bd. 4 (42). — S. 93—100.
25. *Imo W.* Interaktionale Linguistik und die qualitative Erforschung computervermittelter Kommunikation. / W. Imo // Empirische Erforschung internetbasierter Kommunikation. — Berlin/Boston : De Gruyter, 2017. — S. 81—108.
26. *Rössler P.* Gutes Deutsch, schlechtes Deutsch : Sprachrichtigkeit und Normen als metasprachliches Thema / G. Antos, Th. Niehr, J. Spitzmüller // Handbuch Sprache im Urteil der Öffentlichkeit. — Berlin/Boston : De Gruyter, 2019. — S. 400—423. — DOI: 10.1515/9783110296150-018.

*Статья поступила в редакцию 11.11.2025,
одобрена после рецензирования 21.03.2025,
подготовлена к публикации 21.04.2025.*

Material resources

- A survey on a popular marketplace.* Available at: <https://forms.gle/tdsQbz1NAUaC7CMD8> (accessed 26.10.2024). (In Russ.).
- Marinova, E. V. (2018). *Theory of borrowing in basic concepts and terms: a dictionary*. Moscow: Flinta. 238 p. ISBN 978-5-9765-1560-4. (In Russ.).
- Podolskaya, N. V. (1988). *Dictionary of Russian onomastic terminology*. Moscow: Nauka Publ. 187 p. ISBN 5-02-010892-8. (In Russ.).
- Ryzhova, E. (2023). *History of development and success of Wildberries company*. Available at: <https://dasreda.ru/learn/blog/article/1956-istoriya-razvitiya-i-uspeha-kompanii-wildberries> (accessed 26.10.2024). (In Russ.).

What is happening with the “Labyrinth”: publishing houses stop supplying books and sue over debts. (2024). Available at: <https://journal.tinkoff.ru/news/labirint-out/> (accessed 04.11.2024). (In Russ.).

References

- Baranova, A. S. (2016). Criteria for choosing the gender of indescribable inanimate nouns by ordinary native speakers (based on the material of metalanguage commentaries). *Bulletin of Tomsk State University*, 412: 5—13. DOI: 10.17223/15617793/412/1. (In Russ.).
- Berg, K. (2020). Variation im digitalen Schreiben. Demokratisierung der Orthographie. In: *Register des Graphischen. Variation, Interaktion und Reflexion in der digitalen Schriftlichkeit*. Berlin/Boston: De Gruyter. 53—66. DOI: 10.1515/zrs-2022-2082. (In Germ.).
- Dürscheid, Ch. (2018). Von der Mündlichkeit zur Schriftlichkeit. Normen in der Internetkommunikation. Informationen zur Deutschdidaktik (ide). *Zeitschrift für den Deutschunterricht in Wissenschaft und Schule*, 4 (42): 93—100. (In Germ.).
- Funtova, I. L. (2013). Vocalization of the “dark” allophone of the sonant /l/ in modern British pronunciation. *International Scientific Research Journal*, 9—2 (16): 88—89. (In Russ.).
- Golomidova, M. V. (2019). The use of naming technology in the creation of official urban toponyms: an analysis of possibilities. *Questions of onomastics*, 16 (3): 162—178. DOI: 10.15826/vopr_onom.2019.16.3.037. (In Russ.).
- Imo, W. (2017). Interaktionale Linguistik und die qualitative Erforschung computervermittelter Kommunikation. In: *Empirische Erforschung internetbasierter Kommunikation*. Berlin/Boston: De Gruyter. 81—108. (In Germ.).
- Issers, O. S. (2016). Naming in the media space of the Siberian region. *Communicative research*, 4 (10): 77—91. (In Russ.).
- Ivanova, Yu. V. (2016). On the inventory of foreign ergonyms of Smolensk. In: *Rhetoric and Linguistics*. Smolensk: SmolGU Publishing House. 184—189. (In Russ.).
- Karpenko, M. Y. (2014). Motivation of the site names of the English-speaking sector of the Internet. *Bulletin of the VSU. Series: Linguistics and Intercultural communication*, 2: 35—39. (In Russ.).
- Kobenko, Yu. V. (2016). Extralinguistic determinism of the nature of pseudo-borrowing. *Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Research*, 1 (11): 29—35. (In Russ.).
- Kondratenko, P. I. (2024). On the question of choosing the right preposition with the name of a media resource in German. In: *LII International Scientific Philological Conference named after Lyudmila Alekseevna Verbitskaya. Collection of abstracts*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. 824—825. (In Russ.).
- Konysheva, M. V. (2018). Types of foreign-language ergonyms in Runet. In: *World cultural, linguistic and political space: innovations in communication*. Moscow: RUDN University. 289—296. (In Russ.).
- Kopchuk, L. B. (2022). Communication 2.0: linguistic features of correspondence in the messenger of German-speaking youth of Switzerland. *Bulletin of St. Petersburg University. Language and literature*, 19 (3): 627—645. DOI: 10.21638/spbu09.2022.314. (In Russ.).
- Kozyrev, V. A., Chernyak, V. D. (2007). Own and someone else’s: a borrowed word in modern speech. *Universum: Bulletin of the Herzen University*, 3: 54—59. (In Russ.).

- Krysin, L. P. (1991). Stages of mastering a foreign language word. *Russian language at school*, 2: 74—78. (In Russ.).
- Kulikova, E. G., Grigorieva, N. O. (2016). Linguopragmatic potential of onyms: a dynamic aspect. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 10 (64): 104—106. (In Russ.).
- Lashkova, G. V., Matyashevskaya, A. I. (2022). Anglicisms in modern Russian: towards the problem of linguistic tolerance. *Izv. Sarath. University of Nov. ser. Ser. Philology. Journalism*, 2: 151—157. DOI: 10.18500/1817-7115-2022-22-2-151-157. (In Russ.).
- Nefedova, L. A. (2017). Pseudoanglicisms in German and Russian: current trends in modern word formation. *Modern linguistic and methodological-didactic research*, 3 (35): 140—151. (In Russ.).
- Osetrova, O. I. (2018). Borrowings of Internet communication: the problem of spelling variation and its reflection in dictionaries. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 3 (81): 160—163. (In Russ.).
- Radbil, T. B. (2024). Linguistic and cultural assimilation of borrowings in online media discourse as a manifestation of glocalization processes. *Actual problems of philology and pedagogical linguistics*, 1: 112—121. DOI: 10.29025/2079-6021-2024-1-98-111. (In Russ.).
- Remchukova, E. N., Makhiyanova, L. R. (2015). Naming problems: new Russian urbanonyms in the linguistic and creative aspect. *Humanities, socio-economic and social sciences*, 9: 328—332. (In Russ.).
- Romankevich, M. N. (2019). Peculiarities of linguistic hybridization in the names of Minsk cafes and restaurants. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities*, 3 (819): 112—120. (In Russ.).
- Rössler, P. (2019). Gutes Deutsch, schlechtes Deutsch: Sprachrichtigkeit und Normen als metasprachliches Thema. In: *Handbuch Sprache im Urteil der Öffentlichkeit*. Berlin/Boston: De Gruyter. 400—423. — DOI: 10.1515/9783110296150-018. (In Germ.).
- Volkova, A. B., Kobenko, Yu. V. (2023). Segments and subclasses of pseudo-borrowed onyms in the German literary language. *SibScript*, 25 (1): 1—9. DOI: 10.21603/sibscript-2023-25-1-1-9. (In Russ.).
- Weinreich, W. (1979). *Language contacts. The state and problems of research*. Kiev: Vishcha shkola Publ. 263 p. (In Russ.).
- Yezan, I. E., Kovtunova, E. A. (2022). German-language Internet linguistics: history and modernity. *German Philology at St. Petersburg State University*, 12: 252—272. DOI:10.21638/spbu33.2022.113. (In Russ.).

*The article was submitted 11.11.2024;
approved after reviewing 21.03.2025;
accepted for publication 21.04.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(3), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования :

Меркулова А. М. Восприятие исторических фейков : экспериментальный подход и фреймовый анализ / А. М. Меркулова, А. А. Шарапкина // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 3. — С. 123—155. — DOI : 10.24224/2227-1295-2025-14-3-123-155.

Merkulova, A. M., Sharapkova, A. A. (2025). Perception of Historical Fakes: Experimental Approach and Frame Analysis. *Nauchnyi dialog*, 14 (3) : 123-155. DOI : 10.24224/2227-1295-2025-14-3-123-155. (In Russ.).

Web of Science™

Scopus®

DOAJ

ERIH PLUS

НАУЧНАЯ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННАЯ
БИБЛИОТЕКА

LIBRARY.RU

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Восприятие исторических фейков: экспериментальный подход и фреймовый анализ

Меркулова Анастасия Михайловна

orcid.org/0000-0001-8856-8087

кандидат исторических наук,
кафедра истории государственного
и муниципального управления
Merkulova@spa.msu.ru

Шарапкина Анастасия Андреевна

orcid.org/0000-0001-5378-2729

кандидат филологических наук,
кафедра английского языкознания,
корреспондирующий автор
warapkova@mail.ru

Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

Perception of Historical Fakes: Experimental Approach and Frame Analysis

Anastasiya M. Merkulova

orcid.org/0000-0001-8856-8087

PhD in History, Associate Professor,
Department of History of State
and Municipal Administration
Merkulova@spa.msu.ru

Anastasia A. Sharapkova

orcid.org/0000-0001-5378-2729

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of English Linguistics,
corresponding author
warapkova@mail.ru

Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russia)

© Меркулова А. М., Шарапкина А. А., 2025

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлены результаты междисциплинарного исследования по проблемам противостояния исторической дезинформации. Проанализированы собранные за 2019—2021 годы данные о восприятии студентами неисторических специальностей фейковой информации по истории России, публикуемой в зарубежных СМИ. Актуальность исследования обусловлена необходимостью сбора реальных данных о процессах распространения западными СМИ ложных сведений об истории России в связи с высокой опасностью внедрения этих сведений в сознание людей и негативного влияния их на когнитивную безопасность социума. Методами традиционного филологического анализа, а также когнитивной лингвистики и фреймовой семантики были описаны механизмы внедрения в объективное историческое знание недостоверных смыслов, которые включают в себя ложные маркеры достоверности и эмоционально окрашенную лексику. Анализ показал, что респонденты часто опираются на лингвистические особенности текста, а именно эмоционально маркированные единицы и негативную ретиорику, что не всегда позволяет идентифицировать правдивость полученной исторической информации. Установлено, что в случае узкопрофильных, дискуссионных или малоизвестных исторических фактов применение фейка в сэндвич-конструкции (правда-ложь) может привести к замене реального знания искаженной перцепцией, что размывает основы объективного личностного восприятия.

Ключевые слова:

репрезентация исторического знания; фейк; сэндвич-структура; историческая правда; когнитивная безопасность.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This paper presents the findings of an interdisciplinary study addressing the challenges of countering historical disinformation. Data collected between 2019 and 2021 regarding the perceptions of students in non-history disciplines towards fake information about Russian history published in foreign media are analyzed. The relevance of this research is underscored by the need to gather empirical data on the processes through which Western media disseminate false information about Russia's history, given the significant risk of such narratives infiltrating public consciousness and adversely affecting the cognitive security of society. Utilizing traditional philological analysis alongside cognitive linguistics and frame semantics, the study elucidates the mechanisms by which misleading meanings are integrated into objective historical knowledge. These mechanisms include false markers of credibility and emotionally charged vocabulary. The analysis reveals that respondents often rely on linguistic features of the text, particularly emotionally marked units and negative rhetoric, which do not always facilitate the accurate identification of the truthfulness of historical information. It was found that in cases involving specialized, controversial, or lesser-known historical facts, the use of fakes within a sandwich structure (truth-lie) can lead to a replacement of genuine knowledge with distorted perceptions, thereby blurring the foundations of objective personal understanding.

Key words :

representation of historical knowledge; fake; sandwich structure; historical truth; cognitive security.

Восприятие исторических фейков: экспериментальный подход и фреймовый анализ

© Меркулова А. М., Шарапкова А. А., 2025

1. Введение = Introduction

Несмотря на значительный прогресс рационального мышления, на быденном уровне потребление информации людьми определяется эмоциональным аспектом человеческой психики [Goatly, 2007 ; Gray, 1985 ; Ortony, et al., 1990 ; Preston et al., 2021]. Более того, последние исследования различных видов дискурса показывают заметное увеличение экспрессивности, которое долгое время оставалось прерогативой устной речи или собственно медиадискурса; сейчас экспрессивность и эмоциональность стали частью коммуникации в целом [González, 2012], документального медиа [Zago, 2021] и даже научного [Vinkers et al, 2015] типов дискурса. Особенно важен этот иррациональный компонент при манипулятивном воздействии на аудиторию, когда можно использовать или создавать эмоционально насыщенные целостные когнитивные модели, таким образом отключая или подавляя рациональное мышление и аргументированный дискурс, опираясь на доверие (или даже доверчивость) аудитории [Заботкина и др., 2023]. Некоторыми исследователями даже высказывалось мнение, что формирование современной политики происходит на мифологическом уровне [Flood 2013 ; Della Sala, 2010 ; Lakoff et al., 2008 ; Singer, 2014], а мифологическая матрица может быть поэтапно применена в изменении аксиологической направленности политического дискурса [Шарапкова, 2020]. Однако насколько можно использовать исходно неэмоциональные конструкты в виде реальных или искаженных фактов для воздействия на аудиторию и какие когнитивные механизмы могут быть при этом задействованы, изучено еще недостаточно.

В последнее десятилетие становится очевидным, что в качестве ментальных конструктов для дальнейшей деконструкции могут использоваться модели представления исторического знания, которые построены на особом процессе интеграции и интерпретации исторических фактов. Исторический факт вместе с концептуально-смысловым восприятием про-

шлого формирует историческое знание [Герасимов, 2012], а деконструкция важнейших элементов исторического знания может приводить к разрушению целостного восприятия прошлого. Термин *исторический факт* имеет несколько трактовок. В основе каждой из них лежит тезис, что факт — это конкретное проявление действительности в ее прошедшем или текущем состоянии, то есть объективная реальность. В методологии исторического познания выделяют три типа фактов: факты исторической действительности, факты исторического источника и научно-исторические факты [Ковальченко, 2003, с. 141]. Корректное оперирование историческими фактами разного типа является непреложным условием объективного исторического исследования и создания исторического знания.

При этом обыденное мышление не может принять неизбежно мозаичную картину истории и сложность процесса создания исторического знания, разум «требуется тотальности и непрерывности в изображении прошлого. Следовательно, историческое познание должно поставить на место разрозненных фактов некоторые синтетические конструкции» [Герасимов, 2012, с. 32]. Иными словами, историческое познание предлагает гармоничный нарратив или конструирование непротиворечивой ментальной модели, то есть опирается на целостность исторического знания и включение фактов в нарратив, теоретически оправданный с позиций современной историософии. Стройность исторического нарратива поэтому может быть маркером его достоверности. В медиадискурсе подобная непротиворечивость и стройность может быть обманчива.

Исходя из того, что феномен недостоверных новостей *fake news* стал частью новой медиапарадигмы, они все чаще становятся предметом научных изысканий. Ученые теоретизируют на тему дефиниций фейка, его структуры и наполнения, изучают методы борьбы с ним. Под фейком понимается «преднамеренное представление (как правило) ложных или вводящих в заблуждение утверждений в качестве новостей, при этом утверждения имеют своей целью ввести в заблуждение» [Gelfert, 2018, с. 101] (перевод наш. — А. М., А. Ш.).

Подробный обзор возможных когнитивных механизмов, задействованных в конструировании фейков и их восприятии, уже предпринимался нами ранее [Шарапова и др., 2023]. История может быть представлена в сознании индивидуумов в виде ментальных конструкторов: матрицы, концепта, фрейма, модели. Нами было показано, что при манипуляции с использованием фейка возможны такие изменения, как вторичная концептуализация, рефрейминг, смещение фигуры и фона, метафоризация, блендинг. Данные способы конструирования ментальных моделей могут использоваться этично, основываясь на достоверных фактах, или неэтично, когда привлекаются заведомо ложные или недостоверные факты.

Собрать из фактов правдоподобный конструкт, как показывает практика, конечно, возможно, но он не будет представлять собой объективное историческое знание. В частности, могут происходить процессы деконструирования сложившихся представлений о ключевых исторических событиях, фактах и фигурах как в дискурсе своего лингвистического сообщества, так и в дискурсе, рассчитанном на влияние вовне. Далее из деконструированных ментальных представлений могут собираться новые конструкции, несущие в себе заведомо ложную информацию и уже измененные аксиологические установки. Глубокое воздействие на адресата возможно через изменение его аксиологических и интерпретативных установок, а значит — через воздействие на когнитивные модели, лежащие в основе осмысления окружающего мира. Как отмечают исследователи, целью информационного воздействия может быть не просто дезинформация, а «резкое изменение целей, картины мира получателя» [Почепцов, 2015, с. 10] или деконструкция культурной идентичности [Манерко, 2023]. Вследствие указанного понимание принципов и основных способов «упаковки» исторического знания, изученного сквозь призму исторического и лингвистического подходов, обладает неоспоримой новизной. Выявление исторических событий, подвергающихся деконструкции, представляется актуальной задачей.

Настоящее исследование было проведено с целью получения практической информации о восприятии фейков. Особенностью настоящего исследования является соединение теоретического и экспериментального подходов к изучению способности респондентов отличить правдивую информацию от ложной. Хотя феномену фейковых новостей в последние годы и уделяется достаточно научного внимания, одновременно рассмотрение его на стыке истории и лингвистики ранее не проводилось. В точке восприятия фейков сходится множество вопросов, что придает исследуемой проблеме междисциплинарный характер. Большая часть материалов, анализируемых в данной работе, публикуется впервые, вводится в научный оборот.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

За 2019—2021 годы была собрана эмпирическая база, основу которой составляют работы студентов по поиску и анализу фейков по истории России в иноязычных СМИ в рамках курса «История России». Респондентами выступали бакалавры первого курса естественнонаучных специальностей МГУ имени М. В. Ломоносова. Задание было ограничено рядом параметров. Во-первых, студентам было рекомендовано самостоятельно найти «фейковую новость» о любом событии или факте из истории России. При этом намеренно не разяснялось определение фейка, а также не обозначались хронологические рамки. При поиске обучающийся должен был руко-

водствоваться собственными критериями и знаниями о предмете поиска. Во-вторых, под *СМИ* понималось любое аккредитованное печатное или интернет-издание, теле- или радиоканал. Приоритет должен был отдаваться изданиям с наилучшей, по мнению ищущего, репутацией. В обязательном порядке выбранное СМИ должно иметь страницу не только в Интернете, но и печатную версию распространяемых новостей. Третье условие задания — дать опровержение найденному фейку посредством ссылок на исторические источники, научную или учебную литературу.

После этого все полученные контексты были классифицированы по историческим периодам и далее также проанализированы методами традиционной филологической науки с точки зрения использования эмоционально окрашенной лексики и методами когнитивной лингвистики. Подчеркнем, что выявление фейков невозможно без тщательного анализа плана выражения — языковой составляющей недостоверной новости. В исследовании 2023 года отмечено: «В фейковых новостях могут использоваться картинки и другие медиа, но обычно фейковые новости состоят в основном из новостного текста — статьи в газете, репортажа на радио, поста в социальных сетях, интервью на телевидении. Новостной текст является основной коммуникативной единицей журналистики и, следовательно, основной единицей анализа» [Grieve et al., 2023]. Вследствие этого для выявления языковых особенностей представления фейка и механизмов деконструкции исторического события и манипуляции был проведен поэтапный анализ образ-схем и фреймов, реализуемых новостями. Важно, что мы проанализировали не только собственно фейковые новости, но и новости, не признанные таковыми с точки зрения истории, но ошибочно отмеченные студентами как фейковые.

Фреймовый подход был предложен еще в конце 80-х годов [Fillmore, 1976; Fillmore et al., 2003; Narayanan et al., 2003] и реализован на сайте ресурса FrameNet [Baker et al., 1998]. Фреймовый анализ позволяет извлекать семантические структуры фреймов из текста и применяется в когнитивной лингвистике, поскольку «у нас есть сознательный доступ только к некому спроецированному миру — миру как бессознательно организованному разумом, и мы можем говорить о вещах постольку, поскольку они получили ментальные представления посредством этих процессов организации» [Jackendoff, 1983, с. 29]. Именно фреймовый анализ оказался наиболее применимым к материалу исторических недостоверных новостей.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Общая характеристика полученных данных

По результатам выполненных заданий от студентов, обучающихся на бакалавриате, было получено 111 работ, соответствующих вышеуказан-

ным требованиям. Исключив дублирующий материал, мы установили, что респонденты подвергли анализу 93 новостных сообщения, которые они признали фейковыми. 90 % проанализированных материалов составили англоязычные источники, 8 % — источники немецкого происхождения, что объясняется тем, что для большинства студентов английский является вторым иностранным языком. Также имеются единичные ссылки на публикации на польском, французском, испанском языках и иврите.

Источниками потенциальной фейковой информации стали 52 новостных канала, а также 6 новостных лент государственных органов власти, в том числе сообщения официальных лиц от Белого дома США, посольства США в Дании, структур Европейского союза (Европейского парламента и Европейской службы внешних связей).

В процессе обработки информации было выявлено, что 5 сообщений дублируются. Они были идентифицированы респондентами как фейк, воспроизведенный более одного раза. Абсолютным «лидером» по данному показателю оказалась публикация немецкой газеты «Die Welt» «Der “Sieg” der Roten Armee, der in Wirklichkeit eine Niederlage war» [Kellerhoff, 2019]. Было представлено семь вариантов опровержения данной публикации. На втором месте оказалась статья «How The ‘Cowboys’ of The West Defeated The Nazis», опубликованная в «The Wall Street Journal» [Hanson, 2005]. Неднократного внимания при поиске фейков также были удостоены статьи из «The Washington Post», «The Conversation» и «The Journal of Historical Review» [Bishop, 1997 ; Morton, 2018 ; Starr, 2017].

Самым ранним источником фейка была статья 1886 года, опубликованная в «The New York Times», повествующая о быте русского общества [Greville, 1886].

Далее все полученные контексты были проанализированы на соответствие определению фейка с точки зрения исторической науки, проанализированы доказательства фейкового характера сообщения, приведенные студентами, а в случае несостоятельности предложенной аргументации рассмотрены валидные исторические источники.

В первую очередь отметим, что был выявлен достаточно интересный факт: далеко не все новости, идентифицированные студентами как фейковые, действительно являлись таковыми. Некоторые новости принадлежали к категории спорного исторического факта или даже не являлись фейком совсем. Не обладая достаточными компетенциями или знаниями в области профессиональной исторической литературы, студенты определяли их как ложные, опираясь на негативную риторику, присутствие эмоционально окрашенных лексических единиц или собственные представления. Наши

данные в целом соответствуют результатам опроса ВЦИОМ 2019 года «Фейк-ньюс: мнение россиян о новом законе» [ВЦИОМ, 2019].

Согласно опросу, почти половина респондентов заявила, что «почти всегда» (7 %) или «в большинстве случаев» (42 %) можно отличить недостоверную информацию в СМИ и Интернете от достоверной, а сомнения в собственной способности отличить фейк от правды испытывали только 29 % [ВЦИОМ, 2019]. Как показывают наши результаты, две трети приведенного студентами материала оказались действительно фейками с точки зрения исторической науки и лишь треть найденных респондентами в иноязычных медиа фейков свой статус не подтвердила (рис. 1).

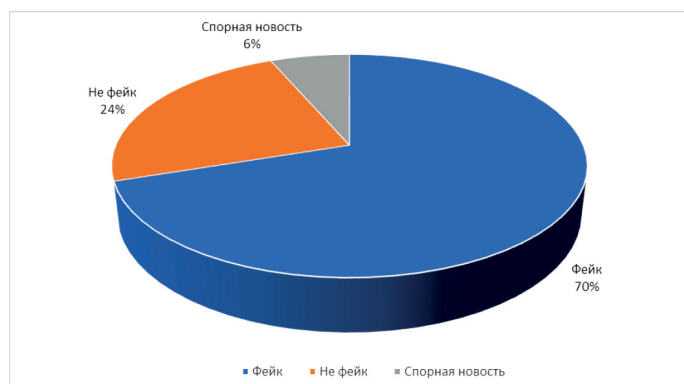

Рис. 1. Фактическое распределение предоставленного респондентами материала

Так как в нашем случае речь идет об исторических фейках, весь имеющийся материал был классифицирован по историческим периодам (рис. 2). Важно, что большая часть фейковых сообщений приходится на XX век, время, наиболее близкое настоящему, интерпретация событий которого непосредственно влияет на национальную самоидентичность

Интересно, что в фальсификациях, обнаруженных бакалаврами, отсутствуют материалы из истории древней Руси. Возможно, причина в том, что данный период сложно использовать для манипуляции: он удален от сегодняшнего момента и не оказывает значительного влияния на современные представления.

Самый большой пласт фальсификаций касается истории советского государства. Более 65 процентов фейковых новостей, заявленных респондентами, укладываются в хронологический период с 1917 по 1991 годы. В процессе анализа материал был систематизирован по наиболее часто встречающимся историческим событиям (рис. 3). Оговоримся, что в дан-

ной работе мы подробно анализируем события, не касающиеся Великой Отечественной войны, ограничиваясь публикациями по теме до 1940 года, поскольку материал по ВОВ представляет собой отдельную категорию.

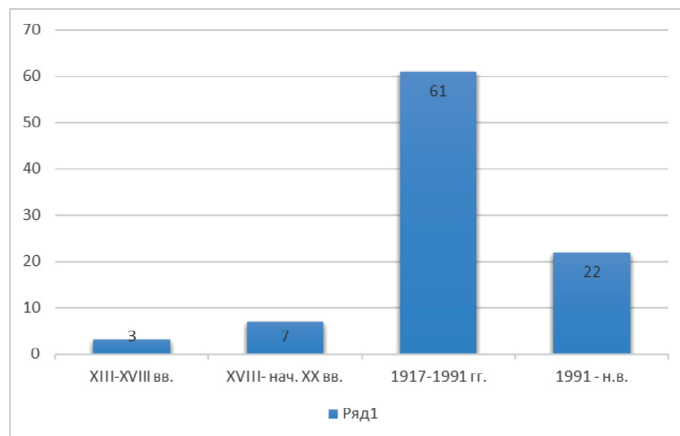

Рис. 2. Хронологическое распределение эмпирического материала.

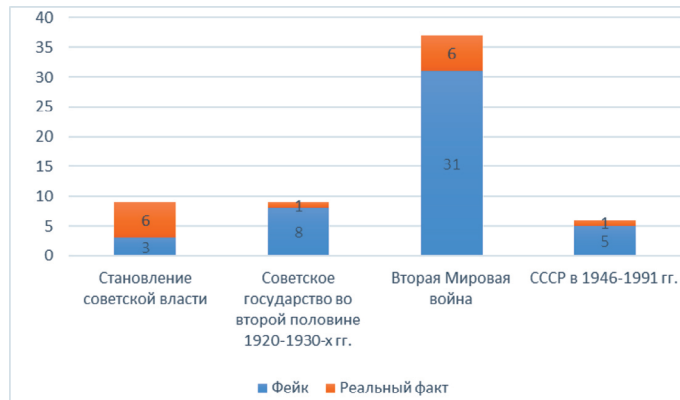

Рис. 3. Тематическое распределение эмпирического материала по периодам истории СССР

Разработка механизмов адекватного противодействия фейкам должна затрагивать глубинные структуры и культурно значимые феномены, такие как ментальные модели представления исторического знания, поскольку они несут в себе не только факты, но и комплекс смыслов и заложенную интерпретацию. Многие фейки достаточно легко отличить от правдивой

новости, поскольку они содержат либо эмоционально маркированные единицы, либо прямое противоречие базовым знаниям школьной или университетской программы. При этом стоит отметить, что эмоциональные способы воздействия достаточно быстро меняются, как только у общества стихийно вырабатываются алгоритмы распознавания подобной стилистики.

Мы провели анализ всех обнаруженных новостей по критерию наличия эмоционально маркированной лексики и выявили интересную закономерность. Многие новости содержат эмоционально насыщенную лексику, часто с негативными коннотациями. Именно она подсказывает респондентам, что новость является фейковой, что не всегда совпадает с реальным определением исторического фейка (рис. 4). Иными словами, языковые приемы, характерные для сообщений манипулятивного характера, постепенно перестают выполнять свою функцию — наоборот, они становятся маркером, заставляющим человека «включиться» и перестать доверять источнику новости или подвергнуть новость сомнению.

Также заметим, что в категории «спорный факт» эмоционально маркированных новостей оказалось больше, чем эмоционально немаркированных по сравнению с категорией «фейка». Это можно объяснить тем, что создатели подобных новостей чаще используют слова с ингерентными коннотациями для создания необходимого образа. Именно на негативную окраску и реагируют студенты, распознавая, таким образом, не собственно фейк, а манипуляцию. Согласно замечанию В. И. Заботкиной, для манипулятивного дискурса характерно «превалирование эмоционального восприятия диктума с отключением аргументативной валидности содержания диктума» [Заботкина и др., 2023, с. 20].

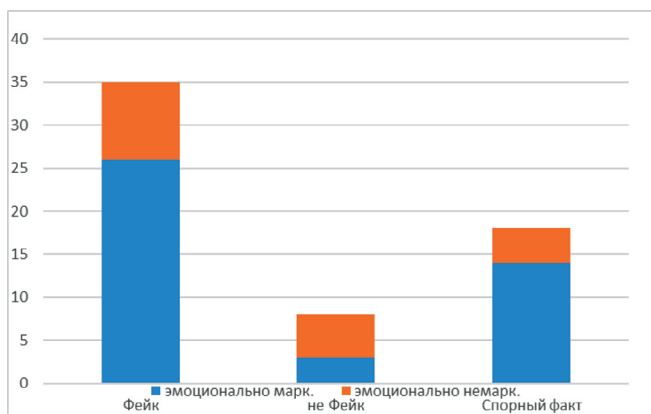

Рис. 4. Распределение текстов, содержащих эмоционально маркированные языковые единицы, в собранном материале

Полученные данные можно интерпретировать двояко. С одной стороны, мишенью манипуляции могут становиться дискуссионные факты нашей истории, допускающие разночтения в исторической трактовке. Они не могут считаться фейками с исторической точки зрения и требуют обсуждения точек зрения, особенно на уровне университетского образования. С другой стороны, то, что студенты идентифицируют подобные новости как фейковые, говорит больше об определенной готовности общества или настороженности к типу воздействия, затрагивающему эмоции. Здесь может также работать феномен ‘identity-protective cognition’ (познание, защищающее собственную идентичность). Когда потребители сталкиваются с контентом, противоречащим их аксиологическим установкам, они могут чрезмерно скептически относиться к данной новости, предпочитая ту новость, которая идеологически согласуется с их представлениями.

3.2. Анализ фейковых новостей, соотносительных с событиями до 1917 года

Из русского Средневековья фейковыми были обозначены три новости. Наиболее «ранняя» фальсификация затрагивает описание событий Невской битвы и участие в сражении правителя Швеции Биргера Магнуссона [Vasterbro, 2020]. Материалы публикации об Александре Невском укладываются в рамки вариативного описания исторических событий, связанных с ограниченностью исторических источников. Исторический спор об участии ярла Биргера Магнуссона в Невской битве 1240 года и его травме продолжается между историками не один год. Классической версией в российской исторической науке является мнение Н. М. Карамзина, который первым указал Биргера как предводителя шведского войска: «Король Шведский, досадуя на Россиян за частые опустошения Финляндии, послал зятя своего, Биргера, на ладиях в Неву, к устью Ижеры, с великим числом Шведов, Норвежцев, Финнов» [Карамзин, Кн. 1, Т. 4, Гл. II, 2000]. Там же Н. М. Карамзин указывает на травму лица, полученную Биргером в поединке с Александром Невским. Информацию историк черпает из «Рукописания Магнуша, короля Свейского» — источника XV века, к происхождению которого у современных историков имеются вопросы [Накадзава, 2003]. Основные летописные источники того времени — Житие Александра Невского (Повесть о житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра) и Новгородская первая летопись старшего извода — имени главы шведского похода не содержат. На этом основании некоторые историки сомневаются в участии Биргера Магнуса в Невской битве. Например, по версии И. П. Шаскольского, шведское войско возглавлял ярл Ульф Фаси [Шаскольский, 1995, с. 20].

Оставшиеся два относятся к событиям правления Ивана IV [Liebano, 2019; Walker, 2016]. Данный материал не является фейком, так как предпо-

лагает нюансы интерпретации. Приведем текст «Russia's history is rife with both booms and busts» полностью :

1480—1505: *Ivan III — known as Ivan The Great — rules, freeing Russia from The Mongols, and consolidating Muscovite rule.*

1547—1584: *Ivan IV — or Ivan The Terrible — becomes The first czar of Russia. The grandson of Ivan The Great expands The Muscovite territory into Siberia while instituting a reign of terror against nobility using military rule. He dies of a stroke in 1584.*

Данный текст имеет фактологическую ошибку в датировках правления первого русского царя. При этом данный текст не является особенно эмоционально насыщенным, но создает превратное впечатление о процессе становления российской государственности. В отечественной истории царствование Ивана IV исчисляется с момента смерти его отца Василия III в 1533 году. Несмотря на то, что на момент воцарения Ивану IV было три года, он считался Государем русских земель. В подобных случаях власть несовершеннолетнего монарха по факту ограничивалась регентами, но статус главы государства за таким правителем всегда сохраняли. Достижение семнадцатилетнего возраста в 1547 году, давало Ивану IV права сочетаться браком и принять всю полноту власти. В истории России Иван Грозный известен и как правитель, дольше всего находившийся у власти. В связи с этим относить новость к разряду фейковых некорректно. В этом случае речь идет о расхождении юридической интерпретации статуса государя.

Подобная ситуация складывается с вопросом об убийстве Иваном Грозным собственного наследника [Walker, 2016]. Часть историков полагает эту историю мифом, распространенным западным послом Антонио Поссевино и запечатленным на известном полотне И. Репина. Проведённые в XX веке вскрытия гробниц членов царской семьи дали основание полагать, что царевич Иван был отравлен [Герасимов, 1965; Морозова, 2022; Неделько, 2012].

Материал по истории Российской империи ограничивается 7-ю «фейковыми» публикациями, которые касаются фактов Отечественной войны 1812 года, Первой мировой войны, генеалогии императорской семьи, быта русского крестьянства. Часть информации, определенной как фейк, вписывается в канву исторического спора или фактологической ошибки.

Например, в оценке Бородинской битвы корреспондент журнала «History» отдает лавры победителя Наполеону Бонапарту: *One week after winning a bloody victory over The Russian army at The Battle of Borodino, Napoleon Bonaparte's Grande Armée enters The city of Moscow, only to find The population evacuated and The Russian army retreated again* [Onion et al., 2010]. Подкреплен данный вывод фактом отступления русской армии и за-

хвата французами Москвы. Студент, нашедший материал, считает эту публикацию фейком. В то же время даже в отечественной историографии встречаются точки зрения, не признающие за русскими победу в Бородинской битве [Рогинский, 2012]. Так, известный военный теоретик (и участник сражения на стороне российской армии) Карл фон Клаузевиц относил Бородино «к тем сражениям, которые... не получили полного развития» [Клаузевиц, 1994]. С другой стороны, в отечественной историографии мнение, что Бородинское сражение является стратегическим успехом русской армии, встречается достаточно часто [Земцов, 2001 ; Тарле, 1994].

В контексте современного медиапространства к фейкам были отнесены интерпретации событий Первой мировой войны. По мнению американского еженедельного журнала «Time», «...в 1918 году, когда судьба мира была на волоске, возрождающая сила американцев спасла союзников и США победили Германию» [Wawro, 2018]. Студент, опровергая эту цитату, апеллировал к тому, что «...Америка вступила в войну уже под ее конец и сыграла не такую важную роль, какая приписывается в статье». В дефинициях исторической науки заявление корреспондента журнала «Time» следует считать спорным историческим фактом, поскольку Америка вступила в войну в октябре 1917 года и провела несколько удачных военных операций.

Интересным с точки зрения истолкования текста является пример анализа лекции мадам Гревилл о жизни русского крестьянства, опубликованной в 1886 году в американской газете «New York Times» [Greville, 1886] (заметим, эта газета является третьей по тиражу после газет «Today» и «The Wall Street Journal» в США). Публикация представляет собой подборку нелепых фактов с явным негативным окрасом. Подобная форма изложения материала для респондента переводит его в разряд исторических фейков. С одной стороны, информация о безграмотности крестьян и подчиненном положении священнослужителей государственному аппарату является историческим фактом. Так, по переписи населения Российской империи 1897 года, грамотных в Европейской России было всего 22,9 % [Сб. док., 1913, с. 41]. С другой стороны, терминология публикации и стиль изложения формируют у читателя заведомо негативное отношение к русскому государству и обществу XIX века и вызывают неприятие у студента.

Фейковая новость в подборке, не вызывающая сомнения, относится к статье в газете Великобритании «The Telegraph» «59 fascinating things you didn't know about Russia». В публикации указано: «В 1908 году олимпийская сборная России прибыла в Лондон с опозданием на 12 дней, поскольку все еще пользовалась Юлианским календарем» [Trend et al., 2018]. Данный тезис идентифицирован как фейк. В подтверждение своего мнения респондент, обнаруживший фейк, приводит информацию из истории

отечественного олимпийского движения: «В 1908 году Летние Олимпийские Игры длились с 27 апреля по 31 октября. Открытие было 13 июля (отнюдь не в день первых соревнований). 11 июля состоялись соревнования по стрельбе, в протоколе которых Италия и Австралия отмечены как отсутствующие, а Россия не упоминается вообще. А вот 11 июля по Юлианскому календарю сборная России действительно прибыла в Лондон, (что дало основания полагать, что спортсмены собирались принимать участие в соревнованиях по стрельбе, неизвестно). А вот основания для позднего приезда есть: у Российской империи не было своего Олимпийского комитета в то время (он появился в 1911 году), ехали спортсмены сами, без государственной поддержки [Панин-Коломенкин, 1951, с. 137].

В контексте современного медиапространства к фейкам были отнесены сообщения о событиях Первой мировой войны. По мнению американского еженедельного журнала «Time», «...в 1918 году, когда судьба мира была на волоске, возрождающая сила американцев спасла союзников и США победили Германию» [Wawro, 2018]. Бакалавр, опровергая эту цитату, апеллировал к тому, что «...Америка вступила в войну уже под ее конец и сыграла не такую важную роль, какая приписывается в статье». В дефинициях исторической науки заявление корреспондента журнала «Time» следует считать спорным историческим фактом, поскольку Америка вступила в войну в октябре 1917 года и провела несколько удачных военных операций. В то же время говорить о решающей роли США в победе стран Антанты в Первой мировой войне — преувеличение.

Оставшиеся публикации по истории Российской империи, определенные обучающимися как «фейк», представляют собой фактологические ошибки, ср., например, ошибку в количестве дошедших до нашего времени ящ Фаберже из императорской коллекции Николая II [Cerini, 2018]. Автор публикации указывает 43 ювелирных изделия, респондент, опираясь на опубликованные интернет-источники, — 48 единиц [Lowe et al., 2001]. Такое расхождение было оценено обучающимся как фейк. Таким образом, если мы говорим об исторических фейках как о заведомо ложной информации, то лишь три новости из семи соответствуют данному критерию в историческом периоде истории Российской империи [Greville, 1886 ; Trend et al., 2018, Wawro, 2018]. Остальные публикации по истории Российской империи, которые респонденты нашли в иноязычных СМИ, не являются фейками.

3.3. Анализ фейковых новостей, соотносительных с событиями 1917—1941 годов

XX столетие чаще становится мишенью создания фейков. Определенные как фейк публикации в блоке «Становление советской власти» затрагивают события Гражданской войны и факты из биографии В. И. Лени-

на. Из девяти публикаций термину *фейк* соответствуют только три. Во-первых, расстрел императорской семьи — это символический ритуальный акт, организованный В. И. Лениным, Л. Д. Троцким и Я. М. Свердловым [Antonov, 2017]. Во-вторых, коммунисты поощряли каннибализм и видели в нем метод решения продовольственной проблемы [Hodge, 2016]. В-третьих, В. И. Ленин назывался немецким шпионом [McMeekin, 2017].

В статье «The Russian Civil War began 100 years ago today. Russians are still fighting it» приводится следующий фейк: *And so Bolshevik leaders Lenin, Leon Trotsky and Yakov Sverdlov ordered Nicholas and his family shot by firing squad to awe and terrorize nascent anti-Bolshevik forces. The murder was above all a symbolic, ritual act. By 1918, Nicholas had been out of power for more than a year and living under house arrest deep in The interior of Russia. He was no longer a direct threat to The Bolsheviks. But The murder of The czar and — in a display of vicious excess — his family proved an effective act of psychological warfare that had a lasting impact on national reconciliation* [Antonov, 2017]. Согласно историческим источникам, решение о расстреле царской семьи (без суда и следствия) было принято Уральским областным советом без приказа из Москвы. По плану В. И. Ленина, Л. Д. Троцкого, Я. М. Свердлова и других руководителей советского правительства Николая II должны были судить [Сб. док., 2001, с. 100—102]. Созданная в 1993 году Правительственная Комиссия по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков российского Императора Николая II и членов его семьи, проводила проверку версии о так называемом «ритуальном убийстве». На основе комплексного анализа имеющихся материалов Комиссия сделала следующее заключение: «Суммируя изученные данные, можно прийти к выводу о том, что решение о расстреле семьи российского Императора Николая II, членов его семьи и лиц из окружения, а также посмертные манипуляции с телами погибших не имеют признаков так называемого “ритуального убийства” и напрямую связаны с политическими и организационными вопросами прежде всего в деятельности Президиума Уралсовета и УралоблЧК» [Материалы Комиссии ..., 1998, с. 260]. В статье реализуются следующие фреймы: REQUEST (order), CAUSE_TO_EXPERIENCE TERROR (terrorize), KILLING (murder).

Сюжет о принадлежности В. И. Ленина к немецкой разведке примечателен тем, что еще один обучающийся определил фейком антитезис (В. И. Ленин — не немецкий шпион) [Starikov, 2013]. Но дело в том, что студент нашел антитезис в издании «Торваг», осуществляющем англоязычный перевод публикаций российского канала «Военный обозреватель», то есть не смог правильно идентифицировать юридическую принадлежность информационного канала и разобраться в источниках.

Несправедливо в фальсификации обвинили статью «Conquered city, site of revolutions from above and below» [Morton, 2018]. По мнению студента, там неверно указаны даты Гражданской войны: 1919—1921 годы. В данном случае речь идет даже не об ошибке в диапазоне одного года, а о вариативности трактовки исторического события. Масштабность и жесточенность Гражданской войны в России, а также вовлеченность в нее национальных окраин превратили вопрос о хронологических рамках данного события в один из самых дискуссионных вопросов истории. Ученые как в России, так и за рубежом предлагают различные подходы к определению датировки этого события. Хронологический диапазон границ Гражданской войны варьируется в рамках 1917—1922 годов [Трут, 2022]. Следовательно, научную аргументацию датировок в рамках указанного периода нельзя считать фейком.

Сложнее ситуация обстоит с публикациями, которые наполнены негативным подтекстом в отношении отечественной истории. Фейковой была обозначена швейцарская статья с тезисом: «большевики пришли к власти, потому что действовали насильственными методами» [Teuwsen, 2017]. Опровергая это высказывание, учащийся привел совокупность факторов, которые принято считать причинами победы советского правительства в Гражданской войне. Студент посчитал фейком указание насилия в качестве главного инструмента смены власти. В то же время, с точки зрения исторической науки, это не является дезинформацией, так как большевики использовали террор как один из методов борьбы, и это признается исторической наукой [Балмасов, 2006; Литвин, 2004; Ратьковский, 2006]. Публикацию можно обвинить в предоставлении неполной информации вне контекста, но не в заведомой лжи.

Похожая картина складывается с вопросами внешней политики советского государства. В эмоционально насыщенных выражениях Карл Бильдт (бывший премьер-министр и министр иностранных дел Швеции) описывает процессы формирования территории СССР [Bildt, 2017]. Однако никакой подмены исторических фактов в данной статье не наблюдается.

Многие фейки по данному историческому периоду представляют достаточно разрозненные новости, имеющие негативную окраску. Но есть и фейки, которые интересны с точки зрения манипуляции сознанием реципиентов через глубинные процессы восприятия информации.

Ярким примером достаточно сложно сконструированного фейка можно считать статью о «голодных русских», которые якобы свободно торговали частями человеческих тел как мясом во время голода 1920-х годов: *Harrowing pics show starving Russians selling human body parts as MEAT during 1920s famine as desperate families become cannibals to survive* [Hodge,

2016]. В качестве доказательства корреспондент предоставил оцифрованные фотографии из Самарского областного государственного архива социально-политической истории [Сб. док., 2014]. В действительности использованные в публикации фотографии являются доказательствами по уголовному делу. Особенность процессуального уголовного делопроизводства 1920-х годов советской России по данному преступлению — это фотография (магшот) преступников на фоне их жертв, что представляло собой доказательную базу по совершенному преступлению. Впрочем, автор статьи не посчитал нужным указать на то, что каннибализм являлся незаконным и наказуемым в советском государстве. Именно такое сочетание эмоционально окрашенного текста и фотодокумента, который, с одной стороны, является историческим источником, а с другой — опубликован с подделкой подписи, приводит к закономерному искажению восприятия (рис. 5). Историческая наука не отрицает бедственного положения населения в первые годы советской власти и последствий Гражданской войны [Голдин, 2019; История России..., т. 12, 2024]. Вместе с тем подобная подача исторического материала приводит к ложной оценке советского общества, приписывая ему черты внутривидового хищничества, встречающегося в животном мире и некоторых племенах.

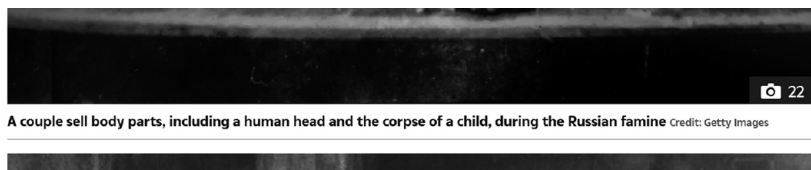

Рис. 5. Принтскрин части статьи с подписью к рисунку.

Данная публикация была далее повторена в нескольких изданиях, обрстая все большими подробностями: *market stall for cannibals*, *black market*, *human heads for sale*. Механизм фейка заключается в поэтапной генерализации разных уровней фактов и их слияния в едином факте. Голод в Поволжье является историческим фактом, огромная смертность от голода в 1921—1923 годах является историческим фактом, сообщения о каннибализме являются трагическим историческим фактом, но продажа частей тела является ужасающей ложью. Так, фейк сконструирован по принципу сэндвич-конструкции (термин, введенный Дж. Лакоффом) и следует структуре: правда — правда — ложь [Kenix et al., 2021]. Но именно последняя часть начинает детализироваться в других медиасообщениях, поскольку знание об известном на весь мир Russian famine входит в историческое знание. Запущенный уже фрейм COMMERCE_SELL подразумевает

практически автоматическое заполнение необходимых слотов: SELLER sells GOODS to BUYER for MONEY (рис. 6). Главная задача подобного фейка — максимально противопоставить бесчеловечность действия и условную нормальность созданного контекста: рынок, прилавок, продажа, мясо, покупатель. Конструкция подобного фейка может привести к замене реального знания искаженной перцепцией, что размывает основы объективного личностного восприятия.

Важно, что обвинение в каннибализме выполняет функцию переноса обсуждаемого явления за пределы мира допустимого, мира, где нарушаются общественные табу. В книге [Arens, 1919] подчеркивается, что все человеческие группы в какой-то момент истории были обвинены в каннибализме, что позволяло обвинителям представить их как «других» (находящихся вне общества обвинителя) и обрести чувство собственного достоинства, создавая образ противоположной культуры — цивилизованной.

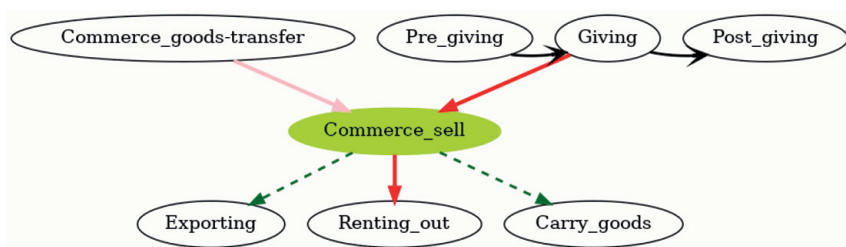

Рис. 6. Схематическая репрезентация фрейма COMMERCE_SELL, согласно Framenet

В следующем историческом периоде, совпадающем с периодом власти И. В. Сталина, количество фейков значительно увеличивается. Из девяти новостей, описывающих жизнь в Советском Союзе в 1920—30-е годы, восемь новостей по праву можно назвать намеренной фальсификацией. Зарубежные корреспонденты в деталях описывают ужасы сталинского режима. Информация о намеренном геноциде украинского и еврейского народов и сообщения, содержащие многократное преувеличение числа жертв политических репрессий, достаточно часто встречаются в медиапространстве. Ложные статистические данные о том, что «в начале 1930-х годов И. В. Сталин вел Холокост по отношению к Украине», публиковали «The Washington Post», «SLATE» и «The Ukrainian Weekly» [Starr, 2017].

Тема голода активно используется в публикациях, целью которых становится доказательство нацистской природы Социалистического государства. Это важно для дальнейшего концептуального уравнивания СССР и Германии в фейках, соотносительных с периодом Великой Отечественной

войны, которые мы рассмотрим в наших следующих работах. Так, например, в публикации Голодомор приравнивается к Холокосту и описывается как целенаправленная политика геноцида украинцев. Однако на самом деле это не было геноцидом конкретно украинского населения, так как в 1932—1933 годы голод был не только на территории Украины, но и на территории Поволжья, Южного Урала, Дона, Кубани и Белоруссии, оказавшихся в начале 1930-х годов в зоне сплошной коллективизации [Кондрашин, 2018, с. 9; Starr, 2017]. Более того, при том, что задокументированные потери всего СССР от голода составляют 7 млн человек, цифра в 10 млн кажется неоправданно завышенной. Конструкция предложения указывает на некоторый источник достоверного знания в стилистике научного текста, который ведет на другую журналистскую статью, а не на научное исследование: *During The early 1930s, Joseph Stalin waged “Holodomor” (or Holocaust) against Ukraine that enforced strict collectivization policies depriving its people of meats, grains and other food stuffs. The best numbers have The death figure at 4 million people, but some estimates have that figure upwards of 10 million<...> Experts have long argued that his collectivization campaign was genocide.* В тексте статьи обращают на себя внимание следующие моменты. Во-первых, глагол *wage*, который используется для описания военных действий в коллокациях *wage a war / a campaign / struggle / battle to be involved in a war against someone, or a fight against something (LDO)* [LDOCE]. Он запускает реализацию фрейма ATTACK (НАПАДЕНИЕ): An ASSAILANT physically attacks a VICTIM (which is usually but not always sentient), causing or intending to cause The Victim physical damage. А во-вторых, наличие гиперссылки, которая указывает на некий достоверный источник информации, но ведет всего лишь на другую статью в газете, представляющую частное мнение журналиста. Та же ситуация и со ссылкой на экспертов.

Важно, что целью данной статьи является постепенный запуск подсудного сравнения двух событий — Холокоста и Голодомора и далее сравнение двух государств (рис. 7).

Кратное преувеличение цифр жертв тех или иных событий характерно для многих статей: 20 миллионов жертв репрессий упоминается в одной статье [Hanson, 2015] и 100 миллионов — в другой [Gulags..., 2015]. Проблема репрессий в советском государстве — открытая и подробно изученная тема в современной отечественной исторической науке. Благодаря рассекречиванию архивов, проведенному в конце 1980-х годов, имеются документально подтвержденные статистические данные, позволяющие говорить о масштабах репрессий. Согласно сводной статистике, имеющейся в Отделе регистрации и архивных фондов бывшего КГБ СССР (ныне —

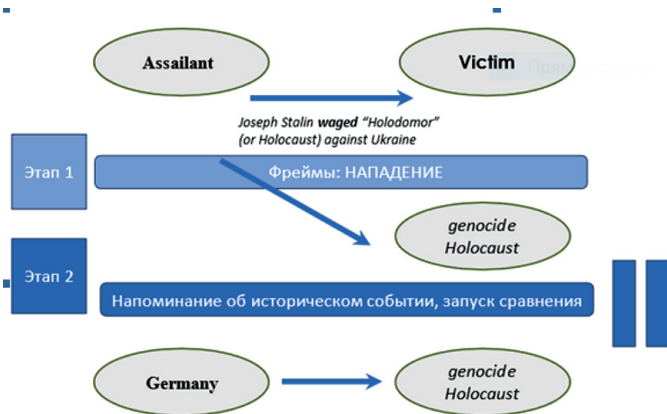

Рис. 7. Схематическое представление реализации фреймов

ФСБ РФ), за весь советский период (1918—1990 годы) по обвинениям в государственных преступлениях и некоторым другим статьям уголовного законодательства аналогичного свойства были осуждены 3 853 900 человек, из них 827 995 приговорены к смертной казни [Земсков, 2012, с. 79]. Более того, сведения из фейковых статей по еврейскому вопросу [Applebaum, 2010; Gulags ..., 2015] иначе как статистическим шарлатанством назвать невозможно.

В данной тематической группе единственным сообщением, ошибочно квалифицированным как фейк, была новость 1939 года о строительстве Дворца Советов [Urner, 1939]. Студент неверно интерпретировал новость о планах проекта памятника В. И. Ленину, дав пояснение: «Советское руководство планировало, что Дворец Советов будет использоваться для проведения сессий Верховного Совета СССР и массовых демонстраций, а не служить в роли памятника В. И. Ленину». В действительности планируемое сооружение совмещало обе данные функции и предполагало наличие памятника первому главе советского государства.

Впрочем, наибольшее количество фейковых публикаций, представленных респондентами, связаны именно с военной историей СССР, и в частности с интерпретацией событий ВОВ (такие материалы будут рассмотрены в следующих публикациях). Интересна, впрочем, и обратная закономерность. В исследовании метафор, используемых для представления России зарубежной прессой, проведенном на основе анализа корпуса «The British Newspaper Archive», обнаружено заметное занижение вклада советского народа в победу над фашизмом начиная с 1960 года, что указы-

вало на общую тенденцию спада интереса к России [Солопова и др., 2018], а возможно, и забвения ключевых исторических фактов, открывающих возможности к их дальнейшему переосмыслению.

4. Заключение = Conclusions

Полученные нами данные отчетливо показывают, что среднестатистический обыватель не всегда способен идентифицировать правдивость полученной исторической информации. Причина кроется не только в уровне образования и знания достоверных фактов, но и в наличии осведомленности о структуре или типологии фейков. Из полученных эмпирических данных можно сделать вывод, что для распознавания явной лжи гражданину нашей страны достаточно среднего общего образования и знаний об основных исторических событиях. Когда речь заходит об узкопрофильных, дискуссионных или малоизвестных исторических фактах, знания могут замещаться перцепцией с опорой на существующие когнитивные модели упаковки исторического знания. Оскорбительная риторика или непривычные гражданскому сознанию выводы, сопутствующие достоверным историческим фактам, переводят такую новость в разряд фейковых. Но таковой она по сути являться не будет. Многие спорные факты были также квалифицированы студентами как фейковые в связи с недостаточными знаниями о предмете. С другой стороны, большая часть собранного материала с точки зрения исторической науки оказалось действительно фейком. Более того, студенты в большинстве случаев могут сформулировать аргументированное опровержение и подобрать для этого в публичном информационном пространстве необходимые источники.

Наибольшая часть фейкового материала, который привлек внимание обучающихся, касается истории России XX века. На наш взгляд, такая ситуация обусловлена двумя факторами. Во-первых, обилием исторической дезинформации об этих событиях. Следовательно, она с большей вероятностью попадала в поле зрения респондентов. Во-вторых, узнаваемостью найденных фейковых событий. Все упомянутые в данном исследовании исторические события прошлого века имеют многоплановые трактовки в отечественной исторической науке и неоднократно попадали в поле зрения отечественных СМИ. Таким образом, респондент легче находит то, с чем неоднократно встречался в информационном пространстве.

Анализ полученного фейкового контента позволяет выделить локации направленного воздействия в отечественной истории XX века. Кризисными точками информационного контента, в которых респонденты наиболее часто опознавали фейк, стали события Второй мировой войны, период становления советской власти, политические процессы 1930-х годов, период

Холодной войны. Выделить локации по истории России Средних веков не представляется возможным из-за ничтожной выборки, попадающей под параметры погрешности.

На настоящий момент основным подходом к борьбе с фейковыми новостями является способ удаления нежелательного контента [Ли Гуанман, 2021] или использования алгоритма ранжирования новостей как проблемных. Однако удаление нежелательного контента с одного ресурса не подразумевает удаления его с другого ресурса, а повторная встречаемость текста или новости часто приводит к восприятию подобных новостей как правдивых: срабатывает эффект повторяемости. С другой стороны, создание эффективного автоматического классификатора дезинформации сталкивается с тремя основными проблемами.

Во-первых, истина, затрагивающая ценностные установки, часто не может быть представлена как дихотомия черного и белого, а алгоритмы могут ошибочно приводить к ложно положительным результатам [Woolley, 2020], удаляя важные новости или публикации из пула чтения. Соответственно, анализ такой информации требует эксперта для классификации такого контента. Во-вторых, подобные системы ориентированы не собственно на выявление языковых особенностей, но на определение заданных тем. Так, часть тем может ложно попасть в число «условно информационно табуированных», что в целом приведет к удалению их из картины мира общества и далее неспособности отличить достоверную информацию по теме от ложной: у человека просто не будет тех концептуальных опор, на которых он может выстроить свою аргументацию. Системы часто фокусируются больше на вариациях языкового содержания, чем на вариациях в структуре языка: выявление тематических тенденций, по которым можно отличить настоящие новости от фейковых, отличается от выявления стилистических вариаций в языке настоящих и фейковых новостей независимо от темы [Grieve et al., 2023]. И, наконец, в-третьих, существует проблема изменчивости и «гонки вооружений»: содержание и стиль дезинформации быстро меняются, поэтому признаки, эффективные для выявления дезинформации сегодня, могут оказаться неэффективными завтра. Особенно актуальной проблема изучения фейков становится, когда дело касается недостоверной интерпретации истории.

Важно, что в проанализированном материале встречается не только категория спорных фактов, которая описана при помощи негативной риторики или эмоционально маркированными лексическими единицами, а соответственно, легко определяется студентами как фейковая новость, но и сложно сконструированные фейки, которые доказывают свою правдивость ссылками на реальные исторические факты или источники. Установлено,

что в случае узкопрофильных, дискуссионных или малоизвестных исторических фактов применение фейка в сэндвич-конструкции (правда — ложь) может привести к замене реального знания искаженной интерпретацией, что размывает основы объективного личностного восприятия. Напомним, что в историческом знании существуют факты исторической действительности, факты исторического источника и научно-исторические факты. Именно на основе опоры на реальные исторические данные с заменой фактов исторического источника или научно-исторических сведений создаются фейки, которым сложнее всего противостоять. При этом, по-видимому, единственным возможным способом борьбы с фейками, нацеленными на изменение аксиологических установок общества, было и остается просвещение.

Заявленный вклад авторов : все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of The authors : The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ВЦИОМ, 2019 — *Фейк-ньюс* : мнение россиян о новом законе // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. — 2019. — № 2 (150). — С. 376—378.
2. *Материалы* Комиссии, 1998 — ПОКАЯНИЕ : Материалы правительственной Комиссии по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков Российского Императора Николая II и членов его семьи (Избранные документы) / Сост. В. Аксютин. — Москва : Выбор, 1998. — 288 с.
3. *Панин-Коломенкин Н. А.* Страницы из прошлого : воспоминания спортсмена / Н. А. Панин-Коломенкин. — Москва : Физкультура и спорт, 1951. — Т. 1. — 211 с.
4. *Рогинский В. В.* Последним счастьем упоенный... [Электронный ресурс] / В. В. Рогинский // Российская газета. — 2012. — № 206 (5879). — Режим доступа : <https://rg.ru/2012/09/07/napoleon.html> (дата обращения 30.11.2024).
5. Сб. док., 1913 — *Юбилейный сборник* Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1913. — 308 с.
6. Сб. док., 2001 — *Архив* новейшей истории России. Серия «Публикации» III. Скорбный путь Романовых (1917—1918 гг.). Гибель царской семьи. Сб. документов и материалов / отв. ред. и сост. В. М. Хрусталева, при участии М. Д. Стейнберга. — Москва : РОССПЭН, 2001. — 320 с. — ISBN 5-8243-0203-0.
7. Сб. док., 2014 — *Голод* в Самарской губернии в 20-е годы XX века : Сб. док. / сост. : Е. Н. Дубровина (отв. сост.), Г. В. Галыгина, А. П. Косицына, Н. Г. Лобанова, Е. М. Малинкин, В. Н. Парамонов, А. Г. Удинцев, В. В. Шестерикова ; науч. рук. В. Н. Парамонов. — Самара : [б. и.], 2014. — Т. 1. — 514 с.
8. *Antonov S.* The Russian Civil War began 100 years ago today. Russians are still fighting it [Electronic resource] / S. Antonov // The Washington post. — 07.11.2017. — Access mode : <https://www.history.com/this-day-in-history/napoleon-enters-moscow> (accessed 30.11.2024).

9. *Applebaum A.* The Worst of The Madness [Electronic resource] / A. Applebaum // The New York Review. — 11.11.2010. — Access mode : <https://www.nybooks.com/articles/2010/11/11/worst-madness/> (accessed 30.11.2024).
10. *Bildt C.* To tame Russia, look to its imperial past [Electronic resource] / C. Bildt // The Globe and Mail. — 17.01.2017. — Access mode : <https://www.theglobeandmail.com/opinion/to-tame-russia-look-to-its-imperial-past/article33639351/> (accessed 30.11.2024).
11. *Cerini M.* House of Faberge : The story behind The world's most luxurious eggs [Electronic resource] / M. Cerini // CNN style. — 14.08.2018. — Access mode : <https://edition.cnn.com/style/article/faberge-luxurious-eggs/index.html> (accessed 30.11.2024).
12. *Greville H.* Russian priests and peasants [Electronic resource] / H. Greville // New York Times. — 1886. — Vol. 35. — № 10755. — Access mode : https://archive.org/details/sim_new-york-times_1886-02-20_35_10755/page/n3/mode/2up (accessed 30.11.2024).
13. *Gulags* in Soviet Union — Jews Run Camps Used for Extermination of Christians [Electronic resource] // JustPaste.it. — 29.03.2015. — Access mode : <https://archive.org/details/neuvostoliitto/mode/2up> (accessed 30.11.2024).
14. *Hanson V. D.* How The ‘Cowboys’ of The West Defeated The Nazis [Electronic resource] / V. D. Hanson // The Wall Street Journal. — 09.05.2005. — Access mode : <https://www.wsj.com/articles/SB111560605185327917> (accessed 30.11.2024).
15. *Hanson V. D.* Why America Was Indispensable to The Allies’ Winning World War II [Electronic resource] / V. D. Hanson // National Review. — 14.05.2015. — Access mode : <https://www.nationalreview.com/2015/05/why-america-was-indispensable-allies-winning-world-war-ii-victor-davis-hanson/> (accessed 30.11.2024).
16. *Hodge M.* DESPERATE MEASURES Harrowing pics show starving Russians selling human body parts as MEAT during 1920s famine as desperate families become cannibals to survive [Electronic resource] / M. Hodge // The SUN. — 30.12.2016. — Access mode : <https://www.thesun.co.uk/news/2501517/pictures-human-body-parts-cannibals-russian-famine-1921-1922/> (accessed 30.11.2024).
17. *Kellerhoff S. F.* Der „Sieg“ der Roten Armee, der in Wirklichkeit eine Niederlage war [Electronic resource] / S. F. Kellerhoff // Die Welt. — 09.07.2019. — Access mode : <https://www.welt.de/geschichte/zweiter-weltkrieg/article196544633/Rote-Armee-1943-Fotos-beweisen-Kamikaze-Angriff-russischer-Panzer.html> (accessed 30.11.2024).
18. LDOCE — *Longman* Dictionary of Contemporary English [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.ldoceonline.com/> (accessed 30.11.2024).
19. *Liebano R.* Russia’s history is rife with both booms and busts [Electronic resource] / R. Liebano // History. — 19.03.2019. — Access mode : <https://www.history.com/topics/russia/russia-timeline> (accessed 30.11.2024).
20. *Maxwell F.* 1940 Russia discussion featured at Roundtable [Electronic resource] / F. Maxwell // The Pacer. — 07.04.1977. — Access mode : <https://archive.org/details/ThePacer19770407/page/n5/mode/2up> (accessed 30.11.2024).
21. *McMeekin S.* Was Lenin a German Agent? / S. McMeekin // The New York Times. — 19.06.2017. — Access mode : <https://www.history.com/this-day-in-history/napoleon-enters-moscow> (accessed 30.11.2024).
22. *Morton A.* Conquered city, site of revolutions from above and below [Electronic resource] / A. Morton // The Conversation. — 02.03.2018. — Access mode : <https://theconversation.com/conquered-city-site-of-revolutions-from-above-and-below-87363> (accessed 30.11.2024).

23. *Onion A.* Napoleon enters Moscow [Electronic resource] / A. Onion, M. Sullivan, M. Mullen // History. — 01.02.2010 — Access mode : <https://www.history.com/this-day-in-history/napoleon-enters-moscow> (accessed 30.11.2024).

24. *Starikov N.* Was Lenin a German spy? [Electronic resource] / N. Starikov // Topwar. — 21.11.2013. — Access mode : <https://en.topwar.ru/36246-by-li-lenin-nemeckim-shpi-onom.html> (accessed 30.11.2024).

25. *Starr T. J.* Opinion : How Putin's Russia uses Soviet-era tricks to evoke racist white fears [Electronic resource] / T. J. Starr // The Washington Post. — 09.10.2017. — Access mode : <https://www.washingtonpost.com/news/global-opinions/wp/2017/10/09/how-putins-russia-uses-soviet-era-tricks-to-evoke-racist-white-fears/> (accessed 30.11.2024).

26. *Teuwsen P.* Man sollte sich gut überlegen, ob es eine gute Idee ist, Putin zu stürzen [Electronic resource] / P. Teuwsen // NZZ. — 02.12.2017. — Access mode : <https://www.nzz.ch/feuilleton/man-sollte-sich-gut-ueberlegen-ob-es-eine-gute-idee-ist-putin-zu-stuerzen-ld.1327082> (accessed 30.11.2024).

27. *Trend N.* 59 fascinating things you didn't know about Russia [Electronic resource] / N. Trend, A. Bridge, M. Bennetts // The Telegraph. — 19.06.2018. — Access mode : <https://www.telegraph.co.uk/travel/destinations/europe/russia/articles/facts-about-russia/> (accessed 30.11.2024).

28. *Urner M. H.* Helen's in-law Sunday [Electronic resource] / M. H. Urner // The Daily Colonist. — 12.02.1939. — Access mode : https://archive.org/details/dailycolonist0239u-vic_9/page/n23/mode/2up (accessed 30.11.2024).

29. *Vasterbro M.* Alexander Nevskij — Rysslands hjälte [Electronic resource] / M. Vasterbro // Militar Historia. — 22.08.2020. — Access mode : <https://militarhistoria.se/medeltiden/alexander-nevskij-rysslands-hjalte> (accessed 30.11.2024).

30. *Walker S.* Tragedy or triumph? Russians agonise over how to mark 1917 revolutions [Electronic resource] / S. Walker // The Guardian. — 17.12.2016. — Access mode : <https://www.theguardian.com/world/2016/dec/17/russia-1917-revolutions-legacy-lenin-putin> (accessed 30.11.2024).

31. *Wawro G.* Everything You Know About How World War I Ended Is Wrong [Electronic resource] / G. Wawro // Time. — 26.09.2018 — Access mode : <https://time.com/5406235/everything-you-know-about-how-world-war-i-ended-is-wrong/> (accessed 30.11.2024).

32. *Woolley S.* We're fighting fake news AI bots by using more AI. That's a mistake [Electronic resource] / S. Woolley // MIT Technological Review. — 08.01.2020. — Access mode : <https://www.technologyreview.com/2020/01/08/130983/were-fighting-fake-news-ai-bots-by-using-more-ai-thats-a-mistake/> (accessed 30.11.2024).

Литература

1. *Балмасов С. С.* Красный террор на востоке России в 1918—1922 гг. / С. С. Балмасов. — Москва : Посев, 2006. — 383 с. — ISBN 5-85824-167-0.

2. *Герасимов М. М.* Документальный портрет Ивана Грозного / М. М. Герасимов // Краткие сообщения института археологии Академии Наук СССР. — 1965. — Выпуск 100. — С. 139—142.

3. *Герасимов О. В.* Исторические факты и исторические концепты и их роль в формировании исторического знания / О. В. Герасимов // XXI век : итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. — 2012. — № 3. — С. 31—37.

4. *Голдин В. И.* Гражданская война в истории России : историография, современные подходы, подготовка нового академического издания / В. И. Голдин // Новейшая история России. — 2019. — Т 9 (3). — С. 758—774. — DOI: 10.21638/11701/spbu24.2019.314.

5. *Заботкина В. И.* Ментальные пространства манипулятивного воздействия в медиадискурсе / В. И. Заботкина, Е. М. Позднякова // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2023. — № 4. — С. 15—25.
6. *Земсков В. Н.* Масштабы политических репрессий в СССР (против спекулятивных и мифологических построений) [Электронный ресурс] / В. Н. Земсков // Известия Самарского научного центра РАН. — 2012. — № 3—1. — Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/masshtaby-politicheskikh-repressiy-v-sssr-protiv-spekulyativnyh-i-mifologicheskikh-postroeniuy> (дата обращения 30.11.2024).
7. *Земцов В. Н.* Великая армия Наполеона в Бородинском сражении / В. Н. Земцов. — Екатеринбург : Ур. гос. пед. ун-т, 2001. — 572 с. — ISBN 5-7186-0259-X.
8. *История России* : в 20 т. Гражданская война в России. 1917—1922 годы. — Москва : Наука, 2024. — Т. 12. — 919 с. — ISBN 978-5-02-041024-4.
9. *Карамзин Н. М.* История государства Российского / Н. М. Карамзин // История государства Российского. — Санкт-Петербург : Кристалл, 2000. — 704 с.
10. *Клаузевиц К.* О войне / К. Клаузевиц. — Москва : Логос : Наука, 1994. — 446 с. — ISBN 5-88439-080-7.
11. *Ковальченко И. Д.* Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко. — Москва : Наука, 2003. — 485 с. — ISBN 5-02-008893-5.
12. *Кондрашин В. В.* Голод 1932—1933 годов : трагедия российской деревни / В. В. Кондрашин. — Москва : РОССПЭН, 2018. — 565 с. — ISBN 978-5-8243-2273-6.
13. *Ли Гуанман.* Каждый может почувствовать, что происходят глубокие перемены! [Электронный ресурс] / Ли Гуанман // 29.08.2021. — Режим доступа : <http://politics.people.com.cn/BIG5/n1/2021/0829/c1001-32211523.html> (дата обращения 19.10.2022).
14. *Литвин А. Л.* Красный и Белый террор в России в 1917—1922 годах / А. Л. Литвин. — Москва : Яуза : ЭКСМО, 2004. — 441 с. — ISBN 5-87849-164-8.
15. *Манерко Л. А.* Самоидентификация личности как отражение трех категориальных сдвигов в семантике терминосферы / Л. А. Манерко // Когнитивные исследования языка. — 2023. — Т. 56 (5) — С. 60—67.
16. *Морозова Л. Е.* Иван Грозный глазами современников / Л. Е. Морозова. — Москва : Кучково поле, 2022. — 379 с. — ISBN 978-5-907171-63-3.
17. *Накадзава А.* Рукописание Магнуша : Исслед. и тексты / А. Накадзава. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2003. — 173 с.
18. *Неделько Н. Ф.* А был ли убит сын царя Ивана IV Грозного? [Электронный ресурс] / Н. Ф. Неделько // Сибирский медицинский журнал. — 2012. — № 3. — Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/a-byl-li-ubit-syn-tsarya-ivana-iv-groznogo> (дата обращения 30.11.2024).
19. *Почепцов Г. Г.* Информационные войны. Новый инструмент политики / Г. Г. Почепцов. — Москва : Алгоритм, 2015. — 254 с. — ISBN 978-5-4438-1027-0.
20. *Ратьковский И. С.* Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году / И. С. Ратьковский. — Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006. — 279 с. — ISBN 5-288-03903-8.
21. *Солопова О. А.* Диахронический анализ метафор в британском корпусе текстов : колокола победы и Russia's V-Day / О. А. Солопова, А. П. Чудинов // Russian Journal of Linguistics. — 2018. — Т. 22 (2). — С. 313—337.
22. *Тарле Е. В.* Избранные сочинения академика Е. В. Тарле в 4 т. / Е. В. Тарле. — Ростов-на-Дону : Феникс, 1994. — Т. 1. — 574 с. — ISBN 5-85880-052-1.

23. Трут В. П. Современные подходы к характеристике хронологических рамок Гражданской войны в России / В. П. Трут // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. — 2022. — № 4. — Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyye-podhody-k-harakteristike-hronologicheskikh-ramok-grazhdanskoy-voyny-v-rossii> (дата обращения 01.11.2024).

24. Шаскольский И. П. Невская битва 1240 г. В свете данных современной науки / И. П. Шаскольский // Князь Александр Невский и его эпоха. — 1995. — С. 15—23.

25. Шарапова А. А. Миф о короле Артуре как концептуальная матрица для осмысления Брексита / А. А. Шарапова // Научный диалог. — 2020. — № 5. — С. 192—214. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-192-214.

26. Шарапова А. А. Фейки в контексте взаимодействия исторического знания с языковыми и мыслительными структурами : междисциплинарная модель / А. А. Шарапова, А. М. Меркулова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12 (2). — С. 157—187. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-157-187.

27. Arens W. The Man-Eating Myth : Anthropology and Anthropophagy : Anthropology and Anthropophagy / W. Arens. — New York : Oxford University Press, 1979. — 220 p. — ISBN 9780199763443.

28. Baker C. F. The Berkeley FrameNet Project / C. F. Baker, C. J. Fillmore, J. B. Lowe // 36th Annual Meeting of The Association for Computational Linguistics and 17th International Conference on Computational Linguistics. — 1998. — Vol. 1. — Pp. 86—90.

29. Bishop J. Stalin's Plan to Conquer Europe / J. Bishop, D. Michaels // The Journal of Historical Review. — 16.11.1997. — № 6 — Pp. 22—34.

30. Cerini M. House of Faberge : The story behind The world's most luxurious eggs [Electronic resource] / M. Cerini // CNN style. 14.08.2018. — Access mode : <https://edition.cnn.com/style/article/faberge-luxurious-eggs/index.html> (accessed 30.11.2024).

31. Della Sala V. Political myth, mythology and The European Union / V. Della Sala // JCMS : Journal of Common Market Studies. — 2010. — Vol. 48. — № 1. — Pp. 1—19.

32. Fillmore C. J. Background to FrameNet / C. J. Fillmore, C. R. Johnson, M. R. L. Pe-truck // International Journal of Lexicography. — 2003. — Vol. 16 — № 3. — Pp. 235—250. — DOI: 10.1093/ijl/16.3.235.

33. Fillmore C. J. Frame semantics and The nature of language / C. J. Fillmore // Annals of The New York Academy of Sciences. — 1976. — № 280. — Pp. 20—32.

34. Flood C. Political myth / C. Flood. — New York : Routledge, 2013. — 276 p. — ISBN : 1135347883.

35. Lowes W. Fabergé Eggs : a Retrospective Encyclopedia / W. Lowes. — [b. m.] : Scarecrow Press, 2001. — 286 p.

36. Gelfert A. Fake news : a Definition / A. Gelfert // Informal Logic. — 2018. — Vol. 38. — № 1. — Pp. 84—117.

37. Goatly A. Washing The Brain. Metaphor and Hidden Ideology / A. Goatly. — Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2007. — 431 p.

38. González A. M. Introduction. Emotional Culture and The Role of Emotions in Cultural Analysis / A. M. González // The Emotions and Cultural Analysis. — Surrey / Burlington : Ashgate, 2012. — Pp. 1—15.

39. Gray J. A. The whole and its parts : Behaviour, The brain, cognition and emotion / J. A. Gray // Bulletin of The British Psychological Society. — 1985. — № 38. — Pp. 99—112.

40. Grieve J. The Language of Fake News / J. Grieve, H. Woodfield. — Cambridge : Cambridge University Press, 2023. — 75 p. — ISBN 9781009349130.

41. *Jackendoff R. S.* Semantics and Cognition / R. S. Jackendoff. — Cambridge : MIT Press, 1983. — 283 p.
42. *Lakoff G.* Metaphors We Live by / G. Lakoff, M. Johnson. — Chicago : University of Chicago press, 2008. — 308 p. — ISBN 0226470997.
43. *Kenix L. J.* a missed opportunity? President trump, The truth sandwich, and news coverage across an ideological spectrum / L. J. Kenix, J. Manickam // *Media Watch*. — 2021. — T. 12. — № 2. — Pp. 177—196.
44. *Narayanan S.* FrameNet meets The semantic web : Lexical semantics for The web / S. Narayanan, C. F. Baker // *Lecture Notes in Computer Science. The Semantic Web* — ISWC 2003. — 2003. — № 2870. — Pp. 771—787. — DOI: 10.1007/978-3-540-39718-2_49.
45. *Ortony A.* What's basic about basic emotions? / A. Ortony, T. J. Turner // *Psychological Review*. — 1990. — Vol. 97. — № 3. — Pp. 315—331. — DOI: 10.1037/0033-295X.97.3.315.
46. *Preston S.* Detecting fake news on Facebook : The role of emotional intelligence / S. Preston // *Plos one*. — 2021. — Vol. 16. — № 3. — Pp. 1—13. — DOI: 10.1371/journal.pone.0246757.
47. *Singer T.* The vision thing : Myth, politics and psyche in The world / T. Singer. — London : Routledge, 2014. — 300 p.
48. *Vinkers C. H.* Use of positive and negative words in scientific PubMed abstracts between 1974 and 2014 : retrospective analysis / C. H. Vinkers, J. K. Tijdsink, W. M. Otte // *British Medical Journal*. — 2015. — Vol. 351. — Pp. 64—67. — DOI: 10.1136/bmj.h6467.
49. *Zago R.* Televisual Expressivity : Emphasis and Emotionality in American and British Singing Competition Shows / R. Zago // *Expressio*. — 2021. — № 5. — Pp. 209—228.

Статья поступила в редакцию 31.12.2024,
одобрена после рецензирования 08.03.2025,
подготовлена к публикации 22.04.2025.

Material resources

- Antonov, S. (2017). The Russian Civil War began 100 years ago today. Russians are still fighting it. *The Washington post*. 07.11. Available at: <https://www.history.com/this-day-in-history/napoleon-enters-moscow> (accessed 30.11.2024).
- Applebaum, A. (2010). The Worst of The Madness. *New York Review*. 11.11. Available at: <https://www.nybooks.com/articles/2010/11/11/worst-madness/> (accessed 30.11.2024).
- Bildt, C. (2017). To tame Russia, look to its imperial past. *The Globe and Mail*. 17.01. Available at: <https://www.theglobeandmail.com/opinion/to-tame-russia-look-to-its-imperial-past/article33639351/> (accessed 30.11.2024).
- Cerini, M. (2018). House of Faberge: The story behind The world's most luxurious eggs. *CNN style*. 14.08. Available at: <https://edition.cnn.com/style/article/faberge-luxurious-eggs/index.html> (accessed 30.11.2024).
- Collection of documents, 1913 — *Jubilee Collection of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs*. (1913). St. Petersburg: [b. i.]. 308 p. (In Russ.).
- Collection of documents, 2001 — *Archive of the modern history of Russia. Series "Publications" III. The sorrowful path of the Romanovs (1917—1918). The death of the royal family. Collection of documents and materials*. (2001). Moscow: ROSSPEN. 320 p. ISBN 5-8243-0203-0. (In Russ.).

- Collection of documents, 2014 — *Famine in the Samara province in the 20s of the twentieth century: Collection of documents, 1*. (2014). Samara: [b. i.]. 514 p. (In Russ.).
- Greville, H. (1886). Russian priests and peasants. *New York Times*, 35 (10755). Available at: https://archive.org/details/sim_new-york-times_1886-02-20_35_10755/page/n3/mode/2up (accessed 30.11.2024).
- Gulags in Soviet Union — Jews Run Camps Used for Extermination of Christians. (2015). *JustPaste.it*. 29.03. Available at: <https://archive.org/details/neuvostoliitto/mode/2up> (accessed 30.11.2024).
- Hanson, V. D. (2005). How The ‘Cowboys’ of The West Defeated The Nazis. *The Wall Street Journal*. 09.05. Available at: <https://www.wsj.com/articles/SB111560605185327917> (accessed 30.11.2024).
- Hanson, V. D. (2015). Why America Was Indispensable to The Allies’ Winning World War II. *National Review*. 14.05. Available at: <https://www.nationalreview.com/2015/05/why-america-was-indispensable-allies-winning-world-war-ii-victor-davis-hanson/> (accessed 30.11.2024).
- Hodge, M. (2016). DESPERATE MEASURES Harrowing pics show starving Russians selling human body parts as MEAT during 1920s famine as desperate families become cannibals to survive. *The SUN*. 30.12. Available at: <https://www.thesun.co.uk/news/2501517/pictures-human-body-parts-cannibals-russian-famine-1921-1922/> (accessed 30.11.2024).
- Kellerhoff, S. F. (2019). Der „Sieg“ der Roten Armee, der in Wirklichkeit eine Niederlage war. *Die Welt*. 09.07. Available at: <https://www.welt.de/geschichte/zweiter-weltkrieg/article196544633/Rote-Armee-1943-Fotos-beweisen-Kamikaze-Angriff-russischer-Panzer.html> (accessed 30.11.2024). (In Germ.).
- LDOCE — *Longman Dictionary of Contemporary English*. Available at: <https://www.ldoceanonline.com/> (accessed 30.11.2024).
- Liebano, R. (2019). Russia’s history is rife with both booms and busts. *History*. 19.03. Available at: <https://www.history.com/topics/russia/russia-timeline> (accessed 30.11.2024).
- Materials of the Commission, 1998 — *REPENTANCE: Materials of the government Commission for the study of issues related to the investigation and reburial of the remains of Russian Emperor Nicholas II and members of his family (Selected documents)*. (1998). Moscow: Choice. 288 p. (In Russ.).
- Maxwell, F. (1977). 1940 Russia discussion featured at Roundtable. *The Pacer*. 07.04. Available at: <https://archive.org/details/ThePacer19770407/page/n5/mode/2up> (accessed 30.11.2024).
- McMeekin, S. (2017). Was Lenin a German Agent? *The New York Times*. 19.06. Available at: <https://www.history.com/this-day-in-history/napoleon-enters-moscow> (accessed 30.11.2024).
- Morton, A. (2018). Conquered city, site of revolutions from above and below. *The Conversation*. 02.03. Available at: <https://theconversation.com/conquered-city-site-of-revolutions-from-above-and-below-87363> (accessed 30.11.2024).
- Onion, A. (2010). Napoleon enters Moscow. *History*. 01.02. Available at: <https://www.history.com/this-day-in-history/napoleon-enters-moscow> (accessed 30.11.2024).
- Panin-Kolomenkin, N. A. (1951). *Pages from the past: memoirs of an athlete, 1*. Moscow: Physical Culture and Sport. 211 p. (In Russ.).
- Roginsky, V. V. (2012). *Intoxicated with the last happiness... Rossiyskaya Gazeta*, 206 (5879). Available at: <https://rg.ru/2012/09/07/napoleon.html> (accessed 30.11.2024). (In Russ.).

- Starikov, N. (2013). Was Lenin a German spy? *Topwar*. 21.11. Available at: <https://en.topwar.ru/36246-by-li-lenin-nemeckim-shpionom.html> (accessed 30.11.2024).
- Starr, T. J. (2017). Opinion: How Putin's Russia uses Soviet-era tricks to evoke racist white fears. *The Washington Post*. 09.10. Available at: <https://www.washingtonpost.com/news/global-opinions/wp/2017/10/09/how-putins-russia-uses-soviet-era-tricks-to-evoke-racist-white-fears/> (accessed 30.11.2024).
- Teuwsen, P. (2017). Man sollte sich gut überlegen, ob es eine gute Idee ist, Putin zu stürzen. *NZZ*. 02.12. Available at: <https://www.nzz.ch/feuilleton/man-sollte-sich-gut-ueberlegen-ob-es-eine-gute-idee-ist-putin-zu-stuerzen-ld.1327082> (accessed 30.11.2024). (In Germ.).
- Trend, N. (2018). 59 fascinating things you didn't know about Russia. *The Telegraph*. 19.06. Available at: <https://www.telegraph.co.uk/travel/destinations/europe/russia/articles/facts-about-russia/> (accessed 30.11.2024).
- Urner, M. H. (1939). Helen's in-law Sunday. *The Daily Colonist*. 12.02. Available at: https://archive.org/details/dailycolonist0239uvic_9/page/n23/mode/2up (accessed 30.11.2024).
- Vasterbro, M. (2020). Alexander Nevskij — Rysslands hjälte. *Militär Historia*. 22.08. Available at: <https://militarhistoria.se/medeltiden/alexander-nevskij-rysslands-hjalte> (accessed 30.11.2024).
- VTSIOM, 2019 — Fake News: Russians' opinion on the new law. (2019). *Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2 (150): 376—378. (In Russ.).
- Walker, S. (2016). Tragedy or triumph? Russians agonise over how to mark 1917 revolutions. *The Guardian*. 17.12. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2016/dec/17/russia-1917-revolutions-legacy-lenin-putin> (accessed 30.11.2024).
- Wawro, G. (2018). Everything You Know About How World War I Ended Is Wrong. *Time*. 26.09. Available at: <https://time.com/5406235/everything-you-know-about-how-world-war-i-ended-is-wrong/> (accessed 30.11.2024).
- Woolley, S. (2020). We're fighting fake news AI bots by using more AI. That's a mistake. *MIT Technological Review*. 08.01. Available at: <https://www.technologyreview.com/2020/01/08/130983/were-fighting-fake-news-ai-bots-by-using-more-ai-thats-a-mistake/> (accessed 30.11.2024).

References

- Arens, W. (1979). *The Man-Eating Myth: Anthropology and Anthropophagy: Anthropology and Anthropophagy*. New York: Oxford University Press. 220 p. ISBN 9780199763443.
- Baker, C. F., Fillmore, C. J. (1998). The Berkeley FrameNet Project. *36th Annual Meeting of The Association for Computational Linguistics and 17th International Conference on Computational Linguistics*, 1: 86—90.
- Balmasov, S. S. (2006). *The Red Terror in the East of Russia in 1918—1922*. Moscow: Posev. 383 p. ISBN 5-85824-167-0. (In Russ.).
- Bishop, J., Michaels, D. (1997). Stalin's Plan to Conquer Europe. *The Journal of Historical Review*, 6: 22—34.
- Cerini, M. (2018). House of Faberge: The story behind The world's most luxurious eggs. *CNN style*. 14.08.2018. Available at: <https://edition.cnn.com/style/article/faberge-luxurious-eggs/index.html> (accessed 30.11.2024).
- Clausewitz, K. (1994). *About the war*. Moscow: Logos: Nauka Publ. 446 p. ISBN 5-88439-080-7. (In Russ.).

- Della Sala, V. (2010). Political myth, mythology and The European Union. *JCMS: Journal of Common Market Studies*, 48 (1): 1—19.
- Fillmore, C. J. (1976). Frame semantics and The nature of language. *Annals of The New York Academy of Sciences*, 280: 20—32.
- Fillmore, C. J. (2003). Background to FrameNet. *International Journal of Lexicography*, 16 (3): 235—250. DOI: 10.1093/ijl/16.3.235.
- Flood, C. (2013). *Political myth*. New York: Routledge. 276 p. ISBN 1135347883.
- Gelfert, A. (2018). Fake news: a Definition. *Informal Logic*, 38 (1): 84—117.
- Gerasimov, M. M. (1965). Documentary portrait of Ivan the Terrible. *Brief reports of the Institute of Archeology of the USSR Academy of Sciences*, 100: 139—142. (In Russ.).
- Gerasimov, O. V. (2012). Historical facts and historical concepts and their role in the formation of historical knowledge. *XXI century: results of the past and problems of the present plus*, 3: 31—37. (In Russ.).
- Goatly, A. (2007). *Washing The Brain. Metaphor and Hidden Ideology*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. 431 p.
- Goldin, V. I. (2019). The Civil War in the history of Russia: historiography, modern approaches, preparation of a new academic publication. *The modern History of Russia*, 9 (3): 758—774. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2019.314. (In Russ.).
- González, A. M. (2012). Introduction. Emotional Culture and The Role of Emotions in Cultural Analysis. In: *The Emotions and Cultural Analysis*. Surrey / Burlington: Ashgate. 1—15.
- Gray, J. A. (1985). The whole and its parts: Behaviour, The brain, cognition and emotion. *Bulletin of The British Psychological Society*, 38: 99—112.
- Grieve, J. (2023). *The Language of Fake News*. Cambridge: Cambridge University Press. 75 p. — ISBN 9781009349130.
- Jackendoff, R. S. (1983). *Semantics and Cognition*. Cambridge: MIT Press. 283 p.
- Karamzin, N. M. (2000). History of the Russian State. In: *History of the Russian State*. Saint Petersburg: Kristall Publ. 704 p. (In Russ.).
- Kenix, L. J. (2021). A missed opportunity? President trump, The truth sandwich, and news coverage across an ideological spectrum. *Media Watch*, 12 (2): 177—196.
- Kondrashin, V. V. (2018). *Famine of 1932—1933: the tragedy of the Russian countryside*. Moscow: ROSSPEN. 565 p. ISBN 978-5-8243-2273-6. (In Russ.).
- Kovalchenko, I. D. (2003). *Methods of historical research*. Moscow: Nauka Publ. 485 p. ISBN 5-02-008893-5. (In Russ.).
- Lakoff, G. (2008). *Metaphors We Live by*. Chicago: University of Chicago press. 308 p. ISBN 0226470997.
- Li Guangman. (2021). *Everyone can feel that profound changes are taking place!* 29.08. Available at: <http://politics.people.com.cn/BIG5/n1/2021/0829/c1001-32211523.html> (accessed 19.10.2022). (In Russ.).
- Litvin, A. L. (2004). *The Red and White Terror in Russia in 1917—1922*. Moscow: Yauza: EKSMO. 441 p. ISBN 5-87849-164-8. (In Russ.).
- Lowes, W. (2001). *Fabergé Eggs: a Retrospective Encyclopedia*. [b. m.]: Scarecrow Press. 286 p.
- Manerko, L. A. (2023). Self-identification of a personality as a reflection of three categorical shifts in the semantics of the terminosphere. *Cognitive studies of language*, 56 (5): 60—67. (In Russ.).
- Morozova, L. E. (2022). *Ivan the Terrible through the eyes of contemporaries*. Moscow: Kuchkovo Pole. 379 p. ISBN 978-5-907171-63-3. (In Russ.).

- Nakazawa, A. (2003). *The manuscript of Magnus: Research. and texts*. Saint Petersburg: Dmi-try Bulanin. 173 p. (In Russ.).
- Narayanan, S. (2003). FrameNet meets The semantic we: Lexical semantics for The web. Lec- ture Notes in Computer Science. *The Semantic Web — ISWC 2003*, 2870: 771—787. DOI: 10.1007/978-3-540-39718-2_49.
- Nedelko, N. F. (2012). Was the son of Tsar Ivan IV the Terrible killed? *Siberian Medical Jour- nal*, 3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/a-by-l-li-ubit-syn-tsarya-ivana-iv-grozno-go> (accessed 11/30/2024). (In Russ.).
- Ortony, A. (1990). What's basic about basic emotions? *Psychological Review*, 97 (3): 315—331. DOI: 10.1037/0033-295X.97.3.315.
- Pocheptsov, G. G. (2015). *Information wars a new policy tool*. Moscow: Algorithm. 254 p. ISBN 978-5-4438-1027-0. (In Russ.).
- Preston, S. (2021). Detecting fake news on Facebook: The role of emotional intelligence. *Plos one*, 16 (3): 1—13. DOI: 10.1371/journal.pone.0246757.
- Ratkovsky, I. S. (2006). *The Red Terror and the activities of the Cheka in 1918*. Saint Peters- burg: Publishing House of Saint Petersburg University. 279 p. ISBN 5-288-03903-8. (In Russ.).
- Sharapkova, A. A. (2020). Myth of King Arthur as a Conceptual Matrix for Understanding Brexit. *Nauchnyi dialog*, 5: 192—214. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-5-192-214> (In Russ.).
- Sharapkova, A. A., Merkulova, A. M. (2023). Fakes within Context of Historical Knowl- edge Interacting with Language and Thought Structures: Interdisciplinary Model. *Nauchnyi dialog*, 12 (2): 157—186. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-2-157-187> (In Russ.).
- Shaskolsky, I. P. (1995). The Battle of Nevsky in 1240 In the light of the data of modern sci- ence. *Prince Alexander Nevsky and his epoch*. 15—23. (In Russ.).
- Singer, T. (2014). *The vision thing: Myth, politics and psyche in The world*. London: Rout- ledge. 300 p.
- Solopova, O. A., Chudinov, A. P. (2018). Diachronic analysis of metaphors in the British corpus of texts: Victory Bells and Russia's V-Day. *Russian Journal of Linguis- tics*, 22 (2): 313—337. (In Russ.).
- Tarle, E. V. (1994). *Selected works of academician E. V. Tarle in 4 volumes, 1*. Rostov-on-Don: Phoenix. 574 p. ISBN 5-85880-052-1. (In Russ.).
- The History of Russia: in 20 volumes. The Russian Civil War. The years 1917—1922*, 12. (2024). Moscow: Nauka. 919 p. ISBN 978-5-02-041024-4. (In Russ.).
- Trut, V. P. (2022). Modern approaches to the characterization of the chronological framework of the Civil War in Russia. *Bulletin of the Volga. Episode 4, The Story. Regional studies. International relations*, 4. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyye-podhody-k-harakteristike-hronologicheskikh-ramok-grazhdanskoy-voyny-v-rossii> (accessed 01.11.2024). (In Russ.).
- Vinkers, C. H. (2015). Use of positive and negative words in scientific PubMed abstracts be- tween 1974 and 2014: retrospective analysis. *British Medical Journal*, 351: 64—67. DOI: 10.1136/bmj.h6467.
- Zabotkina, V. I., Pozdnyakova, E. M. (2023). Mental spaces of manipulative influence in me- dia discourse. *Questions of cognitive linguistics*, 4: 15—25. (In Russ.).
- Zago, R. (2021). Televisual Expressivity: Emphasis and Emotionality in American and British Singing Competition Shows. *Expressio*, 5: 209—228.

Zemskov, V. N. (2012). The scale of political repression in the USSR (against speculative and mythological constructions). *Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 3—1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/masshtaby-politicheskikh-repressiy-v-sssr-protiv-spekulyativnyh-i-mifologicheskikh-postroeniy> (accessed 11/30/2024). (In Russ.).

Zemtsov, V. N. (2001). *Velikaya Napoleon's army in the Battle of Borodino*. Yekaterinburg: Ur. gosudarstvennogo ped. Univ. 572 p. ISBN 5-7186-0259-X. (In Russ.).

*The article was submitted 31.12.2024 ;
approved after reviewing 08.03.2025 ;
accepted for publication 22.04.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(3), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Шубина Э. Л. Эвфемизация в рамках миграционного дискурса в немецкой публицистике / Э. Л. Шубина, Р. С. Шелехова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 3. — С. 156—176. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-156-176.

Shubina, E. L., Shelekhova, R. S. (2025). Euphemization within Migration Discourse in German Journalism. *Nauchnyi dialog*, 14 (3): 156-176. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-156-176. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Эвфемизация в рамках миграционного дискурса в немецкой публицистике

Шубина Эльвира Леонидовна

orcid.org/0000-0001-9649-1024

доктор филологических наук,
профессор кафедры немецкого языка,
корреспондирующий автор
elvira.shubina@mail.ru

Шелехова Роза Сергеевна

orcid.org/0000-0002-2197-6497

старший преподаватель,
кафедра немецкого языка
rsschelechowa@mail.ru

Московский государственный институт
международных отношений
(университет)
Министерства иностранных дел
Российской Федерации
(Москва, Россия)

Euphemization within Migration Discourse in German Journalism

Elvira L. Shubina

orcid.org/0000-0001-9649-1024

Doctor of Philology, Professor,
Department of German Language,
corresponding author
elvira.shubina@mail.ru

Roza S. Shelekhova

orcid.org/0000-0002-2197-6497

Senior Lecturer,
Department of German Language
rsschelechowa@mail.ru

Moscow State Institute
of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проанализированы эвфемизированные слова и выражения на тему миграционного кризиса в статьях немецких электронных изданий «Taz», «Süddeutsche Zeitung» за 2024 год. Выбор данного периода объясняется повышенным вниманием немецкой прессы к событиям, которые связаны с миграционным кризисом в Германии и США. Актуальность исследования обусловлена тем, что проблемы в области миграции способствуют появлению новых политкорректных эвфемизмов и выражений. На основе таких критериев, как обозначение негативного денотата, улучшение характера денотата и др., была выявлена новая эвфемизированная лексика. Методом сплошной выборки было выделено 15 эвфемизированных номинаций. Авторы подробно комментируют каждый пример с позиций способов достижения эффекта эвфемизации. Предлагается классификация эвфемизмов миграционного дискурса по тематическим группам: мигранты, беженцы, депортация, депортированные. Авторы приходят к выводу о том, что немецкие авторы статей прибегают к таким способам эвфемизации, как словосложение и перифраза. Отмечается, что проблема миграции в статьях немецких авторов о Германии наиболее подвержена эвфемизации по сравнению с текстами статей о США.

Ключевые слова:

немецкий язык; миграционный кризис; политкорректность; эвфемизмы; способы образования эвфемизмов.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study analyzes euphemized terms and expressions related to the migration crisis as presented in articles from the German online publications “Taz” and “Süddeutsche Zeitung” in 2024. This period was selected due to the heightened attention of the German press towards events associated with the migration crisis in both Germany and the United States. The relevance of this research is underscored by the emergence of new politically correct euphemisms and expressions stemming from ongoing migration issues. Utilizing criteria such as the designation of negative denotates and the amelioration of denotates, a new euphemized vocabulary was identified. A total of 15 euphemized nominations were extracted through a comprehensive sampling method. The authors provide detailed commentary on each example, focusing on the techniques employed to achieve euphemization. A classification of migration discourse euphemisms is proposed, organized into thematic groups: migrants, refugees, deportation, and deported individuals. The authors conclude that German article writers employ euphemization strategies such as compounding and paraphrasing. It is noted that the issue of migration in articles by German authors concerning Germany is more susceptible to euphemization compared to texts discussing the United States.

Key words:

German language; migration crisis; political correctness; euphemisms; methods of euphemism formation.

УДК 811.112.2'42:070

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-156-176

Научная специальность ВАК

5.9.6. Языки народов зарубежных стран

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Эвфемизация в рамках миграционного дискурса в немецкой публицистике

© Шубина Э. Л., Шелехова Р. С., 2025

1. Введение = Introduction

Процесс глобализации в современном мире тесно связан с разными формами миграции населения, включая временных мигрантов, переселенцев, иностранных студентов, сезонных работников, лиц, ищущих убежища. В настоящее время процесс миграции представляет из себя одну из наиболее обсуждаемых политических тем. Неконтролируемые потоки людей вызывают тревогу у граждан принимающей страны. В прессе возрастает количество эвфемизированной лексики и выражений, появление которых связано с различными проблемами в немецком обществе (неконтролируемая миграция, экономические проблемы, дефицит квалифицированных специалистов в различных областях). Анализ политкорректной лексики на материале печатных СМИ позволит увидеть ее коммуникативно-прагматический потенциал в публицистическом дискурсе. Актуальность работы обусловлена постоянным обновлением эвфемистических слов и выражений по теме «Миграция», которые не были лексикографированы.

Цель исследования — выявление эвфемизированных слов и выражений в текстах, посвященных проблеме миграционного кризиса, и способов их образования. Важно также осуществить определение коммуникативно-прагматического потенциала эвфемизмов, описать особенности употребления вуалирующих слов и выражений в статьях на тему миграции в США и Германии.

Новизна исследования состоит в том, что до сих пор в отечественной германистике отсутствуют лингвистическое описание и систематизация политкорректных эвфемизмов на миграционную тематику в немецком языке. Корректировка приоритетов миграционной политики Германии способствует тому, что продуктивными становятся тематические группы эвфемизмов, связанные с депортацией нелегальных мигрантов, интеграцией людей с миграционным прошлым, регулированием трудовой миграции.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом для нашего исследования послужили статьи из немецких онлайн-изданий, таких как «Taz», «Süddeutsche Zeitung». В ходе исследования было проанализировано четыре статьи из вышеупомянутых газетных изданий. Обращение к данным изданиям обосновано тем, что они посвящены миграционной тематике. В качестве дополнительного материала исследования использовались данные немецкого корпуса DWDS (Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache), так как в нём содержится толкование интересующих нас языковых единиц.

Материал был собран нами методом сплошной выборки. В ходе исследования также применялись следующие методы: методы теоретического анализа, которые применялись для систематизации материала и выявления конкретных закономерностей в процессе описания; метод словарных дефиниций для выявления значения лексем миграционного дискурса; метод компонентного анализа, который использовался для дифференциации состава компонентов эвфемизмов; метод ситуативно-контекстуального анализа, который учитывает ситуативную детерминацию эвфемистических слов и выражений, а также метод статистической обработки и обобщения полученных данных.

Тот факт, что при эвфемизации происходит замена менее благозвучного языкового средства другим, более благозвучным для адресанта или адресата, не отрицают ни зарубежные, ни отечественные лингвисты. Такие отечественные лингвисты, как О. С. Ахманова и Н. С. Арапова, относят эмоционально-нейтральные, вежливые выражения к эвфемизмам, замещающим в речи грубые, нетактичные, неприличные для говорящего [Арапова, 1997, с. 565; Ахманова, 2005, с. 478]. Авторы немецкого электронного словаря dwds.de рассматривают эвфемизм как приукрашивающее, маскирующее языковое выражение или «хорошее слово» (*gutes Wort*) для обозначения неприятного случая, «скверного дела», например, *sich (etwas) besorgen* (что-то для себя приобрести) вместо *stehlen* (воровать) [DWDS].

В лингвистических трудах перечислены практически все темы, которые подвергаются процессу эвфемизации. Так, по мнению М. Л. Ковшовой и Л. П. Крысина, в обиходно-бытовой сфере эвфемизируются следующие области:

- 1) физиологические процессы и состояния: *ein großes Geschäft machen* (делать важное дело) (*verhüllend*) вместо *abstuhlen* (*испражняться*);
- 2) определённые части тела или внешние данные человека: *schwerge-wichtig* (человек с лишним весом) (*verhüllend*), *stark* (силач) (*verhüllend*), *vollschlank, wohlgerundet* (в меру упитанный) (*verhüllend*) вместо *dick* (толстый) [DWDS];

3) отношения между полами: *die schönste Nebensache der Welt* (самое приятное дело на свете) вместо *Geschlechtsverkehr* (половой акт);

4) болезни и смерть: *die Augen für immer schließen* (закрыть глаза навеки) (verhüllend) вместо *sterben* (умирать) [Ковшова, 2007, с. 88; Крысин, 1994, с. 40], [DWDS].

Данная классификация отражает запретные или «неудобные» при общении темы, которые «табуированы» в обществе. Однако в зависимости от группы людей, исторической эпохи или дискурса обнаруживаются сферы, которые также считаются нежелательными для обсуждения. М. Л. Ковшова выделяет социально-политические эвфемизмы, а также отмечает использование скрытых камуфлирующих выражений в языке дипломатии, для которого характерны смысловая размытость и уклончивость [Ковшова, 2007, с. 274]. К этим группам можно отнести эвфемистические номинации расы и пола, некоторые языковые единицы из таких групп, как профессии, бедность, возраст, политика, войны, образование, медицина. Наше исследование посвящено эвфемизации темы миграции и депортации в статьях немецкой прессы.

Немецкие лингвисты классифицируют эвфемизмы в зависимости от коммуникативных намерений автора высказывания и выделяют так называемые скрывающие эвфемизмы (verhüllend) и камуфлирующие эвфемизмы (verschleiernd) [Luchtenberg, 1985, с. 168; Götzinger, 2013, с. 12]. По их мнению, скрывающие эвфемизмы выступают терминами-заменителями, которые используются вместо социально табуированных номинаций, а камуфлирующие используются в роли риторического приема для получения личной выгоды адресанта [Luchtenberg, 1985, с. 167—179; Schröder, 2001, с. 5; Götzinger, 2013, с. 12]. Так называемые скрывающие эвфемизмы авторы иллюстрируют словосочетанием *kindgerechte Abschiebung* (депортация, учитывающая интересы ребенка). Таким образом, от адресата скрыто значение словосочетания, так как непонятно, что подразумевается под депортацией с учетом интересов ребенка и кто будет депортирован в этом случае, но понятно, что депортация состоится.

Камуфлирующие эвфемизмы *verschleiernd* представлены в работах немецких лингвистов словосочетанием *freiwillige Ausreise*, которое обозначает «добровольный выезд» [Götzinger, 2013, с. 34]. По сравнению с «депортацией» словосочетание «добровольный выезд» не вызовет негативной реакции среди мигрантов.

Необходимо отметить, что в словарях стилистически маркируются исключительно «скрывающие» эвфемизмы (verhüllend), а камуфлирующие, по мнению авторов словарей, не нуждаются в стилистической помете, так как не вызывают затруднений при понимании смысла высказывания [DWDS].

Сложность в выявлении эвфемизмов состоит в том, что их достаточно трудно разграничить с неэвфемизмами. Зачастую это разграничение зависит от субъективного восприятия носителя языка [Чепорухина, 2021, с. 96]. Языковые единицы способны приобретать эвфемистическую окраску только в соответствующем контекстном окружении [Reutner, 2013, с. 186; Reutner, 2009, с. 300]. В связи с этим отечественные и зарубежные исследователи предлагают критерии, по которым можно определить эвфемизированные лексемы и выражения.

Так, Е. П. Сеничкина предлагает четыре признака эвфемизированных лексем и выражений. Главным признаком, по ее мнению, является обозначение **нежелательного денотата** [Сеничкина, 2008, с. 6]. Аналогичную точку зрения высказывает и Солодилова, полагая, что определить, является ли денотат нежелательным, помогает его ценностная природа, то есть совокупность норм: этических, эстетических, моральных и социально-культурных [Солодилова, 2017, с. 75]. В публицистическом дискурсе, например, словосочетание *aufenthaltsbeendende Maßnahme* (мероприятие, направленное на прекращение пребывания в стране) выполняет эвфемистическую функцию, так как ассоциируется с нежелательным денотатом (массовые депортации мигрантов могут вызвать недовольство среди части немецкого населения, которая не заинтересована в выселении иностранцев, например среди работодателей, имеющих потребность в рабочей силе). В словаре DWDS данное словосочетание имеет помету «euphemistisch» [DWDS].

Следующим критерием, по которому можно отличить эвфемизм от неэвфемизма, по мнению Е. П. Сеничкиной, является **семантическая неопределенность**, ведь эвфемизм имеет функцию «вуалирования» негативной оценки денотата [Сеничкина, 2008, с. 6]. Под этим понимается не «сокращение смысловой нагрузки эвфемизированного слова, а его неопределенность» [Сеничкина, 2008, с. 6]. Номинация *aufenthaltsbeendende Maßnahme* также обладает семантической неопределенностью, так как не указывает на депортацию напрямую, а лишь подчеркивает сопутствующий признак (какое-то мероприятие, которое вызвано тем, что у иностранных граждан закончилось разрешение на пребывание в стране).

Характер исходного денотата должен улучшиться при замене слова эвфемизмом. Номинация *aufenthaltsbeendende Maßnahme* улучшает исходный денотат, ведь ассоциируется у адресата с положительным явлением (мероприятие может обозначать разные события, действия). Однако **денотат улучшается лишь формально**, так как адресат понимает, что именно скрывается за «вуалирующей» номинацией. В нашем примере эвфемизированное сочетание *aufenthaltsbeendende Maßnahme* не противоречит негативному денотату *Abschiebung* (депортация).

Таким образом, в данной работе, как и в предыдущих, эвфемизированные лексемы и выражения, которые не зафиксированы в словаре, будут определяться по вышеупомянутым критериям [Шубина и др., 2023, с. 79; Райкова и др., 2023, с. 190].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Лексемы *Ausländischer Arbeitnehmer*, *Migrant*, *Flüchtling* и их словарные эвфемистические корреляты

Миграционный кризис в Западной Европе разразился в 2015 году. Наплыв беженцев из конфликтных зон Африки и Ближнего Востока считается самым крупным после Второй мировой войны. Германия приняла наибольшее количество беженцев среди стран ЕС. Немцы строго разграничивают понятия *Migrant* (*мигрант*) и *Flüchtling* (*беженец*). Так, в предыдущие десятилетия приезжающие рабочие, которые именовались гастарбайтерами (*Gastarbeiter*), покидали свою страну, чтобы найти более высокооплачиваемую работу, получить квалификацию. Так называемые гастарбайтеры внесли существенный вклад в экономическое развитие Германии. Сам термин *Gastarbeiter* (*гость-работник*) изначально выполнял эвфемистическую функцию, так как немецких граждан уверяли, что иностранные рабочие здесь временно, то есть «гостят» определенное время, а затем отправятся на историческую родину. Однако из 14 миллионов гастарбайтеров четыре миллиона остались в Германии, изменив не только пищевые привычки местных жителей, но и саму жизнь. Необходимо отметить, что в ГДР (бывшая Германская Демократическая Республика) также привлекалась иностранная рабочая сила, для которой существовал термин *Vertragsarbeiter* (*рабочий по договору*), что также на наш взгляд эвфемистически окрашен, так как подчеркивается временное пребывание на территории страны.

Термин *Gastarbeiter* определяется в словаре DWDS как устаревшее обозначение иностранного рабочего или лица, работающего (на основании межгосударственного соглашения) определенное время в стране, которая нуждается в рабочей силе (при этом сам иностранный рабочий родом из бедной страны с высоким уровнем безработицы) [DWDS]. Частотность употребления лексемы наглядно демонстрирует, что пик словоупотребления приходится на семидесятые годы прошлого века.

Однако термин *Gastarbeiter*, как и сами иностранные рабочие, вероятно, снова будет востребован на рынке труда Германии, так как особенно сильно обострилась нехватка рабочей силы во многих сферах с 2022 года, то есть с начала украинского кризиса. На рисунке виден рост словоупотреблений в 2022 году (рис. 1). Так, в статье «*Unsere Arbeitslosen und die*

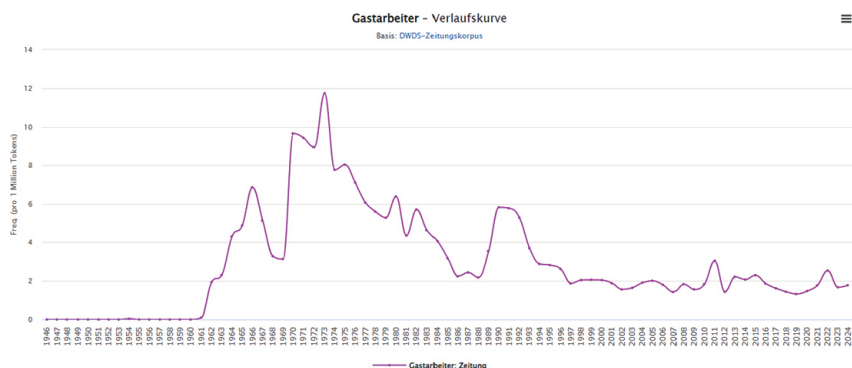

Рис. 1. Статистика употребления лексемы *Gastarbeiter* в корпусе DWDS

Rückkehr der Gastarbeiter» (Наши безработные и возвращение гастарбайтеров) речь идёт о возрождении отмененной в 1973 году системы привлечения рабочей силы. В настоящее время правительство страны требует от предприятий достойной оплаты и условий пребывания для приглашенных ими рабочих: ... *dass die in der Türkei und in anderen Staaten Angeworbenen von den Unternehmen zu Tariflöhnen direkt beschäftigt werden. Leiharbeit soll ausgeschlossen sein, gute Unterkünfte sollen hingegen Pflicht werden* [Focus, 2022] // ...лица, принятые на работу в Турции и других государствах, нанятые непосредственно компаниями, должны получать заработную плату в соответствии с тарифным договором. Временный труд должен быть исключен, а хорошее жилье должно стать обязательным (здесь и далее перевод наш. — Э. III.).

В словаре DWDS лексемой *Migrant* обозначается «человек, который мигрирует (пересекает границы тех или иных территорий), который покидает свою родную страну по религиозным, политическим или экономическим причинам, чтобы проживать в другой стране на более или менее длительное время» [DWDS]. Словарная статья лексической единицы *Migrant* указывает следующие синонимы:

- *Ausländer* (иностранец),
- *ausländischer Mitbürger* (иностранный гражданин),
- *Fremdling* (чужой, приезжий),
- *(Person) mit Migrationshintergrund (politisch korrekt)* (лицо с миграционным прошлым),
- *(Person) mit Zuwanderungsgeschichte (politisch korrekt)* (лицо с миграционным прошлым),

— (*Person*) mit ausländischen Wurzeln (**politisch korrekt**) (лицо с иностранными корнями),

— *Gastarbeiter* (veraltet) (застарбаймер) [DWDS].

При этом ни одна из лексических единиц не содержит пометы «verhüllend», «euphemistisch». Однако некоторые из перечисленных синонимических вариантов обладают, с нашей точки зрения, эвфемизирующей функцией, как, например, лексема *Gastarbeiter*, о которой речь шла выше. Кроме того, три развернутых определения (*Person*) mit Migrationshintergrund, (*Person*) mit Zuwanderungsgeschichte, (*Person*) mit ausländischen Wurzeln являются политкорректными номинациями. Эти языковые единицы мы также считаем эвфемизированными, так как эвфемизация выступает одним из средств политкорректности. По мнению С. Г. Тер-Минасовой, политкорректность заключается в поиске новых языковых средств, которые могли бы заменить слова, задевающие чувства и достоинства индивидуума и являющиеся бестактными, когда речь идёт о социальном статусе людей, проживающих в другом государстве [Тер-Минасова, 2000, с. 215]. Частотность употребления лексемы показывает, что пик словоупотребления приходится на 2015—2019 годы, то есть на время начала миграционного кризиса в Германии.

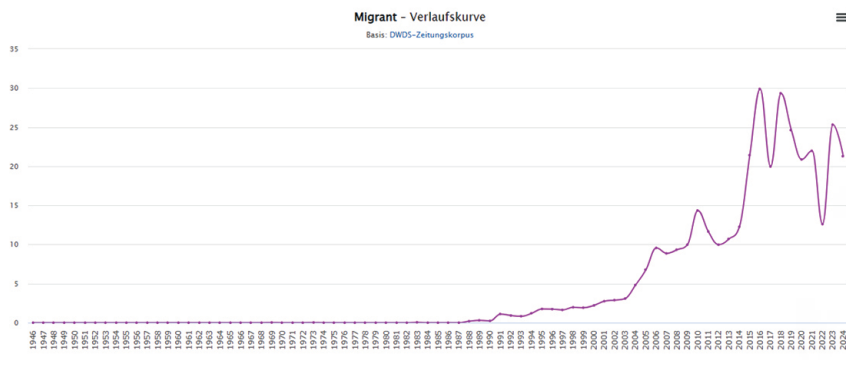

Рис. 2. Статистика употребления лексемы *Migrant* в корпусе DWDS

В словаре DWDS лексемой *Flüchtling* обозначается «человек, который покидает свою страну в силу определенных обстоятельств» [DWDS]. Словарная статья лексической единицы *Flüchtling* содержит такие синонимы, как:

— *Asylbewerber* (проситель убежища),

— *Asylantragsteller* (проситель убежища),

- *Schutzsuchender* (искатель защиты),
- *Asylsuchender* (искатель убежища),
- *Geflüchteter* (убежавший),
- *Heimatvertriebener* (изгнанник),
- *politisch Verfolgter* (политически преследуемый) [DWDS].

Ни одна из лексических единиц не содержит помет типа «verhüllend», «politisch korrekt», однако почти все перечисленные синонимы выполняют, с нашей точки зрения, эвфемизирующую функцию, так как характер денотата улучшается. Например, человек, покидающий свою страну (*politisch Verfolgter*), именуется не *беженцем* из страны, а *лицом, которое ищет убежище от политического преследования*. Частотность употребления прямой номинации *Flüchtling* показывает, что пик словоупотребления приходится также на 2015—2019 годы, то есть на время миграционного кризиса в Германии.

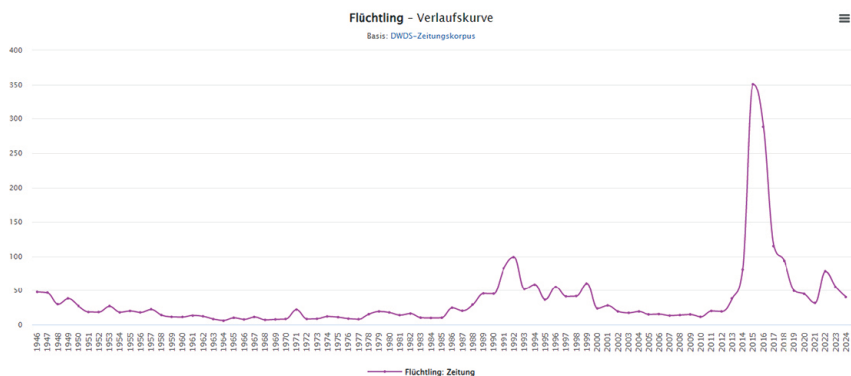

Рис. 3. Статистика употребления лексемы *Flüchtling* в корпусе DWDS

Корпусные данные показали, что лексемы *Migrant* и *Flüchtling* обнаружили наибольшую частотность в период притока беженцев в Германию, а в настоящее время эти номинации, обозначающие иностранную рабочую силу, заменяются, как правило, либо словами, имеющими в словаре помету «политкорректное»: *(Person) mit Migrationshintergrund*, *(Person) mit Zuwanderungsgeschichte*, *(Person) mit ausländischen Wurzeln*, — либо иными эвфемизированными лексемами. Так как поток беженцев и трудовых мигрантов в экономически благополучные страны, такие как Германия и США, не уменьшается, а нарастает, то правительства обеих стран вынуждены принимать решительные меры по регулированию миграции. Вместе

с изменением миграционной политики меняется и миграционный дискурс принимающих стран.

Далее будут рассмотрены прямые и политкорректные эвфемизированные лексемы в двух статьях, посвященных проблемам миграции в Германии, и в двух статьях о миграции в США и путях решения этой проблемы.

3.2. Эвфемизированные и неэвфемизированные номинации миграционных проблем США в немецких статьях

На материале статьи «Massenabschiebungen würden US-Wirtschaft schwer schaden» (букв. *Массовые депортации мигрантов могут серьезно навредить экономике США*) из онлайн-издания «Die Tageszeitung» мы попытались проследить, каким образом авторы статьи смягчили представление читателей о проблемах с мигрантами в США. В статье речь идет о планах Дональда Трампа относительно решения миграционного кризиса. Уже само название статьи содержит прямую номинацию такого негативного денотата, как депортация мигрантов, причем массовая депортация по всей стране *Massenabschiebungen*. Далее в подзаголовке также отсутствуют политкорректные номинации для иностранных рабочих. Немецкий журналист сообщает читателям, что избранный президент планирует массово выселять лица, у которых нет законных оснований оставаться в стране, именуя этих людей иностранцами без «документов»: *Der designierte US-Präsident plant, Ausländer*innen ohne Papiere massenhaft abzuschieben* [Massenabschiebungen ..., 2024] // *Избранный президент планирует массовую депортацию иностранцев без документов*.

Статья начинается с напоминания читателям о предвыборной речи Дональда Трампа, в которой он сообщил избирателям о намерении выселять мигрантов и освобождать рабочие места для граждан США: *Migrant*innen abschieben, Arbeitsplätze für US-Bürger*innen freimachen* [Там же]; *Massenabschiebungen von Ausländer*innen ohne Papiere* [Там же]. Далее цитируется мнение экспертов, которые утверждают, что Америка, как и многие другие страны, зависит от иностранной рабочей силы. В данном случае используется завуалированное именование лиц, приезжающих в другую страну: *die ausländischen Arbeitskräfte* [Там же].

Приводя статистические данные, журналисты именуют мигрантов, беженцев *Menschen ohne Aufenthaltsgenehmigung*, то есть «людьми без разрешения на временное проживание»: *Etwa elf Millionen Menschen ohne Aufenthaltsgenehmigung leben laut Schätzungen der Behörden in den USA* [Там же] // *В США проживают примерно 11 миллионов человек без разрешения на временное проживание*.

В следующем абзаце снова используется прямая номинация и сообщается о том, что свыше восьми миллионов из числа мигрантов трудоустро-

ены. Цитируя Трампа, немецкий журналист прямо говорит, что нелегальные иммигранты наводнили страну: *Heute werden unsere Städte von illegalen Einwanderern überschwemmt* [Там же] // *Сегодня наши города переполнены нелегальными иммигрантами.*

Однако реальность, как утверждается в статье, такова, что многие отрасли, в которых эти иммигранты работают, испытывают нехватку рабочих рук. Несмотря на этот факт, в некоторых профессиях многим мигрантам угрожает депортация (*Abschiebung*). Американские научно-исследовательские институты прогнозируют, что планы Трампа относительно миграционной политики могут привести к замедлению экономического роста, так как уменьшится количество товаров и услуг, производимых мигрантами, а также уменьшатся потребительские расходы депортированных мигрантов. Автор использует прямое обозначение депортированных иностранцев, прибегая к употреблению субстантивированного причастия *die Abgeschobenen* (депортированные). Отсутствует в статье эвфемизация и у обозначения мер по депортации мигрантов *Abschiebemaßnahmen* (депортационные мероприятия). Ссылаясь на мнение американских ученых, автор пишет, что даже при более мягком сценарии миграционной политики массовые высылки мигрантов *Massenausweisungen* могут привести к росту цен, а радикальные планы Трампа по миграционной политике *Migrationspolitik* могут привести к серьезному росту цен во многих секторах промышленности США. В конце статьи журналист приводит цитату эксперта, который предполагает, что тот вид депортации мигрантов *Art von Abschiebungen*, который предлагает новоизбранный президент, вряд ли в действительности будет осуществлен.

Во второй статье «Trump bestätigt Pläne für Militäreinsatz bei Abschiebungen» (букв. *Трамп подтверждает планы по привлечению армии для массовой депортации мигрантов*) из онлайн-издания «Süddeutsche Zeitung» сообщается о том, каким образом Трамп планирует депортировать нелегальных мигрантов. Речь идет о масштабной исторической акции депортации: *historische Abschiebeaktion*. Дональд Трамп настроен решительно и намерен использовать армию при выдворении нелегальных мигрантов: *Massenabschiebungen illegal eingereister Migranten* [Trump bestätigt ..., 2024]. Нелегальные иностранцы именуются в тексте статьи «нелегально иммигрирующими преступниками и криминальными мигрантами», то есть эвфемизация при описании миграционных проблем отсутствует. Сама программа именуется прямым денотатом, а именно *Abschiebeprogramm* [Там же], то есть «программа депортации».

Наш иллюстративный материал показал, что в двух статьях, посвященных миграционному кризису в США и способам его преодоления, удалось

обнаружить только два эвфемистических словосочетания: *ausländische Arbeitskräfte* (иностранные рабочие), *Menschen ohne Aufenthaltsgenehmigung* (люди без разрешения на временное проживание). Следующие критерии помогли идентифицировать эти два эвфемистичных сочетания:

— речь идет о вариантах обозначения именно отрицательных денотатов: *Flüchtling* (беженец), *Migrant* (мигрант);

— осуществляется нейтрализация и (или) улучшение негативных денотатов при помощи номинаций *Arbeitskräfte* (рабочие), *ausländisch* (иностранный), *Menschen* (люди), *Aufenthaltsgenehmigung* (разрешение на временное проживание);

— подразумевается лишь формальный характер улучшения денотатов. Хотя журналисты заменяют прямые обозначения лиц, которые приезжают в США, косвенными, более мягкими, они не отрицают тот факт, что миграционный кризис существует.

3.3. Эвфемизированные и неэвфемизированные номинации миграционных проблем Германии в немецких статьях

В статье «AfD beschließt Resolution zur „Remigration“» (Партия Альтернатива для Германии принимает резолюцию по теме «Реэмиграция») повествуется о предложениях партии по вопросам миграционного кризиса в Германии [AfD beschließt ..., 2024]. В названии статьи мы уже находим завуалированное обозначение негативного денотата. Вместо *Abschiebung* (выдворение мигрантов) используется термин в кавычках *Remigration* (реэмиграция), то есть речь идет о «повторной миграции», так как слово латинского происхождения, где приставка *re-* обозначает нем. *wieder* [Duden], рус. *снова, вновь, обратно*. Лингвистическое жюри конкурса в Германии *Unwort des Jahres* («Антислово года») именovalo данный термин «плохим словом». По мнению жюри, в правых партиях это слово стало эвфемистическим обозначением принудительной депортации людей с миграционной историей. Несмотря на негативное отношение лингвистов к этому термину, он закрепился в словарях и содержит помету «*verhüllend*», обозначая депортацию лиц иностранного происхождения [DWDS; Duden].

Автор статьи сообщает о планах партии бороться за массовое возвращение иностранцев из Германии в те страны, откуда они прибыли: *massenhafte Rückkehr von Ausländern aus Deutschland in ihre Heimatländer* [Там же]. Журналист использует эвфемизированное выражение, так как говорится о возвращении (*Rückkehr*), а не о депортации. Лексема *Rückkehr* согласно определению в словаре dwds обозначает ‘возвращение домой из поездки’ и не указывает на депортацию, хотя определение *massenhaf* (массовый) позволяет без труда понять о каком «возвраще-

нии» идет речь. Для обозначения беженцев используются исключительно политкорректные эвфемизированные лексемы, а именно *Asylsuchende* (*ищущие убежища*) и *außereuropäische Schutzsuchende* (*лица, ищущие защиты от преследования, проживающие за пределами Европы*) [Там же]. Авторы сообщения пытаются с помощью эвфемизмов скрыть негативную информацию о прибытии в Германию большого количества «случайных» людей, ведь такое правовое государство, как Германия, способно предоставить убежище и защиту людям, подвергающимся опасности в других странах. Однако когда речь идет о мигрантах, нарушивших закон (*Straftäter, straffällig gewordene Migranten*), то используется прямая номинация «преступники, нарушителя закона». Не эвфемизируется и именование процесса депортации (*abschieben*), которой должны быть подвержены мигранты: ... *nicht nur straffällig gewordene Migranten sollen abgeschoben werden* (... *не только нарушители закона должны быть депортированы*) [Там же].

Далее сообщается, что на свою историческую Родину должны быть возвращены также «группы лиц с так называемой слабовыраженной интеграционной способностью». Автор статьи процитировал резолюцию партии Альтернатива для Германии, содержащую несколько эвфемизированных выражений. Так, программа депортации именуется «программой обязательного возвращения на родину» (*obligatorische Rückkehrprogramme in ihre Heimat*), а дальнейшее проживание в своей стране именуется «реинтеграцией в родное общество» (*Reintegration in ihre Herkunftsgesellschaft*). Термин *Reintegration* так же, как и *Remigration*, используется адресантом для эвфемистического обозначения негативного денотата «выдворение» (букв. *Abschiebung* [Duden]). В отличие от «реэмиграции» «реинтеграция» потребует дополнительных финансовых средств от немецкого правительства: *Personengruppen mit schwach ausgeprägter Integrationsfähigkeit und -willigkeit sollen mittels obligatorischer Rückkehrprogramme in ihre Heimat rückgeführt und bei der dortigen Reintegration in ihre Herkunftsgesellschaft sowie beim (Wieder-)Aufbau ihrer Heimat unterstützt werden* [Там же] // *Группы лиц со слабовыраженной интеграционной способностью должны быть репатриированы с помощью обязательных программ выезда на Родину и поддержаны при реинтеграции в свое общество.*

Во второй статье под заголовком «Abschiebe-Offensive in Brandenburg» (*Депортационное наступление в Бранденбурге*) повествуется о взятии под стражу беженцев, которые в дальнейшем должны быть депортированы. В самом названии обнаруживается эвфемистически окрашенное наименование законопроекта «Депортационное наступление» *Abschiebe-Offensive*,

нацеленного на облегчение и ускорение депортации иностранцев» [Abschiebe-Offensive ..., 2024]. Журналист обращает внимание читателей на тот факт, что, несмотря на принимаемые законы, депортация беженцев не ускоряется, а лишь усложняется. Один из таких законов также именуется политкорректно, а именно *Verbesserung der Rückführung* (Улучшение репатриации) [Там же]. Поскольку репатриация может быть добровольной и принудительной, то этот термин можно трактовать как эвфемизм, замещающий прямое обозначение депортации. Согласно вышеупомянутому закону, срок содержания под стражей в ожидании депортации увеличен с 10-ти до 28 дней. Однако беженцам, вынужденным покинуть страну, должны быть предоставлены обязательные адвокаты, доступ к которым усложнен. Получается, что депортацию можно было оттягивать с помощью всевозможных юридических уловок. Далее в статье автор, ссылаясь на мнение депутата от партии «Левые», говорит о так называемой смене политики Германии в отношении беженцев. Государство теперь стремится не интегрировать беженцев, а депортировать, устраивая «депортационное соревнование» между министрами внутренних дел. Для обозначения беженцев используются автором как прямые номинации *Flüchtlinge*, *Geflüchtete*, так и эвфемизированные *Schutzsuchende* (ищущие защиты). Для обозначения депортации журналист использует неэвфемизированные *Abschiebung* (депортация), *Abschiebewettbewerb* (депортационное соревнование), *Abschiebungshaft* (заключение под стражу до депортации) и эвфемизированные лексемы *Ausreisegewahrsam* (заключение под стражу перед выездом), *ausreisepflichtig* (обязанность выехать), *Ausreisesammelstelle* (пункт сбора для выезда).

Идентификация эвфемизированных слов и выражений в статьях о миграционном кризисе в Германии была проведена по тем же признакам, которые уже названы выше:

— речь идет о вариантах обозначения именно отрицательных денотатов: *Flüchtling*, *Geflüchtete* (беженец), *Abschiebung* (депортация), *Abschiebungshaft* (заключение под стражу перед депортацией);

— осуществляется нейтрализация и (или) улучшение негативных денотатов при помощи номинаций: *Remigration* (реэмиграция), *Asylsuchende*, *Schutzsuchende* (ищущие убежища, защиты), *Offensive* (наступление), *Rückkehr* (возвращение), *Verbesserung* (улучшение), *Rückführung* (репатриация), *Ausreise* (выезд), *Sammelstelle* (пункт сбора);

— подразумевается лишь формальный характер улучшения денотатов.

Эвфемизированные и неэвфемизированные номинации миграционных проблем распределены в текстах немецких статей о США и Германии следующим образом (табл. 1).

Таблица 1

Прямые и косвенные номинации в рамках миграционного дискурса
в немецких статьях о США и Германии

Прямые номинации	Косвенные номинации в немецких статьях о миграционном кризисе США	Косвенные номинации в немецких статьях о миграционном кризисе в Германии
<i>Flüchtling</i> (беженец) <i>Illegale Einwanderer</i> (нелегальные иммигранты) <i>Ausländer ohne Papiere</i> (иностранцы без документов)	<i>Menschen ohne Aufenthaltsgenehmigung</i> (люди без разрешения на временное проживание)	<i>Asylsuchende</i> (ищущие убежища) <i>Schutzsuchende</i> (ищущие защиты)
<i>Migrant</i> (мигрант)	<i>ausländische Arbeitskräfte</i> (иностран- ные рабочие)	<i>Menschen mit Migrationsgeschichte</i> (люди с миграцион- ным прошлым) (politisch korrekt) (DWDS)
<i>Abschiebung, Ausweisung</i> (депортация)	-	<i>Rückführung</i> (репатриация) (verhüllend) (DWDS) <i>Rückkehr von Ausländern aus Deutschland in ihre Heimatländer</i> (возвращение иностранцев из Германии на родину) <i>Remigration</i> (повторная миграция) (verhüllend) (DWDS) <i>Abschiebeoffensive</i> (депортационное наступление)
<i>Abschiebungshaft</i> (депортационный арест)	-	<i>Ausreisegesammlungsstelle</i> (пункт сбора для выезда) <i>Ausreisegewahrsam</i> (заключение под стражу перед выездом)
<i>abschieben</i> (депортировать)	-	<i>rückführen</i> (репатриировать)
<i>Abgeschobene</i> (депортированные)	-	<i>Personengruppen mit schwach ausgeprägter Integrationsfähigkeit und -willigkeit</i> (группы лиц со слабовыраженной способностью интеграции)

Прямые номинации	Косвенные номинации в немецких статьях о миграционном кризисе США	Косвенные номинации в немецких статьях о миграционном кризисе в Германии
		<i>zurückgeführte Ausländer</i> (возращенные на родину иностранные граждане) <i>ausreisepflichtig sein</i> (подлежащий выезду)
Всего	2	13

Приведённая таблица иллюстрирует значительное преобладание эвфемизированных выражений в статьях о миграционном кризисе в Германии (13 и 2 примера соответственно). Можно предположить, что две статьи о миграции в США, которые выдержаны в неполиткорректном ключе, связаны с личностью Дональда Трампа, отдававшего предпочтение прямым номинациям. Кроме того, для авторов статей может быть характерно так называемое избирательное отношение к политкорректности, то есть немецкие журналисты существенно меньше стремятся выдерживать тексты статей в политкорректном ключе, когда речь идет о другом государстве.

4. Заключение = Conclusions

Проведенный в данной работе анализ свидетельствует о том, что использование политкорректных эвфемизмов в немецких статьях объясняется стремлением авторов перефразировать наименования негативных явлений, связанных с миграционным кризисом. Большинство выявленных эвфемизированных слов и выражений являются окказиональными, за исключением двух лексем *Remigration* (повторная миграция) и *Rückführung* (репатриация), которые лексикографированы с пометой (*verhüllend*), и словосочетания *Menschen mit Migrationsgeschichte* (люди с миграционным прошлым), которое зафиксировано в словаре со стилистической пометой (*politisch korrekt*) [DWDS].

При анализе исследуемых косвенных номинаций были выделены способы эвфемизации, которые представлены в таблице (табл. 2).

Анализируемый материал показал, что такие способы создания эвфемизмов, как словосложение и перифраза, использовались примерно в равной степени.

В качестве перспективы дальнейшего исследования может быть предложено выявление эвфемизмов в статьях о сферах социальных отно-

Таблица 2

Способы эвфемизации в немецких статьях о миграции в Германии и США

Способы эвфемизации	Эвфемизированные слова и перифразы
Словосложение	<i>Asyl</i> (убежище) + <i>suchende</i> = (ищущие убежища) <i>Schutz</i> (защита) + <i>suchende</i> = (ищущие защиты) <i>Rück</i> (zurück, обратно) + <i>führung</i> = (репатриация) <i>rück</i> (zurück, обратно) + <i>führen</i> = (репатриировать) <i>Re</i> (zurück, обратно) + <i>migration</i> = (обратная, повторная миграция) <i>Ausreise</i> (выезд) + <i>sammel</i> (сбор) + <i>stelle</i> = (пункт сбора для выезда) <i>Ausreise</i> (выезд) + <i>gewahrsam</i> = (заключение под стражу перед выездом) <i>ausreise</i> (выезд) + <i>pflchtig sein</i> = (подлежащий выезду) <i>Abschiebe</i> (депортация) + <i>offensive</i> (наступление) = (депортационное наступление)
Перифраза	<i>Menschen mit Migrationsgeschichte</i> (люди с миграционным прошлым) <i>Menschen ohne Aufenthaltsgenehmigung</i> (люди без разрешения на временное проживание) <i>Rückkehr von Ausländern aus Deutschland in ihre Heimatländer</i> (возвращение иностранцев из Германии на родину) <i>Personengruppen mit schwach ausgeprägter Integrationsfähigkeit und -willigkeit</i> (группы лиц со слабовыраженной способностью интеграции) <i>zurückgeführte Ausländer</i> (возвращенные на родину иностранные граждане) <i>ausländische Arbeitskräfte</i> (иностранные рабочие)

шений на материале изданий «Süddeutsche Zeitung», «Berliner Zeitung», «Stern» и др.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Сеничкина Е. П. Словарь эвфемизмов русского языка / Е. П. Сеничкина. — Москва : Флинта ; Наука, 2008. — 464 с. — ISBN 978-5-9765-0219-2.

2. *Focus* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.focus.de/> (accessed 08.07.2022).

3. *Massenabschiebungen würden US-Wirtschaft schwer schaden* [Electronic resource] // Die Tageszeitung. — 2024. — Access mode : <https://taz.de/Die-USA-unter-Donald-Trump!/6053398/> (accessed 27.11.2024).

4. *Abschiebe-Offensive in Brandenburg* [Electronic resource] // Die Tageszeitung. — 2024. — Access mode : <https://taz.de/Abschiebe-Offensive-in-Brandenburg!/6027086/> (accessed 15.08.2024).

5. *Trump bestätigt Pläne für Militäreinsatz bei Abschiebungen* [Electronic resource] // Süddeutsche Zeitung. — 2024. — Access mode : <https://www.sueddeutsche.de/politik/machtwechsel-in-den-usa-trump-bestaetigt-plaene-fuer-militaereinsatz-bei-abschiebungen-dpa.urn-newsml-dpa-com-20090101-241118-930-292390> (accessed 18.11.2024).

6. *AfD beschließt Resolution zur „Remigration“* [Electronic resource] // Süddeutsche Zeitung. — 2024. — Access mode : <https://www.sueddeutsche.de/bayern/afd-landesparteitag-afd-beschliesst-resolution-zur-remigration-dpa.urn-newsml-dpa-com-20090101-241123-930-297219> (accessed 23.11.2024).

6. *Duden* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.duden.de/> (accessed 20.11.2024).

7. DWDS — *Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.dwds.de/> (accessed 25.11.2024).

Литература

1. *Арапова Н. С.* Эвфемизмы / Н. С. Арапова // Русский язык : Энциклопедия / Гл. ред. Ю. Н. Караулов. — Москва : Большая Российская энциклопедия ; Дрофа, 1997. — 636 с.

2. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. 3-е изд., стер. / О. С. Ахманова. — Москва : КомКнига, 2005. — 521 с.

3. *Ковшова М. Л.* Семантика и прагматика эвфемизмов / М. Л. Ковшова. — Москва : Гнозис, 2007. — 320 с. — ISBN 978-5-94244-015-2.

4. *Крысин Л. П.* Эвфемизмы в современной русской речи / Л. П. Крысин // Русистика. — 1994. — № 1, 2. — С. 28—49.

5. *Райкова Ю. А.* Эвфемизированные заголовки статей в экономических новостях немецкой газеты «Die Tageszeitung» / Ю. А. Райкова, Э. Л. Шубина // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 6. — С. 190—211. — DOI: doi.org/10.2139/ssrn.4644289.

6. *Сеничкина Е. П.* Словарь эвфемизмов русского языка / Е. П. Сеничкина. — Москва : Флинта : Наука, 2008. — 464 с. — ISBN 978-5-9765-0219-2.

7. *Сидельникова Е. А.* Коммуникативно-прагматическая и переводческая специфика эвфемизации и дисфемизации в газетно-публицистическом экономическом дискурсе : монография / Е. А. Сидельникова. — Ставрополь : Издательство СКФУ, 2017. — 176 с. — ISBN 978-5-9296-0864-3.

8. *Солодилова И. А.* Критерии идентификации эвфемизмов / И. А. Солодилова, Т. Ю. Соколова // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2017. — № 11 (211). — С. 73—78.

9. *Тер-Минасова С. Г.* Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. — Москва : Слово, 2000. — 215 с.

10. *Чепорухина М. Г.* Эвфемизмы и дисфемизмы в новостной интернет-статье и комментариях к ней / М. Г. Чепорухина // Политическая лингвистика. — 2021. — № 1 (85). — С. 95—102. — DOI: [10.12345/1999-2629_2021_01_08](https://doi.org/10.12345/1999-2629_2021_01_08).

11. Шубина Э. Л. Эвфемистическая номинация бедности в публицистике Германии / Э. Л. Шубина, Ю. А. Райкова // *Филологические науки в МГИМО*. — 2023. — Т. 9. — № 2. — С. 79—91. — DOI: 10.24833/2410-2423-2023-2-35-79-91.
12. Götzinger C. Euphemismen in der politischen Sprache / C. Götzinger. — Roßdorf : Technische Universität Darmstadt, 2013. — 67 S.
13. Luchtenberg S. Euphemismen im heutigen Deutsch : mit einem Beitrag zu Deutsch als Fremdsprache / S. Luchtenberg. — Frankfurt am Main : Peter Lang, 1985. — 13 S.
14. Reutner U. «Nous, lexicographes, nous avons donc toujours tort?» Traitement de l'euphémisme dans Le Petit Robert / U. Reutner // *Cah. Lexicol.* — 2013. — Vol. 103. — Pp. 167—192.
15. Reutner U. Sprache und Tabu. Interpretationen zu französischen und italienischen Euphemismen / U. Reutner. — Tübingen : Niemeyer, 2009. — 443 S.
16. Schröder H. Sprachtabu und Euphemismen — Sprachwissenschaftliche Anmerkungen zu Stefan Schorchs „Euphemismen in der hebräischen Bibel“ / H. Schröder. — Hohengehren : [b. i.], 2001. — S. 229—246.

*Статья поступила в редакцию 10.01.2025,
одобрена после рецензирования 06.04.2025,
подготовлена к публикации 19.04.2025.*

Material resources

- Massenabschiebungen würden US-Wirtschaft schwer schaden (2024). In: *Die Tageszeitung*. Available at: <https://taz.de/Die-USA-unter-Donald-Trump/!6053398/> (accessed 27.11.2024). (In Germ.).
- Abschiebe-Offensive in Brandenburg. (2024). In: *Die Tageszeitung*. Available at: <https://taz.de/Abschiebe-Offensive-in-Brandenburg/!6027086/> (accessed 15.08.2024). (In Germ.).
- Duden. Available at: <https://www.duden.de/> (accessed 20.11.2024). (In Germ.).
- DWDS — *Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache*. Available at: <https://www.dwds.de/> (accessed 25.11.2024). (In Germ.).
- Focus. Available at: <https://www.focus.de/> (accessed 08.07.2022).
- Senichkina, E. P. (2008). *Dictionary of euphemisms of the Russian language*. Moscow: Flinta; Nauka. 464 p. ISBN 978-5-9765-0219-2. (In Russ.).
- Trump bestätigt Pläne für Militäreinsatz bei Abschiebungen (2024). In: *Süddeutsche Zeitung*. Available at: <https://www.sueddeutsche.de/politik/machtwechsel-in-den-usa-trump-bestaetigt-plaene-fuer-militaereinsatz-bei-abschiebungen-dpa.urn-newsml-dpa-com-20090101-241118-930-292390> (accessed 18.11.2024). (In Germ.).
- AfD beschließt Resolution zur „Remigration“. (2024). In: *Süddeutsche Zeitung*. Available at: <https://www.sueddeutsche.de/bayern/afd-landesparteitag-afd-beschliesst-resolution-zur-remigration-dpa.urn-newsml-dpa-com-20090101-241123-930-297219> (accessed 23.11.2024). (In Germ.).

References

- Akhmanova, O. S. (2005). *Dictionary of Linguistic Terms. 3rd ed., ster.* Moscow: KomKniga. 521 p. (In Russ.).
- Arapova, N. S. (1997). Euphemisms. In: *Russian language: Encyclopedia*. Moscow: Great Russian Encyclopedia; Bustard. 636 p. (In Russ.).

- Cheporukhina, M. G. (2021). Euphemisms and dysphemisms in an online news article and comments to it. *Political Linguistics*, 1 (85): 95—102. DOI: 12/10345/1999-2629_2021_01_08. (In Russ.).
- Götzinger, C. (2013). *Euphemismen in der politischen Sprache*. Roßdorf: Technische Universität Darmstadt. 67 S. (In Germ.).
- Kovshova, M. L. (2007). *Semantics and pragmatics of euphemisms*. Moscow: Gnosis. 320 p. ISBN 978-5-94244-015-2. (In Russ.).
- Krysin, L. P. (1994). Euphemisms in modern Russian speech. *Russian Studies*, 1, 2: 28—49. (In Russ.).
- Luchtenberg, S. (1985). *Euphemismen im heutigen Deutsch: mit einem Beitrag zu Deutsch als Fremdsprache*. Frankfurt am Main: Peter Lang. 13 S. (In Germ.).
- Reutner, U. (2009). *Sprache und Tabu. Interpretationen zu französischen und italienischen Euphemismen*. Tübingen: Niemeyer. 443 S. (In Germ.).
- Reutner, U. (2013). «Nous, lexicographes, nous avons donc toujours tort?» Traitement de l'euphémisme dans Le Petit Robert. *Cah. Lexicol*, 103: 167—192. (In Germ.).
- Schröder, H. (2001). *Sprachtabu und Euphemismen — Sprachwissenschaftliche Anmerkungen zu Stefan Schorchs „Euphemismen in der hebräischen Bibel*. Hohengehren: [b. i.]. 229—246. (In Germ.).
- Senichkina, E. P. (2008). *Dictionary of euphemisms of the Russian language*. Moscow: Flint: Nauka. 464 p. ISBN 978-5-9765-0219-2. (In Russ.).
- Shubina, E. L., Raikova, Ju. A. (2023). Euphemistic Headlines in Economic News Articles of German Newspaper 'Die Tageszeitung'. *Nauchnyi dialog*, 12 (6): 190—211. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-190-211. (In Russ.).
- Shubina, E. L., Raikova, Yu. A. (2023). Euphemistic nomination of poverty in German journalism. *Philological Sciences at MGIMO*, 9 (2): 79—91. DOI: 10.24833/2410-2423-2023-2-35-79-91. (In Russ.).
- Sidelnikova, E. A. (2017). *Communicative, pragmatic and translational specifics of euphemization and dysphemization in newspaper and journalistic economic discourse: a monograph*. Stavropol: NCFU Publishing House. 176 p. ISBN 978-5-9296-0864-3. (In Russ.).
- Solodilova, I. A., Sokolova, T. Y. (2017). Criteria for the identification of euphemisms. *Bulletin of Orenburg State University*, 11 (211): 73—78. (In Russ.).
- Ter-Minasova, S. G. (2000). *Language and intercultural communication*. Moscow: Slovo Publ. 215 p. (In Russ.).

*The article was submitted 10.01.2025;
approved after reviewing 06.04.2025;
accepted for publication 19.04.2025.*

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА LITERARY STUDIES. FOLKLORE

.....

Анастасия Владимировна Рейнова, соискатель (Симферополь)
Галина Игоревна Лушникова, д-р филол. наук (Ялта)
Максим Вадимович Норец, д-р филол. наук (Симферополь)
Марианна Викторовна Каплун, канд. филол. наук (Москва)
Марина Генриховна Уртминцева, д-р филол. наук (Нижний Новгород)
Наталья Владимировна Захарова, д-р филол. наук (Москва)
Наталья Сергеевна Цветова, д-р филол. наук (Санкт-Петербург)
Татьяна Юрьевна Осадчая, канд. пед. наук (Севастополь)

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(3), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Захарова Н. В. Объединение китайских литераторов «Юй сы» («Нити слов») и рождение новой китайской эссеистики / Н. В. Захарова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 3. — С. 178—195. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-178-195.

Zakharova, N. V. (2025). “Yü Si” (“Threads of Words”) Literary Society and Birth of Modern Chinese Essayism. *Nauchnyi dialog*, 14 (3): 178-195. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-178-195. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Объединение китайских литераторов «Юй сы» («Нити слов») и рождение новой китайской эссеистики

Захарова Наталья Владимировна
orcid.org/0000-0002-1434-1901
доктор филологических наук,
заведующая Отделом литератур
стран Азии и Африки
radaeva2002@gmail.com

Институт мировой литературы
им. А. М. Горького
Российской академии наук
(Москва, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда,
проект № 23-28-00110
«Формирование и эволюция
художественных направлений
в литературах Дальнего Востока
и Юго-Восточной Азии на рубеже
Нового и Новейшего времени»,
<https://rscf.ru/project/23-28-00110/>

“Yü Si” (“Threads of Words”) Literary Society and Birth of Modern Chinese Essayism

Natalia V. Zakharova
orcid.org/0000-0002-1434-1901
Doctor of Philology,
Head of the Department of Literature
of Asian and African Countries
radaeva2002@gmail.com

A. M. Gorky Institute
of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-28-00110
“Formation and Evolution
of Artistic Movements
in the Literatures of the Far East
and Southeast Asia at the Turn
of the Modern and Contemporary Era”,
<https://rscf.ru/project/23-28-00110/>

© Захарова Н. В., 2025

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается деятельность китайских писателей и критиков, в 20—30-е годы XX века входивших в объединение «Юй сы» («Нити слов») и издававших сначала в Пекине, а затем в Шанхае одноименный еженедельник. Актуальность исследования обусловлена необходимостью восполнения лакун в сфере изучения литературного процесса в Китае в указанный период. Новизна исследования обусловлена тем, что в статье представлены результаты анализа статей, опубликованных в журнале «Юй сы» Лу Синем, Бин Синь, Чжоу Цзожэнем, Линь Юйтанем, чья эссеистика оказала значительное влияние на формирование современной китайской литературы. Отмечается, что увлечение китайских писателей жанрами саньвэнь (эссе), саньвэнь сяошо (очерки), саньвэнь ши (стихи в прозе) происходило благодаря рецепции произведений английской и русской литературы. Охарактеризована практика позиционирования и философии журнала, издаваемого литературным обществом «Юй сы»: Чжоу Цзожэнь декларировал принципы свободы и случайности в содержании и форме публикуемых произведений. Доказано, что жанр эссе европейских писателей в значительной степени обусловил эволюцию традиционных китайских жанров малой формы. В статье сделан вывод, что роль общества «Юй сы» на становление жанра эссе в китайской литературе недостаточно изучена российскими синологами и имеет перспективы дальнейшего исследования.

Ключевые слова:

общество «Юй сы»; новая китайская эссеистика; Лу Синь; Чжоу Цзожэнь.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the activities of Chinese writers and critics who were part of the “Yü Sī” (“Threads of Words”) literary society during the 1920s and 1930s. Initially publishing a weekly journal of the same name in Beijing and later in Shanghai, the society played a crucial role in the evolution of modern Chinese literature. The relevance of this study lies in its aim to fill gaps in the understanding of the literary process in China during this period. The novelty of the research is highlighted by the analysis of essays published in “Yü Sī” by prominent figures such as Lu Xun, Bing Xin, Zhou Zuoren, and Lin Yutang, whose works significantly influenced contemporary Chinese literature. It is noted that the fascination of Chinese writers with genres such as *sanwen* (essays), *sanwen xiaoshuo* (sketches), and *sanwen shi* (prose poetry) stemmed from their engagement with English and Russian literary traditions. The article characterizes the positioning practices and philosophical underpinnings of the “Yü Sī” journal, where Zhou Zuoren advocated for principles of freedom and spontaneity in both content and form. It is demonstrated that the European essay genre substantially influenced the evolution of traditional Chinese minor genres. The article concludes that the role of the “Yü Sī” society in shaping the essay genre within Chinese literature remains underexplored by Russian sinologists, suggesting avenues for further research.

Key words:

Yü Sī Society; modern Chinese essayism; Lu Xun; Zhou Zuoren.

УДК 821.581+82-4

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-178-195

Научная специальность ВАК
5.9.2. Литературы народов мира
5.9.3. Теория литературы

Объединение китайских литераторов «Юй сы» («Нити слов») и рождение новой китайской эссеистики

© Захарова Н. В., 2025

1. Введение = Introduction

Деятельность литературных сообществ Китая как предтеча рождения современной китайской литературы — тема, неизменно привлекающая внимание зарубежных и отечественных исследователей. В то же время степень изученности этих сообществ разнится: если об «Обществе изучения литературы» («Вэньсюэ яньцзю хуэй») и «Творчестве» («Чуанцзо») опубликованы многочисленные статьи, то деятельность сообщества «Юй сы» («Нити слов»), как правило, рассматривается лишь в контексте творчества отдельных его участников.

В статье представлены результаты сопоставительного анализа публикаций членов общества «Юй сы» Лу Синя (1881—1936), Чжоу Цзожэня (1885—1967), Линь Юйтана (1895—1976). Установлено, что публиковавшиеся в журнале «Юй сы» различные жанры эссе: лирические, повествовательные, документальные (переписка, дневники, предисловия и послесловия, краткие комментарии) — в значительной степени повлияли на формирование вариативности эссеистического жанра современной китайской литературы.

Отмечено, что увлечение стилем английских эссе не было механическим заимствованием чужеродного художественного опыта, оно объяснялось закономерным ходом литературного процесса в Китае в 20—30-е годы XX века.

Анализ прозы китайских писателей, входивших в сообщество «Юй сы», поможет определить закономерности рождения и эволюции новых жанровых структур в Китае в новой литературной-стадиальной ситуации и восполнит пропуск в изучении процесса становления современных литератур дальневосточного региона.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом для исследования стали прозаические сочинения малой формы Лу Синя, Бин Синь, Чжоу Цзожэня и Линь Юйтана.

Для сопоставительного анализа были использованы статьи российских, английских и китайских литературоведов.

Оценивая литературный процесс в Китае в 20—30-е годы XX века, мы исходили из положения, выдвинутого С. С. Аверинцевым, М. Л. Андреевым, М. Л. Гаспаровым, П. А. Гринцером и А. В. Михайловым в статье «Категории поэтики в смене литературных эпох». Исследуя специфику мировой литературы в XVIII — начале XX веков, они писали о том, что «литературный процесс рассматриваемого периода теснее, чем когда бы то ни было, связан одновременно с личностью писателя и окружающей его действительностью, направлен на ее освоение, в художественном сознании первостепенную роль играют литературные методы, направления, объединяющие писателей со сходными эстетическими идеалом и мировосприятием» [Категории поэтик ..., 1994, с. 33—34]. Это положение отражает стремление китайских литераторов в эпоху кардинальных преобразований в социальной жизни страны в начале XX века к объединению в союзы с целью совместного поиска новых форм художественного творчества.

О том, что два направления в развитии жанра эссе в новой китайской литературе связаны с именами Лу Синя и Чжоу Цзюжэня, пишет В. С. Аджимамудова. Она считает, что «различия между этими направлениями определяются не характером произведения — критико-публицистическим или лирическим, а содержанием лирики или публицистики [Аджимамудова, 1971, с. 119].

Е. А. Цыбина исследовала деятельность творческих объединений китайских литераторов, в частности «Общества изучения литературы», выступавших «за создание реалистической литературы, отражавшей объективную действительность» [Цыбина, 1977, с. 392]. Лу Синь входил в число организаторов и «Общества изучения литературы», и объединения «Юй сы», поэтому реализм как творческий метод воплощался в его сочинениях, публикуемых в журнале «Юй сы».

Из западных исследователей наиболее объективную оценку особенностям художественного стиля Линь Юйтана в исследуемый период дает американский синолог китайского происхождения С. Т. Ся [Hsia, 1961]. Он пишет, что Линь Юйтан в начале 30-х годов XX века активно выступал за создание нового для китайской словесности жанра — небольшого прозаического сочинения свободной формы, основу сюжета которого составляло событие, способное рассмешить читателя [Линь Юйтан, 2003, р. 132].

Современный китайский критик Ван Лицзюнь в статье «Культура Чжэцзяна и эссе литераторов “Юй си”» дает анализ литературной ситуации в стране в период после активизации движения за новую культуру и литературу 1917 года и объясняет причины, побудившие известных пекинских литера-

торов — уроженцев южной провинции Чжэцзян объединиться в литературное сообщество «Юй сы». Ван Лицзюнь считает, что разные идеологические позиции основных авторов журнала, издаваемого сообществом, — братьев Лу Синя и Чжоу Цзожэня — стали причиной отказа от литературного сотрудничества и, как следствие, прекращения деятельности сообщества через шесть лет после образования [Ван Лицзюнь, 2020, с. 1—10].

В статье «Влияние английских эссе на современную бессюжетную прозу Китая» исследователь китайской прозы Ван Вэньдин пишет о таком недостаточно изученном явлении в литературе Китая, как юмор в прозаических сочинениях. Он отмечает, что «проникновение британского эссе-юмора в нашу современную прозу придало нашей прозе немного юмористической красоты. Однако китайские писатели часто подчеркивают серьезность юмора, сочетают юмор с сатирой и уделяют внимание предотвращению цинизма, бойкости и юмора ради юмора. Вообще говоря, юмор в современной китайской прозе не так распространен и силен, как в английских эссе» [Ван Вэньдин, 1987].

Методология исследования базируется на теоретических принципах историко-литературного, историко-культурного и сравнительно-исторического анализа. Используются элементы нарратологического, интертекстуального и рецептивного подходов.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Литературные сообщества Китая 20-х годов

В начале 20-х годов XX века китайские литераторы, объединившись в сообщества, в декларациях выражали свои взгляды на цели и задачи словесности и тем самым способствовали формированию новых литературных направлений и, по сути, возникновению новой литературы Китая.

В 1921 году более двухсот писателей, поэтов и критиков литературы организовали «Общество изучения литературы» (文学研究会), сыгравшее значительную роль в развитии реалистической литературы Китая, а также общества «Творчество» («创造») и «Солнце», выбравшие в качестве определяющего литературного направления романтизм. Параллельно с ними существовали и другие литературные объединения писателей, придерживающихся субъективно-идеалистических взглядов. Часто пристрастия в сфере западной литературы определяли эстетические установки того или иного объединения. На многих писателей «Общества изучения литературы» оказала влияние русская и западноевропейская литература: это был критический реализм.

Членами «Общества изучения литературы» стали такие сторонники реалистического направления в литературе, как Лу Синь(鲁迅, 1881—

1946), Е Шэнтао, Бин Синь (1900—1999), Мао Дунь, Чжэн Чжэньдо (1898—1958), Сюй Дишань (1894—1941), Ван Тунчжао (1898—1957). Своими целями участники общества ставили «сплочение писателей в единую организацию, обмен мнениями по вопросам литературной и общественной жизни страны, выработку приемлемой эстетической платформы, пропаганду национальной и зарубежной классики» [Цыбина, 1977, с. 393]. Как считает один из современных критиков литературы Вэнь Жумэй, «реализм стал ведущим направлением в литературе после движения “4-го мая” <...>. Главное отличие китайского реализма от европейского заключалось в революционности идей, борьбе против старой литературы, влиянии переводов, философичности, привычке к национальной эстетике, а также в длительности развития национальной прозы. Кроме Лу Синя, все остальные писатели были незрелыми. Китайский реализм “4-го мая” отставал от европейского XIX века» [Вэнь Жумэй, 2020, с. 30].

Участники общества «Творчество», созданного также в 1921 году, но не в Пекине, а в Шанхае, Юй Дафу, Го Можо, Чжан Цыпин (1893—1959), Чэн Фанью — организаторы и наиболее активные участники — провозгласили своими эстетическими принципами романтизм, декадентство и экспрессионизм. Они видели смысл революционных преобразований в литературе не столько в смене языка литературных произведений, сколько в борьбе против феодальной культуры и, главное, феодальной идеологии — конфуцианства. Близкие членам «Творчества» эстетические установки во многом были определены их симпатиями к западноевропейской литературе, с лучшими образцами которой идейные лидеры «Творчества» Го Можо и Юй Дафу познакомились во время обучения в Японии. Впоследствии, уже в Китае, многие произведения европейских романтиков — Шелли, Метерлинка, Оскара Уайльда и других французских и английских писателей — были переведены на китайский язык именно членами «Творчества». Права В. С. Аджимамудова, которая считает, что западная теория литературы «определила взгляды участников “Творчества” на постановку и решение проблемы соотношения жизни и искусства, объективного и субъективного в искусстве, связи художника с эпохой» [Аджимамудова, 1971, с. 28]. Им была близка романтическая эстетика, в центре которой — «творческий субъект, гений, убежденный в универсальности своего видения действительности (“мир души торжествует победу над внешним миром” — Гегель). <...> Личностные элементы в поэтике романтизма выдвигаются на первый план: экспрессивность и метафоризм стиля, лиризм жанров, субъективность оценок, культ воображения, которое мыслится единственным инструментом постижения реальности, и т. д.» [Категории поэтик ..., 1994, с. 31].

В 1924 году в Пекине было провозглашено о рождении литературного объединения «Юй сы». Его создание совпало с началом издания в столице Китая, а с 1927 года, когда северная часть страны была оккупирована японцами, — в Шанхае одноименного еженедельного журнала. Членами сообщества и авторами журнала были Лу Синь, Чжоу Цзожэнь (周作人, 1885—1967), Лю Баньнун (刘半农, 1891—1934), Линь Юйтан (林语, 1895—1976), Цянь Сюаньтун (钱玄通, 1887—1939) и др.

Издание журнала требовало определения литературной стратегии и концепции издания. Чжоу Цзожэнь первым выразил идеологическую позицию «Юй сы» в своем «Вступительном слове» («发刊辞») [Чжоу Цзожэнь, 1924]. Он писал, что, «хотя «Юй сы» еще не может сформулировать определенную цель, <...> мы будем публиковать ни на что не похожие статьи и размышления, станем изданием, дающим комментарии. Будем выступать за пропаганду “свободного мышления и независимости взглядов”» [Цит. по: Ся Янь, 2021].

Еженедельник стал платформой для публикации очерков, записок, рецензий, эссе. Члены общества «Юй сы» сформировали свой особый художественный стиль «юйсы вэньти» («语丝文体»), в котором прослеживается влияние английских эссе. Взгляды участников общества различались. Лу Синь ратовал за политическую направленность эссе, Бин Синь, Чжоу Цзожэнь и Линь Юйтан отрицали идейное содержание эссе-*саньвэнь* (散文), считали, что проза малой формы призвана способствовать выражению эмоционального настроения автора. Общество прекратило существование в марте 1930 года одновременно с закрытием журнала. В журнале было опубликовано более 500 произведений.

3.2. Переводы английских эссе

Авторы журнала «Юй сы» в основном публиковали эссе. Этот литературный прозаический жанр был новым для китайских литераторов. Первые термин *essay* употребил Чжоу Цзожэнь в июне 1921 года в статье «Прекрасные эссе» (美文). Он отметил: «В зарубежной литературе существует так называемое эссе, которое можно условно разделить на две категории. Первая — критическая, то есть академическая. Вторая — описательная, то есть художественная и также называемая *красивые эссе*. Этот вид красивого письма, по-видимому, наиболее развит среди англоговорящих людей, например, Эдисона, Лэмба, Оуэна и Хоторна. В современной китайской литературе такого нет. Почему бы тем, кто работает над новой литературой, не попробовать написать такого рода статьи?» [Чжоу Цзожэнь, 2021]. Эта статья привлекла внимание китайских переводчиков к эссеистике английских авторов.

В 20—30-е годы членами «Юй сы» были опубликованы переводы многочисленных образцов английской прозы малой формы. Чжоу Цзожэнь

перевел «Инструкции для слуг» Джонатана Свифта, Лян Юйчунь составил книгу «Избранные британские эссе». Главы из романа «Сага о Форсайтах», адаптированные переводчиками в малую прозаическую форму, Джона Голсуорси стали популярным чтением многих литераторов того времени; были опубликованы другие переводы, в том числе «Герои и поклонение героям» (написанные Карлайлом, переведенные Цзэн Сюбае), «Избранная британская проза» (перевод Юань Цзяхуа), «Избранные британские эссе» (перевод Ван Вэньчуаня) и др.

Значительная часть деятельности членов «Юй сы» была посвящена знакомству китайского читателя с европейской литературой, не только с художественными произведениями, но и с биографиями известных эссеистов и историей этого литературного жанра. Так, Ху Мэнхуа опубликовал монографию «Знакомое эссе», в которой проследил историю и эволюцию европейского эссе, начиная с французского философа и писателя Монтеня (1533—1592) и Бэкона. Выбор этих авторов не был случайным: при отборе переводчики обращались к тем авторам, которые исследовали закономерности взаимодействия западной и восточной литератур. Китайские литераторы были готовы впитывать идеологические и художественные идеи западных (особенно английских) писателей для развития своего художественного стиля. Как китайские исследователи, так и их западные коллеги (Лу Синь, Юй Дафу, Линь Юйтан, С. Т. Ся) отмечали, что британские эссе оказали самое широкое влияние на становление современной китайской прозы. Говоря о подобной ситуации в странах-реципиентах западной литературы, Н. И. Конрад призывал помнить о том, «имеем ли мы дело с переводом, при котором одновременно усваивается новый творческий метод» [Цит. по: Куделин, 2023, с. 21]. Усвоению нового метода и, соответственно, появлению новых жанров способствовали переводы английских эссе.

Популярность английских эссе в Китае Юй Дафу объяснял, во-первых, их схожестью с китайским традиционным жанром суйби и, во-вторых, модой на знание английского языка в среде молодых литераторов и, соответственно, возможностью читать эссе в оригинале. Он считал, что английская проза малой формы привлекает китайских литераторов свободой выражения своей индивидуальности [Цит. по: Го Вэньсян, 1987].

Называя причины особенного увлечения английскими писателями, Юй Дафу писал: «Влияние британской прозы на Китай можно объяснить двумя причинами. Во-первых, китайский традиционный жанр суйби (随笔, вслед за кистью) похож по стилю на британские эссе, но лишен юмора, который распространен в британской прозе. Во-вторых, часть эссе переведены с японского языка, сейчас при переводе с английского языка мы почувствовали их притягательную силу» [Юй Дафу, 1935, с. 4].

О влиянии английских эссе на китайскую прозу малой формы писал Лу Синь в статье «Кризис эссе» («小品文的危机»): «Успех прозаических зарисовок сейчас почти такой же, как у романов, оперы и поэзии. В этом, естественно, есть элемент соперничества. <...> Наши “безделушки” (эссе. — Н. З.) часто основаны на британских эссе (essay), в них также есть немного юмора и изящества; стиль также красив и скрупулезен, напоминает классическую литературу, но ценен разговорным языком» [Лу Синь, 1928].

3.3. Эссеистика Лу Синя как важная часть публикаций общества «Юй сы»

В журнале «Юй сы» в 1927 году Лу Синь публиковал эссе, впоследствии объединенные в сборник «Дикие травы». Публикацию первого эссе предваряло предисловие: «Прах жизни разбросан по земле. На ней не растут высокие деревья — пробиваются лишь дикие травы, и в этом повинен я. Дикие травы. Корни у них неглубокие, цветы и листья некрасивые, но они впитывают росу, впитывают воду, впитывают прах мертвецов, и каждая травинка борется за свое существование. Их будут топтать, будут косить, пока они живы, пока не умрут, пока не сгниют. <...> Я люблю мои дикие травы, но я ненавижу землю, которую они украшают. <...> Пока небо и земля так безмятежны, я не могу петь и смеяться. А когда небо и земля утратят покой, я, быть может, уже не смогу ни смеяться, ни петь. На грани света и тьмы, жизни и смерти, прошлого и будущего я приношу эти дикие травы в дар другу и врагу, человеку и зверю, любимым и нелюбимым — как мое свидетельство» [Лу Синь, 1971, с. 291—292].

В журнале было опубликовано около двадцати эссе из сборника «Дикие травы». О том, как определить их жанр, споры среди российских исследователей творчества Лу Синя идут на протяжении почти полувека. Л. Д. Позднеева и В. В. Петров считают, что эти произведения короткой формы следует отнести к «стихам в прозе» (散文诗, *саньвэнь ши*). Перевод этого термина возник благодаря схожести *саньвэнь ши* Лу Синя и «стихов в прозе» И. С. Тургенева, влияние которых на свое творчество он признавал. А. В. Ручнина относит их к притчам. Она пишет: «Большинство стихотворений этого сборника (“Диких трав”. — Н. З.) носят поучительный характер, по существу являясь притчами. <...> в сложный для страны и ее культуры период, когда обнажились более глубокие недостатки человеческой природы, неучтожимые социально, Лу Синь выбирает жанровую форму притчи, позволяющую не только общаться со своим читателем, но и деликатно воспитывать его» [Ручнина, 2015, с. 157—160]. Анализируя прозаические сочинения малой формы из сборника «Дикие травы», А. В. Ручнина также называет их *поэтическими миниатюрами*, что точ-

нее соответствует термину *саньвэнь ши* (дословный перевод на русский язык — «поэтические эссе»). На наш взгляд, расплывчатая жанровая форма *саньвэнь ши* отражала поиски как самого Лу Синя, так и остальных авторов журнала «Юй сы», декларировавших свободу формы и жанра своих литературных сочинений.

Разнообразна тематика эссе из «Диких трав». В аллегорическом эссе «Мертвый огонь» (1925) Лу Синь обращается к близкой ему теме одиночества положительного героя. Герой среди ледяной пустыни. Теплом собственного тела он отогревает замерзшее в виде кристаллов пламя: «я подбираю с земли мертвый огонь, чтобы внимательно рассмотреть его, и холод обжигает мне пальцы. Я терплю и засовываю огонь в карман. Тотчас все ущелье становится голубовато-белым. Я опускаю голову и вижу, что мертвый огонь ожил, прожог мне одежду и теперь растекается по ледяной поверхности» [Лу Синь, 1971, с. 311]. Герой эссе погибает, но, умирая, он торжествует: огонь, разбуженный им, растопит обледенелую землю. Этот персонаж схож с Помешанным из рассказа Лу Синя «Светильник» (1925) — человеком, восставшим против религии, призывавшим не ждать больше чудес и грозившимся сжечь кумирню в своей деревне. Само описание героя свидетельствует о его ненормальности: «Желтое, квадратное лицо, синий поношенный халат без подкладки. Лишь в прищуренных, узких глазах под густыми бровями сверкал безумный огонь. Он смотрел на них долгим немигающим взглядом, вмещавшим в себя одновременно и страх, и какую-то досаду. В его глазах застряли две рисовые соломинки, очевидно, дети воткнули их ему украдкой из-за спины, об этом нетрудно было догадаться по их лукавым взглядам и высунутым языкам» [Лу Синь, 1989, с. 228]. Не удивительно, что односельчане принимают его за сумасшедшего и запирают в той самой кумирне, которую он призывал сжечь. Если герой «Мертвого огня» жертвует собой, но согревает огнем ожившую землю, то призывы героя «Светильника» остаются неслышанными, он не в силах разбудить «оцепеневшее царство» [Позднеева, 1959, с. 205] деревенских жителей.

Герои-одиночки, как правило, отвергаемые обществом, были персонажами первых произведений Лу Синя — его повестей «Записки сумасшедшего» (1918) и «Подлинная история А-Кью» (1925). В короткой форме жанра *саньвэнь ши* писатель, сохраняя верность изображению любимых образов, обращается к новым художественным приемам. Как пишет известный синолог-литературовед Л. Д. Позднеева, «пользуясь приемом контраста, аллегориями, искусно подбирая прозвища, Лу Синь добивался предельной точности мысли, рельефности мысли» [Там же, с. 219].

Новая для китайской литературы художественная стилистика эссе Лу Синя нашла продолжение в творчестве его современников 20—30-х годов,

а также известных литераторов конца XX — начала XXI века Ба Цзиня и Цзя Пинва.

3.4. Влияние саньзэнь ши Лу Синя на творчество Бин Синь

Бин Синь официально не являлась членом общества «Юй сы», но в ее сочинениях, будь то стихи или проза малой формы, отчетливо прослеживается стиль эссеистики Лу Синя. Для эссе Бин Синь характерны подчеркнутая субъективность, они передают настроение, чувства, переживания их автора. Отличительными чертами как поэтических, так и прозаических сочинений Бин Синь 20-х годов были недоговоренность, иносказательность, интеллектуальная наполненность. Контраст, аллегории, субъективность и раскрепощенность письма, которыми она увлеклась, познакомившись с публикациями в журнале «Юй сы», стали важными маркерами ее бессюжетной прозы исследуемого периода.

Субъективный фактор становится доминантой эссе «Прошлое» («往事», 1924), главная тема которого — счастливое детство. Бин Синь делится с читателем воспоминаниями о безоблачных днях, отделенных от настоящего десятью годами. События, о которых она пишет, всплывают в памяти в нарушение законов логики повествования. Это те «незначительные пустяки», о которых писал Чжоу Цзожэнь, говоря о жанровых особенностях эссеистики стиля юй сы.

В эссе «Возвращение на юг» («南归», 1931) писательница создает картины жизни, ценность которых ощущаешь тогда, когда, повзрослев, сталкиваешься с реалиями новой социальной действительности, когда многих участников происходившего уже нет в живых. «Возвращение на юг» считается лучшим ее сочинением эссеистического жанра, оно завершает цикл повествований о детстве автора, воспринимаемых через призму собственных чувств.

В подзаголовке эссе стоят слова: «Посвящается матери, душа которой на небе». Бин Синь выбирает жанр повествования в форме писем, которые она адресует брату и в которых рассказывает о последних днях и похоронах матери, о переживаниях писательницы — лирического героя этого произведения. Это сочинение во многом близко эссе Юй Дафу (1896—1945) «Один на земле», написанному 5 октября 1926 года после смерти сына. Юй Дафу пишет его в вагоне поезда, увозившего автора из Пекина, где состоялись похороны. Но если Юй Дафу написал его за один вечер, все еще находясь во власти безутешного горя, отраженного в композиции эссе, построенного на случайном сцеплении эпизодов, выхваченных из прошлого, оно было криком боли («А в пятый день пятого месяца, так и не дождав-шись меня, он умер»), то сочинение Бин Синь, созданное через год после трагических событий, на первый взгляд, поражает беспристрастностью и кажущимся спокойствием.

Писательница с хронологической точностью, день за днем описывает свою поездку в Шанхай, где жили ее родители, постепенное ухудшение состояние матери, встречу европейского Нового года. Обычно родители Бин Синь праздновали Чуньцзе (Новый год) по лунному календарю, но в этот раз из-за опасения, что мать не доживет до февраля, решили устроить праздник на католическое Рождество и заодно отметить день рождения отца и годовщину свадьбы родителей. Уделяет внимание Бин Синь и таким подробностям, странным для европейского читателя и вполне естественным для китайца, как покупка гроба и заказ посмертного одеяния еще при жизни матери [Бин Синь, 1994, с. 499].

Бесстрашность повествования кажется таковой лишь тому читателю, кто не знаком с творчеством Бин Синь — тончайшего лирика, способного прикрыть маской холодности истинную глубину чувств. Тема любви к матери проходила лейтмотивом ее творчества в двадцатые годы. В качестве панацеи от всех бед писательница предлагала своим читателям любовь матери, считая, что только она способна уменьшить их страдания. *О, мать! // Пришла гроза, птицы спрятались в гнездах. // Когда в мое сердце приходит гроза, // Я прячусь в твоих объятиях*, — писала она в коротком стихотворении, созданном в 1923 году и вошедшем в сборник «Звезды» [Бин Синь, 1994, т. 2, с. 297]. Когда не стало матери, того единственного убежища, где можно было спрятаться от бед, о своем горе писательница предпочитает рассказывать сдержанным языком, без восклицаний и других синтаксических средств, усиливающих эмоциональность повествования.

Особенностью эссе 20—30-х годов XX века стало усиление авторефлексивности. Нельзя не признать, что заикленность на себе стала порождением времени. Как пишет В. С. Аджимамудова, «автобиографический элемент в литературе, усиленный иностранным влиянием, имел в глазах современников большую значимость, чем он того заслуживал. Это явление было связано с китайской традицией, допускавшей употребление местоимения первого лица лишь в отношении высшего чина к подчиненным, старшего по возрасту к младшим и т. д. Отсюда восторг молодых читателей перед революционной формой *саньвэнь*, в которых, как правило, фигурирует авторское “я”» [Аджимамудова, 1971, с. 87]. Во всех эссе Бин Синь 20-х — начала 30-х годов, написанных от первого лица, речь идет о реальных событиях, происходивших в ее жизни. Эссе «Возвращение на юг» завершило этот цикл.

3.3. Общество «Юй сы» и рождение китайского юмора

В 1924 году Линь Юйтан опубликовал две статьи, в которых призывал переводить зарубежную юмористическую литературу и пропагандировать юмор. Для перевода на китайский язык английского слова *humor* Линь Юй-

тан использовал способ транслитерации. Так, впервые в китайском языке появилось новое слово *yōumò* (幽默). Понятие *yōumò* отличается от традиционно принятого в китайском языке понятия *huájī* (滑稽), значение которого — ‘комический, уморительный, смехотворный’. Линь Юйтан считал, что в китайском языке нет терминов, способных адекватно передать значение английского слова *humor*.

В книге «Моя страна и мой народ» Линь Юйтан писал: «Полное невежество иностранцев в отношении Китая и китайцев выражается в их вопросах: а у китайцев есть чувство юмора? Это так же поразительно, как если бы какой-нибудь араб из торгового каравана спросил, есть ли песок в Сахаре? ... Хотя бы теоретически китайцы должны же обладать чувством юмора, потому что юмор — порождение самой обыденной реальной жизни, а китайцы — отъявленные реалисты. Юмор — порождение здравого смысла, а его-то у китайцев в избытке. Юмор, особенно азиатский, есть следствие таких особенностей человека, как удовлетворенность жизнью и любовь к досугу, что в высшей степени характерно для китайцев» [Линь Юйтан, 2003, с. 74].

Линь Юйтан признавал, что в китайской литературе юмор существовал, но считал, что развитутию понятия «юмор» препятствовал запрет, связанный с конфуцианством, которое ограничивало свободное выражение непривычных взглядов и идей, а «юмор питается только новым и оригинальным». Если юмор и присутствовал в китайском романе, то, как замечает Линь Юйтан, «классики никогда не считали роман литературой» [Там же, с. 75].

Юмор и ирония присутствуют в эссе Лу Синя, Чжоу Цзожэня и Линь Юйтана. Юй Дафу отмечал, «юмор Чжоу и Линя имеет привкус британских джентльменов, часто демонстрируя одновременно торжественность и юмор, а также остроумные замечания. Однако юмор Чжоу Цзожэня более сдержан, а юмору Линь Юйтана свойственна импровизация. Юмор Лао Шэ (печатался в журнале «Юй сы». — Н. З.) похож на юмор Диккенса, Марка Твена, Теккерея и Моэма. Он часто с глубоким пониманием анализирует мелочную психологию обычных людей, заставляя людей задумываться о своем характере» [Юй Дафу, 1935].

Среди эссе Лу Синя из сборника «Дикие травы», напечатанных в журнале «Юй сы», внимание читателей привлекло небольшое сочинение, озаглавленное «Умный, дурак и раб» («聰明人和傻子 и 奴才», 1925). Оно стало одним из первых образцов сатирических произведений в жанре бессюжетной прозы, наследовавших классическим сатирическим романам. В эссе Лу Синь многократно усилил элементы сатиры многоглавых романов (章回小说) «Неофициальная история конфуцианцев» («儒林外史») у Цзинцзы (吴敬梓, 1701—1754) и «Путешествие на запад» (西游记) у Чэ-

ньэня (吴承恩 1504—1582), а лаконичная форма эссе позволила ему добиться максимального воздействия на читателя.

Лу Синь отмечал: «Если писатель резкими, даже преувеличенными, но художественными чертами раскрывает истинную сущность какой-либо группы лиц или явлений, его произведения в обличаемой им среде называют сатирой [Цит. по: Позднеева, 1959, с. 237]. Вариант жанра саньвэнь — короткая проза с элементами социальной сатиры, начало которой положил Лу Синь в публикациях журнала, продолжил свое развитие в рассказах и повестях Лао Шэ и Чжан Тяньи (1906—1985).

3.4. Стиль «Юй сы»

Впервые читатели и критики узнали о появлении художественного стиля юй сы из статьи Сунь Фуюаня [孙伏园, 1894—1966] с одноименным названием, опубликованной в журнале общества в ноябре 1925 года. В статье Сунь Фуюань предложил свою концепцию стиля: свобода без каких-либо ограничений. Его поддержал Чжоу Цзожэнь, считавший: «Наша цель состоит лишь в том, чтобы позволить нам говорить небрежно... Каждый может говорить все, что хочет, и единственными условиями являются смелость и искренность» [Чжоу Цзожэнь, 1924]. «Произвольно» (随便) и «так, как хочется» (随意) — слова, которые Чжоу Цзожэнь неоднократно подчеркивал в статье, и по существу здесь нет большого отклонения от точки зрения Сунь Фуюаня. Анализируя статьи, опубликованные в журнале «Юй сы», можно сказать, что они «произвольны» от содержания до формы. Журнал характеризует разнообразие тематики публикуемых статей и отсутствие строгих критериев к их формату. Автору позволительно писать все, что вздумается, не был оговорен и стиль. Были опубликованы стихи в прозе из сборника Лу Синя «Дикие травы», роман Лао Шэ «Развод» (离婚, 1933), эссе Чжоу Цзожэня, легенды, стихи, научные статьи, переводы. Свобода и случайность в содержании и форме — это специфическая практика позиционирования и философии журнала, декларируемая Чжоу Цзожэнем.

Большая часть прозы в «Юй сы» написана в форме очерков, импровизированных выражений чувств. Тематика их разнообразна, нет строгих канонов по форме. Отличительная черта «говорить свободно и беспристрастно», позднее резюмированная Лу Синем [Лу Синь, 1981, с. 131], также показывает, что авторы, следуя концепции стиля юй сы, выражали свою идеологическую и художественную индивидуальность смело, откровенно и свободно.

4. Заключение = Conclusions

Лу Синь, Бин Синь, Чжоу Цзожэнь и Линь Юйтан сделали много для развития современной китайской литературы, обновления стилистиче-

ской палитры китайской прозы. Актуальность тематики их сочинений, особенностью которых часто становилась юмористическая окрашенность повествования, во многом возникла под влиянием зарубежной литературы, в частности эссе английских прозаиков, но и впитала особенности китайской классической словесности. Жанр бессюжетной прозы (саньвэнь сяошо, саньвэнь ши), новый для китайской литературы, стал любимым у авторов журнала «Юй сы». Ориентируясь на необходимость создания современного стиля прозы, писатели Китая считали, что акцент на свободу и тематическое разнообразие прозы малой формы, индивидуальность стиля повествования повысит художественную ценность произведений новой китайской литературы.

Первые публикации членов общества «Юй сы» положили начало увлечению китайских литераторов жанром бессюжетной прозы. Эссеистика, очерки, дневниковые записи — жанровые образования, объединенные одним термином *саньвэнь*, стали важной частью современной китайской литературы.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Литература

1. Аджимамудова В. С. Юй Дафу и литературное общество «Творчество» / В. С. Аджимамудова. — Москва : Наука, 1971. — 166 с.

2. Бин Синь. Возвращение на юг / Бин Синь // Полное собрание сочинений в 8 томах. — Фучжоу : Изд-во Хайся вэньи чубаньшэ, 1994. — Т. 2. — С. 472—502 (冰心: 全集 1-8 (2). —福州: 海峡文艺出版社 1994. — 472-504页).

3. Бин Синь. Звезды / Бин Синь // Полное собрание сочинений в 8 томах. — Фучжоу : Изд-во Хайся вэньи чубаньшэ, 1994. — Т. 1. — С. 261—314 (冰心: 全集 1-8 (1). —福州: 海峡文艺出版社 1994. — 261-314页).

4. Ван Вэньдин. Влияние английских эссе на современную бессюжетную прозу Китая [Электронный ресурс] / Ван Вэньдин // «Вэньсюэ пинлунь». — 1987. — № 4. — Режим доступа : https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MzA5MDgxOTMwNw==&mid=2654185706&idx=1&sn=e0b3dd4a94f3e5f4ceb130e753f66594&chksm=8bc2d76ebcb55e78e163baf908802778a91f0604a798c73087fecf0487db059343571e47038&scene=27 (дата обращения 21.10.2024) (汪文顶. 英国随笔对中国现代散文的影响《文学评论》— 1987年 — 第4期).

5. Ван Лицзюнь. Культура Чжэцзяна и эссе литераторов «Юй си» / Ван Лицзюнь // «Научные записки Чжэцзянского института гуманитарных и естественных наук». — 2020. — № 40 (3). — С. 1—10. (王黎君. 绍兴文理学院 / 王黎君 // 浙江王黎君. 越文化视阈下的语丝散文研究[J]. 绍兴文理学院学报 — 2020. — 40 (3). 1-10页).

6. Вэнь Жумэй. Трансформации реализма в новой литературе / Вэнь Жумэй. — Пекин : Издательство Пекинского университета, 2020. — 275 с. (温儒敏. 新文学现实主义的流变. 北京 北京大学出版社. — 2020. — 275 页).

7. *Го Вэньсян*. Сравнительный анализ эссе Чжоу Цзожэнь и английской прозы короткой формы / *Го Вэньсян* // «Люйлян цзяюнь сюэюань сюэбао». — 1987. — Выпуск 4. — С. 43—44. (郭文香. 周作人散文与英国随笔的比较研究. 吕梁教育学院学报 — 1987. — 43-44页).

8. *Категории поэтик* в смене литературных эпох / С. С. Аверинцева, М. Л. Андреев, М. Л. Гаспаров, П. А. Гринцер // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. — Москва : Наследие, 1994. — С. 34—35.

9. *Куделин А. Б.* Перевод во взаимодействии Запада и Востока / А. Б. Куделин // Перевод, интерпретация, комментарий в литературах Востока и Запада. — Москва : ИМЛИ, 2023. — С. 120—136.

10. *Линь Юйтан*. Моя страна и мой народ / Линь Юйтан. — Москва : Восточная литература, 2003. — 335 с. — ISBN 978-5-02-036447-9.

11. *Лу Синь*. Кризис эссе [Электронный ресурс] / Лу Синь // «Поток». — 1928. — 1 цзюань. — № 5. — Режим доступа : <https://www.baidu.com/> (дата обращения 21.10.2024) (鲁迅: 《小品文的危机》鲁迅: 《奔流》1928年第1卷第5期).

12. *Лу Синь*. Повести и рассказы / Лу Синь. — Москва : Художественная литература, 1971. — 516 с.

13. *Лу Синь*. Избранное. Перевод с китайского / Лу Синь. — Москва : Художественная литература, 1989. — 512 с.

14. *Лу Синь*. «Сборник трех свободных. Я и основание «Юй сы» / Лу Синь // Полное собрание сочинений. — Пекин : Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ. 1981. — Т. 4. — С. 128—136 (鲁迅: 《三闲集·我和〈语丝〉的始终》, 《鲁迅全集》第4卷, 一北京人民文学出版社1959年版—128-136).

15. *Лу Синь*. Шелковый зонтик. Внезапно пришло в голову / Лу Синь // Полное собрание сочинений. — Пекин : Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ. 1959. — Т. 3. — С. 10—12 (鲁迅: 《华盖集·忽然想到(二)》, 《鲁迅全集》第3卷, 北京人民文学出版社1981年版—10-12页).

16. *Ручнина А. В.* Поэтика притчи в творчестве Лу Синя (на материале сборника «Дикие травы») / А. В. Ручнина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2015 — № 9. — Ч. 1. — С. 157—160.

17. *Позднеева Л. Д.* Лу Синь. Жизнь и творчество (1881—1936) / Л. Д. Позднеева. — Москва : Издательство Московского университета, 1959. — С. 579.

18. *Ся Янь*. О принципах общества «Юй сы» : структура единомышленников и жанровое смещение (1924—1927) [Электронный ресурс] / Ся Янь // Научный журнал современной литературы. — 2021. — № 10. — Режим доступа : <https://www.chinawriter.com.cn/> (дата обращения 21.10.2024) (夏寅. 想象《语丝》的方式: 同人结构与文体偏移(1924—1927. 现代文学学报. — 2021. — № 10).

19. *Чжоу Цзожэнь*. Прекрасные эссе / Чжоу Цзожэнь // Чэньбао. — 2021. — С. 7 / (周作人《美文》. «晨报» — 1921年6月8日第7版).

20. *Чжоу Цзожэнь*. «Юй сы». От редакции / Чжоу Цзожэнь // Юй сы. — 1924. — № 1 (周作人《〈语丝〉发刊辞》(《语丝》1924年11月17日第1期)).

21. *Цыбина Е. А.* Литература периода «движения 4 мая» / Е. А. Цыбина // Литература Востока в новейшее время (1917—1945). — Москва : Изд-во московского университета, 1977. — С. 393.

22. *Юй Дафу*. Предисловие. Новая китайская литература в 10 томах. — Шанхай : Шанхай лянью иньшуа гунсы, 1935. — Ч. 2. — С. 2—5 (郁达夫: 《中国新文学大系·散文二集导言》. —上海: 上海良友图书印刷公司1935年版—2-5页).

23. Hsia C. T. *A History of Modern Chinese Fiction, 1917—1957* / C. T. Hsia. — New Haven : Yall-University Press, 1961. — 726 p.

Статья поступила в редакцию 06.11.2024,
одобрена после рецензирования 22.03.2025,
подготовлена к публикации 12.04.2025.

References

- Ajimamudova, V. S. (1971). *Yu Dafu and the literary society "Creativity"*. Moscow: Nauka Publ. 166 p. (In Russ.).
- Averintsev, S. S., Andreev, M. L., Gasparov, M. L., Grinzer, P. A. (1994). Categories of poetics in the change of literary epochs. In: *Historical poetics. Literary epochs and types of artistic consciousness*. Moscow: Heritage. 34—35. (In Russ.).
- Bing Xin. (1994). Return to the South. In: *Complete works in 8 volumes*, 2. Fuzhou: Izd-vo Haixia Wenyi chubanshe. 472—502. (In Chin.).
- Bing Xin. (1994). Stars. In: *Complete works in 8 volumes*, 1. Fuzhou: Izd-vo Haixia Wenyi chubanshe. 261—314. (In Chin.).
- Guo Wenxiang. (1987). Comparative analysis of Zhou Zuoren's essay and short English prose. "*Liliang jiaoyun xueyuan xuebao*", 4: 43—44. (In Chin.).
- Hsia, C. T. (1961). *A History of Modern Chinese Fiction, 1917—1957*. New Haven: Yall-University Press. 726 p.
- Kudelin, A. B. (2023). Translation in the interaction of the West and the East. In: *Translation, interpretation, and commentary in the literatures of the East and West*. Moscow: IMLI. 120—136. (In Russ.).
- Lin Yutang. (2003). *My country and my people*. Moscow: Oriental Literature. 335 p. ISBN 978-5-02-036447-9. (In Russ.).
- Lu Xin. (1928). The essay crisis. "*Stream*". 1 juan, 5. Available at: <https://www.baidu.com/> (accessed 21.10.2024) (In Chin.).
- Lu Xin. (1971). *Novels and short stories*. Moscow: Fiction. 516 p. (In Russ.).
- Lu Xin. (1981). "Collection of three free. I and the foundation of "Yu Si". In: *Complete works*, 4. Beijing: People's wansui chubanshe. 128—136. (In Chin.).
- Lu Xin. (1989). *Favourites. Translated from Chinese by Lu Xin*. Moscow: Fiction. 512 p. (In Russ.).
- Lu Xun. (1959). Silk umbrella. It suddenly occurred to me. In: *Complete works*, 3. Beijing: people's wansui chubanshe. 10—12. (In Chin.).
- Pozdneeva, L. D. (1959). *Lu Xin. Life and work (1881—1936)*. Moscow: Moscow University Press. P. 579. (In Russ.).
- Ruchnina, A. V. (2015). The poetics of parable in the works of Lu Xin (based on the collection "Wild Herbs"). *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 9 (1): 157—160. (In Russ.).
- Tsybina, E. A. (1977). Literature of the period of the "May 4 movement". In: *Literature of the East in modern times (1917—1945)*. Moscow: Publishing House of Moscow University. P. 393. (In Russ.).
- Wang Lijun. (2020). Zhejiang Culture and essays by Yu Xi Writers. "*Scientific Notes of the Zhejiang Institute of Humanities and Natural Sciences*", 40 (3): 1—10. (In Chin.).
- Wang Wending. (1987). The influence of English essays on modern plotless prose in China. "*Wenxue pinglun*", 4. Available at: <https://mp.weixin.qq.com/s/>

- biz=MzA5MDgxOTMwNw==&mid=2654185706&idx=1&sn=e0b3dd4a94f3e5f4
ceb130e753f66594&chksm=8bc2d76ebcb55e78e163baf908802778a91f0604a798c
73087fecef0487db059343571e47038&scene=27 (accessed 21.10.2024) (In Chin.).
- Wen Zhumei. (2020). *Transformations of Realism in New Literature*. Beijing: Peking University Press. 275 p. (In Chin.).
- Xia Yan. (2021). On the principles of the Yu Si Society: the structure of like-minded people and the genre shift (1924—1927). *Scientific Journal of Modern Literature*, 10. Available at: <https://www.chinawriter.com.cn/> (accessed 21.10.2024). (In Chin.).
- Yu Dafu. (1935). *The preface. New Chinese Literature in 10 volumes*, 2. Shanghai: Shanghai lianyu of Insua gunsy. 2—5. (In Chin.).
- Zhou Zuoren. (1924). “Yu si.” Editorial. “*Yu Sy*”, 1. (In Chin.).
- Zhou Zuoren. (2021). Excellent essays. “*Chengbao*”. P. 7. (In Chin.).

*The article was submitted 06.11.2024;
approved after reviewing 22.03.2025;
accepted for publication 12.04.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(3), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Каплун М. В. Звери рече : конструирование маргинального нарратива в «Стефаните и Ихнилате» (в редакции XV века) / М. В. Каплун // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 3. — С. 196—211. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-196-211.

Kaplun, M. V. (2025). Beasts of Speech: Constructing Marginal Narrative in the 15th-Century Edition of “Stefanit and Ichnilat”. *Nauchnyi dialog*, 14 (3): 196-211. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-196-211. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Звери рече: конструирование маргинального нарратива в «Стефаните и Ихнилате» (в редакции XV века)

Каплун Марианна Викторовна

orcid.org/0000-0003-2427-2855

ResearcherID J-5635-2018

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
midnight.2022@mail.ru

Институт мировой литературы
им. А. М. Горького
Российской академии наук
(Москва, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
за счет гранта
Российского научного фонда
(проект № 25-28-00091,
<https://rscf.ru/project/25-28-00091/>)
в ИМЛИ РАН

Beasts of Speech: Constructing Marginal Narrative in the 15th-Century Edition of “Stefanit and Ichnilat”

Marianna V. Kaplun

orcid.org/0000-0003-2427-2855

ResearcherID J-5635-2018

PhD in Philology,
senior researcher
midnight.2022@mail.ru

A. M. Gorky Institute
of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Acknowledgments:

This study was supported by a grant
from the Russian Science Foundation
(Project № 25-28-00091,
<https://rscf.ru/project/25-28-00091/>)
at the A. M. Gorky Institute
of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
(IWL RAS)

© Каплун М. В., 2025

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена принципам конструирования маргинального нарратива в переводном древнерусском памятнике редакции XV века «Стефанит и Ихнилат». Новизна исследования базируется на впервые поставленном вопросе о возможности выявления маргинальных практик повествования в древнерусских текстах указанного периода. Выявлено, что маргинальность нарратива в восприятии древнерусского читателя обеспечивается особенностями повествовательной структуры памятника. Сообщается, что использование авторами славянской версии оригинальной формы произведения приводит к конструированию сюжетной занимательности как череды опоясывающих сюжетов. Показано, что в древнерусском произведении на восточную тематику использование диалогов в качестве основного сюжетного приема начинает функционировать как необходимый базис для создания отдельного нарративного пласта. Подчеркивается, что подобный эффект в памятнике достигается формой рассказа в рассказе от лица неантропоморфных повествователей, одновременно персонажей и сказителей. Доказано, что «неестественность» повествования вскрывается за счет дополнительного подтекста произведения. Автор приходит к выводу о том, что подчеркнутое равноправие героев-зверей и автора, двоякость образов, эффект двоемирия, изобретательная работа переписчика с текстом дают возможность рассматривать памятник в контексте поэтики литературы рефлексивного традиционализма.

Ключевые слова:

древнерусская переводная повесть; неантропоморфный рассказчик; рассказ животного; маргинальный нарратив; литература рефлексивного традиционализма.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the principles of constructing marginal narratives within the translated Old Russian text “Stefanit and Ichnilat,” specifically its 15th-century edition. The novelty of this study lies in its pioneering inquiry into the potential for identifying marginal narrative practices in Old Russian texts from this period. It is revealed that the marginality of the narrative, as perceived by the Old Russian reader, is facilitated by the distinctive narrative structure of the text. The authors’ use of the Slavic version of the original work results in the creation of a plot that is engaging through a series of interwoven stories. The study demonstrates that in this Old Russian work with Eastern themes, the use of dialogue as a primary narrative device begins to function as a necessary foundation for constructing a separate narrative layer. It is emphasized that this effect is achieved through a story-within-a-story format narrated by non-anthropomorphic narrators who are simultaneously characters and storytellers. The analysis reveals that the “unnaturalness” of the narrative is uncovered through the additional subtext of the work. The author concludes that the pronounced equality between beast-heroes and the narrator, the duality of images, the effect of dual worlds, and the inventive work of the scribe with the text allow for viewing this monument within the context of the poetics of reflective traditionalism.

Key words:

Old Russian translated tale; non-anthropomorphic narrator; animal tale; marginal narrative; literature of reflective traditionalism.

УДК 821.161.1'04

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-196-211

Научная специальность ВАК

5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

Звери рече: конструирование маргинального нарратива в «Стефаните и Ихнилате» (в редакции XV века)

© Каплун М. В., 2025

1. Введение = Introduction

Вопрос о маргинальном повествовании в древнерусской литературе до сих пор практически не ставился исследователями-медиевистами. Отметим, что термин *маргинальный* используется в статье в значении 'неестественный' по отношению к своего рода «неестественному» для литературы Древней Руси типу повествования. Речь идет именно о «маргинальности» нарратива, а не о «девиантности» тем, образов, сюжетов, хорошо представленных в работах О. А. Туфановой о «девиантных» текстах в историческом повествовании Древней Руси, в которых речь идет о фрагментах, представляющих собой сюжетное или бессюжетное повествование, имеющее устойчивый набор композиционных элементов и отличающееся специфической системой определенных элементов топики (поступки или действия человека (группы людей), которые воспринимаются и оцениваются как противоречащие общепринятым нормам), не связанных с маргинальной нарративной [Туфанова, 2024, с. 265—302]. Древнерусская книжность ввиду своей обособленности и не всегда ярко выраженного авторского начала является не вполне очевидным источником экспериментов с повествовательной структурой (особенно что касается текстов до XVII века). Древнерусская литература, как и византийская, в основе своей традиционалистская [Аверинцев, 1996, с. 103]. Жанровая система, а вслед за ней и нарративная специфика литературы Древней Руси имели определенную структуру и стилевые особенности, где автор (часто переписчик), обладая светским или церковным авторитетом, стремился создать четко организованный текст в рамках церковного канона, предназначенный для читателя средневекового мировоззрения [Лихачев, 1971, с. 17]. Более свободным подходом к повествовательной основе отличались древнерусские переводные тексты, часть которых может вполне быть отнесена к литературе рефлексивного традиционализма в русле риторической, нормативной поэтики (термин С. С. Аверинцева) [Аверинцев, 1996, с. 108]. В этом кон-

тексте особый интерес представляют памятники, повествование в которых ведется от лица неантропоморфного рассказчика. Диалоги от лица зверей встречаются, например, в русских баснях или повестях («Сказание о Куре и Лисице», «Повесть о Ерше Ершовиче» и т. д.) и, как правило, имеют сатирический, поучительный характер [Древнерусская литература ..., 1995, с. 120]. Басня как жанр с особыми признаками стал формироваться на Руси во времена Смуты, начиная с 1607 года, трудами переводчика Посольского приказа Федора Гозвинского [Басня ..., 1996]. Проблема в том, что в подобных текстах нарративная (басенная) структура предусматривает определенный аллегорический тип подачи истории, не предполагает «неестественность рассказывания» и не может рассматриваться в русле чисто маргинального типа повествования.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель работы — анализ конструирования маргинального нарратива в древнерусской литературе XV века.

Предмет исследования — переводное произведение на восточную тематику с рамочной композицией «Стефанит и Ихниллат».

Методология исследования подразумевает использование метода исторической поэтики, компаративный метод, структурно-семиотический, а также подходы и концепции классической нарратологии и текстологического анализа.

Для древнерусского читателя ближе к маргинальному нарративу стоит греко-славянская версия (переработка) восточного памятника «Списание Сифа Антиоха, — друзии же мнѣша, яко Иоана Дамаскина, зѣло пѣснотворца, — еже о звѣрех, нарицаемых Стефанита, Ихниллата» (сокращенно «Стефанит и Ихниллат» или «Книжица малая Ихниллат»). «Стефанит и Ихниллат» восходит к индийскому эпосу «Панчатантра» (Пятикнижье, Пять назиданий) IV века н. э. и персидско-арабскому варианту под названием «Калила и Димна», см. подробнее историю памятника: [Булгаков, 1877; Пруцков, т. 1, 1980; Стефанит и Ихналлат ..., 2003; Смирнов, с. 7; Стефанит и Ихналлат, 1969; Истоки русской беллетристики ..., 1970, с. 332—333 и т. д.]. До русского читателя текст памятника дошел в рукописях (списках) XV—XVII веков, среди которых исследователи выделяют три основных: Синодальный, Троицкий и Толстовский [Стефанит и Ихниллат ..., 1969, с. 7—45, с. 46—62, с. 63—102]. По своей структуре «Стефанит и Ихниллат» имеет «рамочную» или «обрамляющую» композицию, так называемую «рамку» в «рамке», когда основное повествование (разговор царя и философа) продолжается рассказами зверей — двух шакалов по имени Стефанит и Ихниллат), в истории которых включаются вставные притчи, басни-

новеллы с обязательным возвращением к сюжету о царе и философе и т. д. (всего около десяти блоков). Считается, что такое композиционно сложное произведение, состоящее из вставных новелл, восходит к «Тысяче и одной ночи», см. структуру памятника: [Пруцков, т. 1, 1980; Истоки русской беллетристики ..., 1970, с. 331; Орлов, 1934, с. 65—69]. В отличие от арабско-греческой версии, где герои прямо называются шакалами, в древнерусской редакции Стефанит и Ихниллат именуются «звѣря два: единѣ убо Стефанитѣ нарицаемый, другий же Ихниллат», поскольку в славянских языках слова *шакал* (греч. *Θαύς*) еще не существовало [Стефанит и Ихниллат ..., 2003]. «Стефанит и Ихниллат» интересен тем, что представлял собой первый оригинальный памятник русской беллетристики наравне с сербской «Александрией» и содержал редкие черты даже для античной и западной средневековой беллетристики: действующие лица — звери, служащие царям, воюющие и взаимодействующие между собой [Истоки русской беллетристики ..., 1970, с. 324, с. 326].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Маргинальные герои-сказители

Первое отступление от «нормы» повествования в «Стефаните и Ихниллате» происходит в переходе от притчи, рассказываемой философом царю о купце и его сыновьях, к упоминанию быка (теляца): «И пръвѣый убо их на куплю посланъ бысть, имяше же съ собою кола, двоими телци влекома. И приключися на пути в тинѣ единому от телець углубнути. На него же устремися купецъ вкупѣ съ своими, възведоша и от кала, и нужи ради, яже подъят влеком, и изнемог и оставленъ бысть, ниякоже <...> могий ходити. И недоумѣниемъ одержим бывъ, и тихо походивъ семо и овамо, поле обрѣте травоносно и водно, в немже *пребысть* питаяся. Немного *еже посредѣ* и зѣло отолстѣ и отучнѣ Телець и нача ргѣма зѣмля рыти и велми рыкати <...>» [Стефанит и Ихниллат ..., 2003]. Далее появляется лев, испугавшийся рева быка: «Пребываше же близ оногѣ мѣста царь нѣкий Левъ. Бяху же у него животнии различнии родове: лвовѣ же и медвѣди, волци же и лисици, и инии друзи. Левъ же бѣ возносливъ и грѣдь и скуденъ мудростию. Слышав телчѣе рыкание и убояся зѣло; и не хотяще боязни свое явити сущим под нимъ, сего ради стояше на едином мѣсте, не проходя <...>» [Там же]. Сюжетная арка отрывка замыкается на появившихся «мудроумных» Стефаните и Ихниллате и на последовавшем сюжете о горделивом льве, честном быке и завистливом Ихниллате. Приведенные описания из жизни зверей пока сложно назвать «маргинальными» с точки зрения повествовательной структуры. Но, казалось бы, незначительное на первый взгляд упоминание быка уводит читателя от сюжета о царе и философе, и на пер-

вый план выдвигаются звери не только как персонажи очередной притчи, но и как неантропоморфные рассказчики «ветвистых» историй памятника. Два шакала становятся не просто действующими лицами истории, но и повествователями наравне с автором.

Обратим внимание, что прежде, чем перейти непосредственно к рассказу о возвышении и падении Ихнилата, автор знакомит нас с героями истории. Из уст Ихнилата читатель узнает о его идеале, «высокоумном муже», способном достигнуть величия хитростью и коварством: «Высокоумный же муж не до нижних стоит и худых, но горняя ищет и достойнаа им гонит <...> Аще бо великоумный мужъ и благоподателный не на длъго житие проводить, но длъгоживотенъ вмѣняется, а иже житейскою тѣснотою живяй, не моги ни себе, ни иныа плъзовати, маложивотенъ есть сый и страстенъ, поне аще и въ глубоку достигнетъ старость» [Там же]; «И великоумный муж присно творить достоиние своему въсхожению, скудоумный же присно сходить. Тяготно бо есть, еже от нижних горѣ въскацати, удобно же от горних сходити, едва же въсходить. <...> Подобает убо и нам горняя искати, елико по силѣ, и не точию о своем степени стояти, но и на другии преходити» [Там же]. Ихнилат видит свое возвышение в мятущемся льве, царе зверей: «Хощу бо Лвова сумнѣнна присвоение обрѣсти, еже к нему бесѣдованием. Зрю бо его ужасна и всюду недоумѣющася вкупѣ съ своими воины и мно, яко получу достоиние нѣкое от него» [Там же]. Стефанит же считает, что у каждого человека есть свой предел и довольствоваться следует тем, что есть: «Разумѣхъ, яже глаголеши, но разсмотриай, яко всякъ жало имать. И егда есть кто в равночестных честенъ, достоинт ему доволну быти о своем степени. Таци бо есмы и мы <...> и тѣм же лобзаим наше число» [Там же]. Ихнилат планирует войти в ближний круг льва и таким образом возвыситься, считая, что «двѣ бо мѣсте отлучишася великоумному мужу: царстии двори и еже в пустыни от пустынный пребывание» [Там же]. Рассказ Ихнилата, который, по сути, является основным сказителем, тяготеет к более развернутым формам повествования, оставаясь в рамках обозначенного сюжета [Истоки русской беллетристики ..., 1970, с. 336]. Перед читателем формируются два героя-сказителя, один — умный и хитрый, другой — осторожный и опасливый.

Не вполне традиционно и описание героев-зверей повести. Например, лев предстает не лютым и мудрым царем зверей, как было принято в древнерусском бестиарии (см. [Лихачева, 1993, с. 129—137]), а горделивым, доверчивым и недальновидным властителем, легко поддающимся чужому влиянию (будь то бык, шакал или мать льва): «Левъ же бѣ возносливъ и грѣдь и скуденъ мудростию» [Стефанит и Ихнилат ..., 2003]. Несмотря на «животный» нарратив, автор не дает забыть читателю, что речь идет

не о зверином царстве, а о людском, называя подчиненных льва людьми: «Подобасть убо властелину не точию добродородныа и явленыа почитати, но достойно и словесныа мужа, и не точию о своих людех доволну быти, но и издалеча призывати» [Там же]; «Левъ весь его есть, о прочих не радить. *Шестьми бо* вещми царь небрегом есть и ниизлагается: еже не искати полезнаа времени, но лютостью умякчаться; а идѣже подобает кротѣти, ту сверѣпети; и еже не имѣти разумныа и вѣрныа своа совѣтники; и еже страшити и крамолити своа люди; и еже побѣжену быти в безсловесных похотех; и побѣжену быти яростью, — к сим же разсматряти временнаа приложения» [Там же]. Следуя традиции Панчатантры, герои-звери одушевлены: «Ихнилать же лукавень бяше нѣкако душею и много разумѣ вѣщем достизание» [Там же]. Стефанит говорит о важности душевной красоты: «Украшает словеса разумом, а разум правдою, подавание — тихость, благозрание образа — душевнаа красота» [Там же]. Душа для героев произведения осязаема, имеет почти материальную ценность. Бык готов отдать душу за своего царя: «И аще бых имѣл тмами душъ, не бых пощаждѣл их царева ради угожения». Ихнилат считает, что у души нет цены: «Не вѣси ли, о безумне, яко нѣсть ничтоже в живых честнѣйше, паче душа их?» [Там же]. В одной из притч мышонок возненавидел золото как причину бедствий алчной души: «Возненавидѣх толико злато, яко ни в памяти ми имѣти его, ниже слышети о златѣ, и разумѣх, яко вѣм злым винам лакомаа съвѣсть есть и начал» [Там же]. А. М. Ремизов писал: «Каждая редакция повести представляет себе Ихнелата по-своему <...> Ихнелат очеловечивается, а я его представляю человеком среди “шакалов”, что куда ближе к древнейшему замыслу Панчатантры» [Ремизов, т. 6, 2001, с. 293].

3.2. Маргинальность повествовательной структуры

Вставные притчи от лица шакалов то представляют собой аллегорические сказания из жизни животных, то сменяются рассказами о мире людском. Например, размышления Ихнелата о быстром возвышении неожиданно подкрепляются не басней, а историей юноши у царских ворот: «Ихнилат же: Разумѣх, елика глаголеши, и истинна суть. Но знай дружины наша, яко не бяху прежде таковыи, но взидоша от нижних. Хошу убо и азъ таковым начати. <...> Глаголет бо ся, яко отрок нѣкий, присѣдя царскимъ вратом, грѣдость отложив и ярость умякчив, и досаждение трѣпя, и вѣм покоряся, скорѣе убо къ цареви присвоиться» [Стефанит и Ихнилат ..., 2003]. Когда Стефанит убеждает Ихнелата в несправедности действий друга, то сначала прибегает к аллегории на сюжет о двух обезьянах и золотом кладе («Глаголетъ бо ся, яко нѣции пифици в нѣкоей горѣ пребываху в зимно время престуденно и обрѣтоша ту сокровище злата, яко отшед оттуду, сокрыша в земли и совѣщаша совѣт» [Там же]), а затем рассказывает притчку

о купце, ростовщике и его сыне: «Глаголетъ бо ся, яко купецъ нѣкий, хотя поити на купю, положи полог у нѣкоего желѣзо за 100 сребреникъ. И егда възратиться от купия, приде к тому, у него же бяше полог, и рече ему: “Дай же ми желѣзо, еже положих у тебе”. Он же рече: “В нѣкоем кутѣ дома моего погребох твое желѣзо и извѣдоша е мышки. И не жали си о том, понеже к намъ здравъ пришелъ еси. Но приди к нам днесъ, да обѣдѣемъ и порадуемся о твоёмъ прибытѣи и доходе”. Он же, послушавъ его, обѣдова у него. И по обѣде, изыде поити в дом свой, и стрѣте сына челоуѣка того, емуже бяше предал желѣзо. И ят его, отведе в домъ свой и скрывъ его в куши. И възратися, обрѣте челоуѣка оного въпрашающа всѣхъ о сынѣ своем, и рече к нему: “Аще сына своего ищещи, видѣхъ его на въздузѣ носима от орла”. Он же възгласив и рече: “Видѣсте ли орла челоуѣкы носяща по высотѣ?” Он же рече: “Ей! Идѣже мышевѣ желѣзо ядят, ту и орли челоуѣкы въсхыщаютъ на высоту”. Он же позна уме не бывшее, възврати желѣзо, елико бяше приялъ, а сына своего взятъ» [Там же]. На суде Ихнилатъ аргументируетъ отказ отъ «лжесвидѣтельства» рассказомъ о сокольномъ и женѣ господина: «Но неповиненъ есмь от сего прегрешения и не подобаетъ ми причастнику быти с вами о пролитии моегоа крови. Аще бо иже нѣкое солжетъ, мерзокъ и безуменъ является. Колми паче, иже себе лжетъ? Кою ми приобретае похвалу? Блудѣте убо, да не потомъ раскаетесь, егда ничтоже возможете успѣти. И блудѣтесе, да не постражете, якоже и лжесвидѣтели. Глаголетъ бо ся, яко нѣкий крагуаръ вжелѣ жену господина на своего, яко леши с нею» [Там же]. Когда повествование от звериного нарратива возвращается к диалогу царя и философа, «чередующаяся» структура не меняется: сначала философъ по просьбѣ царя излагаетъ очередную аллегорію о зверяхъ на заданную владыкой тему, а затемъ переходит к «людской» притчѣ. Сказаніе о черепахе и обезьянѣ, повествующее о достигшемъ своего желанія и не способномъ его удержать («Глаголется, яко пифици нѣции царя имущѣ состарѣвшася и заматерѣвшиа лѣты многими. С того и старости ради ото власти его изгнаша. Он же, всякимъ недоумѣньемъ одерѣжимъ бывъ, к нѣкоей смоковницѣ при брезѣ морьстѣмъ приде, и пребываше у нея, и ядѣше от плода ея. Въ единъ же отъ дни, ядущу ему, паде изъ руку его едина смоква, иже приемши, дивная желва изыде» [Там же]), сменяется рассказомъ о томъ, кто хватается за какое-нибудь дѣло, не разобравшись въ немъ прежде, чѣмъ начнетъ, на примѣре мужа, жены, ихъ младенца и невинно убиенной змеи («Глаголется, яко мужъ нѣкий въкупѣ съ своею женою наединѣ живѣше и въ нѣкой день рече к ней: “Благонадеженъ есми, о жено, яко мужской полъ отрочъ родится намъ, иже со усьрдіемъ поработаетъ намъ. Смотри, како имя наречемъ ему”. Она же рече: “Престани, мужъ, блядити. Подобенъ еси оному мужу, пролившему медъ и масло” <...> Таже роди отроча жена его, и по нѣкихъ днѣхъ

рече жена к мужу своему: “Приди, сѣди здѣ у отрока”. И той отшедши, призван бысть от властелина мужъ ея, и оста дѣтищь единый. И приключися абие присмакаться змии на дѣтища. И видѣвши его невѣстка, въскочивши, зубы всече его. Дошедши муж и видѣв невѣстка окровавленна змииноу кровию, и мняше, яко отрока его снѣла есть. И не потрѣпѣвъ, дондеже видит отрока, по главѣ сию немилостивно ударивъ, уби. Вшедше же, отрока цѣла обрѣте и змиа здробленна зѣло и раскаявся, плакася горко. И тако убо тѣшася на многиа вещи без разсуждения согрѣшаютъ» [Там же]). Подобные переходы могли создавать у древнерусского читателя определенный диссонанс восприятия текста, в котором мир существует как бы в двух плоскостях: земной (людской) и над(около)земной (животный).

Переход от рассказа к рассказу в памятнике осуществляется путем диалоговой формы («Стефанит / Ихниллат же рече») с последующим обращением к обезличенной формуле «рассказывают» («глаголетъ бо ся», «глаголется, яко»). Например, сюжетная арка об Ихнилате, успокаивающем льва, «убоявшегося» рева быка, переходит к притче о лисице и барабане («Глаголетъ бо ся, яко лисица нѣкаа, алчющи и пища ищущи, и приключися ей вещь нѣкаа обрѣсти — тимпан, зовомый *бубень*, на древѣ висящъ и вътрѣм колѣблем, глас испущати» [Там же]). Рассказ о замысле Ихнилата продолжается притчей о вороне и змее («Глаголетъ бо ся, яко врань нѣкий въгнѣждашеся в нѣкоем древѣ в горѣ и от нѣкогого змиа на всяко время обидим бываше и птенца его снѣдаше» [Там же]). Козни Ихнилата против фаворита льва быка подкрепляются его же рассказом о глупом льве и хитром зайце («Истинну реклѣ еси, яко таковъ есть. Но имамъ его ниизложити по искушению. Дрѣзая бо и вѣруу многимъ вещемъ еже быша въ многихъ. Ибо заецъ лва ниизложилъ есть» [Там же]). Учитывая басенный, а, следовательно, дидактический характер «Стефанита и Ихнилата», необычным можно назвать двусмысленную природу истолкования представленных рассказов. В древнерусской литературной традиции притча или аполог всегда завершалась четкой и ясной моралью — победой добра над злом, в то время как образы героев и сами притчи «Стефанита и Ихнилата» не так однозначны (конфликт между хищным «кровоядцем», простаком — «травоядцем» и хитрым зверем в памятнике часто заканчивается победой не справедливости, а хитрости или силы) [Стефанит и Ихниллат ..., 1987].

Маргинальный нарратив «Стефанита и Ихнилата» формируется и за счет возможности дуалистического толкования добра и зла героями-повествователями. Ихниллат, стравивший льва и быка (двух друзей) с целью самому стать фаворитом льва, оправдывая себя, открыто говорит о добре и зле как двух равных мерах: «Вижь, яко всякъ, тѣшайся на благое, готовъ есть да зло постражетъ» [Стефанит и Ихниллат ..., 2003]. Стефанит, одновременно

переживая за друга и боясь наказания за преступление Ихнилата, выпивает яд. Ихнилат сначала оплакивает друга, проклиная жизнь, но на суде ведет себя, как ни в чем не бывало, отказываясь «наговаривать» на себя: «Аще бо иже нѣкое солжет, мерзок и безумень является. Колми паче, иже себе лжет? Кою ми приобретае похвалу? Блюдѣте убо, да не потом раскаетесь, егда ничтоже возможете успѣти. И блюдѣтесе, да не постражете, якоже и лжесвидѣтели» [Там же]. Мать льва, пытаясь восстановить справедливость и доброе имя сына, сначала строит козни против Ихнилата и в итоге уговаривает сына-льва казнить шакала, апеллируя к дальнейшим проявлениям безнаказанного зла в царстве. Герои-рассказчики не просто передают притчи друг другу с незатейливой моралью, но намеренно формируют нужное отношение и настроение (принятие или отторжение) у древнерусского читателя, оставаясь при этом персонажами заданной истории.

3.3. Автор и прочие маргиналии

Но для утверждения преобладания в памятнике маргинального типа повествования важен вопрос об авторском начале в повести. В заглавии памятника присутствует имя Иоанна Дамаскина, но об авторстве здесь говорить не совсем верно, поскольку древнеславянская письменная традиция иногда приписывала известным писателям (таким как Иоанн Златоуст или Иоанн Дамаскин) произведения, авторство которых было либо анонимно, либо недостаточно авторитетно. Наиболее вероятным автором памятника, установленным в заглавии Синодального списка, считается протопреставитель (придворный чин церемониймейстера) антиохийского дворца Сиф Антиох [Стефанит и Ихнилат ..., 2003]. Авторский «голос» в списке памятника из Синодального собрания появляется только в конце произведения. Автор-переписчик заканчивает повесть греческим молитвословием, сетуя, что неким писателем (оригинальным автором, а не переписчиком) произведение не дописано: «Нѣкоторымъ списателемъ мудраа сия притча не дописана. И уже время, възлюбленне, и мѣ сладкую отеческихъ сократити бесѣду. Богъ человеколюбивый да покрыте насъ своею благодатию, молитвами святыхъ своихъ, яко благословенъ еси во вѣки, аминь. А писана сия притча послѣдняго сего ста седмыя тысяща 87 г., октоврия. Триас и агиа, докса си! 3 греческихъ книгъ на русскій языкъ переведено» [Там же]. Куда интереснее оказывается финал «Стефанита и Ихнилата» из собрания А. Гранкова. Список дошел в скорописной манере и формально относится к началу XVII века, но в конце приводится дата 6990, то есть 1482 год (интересующий нас конец XV века): «Некоторымъ списателемъ мудрая сия притча не дописана, но уже время, възлюбленне, и мне сладкую отчскихъ словесъ сократити бесѣду. Богъ человеколюбивый да покрываетъ насъ своею благодатию молитвами всехъ святыхъ, аминь. А писахъ послѣднаго ста 6 тысяща

девятого лета, марта, со слов. Поеже седми дньми совершил мир, и поеж семьтысушными леты будет кончина, понеже свойственно квасу (?). В начале бог сы слово во отцы с духом — се есть глава, ноги же яко и бог сый паки приидет судия, конец совершая, еже по нас совершения, на конец бо всего тела суть ноги и убо главы ради сказовати се еже бяше, ногъ же ради — еже будет, а внутренних же ради — еже есть; присно о нем же Иванны непщюю реши: “Сый еже бяше, и гряды п начало и среда и конец”. Се писах аз последний во иноцех грешный Евсевие, родом сербин, от племенъ по отцу Николина по матери же Растисала и отцу имя Борша, а матери Елена, внук юнака севастократора. Во юностех же бех слуга царя турского Ильдрам Баазита, бежав же от царя того в Святую гору, постригохся. Аще хощещи уведать имя писавшаго се, и то напишю ти: пятьдесят равными шестерицами, осморечным да исполни, единощи четьредесатное, седмицею совершеною десятириц почти, к сим же девятое число с пятым присовокуп, четверосу<гу>бными конец приемлет» [Гранков, 1966, с. 199—200]. Любопытно, что в приведенном списке указаны два автора, один открыто (инок Евсевий со всей родословной), а имя второго автора зашифровано тайнописью (цифрами 50, 6, 40, 7, 10, 9, 5, 4). Упоминание пятидесятницы, сорокоуста, седмицы отсылают читателя к монашескому происхождению соавтора. В данном случае употребление тайнописи можно считать проявлением смирения, ради которого пишущий, хотя и желает оставить память о себе, но находит нескромным называть себя открыто. Подобный вариант криптографии — достаточно частый вид тайнописи в юго-славянских и русских памятниках письма [Сперанский, 2011, с. 3]. В конце произведения автор-книжник продолжает своеобразную «игру» с читателем, предлагая ему самому отгадать, кем переписан памятник, и кто является основным повествователем.

Стоит отметить, что Синодальный список «Стефанита и Ихнилата» содержит интерполяции (маргиналии), убранные в последующих редакциях. Отметим, что в данном случае маргиналия — это текст, расположенный вне строк основного текста, один из видов порчи текста, вставка более позднего происхождения в каком-либо тексте или документе, которая никогда не существовала в оригинальном тексте и не принадлежит автору текста [Кудрявцев, 2005, с. 60—63]. Текстологический анализ славянской версии памятника говорит о том, что оригинальный текст подвергался редактуре не единожды. В разных списках были вырезаны главы, не относящиеся к основной фабуле «Стефанита и Ихнилата» для придания истории сюжетной последовательности (переписывание истории двух шакалов на Руси продолжалось вплоть до XVII века) [Стефанит и Ихнилат ..., 2003; Пыпин, 1958, с. 160—168]. Вынесенные на поля интерполяции (Иного / Сущее)

свидетельствуют о попытке создать дополнительный подтекст произведения, хотя и не без оговорок. Исследователями неоднократно отмечалось, что интерполяции не влияли на основной текст, более того, иногда входили с ним в явное противоречие (притча была об одном, а заметка на полях совершенно о другом и с другой моралью) [Стефанит и Ихниллат ..., 2003]. Некоторые пометы содержали прямое обращение к читателю: «Зри, о иномче, и бегай таковыя пища»; «Зри, как сильный многаши убоиться несилаго» и т. д. [Стефанит и Ихниллат ..., 1969, с. 8]. Однако подобное обращение могло означать намеренное создание эффекта присутствия автора в произведении с заведомо оригинальным (звериным) рассказчиком. Как указывал Д. С. Лихачев: «С точки зрения древнерусского автора, в мире существует вечная соотнесенность двух миров — божественного и земного. Земной, временный мир имеет вневременный, надмирный смысл. Смысл этот не абстрактный, не вносимый в него человеческой мыслью, а, с точки зрения средневекового писателя, как бы вполне конкретный, реально существующий» [Лихачев, 1971, с. 306]. Такой подход близок традиционалистской литературе, например, «чувство авторства в эйдетической поэтике развивалось именно на почве неавтономной причастности “я” Богу и миру» [Бройтман, т. 2, 2004, с. 127]. Можно говорить о зачатках изображения животного «антимира», ставшего характерным для древнерусской сатирической повести в XVII веке (например, «Повесть о Ерше Ершовиче») [Древнерусская литература ..., 1995, с. 117—121]. Шакалы-сказители не только герои собственной истории, но и представители чуждой в представлении средневекового человека фауны. В финале собственной сюжетной арки рассказчики погибают, о чем говорит автор («Стефанит же *прискрѣбенъ* бывъ и пристрашен и шед напои себе яда и издше», «Видѣ убо Левъ насилие матери своея, повелѣ, да убьют Ихниллата» [Стефанит и Ихниллат ..., 2003]), возвращая читателя к началу сюжета о царе и философе, то есть к традиционному нарративу.

4. Заключение = Conclusions

В древнерусской письменности XV века переводной памятник «Стефанит и Ихниллат» можно вполне назвать не только первым явлением «романа без героя» на Руси, но и начальной попыткой создания нарративно сложного текста [Пруцков, т. 1, 1980]. Это вполне объяснимо, если рассматривать произведение в контексте круга философско-нравоучительной книжности. Как указывает О. П. Лихачева, в отличие от первоисточника славяно-русская версия памятника относится не столько к басенному циклу, сколько к сборнику изречений [Лихачева, 1993, с. 136]. Но «изречения» в данном случае представляют собой сложный базис для создания маргинального типа по-

вестования (истории перебиваются другими историями, герои становятся рассказчиками). Литературные «излишества» «Стефанита и Ихнилата» явно были еще чужды русскому книжнику XV века, поскольку этот памятник обладал чертами литературы Нового времени [Стефанит и Ихнилат ..., 2003]. Авторы-переписчики старались, чтобы новое и оригинальное в повести не противопоставлялось традиции, а существовало внутри канона [Бройтман, т. 2, 2004, с. 127]. Но оригинальность нарративной формы восточного памятника оказалась необычной даже с поправкой на притчевый характер произведения, особенно в сравнении с существующим каноном жанра повести указанного периода. В нарративном отношении «Стефанит и Ихнилат» имеет все признаки жанра повести, который формировался на Руси с XI века под влиянием переводных произведений, преимущественно с греческого, и объединял повествовательные произведения разного характера (собственно повесть, житие, летописная повесть, сказание, «поведение», «слово»), см.: [Державина, 1968, стб. 817]. Подобный подход дает возможность отнести «Стефанита и Ихнилата» к произведениям рефлексивного традиционализма, зарождающегося на Руси. Маргинальность нарратива обеспечивается особенностями повествовательной структуры памятника, с одной стороны, поданной в виде диалогичной формы в русле основного сюжетного приема, а с другой, переходящей в отдельный нарративный пласт (рассказ в рассказе от лица неантропоморфных повествователей, одновременно персонажей и сказителей), в котором «неестественность» повествования достигается за счет обнаружения дополнительного подтекста (подчеркнутое равноправие героев и автора, двоякость образов, эффект двоемирия), изобретательной работой с текстом (использование авторами славянской версии оригинальной структуры произведения при конструировании сюжетной занимательности, как череды опоясывающих сюжетов), притчевой выразительностью, создающими у читателя XV века определенное настроение (принятие / отторжение) на интуитивном уровне.

На примере переводного памятника Древней Руси в редакции XV века можно проследить специфику конструирования повествования с маргинальными особенностями в литературных текстах, где «маргинальность» ввиду традиционалистской направленности не являлась «естественным» экспериментом. Исследования подобных, по-своему уникальных для древнерусской книжности произведений, написанных до XVII века, представляются достаточно любопытной перспективой для дальнейших научных исканий в области разнообразных нарративных практик русской литературы.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Басня* // Литература Древней Руси : Биобиблиографический словарь. — Москва : Просвещение : Учеб. лит., 1996. — 238, [1] с.
2. *Державина О. А.* Повесть древнерусская / О. А. Державина // Краткая литературная энциклопедия. — Москва : Советская энциклопедия, 1962—1978. — Т. 5 : Мура-ри — Припев. — 1968. — Стб. 817—820.
3. *Пруцков Н. И.* Литература середины XV — первой четверти XVI века. Повести [Электронный ресурс] / Н. И. Пруцков // История русской литературы. Древнерусская литература. — 1980. — Режим доступа : <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/pruckov-drevnerusskaya-literatura/povesti-6.htm> (дата обращения 02.01.2025).
4. *Ремизов А. М.* Повесть о двух зверях Ихнелат / А. М. Ремизов // Собрание сочинений. — Москва : Русская книга, 2001. — Т. 6. — С. 265—294. — ISBN 5-268-00495-6.
5. *Стефанит и Ихнилат* [Электронный ресурс] // Библиотека литературы Древней Руси. — Санкт-Петербург : Наука, 2003. — Т. 8. — Режим доступа : <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5130> (дата обращения 02.01.2025).
6. *Стефанит и Ихнилат* [Электронный ресурс] // Словарь книжников и книжности Древней Руси. — Ленинград (С.-Петербург) : Наука, 1987. — Выпуск 1—3. — Режим доступа : <https://azbyka.ru/otechnik/bibliog/slovar-knizhnikov-i-knizhnosti-drevnej-rusi/690#source> (дата обращения 02.01.2025).
7. *Стефанит и Ихнилат.* Средневековая книга басен по русским рукописям XV—XVII вв. / изд. подгот. О. П. Лихачева и Я. С. Лурье ; пер. греч. текста Е. Э. Гранстрем и В. С. Шандровской. — Ленинград : Наука, 1969. — 250 с.

Литература

1. *Аверинцев С. С.* Историческая подвижность категории жанра : опыт периодизации / С. С. Аверинцев // Риторика и истоки европейской литературной традиции. — Москва : Школа “Языки русской культуры”, 1996. — С. 101—115. — ISBN 5-88766-001-5.
2. *Бройтман С. Н.* Историческая поэтика / С. Н. Бройтман // Теория литературы : учебное пособие : в 2 т. — Москва : Академия, 2004. — Т. 2. — 368 с. — ISBN 5-7695-1591-0.
3. *Булгаков Ф. И.* О происхождении и литературной истории старинной повести русской “Стефанит и Ихнилат” / Ф. И. Булгаков ; сост. по поручению Лит. отд. “О-ва любителей древ. Письменности”. — Санкт-Петербург : Тип. В. С. Балашева, 1877. — [2], 33 с.
4. *Гранков А.* Неизвестная концовка «Повести о Стефаните и Ихнилате» / А. Гранков // Русская литература. — 1966. — № 1. — С. 199—200.
5. *Древнерусская литература: Изображение природы и человека* / [А. С. Демин, А. С. Елеонская, В. М. Кириллин и др. ; отв. ред. А. С. Демин] ; Рос. акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — Москва : Специализир. изд.-торговое предприятие “Наследие”, 1995. — 334, [1] с. ISBN 5-86562-014-2.
6. *Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе* / АН СССР, ИРЛИ; отв. ред. Я. С. Лурье. — Ленинград : Наука, 1970. — 597 с.
7. *Кудрявцев С. А.* Маргиналии в кириллической книжности XVI—XVII вв. / С. А. Кудрявцев // Уральский сборник. История. Культура. Религия. — 2005. — Выпуск 6. — С. 60—74.

8. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. — 2-е изд., доп. / Д. С. Лихачев. — Ленинград : Художественная литература, 1971. — 414 с.

9. Лихачева О. П. Лев — лютый зверь / О. П. Лихачева // Труды Отдела древнерусской литературы. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1993. — Т. XLVIII. — С. 129—137.

10. Орлов А. С. Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII—XVII веков / А. С. Орлов // Академия наук Союза Советских Социалистических Республик, Научно-популярная литература. — Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР, 1934. — 169, [1] с.

11. Пытин А. Н. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских / А. Н. Пытин // Ученые записки Второго отд. Академии наук. — 1858. — Книга 4. — С. 158.

12. Смирнов С. Стефанит и Ихнилат. Очерк из истории странствующих сказаний / С. Смирнов // [Древняя русская литература. Русская литература XVIII в.]. — [Б. м.] : [б. и.], [конец XIX — начало XX]. — 30 с.

13. Сперанский М. Н. Тайнопись в юго-славянских и русских памятниках письма / М. Н. Сперанский. — Москва : URSS, 2011. — 168 с. — ISBN 978-5-397-01902-6.

14. Туфанова О. А. «Девiantiный» текст в историческом повествовании Древней Руси : к постановке проблемы / О. А. Туфанова // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 23 / Ин-т мировой литературы РАН ; гл. ред. О. А. Туфанова. — Москва : ИМЛИ РАН, 2024. — С. 265—302.

Статья поступила в редакцию 05.02.2025,
одобрена после рецензирования 27.03.2025,
подготовлена к публикации 09.04.2025.

Material resources

Derzhavina, O. A. (1968). The Old Russian Story. In: *Short literary encyclopedia*, 5. Moscow: Soviet Encyclopedia. 817—820. (In Russ.).

Fable. (1996). *Literature of Ancient Russia: A bio-bibliographic dictionary*. Moscow: Prosveshchenie: Ucheb. lit. 238, [1] p. (In Russ.).

Likhachev, O. P., Lurie, Ya. S. (eds.). (1969). *Stephanite and Ichnylate. The medieval book of fables based on Russian manuscripts of the XV—XVII centuries*. Leningrad: Nauka Publ. 250 p. (In Russ.).

Prutskov, N. I. (1980). Literature of the middle of the XV — first quarter of the XVI century. *Novellas. History of Russian Literature. Ancient Russian literature*. Available at: <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/pruckov-drevnerusskaya-literatura/povesti-6.htm> (accessed 02.01.2025). (In Russ.).

Remizov, A. M. (2001). The Tale of the Two Beasts of Ichnelet. In: *Collected Works*, 6. Moscow: Russian Book. 265—294. ISBN 5-268-00495-6. (In Russ.).

Stefanit and Ichnilat. (1987). In: *Dictionary of scribes and bookishness of Ancient Russia*, 1—3. Leningrad (St. Petersburg): Nauka Publ. Available at: <https://azbyka.ru/otechnik/bibliog/slovar-knizhnikov-i-knizhnosti-drevnej-rusi/690#source> (accessed 02.01.2025). (In Russ.).

Stefanite and Ichnilate. (2003). In: *Library of literature of Ancient Russia*, 8. St. Petersburg: Nauka Publ. Available at: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5130> (accessed 02.01.2025). (In Russ.).

References

- Ancient Russian literature: The image of nature and man.* (1995). Moscow: Specialized publishing house-trading company "Heritage". 334, [1] p. ISBN 5-86562-014-2. (In Russ.).
- Averintsev, S. S. (1996). Historical mobility of the genre category: the experience of periodization. In: *Rhetoric and the origins of the European literary tradition*. Moscow: School of Languages of Russian Culture. 101—115. ISBN 5-88766-001-5. (In Russ.).
- Broitman, S. N. (2004). Historical poetics. In: *Theory of literature: a textbook: in 2 volumes*, 2. Moscow: Akademiya. 368 p. ISBN 5-7695-1591-0. (In Russ.).
- Bulgakov, F. I. (1877). *On the origin and literary history of the ancient Russian novel "Stephanite and Ichnilate"*. St. Petersburg: V. S. Balashev Publishing House. [2], 33 p. (In Russ.).
- Grankov, A. (1966). The unknown ending of "The Tale of Stefanita and Ichnilata". *Russian Literature*, 1: 199—200. (In Russ.).
- Kudryavtsev, S. A. (2005). Marginalia in Cyrillic literature of the XVI—XVII centuries. *Ural Collection. History. Culture. Religion*, 6: 60—74. (In Russ.).
- Likhachev, D. S. (1971). *Poetics of ancient Russian literature*. Leningradskaya: Khudozhestvennaya literatura. 414 p. (In Russ.).
- Likhacheva, O. P. (1993). The Lion is a fierce beast. In: *Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature, XLVIII*. St. Petersburg: Dmitry Bulanin. 129—137. (In Russ.).
- Lurie, Ya. S. (ed.). (1970). *The Origins of Russian Fiction: The emergence of narrative genres in Ancient Russian literature*. Leningrad: Nauka Publ. 597 p. (In Russ.).
- Orlov, A. S. (1934). Translated stories of feudal Russia and the Moscow state of the XII—XVII centuries. In: *Academy of Sciences of the Union of Soviet Socialist Republics, Popular Science Literature*. Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 169, [1] p. (In Russ.).
- Pypin, A. N. (1858). An essay on the literary history of ancient Russian novels and fairy tales. *Scientific notes of the Second Ed. Academy of Sciences*, 4: P. 158. (In Russ.).
- Smirnov, S. [late XIX — early XX]. Stefanite and Ichnilate. An essay from the history of wandering tales. In: *Ancient Russian Literature. Russian literature of the XVIII century*. [b. m.]: [b. i.]. 30 p. (In Russ.).
- Speransky, M. N. (2011). *Secret writing in the South Slavic and Russian monuments of writing*. Moscow: URSS. 168 p. ISBN 978-5-397-01902-6. (In Russ.).
- Tufanova, O. A. (2024). "Deviant" text in the historical narrative of Ancient Russia: towards a problem statement. In: *Hermeneutics of ancient Russian literature. Collection 23*. Moscow: IMLI RAS. 265—302. (In Russ.).

*The article was submitted 05.02.2025;
approved after reviewing 27.03.2025;
accepted for publication 09.04.2025.*

Информация для цитирования:

Лушникова Г. И. Роль языковых средств в создании культурно-исторической специфики художественного текста / Г. И. Лушникова, Т. Ю. Осадчая // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 3. — С. 212—228. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-212-228.

Lushnikova, G. I., Osadchaia, T. Iu. (2025). Role of Linguistic Devices in Creating Cultural and Historical Specificity in Literary Texts. *Nauchnyi dialog*, 14 (3): 212-228. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-212-228. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Роль языковых средств в создании культурно- исторической специфики художественного текста

Лушникова Галина Игоревна ¹

orcid.org/0000-0003-1080-3184

доктор филологических наук,

профессор,

кафедра филологии и

методики преподавания

lushgal@mail.ru

Осадчая Татьяна Юрьевна ²

orcid.org/0000-0001-8566-2529

кандидат педагогических наук, доцент,

кафедра теории и практики перевода

и зарубежной филологии,

корреспондирующий автор

osadchaya_ta@mail.ru

¹ Гуманитарно-педагогическая

академия (филиал)

ФГАОУ ВО «Крымский

федеральный университет

имени В. И. Вернадского» в г. Ялте

(Ялта, Россия)

² Севастопольский

государственный университет

(Севастополь, Россия)

Role of Linguistic Devices in Creating Cultural and Historical Specificity in Literary Texts

Galina I. Lushnikova ¹

orcid.org/0000-0003-1080-3184

Doctor of Philology, Professor,

Department of Philology

and Teaching Methods

lushgal@mail.ru

Tatiana Iu. Osadchaia ²

orcid.org/0000-0001-8566-2529

PhD in Pedagogy, Associate Professor,

Department of Theory and Practice

of Translation and Foreign Philology,

corresponding author

osadchaya_ta@mail.ru

¹ Humanities and Education Science

Academy (branch)

of V.I. Vernadsky Crimean

Federal University in Yalta

(Yalta, Russia)

² Sevastopol State University

(Sevastopol, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена изучению языковых средств, используемых в художественном тексте для создания культурно-исторического колорита. Материалы для анализа извлечены из романа современной британской писательницы Кэролайн Ли «Стеклянная женщина», который ранее не подвергался филологическому изучению, что определяет новизну данной работы. Цель статьи — выявить языковые средства создания национально-культурной специфики Исландии XVII века, представленной в данном произведении, определить их функции и значимость в воплощении авторского замысла. Проанализированы следующие культурно маркированные единицы: безэквивалентная лексика, онимы, лексические единицы библейского и языческого текстов, паремии, пейзажная лексика. Авторы считают, что изучение художественного текста как формы существования и воплощения культуры народа является одним из актуальных направлений современной лингвистики. Использованы лингвокультурологический, лексико-семантический и концептуальный методы анализа художественного текста. Авторы приходят к выводу о том, что лингвокультура выполняет гносеологическую функцию; способствуют трансляции определенной национальной картины мира; создают представления об уникальной идентичности исландцев и их системе ценностей; содействуют налаживанию лингвокультурных связей между коммуникантами (автор — персонажи — читатель) и формированию ценностных универсалий в сознании читателя.

Ключевые слова:

художественный текст; культурно маркированные единицы; трансляция национальной картины мира; Кэролайн Ли; Стеклянная женщина.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the linguistic devices employed in literary texts to construct cultural and historical richness. The materials for analysis are drawn from the novel “The Glass Woman” by a contemporary British author Caroline Lea, which has not previously undergone philological scrutiny, thus underscoring the novelty of this work. The aim of the article is to identify the linguistic means that convey the national and cultural specificity of 17th-century Iceland as presented in this work, as well as to determine their functions and significance in realizing the author’s intent. The analysis focuses on culture specific items, including non-equivalent vocabulary, proper names, lexical items from biblical and pagan texts, proverbs, and landscape vocabulary. The authors argue that studying literary texts as forms of existence and embodiment of a nation’s culture represents one of the current trends in contemporary linguistics. Having employed linguistic, cultural, lexical, semantic, and conceptual methods of text analysis, the authors conclude that linguistic cultural units perform an epistemological function; they facilitate the transmission of a specific national worldview; create representations of the unique identity and value system of Icelanders; promote the establishment of linguistic and cultural connections among communicants (author — characters — reader) and the formation of value universals in the reader’s mind.

Key words:

literary text; culture specific items; transmission of national worldview; Caroline Lea; The Glass Woman.

Роль языковых средств в создании культурно-исторической специфики художественного текста

© Лушникова Г. И., Осадчая Т. Ю., 2025

1. Введение = Introduction

В художественном тексте содержится информация разного рода — художественная, энциклопедическая, языковая. Художественная информация — это все, что касается авторского вымысла, который включает сюжетные линии, образы персонажей, прагматику и модальность текста. Энциклопедическая информация художественного произведения может быть представлена историческими фактами, сведениями о реальных лицах и событиях, которые оказались знаковыми в области политики, культуры, науки. В историческом жанре такого рода информация выступает на первый план, в произведениях других жанров она может служить фоном описываемого, однако и в этом случае имеет существенное значение, поскольку упоминание конкретных дат, места действия, описание событий и процессов может расширить кругозор адресата и послужить импульсом к приобретению дополнительных знаний. Языковая информация предоставляет читателю неоценимый материал для изучения культурных особенностей, специфики мировосприятия, менталитета представителей определенного народа, характерных для периода, когда написан текст, или для периода, который в тексте описан: «Представляя собой определенный способ восприятия реальности, каждый язык по-своему членит мир в соответствии с установившимися языковыми нормами. В нем находят свое отражение историческое развитие этноса, нравы и обычаи народа, культурные традиции, которые преломляются и видоизменяются на каждом новом этапе развития данной лингвокультурной общности» [Попова и др., 2011. с. 19].

Все типы информации художественного текста важны, поскольку при достаточно внимательном к ним отношении автора и, соответственно, читателя, они способствуют созданию определенной культурно-исторической картины мира: «Только рассмотрение художественного текста в единстве общеязыковых, индивидуально-авторских и культурологических семиотических кодов через призму менталитета и языковой картины

мира носителей языка позволяет полнее понять его уникальную эстетику, соотнести поверхностные структуры языка с их глубинной сущностью и увидеть тот культурный фон, который стоит за художественным текстом» [Фирсова и др., 2011, с. 120].

Другими словами, смыслы художественного произведения полнее раскрываются для читателя, если ему понятен социально-исторический контекст: «... artistic form mediates the relationship between an artwork and its historical context. <...> works of art and literature speak most clearly to us if they are allowed to maintain a dialogue with their surrounding world» [Ladegaard et al., 2019, p. 3—4] (... художественная форма опосредует связь между произведением искусства и его историческим контекстом. Произведения искусства и литературы говорят с нами яснее, если они поддерживают диалог с окружающим миром») (здесь и далее перевод теоретических источников наш. — Г. Л., Т. О.). По словам исследователей, «в эстетически организованном словесном тексте литературного произведения заложена та специфика литературы, на базе которой достигается диалектическое единство двух факторов литературы: материала (языка) и замысла (идеи)» [Барышева, 2007, с. 69].

Языковая информация составляет важнейший пласт художественного произведения: «Языковое пространство художественного текста хранит в себе не одни только сюжеты, события, диалоги героев, их взаимоотношения. Художественное произведение — это хранилище идей, мыслей, чувств, страданий, суждений автора; это слепок определенной эпохи и отпечаток индивидуальной, особенной картины мира писателя, представленной через уникальную речевую системность» [Данилевская, 2019, с. 5].

Говоря о функциональных потенциях языковой информации, необходимо отметить, что она, во-первых, является ключевым элементом создания художественной картины мира: «Картина мира в художественном тексте (*художественная картина мира*) создается языковыми средствами, при этом она отражает индивидуально-авторскую картину мира и воплощается в отборе элементов содержания художественного произведения, языковых средств, а также в индивидуальном использовании образных средств (система тропов)» [Карасева, 2012, с. 11].

Во-вторых, именно через языковую информацию обеспечивается погружение текста в контекст культуры, трансляция культурных особенностей народа: «Важным фактором своеобразия художественного текста является его включенность в мегатекст культуры. Любой художественный текст, будучи погруженным в культурное пространство эпохи, несет на себе печать культуры определенного этапа в истории общества, культуры определенного народа с его традициями, устоями, менталитетом, а также культуры неповторимой личности его создателя [Карасева, 2012, с. 7—8].

В-третьих, необходимо упомянуть гносеологическую функцию языковой информации. Декодирование данной информации требует особого внимания, так называемого филологического чтения текста, поскольку она не так очевидна, как художественная и энциклопедическая, и в большинстве случаев воспринимается как форма, служащая для передачи первых двух типов информации. Языковая информация, однако, является не только формой, но и особым кодом, который содержит данные о национально-историческом контексте произведения: «Национальный колорит является неотъемлемой частью художественного произведения. Чем ярче он представлен, тем глубже читатель, и особенно иностранный, представитель другой культуры, сможет прочувствовать самобытность того или иного народа, его национальные, исторические и культурные особенности» [Яковлева, 2021, с. 53]. Именно языковая информация дает представление о системе ценностей какого-либо народа: «Языковые средства художественного текста выступают культурным кодом в процессе межкультурной коммуникации, который является индикатором культурной жизни страны и отражает систему культурных ценностей в конкретной языковой среде через образность слова» [Казютина и др., 2023, с. 237].

В-четвертых, по мнению исследователей, языковая информация выполняет еще одну важную функцию: «Художественный текст транслирует фоновые знания и переживания, которые в процессе восприятия не только интерпретируются читателем, но и формируют ценностные универсалии» [Казютина и др., 2023, с. 236], что, в конечном счете, ведет к лучшему взаимопониманию представителей разных культур.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Настоящая статья посвящена исследованию языковых средств создания национально-культурной специфики в романе британской писательницы Кэролайн Ли «Стеклянная женщина» / Caroline Lea «The Glass Woman» [Lea, 2020].

В данном исследовании мы использовали следующий методологический подход: язык произведения рассматривается как воплощение мышления и культуры народа. Как справедливо отмечают филологи, «в основе создания и восприятия художественного текста лежит взаимосвязь таких сложных и неоднозначных явлений, как *культура — мышление — язык*» [Долинина, 2015, с. 84], а для изучения его художественного пространства целесообразно использовать комплексный подход. В данной работе применяются элементы лексико-семантического, лингвокультурологического и концептуального анализа художественного текста. Ключевым, однако, является именно лингвокультурологический анализ, «поскольку язык, с од-

ной стороны выступает экспонентом опыта и ментальности определенной лингвокультурной общности, с другой — формообразующим компонентом этнической идентичности» [Сапиева и др., 2022, с. 68]. Данная роль языка выразительно представлена в романе «Стеклянная женщина».

В зарубежных исследованиях национально маркированные языковые единицы чаще всего называют *culture specific items* (CSI) и определяют следующим образом: «... the term CSI <...> refers to those words, phrases, concepts, and expressions that are peculiar to the source culture, and therefore lack their counterpart or possess a different semantic and cultural connotation in the target culture. Even if near-equivalents exist for such items, they may rarely represent the exact same message» [Amenador et al., 2022, p. 2] (... термин *культурно маркированные элементы* относится к тем словам, фразам, концептам и выражениям, которые свойственны только передающей культуре и, следовательно, либо не имеют аналога, либо обладают иной семантической и культурной коннотацией в принимающей культуре. Даже если для таких элементов существуют близкие эквиваленты, они редко означают то же самое).

При этом национально маркированные языковые единицы могут быть представлены по-разному: «The culture of a community might be expected to affect almost all aspects of that community's language, from the most basic element of word choice to the upper-most elements like connotative or associative aspects of words or phrases» [Kuleli, 2020, p. 618] (Можно ожидать, что культура сообщества влияет почти на все аспекты языка этого сообщества, от выбора слов до коннотативных или ассоциативных значений слов или фраз).

В отечественных исследованиях единицы языковой информации, которые формируют пространство текста, называют *лингвокультуремами*: «Моделирование культурного пространства художественного текста обусловлено характеристиками лексико-семантических средств, образующих лингвокультуремы — единицы, обладающие лингвистическим и экстралингвистическим (культурным) содержанием» [Горбатовский, 2022, с. 10].

Изучение художественного текста как формы существования и воплощения культуры определенной нации является одним из перспективных направлений современной лингвистики. Роман «Стеклянная женщина» представляет научный интерес с точки зрения исследования национально-культурной специфики представленного в нем художественного пространства, кроме того, он еще не становился предметом изучения филологов, как отечественных, так и зарубежных, что обуславливает актуальность настоящей статьи. Цель работы — выявить языковые средства создания национально-культурной специфики в данном произведении, определить их ключевые функции, продемонстрировать их значимость в создании картины мира определенного исторического периода.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Полилог культур в романе Кэролайн Ли «Стеклянная женщина»

Исследуемый роман написан в 2019 году, переведен на русский язык А. Гайдено в 2021 году [Ли, 2021]. Его относят к жанру исторического романа, написанного в русле готической традиции английской литературы, анализ некоторых сюжетных линий дает основание для проведения параллелей с такими широко известными романами предыдущих столетий, как «Дж. Эйр» Ш. Бронте и «Ребекка» Д. дю Морье. Место действия романа К. Ли — Исландия, время действия — XVII век. Выбор страны и эпохи современной британской писательницей (уроженкой острова Джерси) может показаться, по ее собственным словам, необычным: «seventeenth-century Iceland may seem an unusual choice of setting for a writer from Jersey...» [Lea, 2020, p. 390] / Может показаться необычным, что действие романа писательницы с Джерси происходит в Исландии семнадцатого века [Ли, 2021, с. 443]. Однако уникальная природа и культура Исландии настолько очаровали автора, что ее заинтересованность и восхищение довольно явственно проступают на страницах романа и не могут не увлечь читателя.

В данном контексте можно говорить о полилоге культур в романе: национальная культура Исландии запечатлена в мире реалий, речи персонажей, сюжетно-композиционной системе произведения; британская национальная культура проявляется в манере повествования, концептах, идейно-тематическом содержании текста, отражающем авторскую картину мира; национальная культура читателя взаимодействует с двумя другими на этапе интерпретации произведения. О подобной встрече культур писал М. М. Бахтин, подчеркивая, что в рамках художественного текста они взаимно обогащаются: «Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур» [Бахтин, 1986, с. 354].

Повествование погружает нас в атмосферу изображаемой эпохи, что достигается благодаря использованию определенных литературных приемов, таких как построение своеобразного и захватывающего сюжета, создание психологических портретов персонажей, описание суровой и величественной природы, введение в повествование бытовых и культурных реалий, представление исторических фактов.

Существенно, что стиль повествования также выдержан в характерной для той эпохи тональности. Реализации данного приема способствует использование национально-маркированных языковых единиц, которые «... существуют на всех уровнях: фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом. Однако большая часть национально-культурной

информации передается через лексические единицы: безэквивалентную лексику, коннотативную лексику, реалии флоры и фауны, номинации артефактов культуры, бытовые реалии, этнографические, ономастические (топонимы и антропонимы), ассоциативные реалии, сравнения и метафоры, фразеологические единицы, афоризмы и т. д.» [Штырина, 2015, с. 77].

Национально-маркированные языковые единицы лексического уровня можно назвать *культурно маркированной лексикой*, которая представляет собой «... совокупность лексических единиц, называющих предметы или явления определенной культуры, денотаты которых представлены в других языках частично или полностью отсутствуют» [Сапиева и др., 2022, с. 69].

3.2. Культурно маркированная лексика в романе К. Ли «Стеклянная женщина»

Анализ особенностей стиля романа позволяет выделить несколько групп культурно маркированной лексики, встречающейся в романе.

К первой группе относится безэквивалентная лексика, приводимая в романе на исландском языке. Вслед за исследователями, мы рассматриваем безэквивалентность следующим образом: «Межъязыковая лексическая безэквивалентность характеризует межъязыковые отношения с точки зрения существования в исходном языке целого пласта лексем, которые не имеют естественных (а не созданных с помощью различных переводческих приемов) однословных эквивалентов в системе языка перевода» [Алексеева и др., 2020, с. 461]. Поскольку предметы и явления, которые обозначаются безэквивалентной лексикой, неизвестны широкому кругу читателей, автор вполне резонно снабжает книгу глоссарием исландских слов и выражений с переводом на английский язык — Glossary of Icelandic words [Lea, 2020, p. 386] / Словарь исландских слов и выражений [Ли, 2021, с. 7—8]. В глоссарий включены толкования слов, обозначающих типичные для Исландии того времени элементы жилища и быта: *badstofa* — *a living and sleeping area, often with beds along the walls*; *hlodir* — *an open hearth for cooking, constructed of large stones over a fire* / *бадстова* — *общая комната, которая также служит спальней, обычно с кроватями вдоль стен*; наименования приемов пищи: *dagverdur* — *daytime meal*; *nattverdur* — *evening meal* / *дагвердюр* — *обед*; *натвердюр* — *ужин*; названия продуктов питания и напитков: *lifrapylsa* — *a sausage made from chopped liver*; *skyr* — *a protein-rich fermented yoghurt* / *ливрапильса* — *колбаса из мелко нарезанной печени*; *скир* — *ферментированный йогурт с высоким содержанием белка*; традиционные названия должностей: *bodi* — *the chieftain of a settlement*; *prestur* — *a village priest or minister* / *боунди* — *глава селения*; *престюр* — *сельский пастор*; обозначения рунических символов: *ginfaxi* — *a runic sign for victory in battle*; *vegvisir* — *a runic sign for protec-*

*tion and finding one's way / гинвахси — рунический символ, дарующий победу в бою; везгизир — рунический символ защиты, помогающий отыскать дорогу и др. В глоссарии содержатся традиционные ирландские приветствия и обращения: Bless — a greeting; Komdu sælar og blessaðar — formal greeting to a group of women; elskan — a term of endearment, like 'darling' [Ibid., p. 386] / Блесс — приветствие; комдю сайдлар о блессадар — формальное приветствие, обращенное к нескольким женщинам; эльскан — ласковое обращение, «дорогой» или «дорогая» [Там же, с. 7—8]. Эти слова и словосочетания довольно часто встречаются в тексте романа, гармонично вписываются в канву повествования и воспринимаются вполне естественно, многие из них легко запоминаются. В тексте романа также есть транслитерированные исландские слова, такие как *pabbi* / *пабби* — отец, *alting* / *альтинг* — собрание и др.*

Вторую группу культурно маркированной лексики составляют лексические единицы, способствующие созданию уникального образа исландской деревни, а именно — исландские онимы. К ним относятся следующие подгруппы: топонимы — обозначения природных объектов: *Hekla* / *Гекла*, *Helgafell* / *Хельгафедль*; ойконимы — обозначения населенных пунктов: *Stykkishólmur* / *Стиккисхоульмур*, *Skálholt* / *Скаульхольм*, *Thingvellir* / *Тингведлир*; антропонимы — имена людей: *Sigríður* / *Сигридюр*, *Rósa* / *Роуса*, *Jón* / *Йоун*, *Magnús* / *Магнус*, *Páll* / *Паудль*; мифонимы — имена вымышленных существ в мифах, сказках, сагах: *draugr* — *an undead creature or an animated corpse*, *huldufólk* — *the 'hidden people' or elves* / *драугур* — *нечисть, восставший мертвец*; *хюльдуювоульк* — «скрытый народец» или эльфы. Некоторые антропонимы являются значимыми, их перевод с исландского приводится в тексте романа и коррелирует с характеристиками персонажей, которые их носят. Например, имя сильного и жестокого персонажа по имени Пьетюр соответствует его твердому как камень характеру: '*Pétur*' means stone / «Пьетюр» означает «камень». Имя главной героини *Rósa* (Роуса) означает «роза», оно подходит ее внешности и характеру: красивая и нежная, но умеющая «показать шипы», когда того требует ситуация. Мифонимы и их толкование включены в глоссарий, о котором шла речь выше. Сохранение исландской формы написания онимов, их необычное произношение способствуют трансляции национальной специфики и достоверности описываемых событий.

К третьей группе относятся лексические единицы, которые отражают аксиологические аспекты бытия данного народа, в частности такой значимый процесс, характерный для Исландии описываемого исторического периода, как христианизация, когда старые языческие верования вытесняются новой религиозной доктриной. В романе встречаются слова и вы-

ражения, в которых так или иначе отражается этот сложный переходный этап, когда в сознании людей смешиваются, переплетаются и сталкиваются концепты как нового для них христианства, так и существовавшего веками язычества, соответственно, в произведении соприисутствуют два текста — библейский и языческий.

К библейскому тексту относятся библейские аллюзии, цитаты, поучения со ссылкой на Библию, в которых часто встречаются лексемы, означающие понятия «грех», «слава», «Бог», «вера», «почтение». Приведем несколько примеров.

All have sinned and fall short of the glory of God [Ibid., p. 18] / *Все согрешили и лишены славы Божией* [Там же, с. 29].

This solitude should strengthen your faith. This time with God is a gift [Ibid., p. 117] / *Уединенная жизнь должна укрепить тебя в вере. Время, проведенное с Богом, — это дар* [Там же, с. 142].

The Bible says it's not good for man to be alone [Ibid., p. 117] / *Согласно Библии, нехорошо быть человеку одному* [Там же, с. 142].

Языческий текст представлен лексикой, номинирующей рунические символы и магические знаки: *ginfaxi — a runic sign for victory in battle; vegvisir — a runic sign for protection and finding one's way* / *гинвахси — рунический символ, дарующий победу в бою; вевгвизир — рунический символ защиты, помогающий отыскать дорогу*. Часто упоминается сам термин *pagan* (язычество) и наименования связанных с ним обрядов: *witchcraft, sortilege, seidr — witchcraft punishable by death* / *колдовство, гадание, сейдр — колдовство, которое карается смертной казнью*.

В романе также присутствуют ссылки на произведения исландского фольклора, цитирование исландских мифов, поверий, саг. Прежде всего, упоминается большое количество исландских саг: «The Saga of Grettir the Strong», «Laxdaela Saga», «Bandamanna Saga», «The Saga of Eirík the Red», «Eyrbyggja Saga» / «Сага о Греттире», «Сага о людях из Лососьей долины», «Сага о Союзниках», «Сага об Эйрике Рыжем», «Сага о людях с Песчаного берега» и другие. Уже в Прологе автор сообщает, что саги сопровождают исландцев на протяжении всей жизни, и читатель понимает, что их значение невозможно переоценить: *... the blood-spattered scenes at the end of the Sagas: those age-old, heat-filled stories, which are told to children from birth and fill every Icelander with an understanding of violence* [Ibid., p. 1—2] / *... кровавые сцены в сагах — старых как мир и полных страстей легендах, из которых каждый исландец с самого рождения узнает, что такое жестокость* [Там же, с. 10].

В романе встречается несколько примеров, когда в одной фразе, одной реплике, произносимой персонажами, присутствуют ссылки на оба текста,

включаются лексические единицы обоих текстов. Данный прием выразительно показывает, насколько тесно в сознании людей соединены новые и старые верования: *She incants the warding verses in her head, then mutters the Lord's Prayer under her breath* [Ibid., p. 51] / Она мысленно повторяет заклинание, оберегающее ото зла, и шепотом читает «Отче наш» [Там же, с. 68]. Даже служители церкви в своих проповедях апеллируют и к сагам, и к Библии: *previous bishops had openly read from the Sagas and the Bible alike* [Ibid., p. 11] / прежние епископы в открытую читали саги наравне с Библией [Там же, с. 22]. В трудные минуты люди на всякий случай прибегают и к тем, и к другим ритуалам: *She mutters a blessing for him and squeezes the runestone in her pocket* [Ibid., p. 44] / Она шепчет молитву за упокой его души и сжимает лежащий в кармане камень с гальдраставом [Там же, с. 59].

При таком, казалось бы, равном представительстве обоих текстов, в романе наблюдается преобладание языческого, о чем свидетельствует и большее количество цитирований из саг и мифов, и название романа — «The Glass Woman» / «Стеклянная женщина», являющееся наименованием языческого талисмана — фигурки женщины, сделанной из стекла. Это словосочетание одновременно служит метафорической характеристикой главной героини, красивой и хрупкой женщины, сердце которой так легко разбить. Автор показывает, насколько сильны могут быть освященные традицией верования людей даже в ситуации, когда новое христианское учение активно проповедуется и даже насаждается: *You must quote nothing but Bible verses and hymns* [Ibid., p. 9] / Ты должна читать только строчки из Библии да псалмы [Там же, с. 19]. Это вполне объяснимо, так как убеждения, господствующие на протяжении веков, искореняются с большим трудом или не искореняются вообще. Данную мысль подтверждают слова автора в Послесловии к роману: *I was fascinated to discover that, even in modern Iceland, it isn't uncommon to believe in the huldufólk* [Ibid., p. 390] / Я с изумлением узнала, что некоторые местные жители до сих пор верят в huldufólk [Там же, с. 443]. Преобладание в тексте языческих концептов, вербализированных представлений о таком мироустройстве, где реальность на равных правах сосуществует с миром рунической магии, довольно ярко характеризует мировосприятие представителей народа Исландии описываемого периода.

Четвертую группу культурно маркированной лексики составляют исландские пословицы и поговорки, которые служат эпиграфами к каждой части романа (за исключением части 6, эпиграфом к которой является строка из Исландского судебного журнала), своеобразно обозначая тему или ключевую идею каждой части. Приведем наиболее яркие, на наш

взгляд, примеры: *When the storm abates, the waves roar* [Ibid., p. 191] / *Когда буря стихает, волны еще бушуют* [Там же, с. 223]; *Love flares the hottest in secret* [Ibid., p. 247] / *Жарче всего любовь пылает втайне* [Там же, с. 285]. Примечательно, что источником происхождения некоторых пословиц являются саги, о чем свидетельствуют соответствующие указания автора: *The nights of blood are the nights of most impatience. Icelandic proverb, from The Saga of Viga the Glum* [Ibid., p. 137] / *Кровавые ночи — ночи скорой расправы. Исландская пословица из Саги о Глуме Убийце* [Там же, с. 163]. Пословицы и поговорки звучат также в речи персонажей, с их помощью они поучают своих собеседников или подтверждают свои доводы, например: *A fall bodes a good journey* [Ibid., p. 43] / *Унавшего ждет добрый путь* [Там же, с. 58]; *Those appear wisest who stay silent* [Ibid., p. 77] / *Мудр тот, кто держит рот на замке* [Там же, с. 98]. Их употребление значительно дополняет культурно-исторический колорит романа, расширяет представление читателя о национальном менталитете и мироощущении исландцев.

Пятая, наиболее многочисленная и яркая группа культурно маркированных лексических средств представлена единицами, обозначающими элементы и явления уникальной и неповторимой природы Исландии. Перед мысленным взором читателей возникают картины покрытых снегом гор, простирающейся на огромные расстояния земли, играющего разными красками моря, сверкающих белизной ледников. Для создания этих картин автор использует широкий арсенал стилистических средств, среди которых преобладают антропоморфные метафоры, образные сравнения, олицетворения, эпитеты. Приведем наиболее характерные из них.

Величественные горы поражают своей неприступностью и суровостью, часто они описываются с помощью выразительных метафор и сравнений. Горы то внушают жителям страх: *Hekla (название горы) was known to be the open door into Hell* [Ibid., p. 15] / *Геклу издавна называли вратами в ад* [Там же, с. 26], — то воспринимаются как защита от врагов и непрощенных гостей: *mountains like a cupped hand, they protect the village or shield it from prying eyes* [Ibid., p. 61] / *горы, будто лежат у них в горсти, и горы эти не то защищают селение, не то укрывают его от любопытных глаз* [Там же, с. 79].

Земля для жителей Исландии — живой организм. Она всегда в движении: *the land in Iceland is never still* [Ibid., p. 2—3] / *земля в Исландии всегда неспокойна* [Там же, с. 10]. Она способна страдать: *Fire and melted rock bubble up, like blood. When the ground sleeps again, these scars remain* [Ibid., p. 44] / *Как кровь кипит расплавленная порода и бушует огонь. Потом земля засыпает, но шрамы остаются* [Там же, с. 60]. Иногда она непривлекательна: *The land is black-toothed and raw* [Ibid., p. 51] / *Голая земля*

щерится черными зубами [Там же, с. 68]; иногда вызывает восхищение: *as if the land were a boiling sea of green* [Ibid., p. 59] / *словно земля потонула в кипящем зеленом море* [Там же, с. 78].

Море в Исландии холодное, большую часть времени покрытое льдами, таящее опасность, грозящее проглотить даже умелого мореплавателя: *the belly of the ice-crusted sea* [Ibid., p. 1] / *чрево скованного льдом моря* [Там же, с. 9]; *the sea swallows him* [Ibid., p. 2] / *море проглотило его* [Там же, с. 10]; *Beneath him, the black water gulps, endless and hungry* [Ibid., p. 2] / *Позади чавкает бездонная алчная глотка черной воды* [Там же, с. 10].

Почти во всех картинах пейзажа присутствуют лед, снег и ветер: *The ice grinds its teeth* [Ibid., p. 3] / *Лед скрежещет зубами* [Там же, с. 12]; *The ice groans. Underneath, the dark current seeps, like a secret* [Ibid., p. 2] / *Лед стонет. Внизу струятся потаенные воды* [Там же, с. 11]; *The ice moaned* [Ibid., p. 299] / *Лед застонал* [Там же, с. 342]; *The snow groans beneath their feet* [Ibid., p. 264] / *Снег стонет у них под ногами* [Там же, с. 304]; *The lungs of the wind exhale* [Ibid., p. 343] / *Ветер шумно переводит дыхание* [Там же, с. 392].

Антропоморфный характер этих и других стилистических средств, образованных с помощью наименований природных объектов и явлений, отражает специфику восприятия природы язычниками, которые наделяют ее свойствами человека. Например, погода и природа могут по своему желанию скрывать грехи, прошлое, тайны людей: *Weather masks a multitude of sins* [Ibid., p. 70] / *Природа укрывает множество грехов* [Там же, с. 10].

Таково и авторское восприятие природы Исландии, которая олицетворяется и становится еще одним запоминающимся персонажем ее романа, что находит подтверждение в словах автора, приводимых в Послесловии: *... I discovered that the landscape itself was becoming a character* [Ibid., p. 390] / *... я заметила, что пейзаж превращается в отдельного персонажа книги* [Там же, с. 443].

Значимость пейзажной лексики проявляется еще и в том, что она используется для создания образов персонажей, для описания их внешности, характера, передачи чувств и эмоций. Внешность и характер персонажей сопоставляются с различными объектами природы: *as if he is formed from the same shifting, volcanic rock as the land* [Ibid., p. 3] / *он словно вытесан из той же подвижной вулканической породы, что и сама земля* [Там же, с. 11]; *His face is like a desolate rock* [Ibid., p. 114] / *Лицо его сурово, точно пустынный утес* [Там же, с. 139]; *... a smirk creeps over Egill's face, like a crack in an ice sheet* [Ibid., p. 118] / *ухмылка на лице Эйиля похожа на трещину во льду* [Там же, с. 143]; *Anna's eyes are dark caverns* [Ibid., p. 282] / *Глаза Анны — две темные пещеры* [Там же, с. 325].

Чувства и эмоции персонажей сравниваются с водной стихией, холодом льда и другими природными явлениями: *I am suddenly awake. After a lifetime of floating frozen under the sea ice, I feel warm and alive, dragging myself forward, and being dragged, through the darkness* [Ibid., p. 361] / *Я будто внезапно очнулся. Будто всю жизнь мое застывшее тело качало на волнах подо льдом, а теперь я оттаял, ожил и пытаюсь выбраться на поверхность, и меня вытаскивают из темноты на свет* [Там же, с. 411]; *...the pressure that stretches between them, like brittle ice that will shatter with one false move* [Ibid., p. 260] / *...эта неловкость между ними, похожая на хрупкий лед, который проломится от любого неверного шага* [Там же, с. 300].

4. Заключение = Conclusions

Выбор именно этих групп культурно маркированных лексических единиц обусловлен тем, что они в значительной степени служат трансляции национально-культурной специфики, несут информацию о природе и климате, быте и устоях исландского общества XVII века. Автор мастерски использует потенциал данных единиц для достижения этой задачи.

Роман К. Ли помимо увлекательного сюжета, оригинального рассмотрения вечных тем семьи и любви, своеобразных образов персонажей дает читателям яркое представление о национально-культурной специфике Исландии описываемого периода, служит средством расширения читательского кругозора, знакомит нас с малоизвестным уголком мира. Наряду с особыми повествовательными тактиками созданию культурно-исторической специфики способствует включение нескольких групп национально-маркированных языковых единиц лексического уровня, к которым относятся следующие: 1) безэквивалентная лексика, приводимая в романе на исландском языке; 2) исландские онимы с сохранением формы их написания; 3) лексемы, выражающие мировоззренческие концепты, характерные для мировосприятия исландцев в XVII веке; 4) исландские пословицы и поговорки, отражающие особенности менталитета и мироощущения представителей данного народа; 5) лексические единицы, обозначающие элементы и явления уникальной природы Исландии.

Важно отметить, что, помимо передачи национальной специфики и колорита (гносеологической функции), данный пласт лексики выполняет следующие функции: 1) трансляция определенной национальной картины мира; 2) создание представления об уникальной идентичности исландцев и их системе ценностей; 3) налаживание лингвокультурных связей между коммуникантами (автор — персонажи — читатель) и на их основе формирование ценностных универсалий в сознании читателя.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Ли К.* Стеклопанная женщина / К. Ли ; Перевод А. Гайденоко. — Москва : Фантом Пресс, 2021. — 448 с. — ISBN 978-5-86471-881-0.

2. *Lea C.* The glass woman / C. Lea. — New York : Perennial, 2020. — 400 p. — ISBN 0062935119.

Литература

1. *Алексеева М. Л.* Непереводаемость текста и безэквивалентность слов / М. Л. Алексеева, А. В. Павлова // Восточноевропейское обозрение. — 2020. — № 11 (2). — С. 455—469. — DOI: 10.31648/PW.6523.

2. *Барышева Л. С.* О соотношении понятий стилистики языка, стилистики речи, стилистики художественной литературы в трудах академика В. В. Виноградова / Л. С. Барышева // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. — 2007. — № 2. — С. 66—70.

3. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — Москва : Искусство, 1986. — 445 с. — ISBN 9785458232029.

4. *Горбатовский А. С.* Лексико-семантические средства моделирования культурного пространства в художественном тексте (на материале романа Д. Кельмана «Tyll» : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / А. С. Горбатовский. — Краснодар, 2022. — 197 с.

5. *Данилевская Н. В.* Картина мира писателя в языковом пространстве текста (на примере романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита») / Н. В. Данилевская // Вестник Бурятского государственного университета. Язык, литература, культура. — 2019. — № 3. — С. 4—13.

6. *Долинина И. В.* Художественный текст как объект лингвокультурологического анализа / И. В. Долинина // Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2015. — № 5 (19). — С. 83—92.

7. *Казютина Е. С.* Лингвокультурные маркеры художественных текстов / Е. С. Казютина, Е. Г. Озерова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Теория языка. Семантика. — 2023. — Т. 14. — № 1. — С. 231—244. — DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-1-231-244.

8. *Карасева Ю. А.* Художественный текст как источник национально-культурной информации и выразитель национальной ментальности : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.05 / Ю. А. Карасева. — Москва, 2012. — 22 с.

9. *Попова Т. Г.* Язык как главный фактор этнической интеграции / Т. Г. Попова, О. В. Тимофеева, Ю. С. Бокова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия : Лингвистика. — 2011. — № 1 (218). — С. 17—19.

10. *Сапиева С. К.* Культурно маркированная лексика и ее роль в литературно-художественном дискурсе / С. К. Сапиева, Н. Е. Малова, А. Н. Хавдок // Современный ученый. — 2022. — № 1. — С. 68—73.

11. *Фирсова Н. М.* Сюжет как выразитель национально-культурной специфики художественного текста / Н. М. Фирсова, Ю. А. Карасева // Вестник РУДН. Серия Лингвистика. — 2011. — № 4. — С. 114—120.
12. *Штырина Е. В.* Изучение национально-культурной специфики художественного текста в преподавании русского языка иностранцам / Е. В. Штырина // Русистика. — 2015. — № 2. — С. 75—80.
13. *Яковлева Э. Б.* О сущности понятия «культурно-маркированная лексика» и способах ее передачи в русском языке / Э. Б. Яковлева // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание. Реферативный журнал. — 2021. — № 2. — С. 53—63. — DOI: 10.31249/ling/2021.02.03.
14. *Amenador K. B.* The Translation of Culture-Specific Items (CSIs) in Chinese-English Food Menu Corpus : A Study of Strategies and Factors / K. B. Amenador, Z. Wang // Sage Open. — 2022. — № 12 (2). — Pp. 1—17. — DOI: 10.1177/21582440221096.
15. *Kuleli M.* Culture specific items in literary texts and their translation based on “foreignization” and “domestication” strategies / M. Kuleli // RumeliDE Dil ve Edebiyat Araştırmaları Dergisi. — 2020. — № 7. — Pp. 617—653. — DOI: 10.29000/rumelide.811038.
16. *Ladegaard J.* Introduction : the question of context / J. Ladegaard, J. G. Nielsen // Context in Literary and Cultural Studies. — London : UCL Press, 2019. — Pp. 1—13. — DOI: 10.14324/111.9781787356245.

*Статья поступила в редакцию 15.01.2025,
одобрена после рецензирования 15.03.2025,
подготовлена к публикации 22.04.2025.*

Material resources

- Lea, C. (2020). *The glass woman*. New York: Perennial. 400 p. ISBN 0062935119.
Lee, K. (2021). *Glass Woman*. Moscow: Phantom Press. 448 p. ISBN 978-5-86471-881-0. (In Russ.).

References

- Alekseeva, M. L., Pavlova, A. V. (2020). Untranslatability of text and lack of equivalence of words. *The Eastern European Review*, 11 (2): 455—469. DOI: 10.31648/PW.6523. (In Russ.).
- Amenador, K. B., Wang, Z. (2022). The Translation of Culture-Specific Items (CSIs) in Chinese-English Food Menu Corpus: A Study of Strategies and Factors. *Sage Open*, 12 (2): 1—17. DOI: 10.1177/21582440221096.
- Bakhtin, M. M. (1986). *Aesthetics of verbal creativity*. Moscow: Iskusstvo Publ. 445 p. ISBN 9785458232029. (In Russ.).
- Barysheva, L. S. (2007). On the correlation of the concepts of stylistics of language, stylistics of speech, stylistics of fiction in the works of academician V. V. Vinogradov. *Bulletin of the N. A. Nekrasov Moscow State University*, 2: 66—70. (In Russ.).
- Danilevskaya, N. V. (2019). The picture of the writer’s world in the linguistic space of the text (on the example of M. Bulgakov’s novel “The Master and Margarita”). *Bulletin of the Buryat State University. Language, literature, culture*, 3: 4—13. (In Russ.).
- Dolinina, I. V. (2015). Artistic text as an object of linguistic and cultural analysis. *Linguistics and intercultural communication*, 5 (19): 83—92. (In Russ.).

- Firsova, N. M., Karaseva, Yu. A. (2011). Plot as an expression of the national and cultural specificity of a literary text. *Bulletin of the RUDN University. Linguistics series*, 4: 114—120. (In Russ.).
- Gorbatovsky, A. S. (2022). *Lexico-semantic means of modeling cultural space in a literary text (based on the novel by D. Kelman "Tyll"*. PhD Diss. Krasnodar. 197 p. (In Russ.).
- Karaseva, Yu. A. (2012). *Artistic text as a source of national cultural information and an expression of national mentality*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 22 p. (In Russ.).
- Kazyutina, E. S. (2023). Linguistic and cultural markers of literary texts. *Bulletin of the People's Friendship University of Russia. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics*, 14 (1): 231—244. DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-1-231-244. (In Russ.).
- Kuleli, M. (2020). Culture specific items in literary texts and their translation based on "foreignization" and "domestication" strategies. *RumeliDE Dil ve Edebiyat Araştırmaları Dergisi*, 7: 617—653. DOI: 10.29000/rumelide.811038.
- Ladegaard, J., Nielsen, J. G. (2019). Introduction: the question of context. In: *Context in Literary and Cultural Studies*. London: UCL Press. 1—13. DOI: 10.14324/111.9781787356245.
- Popova, T. G., Timofeeva, O. V., Bokov, Yu. S. (2011). Language as the main factor of ethnic integration. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics*, 1 (218): 17—19. (In Russ.).
- Sapieva, S. K. (2022). Culturally marked vocabulary and its role in literary and artistic discourse. *Modern scientist*, 1: 68—73. (In Russ.).
- Shtyrina, E. V. (2015). The study of the national and cultural specifics of the literary text in teaching the Russian language to foreigners. *Russian Studies*, 2: 75—80. (In Russ.).
- Yakovleva, E. B. (2021). On the essence of the concept of "culturally marked vocabulary" and the ways of its transmission in the Russian language. *Social Sciences and Humanities. Russian and foreign literature. Series 6. Linguistics. Abstract journal*, 2: 53—63. DOI: 10.31249/ling/2021.02.03. (In Russ.).

*The article was submitted 15.01.2025;
approved after reviewing 15.03.2025;
accepted for publication 22.04.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(3), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Норец М. В. Репрезентация образов членов британской королевской семьи в пьесе Майка Бартлетта «Король Карл III» / М. В. Норец, А. В. Рейнова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 3. — С. 229—248. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-229-248.

Norets, M. V., Reinova, A. V. (2025). Representation of British Royal Family in Mike Bartlett's Play "King Charles III". *Nauchnyi dialog*, 14 (3): 229-248. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-229-248. (In Russ.).

Web of Science™

Scopus®

DOAJ

ERIH PLUS

НАУЧНАЯ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННАЯ
БИБЛИОТЕКА

LIBRARY.RU

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Репрезентация образов членов британской королевской семьи в пьесе Майка Бартлетта «Король Карл III»

Норец Максим Вадимович

orcid.org/0000-0002-4168-6278

доктор филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой
теории и практики перевода
mnorets@yandex.ru

Рейнова Анастасия Владимировна

orcid.org/0009-0005-8230-5485

соискатель,

корреспондирующий автор

nastya36511@mail.ru

Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского»
(Симферополь, Россия)

Representation of British Royal Family in Mike Bartlett's Play "King Charles III"

Maxim V. Norets

orcid.org/0000-0002-4168-6278

Doctor of Philology, Associate Professor,
Head of the Department
of Theory and Practice of Translation
mnorets@yandex.ru

Anastasiia V. Reinova

orcid.org/0009-0005-8230-5485

degree seeker,

corresponding author

nastya36511@mail.ru

V. I. Vernadsky Crimean
Federal University
(Simferopol, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена изучению стиливой эклектики в пьесе Майка Бартлетта «Король Карл III» и драматической интерпретации образов членов британской королевской семьи. Актуальным является влияние злободневной тематики на изменение существующих жанров политического характера. Применялись метод «тщательного прочтения», стилистический и вербальный анализ, типологический, исторический и социологический подходы. Доказано, что пьеса вмещает в себя черты таких жанров, как политическая драма, политическая комедия и сатирическая комедия. Выдвигается тезис, что использование автором принципа эклектизма в пьесе объясняется желанием драматурга привлечь внимание публики к острым социальным и политическим проблемам и расширить жанровое разнообразие драмы политической направленности. Показано, что Майк Бартлетт выводит не только индивидуализированных персонажей (образы членов королевской семьи), но и собирательных, выражающих взгляды различных слоев населения на политическое устройство Великобритании. Установлено, что характерной чертой анализируемого произведения является прямая связь с референтом по объектному признаку: 1) изображается политическая жизнь современной Великобритании; 2) у действующих лиц есть реальные прототипы — члены королевской семьи; 3) присутствует связь с реальным политическим событием (подписанием Закона о диффамации (The Defamation Act 2013)).

Ключевые слова:

драматическая интерпретация; политическая драма; смешение драматических жанров; британская королевская семья.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the stylistic eclecticism present in Mike Bartlett's play "King Charles III" and the dramatic interpretation of the British royal family members. The relevance of contemporary themes on the evolution of existing political genres is emphasized. Employing methods such as close reading, stylistic and verbal analysis, as well as typological, historical, and sociological approaches, the study demonstrates that the play encompasses elements of political drama, political comedy, and satirical comedy. It posits that the author's use of eclecticism is driven by a desire to draw public attention to pressing social and political issues while expanding the genre diversity within politically oriented drama. The analysis reveals that Bartlett not only portrays individualized characters (the royal family members) but also collective representations reflecting the perspectives of various societal strata on the political landscape of the United Kingdom. A notable characteristic of the work is its direct connection to real-world references based on objective criteria: 1) it depicts the political life of contemporary Britain; 2) the characters have real prototypes — members of the royal family; 3) it is linked to an actual political event (the enactment of the Defamation Act 2013).

Key words:

dramatic interpretation; political drama; blending of dramatic genres; British royal family.

Репрезентация образов членов британской королевской семьи в пьесе Майка Бартлетта «Король Карл III»

© Норец М. В., Рейнова А. В., 2025

1. Введение = Introduction

Как известно, реальная политическая власть в Великобритании принадлежит парламенту и кабинету министров, однако королевская семья неизменно остается в центре внимания общественности. Монаршие особы — символ традиций, они выполняют церемониальные и социальные функции. В то же время они олицетворяют недостижимо высокую культуру, образ жизни, незнакомый обычным людям. Кроме того, британская монархия — своеобразный символ страны, оказывающий сильное влияние на популярную культуру и медиапространство.

Изменение отношения к монархии и разрушение идеального образа представителей высшего сословия сказываются на современной драматургии, в которой находят отражение те аспекты жизни представителей власти (реальной и символической), которые наиболее интересуют широкую публику. В результате введения новых способов обрисовки и драматической интерпретации образов членов британской королевской семьи в современной политической драме особое значение приобретает изучение феномена смешения жанров в пьесах политической направленности.

В основе природы конфликта политической драмы лежит проблема власти, то есть в достаточно сложной, многослойной структуре конфликта его политический аспект является доминирующим, структурообразующим. В процессе создания политической драмы, несущей в себе некий подтекст, применяя искусство аллюзий и намеков, автор стремится заставить зрителя переосмыслить собственное видение политического устройства Великобритании. Время и пространство, в котором действуют герои пьесы «Король Карл III», — это недалекое будущее, в котором в полной мере раскрывается политический конфликт, уже назревший в Великобритании. В произведении затрагивается тема выбора политического пути, формирования и столкновения взглядов, это становится причиной недопонимания и открытой конфронтации между действующими лицами.

Актуальность данного исследования обусловлена возросшим интересом к изучению современной политической драмы, содержащей отклик на злободневные вопросы мироустройства, а также отсутствием на сегодняшний день в литературоведении единого подхода к пониманию феномена смешения жанров внутри драматического произведения политической направленности. Особый интерес представляет способ репрезентации образов членов британской королевской семьи, без упоминания о которых невозможно представить ни один новостной выпуск в Великобритании.

Научная новизна обусловлена малоизученностью предлагаемого материала. В статье впервые представлена комплексная характеристика драматического произведения, построенного по принципу перенесения в современную эпоху некоторых элементов елизаветинской драмы, за счет чего происходит смешение элементов трагедии и комедии-сатиры. Также в работе раскрываются основные способы репрезентации действующих лиц в современной английской политической драме, что способствует пониманию характерных черт и идейной направленности произведений данного жанра.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель исследования состоит в выявлении жанрово-стилистических особенностей пьесы Майка Бартлетта «Король Карл III» и драматической интерпретации образов членов британской королевской семьи. Данная цель обусловила постановку следующих задач: 1) выявить особенности стилистической эклектики и раскрыть ее функции в пьесе Майка Бартлетта «Король Карл III»; 2) определить особенности характеристики действующих лиц и роль их авторской драматической интерпретации в раскрытии основного конфликта рассматриваемого произведения политической направленности.

Материалом для исследования послужила пьеса Майка Бартлетта «King Charles III» [Bartlett, 2016], написанная в 2014 году, и ее перевод, выполненный Т. Тульчинской [Бартлетт, 2015]. Ключевыми методами и подходами стали метод «тщательного прочтения», благодаря которому были выявлены главные темы, поднимаемые Майком Бартлеттом в его драматическом произведении, а также принципы построения действия и раскрытия основного конфликта; стилистический и вербальный анализ, позволивший составить характеристику персонажей анализируемой пьесы. В работе использован типологический подход, благодаря которому выявлены основные признаки жанра драмы в различных исторических периодах, выделены характерные черты политической драмы. Благодаря применению исторического и социологического подходов удалось выявить специфику отображения определенных политических позиций персонажей как представителей британского общества.

Теоретическую базу работы составляют литературоведческие работы, предметом изучения которых является жанр драмы, а также драматическая интерпретация действующих лиц в пьесах современных авторов. Д. Н. Катышева раскрывает основные компоненты драмы [Катышева, 2001], М. Г. Меркулова рассматривает драматические универсалии [Меркулова и др., 2022]. Изучаются способы обрисовки персонажей в драме. В. Ю. Хартунг и А. В. Шевченко устанавливают специфику отражения личностных и поведенческих особенностей персонажей, изучают социальную, культурную и историческую ситуацию их развития [Хартунг и др., 2019]. Ученые анализируют речь персонажей, которая является средством создания художественного образа [Овечкина и др., 2019; Ефремова и др., 2019]. Составлялись классификации действующих лиц, раскрывалась специфика их характеристики в пьесах политической направленности [Нечипас и др., 2017; Рейнова, 2024]. Основные положения данных исследований были взяты за основу при анализе драматической интерпретации образов представителей британской королевской семьи в творчестве Майка Бартлетта.

Политическая драма представляет несомненный интерес для исследователей [Доценко и др., 2018; Полховская и др., 2018], поскольку в ней репрезентируются экзистенциальные конфликты [Сорокина, 2022]. Ряд работ в области литературоведения последних лет посвящен изучению феномена смешения жанров [Генова и др., 2019; Куриленко, 2016; Мазина и др., 2018].

Анализу пьесы М. Бартлетта «Король Карл III» посвящено пособие «Пьеса Майка Бартлетта “Король Карл III”: коммент.» [Хьюитт, 2019]. Данный труд содержит социокультурную и политическую информацию, необходимую для понимания проблем, которые затрагивает драматург. Также рассматриваются шекспировские аллюзии в пьесе «Король Карл III». В статье О. С. Подольской представлен обзор основных особенностей анализируемого произведения и раскрыта его идейная направленность [Подольская, 2021]. Учеными предпринимались попытки определить жанрово-стилистические особенности пьесы Майка Бартлетта «Король Карл III» [Бадмацыренова и др., 2021; Нечипас и др., 2018; Нечипас и др., 2019а; Нечипас и др., 2019б], однако не было проведено комплексного анализа, охватывающего все аспекты жанрового своеобразия данного произведения.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Жанровые особенности пьесы «Король Карл III» Майка Бартлетта

Майк Бартлетт написал произведение «Король Карл III» в 2014 году. Пьеса была сразу поставлена на сцене театра «Альмейда» в Лондоне. По-

становка вызвала большой интерес у публики и была отмечена многими наградами, в том числе премией Лоренса Оливье, номинацией на Тони и Драма Деск за лучшую новую пьесу. В 2017 году вышла экранизация пьесы, над адаптацией текста работал сам автор, Майк Бартлетт. Фильм почти в точности передает содержание пьесы, лишь некоторые сцены сокращены, что связано скорее с правилами киноиндустрии, нежели с желанием акцентировать внимание на других событиях сюжета. Основное отличие пьесы от ее киноадаптации заключается в том, что лидер оппозиции в пьесе — мужчина, в фильме — женщина. Примечательно, что и в пьесе, и в ее экранизации (на английском языке) действующие лица говорят пятистопным ямбом, вероятно, это связано с желанием отразить в фильме драматическое начало оригинала и подчеркнуть, что события разворачиваются в вымышленном мире.

Майк Бартлетт решил написать пьесу, повествующую о предполагаемых событиях, которые могли бы развернуться после смерти Елизаветы II еще при жизни королевы. Сюжет повествует о правлении ее сына, Карла III, еще до официальной коронации, о противоречивых политических решениях нового монарха и столкновении взглядов членов королевской семьи.

Центральными персонажами пьесы Майка Бартлетта выступают следующие действующие лица: Король Чарльз III; Камилла, герцогиня *Корнуольская*; Уильям, герцог *Кембриджский*; *Кэтрин*, герцогиня *Кембриджская*; *Принц Гарри*; Джесс Эдвардс, девушка Гарри; Премьер-министр Эванс и Марк Стивенс, лидер оппозиции. Персонажи вступают в конфликт, вызванный различиями в политических взглядах и несовпадением личных интересов.

Исследователи творчества Бартлетта отмечают, что в данной пьесе проявляется некий симбиоз политической драмы, политической комедии и сатирической комедии [Нечипас и др., 2019а, с. 461]. Вероятно, использование принципа эклектизма (объединение разнородных, внутренне не связанных, несовместимых взглядов, идей, концепций, стилей) объясняется желанием автора привлечь внимание общественности к острым проблемам английского общества и «внести разнообразие в существующие жанры политического характера» [Нечипас и др., 2019а, с. 461]. Рассмотрим подробнее, каким образом в пьесе происходит объединение различных жанров, а также проанализируем роль данного приема в раскрытии драматического конфликта.

Произведение, несомненно, относится к политической драме, поскольку в ней политическая действительность Великобритании выступает предметом изображения и художественного анализа. Политический сюжет произведения сочетается с личностными и межличностными конфликтами и разворачивается как в официальной (королевские аудиенции в Букингем-

ском дворце, церковные церемонии, рабочая обстановка на *Даунинг-стрит, 10*, собрание Палаты общин и т. д.), так и в обыденной обстановке (ночной клуб, улицы Лондона, домашняя обстановка во дворце и т. д.). Аудитория наблюдает за раскрытием внутреннего конфликта Чарльза, заключающегося в трудности его положения: немолодой мужчина, всю жизнь проживший в тени матери, выступает в роли нового монарха, он хочет не быть просто «номинальным» королем, а иметь реальную политическую власть.

Также раскрывается конфликт Чарльза с его старшим сыном, оканчивающийся отречением Чарльза от трона и коронацией Уильяма и Кэтрин:

Уильям: *“Старался я, но ничего не сделал” —*

Как муж, отец, а ныне — как король.

Вы не способны ни любить, ни править!

Чарльз: *Ты пересекаешь черту... Ты мне не сын!* [Бартлетт, 2015, с. 59].

Данная пьеса вобрала в себя черты политической комедии, высмеивающей пороки и недостатки общества, где сталкиваются жизненные взгляды представителей разных поколений. Например, Чарльз видит в Кэтрин только красивую обертку, главная задача которой — угодить принцу и родить наследников:

Чарльз: *И даже траур моде не помеха.*

Вы элегантны, Кейт, как и всегда [Бартлетт, 2015, с. 2].

Майк Бартлетт не оставляет без внимания и пороки «золотой молодежи». Лорд, друг принца Гарри, при встрече в ночном клубе говорит:

Лорд: *... Я ходил в народ! в кабаки*

пролетарский. Одежда соответственно, иначе мигом вычислят...

Ничего интересного там не нашел, но девицу склеил — для тебя [Бартлетт, 2015, с. 8].

В пьесе «Король Карл III» присутствуют элементы пародии и фарса. Перенос элементов Елизаветинского театра в современную эпоху, когда монархия стала более «символичной», драматург превращает трагедию в комедию. Исследователи отмечают, что «высокопарная речь представителей королевской семьи является ... пародией на шекспировские трагедии и исторические драмы, что становится ясным в противопоставлении со сленгом» [Нечипас и др., 2019а, с. 463]. Действующие лица пьесы «Король Карл III», а именно «представители королевской семьи, изъясняются высокопарными и книжными словами, в их диалогах можно проследить стилизацию под шекспировские сонеты» [Нечипас и др., 2019б, с. 117]. Бартлетт подчеркивает высокий социальный статус героев своего произведения, акцентирует внимание аудитории на их аристократичности и безукоризненных манерах. Автор высмеивает чрезмерную чопорность Британской короны. Пропасть между «простолудинами» и представителями высшего

класса показана даже в непринужденных, обыденных, казалось бы, диалогах. В качестве примера можно привести отрывок из разговора Джессики и Джеймса, пресс-секретаря Чарльза:

Джессика: *Он говорит: видел в новостях, какого ты золотого тельца заарканила. Делись со старым другом — личными! Не то портретик твой на фейсбук кину.*

Джеймс: *Печально... Обратитесь в полицию. А если вам действительно жалко принца — оставьте его в покое* [Бартлетт, 2015, с. 29].

Майк Бартлетт заимствует у Шекспира некоторые элементы сюжета. Можно определить, что пьеса «Король Карл III» построена на приеме стилизации [Нечипас и др., 2019б, с. 117]. В «Гамлете» и «Короле Карле III» заложен общий принцип построения завязки: в пьесе Бартлетта — это «ситуация траура по недавно почившей королеве Елизавете II» [Бадмацыренова и др., 2021, с. 120], после чего начинаются хлопоты перед коронацией нового монарха, у Шекспира — «траур по отцу принца Гамлета уже сменился “радостным” событием — недавней свадьбой матери Гамлета с дядей принца, Клавдием (хотя с момента смерти прошло всего два месяца)» [Бадмацыренова и др., 2021, с. 120]. Также Бартлетт заимствует прием введения в действие образа призрака. В трагедии Шекспира Гамлет вступает на путь мести после встречи с призраком отца. В пьесе Бартлетта призрак леди Дианы приходит к Чарльзу и Уильяму и говорит обоим, что они станут великими правителями. Это провоцирует конфликт между персонажами. Гарри лишь слышит крик призрака матери.

Пьесы объединяет общий мотив одиночества: Гамлет потерял доверие к близким людям, Чарльз чувствует, что после смерти родителей на его плечи свалилось огромное бремя: *Все кончено: на свете я один* [Бартлетт, 2015, с. 2]. Принц Гарри чувствует себя лишним в королевской семье и думает о сложении королевских обязанностей.

Можно отметить сходство пьес «Король Карл III» Бартлетта и «Король Лир» Шекспира. Современный драматург пародийно повторяет мотив отречения детей от их отцов. Принцы Уильям и Гарри предают Чарльза, заставляя его отречься от престола.

В пьесу «Король Карл III» вплелись элементы сатирической комедии: ирония и критическое изображение реальности. Легко улавливается «ироничное отношение членов королевской семьи по крови к таким же членам семьи, не имеющим королевских корней» [Нечипас и др., 2019а, с. 464]. Например, Камилла никогда не займет равное положение с королевскими особами:

Камилла: *Не может ведь великая держава*

Так долго оставаться без монарха!

Уильям: *Или монархини* [Бартлетт, 2015, с. 3].

Майк Бартлетт отходит от некоторых условностей елизаветинской драмы. В его пьесе женские персонажи выступают наравне с мужскими. Несмотря на то, что конфликт, в основе которого лежит борьба за власть, относится к возвышенной тематике, Бартлетт создает пародийное произведение. Его персонажи подвергаются насмешке, при этом они считают себя людьми, наделенными философской остротой мысли, макиавеллиевской хитростью и даже принципиальным героизмом. Драматург не использует возрожденческий способ обрисовки персонажей различными красками по принципу чистоты крови. В его драме главные члены королевской семьи далеко не безгрешны, хотя в прошлом истинные монархи обрисовывались драматургами в виде добрых и справедливых героев, а узурпаторы трона, например Ричард III, всегда представлялись в виде злых, коварных, жаждущих власти антагонистов. В пьесе нет демонических образов и элементов кровавой драмы, не изображены могущественные тираны, злодеи, и в то же время нет и образов гуманистов и людей высоких моральных принципов. Таким образом, перенос некоторых элементов елизаветинской драмы в современное драматическое произведение способствует смене жанра трагедии в комедийно-сатирический, несмотря на то, что изначально тематика отречения и свержения правителя несет в себе трагический оттенок.

3.2. Драматическая интерпретация образов членов британской королевской семьи

Главный герой пьесы — король Карл III — трагический персонаж. С самого начала действия он осознает, что его политическая сила носит лишь церемониальный характер:

Чарльз: *Увы, мое величество — лишь титул,*

А я — лишь тень моих великих предков [Бартлетт, 2015, с. 16].

В момент первого появления премьер-министра в сюжете пьесы Чарльз отстраняется от него, не желая выходить впервые к народу в новом статусе в присутствии Мистера Эванса:

Чарльз: *Мне лучше одному. Короне должно*

Над низменной политикой парить [Бартлетт, 2015, с. 7]

Все окружающие понимают, что Чарльз всю жизнь готовился стать монархом. Для него смерть матери — это огромная утрата и приобретение новых возможностей:

Уильям: *Крепись, отец! Огромная потеря...*

Но для тебя в ней есть и обретенье:

Ты вскоре наконец взойдешь на трон [Бартлетт, 2015, с. 2].

В пьесе и фильме автор наделяет героев способностью «пробиваться» сквозь «четвертую стену». В начале пьесы Чарльз произносит следующие слова:

Чарльз: *Я жизнь свою влачил в преддверье трона.
Признаюсь, я порой воображал:
Вот матушка безвременно почила —
Несчастный случай, редкая болезнь —
Я у кормила власти с юных лет
И царствую спокойно, мудро, долго...
Нет, всё же лучше, чтоб она жила!* [Бартлетт, 2015, с. 5].

Казалось бы, принц всю жизнь готовился к роли короля, но его не так уж и радует получение нового титула. Он тоскует по родным:

Чарльз: *Не камень я! Как всякий человек
Родителей любил я горячо* [Бартлетт, 2015, с. 2].

Еще больше его заботит внутренняя боязнь потерпеть неудачу, не справиться с ролью правителя, так и остаться в тени матери. В пьесе подчеркивается, что Елизавета II — символ стабильности, оплот традиций. Королева находила общий язык с политиками, но при этом никогда не теряла хватку, она даже сама спланировала свои похороны [Bartlett, 2016, р. 17]. Роль принца устраивала Чарльза больше, поскольку он мог всегда жить в мечтах и не бояться, что планы могут не осуществиться.

Новый король противостоит парламенту. Суть спора, завязавшегося на фоне принятия закона об ограничении свободы прессы, на самом деле лежит в противостоянии идей демократии и сущности монархического строя. С точки зрения членов парламента, правительство, избранное народом, имеет полное право руководить государством, а правящая корона — это лишь дань уважения традициям. Чарльз вступает в открытую борьбу с членами парламента, считает, что король — оплот демократии, единственный человек, вся жизнь которого посвящена народу. Он уверен, что право короля утверждать законы священо и не может быть оспорено. Раскрывается «конфликт интенций высокопоставленных особ» [Бадмаццуренова и др., 2021, с. 121].

Анализируя драматическую интерпретацию образов монарших особ в пьесе Майка Бартлетта, можно отметить, что автор с сочувствием относится к их непростой жизни, к которой постоянно приковано внимание прессы. Членам королевской семьи непозволительно проявлять эмоции на публике. Чарльзу жаль внуков, вынужденных поступать так же. Король говорит:

Чарльз: *Я исполнил то, что должно.
Но в этом ли сыновний долг: скрывать
У гроба материнского рыданья?* [Бартлетт, 2015, с. 2].

Чарльз может дать волю своим чувствам только наедине с супругой. Даже в присутствии других членов семьи ему приходится держать под контролем проявление эмоций: *Сюда идут — я вновь окаменел* [Бартлетт, 2015,

с. 2]. Однако в пьесе присутствует собирательный образ представителя простого народа, делающего ремарку по поводу кажущейся бесчувственности монарха. Пол, уличный продавец фаст-фуда говорит о похоронах королевы: *Новый-то на похоронах не плакал. Не по-людски...* [Бартлетт, 2015, с. 39]. Также он отмечает, что королева была тем символом, который объединял Великобританию, она была опорой государства в трудные времена.

Драматург неслучайно выбирает тему ограничения свободы прессы в качестве отправной точки в построении конфликта. Первым упоминанием в пьесе о пагубном влиянии СМИ на жизни членов королевской семьи становятся слова друга Гарри о том, что личная жизнь принца все время обсуждается в прессе. Джессика также отмечает, что образ Гарри представлен в дурном свете в телепрограммах, но в жизни он совсем другой человек.

Король сам выбирает тему нового законопроекта для разговора с премьер-министром. Закон уже принят обеими палатами парламента, монарху осталось лишь поставить подпись. Мистер Эванс выступает за его подписание, подчеркивает важность защиты частной жизни. Он не упускает возможности упомянуть о трагических обстоятельствах смерти принцессы Дианы.

Отметим, что введение образа призрака леди Дианы неслучайно, поскольку для королевской семьи тема ее трагической судьбы весьма болезненная. Ее образ вызывает сочувствие. Уильям отмечает:

Уильям: *Так мама в спальне запершись рыдала.*

Ах бедная... Мы слышали все с братом... [Бартлетт, 2015, с. 33].

Чарльз выступает против нового законопроекта, считает, что свобода слова в прессе — способ разоблачения коррупции и незакония. Однако тема свободы слова уходит на второй план, ее затмевает вопрос власти короля:

Чарльз: *Я страж корней народа моего,*

Истоков нашей мощи охранитель [Бартлетт, 2015, с. 13].

Мистер Эванс: *Народом избран, и законы будет*

Парламент принимать. Не я! Не вы! [Бартлетт, 2015, с. 13].

Премьер-министр и работники Даунинг-стрит, 10 с насмешкой читают письмо короля, в котором он предлагает свои поправки к закону. Высмеивается и сам факт написания письма от руки, а также то, что его доставил придворный слуга.

Чарльз проводит встречи не только с главой парламента, но и с лидером оппозиции. Мистер Стивенс представлен в виде коварного человека, сначала уверяющего короля в том, что разделяет его нежелание подписывать закон, ограничивающий свободу слова в прессе. Затем лидер

оппозиции поддерживает Мистера Эванса в противостоянии с королем и даже подталкивает премьер-министра на открытую конфронтацию. Не зря в первом диалоге короля с Мистером Стивенсоном проскальзывает мысль о его личной дружбе с газетчиками и подарках, которые он делает, чтобы угодить представителям СМИ.

Страх Чарльза заключается в полной потере значимости его слова в политике:

Чарльз: *Без голоса, без разума, без сердца
Я не король, не человек — я кукла,
Влекая рукою кукловода...* [Бартлетт, 2015, с. 26].

В пьесе отмечается, что правление Елизаветы II было непростым, но она всегда стойко переносила трудности и находила общий язык с политиками: *Но пал при ней наш бастион главнейший — Империя!* [Бартлетт, 2015, с. 27]. При ее правлении премьер-министрами были Уинстон Черчилль и Маргарет Тэтчер. Чарльз же вступил в противоборство с парламентом. В третьем акте Мистер Эванс и король делают заявления перед прессой. Премьер-министр намерен ввести закон в действие без подписи монарха, Чарльз выступает за независимость прессы, считает, что власть монарха значительнее:

Чарльз: *Полезнейшее новшество, однако ...
Оно есть дополнительный прибор,
Как для автомобиля навигатор...
Но стоит заблудиться нам — достанем
На сгибах поистершуюся карту
И старым, добрым способом отыщем
Вернейший путь...* [Бартлетт, 2015, с. 29].

Мистер Стивенс, используя «язык политиков», намекает Чарльзу, что ему следует, как это сделал Вильгельм IV, вмешаться в дела парламента коренным образом.

На фоне противоборства короля и парламента по поводу независимости прессы автор вводит в сюжет личную проблему Джессики, девушки Гарри. Ее образ явно контрастирует с представителями высшего сословия. Она простая студентка, которая не боится сказать Гарри о том, что выступает против монархии, считает, что члены королевской семьи живут на деньги налогоплательщиков и не имеют право «спускать их на ветер». Забавно, что Гарри, знакомя ее с пресс-секретарем своего отца, служащего ему уже более тридцати лет, делает ошибки в его имени и при этом говорит, что хорошо знает этого человека. Принц специально подшучивает над чопорным придворным, видя, что тот явно не одобряет отношения Гарри с простолюдинкой. Герцог и герцогиня Кембриджские гораздо теплее

принимают девушку. Кэтрин понравилась Джессика. Они обе из Рединга, Кэтрин получила образование в области истории искусств, Джессика проходит ту же образовательную программу.

Джессика становится жертвой нападок газетчиков из-за связи с принцем Гарри. Ее бывший возлюбленный продает прессе материалы из их личной переписки, в том числе интимные фотографии. Девушка не смогла найти поддержки пресс-секретаря короля, отправившего ее в полицию. Она решила расстаться с Гарри, чтобы ее «подпорченная» репутация не отразилась на принце, но Гарри не хочет отпускать девушку. Супруга принца Гарри Меган Маркл не является прототипом данного персонажа. Пьеса была написана в 2014 году, а знакомство пары состоялось в 2016 году. Примечательно, что в фильме роль Джессики исполняет темнокожая актриса. Вероятно, это связано с желанием автора подчеркнуть, что изменение взглядов происходит во всех слоях общества, королевская семья — не исключение. В пьесе присутствуют пророческие элементы, касающиеся жизни принца.

Рассмотрим образ Гарри. Ему всегда будет отводиться роль второго плана, он будет жить в тени брата [Bartlett, 2016, p. 22]. Он находит всяческие причины, чтобы сбежать из дворца. Даже после похорон бабушки принц уходит раньше других членов семьи, ссылаясь на головную боль. Гарри уже привык, что общество не воспринимает его всерьез. Ему приходится выслушивать подобные замечания:

Джессика: А вы уверены, что ваш отец — Чарльз?...

Тест на отцовство делали? Вы с этим хахалем оба рыжие.

Если ваш отец он — никакой вы не принц [Бартлетт, 2015, с. 9].

Еще один персонаж, Камилла, предстает перед нами как женщина, горячо поддерживающая супруга, с нетерпением ожидающая его коронации. Для нее он уже стал полноправным правителем [Bartlett, 2016, p. 13]. Автор вводит в полилог между Камиллой, Чарльзом, Кэтрин и Уильямом вопрос о необходимости проведения королевских церемоний:

Кэтрин: Так коронация — лишь маскарад?

Нелепый балаган, театр забавный?

Чарльз: Забавный? Ненавижу этот театр [Бартлетт, 2015, с. 3].

Для герцогини Корнуольской важно внимание публики. Примечательно влияние герцогини на мужа. Когда Мистре Эванс говорит с Кэтрин и Уильямом о действиях Чарльза, принц не хочет вмешиваться в политику и выражает поддержку королю. Но герцогиня не желает оставаться в стороне. Кэтрин постепенно настраивает мужа против его отца. Она настаивает на своем присутствии при дальнейших разговорах супруга с премьер-министром:

Кэтрин: Ты станешь королем

Когда-нибудь, и в тот же самый день

*Я стану королевой. В нашем браке
Не будет молчаливого партнера [Бартлетт, 2015, с. 35].*
За образом покорной супруги скрывается женщина, жаждущая власти:
Кэтрин: *Прекрасно, пусть меня не замечают!*
*Зато могу я действовать свободно,
Планировать, учиться, наблюдать,
К своей готовясь истинной судьбе:
Простая пешка выбьется в ферзи!* [Бартлетт, 2015, с. 47].
Герцогиня готова сыграть любую роль, лишь бы добиться своего:
Кэтрин: *По слову мудреца, весь мир есть театр.*
*Нарядимся в парадные костюмы
Да разыграем сцену позффектней —
И публика нас встретит на ура!* [Бартлетт, 2015, с. 50].

Уильям выступает в роли ведомого человека. Кэтрин легко убеждает его прислушаться к премьер-министру ради сохранения королевского статуса.

Также автор подчеркивает близкие отношения Елизаветы II и ее старшего внука. В личном разговоре она учила его, что монарх должен быть *столпом надежности в житейской смуте* [Бартлетт, 2015, с. 37], а также тому, что не нужно поддаваться соблазну власти.

Уильям предаёт отца, когда Чарльз пользуется своей главной королевской прерогативой помазанника божьего и распускает парламент. В стране происходят массовые протесты, все разделились на два лагеря: одни поддерживают короля, другие — парламент. Джессика тоже принимает участие в митинге, выступает против монарха. Однако *самая горячая новость: подруга принца в постели!* [Бартлетт, 2015, с. 42]. Этот сюжетный элемент демонстрирует разложение умов масс, которое происходит под влиянием прессы, постоянно рассказывающей о подробностях частной жизни вместо освещения важных политических проблем.

Когда принц Гарри приходит со своей девушкой к королю, он просит отца защитить Джессику от нападков прессы. Но это противоречит тому, за что монарх ведет борьбу. Он согласен принять девушку в семью, но защиты от СМИ дать ей не может. Гарри разочарован поведением отца и хочет сложить королевские полномочия. Король дает разрешение сыну поступать так, как он хочет, но только после коронации.

Чарльз приказывает усилить охрану и отдает приказ поставить танк рядом с Букингемским дворцом. Уильям больше не может наблюдать за тем, как рушится спокойная жизнь граждан. Он совершает поездку по Лондону без усиленной охраны и отмечает, что никакой угрозы жизни членов королевской семьи нет, а вооруженная охрана дворца — это лишнее. Конфликт отца и сына набирает силу в момент официального обращения Чарльза к народу

в прямом эфире, в ходе которого Уильям без предварительного согласования с королем берет на себя обязанность выступить посредником между парламентом и монархом. Уильям больше не обращается к королю как к отцу во время личного разговора, их общение становится холодным. Принц хочет, чтобы король объединял народ в условиях современности. Чарльз же читает старые архивы, в которых рассказывается о власти короля.

Кульминацией пьесы становится сцена предательства. Принцы выступают против отца. Кэтрин показывает свое истинное лицо: «Подписывайте, сэр, и едем дальше» [Бартлетт, 2015, с. 61]. Лишь Камилла остается верной супругу. Король не хочет потерять близких ему людей, не видеть детей и внуков. Он подписывает текст отречения.

Пьеса оканчивается сценой коронации Уильяма и Кэтрин, в ходе которой Гарри расстается с Джессикой, потому что новые монархи против их отношений, наносящих вред репутации короны. Принц Гарри становится марионеткой в руках брата, его судьба решена: *Он — король, я при нем — шут...* [Бартлетт, 2015, с. 64]. В финале действия Чарльз возлагает корону на голову Уильяма и произносит:

Чарльз: Как тяжела священная корона...

Камень драгоценные блестят

И манят издали своим богатством.

А в руки взял, и видишь — пустота.

Мой милый сын — храни тебя господь [Бартлетт, 2015, с. 65—66].

Таким образом, автор показывает, что жажда власти способна погубить любого, затуманить разум, заставить предать семью. Важно всегда оставаться добрым, сочувствующим человеком и следовать моральным принципам, без которых монарх — лишь красивая обертка, скрывающая внутренние пороки.

4. Заключение = Conclusions

В пьесе Майка Бартлетта «Король Карл III» личная жизнь членов британской королевской семьи становится основным предметом изображения, переплетаясь с темой власти. Драматург поднимает проблему противостояния демократии и монархии в современной Великобритании. Майкл Бартлетт погружает персонажей в вымышленный мир, где они оказываются в еще более затруднительном положении в связи со смертью Елизаветы II, являвшейся оплотом традиций и символом стабильности.

Чтобы превратить действующих лиц в полноценных персонажей произведения, сочетающего в себе элементы трагедии и пафоса, драматург обращается к возрожденческой драме. Майк Бартлетт переносит в современное произведение некоторые принципы жанрового построения и услов-

ности, заложенные в елизаветинской драме во времена абсолютной монархии, и создает пародийное произведение. В «Короле Карле III» аристократы говорят стихами, персонажи из низшего сословия — прозой. Главными действующими лицами выступают не таинственные фигуры, чьи загадки нам предстоит разгадать, а медийные особы, те люди и политики, о чьих недостатках многое известно общественности. В пьесе не разворачивается кровавая драма, нет образов абсолютных злодеев и гуманистов.

Действующие лица подразделяются на представителей различных социальных классов и носителей противоположных политических взглядов. Члены британской королевской семьи являются индивидуализированными персонажами, другие действующие лица — выступают в виде собирательных образов, выражающих взгляды различных слоев населения (лидеров политических партий, республиканцев, представителей старшего поколения и молодежи). Такая организация системы персонажей позволяет не только описать поступки действующих лиц в определенных событиях, но и дать оценку их личностей. Кроме характеристики действующих лиц, заложенной в их речи, или той, которую дают им другие герои, в пьесе также присутствует характеристика, выражающаяся через описание действий персонажей. Действующие лица «разрушают четвертую стену», напрямую обращаясь к зрителю, это позволяет зрителю глубже погрузиться в вымышленный мир, поверить, что все происходящее — это реальные события, требующие оценки общественности.

Характерной чертой пьесы Майка Бартлетта «Король Карл III» является прямая связь с референтом, которая реализуется в непосредственной соотнесенности: 1) с политической жизнью Великобритании; 2) с реальными представителями власти, являющимися прототипами персонажей; 3) с реальным политическим событием (подписанием Закона о диффамации (The Defamation Act 2013)).

В качестве перспектив дальнейшего исследования заявленной проблематики можно назвать выявление особенностей драматической интерпретации образов членов британской королевской семьи в смежных жанрах, что будет способствовать целостному пониманию современных социокультурных особенностей британского общества и идейной направленности произведений политической тематики.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Бартлетт М.* Король Карл III / М. Бартлетт ; пер. с англ. Т. Тульчинская. — Москва : Иностранная литература, 2015. — 66 с.
2. *Bartlett M.* King Charles III / M. Bartlett. — London : Nick Hern Books, 2016. — 122 p. — ISBN 978-1-84842-441-8.

Литература

1. *Бадмацыренова Д. Б.* Сравнительный анализ жанрово-стилистических особенностей пьесы У. Шекспира “Hamlet” и М. Бартлетта “King Charles III” / Д. Б. Бадмацыренова, Д. В. Эрдынеева, Д. Д. Эрдынеева // Казанская наука. — 2021. — № 10. — С. 119—124.
2. *Генова Н. М.* Смещение стилей в театре конца XIX — начала XX вв. / Н. М. Генова, Е. А. Шапоров // Культурное пространство Русского мира. — 2019. — № 2 (10). — С. 49—59.
3. *Доценко Е. Г.* Современная британская драма : Стоппард, Черчилл, Равенhill : коллективная монография / Е. Г. Доценко, Е. Н. Шилова, О. В. Ловцова ; Урал. гос. пед. ун-т; под ред. Е. Г. Доценко. — Екатеринбург : Изд-во АМБ, 2018. — 256 с.
4. *Ефремова Г. А.* Характеристика речевого поведения членов королевской семьи через выразительные средства в пьесе Майка Бартлетта “King Charles III” / Г. А. Ефремова, В. А. Золотова // Наука и образование сегодня. — 2019. — № 6—2 (41). — С. 83—86.
5. *Катышева Д. Н.* Вопросы теории драмы: действие, композиция, жанр / Д. Н. Катышева. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2001. — 208 с. — ISBN 978-5-8114-5071-8.
6. *Куриленко Е. Н.* Мюзикл и рок-опера : смещение жанров, смещение стилей / Е. Н. Куриленко // Теория и история искусства. — 2016. — № 3—4. — С. 210—227.
7. *Мазина Е. Н.* Игра стилей : проблема типологизации / Е. Н. Мазина, Е. В. Полховская // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. — 2022. — Т. 8. — № 3. — С. 70—77.
8. *Меркулова М. Г.* Полемика с драматургическими универсалиями в пьесе Марка Равенhill «Фауст мертв» : когнитивный аспект / М. Г. Меркулова, Н. А. Тропина // Когнитивные исследования языка. — 2022. — № 3 (50). — С. 523—527.
9. *Нечипас П. Ю.* Жанровые особенности политической комедии (на материале пьесы Майка Бартлетта «Король Карл III») / П. Ю. Нечипас, Е. В. Полховская // Дни науки КФУ им. В. И. Вернадского : IV научно-практическая конференция профессорско-преподавательского состава, аспирантов, студентов и молодых ученых. — Симферополь : Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, 2018. — Т. 2. — С. 111—112.
10. *Нечипас П. Ю.* Специфика характеристики персонажей в пьесе Дэвида Хейра «Всёкое бывает» / П. Ю. Нечипас, Е. В. Полховская // ADVANCED SCIENCE : сборник статей Международной научно-практической конференции. В 3 ч. — Пенза : Наука и Просвещение, 2017. — Ч. 3. — С. 58—62.
11. *Нечипас П. Ю.* Стилистая эклектика в пьесе Майка Бартлетта «Король Карл III» / П. Ю. Нечипас // Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы : Материалы IV Международного научного конгресса, Симферополь : Ариал, 2019. — С. 461—464.
12. *Нечипас П. Ю.* Стилистические особенности пьесы Майка Бартлетта «Король Карл III» / П. Ю. Нечипас, Е. В. Полховская // Конвергентные технологии XXI : вариативность, комбинаторика, коммуникация: материалы III Международной

междисциплинарной научной конференции. — Симферополь : Антика, 2019. — С. 115—120.

13. Овечкина Е. А. Речевая характеристика персонажа как средство создания художественного образа / Е. А. Овечкина, С. С. Васильева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 8 : Литературоведение. Журналистика. — 2019. — № 1 (18). — С. 18—22.

14. Подольская О. С. Британская корона как трудный выбор (по пьесе Майкла Бартлетта “King Charles III”) / О. С. Подольская // Сборник избранных статей по материалам научных конференций ГНИИ «Нацразвитие». — Санкт-Петербург : Нацразвитие, 2021. — С. 10—12. — ISBN 978-5-907437-07-4.

15. Полховская Е. В. К вопросу о переводе политической драмы Великобритании / Е. В. Полховская, П. Ю. Нечипас // Переводческий дискурс : междисциплинарный подход : материалы II международной научно-практической конференции. — Симферополь : Ариал, 2018. — С. 483—487. — ISBN 978-5-907032-50-7.

16. Пьеса Майка Бартлетта «Король Карл III» : коммент. (на англ. яз.) / науч. ред. К. Хьюитт при участии Т. Клименко, Т. Тимошиловой, С. Макаровой, Н. Соловьевой, А. Мурзич, Е. Доценко, Е. Поляковой, А. Белозеровой, С. Филон, О. Матвиенко, Т. Жаковой, Л. Каримовой, с. Савельева, Д. Ердыевовой, М. Рассоха, Ю. Хохловой, У. Баяртуевой, О. Подольской, Н. Юзefович, О. Ивченко и др. ; под общ. ред. Б. М. Проскурнина. — Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2019. — 51 с. — ISBN 978-5-7944-3322-7.

17. Рейнова А. В. Драматическая интерпретация образов современных политиков в пьесе Дэвида Хейра «Всякое бывает» / А. В. Рейнова // Российский лингвистический бюллетень. — 2024. — № 11(59). — С. 1—10. — DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2024.59.21>.

18. Сорокина М. А. Репрезентация экзистенциальных конфликтов в сериале «Корона» / М. А. Сорокина // Научный электронный журнал АРТИКУЛЪТ. — 2022. — № 2 (46). — С. 87—96. — DOI: 10.28995/2227-6165-2022-2-87-96.

19. Хартунг В. Ю. Речевая характеристика персонажа на различных уровнях текста как средство интерпретации художественного образа (на материале произведений Р. Даля) / В. Ю. Хартунг, А. В. Шевченко // Филологический аспект. — 2019. — № 2 (46). — С. 47—56.

Статья поступила в редакцию 04.11.2024,
одобрена после рецензирования 23.02.2025,
подготовлена к публикации 04.04.2025.

Material resources

Bartlett, M. (2015). *King Charles III*. Moscow: Foreign Literature. 66 p. (In Russ.).
Bartlett, M. (2016). *King Charles III*. London: Nick Hern Books. 122 p. ISBN 978-1-84842-441-8.

References

Badmatsyrenova, D. B., Erdineeva, D. V., Erdineeva, D. D. (2021). Comparative analysis of genre and stylistic features of W. Shakespeare’s play “Hamlet” and M. Bartlett’s “King Charles III”. *Kazan Science*, 10: 119—124. (In Russ.).
Dotsenko, E. G., Shilova, E. N. (2018). *Modern British drama: Stoppard, Churchill, Ravenhill: a collective monograph*. Yekaterinburg: Publishing House of the AMB. 256 p. (In Russ.).

- Efremova, G. A., Zolotova, V. A. (2019). Characteristics of the speech behavior of members of the royal family through expressive means in Mike Bartlett's play "King Charles III". *Science and Education Today*, 6—2 (41): 83—86. (In Russ.).
- Genova, N. M., Shaporev, E. A. (2019). Mixing of styles in the theater of the late 19th — early 20th centuries. *Cultural space of the Russian world*, 2 (10): 49—59. (In Russ.).
- Katysheva, D. N. (2001). *Questions of drama theory: action, composition, genre*. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Humanities of Trade Unions. 208 p. ISBN 978-5-8114-5071-8. (In Russ.).
- Khartung, V. Yu., Shevchenko, A. V. (2019). Speech characterization of a character at various levels of the text as a means of interpreting an artistic image (based on the works of R. Dahl). *Philological aspect*, 2 (46): 47—56. (In Russ.).
- Kurylenko, E. N. (2016). Musical and rock opera: mixing genres, mixing styles. *Theory and history of art*, 3—4: 210—227. (In Russ.).
- Mazina, E. N., Polkhovskaya, E. V. (2022). The game of styles: the problem of typologization. Scientific Notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. *Philological sciences*, 8 (3): 70—77. (In Russ.).
- Merkulova, M. G., Tropina, N. A. (2022). The polemic with dramatic universals in Mark Ravenhill's play "Faust is Dead": a cognitive aspect. *Cognitive studies of language*, 3 (50): 523—527. (In Russ.).
- Mike Bartlett's play "King Charles III": commentary. (2019). Perm: Perm State National Research University. 51 p. ISBN 978-5-7944-3322-7. (In Russ.).
- Nechipas, P. Yu. (2019). Stylistic eclecticism in Mike Bartlett's play "King Charles III". In: *Foreign philology. Social and national variability of language and literature: Proceedings of the IV International Scientific Congress*. Simferopol: Arial. 461—464. (In Russ.).
- Nechipas, P. Yu., Polkhovskaya, E. V. (2017). The specifics of characterization of characters in David Hare's play "Anything happens". In: *ADVANCED SCIENCE: collection of articles of the International Scientific and Practical Conference. At 3 p.m., 3. Penza: Science and Enlightenment*. 58—62. (In Russ.).
- Nechipas, P. Yu., Polkhovskaya, E. V. (2018). Genre features of political comedy (based on the play by Mike Bartlett "King Charles III"). In: *V. I. Vernadsky KFU Science Days: IV scientific and practical conference of faculty, graduate students, students and young scientists*, 2. Simferopol: V. I. Vernadsky Crimean Federal University. 111—112. (In Russ.).
- Nechipas, P. Yu., Polkhovskaya, E. V. (2019). Stylistic features of Mike Bartlett's play "King Charles III". In: *Convergent technologies XXI: variability, combinatorics, communication: proceedings of the III International Interdisciplinary Scientific Conference*. Simferopol: Antikva. 115—120. (In Russ.).
- Ovechkina, E. A., Vasilyeva, S. S. (2019). Speech characterization of a character as a means of creating an artistic image. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 8: Literary Criticism. Journalism*, 1 (18): 18—22. (In Russ.).
- Podolskaya, O. S. (2021). The British Crown as a difficult choice (based on the play by Michael Bartlett "King Charles III"). In: *Collection of selected articles based on the materials of scientific conferences of the State Research Institute "National Development"*. Saint Petersburg: GNII "National Development". 10—12. ISBN 978-5-907437-07-4. (In Russ.).
- Polkhovskaya, E. V., Nechipas, P. Yu. (2018). On the question of the translation of the political drama of Great Britain. In: *Translation discourse: an interdisciplinary approach*:

Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference. Simferopol: Publishing House Printing House “Arial”. 483—487. ISBN 978-5-907032-50-7. (In Russ.).

Reinova, A. V. (2024). Dramatic interpretation of the images of modern politicians in David Hare’s play “Anything Happens”. *Russian Linguistic Bulletin*, 11 (59): 1—10. DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2024.59.21>. (In Russ.).

Sorokina, M. A. (2022). Representation of existential conflicts in the series “The Crown”. *Scientific electronic journal ARTICULT*, 2 (46): 87—96. DOI: 10.28995/2227-6165-2022-2-87-96. (In Russ.).

*The article was submitted 04.11.2024;
approved after reviewing 23.02.2025;
accepted for publication 04.04.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(3), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Уртминцева М. Г. Жанр письма в творчестве М. Горького (переписка с В. Ф. Ходасевичем (1924—1925) / М. Г. Уртминцева // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 3. — С. 249—266. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-249-266.

Urtmintseva, M. G. (2025). Epistolary Genre in Works of Maxim Gorky: Correspondence with V. F. Khodasevich (1924—1925). *Nauchnyi dialog*, 14 (3): 249-266. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-249-266. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Жанр письма в творчестве М. Горького (переписка с В. Ф. Ходасевичем (1924—1925)

Уртминцева Марина Генриховна

orcid.org/0000-0001-5198-4116

доктор филологических наук,
профессор, кафедра славянской
филологии и культуры
urtminzeva@yandex.ru

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского
(Нижний Новгород, Россия)

Epistolary Genre in Works of Maxim Gorky: Correspondence with V. F. Khodasevich (1924—1925)

Marina G. Urtmintseva

orcid.org/0000-0001-5198-4116

Doctor of Philology, Professor,
Department of Slavic
Philology and Culture
urtminzeva@yandex.ru

National Research Lobachevsky State
University of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена исследованию особенностей жанра письма в эпистолярном наследии М. Горького 1924—1925 годов. Это период наиболее активного творческого общения с В. Ходасевичем, видным представителем русской культурной эмиграции. Цель статьи — показать, что письма М. Горького В. Ходасевичу — творческий акт, рождающийся в процессе недолгого эпистолярного общения корреспондентов. Представлены результаты анализа, в ходе которого было доказано, что рассматриваемые письма Горького представляют собой индивидуальную жанровую структуру. Представлена авторская разработка исследования жанра как динамической структуры, обладающей как устойчивыми сюжетно-композиционными приемами, так и вариативными способами апелляции к адресату, отражающими индивидуальность творческого процесса создания письма. В исследовании показано, что комплекс использованных в письмах Горького способов создания текста обусловлен особенностями личности участников, характером эпохи и обстоятельствами, в которых осуществляется переписка. Установлены устойчивые формулы эпистолярного общения М. Горького с В. Ходасевичем, сложившиеся в ходе обсуждения вопросов публикационной политики журнала «Беседа». Новизна исследования определяется доказательством многофункциональности этикетных приемов письменного диалога, ассоциативной обусловленностью сюжетной динамики, использованием различных видов сверткста, ориентацией на восприятие текста адресатом.

Ключевые слова:

М. Горький; В. Ходасевич; эпистолярный жанр; этикет письма.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article investigates the characteristics of the epistolary genre within the correspondence of Maxim Gorky during the years 1924–1925. This period marks a time of vibrant creative exchange with V. Khodasevich, a prominent figure in Russian cultural emigration. The aim of the study is to demonstrate that Gorky's letters to Khodasevich represent a creative act emerging from their brief yet impactful epistolary interaction. The analysis reveals that these letters constitute an individual genre structure, showcasing the author's innovative approach to the genre as a dynamic entity characterized by both stable narrative-compositional techniques and varied methods of addressing the recipient, reflecting the uniqueness of the creative process involved in composing the letters. The research highlights how the complex array of textual creation methods employed in Gorky's letters is influenced by the personalities of the correspondents, the nature of the era, and the circumstances surrounding their correspondence. It identifies consistent formulas in Gorky's epistolary communication with Khodasevich, particularly those developed during discussions on the publication policies of the journal "Beseda." The novelty of this study lies in its demonstration of the multifunctionality of polite discourse strategies in written dialogue, the associative nature of narrative dynamics, the use of various types of supertext, and the focus on how the text is perceived by its recipient.

Key words:

Maxim Gorky; V. Khodasevich; epistolary genre; letter etiquette.

УДК 82-155+82-6+821.161.1Горький.06

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-249-266

Научная специальность ВАК
5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

Жанр письма в творчестве М. Горького (переписка с В. Ф. Ходасевичем (1924—1925))

© Уртминцева М. Г., 2025

1. Введение = Introduction

Эпистолярная форма общения рассматривается в современной теории письма в разных аспектах. Вопросы комментирования и издания эпистолярных текстов поднимаются практически во всех работах, посвященных теории и практике изучения эпистолярия [Ефременко, 1964; Смирнова, 1964; Михайлов, 1964; Спиридонова, 2012], отмечается, что способ публикации писем определяется типом издания, то есть его целевой установкой [Благой, 1957; Гришунин, 1964], обосновываются принципы комментирования эпистолярия, учитывающие такие его параметры, как адресат, адресант и время написания [Прохоров, 1966; Спиридонова, 2018]. Архитектоника письма и категория исторического времени, в котором происходит общение адресата и адресанта, по мнению исследователей, являются важным основанием для признания письма как документа — источника [Сметанин, 1980], чему уделяется значительное внимание ученых-текстологов [Лихачев, 1983; Спиридонова, 2012]. В лингвистических исследованиях письма основное внимание уделяется изучению принципов письменного и устного общения, анализу речевых актов адресанта и адресата [Арутюнова, 1981], прагматике адресанта и способу интерпретации смысла написанного / сказанного [Демьянков, 1986]. Другое направление исследований связано с определением жанровых границ между письмом, эпистолярной формой литературно-критического материала, письмом как жанром публицистики [Михайлов, 1964; Прохоров, 1966] и художественным жанром эпистолы [Томашевский, 1931]. Диалогическая структура письма, объединяющая высказывания участников переписки, квалифицируется как особый вид текста [Паперно, 1974], «целостный текст» [Наумов, 1986].

Переписка М. Горького настолько обширна, что из двадцати четырех запланированных еще в 70-е годы томов в настоящее время увидели свет

двадцать два, при этом 22 том вышел в двух полутомах. Эпистолярное наследие М. Горького еще только предстоит освоить в полном объеме, рассмотрев его в контексте времени создания того или иного письма, личности адресата, определив таким образом вектор идейно-философских и художественных исканий писателя, характерных для общения с корреспондентом, обусловленного исторической ситуацией. В этом плане особого внимания заслуживают письма М. Горького середины 20-х годов из Италии, так как важное место в них занимают вопросы создания культуры молодого советского государства, распространения отечественной литературы за границами России, в частности в среде русской эмиграции [Бочарова, 2012].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В горьковедческих исследованиях эпистолярная начиная с 1940-х годов поднимались вопросы эдиционного характера [Балухатый и др., 1941], проводился анализ идейно-тематического плана переписки М. Горького с разными корреспондентами [Тимофеев, 1963, с. 10—29], разрабатывалась методика работы с письмом в процессе исследования творчества писателя [Волков, 1951; Бурсов, 1961], определялись принципы публикации и комментирования эпистолярного наследия М. Горького [Овчаренко, 1997]. В начале XXI века появляются работы, посвященные публикации и комментированию писем из архива М. Горького к разным адресатам [Горький и его корреспонденты ..., 2005], не издававшихся ранее писем Горького [Горький в зеркале, 2010], анализу особенностей эпистолярного общения М. Горького [Быстрова, 2018], методологии их публикации и комментирования [Плотникова, 2024].

Актуальность предпринятого исследования определяется тем, что текст письменного высказывания М. Горького рассматривается как структура, отражающая образ времени, в котором она осуществляется, характер отношений корреспондентов, меняющихся в зависимости от общественно-политических и личных обстоятельств. Комплексное исследование идейно-тематического, сюжетного, композиционного, стилистического своеобразия их переписки при использовании историко-функционального, рецептивного и типологического методов позволит восполнить существовавшую ранее лауну в представлении о взаимоотношениях М. Горького и В. Ходасевича, использовать письмо как документальный источник, сохранивший также образ эпохи середины 20-х годов XX века. Новизна работы заключается в доказательстве тезиса о письмах М. Горького к В. Ходасевичу как жанровой структуре, в которой синтезированы публицистическое и художественное начала.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Журнал «Беседа» и его роль в осуществлении контакта Советской России и русской эмиграции

Эпистолярное общение Горького периода эмиграции, после отъезда из России в 1921 году, становится особенно интенсивным. Живя в Италии, Горький оказывается своеобразным центром, осуществляющим связь между Россией и Европой. Об этом он сообщает в одном из писем А. Е. Богдановичу в мае 1925 года, признаваясь, что получает «в месяц, вероятно, 150—200 штук писем из России и из разных концов земли, от Харбина и Мельбурна, до Марокко и Парижа» [Горький, 2012, с. 179]. Письма Горького рубежа 1924—1925 годов привлекают не только широтой географии переписки. Они отражают те существенные изменения, которые произошли в 1925 году в отношениях между советской Россией и Западом. 1925 год в истории отечественной литературы стал рубежом, на долгие годы разделившим русскую культуру метрополии и эмиграции. Одним из симптомов начавшегося разрыва становится «окончательное» решение советских властей не допускать в Россию журнал «Беседа», издававшийся в Берлине (1923—1925). Он был создан по инициативе В. Шкловского, поддержанной М. Горьким и В. Ходасевичем. Несмотря на то, что задачу журнала его инициаторы видели в информировании читателя о состоянии литературы и науки в Европе и Америке, он так и не был допущен к распространению в Советском союзе. После выхода семи номеров было принято совместное решение издателей и редакторов закрыть проект. Судьба этого журнала, где редактором отдела поэзии был В. Ф. Ходасевич, о чем он пишет в своих воспоминаниях [Ходасевич, 1997], является смысловым центром переписки с ним М. Горького. Горький же неоднократно поднимает волнующий его вопрос допуска журнала в Россию в письмах к Ф. А. Брауну [Горький, 2012, с. 9]; Е. П. Пешковой [Там же, с. 53], Вяч. И. Иванову [Там же, с. 56], П. П. Крючкову [Там же, с. 75] и другим корреспондентам, но главным адресатом писем о «Беседе» выступает В. Ходасевич как его соредaktor.

Всего за рассматриваемый период со 2 июня 1924 года по 13 августа 1925 года из Сорренто Горьким было написано 14 писем Ходасевичу, после чего, как пишет исследователь, «обрывается семилетнее дружеское общение» Горького с В. Ходасевичем, связанное, по мнению И. А. Бочаровой, с «прекращением печатания журнала» и переездом Ходасевича весной 1925 года в Париж [Бочарова, 2012, с. 391]. Прекращению деловых и дружеских отношений, помимо разногласий другого порядка, безусловно, послужило также Постановление ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» [Постановление ..., 1925]. Однако еще 9 мая 1925 года, до публикации Постановления, Ходасевич после большо-

го перерыва в общении (предыдущее письмо Горького ему было написано 5 сентября) пишет адресату о назревшем разрыве между литературой эмиграции и метрополией: «Думаю, что дифференциация заканчивается. Кому суждено было сменить вехи, это уже сделали. Пожалуй, возможны еще единичные случаи, да и то вряд ли» [Ходасевич, 19976, с. 487]. Как отмечает И. А. Бочарова, «в эти самые дни “меняет вехи” и сам Ходасевич» [Бочарова, 2012, с. 392].

3.2. Публицистическая функция этикетности в структуре письма

Если читать письма Горького в хронологической последовательности и принимать во внимание их содержательно-структурный уровень и стилистику, то можно заметить, как постепенно, под влиянием внешних событий, угасал темп общения, но возрастал элемент шутливо-ироничного тона, за которым Горький пытался скрыть все более охватывающее его чувство беспомощности, отсутствие возможности издалека содействовать становлению новой русской культуры. Так в письме от 15 мая 1925 года Горький делится с Ходасевичем информацией, пришедшей из России о возможности распространения журнала «Беседа» в России: *По вопросу — огромнейшей важности вопросу! — о том, пущать или не пущать «Беседу» на Русь, было созвано многочисленное и чрезвычайное совещание сугубо мудрых* [Горький, 2012, с. 178]. Окончательное решение о запрете распространения журнала в Советском союзе было принято на заседании Политбюро ЦК РКП(б) 18 июня 1925 года. Впервые публикация Протокола заседания Политбюро ЦК РКП(б) и его подробный комментарий были осуществлены И. Вайнбергом [Вайнберг, 1995]. Свою оценку итогов «совещания сугубо мудрых» по вопросу «огромнейшей важности» Горький облакает в шутливую форму, используя просторечия (*пущать, воротится*). Включая просторечие в высказывание, Горький тем самым характеризует низкий уровень интеллектуальной культуры тех, кто принимает решения, препятствующие, по мнению Горького, литературному и научному образованию страны: *За то, чтобы пущать, высказались трое: Ионов, Каменев и Белицкий, а все остальные: «не пущать, тогда Горький воротится домой». А он и не воротится! Он тоже упрямый* [Горький, 2012, с. 178]. При этом текст высказывания строится на приеме имитации диалога, который ведет Горький со своими оппонентами там, в России, а не только с Ходасевичем.

Особой информативностью отличается этикетная часть письма, «завязка» диалога — обращение к адресату. Как правило (9 из 14 писем), обращение отделяется от следующего текста запятой: *Дорогой Владислав Фелицианович, Случевского вам привезет Блок, который вчера был у меня...* [Горький, 2012, с. 178], запятой и тире: *Дорогой Владислав Фелицианович, — совершенно согласен с вашей оценкой Зам(ятина)* [Горь-

кий, 2012, с. 23]. Такая конструкция «завязки» сюжета показывает, что Горькому необходимо сразу перейти к обсуждению вопросов, касающихся срочных редакционных дел либо актуальных литературных проблем. Так, письмо от 5 сентября 1924 года начинается с развернутого метафорического обращения к Ходасевичу: *Эффенди! Клянусь бородой Магомета и прахом моего отца, что я знаю разницу между Сентябрем и Октябрем....* [Горький, 2012, с. 51]. Речь идет о путанице с датой приезда в Сорренто, допущенной Ходасевичем. Адресант так воссоздает образ адресата, для которого вопросы творчества важнее бытовых проблем. Образ *Эффенди!* отсылает к сверхтекстовой реальности: так в османской империи обращались к человеку образованному, которому не подобает путать такие элементарные вещи, как следование октября за сентябрем, но извинительно тому, кто «забит» (по выражению Горького) *долголетним подсчетом хозяйственного инвентаря, некогда принадлежавшего небогатому помещику А. С. Пушкину* [Горький, 2012, с. 51]. Горький имеет в виду публикацию книги Ходасевича «Поэтическое хозяйство Пушкина» в Ленинграде.

Структура письма, датированного концом августа 1924 года, напоминает официальный документ: в правом верхнем углу, там, где всегда в официальных бумагах указывается адресат, значится: *В. Ф. Ходасевичу. 21.VIII.24.* Следующая строчка с красной строки: *Письмо в «Беседу» послал* [Горький, 2012, с. 48]. Такой способ расположения текста на странице — вынесение одного предложения в абзац — композиционный прием, характерный для публицистического стиля Горького еще самарского периода журналистской деятельности. Горький-публицист акцентировал те места текста, которые считал наиболее значимыми. В данном случае речь шла о «Письме в редакцию» В. Ходасевича, возмущенного тем, что его книга «Поэтическое хозяйство Пушкина» издана в Ленинграде (1924) с «безобразными искажениями, пропусками и добавлениями», которые автор называет «наглыми и умышленно издательскими» [Ходасевич, 1997, с. 476—478], в связи с этим он считает необходимым опубликовать «Письмо» и за границей, и в России. Горький выполняет просьбу В. Ходасевича, сообщает, что «Письмо послал», то есть отослал в редакцию «Русского современника», и никак не комментирует его содержание. В России текст письма В. Ходасевича в ответ на рецензию Б. Томашевского [Томашевский, а, 1924, с. 262—263] был опубликован в следующем, четвертом номере «Русского современника» в разделе «Письма в редакцию» вместе с ответом Б. Томашевского [Письма в редакцию ..., 1924, с. 281—282]. Как следует из «Письма» Ходасевича, его возмущение вызвал отзыв Б. Томашевского, указавшего на отдельные недостатки книги, а не на ее содержание в целом. Можно предположить, что отсутствие комментария (своеобразная фигура умолчания в письме Горького) свидетель-

ствовало о его несогласии с упреками Ходасевича в адрес Б. Томашевского, солидарности с позицией критика о недопустимости ведения публичной научной полемики в оскорбительном тоне.

В одном из последних писем от 13 августа 1925 года Горький опять начинает письмо без сложившегося в переписке с адресатом развернутого обращения (*Дорогой Владислав Фелицианович*). Мотивировано это принципиальным несогласием Горького с оценкой Ходасевичем советской России. Негативное отношение к позиции Ходасевича Горький, помимо прямого высказывания, выражает следующим образом: он помещает обращение в виде инициалов корреспондента в середину структуры первой фразы письма: *Я, конечно, не соглашусь, дорогой В. Ф., с тем, что в России «нет воли к работе», как Вы это утверждаете* [Горький, 2012, с. 243]. Так Горький реагирует на «объясняющее» письмо Ходасевича по поводу его очерка «Бельфаст»: *Вы не правы, — пишет Ходасевич, — сердясь на меня за «Бельфаст». Я не о сделанном писал, а о делании* (выделено курсивом автором письма. — М. У.). *О воле к работе, которой в России нет, как не было тогда, когда Вы писали «Работягу Словотекова». От прожекторства до — не один шаг* [Ходасевич, 1997, с. 487]. Поводом к полемике послужил очерк, написанный Ходасевичем по впечатлениям от посещения судостроительной верфи Бельфаст в Ирландии. В очерке автор дал высокую оценку организации труда в Бельфасте, противопоставив работу верфи тому, что не соответствует действительности в Советском Союзе, но превозносится советской литературой. *О, бедные российские воспеватели горна и молота! — писал Ходасевич. — Они славословят царевококшайскую комячейку, которая в сотрудничестве с комсомолом, укомом и исполкомом в каких-нибудь три воскресника коллективно сконструировала две пары клещей и вычистила полфунта ржавых гвоздей! Они и во сне не выдывали такой работы, как здесь, на полуумершей бельфастской верфи! О, скорбноглавые российские футуристы и урбанисты — единственный контингент, на вербованный воистину «от сохи»! Что видали они, кроме тихого Замоскворечья да идиллической речки Смородинки, той самой, у которой Илья Муромец сиднем сидел тридцать три года!* [Ходасевич, 1997, с. 45]. По-видимому, именно эти строки очерка Ходасевича рассердили Горького, поэтому в ответном письме он не поприветствовал, как обычно, своего корреспондента, но довольно резко высказался по поводу упомянутой в очерке пьесы «Работяга Словотеков». Содержание пьесы, по мнению Ходасевича, подтверждает отсутствие у русских людей «воли к работе». Горький вступает в полемику с Ходасевичем и, во-первых, указывает на существенное различие между понятиями «воля» и «умение», то есть включает суждение адресата в свой текст, усиливая этим негативную оценку неверно употребленного слова, хотя, конеч-

но, дело не только в этом («можно говорить и спорить не о наличии воли, а о наличии умения работать»), а во-вторых, пишет Горький, ссылка на «Словатскова» — не годится, текста этой шутки Вы не знаете [Горький, 2012, с. 243]. Обратим внимание на то, как эффективно Горький использует публицистический прием финальной фразы, «разбивающей» все аргументы адресата. Действительно, текст сценария пьесы, написанный Горьким, был существенно изменен режиссером и актерами Театра народной комедии. Сюжетный костяк действия дополнялся импровизациями, трюками, произвольно менялся произносимый текст, финал. Опубликованные в газетах аннотации сценария и его краткий пересказ отражали не авторский замысел, а его сценарную интерпретацию, не совпадавшую с оригинальным текстом [Горький, 1973, с. 533—535]. Как видим, и начало письма, и завершение первого абзаца содержат весьма серьезные упреки Ходасевичу, которого Горький уже не видит в качестве сотрудника «Беседы». Горький понимает, что изменившаяся после Постановления политбюро ЦК РКП (б) ситуация делает невозможным в дальнейшем издание «Беседы» за границей, и сообщает адресату, что в будущем «Беседа», *кажется, будет журналом, посвященным вопросам современной науки, современного искусства, без стихов, без беллетристики. Печататься будет в России, потому что это значительно дешевле* [Горький, 2012, с. 244]. На этом письме их эпистолярное общение завершилось.

3.3. Структура текста. Функции литературных ассоциаций

Содержание и структура основной части писем М. Горького В. Ходасевичу отражает еще одну сюжетно-композиционную особенность текста — расчет на образно-эмоциональную реакцию адресата, так как переход адресанта от одной темы к другой часто отражал не логику причинно-следственных связей, а характер рождения образов, возникающих у адресата по ассоциации, в процессе написания письма. Такой тип структуры характерен в основном для переписки начала совместной работы над проектом «Беседы». Так, в письме от 5 сентября 1924 года Горький сообщает, имея в виду работу над «Делом Артамоновых»: *... погряз в повести очень бытовой и в такой мере скучной, что если за скуку где-нибудь дадут премии, — первая премия обеспечена, я ее получу* [Горький, 2012, с. 52]. Следующий абзац Горький начинает с вопроса: *Как вам нравится Борис Савенков?* (так написано автором письма. — М. У.) [Там же] — и отвечает на него сам: *Я всегда считал его типичным русским мерзавцем карамазовского типа и, конечно, не Митей, а — Смердяковым. Палач, склонный к лирике* [Там же]. Образ Савинкова возникает в результате ассоциативного сближения времени действия «Дела Артамоновых» (конец XIX — начало XX веков), когда в России начинается распространение революционных идей, их

разрушительный потенциал запечатлен в образе героя повести Б. Савинкова «Конь бледный» (1909). Повесть, написанная в виде лирического дневника героя-террориста, размышляющего «о праве человека убить», в свое время вызвала резко отрицательную оценку Горького: *После «Коня бледного» я определенно невзлюбил автора этой, насквозь лживой повести, написанной палачом, не чуждым лиризма и зараженным карамазовской болезнью* [Горький, 1977, с. 689]. Источником, проясняющим эту ассоциацию, является заметка, набросанная Горьким во время суда над Б. Савинковым в Москве в конце августа 1924 года. Движение ассоциаций в данном письме весьма причудливо: от критической оценки собственной повести к реакции на судебный процесс над эсером-террористом и его характеристике как Смердякова. Образ реального Савинкова, представшего перед судом, воссоздается Горьким через обращение сразу к двум литературным персонажам: Смердякову и главному герою «Коня бледного» Жоржу, от лица которого ведется повествование. Обращаясь к Жоржу, руководителю террористической группы, один из ее членов (Ваня) спрашивает: *Думал ли ты, как веровать и как жить? <...> мне кажется, есть только два, всего два пути. Один, — все позволено. Понимаешь ли: все. И тогда — Смердяков. Если, конечно, сметь, если на все решиться. Ведь если нет Бога и Христос человек, то нет и любви, значит, нет ничего* [Савинков, 1914, с. 8]. Герой повести — Жорж, так же, как и его создатель, представлялся Горьким как живое воплощение смердяковщины — вершитель кровавого «подвига» во имя утверждения своего права распоряжаться судьбами людей.

Завершает письмо, начатое шутивым *Эффенди!*, интонация трагическая, вызванная предчувствием, что его «скудная повесть» об ушедшей России («Дело Артамоновых») не соответствует пафосу современной русской литературы, настроенной на изображение героического настоящего. Усиливает общий невеселый тон письма отсылка к образу «воспитательницы», как ее именует Горький, Б. Савинкова, Зинаиды Гиппиус, «этой талантливой и умной женщины», в свое время благословившей автора «Коня бледного» на литературную деятельность. Ассоциативное сближение роли Гиппиус в судьбе Б. Савинкова (псевд. В. Ропшин), возможно, было подсказано интуитивным разочарованием в полезности для литературы той работы, которую титанически проводил сам Горький с начинающими и не только писателями. Финал письма, начатого бодро и оптимистично, интонирован в резко противоположной манере: *И — вообще: каждый день, разевая гнилую пасть, орет гнусности и дышит отравой. Честное слово, — ночами я, один на один с собою, и так тяжело чувствую себя, что, — не будь это пошло и смешно — застрелился бы. Утешаюсь лишь тем, что все пишу, пишу до полного утомления и знаю, что пишу очень плохо,*

все не то, не так. Стараюсь шутить, — но тоже плохо выходит. Раньше шутка помогла мне [Горький, 2012, с. 52]. Сюжетно-композиционная структура письма весьма характерна: в ней отчетливо видно, как в процессе создания текста меняется настроение адресанта в зависимости от предмета высказывания, при этом сцепление отдельных фрагментов сюжета осуществляется на основе свободных ассоциаций.

Другой характерный пример сюжетного структурирования текста — включение в текст цитат или ссылок на «чужое слово», которые используются в качестве аргументов высказывания и раздвигают временные и пространственные рамки его. Так, в письме от 13 июля 1924 года, отвечая на вопрос корреспондента, давал ли он согласие на печатание своего рассказа «Встречи» в газете «Vossische Zeitung», Горький сообщает, что права на *все* (выделено Горьким) его издания *куплены Куртом Вольфом и Рубинштейном, т. е. ... сии купцы могут печатать меня даже на клозетной бумаге, что, они, вероятно, и сделают. Ибо — современному жителю Европы читать некогда* [Горький, 2012, с. 30—31]. В качестве аргумента Горький, подчеркивая господство товарно-денежных отношений в книгоиздательской сфере Западной Европы, приводит фразу из статьи Луначарского «Максим Горький» [Луначарский, 1924], заключая ее в кавычки: *«Таково положение писателя при капиталистическом строе», — как говорит Луначарский* [Горький, 2012, с. 30]. Контекст цитирования существенно расширяет смысловой потенциал высказывания за счет диалога, созданного Горьким по типу рассеянного разноречия. Он представляет собой модель бесконтактной дискуссии с Л. Троцким, вызванной публикацией в берлинском издательстве И. Ладыжникова статьи М. Горького «О русском крестьянстве» [Максим Горький, 1922]. Пафос отклика Троцкого, опубликованного в газете «Руль», определен целью автора «предупредить» русскую эмиграцию об опасности публикаций произведений Горького. «Переступил границы России <...>, пишет Троцкий, — проявляет себя теперь в своем истинном свете, возбуждает теперь русских крестьян и подстрекает их к революции против советского правительства. Такую деятельность мы должны осудить со всей решительностью» (выделенные слова Горький подчеркивает красным карандашом) [Троцкий, 1924]. В письме Горький не цитирует подчеркнутую, фразу, но интерпретирует ее следующим образом: *А т. Троцкий говорит, что я контрреволюционер и настраиваю крестьянство против советской власти. А т. Вишняк говорит наоборот: это я власть против крестьян настраиваю. И, вообще, все говорят, а кого слушать — не знаю* [Горький, 2012, с. 30]. Помимо синтаксического параллелизма, обозначившего еще одну сюжетную линию письма, анафоричность строения фраз с сочинительными суффиксами, по-видимому, обозначала бесконечность продолжения

перечислений обвинительного характера в адрес писателя. Горький четырежды повторяет слово *говорят*, тем самым усиливая ироническую оценку того, что о нем пишут в советской России. Зависимость писателя от прав европейских владельцев на издание его произведений отождествляется этим диалогом с тем, как реагировала власть предрежащих в России на авторитет писателя в европейской культуре.

Включение «чужого» слова или ссылка на него в сюжетной структуре выполняли также коммуникативную функцию: привлечь внимание корреспондента в расчете на ответную реакцию, однако не всегда она удовлетворяла адресанта. В одном из писем М. Горький делится с В. Ходасевичем мнением о публикации в России пьесы А. Толстого «Бунт машин» (1924), в предисловии к изданию которой автор указал, что «взял тему Чапека». По мнению Горького, это признание Толстого может стать причиной «крупного скандала, не лестного для нас», то есть для всех русских литераторов [Горький, 2012, с. 7], то есть дает адресату возможность обсудить тему литературного плагиата. Однако Ходасевич не разделяет беспокойства корреспондента и сообщает, что среди русской литературной эмиграции эта история известна, но *как-то ею не заняты* <...> *Если скандал пойдет в «планетарном масштабе», — писал адресат, — то, по-видимому, будут подчеркивать: мы — русские, а Толстой — СССР-ский* [Горький, 2012, с. 405—407]. Из ответа Ходасевича следует, что такое противопоставление является нормой в оценке современного литературного процесса в литературных кругах эмиграции, поэтому к этому вопросу в следующем письме корреспонденту Горький не возвращается, несмотря на то, что это противопоставление в известной степени могло быть применено и к оценке его собственного положения.

Появление в сюжете цитат было связано с редактированием материала, предназначенного к публикации, и запускало фрагмент сюжета литературно-критического характера. Так, в письме от 17 июня 1924 года Горький, высказываясь относительно очерка Н. А. Оцупа «Поездка в Малагроту», приводит перечень досадных ошибок, допущенных автором. Он пишет: *Христа — в иконографии — никогда не изображали «овцой», но лишь агнцем. Церковь не называет овцами «добрых пастырей». Ризотто не творог, а рис. И еще многое — в этом духе — допущено автором* [Горький, 2012, с. 17]. Помимо фактических ошибок, которые, по мнению Горького, необходимо устранить, есть и стилистические погрешности: *«фраза равная, автор шьет не той иглою»*, поэтому интересный в целом материал надо переписать, *«сократив, елико возможно, конец — со стр. 14-й»* [Там же]. Заметим, как деликатно выражает Горький свою оценку очерка, вводя в текст письма просторечия *елико* (устар. кн. «возможно»), *засим*, сближая по ассоциации оценку стиля, нуждающегося в правке (*шьет не той*

иглою), с тем, как Пушкин характеризует старательность Мавруши из «Домика в Коломне»: «Шить сядет — не умеет взять иголку; Ее бранят — она себе молчит...» [Пушкин, с. 332]. Выражение *не той иглою шьете* Горький использует и в других случаях, например, в письме И. Калининкову, критикуя *уродливые местные речения* в языке автора [Горький, 2012, с. 15].

Критическая оценка литературной деятельности кого-то из современников могла быть представлена и в виде краткого сообщения о важном событии, которое в данном случае имело большое значение и для адресанта, и для адресата. В письме от 23 июля 1924 года, в целом частного характера, четвертый абзац состоит из одной строки: *Новость: Луначарский пишет «Шекспира». Кажется, я рассержусь и начну писать Библию* [Горький, 2012, с. 33]. Горькому важно поделиться информацией о том, что происходит в России, где А. В. Луначарский занимает пост наркома просвещения. Судя по второй части фразы, Горький знал содержание статьи до ее публикации. Сам факт популяризации творчества Шекспира, конечно, был очень важен для Горького, но Луначарский, характеризуя мировоззрение Шекспира, существенно упрощает его: «В бога он верит плохо <...> Он прекрасно знает, что бог не играет в жизни большой роли <...> в самодержавие он не только не верит, но и терпеть его не может и считает его своим врагом <...>. Демократию он признает и считает, что она права, когда вопит от голода, когда сомневается в том, что в государственных законах есть сколько-нибудь правды, но считает ее слепым и бешеным стадом», Шекспир — это кличка графа Ретленда, «адепта совершенно определенной партийной линии, определенной группы» и т. д. [Луначарский, 1924]. Расчет автора на восприятие текста массовым читателем (журнал был органом ВЦСПС) вызывает резкое неприятие адресанта: он сравнивает достоверность сообщаемых сведений с тем, что могло бы выйти из-под пера Горького, поставившего цель написать Библию. Так в структуре письма возникает смысловая лакуна, цель которой — активизировать внимание адресата, способного к эмоционально-образному восприятию свободной ассоциации адресанта. Но эта же смысловая лакуна демонстрирует эффективность афористичности публицистики, включающейся в образную ткань дружеской беседы, «болтовни» о безнравственности Парижа, отъезде «в лимитроф свой» Будберг, нелюбви к немкам и работе итальянской почты.

4. Заключение = Conclusions

Проведенное исследование показало, что в переписке М. Горького с В. Ходасевичем складывается особый жанр, для которого характерна структура, обладающая как устойчивыми, так и вариативными приемами апелляции к адресату. Сюжетно-композиционное единство рассмотренных

писем к корреспонденту обусловлено тем, что все они созданы Горьким с целью укрепления творческого статуса русской литературы как классической, так и современной, за пределами СССР. Проблемно-тематический подход к анализу жанровой специфики писем в сочетании с хронологическим показал, что доминирующим признаком жанра является индивидуальность личности адресата. Опираясь на события и факты действительности, адресат создает сюжетно-композиционную структуру, в которой значительную роль играют авторские ассоциации, рождающиеся во время создания письма. Важную задачу в диалогической конструкции письма выполняют сверхтекст, представленный именами, произведениями, отсылающими к актуальным историко-литературным проблемам, и созданное ими семантическое поле смыслов, ориентированное на восприятие профессионального поэта, журналиста, литературного критика. Перспектива дальнейшего исследования письма как особого речевого жанра в творческом наследии М. Горького заключается в доказательстве гипотезы о письме как жанровой структуре, обладающей теми же функциональными возможностями, что и другие произведения художника слова.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Фактор адресата / Н. Д. Арутюнова // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. — 1981. — Т. 40. — № 4. — С. 356—367.
2. Балухатый С. Д. Литературная работа М. Горького. Дополнительный список первопечатных текстов и авторизованных изданий. 1889—1936 / С. Д. Балухатый, К. Д. Муратова. — Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1941. — 197 с.
3. Благой Д. Д. Типы советских изданий русских писателей-классиков / Д. Д. Благой // Вопросы текстологии. — Москва : [б. и.], 1957. — С. 5—28.
4. Бочарова И. А. Примечания / М. Горький // Полное собрание сочинений. Письма : в 24 т. — Москва : Наука, 2012. — Т. 15. — С. 391—399. — ISBN 9785020407978.
5. Бурсов Б. И. «Мать» М. Горького и вопросы социалистического реализма / Б. И. Бурсов. — Москва ; Ленинград : Государственное издательство художественной литературы, 1951. — С. 46—47.
6. Быстрова О. В. Проблемы комментирования писем А. М. Горького 1924—1930 гг. : по материалам тома 19 Полного собрания сочинений М. Горького (серия «Письма») / О. В. Быстрова // Текстологический временник. Русская литература XX века. Вопросы текстологии и источниковедения. — Москва : ИМЛИ РАН, 2018. — Книга 3. — С. 117—128.
7. Вайнберг И. И. Берлинский журнал «Беседа», его издатель С. Г. Каплун, поэт В. Ф. Ходасевич и другие / И. И. Вайнберг // Евреи в культуре русского зарубежья. — Иерусалим : [б. и.], 1995. — С. 187—207.
8. Волков А. А. М. Горький и литературное движение конца XIX и начала XX веков / А. А. Волков. — Москва : Советский писатель, 1951. — С. 64—66.

9. *Горький в зеркале эпохи (неизданная переписка)*. — Москва : ИМЛИ РАН, 2010. — 736 с. — ISBN 978-5-9208-0370-2.
10. *Горький и его корреспонденты* / ред. колл. — Москва : ИМЛИ РАН, 2005. — 680 с.
11. *Горький М. <Б. Савинков>* // Полное собрание сочинений. Варианты к художественным произведениям : в 10 т. — Москва : Наука, 1977. — Т. 5. — 714 с.
12. *Горький М. Полное собрание сочинений* : Художественные произведения : в 25 т. / М. Горький. — Москва : Наука, 1973. — Т. 19. — 557 с.
13. *Горький М. Полное собрание сочинений. Письма* : в 24 т. / М. Горький. — Москва : Наука, 2012. — Т. 15. — 966 с. — ISBN 978-5-02-040797-8.
14. *Гришунин А. Л. Принципы передачи эпистолярных жанров в печати* / А. Л. Гришунин // Принципы издания эпистолярных текстов. Вопросы текстологии. — Москва : Академия наук СССР, Институт мировой литературы им. А. М. Горького, 1964. — Выпуск 3. — С. 73—137.
15. *Демьянков В. З. Прагматические основы интерпретации высказывания* / В. З. Демьянков // Новое в зарубежной лингвистике. — 1986. — Выпуск 17. — С. 368—377.
16. *Ефременко Э. Л. Вопросы комментирования эпистолярных текстов* / Э. Л. Ефременко // Принципы издания эпистолярных текстов. — Москва : Академия наук СССР, Институт мировой литературы им. А. М. Горького, 1964. — Выпуск 3. — С. 138—181.
17. *Литературное наследство. Горький и советские писатели : неизданная переписка* / ред. И. С. Зильберштейн, Е. Б. Тагер ; вступ. ст. Л. И. Тимофеева. — Москва : Академия наук СССР, 1963. — Т. 70. — 736 с.
18. *Лихачев Д. С. Текстология* / Д. С. Лихачев. — Москва : Наука, 1983. — 639 с.
19. *Луначарский А. В. Максим Горький* / А. В. Луначарский // Призыв. — 1924. — № 5. — С. 104—120.
20. *Луначарский А. В. Шекспир и его век [Электронный ресурс]* / А. В. Луначарский // Наследие А. В. Луначарского. Книги. — Режим доступа : <http://lunacharsky.newgod.su> (дата обращения 09.01.2025).
21. *Максимъ Горькій. О русскомъ крестьянствѣ* / Максимъ Горькій. — Берлин : Издательство И. П. Ладыжникова, 1922. — 43 с.
22. *Михайлов А. Д. Основные типы зарубежных изданий эпистолярного наследия писателей : на материале французских писателей XVIII—XIX вв.* / А. Д. Михайлов // Принципы издания эпистолярных текстов. Вопросы текстологии. — Москва : Академия наук СССР, Институт мировой литературы им. А. М. Горького, 1964. — Выпуск 3. — С. 245—307.
23. *Муратова К. Д. Максим Горький и Леонид Андреев* / К. Д. Муратова // Литературное наследство. М. Горький и Л. Андреев : неизданная переписка. — Москва : Наука, 1965. — Т. 72. — С. 1—52.
24. *Наумов Е. Ю. Частная переписка XX—XXI вв. как объект археографического анализа* / Е. Ю. Наумов // Археографический ежегодник за 1986 год. — Москва : Наука, 1987. — С. 35—45.
25. *Овчаренко А. И. От редакции. Вступительная статья* / А. И. Овчаренко // М. Горький. Полное собрание сочинений. Письма : в 24 т. — Москва : Наука, 1997. — Т. 1. — С. 5—13.
26. *Паперно И. А. Переписка как вид текста. Структура письма* / И. А. Паперно // Материалы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам. — 1974. — № 1 (5). — С. 214—215.
27. *Письма в редакцию* // Русский современник. Литературно-художественный журнал. — 1924. — № 4. — С. 281—283.

28. Плотникова А. Г. Издание писем А. М. Горького : история и методология / А. Г. Плотникова // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. — 2024. — № 2 (март — апрель). — С. 71—79.
29. Постановление ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» 18 июня 1925 г. // Правда. — 1925. — № 147. — 1 июля.
30. Прохоров Е. И. Эпистолярная публицистика / Е. И. Прохоров. — Москва : Издательство Московского университета, 1966. — 60 с.
31. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 10 т. / А. С. Пушкин. — Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1950. — Т. IV. —
32. Савинков Б. В. [Ропшин В.] Конь бледный / Б. В. Савинков [В. Ропшин]. — 3-е изд. — Петроград ; Москва : Товарищество М. О. Вольф, 1914. — 125 с.
33. Сметанин В. А. Новое в развитии представлений об эпистолографии / В. А. Сметанин // Античная древность и средние века. — 1980. — Выпуск 17. — С. 5—18.
34. Смирнова Л. Н. Типы и виды изданий эпистолярного наследия / Л. Н. Смирнова // Принципы издания эпистолярных текстов. Вопросы текстологии. — Москва : Академия наук СССР, Институт мировой литературы им. А. М. Горького, 1964. — Выпуск 3. — С. 182—244.
35. Спиридонова Л. А. Проблема подготовки научного издания эпистолярных текстов / Л. А. Спиридонова // Текстологический временник. Русская литература XX века. Вопросы текстологии и источниковедения. — Москва : ИМЛИ РАН, 2018. — Книга 3. — С. 27—32.
36. Спиридонова Л. А. Сложные случаи реконструкции текста / Л. А. Спиридонова // Русская литература XX века. Текстологический временник. Вопросы текстологии и источниковедения. — Москва : ИМЛИ РАН, 2012. — Книга 2. — С. 20—25.
37. Тимофеев Л. И. Горький в переписке с советскими писателями / Л. И. Тимофеев // Литературное наследство. Горький и советские писатели. — Москва : Академия наук СССР, 1963. — Т. 70—2. — С. 7—26.
38. Томашевский Б. В. В. Ходасевич. Поэтическое хозяйство Пушкина. Ленинград, 1924 / Б. В. Томашевский // Русский современник. Литературно-художественный журнал. — 1924. — № 3. — С. 262—263.
39. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика / Б. В. Томашевский. — Москва ; Ленинград, 1931. — 241 с.
40. Троцкий Л. Д. Переступил границы России / Л. Д. Троцкий // Руль. — 1924. — № 1086. — 2 июля.
41. Ходасевич В. Ф. Бельфаст / В. Ф. Ходасевич // Собрание сочинений : в 4 т. — Москва : Согласие, 1997а. — Т. 3. — С. 40—46.
42. Ходасевич В. Ф. Собрание сочинений : в 4 т. / В. Ф. Ходасевич. — Москва : Согласие, 1997б. — Т. 4. — 741 с.

Статья поступила в редакцию 12.02.2025,
одобрена после рецензирования 12.04.2025,
подготовлена к публикации 22.04.2025.

References

- Arutyunova, N. D. (1981). Addressee's factor. *Proceedings of the USSR Academy of Sciences. a series of literature and language*, 40 (4): 356—367. (In Russ.).
- Balukhaty, S. D., Muratova, K. D. (1941). *Literary work of M. Gorky. An additional list of original printed texts and authorized editions. 1889—1936*. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 197 p. (In Russ.).

- Blagoy, D. D. (1957). Types of Soviet editions of Russian classic writers. In: *Questions of textual criticism*. Moscow: [b. i.]. 5—28. (In Russ.).
- Bocharova, I. A. (2012). Notes. In: *Complete works. Letters: in 24 volumes, 15*. Moscow: Nauka. 391—399. ISBN 9785020407978. (In Russ.).
- Bursov, B. I. (1951). *Gorky's "Mother" and questions of socialist Realism*. Moscow; Leningrad: State Publishing House of Fiction. 46—47. (In Russ.).
- Bystrova, O. V. (2018). Problems of commenting on the letters of A. M. Gorky in 1924—1930: based on the materials of Volume 19 of the Complete Works of M. Gorky (Letters series). In: *Textual Timeline. Russian literature of the twentieth century. Issues of textual and source studies, 3*. Moscow: IMLI RAS. 117—128. (In Russ.).
- Demyankov, V. Z. (1986). Pragmatic foundations of utterance interpretation. *New in foreign linguistics, 17*: 368—377. (In Russ.).
- Efremenko, E. L. (1964). Issues of commenting on epistolary texts. In: *Principles of publishing epistolary texts, 3*. Moscow: USSR Academy of Sciences, Gorky Institute of World Literature. 138—181. (In Russ.).
- Gorky and his correspondents*. (2005). Moscow: IMLI RAS. 680 p. (In Russ.).
- Gorky in the mirror of the Epoch (unpublished correspondence)*. (2010). Moscow: IMLI RAS. 736 p. ISBN 978-5-9208-0370-2. (In Russ.).
- Gorky, M. (1973). *Complete works of art: Works of art: in 25 volumes, 19*. Moscow: Nauka Publ. 557 p. (In Russ.).
- Gorky, M. (1977). <B. Savinkov>. In: *Complete works. Variants to works of art: in 10 volumes, 5*. Moscow: Nauka. 714 p. (In Russ.).
- Gorky, M. (2012). *The Complete Works. Letters: in 24 volumes, 15*. Moscow: Nauka. 966 p. ISBN 978-5-02-040797-8. (In Russ.).
- Grishunin, A. L. (1964). Principles of transmission of epistolary genres in print. In: *Principles of publishing epistolary texts. Issues of textology, 3*. Moscow: USSR Academy of Sciences, Gorky Institute of World Literature. 73—137. (In Russ.).
- Khodasevich, V. F. (1997a). Belfast. In: *Collected works: in 4 volumes, 3*. Moscow: Concord. 40—46. (In Russ.).
- Khodasevich, V. F. (1997b). Belfast. In: *Collected works: in 4 volumes, 4*. Moscow: Consent. 741 p. (In Russ.).
- Letters to the editor. (1924). *Russian Contemporary. Literary and Artistic journal, 4*: 281—283. (In Russ.).
- Likhachev, D. S. (1983). *Textology*. Moscow: Nauka Publ. 639 p. (In Russ.).
- Literary heritage. Gorky and the Soviet Writers: unpublished correspondence, 70*. (1963). Moscow: Academy of Sciences of the USSR. 736 p. (In Russ.).
- Lunacharsky, A. V. (1924). Maxim Gorky. *Call, 5*: 104—120. (In Russ.).
- Lunacharsky, A. V. B. Shakespeare and his century. *Legacy of A.V. Lunacharsky. Books*. Available at: <http://lunacharsky.newgod.su> (accessed 09.01.2025). (In Russ.).
- Maxim Gorky. (1922). *About the Russian peasantry*. Berlin: I. P. Ladyzhnikov Publishing House. 43 p. (In Russ.).
- Mikhailov, A. D. (1964). The main types of foreign publications of the epistolary heritage of writers: based on the material of French writers of the XVIII—XIX centuries. In: *Principles of publishing epistolary texts. Issues of textology, 3*. Moscow: USSR Academy of Sciences, Gorky Institute of World Literature. 245—307. (In Russ.).
- Muratova, K. D. (1965). Maxim Gorky and Leonid Andreev. In: *Literary legacy. M. Gorky and L. Andreev: unpublished correspondence, 72*. Moscow: Nauka Publ. 1—52. (In Russ.).

- Naumov, E. Y. (1987). Private correspondence of the XX—XXI centuries. as an object of archeographic analysis. In: *Archeographic Yearbook for 1986*. Moscow: Nauka Publ. 35—45. (In Russ.).
- Ovcharenko, A. I. (1997). Editor's note. Introductory article. In: M. Gorky. *The complete works. Letters: in 24 volumes, I*. Moscow: Nauka. 5—13. (In Russ.).
- Paperno, I. A. (1974). Correspondence as a type of text. The structure of writing. *Proceedings of the All-Union Symposium on Secondary Modeling Systems, 1 (5)*: 214—215. (In Russ.).
- Plotnikova, A. G. (2024). Publication of letters of A.M. Gorky: history and methodology. *Proceedings of the Russian Academy of Sciences. a series of literature and language, 2*: 71—79. (In Russ.).
- Prokhorov, E. I. (1966). *Epistolary journalism*. Moscow: Moscow University Press. 60 p. (In Russ.).
- Pushkin, A. S. (1950). *The complete works: in 10 volumes, IV*. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. (In Russ.).
- Resolution of the Central Committee of the Russian Communist Party (b) “On the party’s policy in the field of fiction” on June 18, 1925. (1925). *Pravda, 147: July 1*. (In Russ.).
- Savinkov, B. V. [Ropshin, V.] (1914). *Pale horse*. Petrograd; Moscow: M. O. Wolf Association. 125 p. (In Russ.).
- Smetanin, V. A. (1980). New in the development of ideas about epistolography. *Ancient antiquity and the Middle Ages, 17*: 5—18. (In Russ.).
- Smirnova, L. N. (1964). Types and types of publications of the epistolary heritage. In: *Principles of publishing epistolary texts. Issues of textology, 3*. Moscow: USSR Academy of Sciences, Gorky Institute of World Literature. 182—244. (In Russ.).
- Spiridonova, L. A. (2012). Complex cases of text reconstruction. In: *Russian literature of the twentieth century. The textual timeline. Issues of textual and source studies, 2*. Moscow: IMLI RAS. 20—25. (In Russ.).
- Spiridonova, L. A. (2018). The problem of preparing a scientific publication of epistolary texts. In: *Textual Timeline. Russian literature of the twentieth century. Issues of textual and source studies, 3*. Moscow: IMLI RAS. 27—32. (In Russ.).
- Timofeev, L. I. (1963). Gorky in correspondence with Soviet writers. In: *Literary heritage. Gorky and the Soviet writers, 70—2*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR. 7—26. (In Russ.).
- Tomashevsky, B. V. (1924). V. Khodasevich. Pushkin’s poetic economy. Leningrad, 1924. *Russian Contemporary. Literary and Artistic journal, 3*: 262—263. (In Russ.).
- Tomashevsky, B. V. (1931). *Theory of literature. Poetics*. Moscow; Leningrad. 241 p. (In Russ.).
- Trotsky, L. D. (1924). Crossed the borders of Russia. *Steering wheel, 1086: July 2*. (In Russ.).
- Volkov, A. A. (1951). *Gorky and the literary movement of the late 19th and early 20th centuries*. Moscow: Soviet Writer. 64—66. (In Russ.).
- Weinberg, I. I. (1995). The Berlin magazine “Conversation”, its publisher S. G. Kaplun, poet V. F. Khodasevich and others. In: *Jews in the culture of the Russian diaspora*. Jerusalem: [b. i.]. 187—207. (In Russ.).

*The article was submitted 12.02.2025;
approved after reviewing 12.04.2025;
accepted for publication 22.04.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(3), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Цветова Н. С. Публицистический контур советской литературной эпохи / Н. С. Цветова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 3. — С. 267—283. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-267-283.

Tsvetova, N. S. (2025). Journalistic Framework of Soviet Literary Era. *Nauchnyi dialog*, 14 (3): 267-283. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-267-283. (In Russ.).

Web of Science™

Scopus®

DOAJ

ERIH PLUS

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Публицистический контур советской литературной эпохи

Цветова Наталья Сергеевна

orcid.org/0000-0002-4093-0427

доктор филологических наук,
доцент, профессор,
кафедра медиалингвистики
cvetova@mail.ru

Русская христианская
гуманитарная академия
имени Ф. М. Достоевского
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при поддержке
Российского научного фонда,
проект № 23-18-00408,
Русская христианская
гуманитарная академия
им. Ф. М. Достоевского

Journalistic Framework of Soviet Literary Era

Natalia S. Tsvetova

orcid.org/0000-0002-4093-0427

Doctor of Philology,
Associate Professor, Professor,
Department of Media Linguistics
cvetova@mail.ru

Russian Christian Academy
for Humanities named after
Fyodor Dostoevsky
(St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:

The research was supported
by the Russian Science Foundation,
Project № 23-18-00408,
Russian Christian Academy
for Humanities named after
Fyodor Dostoevsky

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена ранней литературной публицистике Андрея Платонова и «манифесту» Валентина Распутина, в которых представлены установочный и завершающий этапы эволюции советской литературы. Актуальность темы обусловлена возобновлением исследовательского интереса к советской эпохе, необходимостью преодоления оценочных стереотипов. Новизна определяется постановкой проблемы и исследовательским подходом. Показано, что смысл и логика неформализованного писательского диалога выводят на проблему специфики национального литературного процесса, циклическая эволюция которого предопределена поиском ответов на вечные для русской литературы вопросы: кто я? к кому обращаюсь? ради чего? Как показывают публикации Платонова, советская литература начиналась с явного доминирования идеи создания «пролетарской» литературы. Аксиологические основания новой литературы изначально были представлены в смысловой структуре лексико-семантического поля «Труд», презентуемого романтико-патетически. Распутин свидетельствует, что в литературном дискурсе конца советской эпохи начинают доминировать массовые и постмодерные творческие установки. Надежду на сохранение преемственности и очередное обновление литературного пространства он связывает с будущим, в котором ключевым словом литературного дискурса станет существительное «народ» с его трактовкой в контексте национальной культурной традиции и истории.

Ключевые слова:

литературная публицистика; Платонов; Распутин; пролетарская литература; манифест.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the early literary journalism of Andrei Platonov and the “manifesto” of Valentin Rasputin, which represent the foundational and concluding phases of the evolution of Soviet literature. The relevance of this topic is underscored by a renewed scholarly interest in the Soviet era and the necessity to transcend evaluative stereotypes. The novelty of this study lies in the formulation of the problem and the research approach adopted. It is demonstrated that the meaning and logic of the informal writerly dialogue lead to the issue of the specificity of the national literary process, whose cyclical evolution is predetermined by the search for answers to timeless questions in Russian literature: Who am I? To whom do I address myself? For what purpose? As evidenced by Platonov’s publications, Soviet literature commenced with a pronounced emphasis on the creation of “proletarian” literature. The axiological foundations of this new literature were initially represented within the semantic structure of the lexical-semantic field of “Labor,” presented in a romantic and pathetic manner. Rasputin indicates that in the literary discourse of the late Soviet era, mass and postmodern creative orientations begin to dominate. He associates hope for the continuity and renewal of the literary landscape with a future in which the key term of literary discourse will be the noun ‘people’, interpreted within the context of national cultural tradition and history.

Key words:

literary journalism; Platonov; Rasputin; proletarian literature; manifesto.

УДК 821.161.1

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-267-283

Научная специальность ВАК
5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

Публицистический контур советской литературной эпохи

© Цветова Н. С., 2025

1. Введение = Introduction

Актуальность темы статьи обусловлена в значительной степени меняющейся социально-политической ситуацией, предполагающей возобновление исследовательского интереса к советской эпохе в целом и советской литературе в частности. Пафос этого интереса направлен на преодоление описательно-оценочных стереотипов, впервые системно представленных в уже исторической статье авторитетного советского литературного критика В. Оскоцкого, написанной для «Литературного энциклопедического словаря» [Оскоцкий, 1987, с. 389—392]. И до сих пор авторитет одного из ключевых справочных изданий двадцатого века определяет включение в описание советской литературы терминологической триады *идейность, партийность, социалистический реализм*, причем с закрепленной в семантике этой триады в течение последних десятилетий негативной оценкой. Но время идет и заставляет рассматривать эпохальные явления с разных точек зрения, с учетом всего разнообразия литературных фактов, событий, деталей литературной жизни и конкретных литературных биографий.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Использованный нами исследовательский подход сложился под влиянием известных техник описания «самосознания писателя в контексте истории», актуализирующих, как недавно написала И. И. Плеханова, «забытую, но давно созревшую тему» [Плеханова, 2024, с. 32], позволяющих, с нашей точки зрения, учитывать самые разнообразные мотивировки и стимулы историко-литературных явлений.

Специфика избранного подхода определяется поставленной целью — намерением восстановить эволюцию базовых характеристик советской литературы, зафиксированных в публицистических текстах лидеров литературного процесса начального и завершающего этапов советской истории: Андрея Платонова и Валентина Григорьевича Распутина.

Известно, что современные варианты исследования писательской авторефлексии в той или иной степени опираются на «Размышления о технике» Х. Ортеги-и-Гассета, опубликованные еще в 1935 году [Ортега-и-Гассет, 1997]. Этих вариантов в российском литературоведении три. Первый вариант следования методологии выдающегося испанца — работа М. Кольвашенко [Кольвашенко, 2009], посвященная глубинной саморефлексии начинающих писателей, выявляемой с помощью социологических инструментов, прежде всего посредством анкетирования. Второй, для нас принципиально важный опыт, представлен в монографии и докторской диссертации М. А. Хатямовой, исследователя литературоцентричных форм сохранения самооценности художественной реальности в текстах русских писателей первой половины XX века: Е. И. Замятина, Б. Зайцева, М. Осоргина, Н. Берберовой и других создателей программы новой для того времени «органической» поэтики, вытеснявшей поэтику символизма [Хатямова, 2008а; Хатямова, 2008б]. Еще один исследовательский подход в том же русле — в новой работе И. И. Плехановой, посвященной современной русской прозе о войне как художественной форме саморефлексии, презентующей разные возможности писательского самоопределения, формирования творческого поведения художника [Плеханова, 2024].

Наша исследовательская гипотеза базируется на убежденности в том, что «рефлексия писателей призвана открыть неочевидные смыслы, найти свой язык и формы, наметить перспективы» [Там же, с. 32].

Выбор в качестве эмпирического материала писательской литературной публицистики продиктован способностью этого типа словесности как особого вида творческой деятельности, в основе которой «личностная» позиция автора, транслировать с достаточной точностью и во всем многообразии широчайший диапазон мнений и представлений [Русская публицистика ..., 2021, с. 5]. Отбор публицистических текстов для анализа осуществлялся в соответствии с принципом релевантности.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Смысловые доминанты литературной публицистики А. Платонова.

Известно, что А. Платонов (1899—1951) вошел в историю советской литературы как прозаик, поэт, драматург, даже киносценарист [Корниенко, 2025]. Диапазон сложившихся на сегодняшний день интерпретаций творческого наследия писателя обозначен Б. Левит-Броуном: «То Платонов <...> слабый философ, то о его непостижимой алхимии толкуют», то «свидетелем мертвого Бога» называют, то о «святоотеческой сути» говорят. Но, думается, исследователь прав, когда утверждает, что А. Платонов был раз-

ным, «в зависимости от того, чем в разное время хотел и считал нужным быть» [Левит-Броун, 2023, с. 6].

Интересующий нас период творческой биографии Платонова «определяется временем революционных перемен, пафосом пересотворения действительности», которая воспринималась начинающим литератором с огромным энтузиазмом [Никонова, 2011, с. 9]. В этой логике ранняя публицистическая саморефлексия Платонова была установочной, законотворческой: осознавались законы, по которым создавалась новая литературная реальность, с одной стороны, и, с другой, — законы уникального художественного мира писателя, по которым этот мир и был сотворен [Там же, с. 5].

Возможность детального изучения уникального созидательного процесса появилась только в начале нынешнего века, после того как Институт мировой литературы Российской академии наук (ИМЛИ РАН, Москва) осуществил полное издание публицистики писателя [Платонов, 2004; Платонов, 2011]. Современные исследователи, на наш взгляд, справедливо считают наиболее значительным литературно-критическим высказыванием уже сформировавшегося писателя его статью 1926 года «Фабрика литературы», в которой изложены размышления о художественном методе советской литературы, представлен диалог с левовцами и конструктивистами, технология литературного творчества как способ обработки записных книжек [Заваркина, 2022].

Но первые «литературоцентричные» публицистические высказывания А. Платонова значительно раньше появлялись в массовых общественно-политических изданиях и посвящались вполне конкретным и сегодня кажущимся незначительными поводам: то диалогу с редакцией газеты «Трудовая армия» в связи с публикацией одного из его рассказов, то мечте о неотвратимости всеобщего восстания «угнетенных рабов» («Новые братья»), то «мертвому Богу» («Христос и мы»)... Значительная часть такого типа публикаций — юбилейные, посвященные Лермонтову, Достоевскому, Некрасову... Кроме того, начинающий писатель демонстрирует пристальный интерес к зарубежной классике: Хэмингуэю, Чапеку, Олдингтону. В самом полном на сегодняшний день академическом восьмитомнике представлены и внутренние платоновские рецензии на произведения писателей ему близких, большинство из которых были товарищами по литобъединению (А. Новиков, В. Соловьев, В. Юрезанский, Н. Бирюков-Раменский, А. Ноздрин, А. Кузнецова и др.). Но проблемно-тематическая пестрота ранней платоновской литературной публицистики не является безусловной характеристикой. Размышления молодого писателя формируются на основе признания очевидного открытия новой исторической, как следствие, литературной эпохи. Описание эпохи осуществляется в зоне нескольких

лексико-семантических полей [Зиновьева, 2003], представляющих собой единый дискурс, то есть гипертекст, посвященный «приходу пролетарского искусства» [Платонов, 2011, с. 15], задачу формирования которого Платонов осознает как генеральную в условиях становления новых общественных отношений, строительства нового мира.

В стремлении усилить и оправдать творческую активность начинающих пролетарских поэтов и писателей уже в 1919 году Платонов создает образы, концептуальный смысл которых прояснится значительно позже и в значительной степени повлияет на будущий конфликт писателя с партийно-литературным руководством. Приведем только один пример. Платонов так определяет пролетарскую литературу: «Это будет музыка всего космоса, стихия, не знающая граней и преград, факел, прожигающий недра тайн, огненный меч борьбы человечества с мраком и встречными слепыми силами» [Платонов, 2011, с. 8]. Как революционный романтик, он провозглашает торжественно, не без патетики: «Сущность всякого искусства — творческое выявление идей прекрасного, присущего всем людям» [Платонов, 2011, с. 8]. Повторяем, объединены метафорические формулы концептуально. Они представляют одно лексико-семантическое поле, презентующее эстетическую доминанту нового искусства — категорию *прекрасного*, воплощенную во всеобщей форме. По сути, в этом представлении — ответ на «особенно свойственный России вопрос», обостряющийся в переломные эпохи, — вопрос о соотношении общего и частного [Магвайр, 1993, с. 176]. Новая литература — «коллективное созидание прекрасного», «сотворение коммунистической Эдды и великих мифов труда и солидарности, мифов о грядущих машинах-чудовищах, слугах человечества в познании и покорении вселенной» [Платонов, 2011, с. 11]. «Созидание», «сотворение» — эти слова с конца второго десятилетия становятся ключевыми, транслирующими единые смысловые основания первых литературно-критических высказываний молодого писателя.

Еще одна важная деталь. Платонов уверен: «Поэт пишет не для чего-нибудь, а просто для себя, из **свободного** (выделено нами. — Н. Ц.) желания» («Поэзия рабочих и крестьян», 1920) [Там же, с. 16]. Конфликтность этого заявления станет очевидной позже, после появления в печати Постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «О политике партии в области литературы» [Постановление, 1925], в котором было заявлено: пролетарские писатели — «идейные руководители» советской литературы; новая литературная критика должна «давать отпор» не только «макулатуре», но и «отсебятине».

Аксиологическая основа пролетарской литературы представлена в литературной публицистике Платонова лексическо-семантическим полем,

в ядерной зоне которого концепт ТРУД. Цель пролетарской литературы — восстановление «восторга работы», который был утрачен «угнетенными рабами» («Да святится имя твое», 1920) [Платонов, 2011, с. 593]. И опять романтическая патетика, демонстрирующая устремленность в будущее: «Труд есть молитва человека самому себе, своим **утренним надеждам** (выделено мною. — *Н. Ц.*). Труд — истинная мать жизни» [Там же, с. 40].

Только труд, уверен писатель, дает возможность «чудесного» восстановления единства всего человечества: «Люди перестают жить для себя и для своей одной семьи, вылезают на свет, дружатся и любят с каждым. Человеку стало мало жить одним собою, своим телом, он сливается со всеми людьми, раньше бывшими ему чужими, дышит одной общей грудью и живет огромной душой всех близких и далеких людей ... Дух единения и сближения живет в каждом дыхании — дух любви, за который мучился Христос и который называл Богом» [Там же, с. 16].

Трудовое единение снимает еще одно противоречие, рожденное атеистической эпохой. В 1919 году оппоненты Платонова — еще не левовцы или конструктивисты, но носители «религиозно-идеалистических пережитков» и «мистики», создатели искусства для богатых — «утехи извращенных страстей» [Платонов, 2004, с. 8]. При этом, следует отметить, отрицание искусства Серебряного века не обозначает абсолютного, окончательного и бесповоротного отвержения всей предшествующей мировой культуры — «лестницы на небо, памяти человечества о всех путях и блуждениях» («Вечная жизнь», 1920) [Там же, с. 68].

Методологическая основа творческого созидания — материализм, который «не рождает новые идеи, он изучает мельчайшие факты в отдельности, потом замечает их зависимость, связывает и получает точную картину действительности», обеспечивая возвращение литературы в реальную жизнь. Подтверждается эта методологическая установка платоновским видением творческого процесса: «Внешний мир в сознании человека претворяется в цепь образов. Если образ производит слишком сильное впечатление, то он требует образного излияния, то есть своего творчества, выражения действием» [Платонов, 2004, с. 23].

1920 год для Платонова — время оформления образа создателя пролетарского искусства, новой литературы. Его не пугает то, что пока молодые литераторы «плохо грамотны и не привыкли думать <...>, произведения выходят корявыми и грязными», потому что уверен: перед молодыми литераторами открыты возможности «усовершенствования» [Платонов, 2004, с. 16]. «Гений рождается из дурачка» [Платонов, 2011, с. 15].

Платонов достаточно ясно формулирует, мотивирует позицию апологетов нового искусства как пролетарского, транслирует понимание себя че-

рез осознание собственной социальной идентичности, очевидные установки на саморазвитие, ориентируется на осознание исторического времени, которое принадлежит коллективному автору, хотя в его работах пока нет установки на создание оригинальной эстетической концепции.

Литературно-публицистические опыты Платонова доказывают, что концепция художественного метода советской литературы не была сугубо идеологическим продуктом. Это результат коллективного творчества, о чем позже было забыто, и вся ответственность за соцреализм затем возлагалась то на Горького, то на Сталина [Теория литературы ..., 2001, с. 408].

Публицистическая саморефлексия Платонова показывает, как, на каких основаниях восстанавливать по завершении Серебряного века поиск «правды жизни». При этом возникает парадокс, получивший воплощение в речевой форме платоновских текстов. Программные во многих смыслах высказывания ожидаемо выражают побудительную интенцию. Но доминирующая интенциональность не становится единственной, так как не менее очевидно стремление оценить современную литературную ситуацию, причем не только российскую, и перспективы литературного развития.

3.2. Литературные манифесты В. Распутина

Анализировать литературно-публицистическую позицию Валентина Григорьевича Распутина (1937—2015), лидера русского литературного традиционализма второй половины прошлого века, сложнее, потому что соответствующий материал еще не прошел академическую обработку. Видимо, наиболее полным собранием публицистики писателя на сегодняшний день можно считать издание, осуществленное Геннадием Сапроновым в 2007 году (сборник «В поисках берега») [Распутин, 2007]. В сборнике представлены наиболее известные выступления писателя, прежде всего выступления на Всемирном Русском Народном Соборе; очерки к 200-летию Пушкина, к юбилеям Л. Леонова, Л. Толстого, Г. Свиридова; статьи, посвященные Сибири и сибирякам, насущным вопросам современности; знаменитое эссе 2003 года «Байкал предо мною...».

Наиболее значительное исследование публицистики писателя на сегодняшний день — монография П. Каминского «Время и бремя тревог» (2012), в которой представлены концептуальные основания мировоззрения писателя, публицистика рассматривается как «несобственно-художественное высказывание автора о человеке и бытии» [Каминский, 2012, с. 6]. Исследовательский сюжет открывается описанием журналистской деятельности Распутина на рубеже 1950—1960-х годов, созданной им «утопической» модели дискурса. В кульминационных главах — размышления о деонтологической миссии искусства, презентация доминант эстетического и этического мышления писателя.

Ученый настаивает, что эпоха «зрелых и полноценных» раздумий писателя о проблемах литературного творчества — 1970-е годы. Кстати говоря, триггером обращения В. Г. Распутина к этой теме П. П. Каминский считает участие Распутина в семинарах молодых писателей, что напоминает об одной из причин обращения А. Платонова к литературной публицистике. Правда, ключевым жанром, в котором представлены литературные взгляды Распутина, П. Каминский называет интервью, что, на наш взгляд, отражает специфику коммуникативной ситуации, жанровые предпочтения журналистов конца XX — начала XXI веков. Так же, как и Платонов, Распутин считал необходимым рецензирование работ молодых авторов, но внутренние рецензии закрыты для читателей и исследователей, по крайней мере пока. Хотя уже сейчас вслед за П. Каминским можно утверждать, что цель внутреннего рецензирования у Распутина несколько иная: он не говорит о стремлении участвовать в становлении начинающих писателей, для него принципиально важен, как справедливо подчеркивает исследователь, поиск талантов. Конечно же, эта цель не противоречит внутренней устремленности А. Платонова в будущее, просто задача рецензента корректируется под давлением времени.

В. Распутин пишет о своих товарищах и единомышленниках С. Залыгине, В. Крупине, В. Кожинове, В. Белове, В. Астафьеве, Ф. Абрамове. Пишет о тех современниках, которые оказали влияние на него самого: об А. Вампилове, В. Шукшине, М. Шолохове, Л. Леонове, что важно, об одном из наиболее ярких представителей «третьей волны» русской эмиграции В. Максимове. Ряд почитаемых классиков у Платонова и Распутина примерно одинаковый: Пушкин, Достоевский, Некрасов... Украшение и усложнение этого ряда у Распутина, имевшего университетское филологическое образование, — «Слово о полку Игореве».

При попытке выявления доминантных характеристик литературной публицистики В. Г. Распутина П. П. Каминский делает, на наш взгляд, важное замечание, фиксирует как ключевую оценочную интенцию в анализируемых распутинских текстах. Он говорит о том, что в литературной публицистике писателя выражается универсальная система критериев оценки литературного произведения, основанная на эстетических представлениях.

Тут следует отметить, что и П. П. Каминский, и его последователи в поисках аргумента, несмотря на достаточно большой объем эмпирического материала, как правило, ориентируются в первую очередь на знаменитые распутинские статьи о Шукшине («Твой сын Россия, горячий брат наш», 1989) и Вампилове («С места вечного хранения. Об Александре Вампилове», 2002). Мы же, прежде всего, обращаем внимание на опубликованную в 1996 году статью В. Г. Распутина «Мой манифест» [Распутин, 2007,

с. 85—91], в названии которой представлено с наибольшей четкостью интересное нас проблемно-тематическое поле, и к тексту выступления В. Г. Распутина при вручении ему премии А. И. Солженицына (2000 год) [Там же, с. 208—217].

Сразу следует заметить, что уже при беглом знакомстве с распутинскими текстами бросается в глаза зафиксированное в сильной позиции начала принципиальное различие литературных ситуаций, как следствие, решаемых авторами сверхзадач. Платонов нацелен на создание нового писательского сообщества, объединенного сверхзадачей создания пролетарской литературы, прямо оппонирующей эстетическим представлениям Серебряного века. Распутин констатирует наступление новой революционной эпохи — времени «революционной непримиримости» [Там же, с. 209], подчеркивая, что новыми «неистовыми ревнителями» (определение С. И. Шешукова) в конце восьмидесятых — начале девяностых были учтены многие уроки двадцатых годов прошлого столетия, говорит о новой литературной ситуации как открывающей возможности не менее значительные, чем постреволюционные. Но он считал, что многие из надежд могли не оправдаться в силу распада писательского единства, атомизации литературного дискурса, проявляющейся в множественности индивидуальных писательских манифестов. Чем продиктована новая литературная ситуация? Разделенные многими десятилетиями писатели дают единый ответ на этот вопрос: и Платонов был уверен, и Распутин прямо говорил о том, что внутрилитературная борьба «обслуживает новую социальность» [Там же, с. 86].

Осознание определяющих характеристик реальности Распутиным, как и Платоновым, осуществляется через выявление и трансляцию содержания ключевых слов эпохи.

Концептосфера платоновской литературной публицистики, как мы отмечали выше, презентовала новое представление о революционной системе ценностей, с опорой на которую и создавался новый мир. Ключевой концепт первой постреволюционной эпохи — ТРУД, идеальный персонаж и читатель — человек труда. Платонов представлял побеждающее будущее русской литературы, которое виделось неизбежно связанным с доминированием именно человека труда, способного воплотить новое представление о красоте и гармонии.

В. Распутин выступает от лица проигравших, побежденных. В своем выступлении при вручении ему премии А. Солженицына он с горечью признается: «Победители не мы» [Распутин, 2007, с. 206]. На чем основано это горькое признание? На констатации деактуализации той системы ценностей, продвижением, восстановлением которой на протяжении трех десятилетий занимались традиционалисты-деревенщики. «Венцами

фундамента», воссозданием которого занимался он сам с сотоварищами, названы «традиции и обычаи, язык и легенды <...> покойники и история» [Там же], то есть «старые идеалы человеческого сердца» [Там же, с. 210], за сохранение которых, напоминает Распутин, ратовали Фолкнер и Гарднер. Писатель вводит в литературный дискурс в положительно оценочном статусе слово, которое, наверное, испугало бы современников Платонова: *патриархальность*. Решительно настаивает: «Патриархальность — это не кладбище, а кладовая» [Там же, с. 211].

Вторая особенность совершаемого на глазах Распутина нового революционного переворота, с его точки зрения, — «наркотизация» читателя, утрачивающего способность и желание жить в реальном мире. В отличие от Платонова, В. Распутин осуществляет более гибкое, сложное «моделирование образа адресата» [Щелкунова, 2004, с. 7]. Особое внимание Распутина к адресату продиктовано коммуникативной ситуацией конца XX века, читателем, сформированным советской эпохой, но под влиянием господствовавшей тогда эстетики постмодернизма утрачивающим классические ориентиры, преодолевающим авторитетность Пушкина, Достоевского, Гоголя. Достаточно вспомнить нашумевшую в начале нынешнего века статью «Ваши классики — уроды и кретины, — объясняет нам Маруся Климова» Аллы Латыниной [Латынина, 2005], репрезентовавшей квинтэссенцию постмодерной литературной аксиологии. Статья начиналась с описания новых литературных событий, в частности фестиваля петербургского декаданса «Темные ночи» (противовес «Белым ночам»), который проходил в феврале 1999 года в петербургском зоопарке. Поддержку в организации новых литературных событий, связанных с контркультурой, Марусе Климовой (петербургской переводчице французских маргинальных романов Т. Кондратович) оказывало движение под весьма красноречивым названием «Аристократический выбор России». Новые аристократы, можно предположить, благосклонно принимали заявления Климовой о том, что «Я помню чудное мгновенье...» — «плоская чушь», которую читать не стоит. И иные подобные высокомерные констатации звучали в те времена громко. Разумеется, Валентин Распутин в таких рода событий принимать участия не мог, как не мог он о них не слышать.

Распутинский читатель, в отличие от платоновского или климовского, по мнению писателя, был призван представлять не «аристократов», не передовую часть читающего человечества, а свой народ. Народ — ядро семантико-смысловой доминанты распутинской публицистики, фиксирующее произошедшее за десятилетия изменение литературно-антропологического кода русской литературы. Это еще один определяющий для художественной философии Распутина концепт. Как и Платонов, он боится

окончательных констатаций, исходит из понимания сложности нового времени, которое выражается во «всяческом разбеге» «тела народного» — в появлении «спившихся, озлобившихся, усомнившихся (платоновский эпитет. — *Н. Ц.*), уткнувшихся в себя» [Распутин, 2007, с. 235].

Но при этом Распутин выдвигает гипотезу о возможном восстановлении великого «призвания» литературы, которое заключается в служении не «пролетариату», а «народу». Реализация этой гипотезы, по Распутину, возможна только при одном условии — при создании ситуации, необходимой для возрождения уникального чувства патриотизма как ощущения вечной России, протянувшейся «от легендарного Китежа до легендарного Беловодья» [Там же].

Возможность сохранения кода национальной литературы, вопреки на шумевшим и находившим достаточную поддержку в конце 1980-х заявлениям В. Ерофеева о смерти советской литературы (Ерофеев В. Поминки по советской литературе), Распутин связывает с появлением нового типа писателя, «умеющего показать», «как стоять за Россию», и собрать «ополчение» на ее защиту [Там же, с. 89].

И еще одно важное, на наш взгляд, замечание. В центре внимания В. Распутина оказываются опасения по поводу глобалистского содержания литературной концепции Троцкого [Троцкий, 2023], едва брезжившие в статьях Платонова. Если бы открылась такая возможность, он точно бы обратил внимание на сомнения Платонова по поводу возможности навязывания «господствующей частью человечества» всем остальным «своих взглядов, характера, желаний» [Платонов, 2004, с. 18], на сомнения по поводу существования общечеловеческой культуры.

Наконец, Распутин почти удаляет из системы писательских координат ценности, выражающие идеологическое противостояние, не приемлет литературу «как разукрашенную идею» [Распутин, 2007, с. 213]. Русская литература, если ей удастся вернуться, по Распутину, в первую очередь должна преодолеть «духовную мутацию» [Там же], которая и определяет разрыв с национальной традицией. Литература должна вернуться как к базовому методологическому принципу к принципу изображения «правды жизни». Форма декодирования этой идеи, конечно же, не платоновская, но, как и у Платонова, имеющая сугубо этические основания, которые, видимо, с наибольшей очевидностью Распутин демонстрирует в статье, посвященной героям В. М. Шукшина «Твой сын, Россия, горячий брат наш» (1989), — в неслучайности, «логике и причинности созданных Шукшиным характеров» [Там же, с. 320]. Также совсем не случайно венчают шукшинский сюжет принципиально важные для Распутина размышления В. М. Шукшина о «Правде» как «Нравственности» и признание: «Тысячу раз прав Шукшин:

“народ всегда знает правду”. Ибо то и есть народ, что живет правдой, как бы ни тяжела была эта ноша, то и есть правда, что составляет первооснову и первосмысл этого понятия, не подверженную духовной ампутации истину о человеке и его жизни» [Там же, с. 235]. Так в сознании Распутина-аналитика сходятся методологическая установка Шукшина-художника и аксиологическая доминанта его художественной философии, они проявляются для того, чтобы стать одним из ключевых положений его собственной художественной философии. То есть и в распутинском случае литературная публицистика становится важным вариантом саморефлексии, нацеливается на реализацию задачи писательского самоопределения. Эта коммуникативная задача заложена уже в жанровом целеполагании: манифест — изначально ключевой жанр саморефлексии, правда, как правило, коллективной, но в данном случае коммуникативная ситуация и, соответственно, задача иные.

4. Заключение = Conclusions

Подводя итоги, следует сказать, что проанализированный литературно-публицистический материал иллюстрирует давнее утверждение Л. Гинзбург о том, что «литературная методология только оформляется логикой, порождается же она личной психологией в сочетании с чувством истории» [Гинзбург, 2020, с. 42]. Именно личная психология писателя, чувство истории в первую очередь находят выражение в публицистической саморефлексии художников, масштаб таланта которых позволил им взять на себя ответственность за литературную эпоху.

Андрей Платонов, безусловно, принадлежит к открывателям новой литературной эры. Легко обнаруживается формальный сигнал совершавшегося открытия — высокая частотность глагола *начинаться*, который является в ранних публицистических выступлениях писателя своеобразной лексической доминантой. Платонов пытается осознать феноменальные характеристики пролетарской литературы как признаки формирования нового литературного направления: есть новый субъект литературного развития — пролетарский писатель; есть новый объект изображения — человек труда, «живущий в согласии со своими природными законами» [Платонов, 2011, с. 8]; есть новая писательская сверхзадача — способствование «укреплению, развитию и совершенствованию жизни всех людей на земле» («Культура пролетариата») [Платонов, 2011, с. 17]. О сложности теоретического поиска свидетельствует отказ А. Платонова от «абсолютных выводов» («Культура пролетариата») [Платонов, 2011, с. 23], признание которых, с точки зрения писателя, препятствует выявлению истины.

Сегодня, наверное, особенно важно понимание того, что платоновские публикации свидетельствуют о сложности и значительности реальной пи-

сательской рефлексии по поводу литературного развития по сравнению с программой этого развития, представленной в официальных партийных документах, призванных это развитие направлять, форматировать.

У Распутина канва монолога о литературе, литераторах и читателях иная. Он рассуждает о завершении определенного цикла литературного развития, подводит итоги эпохи советской литературы, которая к концу века уточнила, если не разрушила многие установочные революционные концепты, создала достаточно серьезные основания для развития нескольких типов художественного сознания, уничтожившего единство литературного потока, о котором когда-то мечтал А. Платонов. Для определения сути распутинского «манифеста» справедливо использовать идею П. П. Каминского о презентации в этом тексте традиционного типа ментальности в социально-исторической ситуации модернизации [Каминский, 2012, с. 5]. Основная распутинская идея: новая литературная ситуация уничтожила общее представление о литературной сверхзадаче, аксиологическую сущность литературы советского периода, которая формировалась в первые послевоенные годы.

Саморефлексия Распутина — констатация случившихся утрат, состоявшегося поражения национальной литературной традиции, проявившихся и в читательской аксиологии, и в объекте художественного исследования, и в образе автора. Но, как когда-то написал Платонов, «созидание в конце процесса разрушения» [Платонов, 2004, с. 19]. Созидательная идея Распутина, по сути, зафиксировавшего завершение советского цикла развития русской литературы, направлена на преодоление «поминальной» риторики в уже упомянутых нами выступлениях модных в 1990-е постмодерных критиков (В. Ерофеев. Поминки по советской литературе // Литературная газета. 1990. 4 июля).

По Распутину, изменение доминант литературного развития привело к утрате читательского доверия к литературному тексту, к писательскому слову. Можно ли утраченное доверие восстановить? Распутинский ответ на этот вопрос — предлагаемый им вектор литературного развития, который направлен на восстановление способности русского писателя «вновь стать эхом народным и не бывавшее выразить с небывалой силой, в которой будут и боль, и любовь, и прозрение, и обновленный в страданиях человек» [Распутин, 2007, с. 89].

По сути, Платонов и Распутин вступают в диалог о литературе через десятилетия. Безусловно, диалог спровоцирован «актуальным настоящим» [Секацкий, 2017, с. 7], но логика этого диалога выводит на размышления о специфике национального литературного процесса, циклическая эволюция которого предопределена поиском ответов на вечные для русского писателя вопросы: кто я? к кому обращаюсь? в чем смысл моего обращения?

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Латынина А. Ваши классики — уроды и кретины, объясняет нам Маруся Климова / А. Латынина // Новый мир. — 2005. — № 4. — С. 150—157.
2. Платонов А. Собрание. Фабрика литературы. Литературная критика, публицистика 1920—1940-х г. / А. Платонов. — Москва : Время, 2011. — Т. 8. — 718 с.
3. Платонов А. Сочинения. Научное издание / А. Платонов. — Москва : ИМЛИ РАН, 2004. — Т. 1. — 514 с. — ISBN 5-9208-0146-8.
4. Постановление, 1925 — *О политике* партии в области художественной литературы : Постановление Политбюро ЦК РКП(б) от 18 июня 1925 г. // Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. Ф. 17. Оп. 3. Д. 507. Л. 4, 31—37. Копия на правах подлинника. Машинопись. Опубликовано в окончательном варианте: Правда. 1 июля 1925 г.; Известия ЦК РКП(б). 1925. №25—26. С. 8—9.
5. Распутин В. В поисках берега. Повесть, очерки, статьи, выступления, эссе / В. Распутин. — Иркутск : Издатель Сапронов, 2007. — 528 с. — ISBN 978-5-94535-87-8.

Литература

1. Гинзбург Л. Записные книжки. Воспоминания / Л. Гинзбург. — Москва : Эксмо, 2020. — 736 с. — ISBN 978-5-04-112742-8.
2. Заваркина М. В. А. Платонов в поисках самобытности: от «Фабрики литературы» к мастерству / М. В. Заваркина // Проблемы исторической поэтики. — 2022. — Т. 20. — № 3. — С. 186—212. — DOI: 10.15393/j9.art.2022.11246.
3. Зиновьева Е. Л. Понятие «поля» в лингвометодических исследованиях / Е. Л. Зиновьева // 32 международная филологическая конференция. — Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2003. — С. 108—112.
4. Каминский П. П. Время и бремя тревог. Публицистика В. Г. Распутина / В. Г. Распутин. — Москва : Флинта-Наука, 2012. — 240 с. — ISBN 978-5-9765-1337-2.
5. Кольвашенко М. Рефлексии на себя начинающих писателей / М. Кольвашенко // Развитие личности. — 2009. — № 1. — С. 29—38.
6. Корниенко Н. В. Платонов / Н. В. Корниенко // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги. Библиографический словарь. — Москва : ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. — Т. 3. — С. 69—75. — ISBN 5-94848-211-1.
7. Левит-Броун Б. Андрей Платонов, Георгий Иванов и другие... / Б. Левит-Броун. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2023. — 228 с. — ISBN 978-5-00163-714-9.
8. Магвайр Р. А. Конфликт общего и частного в советской литературе 1920-х годов / Р. А. Магвайр // Русская литература XX века. Исследования американских ученых. — Санкт-Петербург : СПбГУ ; Вирджиния : Петро-Риф, 1993. — С. 176—214.
9. Никонова Т. А. Андрей Платонов в диалоге с миром и социальной реальностью / Т. А. Никонова. — Воронеж : Наука-Юнипресс, 2011. — 220 с. — ISBN 978-5-4292-0025-5.
10. Ортега-и-Гассет Х. Размышления о технике / Х. Ортега-и-Гассет // Избранные труды. — Москва : Весь мир, 1997. — С. 164—233.
11. Оскоцкий В. Д. Советская литература / В. Д. Оскоцкий // Литературный энциклопедический словарь. — Москва : Советская энциклопедия, 1987. — С. 389—392.

12. Плеханова И. И. «Какое время на дворе... (рефлексия творчества в контексте СВО) / И. И. Плеханова // Родное и вселенское : идейно-эстетическая преемственность в развитии новейшей русской литературы. — Ульяновск : Ульяновский государственный технический университет, 2024. — Выпуск 9. — С. 32—40.

13. Русская публицистика : эволюция идей и форм. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2021. — 396 с. — ISBN 978-5-00165-366-0.

14. Секацкий А. Дезертиры с острова сокровищ / А. Секацкий. — Санкт-Петербург : Лимбус-Пресс, 2017. — 272 с. — ISBN 978-5-8370-0810-8.

15. Теория литературы. Литературный процесс. — Москва : ИМЛИ РАН-Наследие, 2001. — 624 с. — ISBN 5-9208-0058-5.

16. Троцкий Л. Д. Литература и революция / Л. Д. Троцкий. — Москва : АСТ, 2023. — 512 с. — ISBN 978-5-17-151803-5.

17. Хатямова М. А. Формы литературной саморефлексии в русской прозе первой трети XX в. : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.01.01 / М. А. Хатямова. — Томск, 2008. — 42 с.

18. Хатямова М. А. Формы литературной саморефлексии в русской прозе первой трети XX в. / М. А. Хатямова. — Москва : Языки славянской культуры, 2008. — 328 с. — ISBN 978-5-9551-0248-1.

19. Щелкунова Е. С. Публицистический текст в системе массовой коммуникации : специфика и функционирование / Е. С. Щелкунова. — Воронеж : Родная речь, 2004. — 194 с.

Статья поступила в редакцию 23.01.2025,
одобрена после рецензирования 22.03.2025,
подготовлена к публикации 01.04.2025.

Material resources

Latynina, A. (2005). Your classics are freaks and cretins, Marusya Klimova explains to us. *Novy Mir*, 4: 150—157. (In Russ.).

Platonov, A. (2011). *Collection. The literature factory. Literary criticism and journalism of the 1920s and 1940s*, 8. Moscow: Vremya Publ. 718 p. (In Russ.).

Platonov, A. (2004). *Essays. Scientific publication*, 1. Moscow: IMLI RAS. 514 p. ISBN 5-9208-0146-8. (In Russ.).

Rasputin, V. (2007). *In search of the shore. Novella, essays, articles, speeches, essays*. Irkutsk: Sapronov Publishing House. 528 p. ISBN 978-5-94535-87-8. (In Russ.).

Resolution of 1925 — On the Party's Policy in the Field of Fiction: Resolution of the Politburo of the Central Committee of the RCP(b) of June 18, 1925 // *Russian Center for the Preservation and Study of Documents of Modern History*. F. 17. Op. 3. D. 507. L. 4, 31—37. Copy as original. Typescript. Published in its final version: *Pravda*. July 1, 1925; *Izvestia of the Central Committee of the RCP(b)*. 1925. No. 25—26. Pp. 8—9.

References

Ginzburg, L. (2020). *Notebooks. Memoirs*. Moscow: Eksmo. 736 p. ISBN 978-5-04-112742-8. (In Russ.).

Kaminsky, P. P. (2012). *Time and the burden of anxiety. The journalism of V. G. Rasputin*. Moscow: Flinta-Nauka Publ. 240 p. ISBN 978-5-9765-1337-2. (In Russ.).

- Khatyamova, M. A. (2008). *Forms of literary self-reflection in Russian prose of the first third of the twentieth century*. Author's abstract of Doct. Diss. Tomsk. 42 p. (In Russ.).
- Khatyamova, M. A. (2008). *Forms of literary self-reflection in Russian prose of the first third of the twentieth century*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 328 p. ISBN 978-5-9551-0248-1. (In Russ.).
- Kolvashenko, M. (2009). Reflections on oneself by novice writers. *Personality development, 1*: 29—38. (In Russ.).
- Kornienko, N. V. (2005). Platonov. In: *Russian literature of the twentieth century. Novelists, poets, playwrights. Biobibliographical dictionary, 3*. Moscow: OLMA-PRESS Invest. 69—75. ISBN 5-94848-211-1. (In Russ.).
- Levit-Brown, B. (2023). *Andrey Platonov, Georgy Ivanov and others...* St. Petersburg: Alethea. 228 p. ISBN 978-5-00163-714-9. (In Russ.).
- Maguire, R. A. (1993). Conflict of the general and the particular in Soviet literature of the 1920s. *Russian literature of the twentieth century. Research by American scientists*. St. Petersburg: St. Petersburg State University; Virginia: Petro-Rif. 176—214. (In Russ.).
- Nikonova, T. A. (2011). *Andrey Platonov in dialogue with the world and social reality*. Voronezh: Nauka-Unipress. 220 p. ISBN 978-5-4292-0025-5. (In Russ.).
- Ortega y Gasset, H. (1997). Reflections on technology. In: *Selected works*. Moscow: The Whole World. 164—233. (In Russ.).
- Oskotsky, V. D. (1987). Soviet literature. In: *Literary encyclopedic dictionary*. Moscow: Soviet Encyclopedia. 389—392. (In Russ.).
- Plekhanova, I. I. “What time is it” ... (reflection of creativity in the context of Russian literature). In: *Native and universal: ideological and aesthetic continuity in the development of modern Russian literature, 9*. Ulyanovsk: Ulyanovsk State Technical University. 32—40. (In Russ.).
- Russian journalism: the evolution of ideas and forms*. (2021). St. Petersburg: Alethea. 396 p. ISBN 978-5-00165-366-0. (In Russ.).
- Sekatsky, A. (2017). *Deserters from Treasure Island*. Saint Petersburg: Limbus Press. 272 p. ISBN 978-5-8370-0810-8. (In Russ.).
- Shchelkunova, E. S. (2004). *Journalistic text in the mass communication system: specifics and functioning*. Voronezh: Rodnaya Rech Publ. 194 p. (In Russ.).
- Theory of Literature. The literary process*. (2001). Moscow: IMLI RAS-Heritage. 624 p. ISBN 5-9208-0058-5. (In Russ.).
- Trotsky, L. D. (2023). *Literature and revolution*. Moscow: AST. 512 p. ISBN 978-5-17-151803-5. (In Russ.).
- Zavarkina, M. V. (2022). A. Platonov in search of identity: from the “Factory of Literature” to mastery. *Problems of Historical Poetics, 20 (3)*: 186—212. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11246. (In Russ.).
- Zinovieva, E. L. (2003). The concept of “fields” in linguistic methodological research. In: *32nd International Philological Conference*. Saint Petersburg: Faculty of Philology, St. Petersburg State University. 108—112. (In Russ.).

*The article was submitted 23.01.2025;
approved after reviewing 22.03.2025;
accepted for publication 01.04.2025.*

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ HISTORY

.....

Александр Анатольевич Сорокин, канд. истор. наук (Нижний Новгород)
Александр Геннадьевич Нестеров, д-р истор. наук (Екатеринбург)
Валерия Николаевна Красивская, канд. истор. наук (Москва)
Виктор Павлович Ермаков, канд. истор. наук (Пятигорск)
Владимир Андреевич Катунцев, аспирант (Тюмень)
Владимир Николаевич Мамяченков, д-р истор. наук (Екатеринбург)
Владимир Николаевич Шайдуров, д-р истор. наук (Санкт-Петербург)
Владимир Павлович Мотревич, д-р истор. наук (Екатеринбург)
Вячеслав Викторович Калинов, д-р истор. наук (Москва)
Георгий Сергеевич Махрачев, канд. истор. наук (Тамбов)
Екатерина Дмитриевна Крапивницкая, канд. полит. наук (Екатеринбург)
Екатерина Николаевна Бадмаева, д-р истор. наук (Элиста)
Екатерина Олеговна Муслимова, канд. истор. наук (Тюмень)
Елена Владимировна Бодрова, д-р истор. наук (Москва)
Ильдар Рашидович Хамзин, канд. истор. наук (Екатеринбург)
Илья Николаевич Колесников, канд. истор. наук (Пятигорск)
Константин Викторович Каспарян, канд. истор. наук (Пятигорск)
Марина Бариевна Ларионова, канд. истор. наук (Екатеринбург)
Оксана Олеговна Завьялова, канд. истор. наук (Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург)
Ольга Николаевна Богатырева, д-р истор. наук (Екатеринбург)
Полина Ивановна Буцык, научный сотрудник (Екатеринбург)
Рустам Талгатович Ганиев, канд. истор. наук (Екатеринбург)
Сапорбой Наврузович Наврузов, канд. истор. наук (Хива, Узбекистан)
Сергей Львович Разинков, канд. истор. наук (Екатеринбург)
Татьяна Алексеевна Заглодина, канд. социол. наук (Екатеринбург)
Умидбек Матниязович Абдалов, канд. истор. наук (Хива, Узбекистан)
Юрий Вячеславович Соколов, млад. науч. сотрудник (Нижний Новгород)
Юрий Михайлович Гордеев, канд. пед. наук (Кемерово)

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(3), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Бадмаева Е. Н. Отгонно-пастбищное животноводство регионов Юга России в природно-климатических условиях «Черных земель» Калмыкии в 1930-е годы / Е. Н. Бадмаева // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 3. — С. 285—302. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-285-302.

Badmaeva, E. N. (2025). Pastoral Livestock Farming in Southern Regions of Russia under Natural and Climatic Conditions of “Black Earth” of Kalmykia in 1930s. *Nauchnyi dialog*, 14 (3): 285-302. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-285-302. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

НАУЧНО-ИНТЕГРАЦИОННЫЙ
ЦЕНТР

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Отгонно-пастбищное животноводство регионов Юга России в природно-климатических условиях «Черных земель» Калмыкии в 1930-е годы

Бадмаева Екатерина Николаевна

orcid.org/0000-0002-4472-5535

доктор исторических наук,
директор Международного
научно-исследовательского центра
«Ойраты и калмыки
на евразийском пространстве»
en-badmaeva@yandex.ru

Калмыцкий государственный
университет имени Б. Б. Городовикова
(Элиста, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 22-18-00313 «Трансформация
кочевых обществ Юга России
в контексте
природно-климатических
факторов (XIX — середина XX веков)»

Pastoral Livestock Farming in Southern Regions of Russia under Natural and Climatic Conditions of “Black Earth” of Kalmykia in 1930s

Ekaterina N. Badmaeva

orcid.org/0000-0002-4472-5535

Doctor of History, Director,
International Scientific Center
“Oirats and Kalmyks
in the Eurasian Space”
en-badmaeva@yandex.ru

Kalmyk State University
named after B. B. Gorodovikov
(Elista, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 22-18-00313
“Transformation of nomadic societies
in the South of Russia in the context
of natural and climatic factors
(XIX — mid-XX centuries)”

© Бадмаева Е. Н., 2025

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Актуальность осмысления исторического опыта развития животноводческой отрасли на отгонных пастбищах на Юге России в 1930-е годы обусловлена тем, что сельское хозяйство в настоящее время является одним из важнейших секторов в экономике страны. Уникальная животноводческая продукция Калмыкии благодаря беспрецедентному опыту 1930-х годов в выращивании неприхотливого скота, стойко переносящего отсутствие крова, бескормицы и некачественного (солончатого) водопоя, сегодня имеет спрос на мировом уровне. Охарактеризована деятельность центральных и местных органов власти по противодействию стихийным бедствиям, а также оценивается помощь, оказанная соседними регионами для спасения скота из районов Северного Кавказа и Нижней Волги, находившегося на отгонном пастбище «Черные земли». Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе выживания значительного поголовья скота на одном из южно-российских пастбищ в условиях недостатка естественных кормов, концентрированных кормовых смесей и воды в зимнее время во время «зуда». Работа основана преимущественно на материалах Государственного архива РФ, Центрального государственного архива Республики Дагестан и Национального архива Республики Калмыкия. Доказано, что непродуманная политика краевых властей по скоплению скота из районов Северного Кавказа и Нижней Волги, несмотря на впервые распланированное местными властями размещение в период неблагоприятной экологической ситуации, привело к гибели огромного количества скота, в том числе племенного.

Ключевые слова:

Калмыцкая автономная область; Северный Кавказ; отгонные пастбища; Черные земли; мелкий и крупный рогатый скот; лошади; верблюды.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The relevance of analyzing the historical experience of livestock development on migratory pastures in Southern Russia during the 1930s stems from the fact that agriculture is currently one of the most vital sectors of the country's economy. The unique livestock products of Kalmykia, shaped by the unprecedented experiences of the 1930s in raising hardy animals capable of enduring harsh conditions such as lack of shelter, feed shortages, and poor-quality (brackish) water, are now in demand on a global scale. This article characterizes the actions taken by central and local authorities to combat natural disasters and assesses the assistance provided by neighboring regions to rescue livestock from the areas of the North Caucasus and Lower Volga that were on the migratory pasture known as "Black Earth." The scientific novelty of this research lies in the comprehensive analysis of how a significant herd survived on one of Southern Russia's pastures amidst a shortage of natural fodder, concentrated feed mixes, and water during winter, particularly during periods of extreme hardship. The study is primarily based on materials from the State Archive of the Russian Federation, the Central State Archive of the Republic of Dagestan, and the National Archive of the Republic of Kalmykia. It demonstrates that poorly conceived policies by regional authorities regarding the concentration of livestock from the North Caucasus and Lower Volga regions, despite initial planning for placement during adverse ecological conditions, led to the loss of a substantial number of animals, including breeding stock.

Key words:

Kalmyk Autonomous Region; North Caucasus; migratory pastures; Black Earth; small and large cattle; horses; camels.

Отгонно-пастбищное животноводство регионов Юга России в природно-климатических условиях «Черных земель» Калмыкии в 1930-е годы

© Бадмаева Е. Н., 2025

1. Введение = Introduction

Кочевое животноводство на Юге России, в особенности у кочевых народов: калмыков, ногайцев и туркмен, сформировавшееся в суровых природных-климатических условиях степей, стало изменяться в конце XVII — XIX веках [Бадмаева, 2024, с. 324]. Постепенно в силу объективных причин кочевники стали переходить от кочевого к полукочевому образу жизни. В новой форме организации хозяйства у кочевников скот стал выпасаться в течение года по основному месту содержания, но в зимний период перегонялся на отгонные зимние пастбища. Ведущей отраслью полукочевого хозяйства калмыцкой степи было овцеводство, наряду с которым значительную роль играло и разведение крупного рогатого скота (далее — КРС). Климат природных зон степи и полупустыни наиболее оптимально подходил для разведения овец и КРС. На Юге России таким выгодным местоположением для зимнего выпаса скота являлось отгонное пастбище «Черные земли», которое отличалось отсутствием на этой территории сплошного снежного покрова и характеризовалось как «прекрасный фонд зимних выпасов» [НАРК, ф. р-3, оп. 2, д. 1269, л. 1]. «Черные земли» в течение всей зимы не покрывались снегом, а если скрывались, то тонким слоем, и вся растительность оставалась снаружи. Именно поэтому в зимнее время в течение нескольких столетий, несмотря на сложные природно-климатические условия территории, сюда, на естественные кормовые угодья калмыцкой степи, пригоняли в зимнее время скот из Северо-Кавказского и Нижне-Волжского краев.

Как отмечали калмыцкие власти, «практиковавшийся перегон скота на «Черные земли» не всегда обеспечивал скот от гибели, так как сама территория черных земель, определяемая в 1200 тыс. га, находилась в полной зависимости от метеорологических условий, и в суровые зимы с обильным снегопадом площадь выпаса сокращалась, доходя до размеров лишь площадей самих берегов и впадин, и тогда скот, скапливающийся в таких

частях, погибал от “зуда” (бескормицы — автор). По имеющимся сведениям, в 1898 году поголовье скота Калмыцкой области от “зуда” погибло на 40—50 %» [ГАРФ, ф. р-1235, оп. 141, д. 932, м/ф]. Заметим, что «зуд» в Калмыкии в принципе являлся привычным природным явлением для калмыцких скотоводов. Почти ежегодно имели место довольно сильные холода, и выпадал снег, и скот в той или иной мере страдал от бескормицы. Обычно наиболее тяжелым периодом являлся февраль, начиная со второй декады. К этому моменту калмыцкие животноводы, как правило, старались подготовиться: занимались организацией кормов (сена и концентратов); сосредотачивали скот в более выгодной климатической локации, но в 1930 году «зуд» значительно отличался от предыдущих лет, по сообщению старожилов, — такого страшного «зуда» не было 38 лет [НАРК, ф. р-3, оп. 2, д. 1565, л. 12]. Его особенность заключалась в том, что «зуд» начался не в феврале, как обычно бывает, а в конце декабря, когда еще не был закончен полностью перегон скота на отведенные ему участки выпасов и не были окончательно выявлены сами выпасы и не приготовлены дополнительные корма для подкорма скота в период сложного климатического периода. Предмет исследования — отгонно-пастбищное животноводство юга России. Объектом исследования является борьба за выживание скота из районов Северного Кавказа, Нижней Волги и Калмыцкой автономной области в экстремальной ситуации зимой 1930—1931 года.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Источниками выступили материалы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ): документы фонда Всероссийского центрального исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (ВЦИК). 1917—1938 (фонд № 1235), который содержит сведения об административно-территориальном делении, утверждении народно-хозяйственных планов и бюджетов РСФСР, кодексы РСФСР и автономных республик, законодательные акты и др. В нашем случае использовалась опись 141 — секретная. В Центральном государственном архиве Республики Дагестан использовались документы из фонда «Представительство ДАССР при Президиуме ВЦИК. г. Москва (ф. Р-178)», содержащие сведения по вопросу о возвращении овец из ДАССР в Калмыцкую область в 1931—1933 годах. Из Национального архива Республики Калмыкия привлечены документы из Центрального исполнительного комитета Калмыцкой АССР (ЦИК КАССР) (ф. р-3), содержащие сведения о падеже скота от зуда (1931 год). Благодаря выявленным архивным материалам доказано, что центральные, краевые и областные органы власти вникали в развитие экстремальной ситуации и оказывали конкретную помощь, хоть и не всегда оперативную. Тем не менее

меры, принятые властями всех уровней, — директивные, мобилизационные, организационные — представляются оправданными и в большей степени закономерными в условиях чрезвычайной ситуации. Методологическую основу составили принципы историзма, системности, объективности, изучения объектов в историческом контексте и детерминизма, вытекающего из причинно-следственных связей между рассматриваемыми явлениями. Кроме того, использовались сравнительно-географические и сравнительно-исторические методы работы с данными, что позволило вычленить особенности в прохождении природного катаклизма.

Исследования по истории отгонно-пастбищного животноводства остаются недостаточно разработанными. Вклад в изучение землепользования на юге России в советский период внес коллектив авторов проекта РНФ «Трансформацией кочевых обществ Юга России в контексте природно-климатических факторов» [Бадмаева, 2023; Бадмаева, Эрднеева, 2024; Джумагулова, 2023; Трансформация кочевых обществ Юга России..., 2024]. Новейшие исследования по истории отгонного пастбища «Черные земли» в основном публиковались учеными-аграрниками, биологами и экологами [Ишакаева и др., 2021], рассматривающими среди прочих проблему восстановления деградированных ландшафтов, в том числе на исследуемом нами пастбище. Нерациональное использование пастбищ и проблема опустынивания в Республике Калмыкия являются предметом ряда исследований [Влияние Черных земель ..., 2020; Восстановление ..., 2021]. В меньшей степени указанная проблематика интересовала ученых-историков, но следовало бы отметить публикации Е. Гунаева, рассматривающего источники, посвященные учреждению и использованию государственного фонда «Черных земель» [Гунаев, 2015; Гунаев, 2021]. Тувинские историки провели обзор исследований по истории кочевого животноводства в Туве, в котором рассматриваются вопросы адаптации, выносливости и приспособляемости местного скота к окружающей среде, а также особенности традиционного выпаса скота [История исследований ..., 2024].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. «Зуд» на отгонном пастбище «Черные земли»

Неурожай трав и хлебов, жесточайшая засуха летом 1930 года, постигшая Поволжье и Северный Кавказ, привели к гибели кормов. В связи с этим был организован массовый перегон скота на зимние отгонные пастбища в Калмыцкую область. Поэтому, кроме калмыцкого скота, на черных землях должно было разместиться более 600 тыс. овец из Грузии, а также скот из Терской области, «Красного овцевода» и «Красного скотовода» Прикумского района Ставропольского края. Таким образом, в зиму

1930/31 года планировалось разместить на зимовку в Калмыцкую автономную область до одного миллиона голов скота (крупного и мелкого) [ГАРФ, ф. р-1235, оп. 141, д. 932, м/ф].

В итоге в конце декабря 1930 года Калмыкия пережила настоящий коллапс в животноводческом комплексе. Суровая зима, сопровождавшаяся метелями и гололедицей, покрыла отгонные пастбища «Черные земли» глубоким снежным покровом до 17—25 см, поверх мокрого снега образовалась ледяная кора, с трудом пробиваемая овцой и лошастью (их копыта схожи с когтями животных и способны раскапывать снег), скот перестал самостоятельно перемещаться. Длительные восточные ветры создали экстремальную ситуацию и в значительной степени обусловили массовый падеж скота. Вот что отмечал Кренер, руководитель Прикумского района: «Первый шурган (метель), начавшийся 25 декабря, начал разгонять и распылять скот. Часть скота прибилась на так называемые осенние пастбища, на те, которые должны были попасть в первую очередь под снег. Зима застала скот по пути перегонок на черные земли. В этом районе сосредоточилось около 200 тыс. гол. скота, неспособного двигаться. Сено, которое находилось в пос. Адык (ближайшем населенном пункте. — *Е. Б.*), находилось на расстоянии 45 км. Положение пос. Состы, Хлебного Хутора, Светлого Ерика было лучше, потому что скот в этой части обходился до половины января подножным кормом. Концентраты поступали главным образом на подкрепление молодняка и маточного состава, в особенности в стадии беременности» [ГАРФ, ф. р-1235, оп. 141, д. 932, м/ф].

Через несколько дней буран (шурган) прекратился, но с 3 января непогода с новой силой разыгралась и охватила территорию «Черных земель» в Калмыцкой области и всю северную часть Прикумского района, где находилось вместе с прибывшимся скотом 150 тыс. гол. овец совхоза «Овцевод» и 12,5 тыс. крупного рогатого скота из других регионов; 3 тыс. гол. колхозного скота, расположенного на зимовье. В этот период силами Прикумского и Георгиевского районов было переброшено в охваченные «зудом» места свыше 180 тыс. пуд. концентрированного корма. Однако истощенный скот, несмотря на доставленные концентраты, застигнутый в пути без кормления, промокший под дождями и основательно продрогший от сильного ветра, без специального укрытия и защиты и в отсутствие питьевой воды стал массово погибать. Потери скота, вызванные падежом, вынужденным забоем и переохлаждением, достигли катастрофических масштабов: погибали 60—70 % стада [ГАРФ, ф. р-1235, оп. 141, д. 932, м/ф].

Несмотря на тяжелую ситуацию, учреждения и организации Калмыцкой автономной области впервые предприняли попытку распланировать переход и провести распределение участков для скота на «Черных зем-

лях». При распределении пахотных земель приоритет отдавался племенным овцеводческим совхозам Овцеводтреста, за ними следовали колхозы, а единоличные хозяйства получали землю в последнюю очередь. В случае большой концентрации поголовья скота калмыцкое руководство, опираясь на имеющиеся стандарты по организации работы с крупными отарами и гуртами, настойчиво рекомендовало хозяйствам соседних регионов группировать отары не более 1000 гол. овец и гурты от 250 до 300 гол. КРС. Тем не менее Красноармейский районный животноводческий Колхозсоюз сформировал отары овец до 4000 гол.; крупного рогатого скота — по 600 гол. Более того, овцы сельскохозяйственной артели Усуковского района Красноармейского района Сталинградской области были объединены в отару в количестве 6094 гол. Отара овец коммуны «Фрунзе» (Северный Кавказ) состояла из 5000 гол. [ГАРФ, ф. р-1235, оп. 141, д. 932, м/ф]. При этом скот Нижне-Волжского и Северо-Кавказского края в тяжелейших метеоусловиях (буран, метель, чередующийся с краткосрочной оттепелью) передвигался почти с полным отсутствием кормов и колодцев по пути следования скота. В результате скот зачастую не имел доступа к воде в течение 10—12 дней, и многочасовые очереди у колодцев стали обычным явлением. [ГАРФ, ф. р-1235, оп. 141, д. 932, м/ф].

К тому же скот Северо-Кавказского и Нижне-Волжского краев одновременно передвигался к местам дислокации по одной дороге, причем количество скота составляло свыше 20 тыс. гол., что создало беспрецедентную ситуацию, повлекшую за собой проблему питания и водопоя. Зимовка привела к значительному истощению поголовья скота, несмотря на относительно удовлетворительное состояние животных перед выгоном на зимние пастбища [ГАРФ, ф. р-1235, оп. 141, д. 932, м/ф].

3.2. Борьба со стихией и ликвидация ее последствий

Несмотря на реализацию административно-управленческих мер в борьбе со стихией и ликвидацией ее последствий, в марте 1931 года на состоявшемся заседании Правительственной комиссии действия местных властей была дана отрицательная оценка. В вину им ставилось отсутствие четкого плана и программы выхода из кризиса. Председатель комиссии И. И. Кутузов подчеркнул: «Неорганизованность и бессистемность привели к тому, что массовое перемещение скота в огромных количествах проходило стихийно, без предварительного планирования и его регулирования, без распределения участков между пользователями (совхозами, колхозами, единоличниками) <...> без обеспечения защитных ограждений на случай сильных ураганов, что изначально ставило в тупик весь процесс по стабилизации кризисной ситуации» [ГАРФ, ф. р-1235, оп. 141, д. 932, м/ф]. Кроме того, комиссия указала на отсутствие четких критериев отбора

кадров — людей, сопровождавших отары овец и гурты с крупным рогатым скотом: «Беспечно власти отнеслись к персоналу, обслуживающему скот. Работники, в большинстве случаев не имели специальной подготовки, не были снаряжены необходимыми продуктами питания, не обеспечены специальной одеждой и др. Так, в колхозе «им. 13 Октября» на 4 тыс. гол. крупного рогатого скота выделялось всего 4 человека. Персонал не имел и не имеет соответствующей подготовки, предварительные работы с ним никакой не было проделано. Необходимыми предметами снабжения отары и гурты не были обеспечены в достаточном количестве (щитами, палатками). Чабаны были плохо одеты, недостаточно прозодежды. Нужно сказать, что продовольствия для людей, уходящих на черные земли, было недостаточно» [ГАРФ, ф. р-1235, оп. 141, д. 932, м/ф]. В заключение комиссия осудила местные органы власти за плохую организацию в 1930 году повсеместного сенокосения: «Не поставили эту работу как боевую хозяйственно-политическую задачу, рационально не использовали все внутренние ресурсы и возможности» [ГАРФ, ф. р-1235, оп. 141, д. 932, м/ф]. Вопреки критике, изложенной комиссией в своих выводах, местные органы власти привели собственные объяснения случившейся на «Черных землях» трагедии.

В своей версии Калмыцкое областное земельное управление оперировало конкретными цифрами, согласно которым содержание огромного количества скота не представлялось возможным по причине отсутствия подножного корма и достаточного количества концентратов. Ориентировочно численность скота в Северо-Кавказском, Красноармейском и Котельничском районе Нижней Волги на момент «зуда» составляла 670 тыс. гол., в том числе 430 тыс. гол. мелкого (овец) и 245 тыс. гол. крупного скота (коровы, лошади, верблюды) [НАРК, ф. р-3, оп. 2, д. 1565, л. 1]. Из 7 000 000 га в КАО, как отмечало земельное управление, всего сенокосных угодий было 137 тыс. га, и в засушливый 1930 год сена удалось накосить — 27 тыс. тонн сена. К тому же из запасов 1929 года оставалось всего 13 тыс. тонн. Дополнительно крупные овцеводческие совхозы «Скотовод» и «Овцевод» на «Черных землях» произвели сенокосение и в осенний период заготовили около 20 пуд. сена. Таким образом, вместе с весенним сенокосом Калмыцкая область располагала 60 тыс. тонн сена [ГАРФ, ф. р-1235, оп. 141, д. 932, м/ф]. Согласно расчетам, произведенным специалистами, полагалось для всего присутствующего на «Черных землях» скота 250 тонн (по нормативам на одну голову скота полагалась 1 тонна на 2 месяца). Как отмечали местные власти, не представлялось возможным прокормить имеющееся количество скота, как своего, так и прибывшего из соседних регионов. В заключение руководители подчеркнули, что для дальнейшего развития «Черных земель» необходимы комплекс мероприя-

тий по обводнению степи, а также использование научного прогноза, новых технических достижений и их внедрение. Специалисты заявляли, что в последующем без организации сенофуражной базы в колхозах и в индивидуально-среднезаселенческих хозяйствах практически невозможно будет противостоять подобным природным явлениям и купировать их последствия.

Вместе с тем недостаточное количество гужевого и автомобильного транспорта, отсутствие нормальных дорог снижали эффективность поставок кормов и продуктов питания. Краевые органы власти оказывали сильную помощь, но с мест фактически фиксировалось следующее: «Получили 15 машин и 15 тракторов (гусеничных тракторов. — Е. Б.) из Астрахани, которые мы уже вернули, так они оказались негодными к эксплуатации. Потом получили еще 20 тракторов и 2 трактора из Северного Кавказа, из них один отослали уже обратно. Саратов прислал 10 машин, но они уже вышли из строя по негодности. Таким образом, сейчас в наличии всего 20 машин (всего в наличии в КАО имелось 15 машин. — Е. Б.), которые в последнее время работают по переброске фуража <...> Мобилизованы также подводы в Прикумске. Наблюдается несерьезное, нечестное отношение к делу мобилизации подвод. Задача Прикумской тройки заключалась в отправке фуража боевым порядком, но этого не было сделано» [ГАРФ, ф. р-1235, оп. 141, д. 932, м/ф].

Несмотря на внешнюю помощь из близлежащих регионов (Астрахани, Прикумска) (ныне Буденновска), «ощущалась нехватка технического персонала, и организация транспорта была неудовлетворительной, подводы отправляли без проводников и без маршрутов, из которых некоторые доходили до места, а другие не доходили <...> после 10 января скот начинает падать, начинается организация убойных пунктов» [ГАРФ, ф. р-1235, оп. 141, д. 932, м/ф]. Как показали архивные материалы, «ведомства и организации особенно конкретной помощи оказать не могли, потому что не было кадров и средств передвижения» [ГАРФ, ф. р-1235, оп. 141, д. 932, м/ф]. Доставка фуража и продовольствия в районы «Черных земель» характеризовалась значительными задержками и отсутствием надлежащего учета, что усугублялось масштабами территории.

В соответствии с практикой советского периода местные органы власти прибегли к мобилизационным мерам, введя трудовую и гужевую повинности. Огромное значение имела солидарность и поддержка общественных и иных организаций. Архивные документы подтверждают, что, спасая скот, добровольцы из числа комсомольцев на 100—150 подводах развозили фураж по степи для корма скоту, а впоследствии ими же были организованы через каждые 20 км кибитки-склады для хранения кормов. За три недели более 1700 подвод с сеном, овсом и топливом были достав-

лены в степь [ГАРФ, ф. р-1235, оп. 141, д. 932, м/ф]. Такая помощь в борьбе со стихией была неоценима.

3.3. О падеже скота в Северо-Кавказских, Нижне-Волжских и калмыцких хозяйствах

В результате природной стихии, согласно архивным материалам, поголовье скота значительно сократилось не только в Калмыцкой области, огромные потери понесли и хозяйства на Северном Кавказе, Нижнем Поволжье и в Грузинской ССР. Так, по одним сведениям, например, числилось погибших овец из Грузии до 500 тыс., по другим — 20 тыс. гол [ГАРФ, ф. р-1235, оп. 141, д. 932, м/ф; НАРК, ф. р-3, оп. 2, д. 1528, л. 132]. Как отмечал в своем докладе секретарь областного комитета партии КАО Х. М. Джалыков, «всего Северо-Кавказского скота погибло 87 %» [ГАРФ, ф. р-1235, оп. 141, д. 932, м/ф]. В официальной справке по убыли скота от «зуда» с 28 декабря 1930 года по 20 февраля 1931 года фиксировалось, что общее количество и прирезанного скота не установлено, поскольку «коши» (временные стоянки) постоянно меняли свое местоположение по мере их передвижения. Учет всего скота (Калмыцкого, Северо-Кавказского, с Нижней Волги), произведенный только на одном участке «Черных земель» на 20 февраля, выявил следующие цифры (табл. 1).

Таблица 1

Сведения о падеже всего скота на участке с. Хулхута,
Сянциг, Утта, Авадзы *

Количество	Колхозы	Единоличники
Овец:	40814 гол.	28796 гол.
Пало	1830 (4,4 %)	1224 (4,3 %)
Дорезано	1087 (2,8 %)	301(1,03 %)
Всего погибло	7 %	5,35 %
Рогатого скота	6274 гол.	6227 гол.
Пало	1056 (16,8 %)	1123 (18 %)
Дорезано	861 (13,7 %)	421 (7 %)
Всего погибло	30,5 %	25 %
Лошадей	1489 гол.	593 гол.
Пало	184 (12,3 %)	127 (21,4 %)
Утеряно	133 (9 %)	63 (11,4 %)
Всего погибло	21,3 %	38,8 %

* Составлено по: [НАРК, ф. р-3, оп. 2, д. 1565, л. 13]

Как видим из представленной таблицы, больше всего погибло лошадей и крупного рогатого скота, при этом основная масса скота понесла потери у единоличников.

В других районах имелись тоже внушительные цифры общей гибели скота. Так, например, в районе Цеб-Худук погибло и «дорезано» 37 % овец, рогатого скота — 45 %. В отдельных «кошах» убыль скота достигла катастрофической цифры. Только в «колхозе им. Фрунзе» Северного Кавказа из имевшихся 17 тыс. гол. племенных мериносовых осталось 4700 гол. овец. Еще больше о количестве павших животных на «Черных землях» свидетельствовали в разных местах степи собранные шкуры: овец 29 тыс. шт., крупного рогатого скота 10 тыс. Эта цифра тоже являлась относительной, поскольку значительная часть шкур у павшего скота была не снята. В качестве примера приведем сведения о 12 тыс. трупов в районе Амгучин-Гашун и Таван-Гашун. Кроме этого, огромное количество прирезанного скота находилось тоже в шкурах [НАРК, ф. р-3, оп. 2, д. 1565, л. 14].

Скупые ежедневные сводки о падеже скота вычерчивали трагические цифры об огромных потерях. Нами приведены сведения о падеже скота Северо-Кавказского края и Красноармейского района в процентном отношении, полученные из п. Адыка на 20 февраля 1931 года.

Таблица 2

Сведения о падеже скота Северо-Кавказского края,
Красноармейского района и КАО из п. Адыка (в %)*

№	Название районов и хозяйства	Овец		Рогатый скот		Примечание
		% падежа в январе	% падежа в феврале	% падежа в январе	% падежа в феврале	
1.	В Цеб-Худуке: Красноармейский скот	4,7 %	37,8 %	21,7 %	45,4 %	На 13 февраля 1931 года
2.	Овардыке:					На 16 февраля
	А) Калмыцкие совхозы	2,5 %	14,8 %	12,7 %	25,7 %	
	Б) единоличников	4,5 %	19,5 %	17,8 %	54,8 %	
	В) Северо-Кавказский	2,5 %	23,4 %			
3.	Таван-Гашуне:					На 17 февраля
	А) Калмыцкие совхозы	10,7 %	18,1 %			
	Б) единоличников	9,6 %	16,3 %	19,4 %	37,7 %	
4.	Красноармейский скот	8,3 %	26,7 %			Общий процент
5.	Северо-Кавказский скот	7,3 %	11,9 %	35,2 %	43,6 %	Общий процент
6.	Единоличников	9,4 %	18,1 %		48,9 %	Общий процент

* Составлено по: [НАРК, ф. р-3, оп. 2, д. 1565, л. 15]

Из таблицы можно сделать вывод, что в большей степени пострадал скот Северо-Кавказского и Нижне-Волжского краев. Очевидно, причина столь большой потери кроется в том, что, несмотря на решительные протесты местной власти на перегон скота из других регионов, из-за отсутствия кормов в связи с летней засухой, постигшей область, Краевая комиссия своим волевым решением постановила скот перегнать [ГАРФ, ф. р-1235, оп. 141, д. 932, м/ф], — и это стало началом трагедии на «Черных землях».

Что касается массового падежа в КАО, то гибель калмыцкого скота от «зуда» выразилась в следующих цифрах: лошади — 3005 гол. — 8,39 % от поголовья, «пошедшего в зиму 1930/31 года»; верблюды — 269 гол. — 4,30 %; КРС — 25 571 гол. — 18,31 %; овцы и козы — 66 696 — 14,65 % [НАРК, ф. р-3, оп. 2, д. 1499, л. 61].

Если к этим цифрам прибавить данные по сбросу скота в 1930 году, то значительное сокращение поголовья скота в области за два последних года будет составлять 41 % по отношению к 1929 году [НАРК, ф. р-3, оп. 2, д. 1499, л. 61].

«Зуд», длительно продолжавшийся в течение 68 дней, негативно повлиял в целом на состояние скота. За этот период калмыцкие животноводы вынуждены были утилизировать сильно истощенный крупный и мелкий скот.

Таблица 3

Собрано туш по Калмобласти за время зуда на 15 марта 1931 года

В Астрахани			
Крупных	4175 туш	687389 кг	42961 пуд.
Мелких	5312 туш	65412	4107 пуд.
Всего 47068 пуд.			
Лагани			
Крупных	297 туш	10786	674 пуд.
Мелких	1741 туш	17124	1070 пуд.
Всего 1744 пуд.			
Карабулаке			
Крупных и мелких		160 ц.	960 пуд.
Всего 49772 пуд.			
Калмбазаре			
Крупных	316 туш	21602 кг	1280 пуд.
Мелких	307 туш	3151 кг	191 пуд
Всего 3190 пуд.			

* Составлено по: [НАРК, ф. р-3, оп. 2, д. 1565, л. 18]

Всего поступило: мелких — 15 000 шт.; крупных — 6000 шт.; всего: 21 000 шт. [НАРК, ф. р-3, оп. 2, д. 1565, л. 18].

Представленная таблица наглядно свидетельствует об огромном количестве погибшего скота.

По итогам обследования «Черных земель» в Калмыцкой автономной области во время стихийного бедствия, Нижне-Волжская краевая Рабоче-Крестьянской комиссия констатировала, что при всех объективных обстоятельствах, в том числе сверхплановом перегоне скота на «черные земли», затянувшейся зиме (2,5 месяца), произошла массовая гибель скота в количестве 100 тыс. гол. (включая вынужденный прирез) [НАРК, ф.р-3, оп. 2, д. 1365, л. 181]. В результате пострадали крупные специализированные овцеводческие хозяйства, потерявшие огромное количество племенного скота.

Стихийное бедствие в Калмыкии имело пагубные последствия не только для сельского хозяйства, оно в целом усугубило напряженность в социально-экономической сфере в южнороссийском регионе. Помимо огромных потерь в животноводстве «зуд» привел к продовольственному кризису. В Калмыцкой области стала резко ощущаться продовольственная нестабильность. В сообщении Правительственной комиссии секретарь обкома Х. М. Джалыков обращал внимание на продовольственные проблемы калмыцких животноводов: «Здесь на заседании говорили, что после зуда скота, наступает зуд людей. Этот зуд очень страшный! Сейчас питание нашего населения находится на ст. Дивное, на расстоянии 80 км, перевезти не можем, потому что транспорт, которым мы располагали, очень незначительный, а подвод, на которых мы можем перевезти — их нет. Это надо будет иметь в виду и поддержать население» [ГАРФ, ф. р-1235, оп. 141, д. 932, м/ф]. Между тем население стало больше голодать из-за отсутствия на местах необходимых продуктов питания. Отмечались случаи, когда продовольствие задерживали и распределяли не по назначению. Так, в с. Приютном произошел недопустимый случай. Продукты питания, предназначенные адресно гуртоправам, техническим работникам и добровольцам, борющимся со стихией и доставляющим по всему району корм скоту, были отправлены переселенцам, а специалисты и добровольцы остались без продуктов [ГАРФ, ф. р-1235, оп. 141, д. 932, м/ф].

Участники драматических событий на заседании Правительственной комиссии неоднократно указывали на продовольственные затруднения среди населения: «Положение населения тяжелое. Необходимо поставить вопрос о завозе продовольствия и об открытии кредитов <...> по всей области, как и в части скотоводческой, так и полеводческой <...> наступит людской зуд <...> в нынешнем году родилось только 1 ½ центнера с га. Положение нашей области рисуется в мрачных красках» [ГАРФ, ф. р-1235, оп. 141, д. 932, м/ф]. Правительство обратило внимание на эти заявления и приняло ряд мер по оказанию помощи голодающему калмыцкому на-

селению. Так, в своем решении Правительственная комиссия предложила Наркомснабу РСФСР усилить снабжение Калмыцкой области продовольствием: мукой, калмыцким чаем, растительным маслом и др., а также спецодеждой (в особенности чабанов) [ГАРФ, ф. р-1235, оп. 141, д. 932. м/ф].

Трагедия, произошедшая в Калмыцкой области зимой 1930 / 1931 года, подорвала основы традиционного сельского хозяйства не только в КАО, но и в целом на Юге России. Неблагоприятные климатические условия и экономические трудности (недостаток гужевого транспорта, горюче-смазочных материалов, примитивные технические средства, нехватка концентрированных кормов и продуктов питания для персонала) осложнили борьбу со стихией (зудом), хотя в эти годы правительство СССР придавало развитию животноводства, в особенности овцеводству, огромное значение.

3.4. Кризис в сельском хозяйстве Калмыкии

Учитывая кризис в сельском хозяйстве Калмыцкой области, Наркомат земледелия СССР вынес решение: обратиться к Дагестанскому правительству с предложением принять активное участие по оказанию помощи КАО по ликвидации стихийного бедствия [ГАРФ, ф. р-1235, оп. 141, д. 932, м/ф]. В начале 1931 года Калмыцкая область передала для передержки породистых мериносовых овец в количестве 20 тыс. гол. в дагестанские животноводческие совхозы и в Терский округ около 10 тыс. гол. В этом же 1931 году по заявлению Х. М. Джалыкова Коллегия НКЗема СССР обязала Овцеводтрест «не позже лета 1931 года окончить возвращение в Калмыцкую область мериносовых овец, размещенных в Дагестане и Терском округе, причем овцы, размещенные в Терском округе, должны быть возвращены с приплодом, а овцы, размещенные в Дагестане, с половиной приплода» [НАРК, ф. р-3, оп. 2, д. 1499, л. 24]. Но власти Дагестана не спешили с возвратом калмыцких племенных овец.

Дагестанские представители власти писали в СНК РСФСР: «Овцы, принятые из Калмобласти, в совхозах дважды переносили тяжелые условия бескормицы во время зимовки 1931/32 года, вследствие чего количество их за время зимовки в Дагестане сократилось, а не возросло. По данным Дагестанского Овцеводтреста, за 1931 г. этот отход выразился в 9 тыс. гол. Кроме того, большое количество (5400 гол. по данным Даговцеводтреста) волушков за 1930/31 г. было сдано на мясо. При таких обстоятельствах нельзя даже и предъявлять к Дагестану требование о возврате в Калмыцкую область 20 тыс. гол. В настоящее время передача из совхоза Овцеводтреста 20 тыс. мериносовых овец сокращает основное стадо мериносовых овец ДАССР на 20 % и вызывает полную ликвидацию одного из крупнейших совхозов (№ 6 в Караногайском районе), оставляет неиспользованными капиталовложения в прошлые годы на эту группу овец и нарушает все

плановые наброски дальнейшего строительства животноводческих совхозов в Дагестане. Из-за неблагоприятной зимовки в 1932 году оставшаяся группа принятых из Калмообласти овец была доведена до истощения, значительная часть их перенесла простудные заболевания и состояние оставшегося поголовья, предназначенного к перегону, таково, что при перегоне могут большие потери. Кроме того, против перегона в данном случае говорит ветеринарно-санитарное неблагополучие (сибирская язва и оспа) районов, по которым овцы должны быть направлены, дальность расстояния (до 250 км), приближение случки и наличие в перегоняемой группе ягнят приплода текущего года» [ЦГАРД, ф. р-178, оп. 9, д. 7, л. 14]. Тем не менее официальные власти в лице Наркомзема СССР своим специальным постановлением вынесли решение: признать что решенный Овцеводтрестом и Наркоматом земледелия СССР вопрос о передаче в системе Овцеводтреста 54 тыс. гол. мериносовых овец (20 тыс. из совхозов Северного Кавказа и 34 тыс. гол. из совхозов Дагестанской АССР), как обоснованный хозяйственными и политическими условиями Калмыкии, в настоящее время пересмотру не подлежит [ЦГАРД, ф. р-178, оп. 9, д. 7, л. 12]. Вопрос о перегоне племенных овец из совхозов Дагестана смог частично решиться на высоком правительственном уровне только в 1932 году.

В эти годы не произошло качественного скачка в преобразовании советского овцеводства в тонкорунное, однако руководство страны уже запланировало развивать овцеводство и разрабатывало хозяйственно-экономические вопросы. Не зря в 1926 году для дальнейшего развития овцеводства оно создало Всесоюзное акционерное общество «Овцевод», преобразованное в последующем в Овцеводтрест и впоследствии — в Овцеводобъединение. Сельское хозяйство являлось важным звеном в народнохозяйственном комплексе, и обеспечение мясом, молочными продуктами населения и шерстяным сырьем отрасли промышленности было для страны актуальным.

4. Заключение = Conclusions

Очевидно, что участвовавшие в первой половине XX века природные стихии в виде засух, неурожаев и суровых зим все-таки заставили советское правительство принимать быстрые решения по их устранению, в том числе внедрять превентивные меры, хотя мероприятия советского и партийного руководства почти всегда были ответной реакцией на периодически обострявшийся экологический кризис в аграрной сфере.

Отрадно, что в 1930-е годы изменились политика в природопользовании и подход к природным ресурсам, хотя «Сталинский план преобразования природы» был принят позднее, в 1948 году. Наше исследование

обозначило круг проблем, с которыми Наркомат земледелия и Калмыцкая автономная область столкнулись в 1930-е годы.

На территории Юга России можно выделить пространства, имеющие специфические природно-климатические условия. Одним из таких мест считается традиционная зона отгонно-пастбищного угодья «Черные земли», рассматриваемая в нашем исследовании. Отгонно-пастбищное животноводство на «Черных землях» базировалось на естественных кормовых угодьях и в течение многих столетий оно интенсивно использовалось в зимнее время животноводами Северного Кавказа и Нижней Волги. В советский период, в русле общегосударственной экономической политики курировали «Черные земли» многие профильные наркоматы: Наркомат Земледелия, Наркомат путей сообщения, Утильгосторг, Союзхлеб, Союзтранс, Союзкожи и ряд сельскохозяйственных ведомств. В 1936 году сформировался особый статус «Черных земель» как пастбищной территории межрегионального значения, в котором хозяйствам соседних регионов Юга РСФСР и Грузинской ССР было предоставлено право получать на территории «Черных земель» Калмыкии выпасные участки в долгосрочное бесплатное пользование — сроком на 15 лет [Гунаев, 2021, с. 119]. Безусловно, нерациональная нагрузка отгонного пастбища — выпас ненормированного выпаса скота в настоящее время привел к очередному экологическому кризису, образованию пустыни с сыпучими песками на территории Республики Калмыкия.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ГАРФ — *Государственный архив* Российской Федерации, Ф. Р-1235 (Всероссийский центральный исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (ВЦИК). 1917—1938). Оп. 141. Д. 932. м/ф.
2. НАРК — *Национальный архив* Республики Калмыкия. Ф. Р-3. (Центральный исполнительный комитет (ЦИК) Калмыцкой АССР). Оп. 2. Д. 1269. Л. 1 ; Д. 1565. Л. 1, 12, 14, 18 ; Д. 1528. Л. 132 ; Д. 1499, Л. 24, 61 ; Д. 1365, Л. 181.
3. ЦГАРД — *Центральный государственный архив* Республики Дагестан, Ф. Р-178 (Представительство ДАССР при Президиуме ВЦИК. г. Москва). Оп. 9. Д. 7, Л. 12, 14.

Литература

1. Бадмаева Е. Н. Животноводство Калмыкии в природно-климатических условиях региона и переход на оседлость кочевого населения в 1930-е гг. / Е. Н. Бадмаева // *Nomadic Civilization: Historical Research*. — 2023. — Т. 3. — № 3. — С. 66—82. — DOI: <https://doi.org/10.53315/2782-3377-2023-3-3-66-82>.
2. Бадмаева Е. Н. Советское государство и кочевые народы Юга России : социально-политические процессы и природно-климатические факторы (1920—1930-е годы) /

Е. Н. Бадмаева // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 4. — С. 324—345. — DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-4-324-345>.

3. Бадмаева Е. Н. Черные земли : природно-климатические условия и хозяйственная деятельность населения в 1930-е гг. / Е. Н. Бадмаева, Б. А. Эрднеева // *Nomadic Civilization : Historical Research*. — 2024. — Т. 4. — № 2. — С. 66—81. — DOI: <https://doi.org/10.53315/2782-3377-2024-4-2-66-81>.

4. Влияние Черных земель на образование Сахельского пояса в Калмыкии / М. М. Сангаджиев, Л. Х. Сангаджиева, Э. А. Цатхланова, Л. И. Мучкинова, Л. Х. Горяева // *Астраханский вестник экологического образования*. — 2020. — № 5 (59). — С. 101—106. — DOI: 10.36698/2304-5957-2020-19-5-101-106.

5. Восстановление деградированных кормовых угодий Западного Прикаспия / М.-Р. А. Казиев, К. М. Ибрагимов, М. А. Умаханов, Теймуров С. А. — Махачкала : Riso-Press, 2021. — 206 с. — ISBN 978-5-6042560-4-6.

6. Гунаев Е. А. Источники по учреждению и использованию Госфонда «Черных земель» в Калмыкии в 1930-е гг. / Е. А. Гунаев // *Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН*. — 2021. — № 4. — С. 119—140. — DOI: 10.22162/2587-6503-2021-4-20-119-140.

7. Гунаев Е. А. Статус региона «Черные земли» в Республике Калмыкия (1990—2000 гг.) / Е. А. Гунаев // *Вестник Калмыцкого университета*. — 2015. — № 3 (27). — С. 8—16.

8. Джумагулова А. Т. Рецепция советского проекта в ногайских степях Северного Кавказа в 1920—1930-е гг. / А. Т. Джумагулова // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. — 2023. — № 2 (75). — С. 91—101. — DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-133-152.

9. История исследований nomадного животноводства в Туве (обзор литературы) / С. Д. Монгуш, О. В. Бондаренко, Биче-оол С. Х., Комбу А. М. // *Новые исследования Тувы*. — 2024. — № 4. — С. 295—309. — DOI: 10.25178/nit.2024.3.14.

10. Ишакаева М. К. История изучения кормовых угодий Северо-Западного Прикаспия / М. К. Ишакаева, В. А. Шляхов // *Естественные науки*. — 2021. — № 4 (5). — С. 53—73.

11. Трансформация кочевых обществ Юга России в контексте природно-климатических факторов (XIX — середина XX в.) : коллективная монография. — Ростов-на-Дону : Альтаир, 2024. — 486 с.

Статья поступила в редакцию 28.10.2024,
одобрена после рецензирования 04.12.2024,
подготовлена к публикации 23.04.2025.

Material resources

GARF — *State Archive of the Russian Federation*. (In Russ.).

NARC — *National Archive of the Republic of Kalmykia*. (In Russ.).

TSGARD — *Central State Archive of the Republic of Dagestan*. (In Russ.).

References

Badmaeva, E. N. (2023). Livestock breeding in Kalmykia in the natural and climatic conditions of the region and the transition to the settlement of the nomadic population in the 1930s. *Nomadic Civilization: Historical Research*, 3 (3): 66—82. DOI: <https://doi.org/10.53315/2782-3377-2023-3-3-66-82>. (In Russ.).

- Badmaeva, E. N. (2024). Soviet State and Nomadic Peoples of Southern Russia: Social-Political Processes and Natural-Climatic Factors (1920s—1930s). *Nauchnyi dialog*, 13 (4): 324—345. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-4-324-345> (In Russ.).
- Badmaeva, E. N., Erdneeva, B. A. (2024). The Black Lands: natural and climatic conditions and economic activity of the population in the 1930s. *Nomadic Civilization: Historical Research*, 4 (2): 66—81. DOI: <https://doi.org/10.53315/2782-3377-2024-4-2-66-81>. (In Russ.).
- Dzhumagulova, A. T. (2023). Reception of the Soviet project in the Nogai steppes of the North Caucasus in the 1920s and 1930s. *The Caspian region: politics, economics, culture*, 2 (75): 91—101. DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-133-152. (In Russ.).
- Gunaev, E. A. (2015). The status of the “Black Lands” region in the Republic of Kalmykia (1990—2000). *Bulletin of the Kalmyk University*, 3 (27): 8—16. (In Russ.).
- Gunaev, E. A. (2021). Sources on the establishment and use of the Black Lands State Fund in Kalmykia in the 1930s. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 4: 119—140. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-4-20-119-140. (In Russ.).
- Ishakayeva, M. K., Shlyakhov, V. A. (2021). History of the study of forage lands of the North-Western Caspian Sea. *Natural Sciences*, 4 (5): 53—73. (In Russ.).
- Kaziev, M.-R. A., Ibragimov, K. M., Umakhanov, M. A., Teymurov, S. A. (2021). *Restoration of degraded forage lands of the Western Caspian Sea. Scientific publication*. Makhachkala: Federal State Budgetary Institution Federal Agrarian Scientific Center of the Republic of Dagestan. 206 p. ISBN 978-5-6042560-4-6. (In Russ.).
- Mongush, S. D., Bondarenko, O. V., Biche-ool, S. H., Kombu, A. M. (2024). The history of nomadic animal husbandry research in Tuva (review). *New Research of Tuva*, 4: 295—309. DOI: 10.25178/nit.2024.3.14. (In Russ.).
- Sangadzhiev, M. M., Sangadzhieva, L. Kh., Tsathlanova, E. A., Muchkinova, L. I., Goryaeva, L. Kh. (2020). The influence of Black lands on the formation of the Sahel belt in Kalmykia. *Astrakhan Bulletin of Environmental Education*, 5 (59): 101—106. DOI: 10.36698/2304-5957-2020-19-5-101-106. (In Russ.).
- Transformation of nomadic societies in Southern Russia in the context of natural and climatic factors (XIX — mid-XX century): a collective monograph*. (2024). Rostov-on-Don: Altair. 486 p. (In Russ.).

*The article was submitted 28.10.2024;
approved after reviewing 04.12.2024;
accepted for publication 23.04.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(3), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Богатырева О. Н. Изменение миграционного ландшафта в Латинской Америке в XXI веке / О. Н. Богатырева, Е. Д. Крапивницкая // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 3. — С. 303—331. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-303-331.

Bogatyreva, O. N., Krapivnitskaya, E. D. (2025). Changing Migration Landscape in Latin America in 21st Century. *Nauchnyi dialog*, 14 (3): 303-331. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-303-331. (In Russ.).

Web of Science™

Scopus®

DOAJ

ERIH PLUS

НАУЧНАЯ ОТКРЫТАЯ
БИБЛИОТЕКА

eLIBRARY.RU

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Изменение миграционного ландшафта в Латинской Америке в XXI веке

Богатырева Ольга Николаевна

orcid.org/0000-0002-9451-4285

доктор исторических наук,
профессор кафедры теории и истории
международных отношений,
корреспондирующий автор
olgabogat.100@gmail.com

**Крапивницкая Екатерина
Дмитриевна**

orcid.org/0000-0001-7433-1097

PhD права, кандидат политических
наук, старший преподаватель
кафедры теории и истории
международных отношений
katyakrapi@gmail.com

Уральский федеральный университет
имени первого президента России

Б. Н. Ельцина

(Екатеринбург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда,
проект № 24-28-01363,
<https://rscf.ru/project/24-28-01363/>

Changing Migration Landscape in Latin America in 21st Century

Olga N. Bogatyreva

orcid.org/0000-0002-9451-4285

Doctor of History
Professor, Department of Theory and
History of International Relations,
corresponding author
olgabogat.100@gmail.com

Ekaterina D. Krapivnitskaya

orcid.org/0000-0001-7433-1097

PhD in Law, PhD in Political,
Senior Lecturer,
Department of Theory and
History of International Relations
katyakrapi@gmail.com

Ural Federal University
named after the First President
of Russia B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

Acknowledgments:

This research was supported
by the Russian Science Foundation,
project № 24-28-01363,
<https://rscf.ru/project/24-28-01363/>

© Богатырева О. Н., Крапивницкая Е. Д., 2025

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются основные компоненты и маршруты миграционных потоков в Латинской Америке и Карибском бассейне (ЛАКБ) в конце XX — начале XXI веков. Уделяется особое внимание специфике миграционных процессов в субрегионах ЛАКБ — Южной Америке, Центральной Америке и Карибском бассейне. Затрагиваются вопросы управления миграционными процессами в регионе. Установлено, что новые модели мобильности привели к изменениям в региональной и национальной миграционной политике. Показано взаимодействие стран ЛАКБ в рамках региональных интеграционных организаций — Общего рынка стран Юга, Андского сообщества наций, Южноамериканской конференции по миграции и др. — по выработке субрегиональных миграционных режимов, сочетающих государственный контроль и соблюдение прав человека. Сообщается, что государства в своей миграционной политике отступали от применения согласованного общерегионального консенсуса в отношении «права на миграцию», делая сильный крен в сторону секьюритизации и экстернализации с учетом своих внутренних и внешних политических интересов. Выявлены национальные стратегии и инструменты управления миграцией. Определено влияние внешних и внутренних факторов на формирование миграционной политики.

Ключевые слова:

Латинская Америка; миграция; миграционные потоки; вынужденная миграция; миграционная политика.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the key components and routes of migration flows in Latin America and the Caribbean (LAC) from the late 20th to the early 21st century. Special attention is given to the specificities of migration processes within the subregions of LAC—South America, Central America, and the Caribbean. The management of migration processes in the region is also addressed. It has been established that new mobility patterns have led to changes in regional and national migration policies. The interaction among LAC countries within regional integration organizations — such as the Common Market of the South, the Andean Community, and the South American Conference on Migration — is highlighted, emphasizing the development of subregional migration regimes that balance state control with human rights compliance. The findings indicate that states have deviated from a coordinated regional consensus on the “right to migrate,” shifting significantly toward securitization and externalization in light of their internal and external political interests. National strategies and tools for managing migration are identified, along with the influence of both external and internal factors on the formulation of migration policy.

Key words:

Latin America; migration; migration flows; forced migration; migration policy.

УДК 94:314.743(728+729)“20”

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-303-331

Научная специальность ВАК
5.6.7. История международных
отношений и внешней политики

Изменение миграционного ландшафта в Латинской Америке в XXI веке

© Богатырева О. Н., Крапивницка Е. Д., 2025

1. Введение = Introduction

Эволюция государств ЛАКБ традиционно сопряжена с массовыми переселенческими потоками, структура и территориальная динамика которых трансформировались в разные исторические периоды. В доколониальные времена перемещение являлось следствием войны или механизмом, который использовался империями коренных народов в качестве метода контроля над населением [Гуманитарная дипломатия ..., 2023, с. 68]. Колонизаторы на протяжении столетий, предшествовавших независимости стран региона, также использовали стратегию изгнания в конфликтах с коренными народами. Во второй половине XX — начале XXI веков миллионы латиноамериканцев продолжали ежегодно перемещаться, постепенно меняя «формат мобильности» [Кудеярова, 2020, с. 122]. С одной стороны латиноамериканские государства выступали в качестве доноров при росте эмиграции в США, Канаду и Европу, а с другой стороны, все большее число жителей стран ЛАКБ начали перемещаться внутри региона.

Основными факторами, стимулирующими перемещения миллионов латиноамериканцев в XXI веке, являлись экономические проблемы, рост бедности, отсутствие продовольственной безопасности, внутренние вооруженные конфликты, действия преступных группировок и высокий уровень насилия, неблагоприятные последствия изменения климата и стихийные бедствия. Модели внешней и внутренней миграции в ЛАКБ имеют сложную структуру: беженцы, просители убежища, внутренне перемещенные лица (ВПЛ), трудовые мигранты, транзитные и возвратные переселенцы. Значительная часть мигрантов является насильственно перемещенными лицами, нуждающимися в международной защите, в то время как другая часть надеется повысить уровень жизни за счет доступа к лучшим экономическим условиям или ищет возможности получения образования. Во многих случаях мобильность населения стран ЛАКБ обусловлена сочетанием этих факторов.

В условиях диверсификации миграционных потоков по происхождению, пунктам назначения, территориальной динамике и маршрутам в регионе сформировались и новые политико-правовые инструменты по управлению миграцией. Вызовы конца XX — начала XXI веков потребовали модернизации региональных и национальных подходов к регулированию миграционных процессов и новых инструментов миграционной политики. Страны ЛАКБ продемонстрировали стремление к взаимодействию в рамках региональных интеграционных институтов «горизонтального», равноправного характера, что можно объяснить постколониальным синдромом, стимулирующим страны региона к объединению усилий для решения гуманитарных, социальных и экономических проблем. Однако общий потенциал внутрирегионального сотрудничества снижался экономической и политической неоднородностью государств и наличием субрегиональных организаций, в ряде случаев пересекающихся друг с другом.

Представляется важным выяснить, как изменились модели миграции в XXI веке и какое влияние они оказали на региональную и национальную миграционную политику. Цель настоящей статьи — рассмотреть изменение миграционного ландшафта в ЛАКБ, охарактеризовать основные компоненты и маршруты миграционных потоков в субрегионах — Центральной Америке, Карибском бассейне и Южной Америке, а также проследить, как изменилось управление миграцией в регионе. Под миграционным ландшафтом понимается панорама региональных миграционных процессов, основные черты и особенности миграционных потоков, а также связь между новыми моделями мобильности и изменениями в региональной и национальной миграционной политике.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Методологию исследования составили принципы историзма, объективности и системности, позволившие изучить эволюцию миграционных процессов в ЛАКБ. Исследование основано на концепции многоуровневого подхода к управлению миграцией в эпоху глобальных перемещений, сформулированного в работах К. Брейнига, А. Людтке, М. Паницона и др. [Breunig et al., 2008; Panizzon et al., 2018], а также на концепции «стремлений — возможностей» Х. Хааса, которая понимает мобильность человека как неотъемлемую часть более широких процессов социальных изменений и рассматривает миграцию как функцию стремлений мигрировать в рамках определенных географических возможностей [Haas, 2021].

На фоне обширного массива отечественных работ, посвященных преимущественно миграции в ЕС, исследования латиноамериканских мигра-

ционных процессов занимают скромное место. Значительный вклад в изучение динамики и специфики миграционных потоков из стран Латинской Америки в XIX—XX столетиях внесла Н. Ю. Кудярова. Она рассмотрела влияние демографических трансформаций на мобильность населения в странах ЛАКБ, выделила основные направления миграционных потоков, оценила потенциал Глобального договора по миграции для миграционного пространства в Центральной Америке, уделив особое внимание Мексике, а также истокам Венесуэльского миграционного кризиса [Кудярова, 2020; Кудярова и др., 2020; Кудярова, 2014]. Процессы превращения Аргентины в страну-реципиента исследованы в публикации К. Аршина [Аршин, 2021]. О. Н. Богатырева рассмотрела механизмы сотрудничества стран ЛАКБ по развитию регионального института убежища и системы защиты беженцев [Богатырева, 2020]. Особый интерес российских исследователей вызывает миграционная политика США в отношении южных границ и Мексика как буферное государство для мигрантов из стран ЛАКБ [Кудярова, 2014; Кудярова, 2021; Филипенко, 2019].

В зарубежных исследованиях С. Баричелло, А. Маргеритис, Л. Джубилут представлен целый калейдоскоп миграционных аспектов в ЛАКБ: изменения маршрутов и структуры миграционных потоков, подходы к управлению миграцией, эффективность региональной системы убежища [Barichello, 2015; Margheritis, 2022; Jubilut et al., 2021]. Целый ряд исследований посвящен миграции в Центральной Америке, проблемам в области безопасности и управления миграционными потоками на мексиканских границах [Wolf, 2020; Ramos García, 2019]. В работах Л. Брумат, Д. Акосты, В. Эспинозы проанализированы модели миграции в Южной Америке, факторы, повлиявшие на эволюцию миграционной политики в XXI веке, выявлены тенденции секьюритизации в управлении миграцией [Acosta, 2016; Brumat et al., 2023; Espinoza, 2024].

Несмотря на значительный рост зарубежных публикаций, посвященных миграционным процессам и миграционной политике в ЛАКБ, в отечественной историографии регион остается недостаточно представленным в комплексных исследованиях, что подчеркивает актуальность и научную новизну настоящего исследования.

Исследовательские задачи решались на широком круге документальных источников: отчетах международных универсальных и региональных организаций, включающих статистику миграционных потоков, интервью с мигрантами, государственными служащими, экспертами; материалах национального миграционного законодательства, а также специальных региональных и национальных программах в отношении мигрантов и беженцев.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Миграционные потоки. Изменение миграционных моделей в XXI веке

Трансконтинентальные миграции сыграли существенную роль в историческом становлении стран ЛАКБ и формировании латиноамериканских наций с их этническим и расовым разнообразием. Вынужденная миграция из Африки была неотъемлемой частью процесса колонизации. Прибытие европейских рабочих из Италии, Испании и Португалии способствовало формированию рынков труда, политической и национальной идентичности в Аргентине, Венесуэле, Бразилии, Уругвае и других странах. На субрегиональном уровне внутренние миграции были частью формирования поселений и городов. Некоторые трансграничные перемещения имеют традиционный характер и долгую историю. Устоявшиеся миграционные маршруты жителей государств Южной Америки, Центральной Америки и Карибского бассейна были привязаны к определенным странам-реципиентам. Так, в Аргентине присутствие граждан Парагвая и, напротив, перемещение выходцев из Аргентины и Перу в Чили насчитывают более ста лет. В Андском регионе традиционно происходило перемещение колумбийцев в Эквадор и в Венесуэлу, а боливийцев и перуанцев — в район Альтиплано [Herrera, 2021, p. 3].

В XX веке в ЛАКБ начался процесс формирования новых миграционных моделей, наиболее четко проявившихся во второй половине столетия [Кудеярова, 2020, с. 122], когда при сокращении миграции из Европы сформировались три модели: перемещение с Юга на Север, в США и Канаду; трансграничная и внутрирегиональная миграция; и трансокеанская миграция в страны ЕС и Японию. В XXI веке продолжились диверсификация направлений миграционных потоков и усложнение факторов, вызывающих перемещение населения. При этом если для подавляющего большинства выходцев из Центральной Америки и Мексики основной миграционный маршрут пролегал в США, то в Южной Америке стали преобладать внутрирегиональные перемещения [Кудеярова, 2020, с. 119]. Если в 1990 году в ЛАКБ насчитывалось чуть более 7 млн иммигрантов, то к 2020 году эта цифра выросла почти до 15 млн [A Better World...]. Основная часть этого прироста приходилась на внутрирегиональные потоки, которые выросли с 56 % от общего объема иммиграции до 76 % [A Better World...]. К 2020 году в ЛАКБ проживало 5,3 % от общего числа мигрантов в мире благодаря устойчивому росту, начавшемуся в 2000 году, когда этот показатель составлял 3,8 % [A Better World...].

3.1.1. Южная Америка

Мобильность в Южной Америке характеризует ее как субрегион со странами исхода (эмиграции), транзита и назначения. После преобладания

в 1970—1980-е годы модели эмиграции, вызванной военными диктатурами и редемократизацией, начало 2000-х годов отмечено интенсификацией внутрирегиональной мобильности и диверсификацией стран происхождения и назначения внерегиональной иммиграции [Espinoza, 2024, p. 631].

В XXI веке сохранялось движение потоков переселенцев из Андских стран (Перу, Колумбия, Эквадор, Боливия) и Бразилии в Европу, преимущественно в Испанию, Италию и Португалию. Однако этот рост происходил в условиях ограничительной миграционной политики в принимающих странах, что провоцировало нелегальную миграцию. По данным МОМ, к 2017 году численность эмигрантов из Южной Америки достигла 8,4 млн человек. Миграционный поток состоял в основном из трудовых мигрантов. В XXI веке в Италии и Испании выходцы из Андских стран получили доступ к социальным правам и некоторым формам социальной защиты. Как отмечают Д. Эррера и К. Гомес, в большинстве случаев это были потомки европейских мигрантов, которые «смогли использовать свою межпоколенческую транснациональную память и социальные сети, чтобы обосноваться в новых местах назначения» [Herrera, 2021, p. 5].

В течение XXI века продолжалась миграция южноамериканцев в США. Выходцы из Бразилии, Колумбии и Эквадора пользовались сформированными за последние 50 лет сетями и маршрутами. Однако ужесточение миграционной политики США сделало эти маршруты небезопасными и нелегальными. Так, по данным МОМ, к 2021 году в США находилось около 3 млн выходцев из Южной Америки. Многие из них обладают неустойчивым правовым статусом, не имея постоянного места жительства и доступа к социальной защите [Migration and Migrants...].

В то время как вторая половина XX века характеризовалась миграцией с Юга на Север, особенно из Андского региона в США и Европу, а также трансграничной миграцией в пределах Латинской Америки, XXI век привел к существенной диверсификации направлений и усложнил структурные причины миграции. По оценкам МОМ, около 70 % южноамериканских миграционных потоков стали перемещаться внутри региона. По состоянию на середину 2020 года на субконтиненте проживало 10,9 млн международных мигрантов, из которых 79 % имели южноамериканское происхождение, что отражает важную роль внутриамериканской миграции, значительно усиленной в 2015 году за счет массового перемещения венесуэльцев. В странах Южной Америки размещались 6 из 7 млн венесуэльских беженцев и перемещенных мигрантов, покинувших свою страну. Данные, представленные на графике, показывают, что наибольшее число международных мигрантов размещалось в Аргентине, за ней следуют Колумбия, Венесуэла, Перу, Эквадор и Чили (рис. 1). При этом в Колумбии,

Перу, Чили и Эквадоре стремительный рост численности мигрантов был связан с притоком выходцев из Венесуэлы.

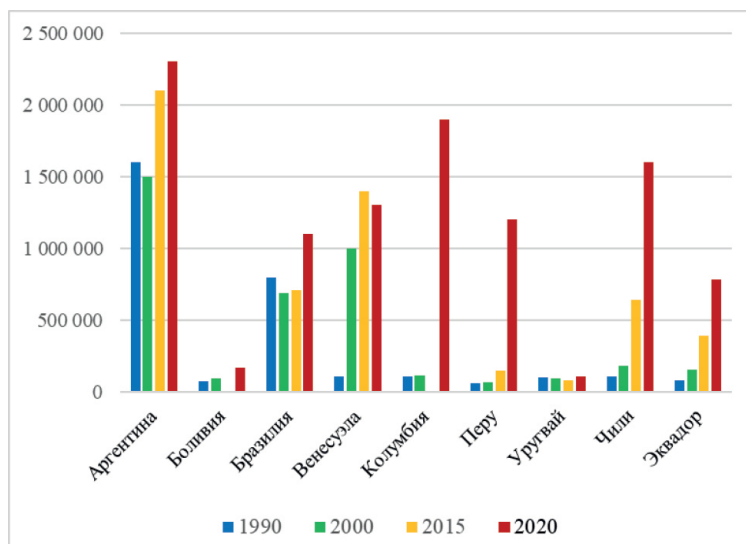

Рис. 1. Динамика численности международных мигрантов в странах Южной Америки (1990—2020) [Составлено по: Americas]

На протяжении второй половины XX века Венесуэла являлась реципиентом миграции и занимала лидирующие позиции по приему граждан из стран Южного конуса, преимущественно трудовых мигрантов. Имея статус одного из самых перспективных и благополучных государств ЛАКБ, Венесуэла в 2010-х годах столкнулась с массовым исходом населения и превратилась в страну с самым высоким уровнем бедности, международными санкциями и хронической гиперинфляцией. Так, в 2018 году уровень инфляции в стране достиг 63 374,08 % против 438 % в 2017 [Venezuela: Inflation...]. Коэффициент Джини, измеряющий неравенство доходов, богатства и потребления, увеличивался с 2015 года и достиг в 2022 году показателя 51,2¹. За это время Венесуэла пережила гуманитарный кризис, связанный с нехваткой основных продуктов. В 7 венесуэльских штатах уровень отсутствия продовольственной безопасности составил 99 % [Poverty and inequality...].

1 В коэффициенте Джини нулевой показатель отражает полное равенство, а 100 — полное неравенство.

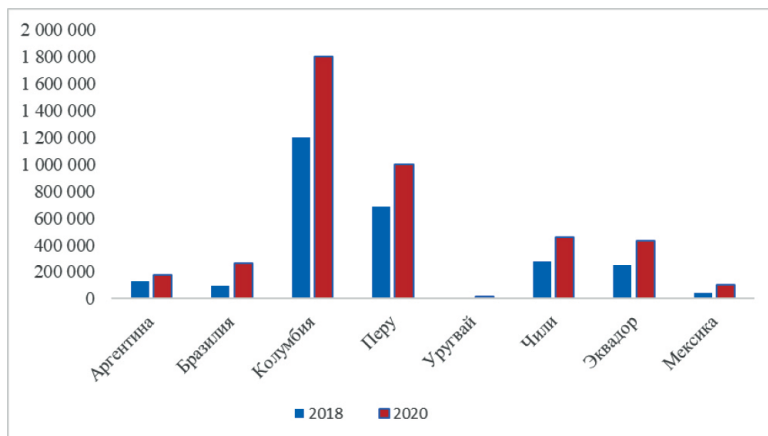

Рис. 2. Динамика численности мигрантов и беженцев из Венесуэлы в странах Южной Америки [Составлено по: Americas]

Внутрирегиональная и внеконтинентальная миграция колумбийского населения имеет сложный и многоаспектный характер. Внутренние вооруженные конфликты и политическое насилие привели к вынужденному перемещению граждан Колумбии, бежавших от вооруженных конфликтов и насилия враждующих группировок. Если в течение десятилетий страна имела статус «поставщика» мигрантов, испытав многомиллионное «давление на границах» ВПЛ [Barichello, 2015], то из-за социально-экономического и гуманитарного кризиса в соседней Венесуэле она стала второй страной региона (после Аргентины), принимающей мигрантов. На рис. 2 и 3 показан резкий рост мигрантов, прибывших в страну. Если в 2015 году на территории страны находилось 159,4 тыс. мигрантов, то в 2020 году их число достигло 1,9 млн человек, среди которых были не только выходцы из Венесуэлы, но и граждане Колумбии, вернувшиеся из эмиграции. Таким образом, для Колумбии была характерна и массовая возвратная миграция. До 2016 года в Венесуэле проживало около 1 млн колумбийцев, стремящихся получить там стабильную работу и качественное социальное обеспечение [Кудеярова, 2020; World Migration...]. Однако после начала кризиса в Венесуэле и после заключения соглашения между правительством президента Хуана Мануэля Сантоса и Революционными вооруженными силами — Народной армией (FARC-EP), означавшего выход Колумбии из 50-летнего внутреннего вооруженного конфликта и насилия, эмигранты начали массово возвращаться в страну.

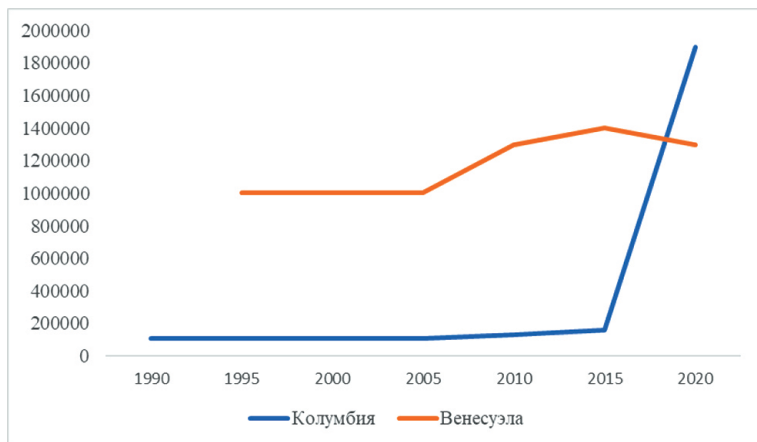

Рис. 3 Динамика численности международных мигрантов в Колумбии и Венесуэле (1990—2020) [Составлено по: Total number...]

Колумбия и Эквадор являются не только странами назначения для переселенцев, но и пунктом въезда в Южную Америку мигрантов разных национальностей, проезжающих транзитом по пути в США через миграционный коридор Андский регион — Центральная Америка — Мексика. Однако, несмотря на стремление мигрантов добраться до США и Канады, часть из них остается в странах Южной Америки по собственному выбору или по обстоятельствам, затрудняющим дальнейшее продвижение на север.

Традиционным направлением для мигрантов из Боливии, Парагвая, а в последние годы из Колумбии и Перу является Аргентина. Страной притяжения для мигрантов также является Чили, принимающая выходцев из Венесуэлы, Перу, Гаити, Колумбии, Боливии и Аргентины. Привлекательной для мигрантов являлась экономическая модель Чили, нуждающаяся в большом объеме рабочей силы.

Бразилия в течение XIX—XX веков была целью крупных перемещений португальских и итальянских иммигрантов. Однако в 1980—1990-е годы Бразилия превратилась в страну эмиграции. В различных регионах мира к 2020 году проживало более 4 млн бразильцев, при этом предпочтительным пунктом назначения для диаспоры стала Северная Америка [Migration in Brazil ...]. На втором месте для бразильских эмигрантов находилась Португалия, а в Южной Америке выходцы из Бразилии перемещаются преимущественно в регион Парагвай — Сюдад-дель-Эсте. Поток мигрантов в этот район даже привел к появлению специального

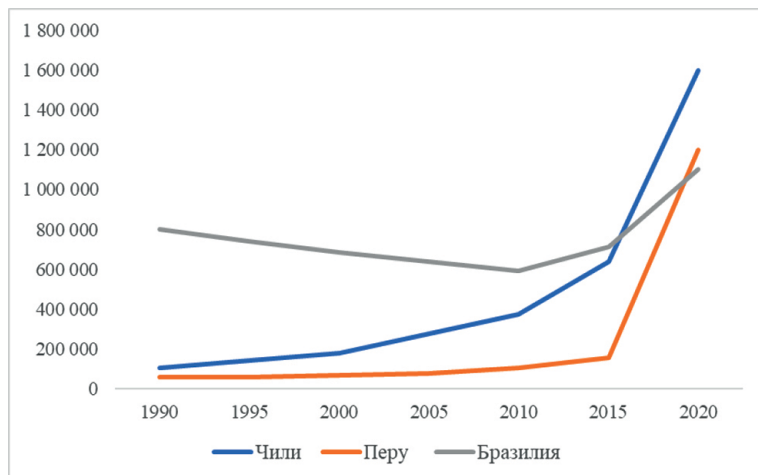

Рис. 4. Динамика численности международных мигрантов в Чили, Перу и Бразилии (1990—2020) [Total number...]

термина, связанного с обеими странами — *Brasiguayos* [Migration in Brazil...].

Во втором десятилетии XXI века состав иммигрантов в Бразилии изменился в связи с гуманитарными кризисами на Гаити и в Венесуэле. Рис. 4 показывает, что с 2010 года начинается плавный рост количества мигрантов, усилившийся в 2015 году. Северная граница страны стала «воротами» для растущего потока вынужденных мигрантов, заставившего поставить вопрос о необходимости изменения законодательства. В 2017 году были приняты Закон о миграции и ряд конкретных программ, например, инициатива «Добро пожаловать в Рорайме» [García-Juan, 2018].

Таким образом, Южную Америку можно охарактеризовать как регион происхождения, назначения, транзита и возвращения с тремя преобладающими моделями: эмиграция граждан Южной Америки за пределы субрегиона, внутрирегиональная иммиграция и иммиграция из других регионов мира. Миграционные потоки отражают растущую динамику международной мобильности и разнообразие ее моделей в субрегионе — добровольной, внутри- и внерегиональной, возвратной, вынужденной, транзитной, трудовой, климатической [Jarochinski, 2024].

Соглашения о режимах свободного передвижении, заключенные в «нулевые» и в 2010-е годы в рамках субрегиональных интеграционных объединений, позволили мигрантам переезжать в другие страны Южной Америки в поисках работы [Кудеярова, 2020, с. 134]. Общий рынок стран

Южной Америки (*MERCOSUR*) и Андское сообщество (*CAN*) сыграли ключевую роль в открытии регулярных каналов для переезда граждан стран, входящих в состав этих объединений.

После 2015 года внутрирегиональная миграция была значительно усилена за счет эмиграции из Венесуэлы. Согласно отчетам МОМ, перемещения в Южной Америке росли более быстрыми темпами, чем миграция в развитые страны Европы и Северной Америки. По сравнению с 2010 годом число внутрирегиональных мигрантов в 2019 году приблизилось к числу южноамериканцев, проживающих в других частях мира. Относительный размер между этими двумя миграционными группами уменьшился с 2 (2010 год) до 1,1 (2019 год) [Tendencias migratorias...]. Изученные данные, представленные на рис. 1, 3, 4, показывают, что за последние годы рост миграции отмечается по всем крупным странам Южной Америки. Наибольший рост наблюдается в Колумбии, Чили и Перу, он был связан в основном с венесуэльской миграцией.

3.1.2. Центральная Америка

Миграция из стран Центральной Америки привела к концентрации мигрантов на южной границе США. Этот миграционный коридор вызвал всплеск заявлений на получение статуса беженца в Мексике. Движение населения из Никарагуа и Кубы достигло значительного уровня и в других странах субрегиона, в частности в Коста-Рике [Migration flows...]. В 2020 году почти 900 тыс. человек из стран «северного треугольника» (Гватемалы, Гондураса и Сальвадора) были насильственно перемещены, из них более 500 тыс. — за границу [World Migration...]. Все эти перемещения дополнили исход граждан Гаити, покинувших страну после землетрясения 2010 года и пытавшихся добраться до США.

Согласно опросу, проведенному в Гватемале в 2020 году среди мигрантов из Центральной Америки, проезжающих через страну транзитом, 92 % выходцев из этой страны покинули свои дома в поисках лучших условий жизни. И хотя это остается основной причиной миграции гондурасцев и сальвадорцев, более 60 % опрошенных заявили, что насилие и отсутствие безопасности входили в число причин миграции [Reasons to migrate...].

Коста-Рика принимает все большее число мигрантов из Колумбии, Сальвадора и Никарагуа. К 2020 году из Никарагуа эмигрировали чуть более 718 тыс. человек, что эквивалентно 11 % населения страны. Миграция также возросла из Сальвадора, Гватемалы и Гондураса в Белиз и Мексику, что является одним из крупнейших миграционных коридоров в ЛАКБ. Контингент мигрантов в Белизе в 2020 году соответствовал 16 % от общей численности населения страны [A Better World ...].

В результате указанных объединенных потоков географический регион Дарьенского пролива, разделяющий Колумбию и Панаму, превратился в зону интенсивного движения мигрантов, несмотря на высокие риски. Число нелегальных мигрантов, следовавших транзитом через Дарьен, достигло пика в 2020 году, когда более 91,3 тыс. человек воспользовались этим опасным и смертоносным маршрутом в Северной и Южной Америке [Irregular transit...]. С 2014 года здесь погибли или пропали без вести 9,7 тыс. человек. Более 5 тыс. мигрантов были зарегистрированы погибшими или пропавшими без вести при попытке пересечь границу между США и Мексикой [Number of migrants]. Однако реальные цифры погибших и пропавших без вести могут быть значительно выше, поскольку в источниках подчеркиваются трудности и проблемы сбора данных, особенно в Дарьенском коридоре и на морских путях.

Таким образом, в Центральной Америке выделяется 4 миграционных маршрута. Во-первых, это смешанное перемещение населения из стран региона в страны Северной Америки, главным пунктом назначения которых являются США. Во-вторых, это внутрорегиональные миграционные потоки, основными направлениями которых выступают Мексика, Коста-Рика и Панама. В-третьих, потоки переселенцев из стран Карибского бассейна и Южной Америки, и, в-четвертых, различные внеконтинентальные потоки из Азии и Африки. Все они идут транзитом через страны региона с намерением переместиться на север континента. Следует также отметить плотные потоки возвратной миграции, в основном в страны северной части Центральной Америки.

3.1.3. Карибский бассейн

Миграция также является неотъемлемой частью жизни Карибских стран, которая чаще всего обсуждается в контексте эмиграции в США, Канаду и европейские страны. Однако перемещения в страны Карибского бассейна и внутри него составляют не менее важную часть миграционных процессов этого субрегиона. Из-за изменения климата, стихийных бедствий и сдвигов в глобальных моделях мобильности в течение XXI века миграционный ландшафт в Карибском бассейне значительно изменился. В 2020 году в странах субрегиона проживало 859,4 тыс. внутрорегиональных и 745,7 тыс. внерегиональных иммигрантов. Доля внутрорегиональных иммигрантов увеличилась с 46 % в 2000 году до 56 % в 2020 году [Migration, Integration...]. Но численность и происхождение иммигрантов варьировались в зависимости от страны. В девяти странах — на Багамских островах, Барбадосе, в Белизе, Доминиканской Республике, Гайане, на Гаити, Ямайке, в Суринаме, Тринидаде и Тобаго — иммигранты из других стран Карибского бассейна составили 63 % всех иммигрантов в 2020 году.

Внутрирегиональная миграция была наиболее распространена в Доминиканской Республике, на Барбадосе и Багамских островах. Самой большой группой иммигрантов в этих странах были гаитяне, за ними следовали выходцы из Гайаны. В некоторых странах отмечалось значительное количество иммигрантов из-за пределов субрегиона, причем венесуэльцы составляли вторую по величине группу иммигрантов в девяти странах.

Мигранты в странах Карибского бассейна, как правило, происходили из стран с более низким уровнем и переезжали в более развитые страны с широкими возможностями трудоустройства и процветающей туристической индустрией: Багамские острова, Британские и Американские Виргинские острова, острова Теркс и Кайкос, а также Сент-Китс и Невис. Возможность получить здесь высокие доходы привлекали граждан из Гаити, Доминиканской Республики, Гайаны и Ямайки.

Изменение климата и стихийные бедствия в XXI столетии стали важными факторами внутреннего, внутрирегионального и внерегионального перемещения населения как в Карибском бассейне, так и во всем регионе ЛАКБ. В XXI веке регион пережил несколько разрушительных стихийных бедствий. Например, с 2017 по 2019 год ураганы «Харви», «Ирма», «Мария», «Мэтью» и «Дориан» нанесли ущерб и привели к перемещению миллионов граждан стран Карибского бассейна, в основном гаитян, доминиканцев и багамцев. С 2000 года регион также пережил землетрясения, тропические штормы, наводнения и засуху, реже — извержения вулканов, которые вынудили людей покинуть свои дома. Эти бедствия послужили важными факторами, способствующими увеличению миграции граждан стран Карибского бассейна, особенно гаитян, в Южную и Северную Америку [Migration, Integration...].

3.1.4. Общая характеристика миграционных потоков в ЛАКБ

Завершая обзор основных миграционных потоков и коридоров, отметим, что в ЛАКБ самое большое количество населения иностранного происхождения имеет Аргентина, поскольку здесь к 2020 году проживали почти 2,3 млн иммигрантов. Приток мигрантов из Венесуэлы превратил Колумбию из страны — источника эмиграции во вторую по величине принимающую страну ЛАКБ. Третьей страной по числу внутрирегиональных мигрантов является Чили, куда прибывают выходцы из Гаити, Перу и Венесуэлы.

Особенности внутрирегиональных миграционных потоков и контекст в принимающих странах отличаются от ситуации в других регионах мира. В ЛАКБ значительная часть перемещений осуществляется по линии Юг-Юг между странами одного и того же региона или субрегиона. Это представляет собой отход от предыдущих лет, когда миграционные потоки со-

стояли из людей, стремящихся добраться до стран Северной Америки или Европы. Хотя этот исходящий импульс сохранялся и в XXI веке, но все более отчетливо виден рост миграции внутри региона, а также возвращение эмигрантов в страны происхождения.

Значительный сдвиг в миграции можно объяснить различными факторами, которые, как правило, остаются в ЛАКБ неизменными: рост бедности, отсутствие продовольственной безопасности, насилие, вызванное действиями преступных группировок. Во второй половине 1980-х и в начале 1990-х годов гражданские войны в различных странах ЛАКБ разрешались посредством мирных соглашений и урегулирований, что привело к установлению демократических систем. Тем не менее, несмотря на то, что в ЛАКБ находятся одни из самых густонаселенных и быстро развивающихся стран планеты, регион по-прежнему страдает от неравенства. Около 40 % населения живет в крайней нищете. Латиноамериканский экономический ландшафт отличается резкими контрастами изобилия и бедности. Экономическое неравенство играет роль мощного подталкивающего фактора, побуждающего людей выбирать трудный путь миграции.

Необычному сдвигу в миграции в пользу внутрирегиональных перемещений способствовали и новые тенденции XXI века, связанные с заключением региональных соглашений о свободном передвижении и возвращении бывших эмигрантов в сопровождении членов их семей иностранного происхождения; влиянием изменения климата на стихийные бедствия; влиянием экстремальных погодных условий на упадок сельского хозяйства и продовольственную безопасность.

Исследование также показало, что одной из самых актуальных тенденций современной миграции в странах ЛАКБ является ее вынужденный характер. Доказательством этого служит быстрый рост заявлений о предоставлении убежища, а также потоков нелегальной миграции. Так, в 2020 году Бразилия приняла 363,7 тыс. беженцев, лиц, ищущих убежища, и других лиц, нуждающихся в международной защите [Americas]. Большинство из них прибыли из Венесуэлы, с Гаити и Кубы. Мексика только за первую половину 2020 года приняла 151 тыс. новых заявлений о предоставлении убежища, став не только основным транзитным пунктом на пути миграционного потока на север, но и местом назначения. При этом в 2005 году Бразилия приняла 3,6 тыс. вынужденных мигрантов, а Мексика — 3,4 тыс. [Americas]. Однако следует понимать, что в этой статистике учитываются не все вынужденные мигранты, а только те, кто может претендовать на статус беженца и международную защиту в соответствии с универсальными и региональными стандартами. Например, имеющиеся данные по Колумбии, Перу, Эквадору и Чили показывают, что, несмотря на

массовое перемещение граждан Венесуэлы, лишь немногие из них подали заявления о предоставлении убежища.

Миграцию венесуэльцев следует рассматривать как вынужденное перемещение, так как этот массовый исход был обусловлен не только экономическими факторами, но и распадом социальных институтов, ростом насилия, отсутствием доступа граждан к здравоохранению, продовольствию и безопасной окружающей среде. Эти причины позволяют оценить перемещение как вынужденную миграцию в соответствии с региональными соглашениями, в частности с Картахенской декларацией о беженцах 1984 года, содержащей норму о массовом нарушении прав человека как основании для международной защиты. Но отметим, что вынужденные мигранты, являющиеся жертвами стихийных бедствий, жестокого гендерного насилия и торговли людьми, не могут получить статус беженца.

Одной из движущих сил динамики перемещения населения стран ЛАКБ, особенно в Центральной Америке, является «соседство» с США, которые привлекают людей, находящихся в поисках безопасности и / или экономических возможностей. В XXI веке США внесли существенные изменения в свою пограничную политику в надежде удержать мигрантов от прибытия через свою южную границу [Кудеярова, 2014]. Депортации и препятствия на границе привели к тому, что некоторые беженцы и мигранты вернулись в Центральную и Южную Америку. Часть из них становилась оседающими переселенцами, предпочитая оставаться в третьих странах вместо возвращения в страны исхода. В результате эти территории, традиционно считающимися транзитными, становились местом убежища и проживания.

3.2. Региональное многостороннее управление миграцией

С начала 2000-х годов межгосударственное сотрудничество стало одним из аспектов миграционной политики, хотя и в разной степени координации и институционализации. Страны региона подписали региональные соглашения, касающиеся миграции и прав человека. Так, южноамериканские региональные интеграционные сообщества и многосторонние организации — Общий рынок стран Юга (MERCOSUR), Андское сообщество наций (CAN) и Южноамериканская конференция по миграции (Conferencia Suramericana sobre Migraciones, CSM) — выступили за упрощенный режим мобильности и проживания для внутрирегиональных мигрантов. Страны региона, активно участвуя в процессе подготовки Глобального договора о безопасной, упорядоченной и легальной миграции 2018 года, ставили вопрос о праве на свободное передвижение для мигрантов из других регионов мира.

Основной площадкой для многостороннего обсуждения странами субрегиона вопросов миграции стала CSM, организованная в 2000 году и

заявившая о себе как орган принятия решений в области международной миграции и ее взаимосвязи с региональной интеграцией. Членами Конференции являются Аргентина, Боливия, Бразилия, Чили, Колумбия, Эквадор, Парагвай, Перу, Уругвай, Венесуэла, Суринам и Гайана. Мексика и Колумбия выступают государствами-наблюдателями. Внутри CSM существует консенсус в отношении следующих положений: внутрирегиональные миграционные потоки способствуют интеграции Южной Америки; мигранты вносят вклад в развитие народов; необходимо гарантировать права и достоинство мигрантов.

Ключевую роль в разработке прогрессивной общерегиональной миграционной политики сыграли ведущие страны Южной Америки: Аргентина, Бразилия и Чили. Инициатором и главным «архитектором» регионального миграционного режима является Аргентина, сохраняющая лидерские качества в течение первых 20-ти лет XXI века. В 2002 году страна предложила принять Соглашение MERCOSUR о проживании как основу для свободной мобильности. Вступившее в силу в 2009 году и направленное на урегулирование ситуации с нелегальными внутрирегиональными мигрантами Соглашение позволяет любому гражданину MERCOSUR или ассоциированного государства-члена проживать и работать в течение двух лет в другом государстве-члене при наличии документа, удостоверяющего личность, и отсутствии судимости. Оно также предоставило им ряд прав, включая право на равный труд, воссоединение семьи и доступ к образованию для детей. Через два года обладатель временного разрешения имеет возможность преобразовать его в постоянное [Circulación de Personas...].

В Центральной Америке существует несколько соглашений о мобильности. В рамках Системы центральноамериканской интеграции (SICA) Центральноамериканское соглашение о свободной мобильности (CA-4) между Гватемалой, Гондурасом, Никарагуа и Сальвадором разрешает мобильность, хотя и содержит ограничения для разных категорий мигрантов. В 2017 году шесть стран Центральной Америки — Белиз, Гватемала, Гондурас, Коста-Рика, Мексика и Панама — официально заявили УВКБ ООН о своем намерении разработать и осуществлять комплекс региональных мер по защите и поиску решений в рамках концепции «Всеобъемлющей региональной основы для защиты и решений» (MIRPS), являющейся новаторской инициативой в реализации Комплексной системы реагирования на положение беженцев (CRRF) и конкретным вкладом в Глобальный договор о беженцах. MIRPS представляет собой структуру регионального сотрудничества стран происхождения, транзита и назначения. Программа продвигает механизмы разделения ответственности, усиливает защиту и расширяет возможности решений для беженцев, лиц, ищущих убежища,

внутренне перемещенных лиц и репатриантов, нуждающихся в защите [Carta Estatutaria...].

В Карибском бассейне региональные соглашения и другие формы сотрудничества также стали важными чертами мобильности. Карибское сообщество (CARICOM) и Организация восточно-карибских государств (Organisation of Eastern Caribbean States, OECS), созданные соответственно в 1973 и 1981 годах, обсуждали важные пути для внутрирегиональной миграции. Например, повышение мобильности и интеграции имело место в рамках Единого карибского рынка и экономики CARICOM (Caribbean Community) и Организации Восточно-карибских государств (OECS). Граждане стран-членов CARICOM имеют право на шестимесячное безвизовое пребывание в других странах Сообщества. Несмотря на то, что этот порядок пребывания не сопровождается разрешением на работу, CARICOM также включает режим сертификатов о квалификации, который обеспечивает свободную мобильность и разрешение на работу для определенных категорий работников. Региональные обязательства и координация в рамках Карибских консульгаций по миграции, учрежденных в 2016 году и запущенных в 2019 году, также способствовали сотрудничеству по различным вопросам — от управления миграцией до ликвидаций последствий стихийных бедствий.

Уникальные режимы свободной мобильности в регионе в определенной степени помогли облегчить передвижение перемещенных лиц и работников служб экстренного реагирования во время экологических кризисов. Тем не менее эксперты отмечают, что существующие миграционные системы Карибского бассейна нуждаются в обновлении, поскольку они ограничивали успешную интеграцию иммигрантов. Например, в субрегионе ощущалась заметная нехватка институтов и нормативно-правовой базы для предоставления убежища и защиты беженцев. Вместо этого страны Карибского бассейна применяют экстренные меры *ad hoc* в ответ на массовые перемещения людей, как, например, временные меры и планы по урегулированию, введенные для гаитян после землетрясения 2010 года, граждан Доминики после урагана «Мария» в 2017 году и венесуэльцев, спасающихся от политических и экономических потрясений после 2015 года.

Исследователи миграционной политики часто отмечают отсутствие регионального сотрудничества и координации для решения проблемы венесуэльской миграции. Однако, по мнению Л. Брумат, эффективная политика Бразилии и Колумбии по легализации венесуэльских мигрантов следовала южноамериканскому подходу в управлении миграцией, сочетающему «государственный контроль + права человека» [Brumat, 2021], поскольку государства не в состоянии предотвратить перемещение насе-

ления и эффективно контролировать все границы. В этих условиях решить проблему миграции возможно не задержанием и высылкой, а процессом легализации мигрантов, как это было в Колумбии с венесуэльскими переселенцами, которые получили «щедрый подарок» в виде 10-летнего вида на жительство [La meta para...].

Как показывает исследование, региональный миграционный режим в ЛАКБ можно охарактеризовать как прогрессивный, сочетающий государственный контроль и соблюдение прав человека и основанный на понимании миграции как неизбежного явления. Однако, столкнувшись с новыми миграционными моделями, страны ЛАКБ в своей национальной миграционной политике отступали от применения согласованного общерегионального консенсуса в отношении «права на миграцию» и региональной свободы передвижения, делая сильный крен в сторону секьюритизации с учетом своих внутренних и внешних политических интересов.

3.3. Миграционная политика стран ЛАКБ

Национальная миграционная политика в ЛАКБ является нелинейной и многомерной, отражающей сложную структуру миграционных потоков, состоящих из трудовых мигрантов, вынужденных переселенцев, лиц, ищущих убежище, и беженцев. Нелинейность, или «лоскутность», управления [Espinoza, 2024] проявляется в сменяемых волнах ограничительной и более открытой миграционной политики, проходящих либо одна за другой, либо одновременно [Nettrega, 2019]. С конца 1990-х и на протяжении 2000-х годов большинство стран, прежде всего южноамериканских, унаследовавших от диктатур 1970—1980-х годов ограничительное иммиграционное законодательство, использовали прогрессивную миграционную политику и дискурсы, которые подчеркивали важность прав мигрантов и необходимость декриминализации миграции [Brumat, 2019]. При этом миграция воспринималась как неизбежное явление, требующее регуляции. Так, директор миграционной службы Колумбии заявил, что «идея открытой или закрытой двери» абсурдна, потому что «невозможно контролировать каждый сантиметр» протяженной государственной границы [La meta para...].

Наряду с традиционными сферами государственного управления миграцией, включающими контроль границ, визы, легализацию мигрантов или их депортацию, правительствам принимающих стран приходилось включать в процесс официального статуса мигранта доступ к основным правам человека и меры по экономической и социальной интеграции. Беспрецедентные и непредвиденные внутрирегиональные миграционные потоки и проблемы, связанные с ними, потребовали модернизации государственной миграционной политики. Еще в конце XX века страны региона начали либо полное, либо частичное обновление миграционно-

го законодательства, отказавшись от законов, принятых еще в XX веке. Так, в Аргентине были приняты Закон о миграции № 25871 2004 года, закрепивший право на миграцию неотъемлемым правом для человека, а также «Общий закон о признании и защите беженцев», включающий расширенное определение беженца, полностью инкорпорированное из Картахенской декларации [Migraciones Ley...]. В Уругвае Закон о миграции № 18.250 от 2008 года признал неотъемлемым право на миграцию, надлежащую правовую процедуру и доступ к правосудию [Ley de migraciones...], а принятый в 2006 году Закон № 18.076 гласил, что «каждый имеет право» не только просить, но и получать убежище в стране для «защиты своей жизни <...> неприкосновенности, свободы и безопасности» [Ley de refugiados...]. В ряде государств реформы миграционного законодательства были начаты еще в конце XX века. Так, в 1997 году в Колумбии был принят закон о мерах по предотвращению насильственного перемещения для решения проблем внутренне перемещенных лиц в результате насилия [Ley 387].

Расширение и усложнение миграционных потоков в XXI веке страны региона воспринимали по-разному. С одной стороны, они представляли миграцию как экономическую выгоду, повышающую производительность и стимулирующую инновации. С другой стороны, доминирующим становится дискурс секьюритизации, который вынуждал правительство контролировать приток мигрантов, а независимые СМИ артикулировали опасения по распространению преступности и поглощению общества иностранцами. Внезапные и крупномасштабные потоки переселенцев создавали дополнительную нагрузку на ограниченные ресурсы предоставления доступа к социальным услугам. В этом смысле миграция становилась все более политизированной, а в некоторых сферах и секьюритизированной, связанной с безопасностью государств и их граждан.

В странах ЛАКБ можно выделить два основных подхода к национальной миграционной политике. Первый подход использовался в период низкого уровня иммиграции и был связан с популистской политикой левых правительств, которые с начала XXI века выступали за свободное внутрирегиональное передвижение и расширение прав мигрантов [Villarreal Villamar, 2023; Brumat, 2019]. Результатом этих настроений стали либеральные законы по предоставлению убежища и транзита. Второй подход был связан с ростом масштабов миграционных потоков и приходом к власти правых политических сил. В 2010-е годы сторонники жесткого курса, особенно в странах Южной Америки (Аргентина, Бразилия, Чили), настаивали на введении миграционных квот, усилении пограничного контроля, подавлении нелегальной миграции и депортации. Триггером усиления

правого политического движения стал начавшийся в 2015 году массовый исход населения из Венесуэлы.

Однако характер управления миграцией не всегда являлся реакцией на масштабы переселенческих потоков и ситуацию кризиса [Brumat, 2024]. На формирование государственной миграционной политики оказывали влияние также партийно-политическая позиция правительств, традиции региональной солидарности, соображения безопасности, ориентация на страны Глобального Севера, выполнение обязательств универсальных и региональных международных договоров, а также цивилизационные традиции и ценности стран переселенческого региона, открытых для иммиграции.

Как отмечалось, миграционная политика в странах ЛАКБ двигалась в направлении растущего расхождения. Детальный анализ национальной миграционной политики в разных субрегионах показывает ее несовпадение по вопросам нелегальной миграции, пограничного контроля, отношениям с диаспорой. Например, гуманитарные меры реагирования на массовые потоки в Южной Америке отличались от экстернализации миграционной политики в странах Центральной Америки и ориентации на США. Последние сосредоточили внимание на географически близких регионах к югу от своей границы, приняв государственные меры, направленные на предотвращение въезда мигрантов, включая лиц, ищущих убежище. В центральноамериканской миграционной системе США занимали доминирующее положение, поскольку действия мексиканского правительства последние десятилетия оказывались подчиненными миграционной политике Белого дома. Мексика, ставшая транзитной территорией на пути миграционных караванов на пути в США, была вынуждена реагировать на давление американской администрации. Если в «нулевые годы» проводилась политика предоставления прав мигрантам независимо от их статуса, то во второй половине 2010-х годов был взят курс на содействие комплексному развитию Центральной Америки в целях снижения темпов транзитной миграции и недопущения напряженности на границе с северным соседом [Ramos García et al., 2019].

4. Заключение = Conclusions

Исследование показало, что особенностью региона ЛАКБ в XXI веке является наличие в нем стран происхождения, транзита и места назначения миграционных потоков с преобладающей моделью внутрирегиональной миграции. В отличие от других регионов мира в ЛАКБ значительная часть перемещений осуществлялась по линии Юг-Юг — между странами одного и того же региона или субрегиона. Установлено, что необычному сдвигу в миграции в пользу внутрирегиональных перемещений спо-

способствовали не только экономическая мотивация, рост насилия, стихийные бедствия и разрушение окружающей среды, но и новые тенденции XXI века, связанные прежде всего с заключением субрегиональных соглашений о свободном передвижении, которые облегчили перемещение населения между странами — членами интеграционных объединений. Однако самым мощным фактором роста внутрирегиональной миграции стал масштабный исход населения из Венесуэлы, обусловленный распадом социальных институтов, бедностью населения, ростом насилия. Исследование также показало, что актуальной тенденцией миграции в ЛАКБ является ее вынужденный характер.

В конце XX — начале XXI веков диверсификация миграционных потоков по происхождению, пунктам назначения, территориальной динамике и маршрутам способствовала разработке новых региональных и национальных механизмов управления миграцией. В отличие от тенденций, характерных для глобального Севера, в регионе особое внимание уделяется правам мигрантов, принимаются относительно открытые меры пограничного контроля, связанные с некриминализацией нелегальной миграции, прилагаются многочисленные усилия по облегчению иммиграции и другие меры. Страны ЛАКБ продемонстрировали стремление к региональному нормативному консенсусу.

Рост миграции сопровождался изменениями не только в многосторонней региональной, но и в национальной миграционной политике, стремящейся к упорядочению миграционных потоков и секьюритизации. На региональных форумах сформировались основные подходы к управлению миграцией, важнейшие из которых связаны со свободой передвижения и легализацией переселенцев. Однако государства ЛАКБ, столкнувшись с массовыми потоками мигрантов, особенно после миграционного кризиса в Венесуэле, вынуждены были отступать от применения согласованного общерегионального консенсуса в отношении «права на миграцию» в сторону секьюритизации (Южная Америка) и экстернализации (Центральная Америка и Мексика) с учетом своих внутренних и внешних интересов.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *A Better World for Migrants in Latin America and the Caribbean* [Electronic resource] // UNDP. — 2023. — Access mode : <https://publications.iadb.org/en/publications/>

english/viewer/A-Better-World-for-Migrants-in-Latin-America-and-the-Caribbean.pdf (accessed 22.10.2024).

2. *Americas* // Migration Data Portal [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.migrationdataportal.org/americas/key-figures> (accessed 24.10.2024).

3. *Carta Estatutaria* del Marco Integral Regional para la Protección y Soluciones (MIRPS) [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.refworld.org/es/leg/intinstrument/mirps/2024/es/147637> (accessed 03.04.2024).

4. *Circulación de Personas* // MERCOSUR [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.mercosur.int/ciudadania/estatuto-ciudadania-mercosur/1-circulacion-de-personas/> (accessed 20.08.2024).

5. *Conferencia Suramericana sobre Migraciones* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.iom.int/es/conferencia-suramericana-sobre-migraciones> (accessed 15.08.2024).

6. *Irregular transit of foreigners through the Darien Gap 2014—2024* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.statista.com/statistics/1278150/irregular-transit-foreigners-through-darien-gap/> (accessed 11.10.2024).

7. *La meta para 2021 son 800 mil venezolanos regularizados*: Juan Francisco Espinosa, director de Migración Colombia [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.infobae.com/americas/colombia/2021/02/11/la-meta-para-2021-son-800-mil-venezolanos-regularizados-juan-francisco-espinosa-director-de-migracion-colombia/> (accessed 11.08.2024).

8. *Ley 387 de 1997 por la cual se adoptan medidas para la prevención del desplazamiento forzado en la República de Colombia* [Electronic resource]. — Access mode : https://www.unidadvictimas.gov.co/documentos_bibliotec/ley-387-de-1997/#:~:text=Ley%20387%20de%201997%20por,en%20la%20Rep%C3%ABlica%20de%20Colombia (accessed 19.08.2024).

9. *Ley de migraciones* N°18.250 [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.impo.com.uy/bases/leyes/18250-2008> (accessed 21.08.2024).

10. *Ley de refugiados* N°18.076. Derecho al Refugio y a los refugiados [Electronic resource]. — Access mode : Ley N° 18076 (accessed 21.08.2024).

11. *Migraciones Ley 25.871* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.argentina.gob.ar/normativa/nacional/ley-25871-92016/actualizacion#1> (accessed 22.08.2024).

12. *Migration and Migrants* : Regional Dimensions and Developments. Latin America and the Caribbean [Electronic resource] // World Migration Report. — Access mode : <https://worldmigrationreport.iom.int/what-we-do/world-migration-report-2024-chapter-3/latin-america-and-caribbean> (accessed 20.10.2024).

13. *Migration flows in Latin America and the Caribbean* [Electronic resource] // Inter-American Development Bank, Statistics on Permits for Migrants. — Access mode : <https://publications.iadb.org/publications/english/viewer/Migration-Flows-in-Latin-America-and-the-Caribbean-Statistics-on-Permits-for-Migrants.pdf> (accessed 11.04.2024).

14. *Migration in Brazil* — statistics & facts [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.statista.com/topics/11161/migration-in-brazil/#topicOverview> (accessed 11.04.2024).

15. *Migration, Integration, and Diaspora Engagement in the Caribbean. A Policy Review. March 2023* / Valerie Lacarte Jordi Amaral, Diego Chaves-González, Ana María Sáiz, Jeremy Harri [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.migrationpolicy.org/sites/default/files/publications/mpi-idb-caribbean-report-2023-final.pdf> (accessed 11.09.2024).

16. *Number of migrant deaths during migration in the Americas from 2014 to 2024, by cause of death* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.statista.com/statistics/1278085/migrants-dead-trajectories-americas-cause-death/> (accessed 31.07.2024).

17. *Poverty and inequality in Venezuela — statistics & facts* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.statista.com/topics/11572/poverty-and-inequality-in-venezuela/#topicOverview> (accessed 31.07.2024).

18. *Reasons to migrate* of people from Northern Triangle of Central America in transit in Guatemala in 2020, by country of origin [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.statista.com/statistics/1267929/migration-causes-migrants-northern-triangle-transit-country-origin/> (accessed 12.07.2024).

19. *RMRP 2020*. For refugees and migrants from Venezuela. January — December 2020. [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.r4v.info/en/document/rmrp-2020> (accessed 06.10.2024).

20. *Tendencias migratorias* en América Del Sur. Informe Migratorio Sudamericano N°3 Año 2020 [Electronic resource]. — Access mode : https://lac.iom.int/sites/g/files/tmzbdl626/files/documents/Tendencias_Migratorias_en_America_del_Sur_Marzo_Final.pdf (accessed 16.08.2024).

21. *Total number* of international migrants at mid-year 2000 [Electronic resource] // Migration Data Portal. — Access mode : https://www.migrationdataportal.org/international-data?i=stock_abs_&t=2000&cm49=170 (accessed 19.09.2024).

22. *Venezuela* : Inflation rate from 1985 to 2025 [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.statista.com/statistics/371895/inflation-rate-in-venezuela/> (accessed 13.10.2024).

23. *World Migration Report 2020* [Electronic resource]. — Access mode : https://publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_2020.pdf (accessed 29.08.2024).

24. *World Migration Report 2022* [Electronic resource]. — Access mode : <https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2022-russian> (accessed 12.04.2024).

Литература

1. *Аришин К.* Миграционная политика Аргентины : современные тенденции / К. Аришин // Латинская Америка. — 2021. — № 12 — С. 50—66. — DOI: 10.31857/S0044748X0017495-3.

2. *Богатырева О. Н.* Гуманитарная дипломатия : Цивилизационные и национальные модели : Научное издание / О. Н. Богатырева, Д. М. Ковба, К. М. Табаринцева. — Москва : Издательство «Аспект Пресс», 2023. — 192 с. — ISBN 978-5-7567-1260-5.

3. *Богатырева О. Н.* Защита прав беженцев в Латинской Америке : эволюция региональной гуманитарной дипломатии (1984—2014) / О. Н. Богатырева // Научный диалог. — 2020. — № 11. — С. 335—361. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-335-361.

4. *Кудярова Н. Ю.* Венесуэльский миграционный кризис : демография, нефть и государство / Н. Ю. Кудярова, Д. М. Розенталь // Латинская Америка. — 2020. — № 6. — С. 42—56.

5. *Кудярова Н. Ю.* Латинская Америка : демографическая динамика и трансформация миграционных процессов / Н. Ю. Кудярова // Контуры глобальных трансформаций : политика, экономика, право. — 2020. — Т. 13. — № 1. — С. 119—140. — DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-1-7.

6. *Кудярова Н. Ю.* Мексика : «демографический взрыв» и массовая миграция / Н. Ю. Кудярова // Иberoамериканские тетради. — 2017. — № 2. — С. 56—62.

7. *Кудярова Н. Ю.* Миграционная трансформация в Мексике : вызовы и новые возможности для правительства А. М. Лопеса Обрадора / Н. Ю. Кудярова // Латинская Америка. — 2021. — № 7. — С. 6—21. — DOI: 10.31857/S0044748X0014988-5.

8. *Кудярова Н. Ю.* Миграционные реформы в США : мексиканский вектор дискуссии / Н. Ю. Кудярова // Иberoамериканские тетради. — 2014. — № 3 (5). — С. 85—94.

9. Филипенко А. А. Американо-мексиканская граница : стена раздора / А. А. Филипенко // Россия и Америка в XXI веке. — 2019. — № S1. — С. 8. — DOI: 10.18254/S207054760005391-7.
10. Acosta D. Free Movement in South America : The Emergence of an Alternative Model? [Electronic resource] / D. Acosta // Migration Policy Institute. August 23, 2016. — Access mode : <https://blogs.eui.eu/migrationpolicycentre/free-movement-in-south-america-the-emergence-of-an-alternative-model/> (accessed 10.09.2024).
11. Barichello S. The Evolving System of Refugees' Protection in Latin America / S. E. Barichello // Exploring the Boundaries of Refugee Law. Current Protection Challenges. — 2015. — Pp. 149—171. — DOI: https://doi.org/10.1163/9789004265585_008.
12. Breunig C. What Motivates the Gatekeepers? / C. Breunig, A. Luedtke // Explaining Governing Party Preferences on Immigration. Governance. — 2008. — № 21. — Pp. 123—146.
13. Brumat L. Actors, Ideas, and International Influence : Understanding Migration Policy Change in South America / L. Brumat, V. M. Espinoza // Migration Review. — 2024. — Vol. 58 (1). — Pp. 319—346. — DOI: 10.1177/01979183221142776.
14. Brumat L. Migration and the «rise of the right» in South America : Is there an increasing anti-immigration sentiment in the Southern Cone? February 1st, 2019 [Electronic resource] / L. Brumat // EUI. Robert Schuman Centre. MPC Blog Debate Migration. — Access mode : <https://blogs.eui.eu/migrationpolicycentre/migration-rise-right-south-america-increasing-anti-immigration-sentiment-southern-cone/> (accessed 23.08.2024).
15. Brumat L. State control + human rights: Venezuelan displacement to Colombia and lessons from South American migration governance, April 15th, 2021 [Electronic resource] / L. Brumat // EUI. Robert Schuman Centre. MPC Blog Debate Migration. — Access mode : <https://blogs.eui.eu/migrationpolicycentre/state-control-human-rights-venezuelan-displacement-to-colombia-south-american-migration-governance/> (accessed 23.08.2024).
16. De Haas H. A theory of migration: the aspirations-capabilities framework / H. de Haas // Comp Migr Stud. — 2021. — Vol. 9 (1):8. — Pp. 1—35. — DOI: 10.1186/s40878-020-00210-4.
17. Espinoza M. V. Migration Governance in South America : Change and Continuity in Times of «Crisis» / M. V. Espinoza // The Palgrave Handbook of South-South Migration and Inequality. Palgrave Macmillan, Cham. — 2024. — Pp. 631—652. — DOI: 10.1007/978-3-031-39814-8_29.
18. García-Juan L. Venezuelan immigrants in Roraima : provisional measures for an indefinite humanitarian crisis [Electronic resource] / L. García-Juan // MPC Blog. Debate Migration. March 22nd, 2018. — Access mode : <https://blogs.eui.eu/migrationpolicycentre/venezuelan-immigrants-in-roraima-provisional-measures-for-an-indefinite-humanitarian-crisis/> (accessed 12.04.2024).
19. Geddes A. Governing Migration Beyond the State : Europe, North America, South America, and Southeast Asia in a Global Context / A. Geddes. — Oxford : Oxford University Press, 2021. — 251 p.
20. Herrera G. Introduction : Emergent Issues of South American Migrations / G. Herrera, C. Gómez // Migration in South America. IMISCOE research series. — Springer 2022. — Pp. 1—26. — DOI: 10.1007/978-3-031-11061-0.
21. Hammoud-Gallego O. Symbolic Refugee Protection : Explaining Latin America's Liberal Refugee Laws / O. Hammoud-Gallego, Lf Freier // American Political Science Review. — 2023. — № 117 (2). — Pp. 454—473. — DOI: 10.1017/S000305542200082X.

22. *Jarochinski S. J. C.* The politicization of (im)migration in South America : innovative responses and the weakness of legal frameworks regulating mobility / S. J. C. Jarochinski, M. J. Malheiros // *Carta Internacional*. — 2024. — № 18 (3). — Pp. 1—24.
23. *Jubilut L.* Refugee Protection in Latin America Logics, Regimes, and Challenges / L. Jubilut, M. V. Espinoza, G. Mezzanotti // *Latin America and Refugee Protection : Regimes, Logics, and Challenges* — 2021. — Vol. 41. — Pp. 1—28.
24. *Margheritis A.* Is There A «Latin American» Approach to Migration Governance? / A. Margheritis, L. Pedroza // *Análisis Carolina*. — 2022. — № 16. — Pp. 1—16.
25. *Panizzon M.* Introduction to Special issue : migration governance in an era of large movements : a multi-level approach / M. Panizzon, M. van Riemsdijk // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. — 2018. — Vol. 45 (8). — Pp. 1225—1241.
26. *Ramos García J. M.* La Política Migratoria Mexicana Frente Al Reto Centroamericano / J. M. Ramos García, J. E. Valencia Ramos // *Iuris Tantum*. — 2019. — Vol. 33 (30). — Pp. 189—225. — DOI: 10.36105/iut.2019n30.11.
27. *Villarreal Villamar M. D. C.* ¿Hacia una nueva era de derechos? Nuevo ciclo progresista y migraciones en América Latina / M. D. C. Villarreal Villamar // *Revista Común*. Marzo 23, 2023. — Access mode : <https://revistacomun.com/blog/hacia-una-nueva-era-de-derechos-nuevo-ciclo-progresista-y-migraciones-en-america-latina/> (accessed 28.09.2024).
28. *Wolf S.* Forced Migration from the Northern Triangle of Central America : Drivers and Experiences / S. Wolf // *Mexico City : Centro de Investigación y Docencia Económicas*. — 2020. — Pp. 1—98.

Статья поступила в редакцию 27.11.2024,
одобрена после рецензирования 09.12.2024,
подготовлена к публикации 01.04.2025.

Material resources

- A Better World for Migrants in Latin America and the Caribbean. (2023). *UNDP*. Available at: <https://publications.iadb.org/en/publications/english/viewer/A-Better-World-for-Migrants-in-Latin-America-and-the-Caribbean.pdf> (accessed 22.10.2024).
- Americas. *Migration Data Portal*. Available at: <https://www.migrationdataportal.org/americas/key-figures> (accessed 24.10.2024).
- Carta Estatutaria del Marco Integral Regional para la Protección y Soluciones (MIRPS)*. Available at: <https://www.refworld.org/es/leg/intinstrument/mirps/2024/es/147637> (accessed 03.04.2024).
- Circulación de Personas. *MERCOSUR* Available at: <https://www.mercosur.int/ciudadania/estatuto-ciudadania-mercosur/1-circulacion-de-personas/> (accessed 20.08.2024).
- Conferencia Suramericana sobre Migraciones*. Available at: <https://www.iom.int/es/conferencia-suramericana-sobre-migraciones> (accessed 15.08.2024).
- Irregular transit of foreigners through the Darien Gap 2014—2024*. Available at: <https://www.statista.com/statistics/1278150/irregular-transit-foreigners-through-darien-gap/> (accessed 11.10.2024).
- La meta para 2021 son 800 mil venezolanos regularizados: Juan Francisco Espinosa, director de Migración Colombia*. Available at: <https://www.infobae.com/america/colombia/2021/02/11/la-meta-para-2021-son-800-mil-venezolanos-regularizados-juan-francisco-espinosa-director-de-migracion-colombia/> (accessed 11.08.2024).

- Ley 387 de 1997 por la cual se adoptan medidas para la prevención del desplazamiento forzado en la República de Colombia.* Available at: https://www.unidadvictimas.gov.co/documentos_biblioteca/ley-387-de-1997/#:~:text=Ley%20387%20de%201997%20por,en%20la%20Rep%C3%BAblica%20de%20Colombia (accessed 19.08.2024).
- Ley de migraciones N°18.250.* Available at: <https://www.impo.com.uy/bases/leyes/18250-2008> (accessed 21.08.2024).
- Ley de refugiados N°18.076. Derecho al Refugio y a los refugiados.* Available at: [Ley N°18076](#) (accessed 21.08.2024).
- Migraciones Ley 25.871.* Available at: <https://www.argentina.gob.ar/normativa/nacional/ley-25871-92016/actualizacion#1> (accessed 22.08.2024).
- Migration and Migrants: Regional Dimensions and Developments. Latin America and the Caribbean. *World Migration Report*. Available at: <https://worldmigrationreport.iom.int/what-we-do/world-migration-report-2024-chapter-3/latin-america-and-caribbean> (accessed 20.10.2024).
- Migration flows in Latin America and the Caribbean. *Inter-American Development Bank, Statistics on Permits for Migrants*. Available at: <https://publications.iadb.org/publications/english/viewer/Migration-Flows-in-Latin-America-and-the-Caribbean-Statistics-on-Permits-for-Migrants.pdf> (accessed 11.04.2024).
- Migration in Brazil — statistics & facts.* Available at: <https://www.statista.com/topics/11161/migration-in-brazil/#topicOverview> (accessed 11.04.2024).
- Migration, Integration, and Diaspora Engagement in the Caribbean. A Policy Review. March 2023.* Available at: <https://www.migrationpolicy.org/sites/default/files/publications/mpi-idb-caribbean-report-2023-final.pdf> (accessed 11.09.2024).
- Number of migrant deaths during migration in the Americas from 2014 to 2024, by cause of death.* Available at: <https://www.statista.com/statistics/1278085/migrants-dead-trajectories-americas-cause-death/> (accessed 31.07.2024).
- Poverty and inequality in Venezuela — statistics & facts.* Available at: <https://www.statista.com/topics/11572/poverty-and-inequality-in-venezuela/#topicOverview> (accessed 31.07.2024).
- Reasons to migrate of people from Northern Triangle of Central America in transit in Guatemala in 2020, by country of origin.* Available at: <https://www.statista.com/statistics/1267929/migration-causes-migrants-northern-triangle-transit-country-origin/> (accessed 12.07.2024).
- RMRP 2020. For refugees and migrants from Venezuela. January — December 2020.* Available at: <https://www.r4v.info/en/document/rmrp-2020> (accessed 06.10.2024).
- Tendencias migratorias en América Del Sur. Informe Migratorio Sudamericano N°3 Año 2020.* Available at: https://lac.iom.int/sites/g/files/tmzbd1626/files/documents/Tendencias_Migratorias_en_America_del_Sur_Marzo_Final.pdf (accessed 16.08.2024).
- Total number of international migrants at mid-year 2000. *Migration Data Portal*. Available at: https://www.migrationdataportal.org/international-data?i=stock_abs_&t=2000&cm49=170 (accessed 19.09.2024).
- Venezuela: Inflation rate from 1985 to 2025.* Available at: <https://www.statista.com/statistics/371895/inflation-rate-in-venezuela/> (accessed 13.10.2024).
- World Migration Report 2020.* Available at: https://publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_2020.pdf (accessed 29.08.2024).
- World Migration Report 2022.* Available at: <https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2022-russian> (accessed 12.04.2024).

References

- Acosta, D. (2016). Free Movement in South America: The Emergence of an Alternative Model? *Migration Policy Institute*. August 23. Available at: <https://blogs.eui.eu/migrationpolicycentre/free-movement-in-south-america-the-emergence-of-an-alternative-model/> (accessed 10.09.2024).
- Arshin, K. (2021). Migration policy of Argentina: current trends. *Latin America*, 12: 50—66. DOI: 10.31857/S0044748X0017495-3. (In Russ.).
- Barichello, S. (2015). The Evolving System of Refugees' Protection in Latin America. *Exploring the Boundaries of Refugee Law. Current Protection Challenges*. 149—171. DOI: https://doi.org/10.1163/9789004265585_008.
- Bogatyreva, O. N. (2020). Protecting the Rights of Refugees in Latin America: The Evolution of Regional Humanitarian Diplomacy (1984—2014). *Nauchnyi dialog*, 1 (11): 335—361. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-11-335-361> (In Russ.).
- Bogatyreva, O. N., Kovba, D. M., Tabarintseva, K. M. (2023). *Humanitarian diplomacy: Civilizational and national models: A scientific publication*. Moscow: Aspect Press Publishing House. 192 p. ISBN 978-5-7567-1260-5. (In Russ.).
- Breunig, C., Luedtke, A. (2008). What Motivates the Gatekeepers? *Explaining Governing Party Preferences on Immigration. Governance*, 21: 123—146.
- Brumat, L. (2021). State control + human rights: Venezuelan displacement to Colombia and lessons from South American migration governance, April 15th. *EUI. Robert Schuman Centre. MPC Blog Debate Migration*. Available at: <https://blogs.eui.eu/migrationpolicycentre/state-control-human-rights-venezuelan-displacement-to-colombia-south-american-migration-governance/> (accessed 23.08.2024).
- Brumat, L. Migration and the «rise of the right» in South America: Is there an increasing anti-immigration sentiment in the Southern Cone? February 1st, 2019. *EUI. Robert Schuman Centre. MPC Blog Debate Migration*. Available at: <https://blogs.eui.eu/migrationpolicycentre/migration-rise-right-south-america-increasing-anti-immigration-sentiment-southern-cone/> (accessed 23.08.2024).
- Brumat, L., Espinoza, V. M. (2024). Actors, Ideas, and International Influence: Understanding Migration Policy Change in South America. *Migration Review*, 58 (1): 319—346. DOI: 10.1177/01979183221142776.
- De Haas, H. (2021). A theory of migration: the aspirations-capabilities framework. *Comp Migr Stud*, 9 (1):8: 1—35. DOI: 10.1186/s40878-020-00210-4.
- Espinoza, M. V. (2024). Migration Governance in South America: Change and Continuity in Times of «Crisis». *The Palgrave Handbook of South–South Migration and Inequality*. Palgrave Macmillan, Cham. 631—652. DOI: 10.1007/978-3-031-39814-8_29.
- Filipenko, A. A. (2019). The American-Mexican border: a wall of discord. *Russia and America in the XXI century*, 51: P. 8. DOI: 10.18254/S207054760005391-7. (In Russ.).
- García-Juan, L. (2018). Venezuelan immigrants in Roraima: provisional measures for an indefinite humanitarian crisis. *MPC Blog. Debate Migration*. March 22nd. Available at: <https://blogs.eui.eu/migrationpolicycentre/venezuelan-immigrants-in-roraima-provisional-measures-for-an-indefinite-humanitarian-crisis/> (accessed 12.04.2024).
- Geddes, A. (2021). *Governing Migration Beyond the State: Europe, North America, South America, and Southeast Asia in a Global Context*. Oxford: Oxford University Press. 251 p.
- Hammoud-Gallego, O. (2023). Symbolic Refugee Protection: Explaining Latin America's Liberal Refugee Laws. *American Political Science Review*, 117 (2): 454—473. DOI:10.1017/S000305542200082X.

- Herrera, G. (2022). Introduction: Emergent Issues of South American Migrations. *Migration in South America. IMISCOE research series. Springer*. 1—26. DOI:10.1007/978-3-031-11061-0.
- Jarochinski, S. J. C., Malheiros, M. J. (2024). The politicization of (im)migration in South America: innovative responses and the weakness of legal frameworks regulating mobility. *Carta Internacional*, 18 (3): 1—24.
- Jubilut, L. (2021). Refugee Protection in Latin America Logics, Regimes, and Challenges. *Latin America and Refugee Protection: Regimes, Logics, and Challenges*, 41: 1—28.
- Kudeyarova, N. Y. (2014). Migration reforms in the USA: the Mexican vector of discussion. *Iberoamerican notebooks*, 3 (5): 85—94. (In Russ.).
- Kudeyarova, N. Y. (2017). Mexico: “demographic explosion” and mass migration. *Iberoamerican notebooks*, 2: 56—62. (In Russ.).
- Kudeyarova, N. Y. (2020). Latin America: demographic dynamics and transformation of migration processes. *Contours of global transformations: politics, economics, law*, 13 (1): 119—140. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-1-7. (In Russ.).
- Kudeyarova, N. Y. (2020). The Venezuelan migration crisis: demography, Oil and the state. *Latin America*, 6: 42—56. (In Russ.).
- Kudeyarova, N. Y. (2021). Migration transformation in Mexico: challenges and new opportunities for the government of A. M. Lopez Obrador. *Latin America*, 7: 6—21. DOI: 10.31857/S0044748X0014988-5. (In Russ.).
- Margheritis, A. (2022). Is There A «Latin American» Approach to Migration Governance? *Análisis Carolina*, 16: 1—16.
- Panizzon, M., Van Riemsdijk, M. (2018). Introduction to Special issue: migration governance in an era of large movements: a multi-level approach. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 45 (8): 1225—1241.
- Ramos García, J. M., Valencia Ramos, J. E. (2019). La Política Migratoria Mexicana Frente Al Reto Centroamericano. *Iuris Tantum*, 33 (30): 189—225. DOI: 10.36105/iut.2019n30.11.
- Villarreal Villamar, M. D. C. (2023). ¿Hacia una nueva era de derechos? Nuevo ciclo progresista y migraciones en América Latina. *Revista Común*. Marzo 23. Available at: <https://revistacomun.com/blog/hacia-una-nueva-era-de-derechos-nuevo-ciclo-progresista-y-migraciones-en-america-latina/> (accessed 28.09.2024).
- Wolf, S. (2020). Forced Migration from the Northern Triangle of Central America: Drivers and Experiences. *Mexico City: Centro de Investigación y Docencia Económicas*. 1—98.

*The article was submitted 27.11.2024;
approved after reviewing 09.12.2024;
accepted for publication 01.04.2025.*

Информация для цитирования:

Бодрова Е. В. Эффективность мер по модернизации советской промышленности во второй половине 1960-х годов / Е. В. Бодрова, В. В. Калинов, В. Н. Красивская // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 3. — С. 332—350. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-332-350.

Bodrova, E. V., Kalinov, V. V., Krasivskaya, V. N. (2025). Effectiveness of Modernization Measures in Soviet Industry during Late 1960s. *Nauchnyi dialog*, 14 (3): 332-350. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-332-350. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Эффективность мер по модернизации советской промышленности во второй половине 1960-х годов

Бодрова Елена Владимировна¹

orcid.org/0000-0001-7889-3054

доктор исторических наук, профессор;
заведующий кафедрой гуманитарных
и социальных наук
bodrova@mirea.ru

Калинов Вячеслав Викторович²

orcid.org/0000-0002-9709-7720

доктор исторических наук, доцент;
заведующий кафедрой истории
kafedra-i@yandex.ru

Красивская Валерия Николаевна¹

orcid.org/0000-0003-0107-4717

кандидат исторических наук;
доцент кафедры гуманитарных
и социальных наук,
корреспондирующий автор
krasivskaya93@yandex.ru

¹ МИРЭА — Российский
технологический университет
(Москва, Россия)

² Российский государственный
университет нефти и газа (национальный
исследовательский университет)
имени И. М. Губкина»
(Москва, Россия)

Effectiveness of Modernization Measures in Soviet Industry during Late 1960s

Elena V. Bodrova¹

orcid.org/0000-0001-7889-3054

Doctor of History, Professor,
Head of the Department of Humanities
and Social Sciences
bodrova@mirea.ru

Vyacheslav V. Kalinov²

orcid.org/0000-0002-9709-7720

Doctor of History, Associate Professor,
Head of the Department of History
kafedra-i@yandex.ru

Valeriya N. Krasivskaya¹

orcid.org/0000-0003-0107-4717

PhD in History, Associate Professor,
Department of Humanities
and Social Sciences,
corresponding author
krasivskaya93@yandex.ru

¹ MIREA — Russian
Technological University
(Moscow, Russia)

² National University of Oil
and Gas «Gubkin University»
(Moscow, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена проблеме реализации мер по модернизации промышленности СССР во второй половине 1960-х годов на примере ряда ключевых отраслей. Данные для анализа извлечены из рассекреченных к настоящему времени материалов фонда Аппарата ЦК КПСС Российского государственного архива новейшей истории, которые вводятся впервые в научный оборот. Подчеркивается их ценность, так как экспертами Государственного комитета по науке и технике достаточно точно обозначались болевые точки, предлагались правомерные механизмы с целью преодоления отставания. Показано, что подготовленные отвечающими за техническое перевооружение промышленности советскими специалистами документы свидетельствуют о вполне реальных данных, которыми они оперировали. Доказано, что авторы докладов отличались значительной информированностью, настойчивостью в стремлении привлечь внимание центральных органов управления к наиболее сложным проблемам, проявившимся в это время в науке и экономике, желанием предложить практические рекомендации, основанные на изучении отечественного и зарубежного опыта. Авторы приходят к выводу о том, что, несмотря на знакомство с реальной картиной и научно обоснованными рекомендациями, системе государственного управления не удалось преодолеть сложившийся отраслевой подход, добиться взаимодействия оборонной сферы и гражданского сектора, ускорения в процессе внедрения результатов НИР в производство.

Ключевые слова:

модернизация; советская промышленность; научно-техническая политика; Государственный комитет по науке и технике; технологическое отставание.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article addresses the implementation of modernization initiatives in the Soviet Union's industrial sector during the late 1960s, focusing on several key industries. The analysis draws on declassified materials from the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, now archived in the Russian State Archive of Contemporary History, which are introduced into scholarly discourse for the first time. The value of these documents is underscored by the fact that experts from the State Committee for Science and Technology accurately identified critical pain points and proposed legitimate mechanisms to overcome technological lag. It is demonstrated that the documents prepared by Soviet specialists responsible for industrial rearmament reflect a realistic understanding of the challenges at hand. The authors of these reports exhibited significant awareness and persistence in seeking to draw the attention of central management bodies to the most pressing issues that emerged in science and economics during this period, as well as a desire to offer practical recommendations grounded in both domestic and international experience. The authors conclude that, despite an understanding of the actual situation and scientifically substantiated recommendations, the state management system failed to overcome the entrenched sectoral approach, achieve interaction between the defense sector and civilian industries, or expedite the integration of research and development results into production.

Key words:

modernization; Soviet industry; science and technology policy; State Committee for Science and Technology; technological lag.

УДК 94:001.891.573(47)“1965/1970”

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-332-350

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Эффективность мер по модернизации советской промышленности во второй половине 1960-х годов

© Бодрова Е. В., Калинов В. В., Красивская В. Н., 2025

1. Введение = Introduction

Необходимость обретения технологического суверенитета и лидерства обуславливает критическую значимость оптимальной, научно обоснованной стратегии социально-экономического развития страны. В свою очередь, это требует изучения как позитивного, так и негативного исторического отечественного опыта с целью неповторения прежних просчетов.

Достаточно подробно ряд аспектов проблемы, связанной с реализацией экономической реформы 1965 года, рассматривался в последние десятилетия как историками, так и экономистами, в основном — в контексте протекания модернизационных процессов, с целью выявления причин неуспеха преобразований этого периода [Красильщиков, 1998; Сагателян, 2001, с. 44; Бокарев, 2007, с. 232; Дегтев, 2005, с. 460; Бейлина и др., 2009, с. 9]. Если Г. И. Ханин акцентирует внимание на «бездарности» советского руководства 1960—1980-х годов [Ханин, 2009, с. 79, 387], то Д. Б. Кувалину представляется упрощенным объяснение неудач преобразований 1965 года сопротивлением консерваторов. Исследователь полагает верным вывод о системном характере, взаимном отталкивании разнородных экономических механизмов [Кувалин, 2009, с. 65]. Значительно меньше трудов, на наш взгляд, посвящено итогам реализации мер по техническому перевооружению советской промышленности во второй половине 1960-х годов. В целом на фоне явного спада интереса к данной проблематике в последние десятилетия она изучалась в основном в контексте общей истории страны [Вишневский, 1998; Кудров, 1997; Лосик и др., 1995; Машковская, 1995 и др.].

В работах Г. А. Быковской, посвященных разработке и реализации партийно-государственной научно-технической политики в Советском Союзе за весь период его существования, главной особенностью рубежа 1960—1970-х годов правомерно названо слияние партийно-государственных и научных функционеров [Быковская, 2005, с. 316]. Исследователь, в частности, подробно анализирует функции Государственного комитета по науке

и техники (ГКНТ), одновременно оценивая результаты его деятельности и замечая, что отсутствие четко определенных компетенций являлось блокирующим фактором [Быковская, 2003, с. 12—18].

А. А. Гарынов справедливо полагает, что важным следствием реализации ряда постановлений центральных партийно-государственных органов, утвержденных в середине 1960-х годов, явилось, в частности, создание научно-производственных объединений, организованных для ускорения и масштабирования внедрения научных разработок в производство, но ожидаемого эффекта не удалось добиться, так как производственная база НПО в основном была связана с оборонным комплексом [Гарынов, 2012, с. 555—560].

Отдельные этапы и направления практического осуществления государственной научно-технической политики рассматривались и авторами настоящей публикации [Бодрова и др., 2023], однако ставшие доступными в последние годы архивные документы дают возможность глубже и объективнее рассмотреть проблему реализации принятых мер по техническому перевооружению советской промышленности в исследуемый период.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Принципы историзма, объективности и достоверности явились методологической основой исследования. Базовой в ходе работы стала теория модернизации. Скачкообразный тип модернизации, предполагающий периодическую смену этапа мощного экономического роста стадией стагнации и технологического отставания от ведущих стран, для преодоления которого государство мобилизовывало ограниченные внутренние ресурсы, многие авторы справедливо перечисляют в ряду специфических черт социально-экономического развития нашей страны [Алексеев, 2000; Артемов, 2006; Кулик, 2010]. Целью исследования явилось осуществление анализа на основе ставших доступными архивных документов результатов реализации принятых властными структурами мер по преодолению нарастающего технологического отставания СССР во второй половине 1960-х годов. Для этого были изучены документы, которые в настоящее время хранятся в фонде Аппарата ЦК КПСС Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ). Особый интерес для нашей работы представляет доклад и материалы к нему, направленные в ЦК КПСС и Совет Министров 6 февраля 1968 года под грифом «Секретно», посвященные основным направлениям развития науки и техники и научно-технических проблемам, требующим разрешения в 1971—1975 годах [РГАНИ, ф. 5, оп. 61, д. 55, л. 3—94] Окончательный вариант доклада был подготовлен и утвержден руководством Госплана СССР, Академии наук СССР, ГКНТ. Кроме пере-

числения впечатляющих научно-технических достижений, весьма объемный документ содержал данные о показателях по отдельным отраслям промышленности. Авторами были определены проблемы, которые требовали скорейшего решения, назывались блокирующие факторы. Осуществлялся сравнительный анализ с ведущими капиталистическими странами, назывался ряд ключевых отраслей, в которых наблюдалось отставание. В их ряду: приборостроительная отрасль, отдельные отрасли машиностроения, металлургия, производство вычислительной техники и др. Причинами отставания называлась нехватка финансирования, слабая эффективность от вложенных средств. Доклад содержал и практические рекомендации, реализация которых могла бы способствовать решению первоочередных задач и выполнению планов [Там же].

Однако особое внимание в ходе исследования привлекли материалы к этому докладу, которые были подготовлены экспертами ГКНТ. Этот Комитет был реорганизован в 1965 году и призван объединить научно-исследовательские силы с целью преодоления очень острой ситуации, сложившейся с процессом внедрения результатов научной деятельности в производство. Задачи ГКНТ определяло специальное Положение, утвержденное в 1966 году [Темирбулатов, 2009, с. 94]. Указанные материалы представляют ценность для исследователей прежде всего потому, что в ГКНТ стекались отчеты с мест и от командированных на предприятия специалистов Комитета, авторы очевидно были настроены на представление центру достоверных сведений.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Общая оценка специалистами ГКНТ состояния технического потенциала советской промышленности

Исследование показало, что в середине и второй половине 1960-х годов было утверждено большое число партийно-государственных документов, ориентирующих на «ускорение» НТП, интенсификацию производства. Так, Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР, принятое 4 октября 1965 года, давало возможность использовать плановые затраты предприятий на НИОКР из фонда освоения новой техники [КПСС в резолюция...1986, с. 466]. Осенью 1968 года был утвержден перечень мер, призванных обеспечить укрепление кооперации науки и производства [Решения ..., 1970, с. 317—322].

Осуществленный нами анализ подготовительных материалов и окончательного варианта доклада, отправленного в центральные партийно-государственные органы 6 февраля 1968 года, дает возможность констатировать большую критическую направленность, иногда — тревожность

и категоричность суждений и рекомендаций специалистов и руководства ГКНТ, что объяснялось, на наш взгляд, большей информированностью экспертов Комитета и их связями с производителями. В первых разделах подготовленных ими материалов были представлены вполне позитивные показатели, свидетельствующие о достигнутом. Так, за 1966—1967 годы промышленным предприятиям, НИИ и конструкторским бюро удалось создать свыше 7000 новых видов высокопроизводительных машин и оборудования, более 3000 новых типов приборов различного назначения. Впервые в мире на Новолипецком металлургическом комбинате была осуществлена непрерывная разливка стали, выплавляемой в электросталеплавильных печах и кислородных конверторах, без использования обжимных станов. Этот процесс был продан фирмам Франции и Японии [РГАНИ, ф. 5, оп. 61, д. 55а, л. 181]. Технология производства отливок с применением жидких самотвердеющих смесей и точного литья позволила снизить в 3—4 раза трудоемкость изготовления отливок и на каждой тонне отливок сэкономить 1,5—2 т проката, снизить расход металла, отходящего в стружку, с 25—40 % до 1—4 %, уменьшить примерно на 700 нормочасов трудоемкость механической обработки тонны заготовок. Лицензия на изготовление литейных стержней и форм из жидких самотвердеющих смесей была продана фирмам США, Франции, Швеции и других стран, а также странам-членам СЭВ. Перспективным оказался технологический процесс плавки окатанных медных концентратов в конверторах с применением дутья, обогащенного кислородом. Введение метода на Балхашском горнометаллургическом комбинате позволило увеличить мощность производства по выплавке черной меди примерно на 10 %, использовать сернистые газы, ранее выбрасываемые в атмосферу, для получения серной кислоты, улучшить комплексное использование сырья и особенно увеличить извлечение такого ценного металла, как рений [Там же, л. 182].

Однако тревожило экспертов ГКНТ сравнительно малое число действительно нововведений, неизвестных ранее миру. Всего в 1966 году в Госреестре было зарегистрировано 16,6 тыс. изобретений, в 1967 году — 24,6 тыс., в 1968 году — 30,1 тыс. Но только 1/3 такого рода предложений были признаны собственно изобретениями. Всего из рассмотренных за три предшествующих года 240 тыс. заявок признавались изобретениями 74,4 тыс. Многие научные и конструкторские разработки оставались не защищенными авторскими свидетельствами в СССР и патентами за рубежом, так как авторы этих разработок своевременно не оформили соответствующую документацию. Министерства и ведомства не контролировали исполнение сентябрьского 1968 года Постановления Совета Министров СССР, которым они обязывались проводить оценку деятельности подве-

домственных им НИИ и проектно-конструкторских организаций по технико-экономической эффективности новых изделий и технологий, процессов, разработанных на основе изобретений и проданных за рубеж лицензий [Там же, л. 216].

В указанном документе в значительно большем объеме, нежели в окончательном варианте доклада, содержались ссылки на зарубежные достижения, осуществлялся сравнительный анализ, свидетельствующий о технологическом отставании нашей страны по ряду ключевых направлений [Там же, л. 216]. Так, например, данные таблицы № 1 отражают сравнительные сведения о динамике затрат на автоматизацию и оснащение приборами в отраслях промышленности (табл. 1).

Таблица 1

Затраты на автоматизацию и оснащение приборами
в отраслях промышленности [РГАНИ, ф. 5, оп. 61, д. 55а, л. 50]

Отрасли промышленности	Доля затрат на средства автоматизации и приборы, % от стоимости основных фондов					
	1955 г.		1962 г.		1965 г.	
	СССР	США	СССР	США	СССР	США
Черная металлургия	0,8	5,0	1,3	15,9	1,6	16,1
Цветная металлургия	0,9	11,9	1,5	18,1	1,8	20,3
Химическая промышленность	3,2	12,1	7,1	22,9	9,7	25,9
Пищевая промышленность	2,0	6,7	4,4	10,2	6,0	24,0

Заметим, что некоторые сведения в материалах, подготовленных ГКНТ, содержали пометку на полях: «Не для печати». Так, например, подобный комментарий относился и к данным о развитии химической промышленности в СССР. С одной стороны, с 1960 по 1967 годы объем продукции химической и нефтехимической промышленности увеличился в СССР в 2,5 раза, черной металлургии — в 1,7 раза, цветной — в 2 раза при росте продукции промышленности в целом за период в 1,8 раза. В сравнительно короткие сроки в отраслях химии и металлургии бала создана необходимая научная и производственная база [Там же, л. 57]. Однако за предыдущие 10 лет доля химической продукции в общем объеме промышленного производства выросла с 4,4 % до 6,2 %, тогда как в США удельный вес химической и нефтехимической продукции в общем объеме промышленного производства в 1965 году составлял уже более 8 %. Авторы вынуждены были констатировать, что достигнутый уровень производства химической

продукции по количеству, ассортименту и качеству далеко еще не удовлетворял растущие потребности народного хозяйства и значительно отставал от ряда развитых капиталистических государств, и особенно США. Промышленное производство химической продукции в СССР составило на тот момент примерно 50 % от уровня производства в США, по синтетическим волокнам — 30 %, пластмассам и синтетическим смолам — 16 % [Там же, л. 58].

3.2. Причины и последствия технологического отставания по ряду ключевых отраслей

Привлекают внимание попытки составителей материалов выявить факторы и последствия сложившегося отставания. С их точки зрения, высокие темпы развития химических отраслей промышленности в нашей стране не сопровождались должным изменением отраслевой структуры производства, глубиной переработки и комплексным использованием сырьевых ресурсов, повышением качества выпускаемой продукции. Существенное отставание имело место в производстве наиболее прогрессивных видов продукции. И вновь с пометкой «не для печати» в подтверждение этого вывода приводились следующие данные: производство бензина в СССР с октановым числом 72 и выше составило в 1967 году только 32 %; две трети выпускаемых малосернистых топлив имели содержание серы 0,5 %. В США среднее октановое число насчитывало 85—90, содержание серы в дизельном топливе не превышало 0,2 %. В качестве основной причины отставания СССР в этой области называлось медленное развитие по основным вторичным процессам: каталитическому риформингу, каталитическому крекингу, гидроочистке, гидрокрекингу, изомерии и другим прогрессивным процессам, доля которых в первичной переработке нефти составила в 1967 году 22 %. В США же доля вторичных процессов оказалась в несколько раз выше, в 1967 году достигнув около 96 %. В результате выход светлых продуктов в СССР составлял 52 % от перерабатываемой нефти, в ведущих странах — 75 % и выше [Там же, л. 59].

Применяемые в промышленности СССР технические установки имели в ряде случаев недостаточную единичную мощность и, следовательно, требовали больших капитальных вложений, удельных расходов пара, электроэнергии и катализаторов. В документе говорилось и о медленных темпах наращивания производства наиболее эффективных материалов [Там же, л. 61]. Фиксировался недостаточный ассортимент пластмасс для применения в машиностроении, электронике, строительстве, пищевой и легкой промышленности, в сельском хозяйстве и медицине.

Кроме того, химическая промышленность производила недостаточное количество синтетических волокон. СССР к этому времени занимал второе

место в мире по производству минеральных удобрений, но значительно отставал по выпуску наиболее прогрессивных их видов [Там же, л. 62].

В сложившейся ситуации главными задачами предлагалось считать устранение в кратчайшие сроки причин, сдерживающих рост химической промышленности, и достижение существенных сдвигов в повышении технического уровня производства и в улучшении его структуры за счет расширения выпуска прогрессивных видов химической продукции и применения наиболее совершенных средств техники и технологических процессов. Таким образом, авторы настаивали на необходимости не только количественного роста, но качественных сдвигов.

Не в меньшей степени в представленных материалах *Госкомитетом по науке и технике* уделялось внимание состоянию дел в металлургии. Впечатляющими были успехи СССР по количественному выпуску чугуна, стали и проката страна по этим показателям занимала второе место, а по объему производства стальных труб и железной руды — первое место в мире. За предыдущие годы в черной металлургии были приняты меры по расширению и техническому совершенствованию производства и улучшению качества выпускаемой металлопродукции, введены в действие доменные печи объемом 2700 м³, 130-тонные кислородные конверторы, мощные установки непрерывной разливки стали, новые высокопроизводительные прокатные станы. Был освоен выпуск новых экономичных профилей проката, масштабировалось применение прогрессивных методов упрочняющей обработки проката, обеспечивающих повышение эффективности использования металла. Однако черная металлургия «не полностью удовлетворяла», согласно оценке экспертов, потребностям народного хозяйства как по номенклатуре проката, так и по его качеству. Их расчеты показывали, что удельный расход металла в советском машиностроении оказался примерно на 25 % выше, чем в США. В 1967 году в СССР по отношению к США было произведено 86 % стали, а выпуск промышленной продукции составил лишь 67 %. Это объяснялось как относительно малым объемом и узким сортаментом проката, так и недостаточно эффективным использованием металла в машиностроении. При высоких темпах развития черной металлургии в СССР недостаточно обращалось внимание на улучшение структуры и повышение качества выпускаемой продукции [Там же, л. 63—64].

Существенным недостатком структуры производства металла в СССР явилось «...и более низкое по сравнению с рядом зарубежных стран соотношение выплавки стали и чугуна, производства проката к стали...», что свидетельствовало о менее эффективном использовании в СССР металла в народном хозяйстве [Там же, л. 65—66]. Это объяснялось повышенным применением в отечественном машиностроении чугунного и стально-

го литься по сравнению с другими странами. Недостаточными оказались и темпы развития наиболее экономичных и передовых технологических процессов сталеплавильного производства: кислородно-конверторного, производства электростали, непрерывной разливки стали, внепечного вакуумирования стали.

Подтверждая, что в СССР в предыдущие годы были введены в строй современные прокатные станы, в том числе мощные широкополосные горячей и холодной прокатки, авторы утверждали, что ряд из них по своему техническому уровню в целом не уступали зарубежным, а по производительности значительно их превосходили. Но вновь указывалось, что на металлургических заводах оставалось еще много устаревшего оборудования. Прокатные станы были недостаточно оборудованы средствами автоматизации, термообработки, отделки проката, контроля качества [Там же, л. 67—68].

Совершенно правоммерным и в настоящее время представляется заключение специалистов о причинах названных «недостатков»: развитие черной металлургии происходило преимущественно в направлении роста физических объемов производства. Главное внимание уделялось увеличению выплавки стали и необходимых для этого объемов выплавки чугуна, добычи железной руды и подготовки ее к плавке. На развитие прокатного производства и особенно на повышение качества и улучшение сортамента металлопродукции средств выделялось совершенно недостаточно. Доля их в общем объеме капитальных вложений в основные цеха черной металлургии составляла около 40 %, в то время как в Японии и странах Западной Европы она достигала 65 %. Авторы настаивали на необходимости обеспечить опережающее развитие производства горячекатаного, холоднокатаного и других видов листа, значительно повышая удельный вес листа в общем объеме проката уже в следующей пятилетке, на увеличении выпуска в том числе электросварных труб больших диаметров, высококачественных труб для энергетики, которых в СССР остро не хватало.

Правоммерно подчеркивалась и важность оптимизации распределения капитальных вложений: ассигнования в мероприятия по повышению качества продукции и снижению затрат материалов, которые, как правило, были в несколько раз меньше, чем в наращивание добычи сырья [Там же, л. 68—69].

Авторы, подводя итоги проведенного анализа состояния советской металлургии, справедливо заключали, что важнейшим направлением в совершенствовании структуры металлопроизводства должно было стать повышение в капитальных затратах доли средств на модернизацию действующих предприятий, цехов, агрегатов [Там же, л. 80].

В отличие от окончательного варианта доклада в ЦК КПСС, в материалах Госкомитета по науке и технике особый раздел был посвящен

средствам управления, подчеркивалась их особая значимость в современном мире, особенно в сфере обработки и учета большого объема технико-экономической информации и огромного числа различных показателей. Главным аргументом в пользу необходимости оснащения управленческого аппарата современными техническими средствами называлась экономическая эффективность. Также не для печати приводились следующие данные об ассигнованиях, направленных в 1967 году на содержание аппарата управления, — 17 млрд руб. (7,8 % национального дохода). По народному хозяйству численность административно-управленческого аппарата выросла с 9,2 млн человек в 1960 году до 12,6 млн в 1967 году (на 37 %), а удельный вес управленческого персонала в общей численности работающих повысился с 14,3 до 14,9 %. Объем информации, обрабатываемой для решения задач управления, прогнозировали авторы, в недалеком будущем настолько возрастет, что дальнейшее простое увеличение численности людей, занятых в сфере управления, не сможет обеспечить своевременной ее обработки анализа [Там же, л. 82—83].

Однако в производстве и использовании основных технических средств управления СССР к тому времени очевидно не достиг необходимого уровня. В СССР имелось около 2,5 тыс. ЭВМ, из которых около 1/3 были выполнены на основе применения устаревших ламповых схем. По качеству и техническому уровню ЭВМ СССР значительно отставал от ряда стран, и особенно от США. По суммарному быстродействию всех ЭВМ «вычислительный потенциал» в США к концу 1967 года оценивался на уровне 1,7—1,8 млрд операций сложения в секунду, а в СССР — 22—24 млн операций в секунду, или почти в 75 раз ниже, чем в США [Там же, л. 83]. В СССР ежегодный прирост ЭВМ составлял более 30 %, велась в то время разработка наиболее современных машин, в том числе третьего поколения, расширялась производственная база, обеспечивающая выпуск средств вычисления. Однако даже при таких темпах роста выпуска потребность народного хозяйства в них удовлетворялась примерно на 1/3. Отставание наблюдалось и по масштабам производства. В 1967 году в США было выпущено свыше 15 тыс. машин, в СССР — лишь около 600. За все годы производства ЭВМ по состоянию на июнь 1968 года в США было произведено около 63 тыс. машин (включая значительный экспорт), в СССР — лишь около 2,3 тыс. машин [Там же, л. 84].

Авторы справедливо настаивали на острой необходимости в дальнейшем обратить большее внимание на развитие вычислительной техники, на обеспечение широкого применения ЭВМ в различных областях народного хозяйства, на совершенствование экономического и технологического управления. В материалах к докладу была предпринята попытка акценти-

рывать внимание на значимости широкого применения ЭВМ как «самой яркой страницы современной научно-технической революции» [Там же, л. 84]. Прогнозировались огромные, труднообразимые изменения в связи с широким использованием вычислительной техники во всех сферах общественного производства.

Более развернуто, чем позднее, в окончательном докладе, сообщалось о необходимости совершенствования капитального строительства, сокращения сроков создания новых предприятий как важнейшего условия ускорения освоения новой техники. Однако данные, приведенные в докладе, свидетельствовали о том, что уровень проектирования не отвечал возросшим потребностям народного хозяйства и в значительной степени сдерживал использование достижений науки и техники в производстве. Многие проектные организации недостаточно учитывали достижения отечественной и мировой науки и техники [Там же, л. 95]. Авторы справедливо отмечали, что снизить затраты на капитальное строительство возможно было за счет выбора оптимального соотношения объемов нового строительства и объемов расширения и реконструкции действующих предприятий. В действительности же на действовавших предприятиях уделялось недостаточно внимания реконструкции, модернизации и обновлению оборудования.

Основой технического прогресса в документе было названо ускоренное развитие машиностроения. По масштабам производства СССР занимал в это время первое место в Европе, оно составляло по объему почти 2/3 к уровню США. Но одновременно приходилось признать, что среднегодовые темпы прироста продукции машиностроения и металлообработки за предыдущие годы в нашей стране заметно снизились. За 1951—1955 годы среднегодовой рост продукции составил 16,8 %, в 1961—1965 годы — 12,4 %, в 1965—1967 годы — 12,1 %. При этом среднегодовые темпы прироста производства средств производства в машиностроении снизились в еще большей степени: с 15 % в 1956—1960 годы до 10,9 % в 1966—1967 годы [Там же, л. 101].

Существенным недостатком в развитии машиностроения называлось и медленное обновление основных фондов. За 1966—1967 годы доля новых фондов в машиностроении составила 18,9 %, тогда как по промышленности в целом (без машиностроения) было обновлено 20,1 % основных фондов. Это также объяснялось недостаточностью капитальных вложений, направляемых в машиностроение. Действительно, приоритеты в этот период были выбраны иные. В итоге в 1950—1967 годы в машиностроение было вложено 7,4 % от общих капитальных вложений в промышленность при удельном весе основных фондов машиностроения 19 % [Там же]. Кроме того, машиностроительные предприятия и министерства в недостаточ-

ной мере сами предпринимали усилия по лучшему использованию своих мощностей. Электровооруженность труда рабочих в машиностроении за 1960—1967 годы выросла в 1,19 раза, тогда как в целом по промышленности — в 1,52 раза. Из-за «текучести» рабочих кадров, составляющей около 18 % к среднесписочному их составу, а также в связи с перебоями в материально-техническом снабжении производственные мощности использовались неудовлетворительно. Наблюдалось значительное отставание производительности труда в машиностроении от США [Там же, л. 109—110].

Серьезную тревогу специалистов вызывали недостаточная специализация и кооперирование в машиностроении. Между тем специализация давала возможность реализовать преимущества крупносерийного и поточно-массового производства. Наиболее выгодной оказывалась специализация производства продукции, находящей широкое межотраслевое применение: отливок, штамповок, сварных металлоконструкций и др. изделий. 22 декабря 1966 года ЦК КПСС и Советом Министров СССР было принято специальное Постановление о мерах по обеспечению дальнейшего развития специализации и роста производительности труда в промышленности и строительстве [Постановление..., 1968, с. 284—300]. Однако оно практически не выполнялось. Специалистами ГКНТ предлагалось срочно навести порядок в проектировании заводов по производству продукции межотраслевого применения, поручить плановым органам и машиностроительным министерствам разработать комплексный план обновления основных фондов машиностроения, оснащения их высокопроизводительным металлообрабатывающим оборудованием, с тем чтобы в течение ближайших 5—6 лет завершить «коренное» перевооружение машиностроения [РГАНИ, ф. 5, оп. 61, д. 55а, л. 110].

3.3. Оценка результативности принятых мер в целом

Таким образом, содержащиеся на многих страницах данные демонстрировали, что, несмотря на то, что машиностроители освоили за первую половину текущей пятилетки производство свыше 5000 новых видов высокопроизводительной техники, повышение технического уровня и качества машиностроительной продукции в ряде отраслей происходило крайне медленно. Темпы обновления выпускаемой продукции снизились с 13,8 % в 1965 году до 9,3 % в 1967 году. Значительная часть заданий по освоению новой техники не выполнялась в установленные сроки вследствие конструктивной и технологической недоработки образцов, задержек в комплектации и проведении испытаний. Зачастую качество исходных материалов оказывалось крайне низким. Очень высоким оставался уровень ручного труда. Несмотря на увеличение объемов выпуска новых машин, отрасль далеко не обеспечивала всех потребностей в них ни по качеству, ни

по техническому уровню. В 1967 году потребность СССР в оборудовании только на 85% покрывалась собственным производством, 15 % ввозилось из-за рубежа. В таких отраслях, как химическая и нефтеобрабатывающая, пищевая и целлюлозно-бумажная, потребности в оборудовании покрывались за счет импорта на 30—50 % [Там же, л. 103].

В станкостроении удельный вес наиболее прогрессивных станков и кузнечно-прессовых машин оказался также недостаточным. В силу этого доля механической обработки в машиностроении СССР оставалась очень высокой. В стружку уходило до 10 % металла. В 1967 году станкостроительная промышленность выпускала лишь около 19 тыс. (12 %) специальных, специализированных и агрегатных станков. В результате доля кузнечно-прессового оборудования в составе всего металлообрабатывающего оборудования в машиностроении СССР составляла 15,4 %, а в США — 23,7 %. В то же время доля кузнечных молотов в общем объеме кузнечно-прессовых машин в СССР достигла 11,6 % против 1,5 % в США. Доля наиболее прогрессивных кузнечно-прессовых машин (автоматы и ковочные машины) в СССР исчислялась 7,3 % против 9,2 % в США. Расчеты экспертов показывали, что для активной замены в течение 10 лет устаревшего оборудования необходимо было к 1975 году довести годовой выпуск металлорежущих станков до 300 тыс., кузнечно-прессовых машин — до 80 тыс. [Там же, л. 104].

Большую тревогу специалистов ГКНТ вызывало и состояние приборостроения. Из-за недостатка производства приборов и средств автоматизации фиксировалось серьезное отставание в оснащении научных и производственных организаций современной приборной техникой. В 1967 году объем производства приборов, средств автоматизации и вычислительной техники составил 2,7 млрд руб. Удельный вес этой отрасли в машиностроении к тому времени по объему производства не превышал 5 %, все острее ощущалось ее серьезное отставание. Доля затрат в капитальных вложениях на оснащение промышленных предприятий приборами и средствами автоматизации в СССР составила в 1967 году в черной металлургии 1 %, в цветной — 1,8 %, в химической — 7,5 %, в пищевой — 2,3 %, в бумажной — 1 %. В США затраты на эти цели еще в 1955 году были в 1,5—4 раза больше [Там же, л. 106].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, изученные документы позволяют утверждать, что подготовленные советскими специалистами, отвечающими за реализацию принятых решений о форсировании технологического перевооружения промышленности во второй половине 1960-х годов, материалы свидетель-

ствуют о вполне реальных данных, которыми они оперировали. Эксперты Государственного комитета по науке и технике называли болевые точки процессов, ими предлагались механизмы преодоления отставания. В ряду ключевых отраслей, в которых наблюдалось отставание, назывались приборостроение, отдельные отрасли машиностроения, металлургия, производство вычислительной техники и др. В качестве причин определялся недостаток инвестиций, малая эффективность от вложенных средств. Сравнительный анализ материалов, подготовленных Комитетом по науке и технике, и общего доклада Госплана, АН СССР и ГКНТ дает возможность утверждать, что авторы первого документа отличались большей информированностью, настойчивостью в стремлении привлечь внимание центральных органов управления к наиболее сложным вопросам, сложившимся в это время в науке и экономике, предложить весьма целесообразные, на наш взгляд, практические рекомендации, основанные на изучении отечественного и зарубежного опыта. В окончательном варианте доклада, направляемом в центральные партийно-государственные органы, негативные оценки были несколько сглажены, однако руководство страны имело возможность получить достаточно полное представление о действительном положении в экономике. В материалах ГКНТ приоритетное внимание уделялось развитию приборостроительной и химической отрасли, металлургии, машиностроения, капитального строительства, разработке и производству ЭВМ, а также вопросу о необходимости реорганизации управления научно-технической сферой. Но изучение передового зарубежного опыта, тем не менее, не позволило преодолеть все недочеты отраслевого подхода, добиться межотраслевой координации, взаимодействия оборонной сферы и гражданского сектора, ускорения в процессе внедрения результатов НИР в производство. В ряду причин назовем игнорирование центральными партийно-государственными органами рекомендаций ведущих экспертов, непонимание тенденций, определяющих мировое научно-техническое развитие, выбор неточных приоритетов. Это касается также разработки и производства отечественных ЭВМ. Из всех предлагаемых вариантов был выбран самый по своим последствиям негативный: 30 декабря 1967 года было утверждено Постановление Совета Министров [РГА-НИ, ф. 5, оп. 59, д. 111, л. 183], согласно которому Министерству радиопромышленности поручались разработка и серийное производство комплекса программно-совместимых информационно-вычислительных машин «Ряд» на основе клонирования архитектуры американской IBM-360. В результате производство отечественной вычислительной техники переставало быть конкурентоспособным, а ЭВМ серии ЕС, оказавшись очень дорогими, громоздкими и энергозатратными, быстро заполняли вычислительные

центры страны. Сложившееся положение усугубило и предопределило дальнейшее технологическое отставание СССР.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1986). — Москва : Политиздат, 1986. — Т. 10. — 493 с.
2. *О мерах по обеспечению дальнейшего роста производительности труда в промышленности и строительстве* : Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР 22 декабря 1966 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : Сборник документов за 50 лет. — Москва : Политиздат, 1968. — С. 284—300.
3. РГНИ — *Российский государственный архив новейшей истории*. Ф. 5. (Аппарат ЦК КПСС (1935—1991 гг.)). Ф. 5. Оп. 61. Д. 55. Л. 3—94 ; Д. 55а. Л. 35, 50, 57—59, 61—64, 67—69, 80, 82—84, 95, 101, 103—104, 106, 109—110, 181—182, 216, 229 ; Оп. 59. Д. 111. Л. 183.
4. *Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам* : сборник документов. Июль 1968 г. — 1969 г. — Москва : Политиздат, 1970. — Т. 7. — 686 с.

Литература

1. *Алексеев В. В.* Волны российских модернизаций / В. В. Алексеев // Опыт российских модернизаций XVIII—XX века. — Москва : Наука, 2000. — 244 с. — ISBN 5-02-010204-0.
2. *Артемьев Е. Т.* Научно-техническая политика в советской модели постиндустриальной модернизации / Е. Т. Артемьев. — Москва : РОССПЭН, 2006. — 254 с. — ISBN 5-8243-0763-6.
3. *Бейлина Е. Э.* Промышленность СССР : от Хрущева до Горбачева. Историки размышляют. Сборник статей / Е. Э. Бейлина, В. С. Лельчук. — Москва : [б. и.], 2000. — Выпуск 2. — С. 6—82.
4. *Бодрова Е. В.* Государственная научно-техническая политика СССР в условиях холодной войны и развертывания научно-технической революции (1950-е — первая половина 1960-х годов) / Е. В. Бодрова, В. В. Калинов. — Москва : Дашков и Ко, 2023. — 452 с. — ISBN 978-5-394-05829-5.
5. *Бокарев Ю. П.* СССР и становление постиндустриального общества на Западе. 1970—1980-е годы / Ю. П. Бокарев. — Москва : Наука, 2007. — 380 с. — ISBN 5-02-035261-6.
6. *Быковская Г. А.* Исторический опыт разработки и реализации партийно-государственной научно-технической политики в Российской Федерации (1917—1991 гг.) : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02 / Г. А. Быковская. — Москва, 2005. — 611 с.
7. *Быковская Г. А.* К вопросу о государственной научно-технической политике в СССР в 50—80 годы / Г. А. Быковская // Вестник Самарского государственного аэрокосмического университета. — 2003. — № 2. — С. 12—18.

8. Вишневский А. Г. Серп и рубль : консервативная модернизация в СССР / А. Г. Вишневский. — Москва : ОГИ, 1998. — 432 с. — ISBN 5-900241-15-7.

9. Гарынов А. А. Государственная политика СССР в области научно-технического развития в 1950—1980-е гг. / А. А. Гарынов // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. — 2012. — № 27. — С. 555—560.

10. Дегтев С. И. Внешнеполитические аспекты хозяйственной реформы 1965 г. (На примере нефтяной промышленности) / С. И. Дегтев // Нефть страны Советов. Проблемы истории нефтяной промышленности СССР (1917—1991) / Под общ. ред. В. Ю. Алеппера. — Москва : Древнехранилище, 2005. — С. 456—491.

11. Красильщиков В. А. Вдогонку за прошедшим веком. Развитие России в XX в. С точки зрения мировых цивилизаций / В. А. Красильщикова. — Москва : РОССПЭН, 1998. — 263 с. — ISBN 5-86004-173-X.

12. Кувалин Д. Б. Экономическая политика и поведение предприятий : механизмы взаимного влияния / Д. Б. Кувалин. — Москва : МАКС пресс, 2009. — 319 с. — ISBN 978-5-317-02938-8.

13. Кудров В. М. Советская экономика в ретроспективе : опыт переосмысления / В. М. Кудров. — Москва : Наука, 1997. — 301 с. — ISBN 5-02-013538-0.

14. Кулик В. А. Государственная научно-техническая политика СССР в 1980—1991 гг. : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / В. А. Кулик. — Москва, 2010. — 26 с.

15. Лосик А. В. Научно-технический прогресс : драматизм развития : (Страницы отечественной истории. Вторая половина 50-х — 80-е годы) / А. В. Лосик, С. Ю. Чимаров. — Санкт-Петербург : ВИККА, 1995. — 102 с.

16. Машковская Т. О. Государственная политика СССР и Российской Федерации в сфере науки и научно-технического прогресса (1955 — 1997 гг.) : автореферат диссертации ... доктора исторических наук / Т. О. Машковская. — Томск, 1999. — 52 с.

17. Сагатеян И. Г. Советская промышленность: проблемы соревнования и мотивации труда (1960—1970 гг.). — Москва : Звездопад, 2001. — 106 с. — ISBN 5-88387-051-7.

18. Темирбулатов Р. Н. Государственный Комитет СССР по науке и технике : структура, задачи, межведомственная координация работ / Р. Н. Темирбулатов // Вестник Самарского государственного экономического университета. — 2009. — № 19 (60). — С. 93—100.

19. Ханин Г. И. Экономическая история России в новейшее время / Г. И. Ханин. — Новосибирск : НГТУ, 2008. — Т. 1. — 515 с. — ISBN 978-5-7782-0903-9.

Статья поступила в редакцию 16.01.2025,
одобрена после рецензирования 25.03.2025,
подготовлена к публикации 23.04.2025.

Material resources

Decisions of the party and the government on economic issues: a collection of documents. July 1968—1969, 7. (1970). Moscow: Politizdat. 686 p. (In Russ.).

On measures to ensure further growth of labor productivity in industry and construction: Resolution of the Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR on December 22, 1966. (1968). In: *Decisions of the party and the government on economic issues: A collection of documents for 50 years.* Moscow: Politizdat Publ. 284—300. (In Russ.).

RGANI — *Russian State Archive of Modern History*. (In Russ.).
The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898—1986), 10. (1986). Moscow: Politizdat. 493 p. (In Russ.).

References

- Alekseev, V. V. (2000). Waves of Russian modernization. In: *Experience of Russian modernization of the XVIII—XX century*. Moscow: Nauka Publ. 244 p. ISBN 5-02-010204-0. (In Russ.).
- Artyomov, E. T. (2006). *Scientific and technical policy in the Soviet model of post-industrial modernization*. Moscow: ROSSPEN. 254 p. ISBN 5-8243-0763-6. (In Russ.).
- Beilina, E. E., Lelechuk, V. S. (2000). *Industry of the USSR: from Khrushchev to Gorbachev. Historians are speculating. Collection of articles 2*. Moscow: [b. i.]. 6—82. (In Russ.).
- Bodrova, E. V., Kalinov, V. V. (2023). *The state scientific and technical policy of the USSR in the conditions of the Cold War and the unfolding of the scientific and technical revolution (1950s — the first half of the 1960s)*. Moscow: Dashkov & Co. 452 p. ISBN 978-5-394-05829-5. (In Russ.).
- Bokarev, Yu. P. (2007). *The USSR and the formation of a post-industrial society in the West. The 1970s and 1980s*. Moscow: Nauka Publ. 380 p. ISBN 5-02-035261-6. (In Russ.).
- Bykovskaya, G. A. (2003). On the issue of state scientific and technical policy in the USSR in the 50—80 years. *Bulletin of Samara State Aerospace University*, 2: 12—18. (In Russ.).
- Bykovskaya, G. A. (2005). *Historical experience in the development and implementation of party-state scientific and technical policy in the Russian Federation (1917—1991)*. Doct. Diss. Moscow. 611 p. (In Russ.).
- Degtev, S. I. (2005). Foreign policy aspects of the economic reform of 1965 (On the example of the oil industry). In: *Oil of the Soviet country. Problems of the history of the USSR oil industry (1917—1991)*. Moscow: Ancient Storehouse. 456—491. (In Russ.).
- Garynov, A. A. (2012). State policy of the USSR in the field of scientific and technical development in the 1950s—1980s. *Proceedings of Penza State Pedagogical University named after V. G. Belinsky*, 27: 555—560. (In Russ.).
- Khanin, G. I. (2008). *Economic history of Russia in modern times, I*. Novosibirsk: NSTU. 515 p. ISBN 978-5-7782-0903-9. (In Russ.).
- Krasilshchikov, V. A. (1998). *Chasing the past century. The development of Russia in the 20th century from the point of view of world civilizations*. Moscow: ROSSPEN. 263 p. ISBN 5-86004-173-X. (In Russ.).
- Kudrov, V. M. (1997). *The Soviet economy in retrospect: the experience of rethinking*. Moscow: Nauka Publ. 301 p. ISBN 5-02-013538-0. (In Russ.).
- Kulik, V. A. (2010). *State Scientific and Technical policy of the USSR in 1980—1991*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 26 p. (In Russ.).
- Kuvalin, D. B. (2009). *Economic policy and behavior of enterprises: mechanisms of mutual influence*. Moscow: MAKSS press. 319 p. ISBN 978-5-317-02938-8. (In Russ.).
- Losik, A. V., Chimarov, S. Y. (1995). *Scientific and technical progress: the drama of development: (Pages of Russian history. The second half of the 50s — 80s)*. Saint Petersburg: VIKKA Publ. 102 p. (In Russ.).
- Mashkovskaya, T. O. (1999). *State policy of the USSR and the Russian Federation in the field of science and scientific and technological progress (1955—1997)*. Author's abstract of Doct. Diss. Tomsk. 52 p. (In Russ.).

- Sagatelyan, I. G. (2001). *Soviet industry: problems of competition and labor motivation (1960—1970)*. Moscow: Zvezdopad Publ. 106 p. ISBN 5-88387-051-7. (In Russ.).
- Temirbulatov, R. N. (2009). USSR State Committee on Science and Technology: structure, tasks, interdepartmental coordination of work. *Bulletin of Samara State University of Economics*, 19 (60): 93—100. (In Russ.).
- Vishnevsky, A. G. (1998). *Sickle and ruble: conservative modernization in the USSR*. Moscow: OGI. 432 p. ISBN 5-900241-15-7. (In Russ.).

*The article was submitted 16.01.2025;
approved after reviewing 25.03.2025;
accepted for publication 23.04.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(3), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Ганиев Р. Т. Сведения о «татарах» в китайских исторических хрониках («Сун ши» и труды Ли Синьчуаня) / Р. Т. Ганиев, П. И. Буцык, И. Р. Хамзин // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 3. — С. 351—368. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-351-368.

Ganiev, R. T., Butsyk, P. I., Khamzin, I. R. (2025). Information on ‘Tatars’ in Chinese Historical Chronicles: “Song Shi” and Works of Li Xinchuan. *Nauchnyi dialog*, 14 (3): 351-368. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-351-368. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Сведения о «татарах» в китайских исторических хрониках («Сун ши» и труды Ли Синьчуаня)

Ганиев Рустам Талгатович

orcid.org/0000-0003-4568-7179

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России,

** корреспондирующий автор*

rusthist@yandex.ru

Буцык Полина Ивановна

orcid.org/0000-0002-6545-9045

научный сотрудник

Центральноазиатского научно-
исследовательского центра
polina.vpg2010@yandex.ru

Хамзин Ильдар Рашидович

orcid.org/0000-0002-4967-0705

кандидат исторических наук, доцент,
кафедра истории России,

директор Центральноазиатского
научно-исследовательского центра
ildar.hamzin1991@mail.ru

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Information on ‘Tatars’ in Chinese Historical Chronicles: “Song Shi” and Works of Li Xinchuan

Rustam T. Ganiev

orcid.org/0000-0003-4568-7179

PhD of History, Associate Professor,
Department of Russian History,

corresponding author

rusthist@yandex.ru

Polina I. Butsyk

orcid.org/0000-0002-6545-9045

Research Fellow,

Central Asian Research Center
polina.vpg2010@yandex.ru

Ildar R. Khamzin

orcid.org/0000-0002-4967-0705

PhD in History, Associate Professor,
Department of Russian History,
Director of the Central Asian
Research Center

ildar.hamzin1991@mail.ru

Ural Federal University
named after the First President of Russia
B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

© Ганиев Р. Т., Буцык П. И., Хамзин И. Р., 2025

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена анализу этнонима *та-тары* в контексте китайских исторических источников эпохи Сун, в частности, в династийной истории «Сун ши» и трудах Ли Синьчуаня. Авторы исследуют разнообразие иероглифических записей данного этнонима в документах эпохи Сун, отражающее сложность и многогранность восприятия этого этноса китайскими летописцами. Установлено, что в «Сун ши» впервые появляются сведения о татарах *тата*, являющихся конкурентами черных татар, к которым принадлежал Чингисхан. Выявлено, что татары (культурные), проживающие в районе горы Иньшань, поддерживали контакты с Китаем с конца эпохи Тан и Пяти династий до 984 года, но после восстания Ли Цзицяня эти отношения прервались. Показано, что Ли Синьчуань впервые обратил внимание на появление этнонима *монголо-татары* с возникновением империи Чингисхана. Таким образом, статья подчеркивает важность китайских источников для изучения истории татар и их взаимодействия с народами региона, а труды Ли Синьчуаня представляют собой ценный вклад в понимание этнической и политической истории Центральной Азии в эпоху Сун и раннего периода монгольской империи.

Ключевые слова:

татары; дада; тюрки; тюрки-шато; восточные тюрки; туцзюэ; монголы; монголо-татары; китайские династийные истории; чжэнши; кочевники; мохэ; Центральная Азия; Чингисхан; Монгольская империя.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article analyzes the ethnonym ‘Tatars’ within the context of Chinese historical sources from the Song dynasty, particularly focusing on the dynastic history ‘Song Shi’ and the writings of Li Xinchuan. The authors explore the variety of character representations of this ethnonym in Song-era documents, reflecting the complexity and multifaceted perceptions of this ethnic group by Chinese chroniclers. It is established that ‘Tatars’ (塔塔) first appear in ‘Song Shi’ as competitors to the Black Tatars, to which Genghis Khan belonged. The study reveals that the cultural Tatars residing near Mount Yinshan maintained contacts with China from the end of the Tang dynasty and the Five Dynasties period until 984, but these relations were severed following the uprising of Li Jiqian. Furthermore, it is shown that Li Xinchuan was the first to note the emergence of the ethnonym ‘Mongol-Tatars’ with the rise of Genghis Khan’s empire. Thus, the article underscores the significance of Chinese sources for studying the history of the Tatars and their interactions with regional peoples, while Li Xinchuan’s works represent a valuable contribution to understanding the ethnic and political history of Central Asia during the Song era and the early Mongol Empire.

Key words:

Tatars; Dada; Turks; Turkic-Shato; Eastern Turks; Tujue; Mongols; Mongol-Tatars; Chinese dynastic histories; Zhengshi; Nomads; Mohe; Central Asia; Genghis Khan; Mongol Empire.

Сведения о «татарах» в китайских исторических хрониках («Сун ши» и труды Ли Синьчуаня)

© Ганиев Р. Т., Буцык П. И., Хамзин И. Р., 2025

1. Введение = Introduction

Вопросы, связанные с происхождением, идентичностью и исторической ролью татар, являются одними из самых сложных и дискуссионных в истории Евразии. Татары как историческая общность играли ключевую роль в формировании политических, экономических и культурных процессов на огромных территориях Центральной Азии и за её пределами. Первые упоминания о татарах обнаружены в орхоно-енисейских надписях, относящихся к середине VIII века. В этот период татары были частью крупных кочевых объединений, таких как Тюркский и Уйгурский каганаты. Татары, безусловно, участвовали в формировании культурного ландшафта Центральной Азии, взаимодействуя с тюркскими, монгольскими, китайскими и другими народами. Однако их роль в истории стала особенно заметной в X—XII веках, когда они стали важной силой в степях Центральной Азии. В китайских источниках, таких как «Сун ши» и труды Ли Синьчуаня, татары описываются как активные участники политических процессов в регионе. После объединения монгольских племён под властью Чингисхана татары были включены в состав Монгольской империи. Однако их имя стало настолько известным, что европейцы и другие народы начали называть всех монголов *татарами* или *монголо-татарами*. Вероятно, это связано с тем, что татары были одними из первых племён, с которыми столкнулись соседние народы, и их имя стало нарицательным. После распада Монгольской империи имя *татары* сохранилось в названиях многих народов, таких как *волжские*, *сибирские*, *крымские татары* и др. Таким образом, татары — это не только исторический этнос, но и важный элемент в понимании истории кочевых народов Центральной Азии. Их имя стало символом целой эпохи, связанной с монгольскими завоеваниями и формированием крупнейших империй Евразии. Исследование источников, содержащих упоминания татар, позволяет лучше понять сложные процессы взаимодействия кочевых и оседлых народов, а также роль и судьбы этнонимов в истории.

Изучение сведений о татарах Центральной Азии с начала XIX века представляет огромный научный интерес как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Большую путаницу в исследовательский процесс долгое время вносил европейский стереотип, отождествлявший слово *татар* с греческим *тартар* и выводивший одно из другого [Каримуллин, 1988, с. 21]. В начале XX века вопрос происхождения этнонима *татар* коротко затрагивал в своей работе А. А. Сухарев, возводя его к *там* — гора, *ар* — человек и объясняя как «горный житель» [Сухарев, 1904, с. 22]. В советский период исследование татарского этноса вышло на новый уровень, своеобразным достижением стала научная сессия при Академии наук СССР в апреле 1946 года, где была постулирована ошибочность смешивания понятий «монголо-татары» и непосредственно «татары, проживающие на территории советской России». Таким образом, был задан импульс для поиска исконных корней именно этнонима *татар* [Мункуев, 1961, с. 80—92]. На закате советской эпохи вышла небольшая, но содержательная работа А. Г. Каримуллина «Татары: этнос и этноним», где были подведены итоги последних десятилетий изучения проблемы, хотя вопрос о лингвистической генетике этнонима рассматривался здесь бегло [Каримуллин, 1988, с. 16—18]. Современные авторы в различных публикационных форматах затрагивают проблему происхождения этнонима *татар*, но, как правило, ограничиваясь либо короткими историографическими обзорами [Закиев, 2008, с. 6—10], либо постулированием тюркского или иного происхождения данного слова в начале работы, далее переходя к анализу этнической истории в региональных срезах [Акерев, 2016, с. 35—43]. Особенностью историографии можно назвать то, что исследователи первоочередной проблемой видят вопрос о происхождении этноса, которым изначально обозначались *татары*, и в этом смысле проблема лингвистической генетики этнонима и этногенеза его первоначальных носителей смешивается.

Если обобщить существующие на сегодняшний день точки зрения относительно истории рассматриваемого этнонима, то можно выделить несколько версий.

Иранская концепция была весьма распространена в советской науке. О. Белозерская выводила слово *там* от персидского *теппер* / *дэфтер* (тетрадь, записанный в список) в смысле ‘колонист’, или переселенец [Белозерская, 1970, с. 34—35]. Д. Е. Еремеев, апеллируя к трудам Махмуда Кашгари, считал, что *там* изначально означало ‘иранец’, говорящий по-ирански, а затем в принципе стало обозначать чужаков и иноземцев [Еремеев, 1971]. Однако эти версии оспаривались и фактически были отброшены еще в конце советского периода.

Вторая, одна из наиболее распространенных версий на сегодняшний день — это попытка вывести древнетюркские корни этнонима *татар*. Ряд авторов позиционируют смыслы слов *тат* и *тар эр* как ‘чужой’, ‘чужак’, ‘чужой человек’ (тюркские). Такой подход вполне оправдан, так как этноним впервые появляется в орхоно-енисейских надписях в середине VIII века, где упоминаются племена *отуз-татар* и *токуз-татар*. Данную проблематику активно разрабатывали С. Г. Кляшторный [Кляшторный, 1993; Кляшторный и др., 2000] и А. К. Камалов [Камалов, 2016, с. 195—205]. Однако единогласного мнения, кого именно обозначали через понятие «чужак», до сих пор нет: можно увидеть версии о согдийском происхождении слова [Акерров, 2016, с. 35—43] или монгольском [Ушницкий, 2019, с. 5—12].

Третья версия утверждает происхождение этнонима *татар* от китайского слова *дань*, которым в китайских источниках обозначаются племена, населявшие территорию Восточной Монголии, Маньчжурии и Северного Китая. Отметим, что в исторической науке подавляющая часть работ так или иначе апеллирует к китайским корням этнонима, но глубокого анализа данной проблемы на основе непосредственно китайских источников не было произведено. Настоящее исследование призвано в некоторой степени восполнить данный пробел.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Изучение кочевых народов Центральной Азии сталкивается с серьёзной проблемой: отсутствие или крайняя ограниченность письменных источников, созданных самими кочевниками. Это создаёт значительный дисбаланс в исторических исследованиях, поскольку основная информация о кочевых народах поступает из внешних источников, в первую очередь китайских хроник. Кочевые народы Центральной Азии, такие как тюрки, монголы, татары и другие, долгое время не имели собственной письменной традиции или использовали её ограниченно. Основными формами передачи информации у них были устная традиция, эпосы, легенды и символические памятники (например, каменные стелы с руническими надписями, как у древних тюрков). Однако эти источники часто не сохранялись в полном объёме, были подвержены искажениям при передаче из поколения в поколение и не всегда отражали исторические события в хронологическом или детализированном виде.

Основными источниками по истории центральноазиатских татар являются китайские династийные хроники (чжэнши) [Двадцать четыре династийные истории ...], «Письма уйгурам ...» Ли Дэю [Ли Дэю], «Цзянь-янь и-лай си нянь яо лу» и «Цзянь-янь и-лай чао-е цза-цзи» Ли Синьчуаня [Ли Синьчуань], «История государства киданей» [Е Лун-ли, 1979], произведе-

ние «Хэй да ши люэ» [Хэй да ши люэ, 2016], «Мэн да бэй лу» [Мэн да бэй лу, 1975], тюркские Орхонские надписи (Надписи в честь Кюльтегина и Бильгэ-кагана) [Малов, 1951; Малов, 1959] и единственный письменный монгольский (татарский) источник «Юань чао би ши» [Сокровенное сказание ..., 1941]. Эти тексты, кроме «Юань чао би ши», в основном создавались официальными историографами и летописцами, которые описывали события с точки зрения китайской государственной идеологии, часто воспринимали кочевников как «варваров» или «чужаков», что влияло на тон и содержание описаний, акцентировали внимание на военных конфликтах, дипломатических отношениях и торговле, но редко углублялись во внутреннюю жизнь кочевых обществ. Кочевники часто описываются как «дикие», «нецивилизованные» или «опасные», что отражает китайское восприятие «варваров». Летописцы могли искажать события в угоду правящей династии или для оправдания внешней политики Китая, поэтому использование китайских источников требует критического подхода. Китайские летописцы часто использовали обобщённые термины для обозначения кочевых народов (например, *ху*, *дунху*, *сюнну*, *татар*), что затрудняет идентификацию конкретных племён или этнических групп. Датировка событий в китайских хрониках может быть неточной или противоречивой и без понимания культурных и социальных особенностей кочевых народов интерпретация китайских текстов может оказаться ошибочной.

Исследование произведений эпохи Сун (960—1279) представляет собой важный этап в изучении истории кочевых народов Центральной Азии, в частности татар. Этот период характеризуется сложной политической ситуацией, когда китайские государства были отделены от северных кочевников мощными политическими объединениями, такими как Ляо (кидани) и Цзинь (чжурчжэни). Несмотря на относительную удалённость ханьцев от кочевых племён, сунские источники всё же содержат ценные сведения о татарах, иероглифической записи их обозначений и восприятии китайцами.

«Сун ши». «История династии Сун» является одной из официальных исторических хроник Китая, входящей в корпус «Двадцать четыре истории». Она посвящена периоду империи Сун (960—1279) и является важным источником для изучения китайской истории. По традиции, историю предыдущей империи составляла новая правящая династия, поэтому заказчиком «Сун ши» была монгольская династия Юань (1271—1368). В 1343 году во время правления императора Тогон Тэмуря руководители проекта первый министр и главный редактор Токтоа (кит. 脱脱) и премьер-министр, соредатор Алуто (阿魯圖) начали работу по составлению «Сун ши». Одновременно готовились «История Ляо» (遼史) и «История Цзинь» (金史).

(金史), что отражало политику Юань по интеграции истории разгромленных монголами государств.

Объем труда составил внушительные 496 глав (цзюаней), разделённых на традиционные для китайских династийных историй разделы. Основными источниками «Сун ши» являлись придворные архивы империи Сун и работы сунских историков (например, «Цзычжи тунцзянь» и др). Поскольку история была составлена при монголах, это могло повлиять на трактовку событий (например, акцент делался на военные поражения империи Сун). Некоторые разделы считаются поверхностными из-за сжатых сроков работы (проект завершён в 1345 году).

Таким образом, «История Сун» является не просто летописью событий, а комплексным трудом, отражающим идеологию, культуру и административные практики империи Сун. Несмотря на возможные искажения, она остаётся фундаментом для изучения эпохи Сун — времени расцвета науки, искусства и философии, предшествовавшего монгольскому завоеванию.

Труды Ли Синьчуаня (1166—1243). Одним из самых известных интеллектуалов своего времени (Южная Сун) являлся историк и писатель Ли Синьчуань [Биография Ли Синьчуаня], в работах которого в числе прочего содержатся интересные сведения о татарах и монголах.

Будущий историк родился в 1166 году в Цзиньяне (современная провинция Сычуань). Он с детства унаследовал семейные учёные традиции и с ранних лет занимался изучением истории. Его отец, Ли Шуньчэнь, упомянутый в «Истории Сун» как учёный, глубоко изучавший историю, участвовал в пересмотре архива императора Шэнь-цзуна (Чжао Сюй, 1067—1085), что повлияло на интерес Ли Синьчуаня к историографии. Отец был главным служителем храма Цзунчжэн, благодаря чему Ли Синьчуань имел доступ к различным официальным историческим книгам и архивам, там он ознакомился с чиновниками и учеными, слышал их дискуссии по политическим вопросам и после десятилетий упорного собирания материала написал несколько исторических книг, таких как «Цзянь-янь и-лай синянь яо лу» и «Цзянь-янь и-лай чао-е цза-цзи», о ранней истории династии Южная Сун. Согласно его биографии, в 1195 году он провалил провинциальный императорский экзамен и после этой неудачи посвятил себя написанию исторических трудов. В 1226 году, благодаря рекомендациям, получил должность в Историческом музее и ученую степень цзиньши (進士). Занимался составлением «Записей четырёх династий Реставрации» (復興四朝), но был уволен за критику властей. Позже руководил проектом «Собрание тринадцати династий» (十三朝會要), завершённым в 1236 году. Скончался в отставке в возрасте 78 лет. В своих работах и взглядах Ли Синьчуань стремился к объективности, что часто приводило к конфлик-

там с властями. Если составление официальных хроник (например, «Сун ши») было инструментом легитимации власти, то труды Ли Синьчуаня сохранили альтернативный взгляд на исторические события. Современники его оценивали как «историка с глубоким пониманием фактов», чьи труды ценились за точность, несмотря на конфликты с властью. Современные ученые отмечают его роль в сохранении деталей административных реформ и военных кампаний Южной Сун. Его псевдоним *Сюянь* (巽軒) отражал его стремление к «гармонии через критику», а его подход согласовывался с идеями Чжу Си, подчёркивавшими моральную ответственность историка. По мнению современных китайских исследователей, Ли Синьчуань — пример учёного, который, несмотря на давление власти, сохранил верность принципам исторической правды. Его труды, хотя и не всегда завершённые, остаются важным источником для изучения эпохи Сун, демонстрируя сложный баланс между службой государству и интеллектуальной независимостью [Ли Дунмэй].

Интерес представляет ранний период его творчества. В 1202 году он приступил к составлению 40-томного труда «Различные официальные и неофициальные записи о [событиях] эры Цзяньян» (1127, Цзянь-янь и-лай чао-е цза-цзи, 建炎以來朝野雜記), посвящённого описанию административных реформ, войн с чжурчжэнями и монголами, культурной жизни Южной Сун, событиям с 1127 года — со времени начала Южной Сун. Труд состоял из 2-х частей по 20 томов каждая. Первая часть из 20 томов была завершена в 1202 году и охватывает период от 1127 до 1202 года, в ней описываются 650 событий, связанных с политикой, экономикой, военными делами, ритуалами и культурой. В работе выделяется 13 разделов: Шаньдэ (善德, добродетели); Пригородные храмы (郊廟); Церемонии (禮儀); Постановления (詔令); Судебные дела (刑獄); Текущие дела (時事); Разные дела (雜事); Истории (故事); Официальная система (官制); Набор чиновников (銓選); Финансы (財賦); Войска и лошади (兵馬); Пограничная оборона (邊防).

Вторая часть труда «Различные официальные и неофициальные записи о [событиях] эры Цзяньян» (1127) (建炎以來朝野雜記) была закончена в 1216 году и охватывала события с 1202 до 1216 годы. Таким образом, «Разные записи двора и страны» (Цзянь-янь и-лай чао-е цза-цзи) Ли Синьчуаня — это не просто исторический труд, а уникальное сочетание хроники (хуэй яо), анализа и личных наблюдений. Его работа остаётся незаменимым источником для изучения эпохи Южная Сун, демонстрируя важность независимых исследований в сохранении исторической правды.

В 1208 году Ли Синьчуань начал параллельно писать вторую работу «Важные записи о [событиях] эры Цзяньян» (1127, 建炎以來 年要 ,

Цзянь-янь и-лай си нянь яо лу), которая является детальной хроникой событий 1127—1162 годов. Труд представляет собой 300-томный трактат с подробным описанием событий по годам, месяцам, дням и включает официальные документы, указы, письма, мемуары и комментарии автора.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Сведения о татарах в «Сун ши»

В период Сун китайские государства (Северная и Южная Сун) находились в сложных отношениях с северными соседями. Империя Ляо (907—1125), созданная киданями, контролировала обширные территории к северу от Китая, включая часть Монголии и Маньчжурии. Империя чжурчженей Цзинь (1115—1234) сменила Ляо и ещё больше усилила давление на Сун, захватив северные китайские территории. Эти государства выступали как посредники между китайцами и кочевыми племенами, такими как татары, что ограничивало прямые контакты ханьцев с кочевниками. Тем не менее сунские источники сохранили информацию о татарах, хотя и в меньшем объёме, чем в другие периоды.

В летописи «Сун ши» впервые появляются татары с новым иероглифическим обозначением — 塔塔. Этим иероглифом традиционно обозначались именно те татары, с которыми соперничал Тэмуджин, будущий Чингис хаган, за власть в монгольской степи в конце XII века: «Когда одежда и наряды были готовы, была введена письменность, ритуалы и музыка были установлены, а утварь была готова, Дубо 吐蕃, Дада 塔塔, Чжанье 张拔 и Цзяохэ 交河 подчинились. ... Страна имела название Дася, а правление называлось Тяньшоулифаяньцзо (1038—1048)» [Сун ши].

Традиционного обозначения татар 鞑靼 в летописи «Сун ши» нет, но, вероятно, вместо этого термина китайские летописцы династии Юань (под давлением монгольской администрации) использовали этноним «монгол», так как в более поздний период (XIII—XIV века) татар называли монголо-татарами и монголами. При этом в период империи Ляо (907—1125), например, происходила значительная эволюция терминологии и восприятия татар (鞑/旦) в китайских исторических источниках. Они отражали сложные процессы, складывавшиеся в степи: от формирования политических объединений татар («旦国») до взаимодействия с новыми группами, такими как монголы [Ляо ши; Е Лун-ли, 1979]. Использование терминов 阻卜 и 达达 в качестве синонимов, а также выделение «белых татар» демонстрируют, как киданьская администрация адаптировала свою классификацию к меняющейся реальности, и свидетельствуют о более интенсивных контактах киданей с северными соседями по сравнению с империей Сун [Ляо ши].

3.2. Сведения о татарах в «Цзянь-янь и-лай си нянь яо лу»

В произведении «Важные записи о [событиях] периода правления Цзяньянь (1127)» («Цзянь-янь и-лай си нянь яо лу») используется два новых обозначения татар — 塔坦 (дадань) и 達鞑 (дада), известных только в этом источнике, но в примечаниях к работе есть указания, что под этими обозначениями подразумеваются общеизвестные татары (鞑鞑, дада): «Цзинь Чжудань назначил своего дядю Хуламэй посланником для завоевания рынков государства Ся и Татар. Татар находится на северо-западе Цзинь. Тех, кто живет недалеко от Хань, называют культурными татарами, и они едят рис. Тех, кто живет далеко, называют дикими татарами. Татары живут только охотой, они храбрые по природе. Однако земля не производит железа. Поэтому наконечники стрел делаются только из костей. Люди Цзинь создали рынки и торговали с ними, но запрет на железо был очень строгим. Только когда люди Цзинь ослабили запрет ... железные монеты из Хэдуна и Шэньси по большей части из Юньчжуна продавались татарам 塔坦, они заполучили его. В результате они начали производить оружие ...» [Цзянь-янь и-лай си нянь яо лу].

3.3. Сведения о татарах в «Цзянь-янь и-лай чао-е цза-цзи»

В другой работе Ли Синьчуаня «Различные официальные и неофициальные записи о [событиях] эры Цзяньянь (1127)» («Цзянь-янь и-лай чао-е цза-цзи») мы находим традиционное иероглифическое обозначение татар — 鞑鞑 (дада), а также ценные сведения не только о татарах, но и о монголах: «Предки татар были родственны чжурчжэням 女真, и все они были потомками мохэ 靺鞨. Во времена династий Юань Вэй, Ци и Чжоу страна называлась *Уци* [Вэй шу] (находилась к северу от Когуре), а во времена династии Суй — *Мохэ*. Территория находится в 6000 ли к северо-востоку от Чанъяня, граничит с морем на востоке. Они разделены на несколько десятков племен с такими названиями, как *Хэйшуй* (черная река) и *Байшань* (белая гора). Байшань изначально были вассалом Корё. После того, как династия Тан разрушила Корё, его остатки были включены в Бохай. Только Хэйшуй сохранил свою территорию. Когда Бохай процветал, все народы Мохэ подчинялись ему. Позже они подверглись нападению со стороны Си и Киданей, и племена были рассеяны. Те, кто живет на берегах реки Хунхэ, называются *чжурчжэни* (река Хунхэ — это река Ялуцзян), и они являются потомками народа хэйшуй (черная река). Те, кто жил на Иньшане, были в контакте с Китаем с конца династии Тан и Пяти династий. Они платили дань Китаю во время правления Тайцзу и Тайцзуна (империи Сун), все это происходило через Линь (совр. Иньчуань. — *Р. Г.*). Но после того, как Цицзянь восстал (984 год), они прекратили общение с Китаем» [Цзянь-янь и-лай чао-е цза-цзи].

«Татары все храбрые и хорошие бойцы. Те, кто близко к Китаю, называются *культурными татарами* 熟鞑靼, которые могут выращивать просо и готовить его в глиняных горшках с плоским дном для еды; те, кто далеко, называются *дикими татарами* 生鞑靼, которые зарабатывают на жизнь только охотой и не имеют инструментов. Доспехи: стрелы сделаны из костяных наконечников, вероятно, потому что земля не производит железо. ... Когда Цзинь были на пике своего могущества, татары платили им дань каждый год. Цзинь установила на северо-востоке военачальника, ответственного за подавление мятежников, чтобы управлять ими. После восстановления императора Юнцзи в качестве князя Вэй Темучжин начал восстание и провозгласил себя императором Чингис хаганом, захватив Шаньдун и северный и южный берега Хуанхэ ... Татарский князь Чингисхан (韃靼王子成吉) ...» [Цзянь-янь и-лай чао-е цза-цзи].

Очевидно, в тексте идет речь о племени татар, к которому принадлежал Чингис хаган (см. далее «черные татары»). О предках чжурчженей племени мохэ летопись «Суй шу» сообщает: «Племя Мохэ находится на севере Корё. В каждой деревне есть свой вождь, но они не объединены. Существует семь племен: Первое называется племя Сумо, которое граничит с Корё. У него несколько тысяч солдат, и многие из них храбры и сильны. Они часто совершают набеги на Корё. Второе называется племя Боду, которое находится на севере Сумо. У него семь тысяч солдат. Третье называется племя Анчегу, которое находится на северо-востоке Боду. Четвертое называется племя Фуние, которое находится на востоке Боду. Пятое называется племя Хаоши, которое находится на востоке Фуние. Шестое называется племя Хэйшуй, которое находится на северо-западе Анчегу. Седьмое называется племя Байшань, которое находится на юго-востоке Сумо» [Суй шу]. Из двух текстов можно определить примерное местоположение и территорию проживания татар: они находились к северо-западу от империи Цзинь, а также были соседями двух племен мохэ — хэйшуй или байшань, от которых они, вероятно, и получили свои названия — *черные* и *белые татары*. Также интерес вызывает иероглифическое обозначение мохэ и татар — 鞑靼 и 韃靼: в обоих терминах используется графема 革 (сырая кожа), что может свидетельствовать о некотором сходстве этих племен.

Далее в тексте следует сообщение о монголах, их государстве, затем — первое упоминание термина монголо-татары 蒙鞑 (мэнда), но после этого автор вновь продолжает свой рассказ о татарах, поэтому в этой части источника не совсем понятно, о каком народе идет речь: о монголах или о татарах; или же под *татарами* подразумеваются уже монголы, монголо-татары или мангуны [Зориктуев, 2020, с. 379—395]. Об определенной путанице в терминах говорит и сам автор источника Ли Синьчуань: «Есть

еще Монгольское государство 蒙國, расположенное на северо-востоке от чжурчжэней. Империя Тан называла его племенем Мэнью 蒙兀, цзиньцы называли его Мэнью 蒙兀, а еще его называли Мэнгу 萌骨. Они не едят пищу, приготовленную на огне, видят ночью и используют кожу акулы в качестве доспехов для защиты от шальных стрел. После восстания Шаосина (1141 год) главнокомандующий Цзунби годами использовал войска, но он не смог подавить восстание. Он только разделил свои войска для охраны ключевых пунктов и подкупил их щедро. ... После того, как монголы 蒙人 вторглись в империю Цзинь, они захватили женщин киданей и ханьцев и взяли их в наложницы. С тех пор их дети не все были похожи на монголов, и постепенно они начали есть приготовленную на огне пищу. В результате татары 韃靼 (дада) называли себя Великим Монгольским государством 大蒙古國, а пограничники называли их монголо-татарами 蒙韃 (мэнда). Однако эти две страны расположены на востоке и западе, в тысячах ли друг от друга, и я не знаю, почему их объединили в одно название. Когда династия Цзинь достигла своего расцвета, она учредила на северо-востоке военачальника, ответственного за подавление мятежников, для защиты от монголов и Корё, а также на юго-западе для контроля над татарами и Западной Ся (тангуты). ... Территория татар граничит с префектурой Линьхуан (совр. префектура Чифэн. — Р. Г.) на востоке, Си Ся на западе, Цзинчжоу (совр. округ Мичжи, провинция Шэньси. — Р. Г.) на юге и государством Дажэнь 大人國 на севере. Там нет городов или домов, а только войлочные шатры. Они живут в юртах, где есть вода и трава. Они не занимаются земледелием и не ткут. Они делают шубы из кожи и едят крупный рогатый скот и овец. Люди хитрые, терпеливые и кровожадные. У них нет календаря. Они считают время, когда трава зеленеет, как один год. У них также нет письменности ...» [Цзянь-янь и-лай чао-е цза-цзи].

«Так называемые дикие татары 生韃靼 делятся на белых 白 и черных 黑. Нынешний Темучжин 忒沒貞 — черный татарин 黑韃靼. Все они — подданные империи Цзинь. Каждый год их правители отправляются на границу Цзинь, чтобы лично заплатить дань, а люди Цзинь также давали в ответ подарки и не позволяли им входить на свою территорию» [Цзянь-янь и-лай чао-е цза-цзи].

«В первый год Минчан (1190) младший брат правителя белых татар 白韃靼 Шэшу убил своего старшего брата и сам утвердил себя в качестве правителя. Сыну Шэшу, Бай Босы, было всего два года, когда люди Цзинь забрали его в свою страну. Его вырастили в семье тысячника из племени хэйшуй (мохэ. — Р. Г.). Весной седьмого года Тайхэ (1206) Шэшу пришел в Хуанчжоу, чтобы заплатить дань. Люди Цзинь воспользовались его состоянием и, пока он был пьян, убили его, а его сына Бай Босы провозгла-

сили правителем и отправили обратно в его страну. Сначала Бай Босы был в доме тысячника из племени хэйшуй, увидел его дочь, был очарован ей и хотел жениться на ней, но она отказалась. Бай Босы разгневался и перешел на сторону Черных Татар 黑鞑靼. Он стал сильнее и постепенно присоединил земли всех племен, поэтому собрал большую армию, чтобы напасть на Хэси. Не прошло и нескольких лет, как все префектуры и округа в Хэси были захвачены. Он также похитил фиктивную принцессу королевства Ся и увез ее. Мятежные чиновники Ся стали ему служить ... Весной третьего года Даань (1211) Темучжин пришел платить дань ... империи Цзинь. ... в том же году татары 鞑靼 восстали ...» [Цзянь-янь и-лай чао-е цза-цзи].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, исследование китайских источников эпохи Сун, несмотря на их немногочисленность и ограниченность, открывает новые возможности для изучения истории татар и их отношений с китайскими государствами. Анализ иероглифических записей и особенностей идентификации татар китайцами позволяет более глубоко понять, как формировалось восприятие кочевых народов в китайской историографии. Согласно сунским источникам, татары поддерживали отношения с империей Сун, но после 984 года прекратили с ней контакты. Известно, что в этом году в империи Сун состоялось восстание дзедуши Ли Цзицзяня, тангута по происхождению. Он заключил союз с империей Ляо против Сун, и татары могли его поддержать, прекратив отношения с Сун. Возможно, именно по этой причине о них долгое время и не слышали сунские летописцы (за исключением Ли Синьчуаня). В самой большой по объему хронике «Сун ши» на удивление содержится лишь одно упоминание племени татар 塔塔, являющегося основным соперником Чингис хагана за власть в степи в конце XII века, представителя племени черных татар 黑鞑靼, о которых в «Сун ши» нет ни слова. Установление империй Ляо, а затем Цзинь отделило народы центральных равнин от северных кочевых народов почти на 300 лет. Сунские историки могли не знать обо всех изменениях, которые происходили у северных кочевых народов, в том числе о трансформациях их этнических названий. Дальнейшая судьба «культурных» татар после 984 года могла быть связана с империей Ляо. По сообщениям «Ляо ши», в 1005 году «девять племен государства Дадань 旦 отправили послов с предложением о браке» [Ляо ши].

В период империи Цзинь, согласно записям Ли Синьчуаня, татары 鞑靼 находились на юго-западе империи Цзинь и граничили с префектурой Линьхуан (совр. префектура Чифэн, Внутренняя Монголия) на востоке, Си Ся (тангуты) (Ордос) на западе, Цзинчжоу (совр. округ Мичжи, провин-

ция Шэньси) на юге и государством Дажэнь 大人國 (на востоке граничило с Корё) на севере. В этот период Ли Синьчуань разделяет диких татар на белых и черных. Поводом для начала активного сопротивления татар империи Цзинь Ли Синьчуань называет вопрос о заключении брачного союза представителя белых татар (Бай Босы) с дочерью правителя племени мохэ хэйшуй. Получив отказ, белые татары объединились с черными, нанесли поражение мохэ, другим племенам в окружении и далее продолжили свои завоевания на западном направлении. Особенно пострадавшими от вторжения татар после 1206 года оказались префектуры Хэси и государство Си Ся, а с 1211 года Тэмуджин начал активные военные действия непосредственно против Цзинь. К тому времени, когда о них услышал весь мир, объединение диких (белых и черных) татар уже называлось Великое Монгольское государство «大蒙古國», а ее жителей называли *монголо-татары* 蒙鞑 (мэнда), или *монголы*.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Биография* Ли Синьчуаня. Сун ши. Глава 438. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://zh.wikisource.org/wiki/宋史/卷438#李心傳> (дата обращения 23.01.2025) (李心传传. 宋氏. 第四百三十八章. [电子资源]. -访问模式: <https://zh.wikisource.org/wiki/宋史/卷438#李心傳> (访问01/23/2025)).
2. *Вэй шу*. Глава 100 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://zh.wikisource.org/wiki/魏書/卷100> (дата обращения 23.01.2025) (魏书. 卷100. [电子资源]. -访问模式: <https://zh.wikisource.org/wiki/魏書/卷100> (访问01/23/2025)).
3. *Двадцать* четыре династийные истории [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://zh.wikisource.org/wiki/Template:二十四史> (дата обращения 23.01.2025) (二十四个王朝故事. [电子资源]. -访问模式: <https://zh.wikisource.org/wiki/Template:二十四史> (访问01/23/2025)).
4. *Е Лун-ли*. История государства киданей (Цидань го чжи) / Е Лун-ли ; перевод с китайского, введение, комментариев и приложение В. С. Таскина. — Москва : Наука, 1979. — Т. XXV. — 607 с.
5. *Ли Дэю*. Письма уйгурам [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://zh.wikisource.org/wiki/賜回鶻嗚沒斯特勤等詔書>; <https://zh.wikisource.org/wiki/代劉沔與回鶻宰相書白> (дата обращения 23.01.2025) (李德裕. 賜回鶻嗚沒斯特勤等詔書; 代劉沔與回鶻宰相書意. [电子资源]. -访问模式: <https://zh.wikisource.org/wiki/賜回鶻嗚沒斯特勤等詔書>; <https://zh.wikisource.org/wiki/代劉沔與回鶻宰相書白> (访问23.01.2025)).
6. *Ли Синьчуань*. Цзянь-янь и-лай си нянь яо лу. Том 107 : Исследование топонимов народа Цзинь [Электронный ресурс] / Ли Синьчуань // Важные записи о [событиях] периода правления Цзяньянь (1127). — Режим доступа : <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&ch>

apter=615304&remap=gb (дата обращения 23.01.2025) (李德裕. 建延义来西年姚路. 卷一百零七: 金人地名考证. [电子资源] / 李德裕 // 建延义来西年姚路 (1127年). - 访问模式: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=615304&remap=gb> (访问23.01.2025)).

7. *Ли Синьчуань*. Цзянь-янь и-лай си нянь яо лу. Том 133 : Исследование топонимов народа Цзинь [Электронный ресурс] / Ли Синьчуань // Важные записи о [событиях] периода правления Цзяньянь (1127). — Режим доступа : <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=464983&remap=gb> (дата обращения 23.01.2025) (李德裕. 建延义来西年姚路. 卷一百三十三: 金人地名考证. [电子资源] / 李德裕 // 建延义来西年姚路 (1127年). - 访问模式: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=464983&remap=gb> (访问23.01.2025)).

8. *Ли Синьчуань*. Цзянь-янь и-лай си нянь яо лу. Том 58 : Исследование топонимов народа Цзинь [Электронный ресурс] / Ли Синьчуань // Важные записи о [событиях] периода правления Цзяньянь (1127). — Режим доступа : <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=69950&remap=gb> (дата обращения 23.01.2025) (李德裕. 建延义来西年姚路. 卷五十八: 金人地名考证. [电子资源] / 李德裕 // 建延义来西年姚路 (1127年). - 访问模式: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=69950&remap=gb> (访问23.01.2025)).

9. *Ли Синьчуань*. Цзянь-янь и-лай чао-е цза-цзи. Том 19. [Электронный ресурс] / Ли Синьчуань // Различные официальные и неофициальные записи о [событиях] периода правления Цзяньянь (1127) — Режим доступа : <https://zh.wikisource.org/wiki/建炎以來朝野雜記/乙集/卷十九> (дата обращения 23.01.2025) (李德裕. 建炎以來朝野雜記. 第十九卷 [电子资源] / 李德裕 // 建炎以來朝野雜記 (1127年) - 访问模式: <https://zh.wikisource.org/wiki/建炎以來朝野雜記/乙集/卷十九> (访问01/23/2025)).

10. *Ляо ши*. Глава 14. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://zh.wikisource.org/zh-hans/遼史/卷14> (дата обращения 23.01.2025) (辽史. 卷14. [电子资源]. - 访问模式: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/遼史/卷14> (访问01/23/2025)).

11. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования / С. Е. Малов. — Москва, Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР, 1951. — 278 с.

12. *Мэн-да бэй-лу* : [Полное описание монголо-татар] / пер., введ., коммент. и прил. Н. Ц. Мункуева. — Москва : Наука, 1975. — Т. 26. — 285 с.

13. *Сокровенное сказание*. Монгольская хроника 1240 года под названием Mongrol-un Nigusa tobciyan. Юань Чао Би Ши. Монгольский обыденный изборник / Пер. С. А. Козина. — Москва, Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1941. — 619 с.

14. *Суй шу*. Глава 81. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://zh.wikisource.org/wiki/隋書/卷81> (дата обращения 23.01.2025) (隋书. 卷81. [电子资源]. - 访问模式: <https://zh.wikisource.org/wiki/隋書/卷81> (访问01/23/2025)).

15. *Сун ши*. Глава 485. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://zh.wikisource.org/zh-hans/宋史/卷485> (дата обращения 23.01.2025) (宋史. 卷485. [电子资源]. - 访问模式: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/宋史/卷485> (访问01/23/2025)).

16. *Хэй да ши люэ* : источник по истории монголов XIII в. / отв. ред. А. Ш. Кадырбаев. — Москва : Наука, Вост. лит., 2016. — 254 с.

Литература

1. Акерев Т. А. К вопросу о происхождении этнонима «татар» / Т. А. Акерев // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. — 2016. — № 1 (28). — С. 35—43.

2. Белозерская О. Волжские татары / О. Белозерская // Знание — сила. — 1970. — № 7. — С. 34—35.

3. Еремеев Д. Е. Этногенез турок / Д. Е. Еремеев. — Москва : Наука, 1971. — 274 с.

4. Закиев М. З. История татарского народа. Этнические корни, формирование и развитие / М. З. Закиев. — Москва : ИНСАН, 2008. — С. 6—10. — ISBN 978-5-85840-013-4.
5. Зориктуев Б. Р. К вопросу о двух монгольских государствах в начале XIII в. / Б. Р. Зориктуев // Научный диалог. — 2020. — № 11. — С. 379—395. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-379-395.
6. Камалов А. К. К интерпретации этнополитонимов отуз-татар и токуз-татар древнетюркских рунических текстов / А. К. Камалов // Тюрко-монгольский мир в прошлом и настоящем : материалы научной конференции памяти Сергея Григорьевича Кляшторного (1928—2014). 16—17 февраля 2015 г. — Санкт-Петербург : Улан-Батор, 2016. — С. 195—205.
7. Каримуллин А. Г. Татары : этнос и этноним / А. Г. Каримуллин. — Казань : Татарское книжное издательство, 1988. — 128 с.
8. Кляшторный С. Г. Государства татар в Центральной Азии (дочингисова эпоха) / С. Г. Кляшторный // Mongolica. К 750-летию «Сокровенного сказания». — Москва : Восточная литература, 1993. — 343 с. — ISBN 5-02-017395-9.
9. Кляшторный С. Г. Государства и народы евразийских степей / С. Г. Кляшторный, Т. И. Султанов. — Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2000. — 432 с.
10. Ли Дунмэй. Изложение нескольких репрезентативных работ Ли Синьчуаня, известного ученого школы шусюэ династии Сун / Ли Дунмэй // Институт древних книг. Сычуаньский университет. Исторические записки Ба-Шу. — 2023. — № 01 (李冬梅. 宋代蜀学名家李心传几种代表性著述叙录 // 四川大学古籍研究所. 巴蜀史志. 2023. 01)).
11. Мункуев Н. Ц. О «Мэн-да бэй-лу» и «Хэй-да ши-люе» — записках китайских путешественников XIII в. О древних монголах / Н. Ц. Мункуев // Китай. Япония : История и филология. — Москва : [б. и.], 1961. — С. 80—92.
12. Сухарев А. А. Казанские татары / А. А. Сухарев. — Санкт-Петербург : Тип. П. П. Сойкина, 1904. — 195 с.
13. Ушницкий В. В. Центральноазиатские татары : вопросы этнической истории и этногенеза / В. В. Ушницкий // Тюркологические исследования. — 2019. — Т. 2. — № 1. — С. 5—12.

Статья поступила в редакцию 18.02.2025,
одобрена после рецензирования 29.03.2025,
подготовлена к публикации 15.04.2025.

Material resources

- Biography of Li Xinchuan. Song Shi. Chapter 438.* Available at: <https://zh.wikisource.org/wiki/宋史/卷438#李心傳> (accessed 23.01.2025). (In Chin.).
- Kadyrbayev, A. S. (ed.). (2016). “*Hey da Shi lue*”: the source of the history of the Mongols of the XIII century. Moscow: Nauka, East lit. 254 p. (In Russ.).
- Li Dayu. *Letters to the Uighurs*. Available at: <https://zh.wikisource.org/wiki/賜回鶻嗚沒斯特勤等詔書> (accessed 23.01.2025). (In Chin.).
- Li Xinchuan. *Jian-yan and lai chao-ye tzu-ji, 19: Various official and unofficial records of the [events] of the Jianyan period (1127)*. Available at: <https://zh.wikisource.org/wiki/建炎以來朝野雜記/乙集/卷十九> (accessed 23.01.2025). (In Chin.).
- Li Xinchuan. *Jian-yan yi-lai Xi nian yao lu, 107: A study of the toponyms of the Jin people. Important records of the [events] of the Jianyan period (1127)*. Available at: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=615304&remap=gb> (accessed 23.01.2025) (In Chin.).

- Li Xinchuan. Jian-yan yi-lai Xi nian yao lu, 133: A study of the toponyms of the Jin people. *Important records of the [events] of the Jianyan period (1127)*. Available at: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=464983&remap=gb> (accessed 23.01.2025) (In Chin.).
- Li Xinchuan. Jian-yan yi-lai Xi nian yao lu, 58: A study of the toponyms of the Jin people. *Important records of the [events] of the Jianyan period (1127)*. Available at: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=69950&remap=gb> (accessed 23.01.2025) (In Chin.).
- Liao shi. Available at: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/遼史/卷14> (accessed 23.01.2025). (In Chin.).
- Malov, S. E. (1951). *Monuments of ancient Turkic writing. Texts and research*. Moscow, Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 278 p. (In Russ.).
- Meng-da bei-lu: [Full description of the Mongol-Tatars], 26. Moscow: Nauka Publ. 285 p. (In Russ.).
- Song shi. 485 Available at: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/宋史/卷485> (accessed 23.01.2025). (In Chin.).
- Sui shu. 81. Available at: <https://zh.wikisource.org/wiki/隋書/卷81> (accessed 23.01.2025). (In Chin.).
- The Secret Legend. (1941). *The Mongol chronicle of 1240 called Mongrol-un Niruča tobčiyān. Yuan Chao Bi Shi. The Mongolian everyday Electoral College*. Moscow, Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 619 p. (In Russ.).
- Twenty-four dynastic stories. Available at: <https://zh.wikisource.org/wiki/Template:二十四史> (accessed 23.01.2025) (In Chin.).
- Wei Shu. 100. Available at: <https://zh.wikisource.org/wiki/魏書/卷100> (accessed 23.01.2025). (In Chin.).
- Ye Long-li. (1979). *The History of the Khitan State (Qidan guo zhi), XXV*. Moscow: Nauka Publ. 607 p. (In Russ.).

References

- Akerov, T. A. (2016). On the question of the origin of the ethnonym “Tatars”. *Bulletin of the Turvan State University. Social sciences and humanities*, 1 (28): 35—43. (In Russ.).
- Belozerskaya, O. (1970). Volga Tatars. *Knowledge is power*, 7: 34—35. (In Russ.).
- Kamalov, A. K. (2016). On the interpretation of ethnopoli-tonyms of Otuz-Tatars and Tokuz-Tatars of ancient Turkic runic texts. In: *The Turkic-Mongolian world in the past and present. Proceedings of the scientific conference in memory of Sergei Grigoryevich Klyashtorny (1928—2014). February 16—17, 2015*. St. Petersburg: Ulaanbaatar. 195—205. (In Russ.).
- Karimullin, A. G. (1988). *Tatars: ethnos and ethnonym*. Kazan: Tatar Book Publishing House. 128 p. (In Russ.).
- Klyashtorny, S. G. (1993). The Tatar states in Central Asia (pre-Genghis era). In: *Mongolica. On the 750th anniversary of the “Secret Legend”*. Moscow: Oriental Literature Publishing Company. 343 p. ISBN 5-02-017395-9. (In Russ.).
- Klyashtorny, S. G., Sultanov, T. I. (2000). *States and peoples of the Eurasian steppes*. St. Petersburg: “Petersburg Oriental Studies”. 432 p. (In Russ.).
- Li Dongmei. (2023). Summary of several representative works by Li Xinchuan, a famous scholar of the Shuxue school of the Song Dynasty. *The Institute of Ancient Books. Sichuan University. Historical notes of Ba-Shu, 01*. (In Chin.).

- Munkuyev, N. C. (1961). About “Meng-da bei-lu” and “Hei-da shi-lue” — the notes of Chinese travelers of the XIII century. About the ancient Mongols. In: *China. Japan: History and Philology*. Moscow: [b. i.]. 80—92. (In Russ.).
- Sukharev, A. A. (1904). *Kazan Tatars*. Saint Petersburg: P. P. Soikin Publishing House. 195 p. (In Russ.).
- Ushnitsky, V. V. (2019). Central Asian Tatars: issues of ethnic history and ethnogenesis. *Turkological studies*, 2 (1): 5—12. (In Russ.).
- Yeremeyev, D. E. (1971). *Ethnogenesis of Turks*. Moscow: Nauka Publ. 274 p. (In Russ.).
- Zakiev, M. Z. (2008). *The history of the Tatar people. Ethnic roots, formation and development*. Moscow: INSAN. 6—10. ISBN 978-5-85840-013-4. (In Russ.).
- Zoriktuev, B. R. (2020). On the Question of the Two Mongol States in the Early XIII Century. *Nauchnyi dialog*, 1 (11): 379—395. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-11-379-395>. (In Russ.).

*The article was submitted 18.02.2025;
approved after reviewing 29.03.2025;
accepted for publication 15.04.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(3), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Гордеев Ю. М. Оренбургское Неплюевское военное училище в первой половине 1840-х годов: накануне переименования в кадетский корпус / Ю. М. Гордеев // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 3. — С. 369—389. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-369-389.

Gordeev, Yu. M. (2025). Orenburg Nepluev Military School in Early 1840s: On Eve of Its Rebranding as a Cadet Corps. *Nauchnyi dialog*, 14 (3): 369-389. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-369-389. (In Russ.).

Web of Science™

Scopus®

DOAJ

ERIH PLUS

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Оренбургское
Неплюевское
военное училище
в первой половине
1840-х годов:
накануне переименования
в кадетский корпус**

Гордеев Юрий Михайлович
orcid.org/0009-0004-2838-0866
кандидат педагогических наук,
доцент, начальник училища
kempku_2@mil.ru

Кемеровское президентское
кадетское училище
(Кемерово, Россия)

**Orenburg Nepluev Military
School in Early 1840s:
On Eve of Its Rebranding
as a Cadet Corps**

Yuriy M. Gordeev
orcid.org/0009-0004-2838-0866
PhD in Pedagogy, Associate Professor,
school principal
kempku_2@mil.ru

Kemerovo Presidential
Cadet School
(Kemerovo, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Актуальность исследования обусловлена 200-летним юбилеем военного образования на Урале. Сообщается, что 2 января 1825 года открылось Оренбургское Неплюевское военное училище, заложившее основы военного образования в этом стратегически значимом регионе России. В статье анализируется развитие учебного заведения в период первой половины 1840-х годов: от утверждения «Положения об Оренбургском Неплюевском военном училище» в 1840 году до его переименования в кадетский корпус в 1844 году. На указанном этапе, во-первых, характеризуется состояние кадров учреждения, во-вторых, определяется специфика состава воспитанников и их обучения в соответствии с положением 1840 года. Автор статьи отмечает, что, несмотря на провинциальный характер Оренбурга, определявший сложность подбора высококвалифицированных кадров, штатный состав учебного заведения следует признать одной из его сильных сторон. Подчеркивается, что Положение об училище 1840 года учитывало его региональную специфику, способствовало его дальнейшему развитию и в конечном счете вхождению в славное семейство кадетских корпусов Российской империи. Установлено, что из стен учреждения вышли выпускники, сыгравшие значимую роль в различных сферах общественной жизни не только Оренбуржья, но и страны в целом.

Ключевые слова:

военное образование в Азиатской России; военно-подготовительные учебные заведения; Оренбургское Неплюевское военное училище; кадетский корпус.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The relevance of this study is underscored by the 200th anniversary of military education in the Ural region. It is reported that on January 2, 1825, the Orenburg Nepluev Military School was established, laying the foundations for military education in this strategically significant area of Russia. This article analyzes the development of the institution during the early 1840s, from the approval of the “Regulations on the Orenburg Nepluev Military School” in 1840 to its rebranding as a cadet corps in 1844. At this stage, the paper characterizes the staffing situation within the institution and delineates the specific composition and training of its cadets in accordance with the 1840 regulations. The author notes that, despite Orenburg’s provincial status, which posed challenges in recruiting highly qualified personnel, the faculty of the institution should be recognized as one of its strengths. It is emphasized that the 1840 regulations considered regional specifics, facilitating further development and ultimately leading to its inclusion in the esteemed family of cadet corps across the Russian Empire. The study establishes that graduates from this institution played significant roles in various spheres of public life, not only in Orenburg but throughout the country.

Key words:

military education in Asian Russia; military preparatory institutions; Orenburg Nepluev Military School; cadet corps.

УДК 94(470.56)“1840/1845”+355.231(091)

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-369-389

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

Оренбургское Неплюевское военное училище в первой половине 1840-х годов: накануне переименования в кадетский корпус

© Гордеев Ю. М., 2025

1. Введение = Introduction

В конце 1840 года, 6 декабря, в день тезоименитства Николая I произошло знаковое событие, открывшее очередную славную страницу истории Оренбургского Неплюевского военного училища. Спустя 16 лет после утверждения Александром I Постановления о Неплюевском училище Николаем I было принято «Положение об Оренбургском Неплюевском военном училище» [ПСЗРИ-II, закон 14029, т. XV, ч. 1, 1841, с. 787].

Значение «Положения...» 1840 года заключалось в том, что оно законодательно оформило те изменения, которые произошли за время с момента основания учреждения, выведя его на новый, более высокий уровень развития. «В отношении нравственного и физического воспитания детей училищу [отныне] положено [было] руководствоваться общими правилами на сей предмет для кадетских корпусов предписанными», поэтому можно говорить о том, что учебное заведение с указанного времени фактически функционировало на правах кадетского корпуса. Формально переименовано в кадетский корпус училище будет в 1844 году.

Исследованию периода функционирования учреждения от утверждения «Положения...» 1840 года до его переименования в кадетский корпус в 1844 году [ПСЗРИ-II, закон 17962 а, т. XX, ч. 2, прибавление к т. XIX, 1846, с. 41] посвящена данная статья. Ее автор завершает серию научных публикаций, подготовленных в том числе в соавторстве, посвящённых основанию и становлению училища в период 1801—1844 годов [Гордеев, 2024; Гордеев и др., 2024]. Указанные работы как фактическим материалом, так и рядом аналитических суждений призваны дополнить научно-популярные монографии, посвящённые данной проблематике [Матвиевская, 2016; Семёнов и др., 2017].

Хронологический период первой половины 1840-х годов имеет определяющее значение в становлении военного училища. На этом этапе учреждение доказало свою состоятельность в качестве ведущего военно-

учебного заведения Азиатской России, способствовавшего интеграции Казахской степи в пространство России. Если в предшествующее время были заложены и отработаны основы его функционирования, то в указанные годы выпускники учебного заведения уже проявили себя на военном, исследовательском и дипломатическом поприщах в этом стратегически значимом российско-азиатском пограничном регионе. В связи с этим учреждение обоснованно получило право состоять в почётном семействе кадетских корпусов Российской империи.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель статьи — характеристика Оренбургского Неплюевского военного училища в период первой половины 1840-х годов: от утверждения «Положения об Оренбургском Неплюевском военном училище» до переименования его в кадетский корпус. В общих работах по истории военно-учебных заведений страны сведения об Оренбургском военном училище представлены тезисно, фрагментарно и не раскрывают объект исследования во всей его полноте [Греков, 1910, с. 10, 17, 122, 125—129, 143—146; Лалаев, 1880, с. 31—32, 48, 102—103, 177, 182—183, 200, 206, 225, 243, 272, Мельницкий ..., 1857, с. 193—207]. Более полные сведения, представленные в монографиях оренбургских учёных Г. П. Матвиевской, В. Г. Семёнова и В. П. Семёновой, в рамках данной статьи дополняются информационными материалами впервые введённых в научный оборот исторических источников.

Документальные сведения извлечены из 4-х фондов двух крупнейших архивохранилищ Российской Федерации: Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) и Российского государственного исторического архива (РГИА). Статистическая и делопроизводственная документация архивов дополнена источниками личного происхождения: воспоминаниями кадета, окончившего рассматриваемое учебное заведение и ставшего впоследствии генералом и крупным военным чиновником и учёным. Мемуары Н. Г. Залесова ценны, поскольку своими оценочными суждениями проливают свет на моменты, не нашедшие отражения в официальных делопроизводственных документах.

Помимо неопубликованных архивных материалов и воспоминаний были задействованы изданные материалы справочного и статистического характера. Благодаря этому статистические данные и материалы делопроизводственных документов, обычно не содержащие оценочных суждений, были дополнены личными впечатлениями непосредственного участника событий.

Основной текст статьи содержит три раздела. Первый характеризует состояние кадров учебного заведения, второй — особенности состава вос-

питанников и организации их обучения в соответствии с положением об училище, утверждённым в 1840 году; третий посвящён анализу сведений о выпускниках училища, характеристике его наиболее выдающихся представителей. Гармоничное сочетание двух научных методов — биографического метода и метода статистического анализа — позволило приблизиться к формированию объективного представления об исследовательском объекте.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. «Кадры решают всё»

Управление учреждением имело следующий вид. Главным начальником Оренбургского Неплюевского военного училища по «Положению ...» 1840 года объявлялся его императорское высочество главный начальник кадетских корпусов — младший брат Александра I и Николая I великий князь Михаил Павлович. Местным начальником признавался Оренбургский военный губернатор, в то время им являлся В. А. Перовский. Непосредственным руководителем был директор, на это место мог претендовать военный, генерал или полковник, в рассматриваемый период — И. М. Марков. При директоре формировался комитет, состоявший из его помощника, занимавшего должность инспектора классов, ротного командира, эконома и полицмейстера. Персонифицированный основной кадровый состав Оренбургского Неплюевского военного училища в 1843 году выглядел следующим образом (табл. 1) [РГВИА, ф. 1754, оп. 1, д. 61, л. 5—6 об.].

В целом, штатный состав, определённый для учреждения 6 декабря 1840 года, был классическим для подобного рода учебных заведений страны, относившихся ко 2-му классу, и соответствовал всем формальным требованиям, предъявляемым к ним «Уставом для военно-учебных заведений второго класса», принятым в 1830 году [ПСЗРИ-II, приложение к закону 14029, т. XV, ч. 2, 1841, с. 699—700].

Несмотря на формальное квалификационное соответствие штату, качество офицерско-преподавательского состава вполне соотносилось со статусным положением Оренбурга как провинциальной окраины восточной части империи. Выпускник корпуса 1848 года, а впоследствии знаменитый генерал от инфантерии член Военного совета Николай Гаврилович Залесов в опубликованных в 1903 году «Записках» так вспоминал некоторых из учителей: «Инспектор был статский Дьяконов, человек умный, но грубый до последней степени, он иначе не говорил с кадетами, как сопровождая свою речь словами “ну ты лошадь, дурак, скотина” и прочими.

Офицеры были взяты в корпус из Оренбургского линейного батальона. Их было трое: подпоручик Бибиков — грубый мужик, отличавшийся за-

Таблица 1

Основной кадровый состав Оренбургского Неплюевского военного училища первой половины 1840-х годов (по данным на 1843 год)

Должность	Персона
Чиновники	
Директор	Полковник Илларион Михайлович Марков
Инспектор классов	Коллежский ассессор Александр Никифорович Дьяконов
Эконом и полицмейстер	Отставной майор Максим Ефимович Артемьев
Ротный командир	Штабс-капитан Пётр Логгинович Энгельке
Прикомандированные из линейных Оренбургских батальонов помощники ротного командира	Александр Александрович Фигнер Александр Михайлович Аничков Иван Васильевич Бибииков
Делопроизводитель	Коллежский регистратор Степан Яковлевич Пироговский
Помощник делопроизводителя и архивариус	Фёдор Иванович Лобанов
Учители	
Законоучитель православного исповедания	Протоиерей Петропавловской церкви Стефан Михайлович Садальский
Учитель магометанского закона	Ахун Оренбургской мечети Абдурауф Абдусалямович Абдусалямов
Старший учитель французского языка	Титулярный советник Дезире Фёдорович Дандевиль
Старший учитель немецкого языка	Иван Зусманович Блюменберг
Старший учитель русской словесности	Титулярный советник Александр Павлович Грязнов
Старший учитель татарского языка	Коллежский регистратор Василий Фёдорович Костромитинов
Старший учитель арабского и персидского языков	Коллежский секретарь Салимджан ¹ Биктяшевич Кукляшев
Старший учитель математики	Кандидат Николай Андреевич Фёдоров
Старший учитель естественных наук	Эрнест Христианович Рейхенбах

1 В разных документах он значится *Салихджан* и *Салимджан*.

Окончание табл. 1

Должность	Персона
Учитель истории и географии	Коллежский секретарь, Николай Алексеевич Бутлеров
Младший учитель французского и немецкого языков	Титулярный советник Иван Карлович Фенколь
Младший учитель татарского языка	Коллежский регистратор Искандер Аллюкович Батыршин
Младший учитель русского языка	Коллежский регистратор Антон Александрович Владимиров
Младший учитель арабского и персидского языков	Коллежский регистратор Мирсалих Мирсалимович Бекчурин
Учитель фехтования	Коллежский секретарь Иван Александрович Матони
Учитель танцев	Коллежский регистратор Михаил Осипович Дотти
Учитель гимнастики	Михаил Иванович Иванов
Учитель верховой езды	Урядник Оренбургского казачьего войска Егор Николаевич Полумбаев
Нижние воинские чины и прочие	
Лекарь	Ординатор Оренбургского военного госпиталя Дмитрий Алексеевич Петров
Старший фельдшер	Александр Береснев
Аудитор 13-го класса линейного оренбургского батальона № 5	Василий Сергеевич Сальников
Унтер-офицеры	Павел Кузьмин Афанасий Сунгуров
Старший писарь	Яков Фёдоров
Младшие писари	Степан Исаенко Григорий Петров Николай Юрков
Служители	Степан Гордеев, Николай Вавилов Степан Мерзляков и ещё 23 служителя

мечательной глупостью, Фигнер — внук знаменитого партизана, добрый человек, но отъявленный пьяница и кутила, постоянно приходивший на дежурство с подбитой физиономией и Аничков, более других образованный, но не говоривший и десяти слов в день, более пригодный по характеру смотреть за девочками, чем за кадетами. Законоучителем был 70-летний старец протоирей Петропавловского военного собора Содалский, который всегда дремал в классе. Французский учитель Дандевилль и немецкий Фенколь были взяты из гувернеров у местных помещиков» [Длусская, 1903, с. 46—47].

Несмотря на субъективный характер мемуарных источников, у нас есть все основания им доверять.

В целом генерал от инфантерии характеризовал преподавательский состав училища следующим образом: «Учителя по тому времени были порядочные благодаря близости к корпусу Казанского университета, появлялись, правда, и между ними пьянчуги или недоучившиеся студенты, но это было изредка» [Там же, с. 47]. Ностальгически вспоминая свой выпуск из корпуса, Н. Залесов впоследствии писал так: «Я с грустью расставался со стенами нашего мрачного корпуса, а также с большинством учителей. Среди мрака и темноты, царствовавших тогда в военно-учебных заведениях, все-таки много светлых отрадных минут было прожито мною в эти 6 лет с добрыми товарищами и с такими наставниками как математик Федоров, добряк Рейхенбах, дежурный офицер Рамбах и другие» [Там же, с. 46—47, 50—51].

Кадеты всегда отличались точностью слова, меткостью характеристик и смелостью мыслей, что позволило нам в некоторой степени реконструировать картины реальной жизни, обычно тщательно скрытой в строках сухих и безжизненных делопроизводственных документов. Безусловно, любые мемуарные источники субъективны, в то же время они, может быть, в наибольшей мере способны продемонстрировать жизнь как она есть, без купюр и ретуши.

В числе главных предметов в училище были языки. Нижний класс по сути являл собой языковую школу. Распределение классного времени было установлено следующим образом. Для русского языка: в верхних классах — 9 часов, в средних — 9 часов, в нижних — 12 часов. Для французского: в верхнем европейском — 4, в среднем — 6, в нижнем — 7. Для немецкого: в верхнем европейском — 3, среднем — 6, нижнем — 7. Для арабского: в верхнем азиатском — 3, среднем — 4, нижнем — 4. Для персидского: в верхнем азиатском — 4, среднем — 3, нижнем — 6. Для татарского: в верхнем азиатском — 7, среднем — 9, нижнем — 9. Изучение восточных языков составляло главную специфику учреждения в сравнении с аналогичными военно-учебными заведениями страны.

По «Положению...» 1840 года для преподавания русского, французского, немецкого, арабского, персидского и татарского языков было определено по два учителя — старший и младший. Региональной спецификой Оренбургского училища в сравнении с другими подобного рода военно-учебными заведениями страны было наличие учителей восточных языков, поскольку они принадлежали к базовым учебным дисциплинам на азиатском отделении учреждения. Учителя арабского и персидского языков входили в число самых высокооплачиваемых. До указанного года отсутствовало однозначное нормативно установленное разграничение, в каких классах могли преподавать старшие и младшие учителя. С 1840 года нормативно был установлен следующий распорядок.

Старший учитель преподавал в верхних и средних классах, младший — в нижних. С учётом приведённой выше расценок, старший учитель русского языка преподавал 18 часов с окладом в 429 руб., младший — 12 часов с окладом в 214 руб. Старший учитель французского языка, преподавая 10 часов, зарабатывал 340 руб., младший, преподавая 7 часов, — 214 руб. Старший учитель немецкого языка, преподавая 9 часов, зарабатывал 340 руб., младший, преподавая 4 часа, — 214 руб. Старший учитель персидского и арабского языков, преподавая 15 часов, зарабатывал 515 руб., младший, преподавая 10 часов, — 257 руб. Старший учитель татарского языка, преподавая 16 часов, зарабатывал 340 руб., младший, преподавая 9 часов, — 214 руб.

В случае необходимости разрешались взаимозамены. К примеру, старший учитель мог уступить часть часов в среднем классе младшему, вместе с тем отказавшись в пользу последнего от части своего жалования. Подобного рода вариации могли быть различными [РГВИА, ф. 1754, оп. 1, д. 56, л. 1—4 об.]. Главное заключалось в том, что учебная нагрузка и размер жалования преподавателей отныне были чётко регламентированы, хотя и не всегда строго соблюдались. Всё зависело от конкретных кадровых обстоятельств. В целом же кадровый состав учреждения был достаточно ровный, стабильный, включал высокочастотных специалистов (Д. Ф. Дандевиль, А. П. Грязнов, В. Ф. Костромитинов, С. Б. Кукуляшев, Н. А. Фёдоров, И. А. Батыршин, М. М. Бекчурин, Э. Х. Рейхенбах, другие), что следует признать достижением для провинциально-пограничного Оренбурга.

3.2. Особенности обучения и состава воспитанников

Согласно «Положению ...» 1840 года, училище предназначалось для единовременного обучения в нём 80 воспитанников: 40 казённокоштных, находившихся на училищном содержании, и аналогичного количества пансионеров, пребывавших на обеспечении их родственников. Плата за обучение пансионера составляла 143 руб. серебром ежегодно, 6-летний курс обуче-

ния, таким образом, оценивался в 858 руб. Допускалось принимать и более 80 учеников в том случае, если училище сочтёт это возможным и необходимым. Преимущество при поступлении на казённое содержание от училища имели абитуриенты христианского вероисповедания, оставшиеся без отца. Таковые, между прочим, в рассматриваемый период составляли почти треть.

На обучение принимались дети в возрасте от 10 до 14 лет дворян, чиновников, канцелярских служащих, почётных граждан, священников и дьяконов, купцов, казаков Оренбургского войска, также киргизов¹, мещеряков, тептярей и «всех азиатов Оренбургского края, состоявших в подданстве Российской империи, либо же преданных русскому правительству и оказавших ему особые услуги». Абитуриенты при поступлении должны были уметь читать и писать. Казаки и азиаты освобождались от этой необходимости. Приём производился ежегодно в первых числах сентября.

Представим далее статистический анализ контингента воспитанников учебного заведения и его кадровый состав в срезе на 1843 год [РГВИА, ф. 1754, оп. 1, д. 61, л. 19—21]. Всего в указанном году в заведении обучалось 90 учеников, около 30 % из которых остались без отцов. 16 воспитанников являлись детьми чиновников, 46 — детьми военнослужащих, как действующих, так и отставных. Из общего числа учеников 68 обучались на европейском отделении как более престижном и более чем втрое меньше — 22 — на азиатском. Из 90 воспитанников 35 находились на казённокоштном воспитании, 55 пребывали в статусе пансионеров. В верхнем классе европейского отделения состояло 11 воспитанников, в среднем — 20, в нижнем — 37. В верхнем классе азиатского отделения обучалось 8 учеников, столько же в среднем, шестеро — в нижнем. Далеко не все воспитанники азиатского отделения были азиатами. Из 22 учеников таковых было 10. Таким образом, соотношение русских и азиатов в училище было 8/1.

Средний возраст воспитанников училища составил 15 лет. В нижнем классе (43 воспитанника) — 13 лет, в среднем классе (28) — 15 лет, в верхнем (19) — 18 лет. Нижний класс состоял из разновозрастных учеников 11 — 16 лет, поступивших в период 1837—1842 годов. К примеру, пансионер Пётр Немчинов, поступивший в 1837 году в 10-летнем возрасте, к 1843 году учился в нижнем классе уже 6-й год. По всей видимости, уxo-

1 Во избежание недоразумений акцентируем внимание: *киргизами* тогда русские именовали не только современных киргизов, но и современных казахов. В данном случае речь идёт именно о вторых. Строго говоря, самоназвание кочевого народа, проживавшего на пространстве современного Казахстана, — *казаки*. Чтобы не путать их с казаками сибирскими, в то время русскими придумано было условное наименование инородческих казаков: *киргизские казаки*, или *киргиз-кайсаки*, или просто *киргизы*. Мы, сохраняя терминологию исторических источников, именуем их *киргизами*, зная, что речь идёт о современных казахах. Подробнее об этом: [Левшин, 1832].

дил в академический отпуск или оставался на 2-й год лобо, скорее всего, и то и другое, и неоднократно. В любом случае это были единичные случаи. Подавляющую массу учеников нижнего класса составили абитуриенты 1840—1842 годов, в основном 1841 года. Средний класс состоял также из разновозрастных учеников ещё большего возрастного разброса: от 13 лет до 21 года. Например, Николай Капитонов, поступивший в училище в 1834 году в 12-летнем возрасте, к 1843 году учился уже 9-й год (!), но то, повторимся, были уникальные экземпляры. Основная масса учеников среднего класса поступила в учебное заведение в 1838/39 годах. Ученики верхнего класса также не отличались ни однородностью возраста, ни временем поступления [РГВИА, ф. 1754, оп. 1, д. 61, л. 19—21].

Отдельного внимания вполне заслуживает поступивший в училище в 1841 году в 13-летнем возрасте Н. Г. Залесов. Вот как он сам описывает это событие и, коротко, буквально одним предложением, метко характеризует процесс обучения. «Меня осенью 1841 года отвезли в Оренбург и определили в Оренбургское Неплюевское военное училище, вскоре преобразованное в кадетский корпус. Так наступила совершенно новая эра моей жизни. Меня, 13-летнего юношу, привели в корпус вечером часов в 6 в сентябре. В этот же вечер мне, как новенькому, успели надавать щелчков, вымазали платье, насыпали песку в карманы и за галстук, дали какое-то прозвище, и я, таким образом, был посвящен в кадеты. Я не буду подробно описывать тогдашние кадетские порядки, — обещал Н. Залесов, — они достаточно известны.

Нас кормили плохо, держали в холодных комнатах¹, бессовестно воруя дрова, учили всему и ничему, то есть верхушкам, налегали всеми мерами на фронт, исправно секли по субботам² и выпускали в офицеры на основании прав происхождения и познаний во фронте, не обращая никакого внимания на наши умственные способности» [Длусская, 1903, с. 46]. Впоследствии Н. Г. Залесов сделал замечательную военную карьеру [ВЭ, т. XIX, 1912, с. 445].

Оренбургское военное училище, учитывая его географическую специфику сравнительно с аналогичными учреждениями страны, было интернациональным, русско-азиатским. С 1840 года оно состояло из одной роты и,

1 Инспектор военно-учебных заведений Н. П. Анненков отмечал чистоту воздуха в дортуарах и классах Оренбургского корпуса и оптимальную же температуру воздуха: зимой в дортуарах — 12—13°, в классах — 14° (Анненков Н. П. Протокол инспекторского осмотра Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса. 31 мая 1846 года) [РГВИА, ф. 1754, оп. 1, д. 75, л. 35]. Однако, вероятно, реальная температура воздуха в классах и дортуарах Неплюевки, учитывая приведённый Залесовым факт, была чрезвычайно низкой.

2 Ср.: протоколы об инспекторских проверках корпуса, напротив, один за другим констатируют факты почти полного отсутствия телесных наказаний в корпусе, что еще раз обосновывает ценность личных источников: дневников и др.

отныне и законодательно, разделялось на 2 отделения: европейское и азиатское, что также являлось характерным только для данного военно-учебного заведения. Европейское считалось в большей степени престижным, и курс наук в нём был более сложным. Вместе с тем трудность изучения восточных языков «перекрывала» научные познания «европейцев», поэтому мы не можем сказать, что на азиатском отделении учиться было проще. На азиатском отделении почти не было фронтowego учения. Его русские воспитанники готовились к работе толмачами, переводчиками, топографами, азиатские — чинами в азиатских владениях России. Выбор в пользу того или иного отделения складывался исходя из наличия вакантных мест и способностей воспитанников. Количество набора на то или иное отделение определялось «Положением...» 1840 года и мерой востребованности специалистов. Мусульмане, обучавшиеся на европейском отделении, изучали закон магометанский на восточном отделении.

В качестве вспомогательных учебных предметов в учреждении преподавались гимнастика, верховая езда, плавание и танцевание, в верхнем классе — фехтование. Воспитанники обоих отделений, испытывавшие затруднения в изучении иностранных языков, могли быть освобождены от изучения одного из них. Классное обучение осуществлялось ежедневно, кроме воскресных и праздничных дней, мусульмане освобождались от классных занятий в пятницу. Обучались в классах с 08.00 до 11.00 и с 15.00 до 18.00. В свободное от классных занятий время практиковалось фронтвое учение. Воспитанники европейского отделения должны были освоить рекрутскую школу, ротное и эскадронное учение, азиатского — только выправку и маршировку.

С 15 июня по 1 августа были каникулы. Воспитанники могли уходить в больничный отпуск, но не более чем на год. Итоговый экзамен проводился ежегодно в августе в присутствии Оренбургского военного губернатора как местного начальника училища, чинов, родственников учащихся. Экзамен на предметы магометанского закона и восточных языков проводился особо в присутствии мусульманского духовенства и специалистов восточных языков. Воспитанники верхнего класса за особые успехи награждались «старшим» званием с правом ношения на вороте петлицы из серебряного галуна.

Возможно, наилучшим образом ежедневные занятия и быт воспитанников рисует уже знакомый нам по своим «Запискам» генерал Н. Г. Залесов. «День наш распределялся так: в 6 часов вставали и пили по стакану горячего сбитня¹ с куском пшеничного хлеба, с 8 до 11 были классы, с 11

1 Сбитень на завтрак являлся спецификой Оренбургского училища сравнительно с другими военно-учебными заведениями страны, где на завтрак обычно давали булку с чаем или молоком (Отчёт о состоянии военно-учебных заведений за 1831 год) [РГВИА, ф. 725, оп. 56, д. 404, л. 15].

до 13.30 — фронтное учение, гимнастика, прогулка во дворе, не смотря ни на какую погоду. В половине второго обед из 3-х блюд: щи, жареное и каша. С 3 до 6 снова классы, полчаса отдыха и с половины седьмого до 9 подготовка к урокам. В 9 — ужин из двух блюд и в 9.30 спать. По субботам после утренних классов была баня. Затем приносили отпускной список от инспектора с отметкой кто, сколько уроков не знал за неделю. Не отмеченных в списке отпускали на воскресенье по домам, а записанных подвергали наказанию: не знавших свыше 4—5 уроков сажали в карцер, а записанных свыше 6 уроков, по большей части из младших классов, отводили наверх в умывальную, где Энгельке с удовольствием знатока этого дела наказывал их розгами, всегда приносимыми из ледника». [Длусская, 1903, с. 47—48]. 6 лет подобного рода классических кадетских мытарств оканчивались выпуском из учебного заведения.

Оренбургское Неплюевское училище, таким образом, в целом соответствуя второклассным военно-учебным заведениям страны, имело свою специфику, обусловленную пограничным положением Оренбурга, являвшегося форпостом России в Средней Азии. Распорядок дня, набор учебных дисциплин, их содержание отвечали требованиям 2-классного военно-учебного заведения. Региональная специфика заключалась в национальном и сословном составе учеников из казаков и казахов, что видно из анализа одного из выпусков.

3.3. Выпускники

Всего в исследуемый период было 2 выпуска из учреждения: в 1841 и 1844 годах. Детального анализа заслуживает 5-й выпуск из Оренбургского Неплюевского военного училища как первый выпуск 1840-х годов (табл. 2) [РГВИА, ф. 725, оп. 56, д. 521, л. 1—50].

Исследование состава и распределения на службу выпуска 1841 года демонстрирует следующие результаты. Во-первых, отмечается сокращение числа выпускников-азиатов в сравнении с предшествующим периодом. В предшествующее десятилетие процентное соотношение воспитанников училища по национальному признаку было следующим: 75 % — русские, 25 % — азиаты. Ср. соотношение выпускников 1841 года: русские — 90 %, азиаты — 10 %. В абсолютных показателях азиатов было двое: Дус-Мухамет Чукуев и Сулейман Батыршин, — и если первый впоследствии никак не проявил себя на публичном профессиональном поприще, то последний стал заметной фигурой.

Сын дворянина, отставного штабс-капитана Сулейман Алюкович Батыршин после окончания училища в 1841 году начал свою карьеру в Оренбургской пограничной комиссии в качестве толмача. Его знания и способности быстро получили высокую оценку руководства комиссии, и Батыр-

Таблица 2

Выпускники Оренбургского Неплюевского
военного училища. 1841 год

Европейское отделение		Азиатское отделение	
Выпускник	Распределен	Выпускник	Распределен
1. Чернов Иван	хорунжим в артиллерию Оренбургского казачьего войска (ОКВ)	1. Кипиченков Василий	хорунжим в ОКВ с прикомандированием к Оренбургской пограничной комиссии (ОПК)
2. Дерюгин Николай	прапорщиком в 4-й Оренбургский линейный батальон	2. Батыршин Сулейман	коллежским регистратором в ОПК
3. Иванов Константин	прапорщиком в 4-й Оренбургский линейный батальон	3. Губский Порфирий	подпрапорщиком в Оренбургский линейный батальон
4. Плотников Виктор	урядником в Оренбургское казачье войско (ОКВ)	4. Красноярцев Алексей	урядником в ОКВ с прикомандированием к ОПК
5. Кутыев Николай	прапорщиком в Оренбургский линейный батальон	5. Чукуев Дус-Мухамет	хорунжим во Внутреннюю орду
6. Кузьминский Пётр	прапорщиком в Оренбургский линейный батальон	6. Немчинов Михаил	коллежским регистратором в ОПК
7. Биберштейн Николай	корнетом в Уфимский казачий полк	7. Зубов Михаил	канцеляристом в гражданскую службу
8. Владимиров Капитон	прапорщиком в Оренбургский линейный батальон		
9. Дьяконов Владимир	прапорщиком в Оренбургский линейный батальон		
10. Чегодаев Михаил	унтер-офицером в Оренбургский линейный батальон		
11. Поплавский Николай	корнетом в Уфимский казачий полк		
12. Падуров Александр	хорунжим в Оренбургское казачье войско		
13. Биберштейн Василий	подпрапорщиком в Оренбургский линейный батальон		

шину стали поручать сложные и ответственные задания. В 1856 году по указанию оренбургского и самарского генерал-губернатора на него была возложена значимая миссия: он сопровождал депутацию казахов Внутренней орды в столицу для участия в коронации императора Александра II. В 1857 году в качестве пристава он сопровождал бухарское посольство в г. Санкт-Петербург. С 1 ноября 1865 по 13 марта 1866 годов занимал должность султана-правителя Западной части Области оренбургских казахов. В 1866 году входил в состав комиссии по распределению земель вдоль левого берега р. Урал между уральскими казаками и казахами.

22 января 1869 года был определен советником Тургайского областного правления. Когда находился на этой должности, был оклеветан муллою Курманом перед военным губернатором Тургайской области Л. Ф. Баллюзком. Вследствие этого без суда и следствия был сослан «под строгий полицейский надзор» сначала в Уфимскую, а затем в Архангельскую губернии, где пробыл 5 лет. Позднее он получил прощение и право на государственную службу и, проживая в г. Ташкенте, продолжал свою служебную деятельность в местной городской управе [Самигулин, 2020, с. 153—154].

Более благосклонной с коммерческой точки зрения судьба была к другому знаменитому выпускнику 1841 года, также воспитаннику восточного отделения Неплюевского училища, сыну дворянина, отставного штабс-капитана, Михаилу Немчинову. Он, родившись в год открытия училища, после его окончания поступил, так же как и его сокурсник С. Батыршин, в пограничную комиссию толмачом. До 1849 года служил в родном Оренбурге на разных должностях, а в указанном году стал чиновником особых поручений при Петербургском гражданском губернаторе.

В 1854 году вошёл в состав чиновников канцелярии Комитета главного попечительства детских приютов. В 1862 году был переведён в военное министерство [Затворницкий, 1909, с. 588—589]. Выйдя в отставку, действительный статский советник М. А. Немчинов переехал в Москву, занявшись вместе со своим родным братом Степаном Арделионовичем Немчиновым производством кирпичей на основанном ими кирпичном заводе, который располагался в деревне Ново-Ивановской Московской губернии [Орлов, 1887, с. 285].

В период конца 1860-х — начала 1870-х годов была проложена Московско-Брестская железная дорога (МБЖД) [РГИА, ф. 446, оп. 26, д. 17, 19]. В 1873/74 годах Немчиновыми от МБЖД до своих кирпичных заводов была построена железнодорожная ветка [РГИА, ф. 338, оп. 1, д. 1861]. В середине 1870-х годов по ходатайству братьев на 16-й версте МБЖД была основана станция под названием *Немчинов пост* [РГИА, ф. 338, оп. 1, д. 6041]. Здесь же Немчиновы отстроили дачный посёлок, который

получил наименование *Немчиновка*; он существует до сих пор в составе Одинцовского городского округа. Дачная Немчиновка очень привлекала творческих личностей. В разное время здесь отдыхали и трудились художник К. С. Малевич, режиссёр С. М. Эйзенштейн и пр. До 1941 года здесь находились летние резиденции посольств США, Германии и Японии [Цоффка, 1988, с. 120—122; Цоффка, 1994, с. 306—309].

Кроме того, М. А. Немчинов был знатным московским театралом. В начале 1870-х годов на пересечении улицы Поварской и Мерзляковского переулка по адресу пер. Мерзляковского, 1 было построено здание для частного театра М. Немчинова, который разместился в ротонде, на 2-м и 3-м этажах Немчиновского дома. Подобный же театр был устроен в доме статского советника П. Ф. Секретарёва на Верхне-Кисловской улице Москвы. Об этих театрах знаменитый литератор начала XX века В. М. Дорошевич писал: «Это были любительские театры, театры-табакерки, но настоящие театры!» [Дорошевич, 2020, с. 3].

Оба этих театра — Секретарёвский и Немчиновский — были указаны в списке московских театров 1890 года [Лёвенштейн, 1890]. Немчиновский театр дополнительно известен ещё и тем, что в начале XX века его помещение арендовал для спектаклей студии Художественного театра легендарный К. Станиславский [Романюк, 1988]. К 2019 году московская архитектурная мастерская ГРАН по заказу московской строительной компании Gals Development закончила реставрационные работы в доме-театре М. А. Немчинова, создав на его месте жилой комплекс «Театральный дом», стоимость резиденции (квартиры) в котором превысила 100 млн руб. [ЖК «Театральный дом»].

Нельзя не отметить одного выпускника 1844 года (6-й училищный выпуск) Виктора Дезидерьевича Дандевиля. Его отец, военнопленный француз Desire d'Andeville был принят в российское подданство и приписан к Оренбургскому казачьему войску. В начале 1829 года в возрасте 42 лет сенатским указом он был утверждён в должности младшего учителя французского языка Неплюевского училища и долгие годы преподавал в нём. За три года до этого назначения в Оренбурге у него родился сын Виктор, жизненный путь которого был определён: обучение в учебном заведении, где преподавал папа, и военная карьера. Кто бы мог предполагать, что она окажется настолько замечательной. Ограниченность объёма научной статьи не позволяет изложить его биографию, которая известна и интересующийся читатель с лёгкостью при необходимости её обнаружит.

Приведённые здесь биографии выпускников училища 1841 года сполна являют собой картину значения учебного заведения в жизни страны. Казах Сулейман Алюкович Батыршин — представитель казахской элиты на русской службе, сыгравший значительную роль в интеграции Казахской степи

в состав Российской империи. Михаил Ардалионович Немчинов, не ограничившись военной и чиновной карьерой, оказался основоположником одного из столичных театров. Потомок французского военнопленного Desire d'Andeville Виктор Дезидерьевич Дандевиль сделал блестящую военную карьеру, дослужившись до генерала от инфантерии. В трёх указанных персонах вполне отразился образ специалиста-выпускника Оренбургского Неплюевского военного училища: военный, государственный и гражданский служащий, способствующий обеспечению безопасности и процветания империи.

4. Заключение = Conclusions

С момента своего открытия 2 января 1825 года Неплюевское училище последовательно шло к знаковому событию, произошедшему в 1844 году, — переименованию в кадетский корпус — через 1830 год, когда училище было отнесено к военно-учебным заведениям 2 класса и впервые вошло в состав престижнейших образовательных учреждений России; через 1840 год, начиная с которого учебное заведение в количестве 80 воспитанников фактически функционировало в статусе кадетского корпуса, но в условиях 3-летнего испытательного срока. Наконец, в 1844 году, будучи переименованным в кадетский корпус, Оренбургское училище окончательно интегрировалось в славное семейство кадетских корпусов Российской империи. К этому времени оно зарекомендовало себя как престижная и востребованная организация, служившая основой построения военной или гражданской карьеры, а потому в 1844 году получило право воспитывать в своих стенах двести кадет.

В исследуемый период Оренбургское военно-учебное заведение фактически функционировало на правах кадетских корпусов Российской империи. Распоряжения управления Главного начальника военно-учебных заведений и находившегося в его подчинении Совета о военно-учебных заведениях циркулярно распространялись и на Неплюевское училище [Мельницкий, 1857, с. 194].

Рассматриваемый в статье период 1840—1844 годов по сути определил окончательное утверждение Оренбургского Неплюевского военного училища в статусе кадетского корпуса Российской империи. Провинциальный Оренбург не был «избалован» опытными высококвалифицированными кадрами, тем не менее в условиях кадрового дефицита ему удалось держать марку, о чём свидетельствуют формулярные списки офицерско-преподавательского состава в значительном количестве, сохранившиеся в архивных фондах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) и Объединённого государственного архива Оренбургской области (ОГАОО).

Программа обучения и распорядок дня в училище были соотнесены с кадетскими корпусами страны с учётом региональной специфики, которая заключалась в разделении Оренбургского Неплюевского военного училища по двум отделениям: европейскому и азиатскому, первое из которых было престижнее. Тем не менее выпуск 1841 года демонстрирует, что наиболее значительных карьерных успехов достигли именно выпускники азиатского отделения. Основанное на пространстве русско-казахского пограничья Оренбургское военное училище, переименованное в 1844 году в кадетский корпус, сыграло значимую роль в интеграции Казахской степи в состав России.

В исследуемый период, когда в Средней Азии разворачивалась Большая игра между Россией и Британией, из учреждения выпускались подготовленные специалисты со знанием восточных и европейских языков, базовых гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, способных и к дипломатии, и к исследовательской работе, и к военному делу. В конце 1830-х — начале 1840-х годов выпускник училища Николай Павлович Иванов, а вместе с ним ещё пятеро выпускников учебного заведения участвовали в военном походе в Хиву [Иванов, 1873, с. 25]. В нём же принимал участие в качестве переводчика сначала ученик, а потом учитель родной alma mater Мартинаан Иванович Иванов [Басханов, 2018, с. 19]. Наконец, сам директор училища Константин Демьянович Артюхов был в Хивинском походе [Нурмухамедов, 1985, с. 50]. Выпускники учебного заведения с рассматриваемого времени являлись активными участниками всех военно-экспедиционных походов в Среднюю Азию.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ВЭ — *Военная энциклопедия*. — Санкт-Петербург : Т-во ИД Сытина, 1912. — Т. VIII. — 389 с.
2. Длусская Н. Н. Записки Н. Г. Залесова / Н. Н. Длусская // *Русская старина*. — Санкт-Петербург : Тип. т-ва «Общественная польза», 1903. — Т. CXIV. — 742 с.
3. ЖК «Театральный дом» [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.am-gran.ru/projects/zhk-teatralnyi-dom/> / <https://hals-development.ru/realty/residential> (дата обращения 10.04.2024).
4. Затворницкий Н. М. Столетие военного министерства. 1802—1902. Указатель биографических сведений... / Н. М. Затворницкий. — Санкт-Петербург : Тип. П. Ф. Пантелеева, 1909. — Книга 2. — 526 с.
5. Иванов Н. П. Хивинская экспедиция 1939—40 гг. : очерки и воспоминания очевидца. Практические советы отъезжающим в степи / Н. П. Иванов. — Санкт-Петербург : Типография Товарищества «Общественная польза», 1873. — 212 с.

6. *Левшин А. И.* Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. — Санкт-Петербург : Типография Карла Крайя, 1832. — Ч. I. — С. 1—4. — Ч. II. — С. 1—2.
7. *Лёвентштейн Г. С.* Практический указатель города Москвы с планами московских театров / Г. С. Лёвентштейн. — Москва : Г. С. Лёвентштейн, 1890. — 65 с.
8. *Орлов П. А.* Указатель фабрик и заводов Европейской России и Царства Польского : материалы для фабрично-заводской статистики / П. А. Орлов. — Санкт-Петербург : Тип. В. Киршбаума, 1887. — 824 с.
9. ПСЗРИ — II. *Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе.* — Закон 14029. — Т. XV. — Ч. 1. — Санкт-Петербург : Тип. II Отделения Собственной ЕИВ Канцелярии, 1841. — С. 787. Т. XV. — Ч. 1. — С. 789—790. Приложение к закону 14029. — Т. XV. — Ч. 2. — 1841. — С. 699—700. Закон 17962 а. — Т. XX. — Ч. 2. — Прибавление к Т. XIX. — Санкт-Петербург, 1846. — С. 41.
10. РГВИА — *Российский* государственный военно-исторический архив. Ф. 725. Оп. 56. Д. 521. Л. 1—50. Ф. 1754. Оп. 1. Д. 56. Л. 1—4 об. Ф. 1754. Оп. 1. Д. 61. Л. 5—6 об., 19—21. Ф. 1754. Оп. 1. Д. 75. Л. 35.
11. РГИА — *Российский* государственный исторический архив. Ф. 338 Оп. 1 Д. 1861. Ф. 338. Оп. 1. Д. 6041. Ф. 446. Оп. 26. Д. 17. Ф. 446. Оп. 26. Д. 19.

Литература

1. *Басханов М. К.* История изучения восточных языков в русской императорской армии / М. К. Басханов. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2018. — 632 с.
2. *Гордеев Ю. М.* Оренбургское Неплюевское военное училище во второй половине 1830-х гг. / Ю. М. Гордеев // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. — 2024. — № 2 (50). — С. 177—203. — DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2024.50.11>.
3. *Гордеев Ю. М.* Проблемы основания Оренбургского Неплюевского военного училища в первой четверти XIX в. / Ю. М. Гордеев // Сибскрипт. — 2024. — Т. XXVI. — № 3 (103). — С. 345—361. — DOI: <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-3-345-361>.
4. *Гордеев Ю. М.* «Доставить этому отдалённому краю просвещённых чиновников»: роль П. К. Эссена и П. П. Сухтелена в становлении Оренбургского Неплюевского военного училища (1825—1834 гг.) / Ю. М. Гордеев, А. Ю. Карпинец // Военно-исторический журнал. — 2024. — № 7. — С. 106—116.
5. *Греков Ф. В.* Краткий исторический очерк военно-учебных заведений : 1700—1910 / Ф. В. Греков. — Москва : Тип. Вильде, 1910. — 190 с.
6. *Дорошевич В. М.* Старая театральная Москва. Репринт 1923 / В. М. Дорошевич. — Москва — Берлин : Директ-медиа, 2020. — 187 с.
7. *Лалаев М. С.* Исторический очерк военно-учебных заведений : 1700—1880 / М. С. Лалаев. — Санкт-Петербург : Тип. М. Стасюлевича, 1880. — 283 с.
8. *Матвиевская Г. П.* Оренбургский Неплюевский кадетский корпус. Очерк истории / Г. П. Матвиевская. — Москва : ИД РАЕ, 2016. — 216 с. — ISBN 978-5-91327-397-0.
9. *Мельницкий Н. М.* Сборник сведений о военно-учебных заведениях в России / Н. М. Мельницкий. — Санкт-Петербург : Тип. Главного штаба ЕИВ по военно-учебным заведениям, 1857. — Т. II. — Ч. 4. — 266 с.
10. *Нурмухамедов М. К.* Пушкин, Оренбург и оренбуржцы / М. К. Нурмухамедов. — Ташкент : Фан, 1985. — 63 с.
11. *Романюк С. К.* Из истории московских переулков [Электронный ресурс] // Электронная научная библиотека по истории древнерусской архитектуры. — Мо-

сква, 1988. — Режим доступа : <http://www.rusarch.ru/romanuk1.htm> (дата обращения 10.04.2024).

12. Самигулин И. М. История одной фотографии. Превратности судьбы советника Тургайского областного правления Сулеймана Батыршина / И. М. Самигулин // Историческая этнология. — 2020. — Т. 5. — № 1. — С. 151—179. — DOI: 10.22378/he.2020-5-1.151-179.

13. Семёнов В. Г. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус : история в лицах / В. Г. Семёнов, В. П. Семёнова. — Оренбург : Оренбургское кн. изд-во им. Г. П. Донковцева, 2017. — 591 с. — ISBN 978-5-88788-234-5.

14. Цоффка В. В. Ближнее Подмосковье : Немчиновка / В. В. Цоффка // Русская речь. — 1988. — № 4. — С. 120—122.

15. Цоффка В. В. Немчиновка / В. В. Цоффка // Энциклопедия сёл и деревень Подмосковья : Одинцовская земля. — Москва : Энциклопедия российских деревень, 1994. — 496 с. — ISBN 5.207.00090-X.

Статья поступила в редакцию 21.11.2024,
одобрена после рецензирования 21.02.2025,
подготовлена к публикации 23.04.2025.

Material resources

Dlusskaya, N. N. (1903). Notes of N. G. Zalesov. In: *Russian Antiquity*, CXIV. St. Petersburg: Tip. t-va “Public benefit”. 742 p. (In Russ.).

Ivanov, N. P. (1873). *The Khiva expedition of 1939—40: essays and memoirs of an eyewitness. Practical advice for those leaving for the steppes*. St. Petersburg: Printing house of the Association “Public Benefit”. 212 p. (In Russ.).

LCD “Theater House”. Available at: <https://www.am-gran.ru/projects/zhk-teatralnyi-dom/> - / <https://hals-development.ru/realty/residential> (accessed 04/10/2024). (In Russ.).

Levshin, A. I. (1832). *Description of the Kyrgyz-Kazakh or Kyrgyz-Kaysak hordes and steppes*. Sankt-Peterburg: Tipografiya Karla Kraiya. I: 1—4; II: 1-2. (In Russ.).

Lyovenshtein, G. S. (1890). *Practical index of the city of Moscow with plans of Moscow theaters*. Moscow: G. S. Levenshtein. 65 p. (In Russ.).

Orlov, P. A. (1887). *Index of factories and plants in European Russia and the Kingdom of Poland: materials for factory statistics*. St. Petersburg: V. Kirshbaum Publishing House. 824 p. (In Russ.).

PSZRI — II. *The Complete collection of laws of the Russian Empire. The second meeting*. (1841, 1846). St. Petersburg. (In Russ.).

RGIA — *Russian State Historical Archive*. (In Russ.).

RGVIA — *Russian State Military Historical Archive*. (In Russ.).

VE — *Military encyclopedia, VIII*. (1912). St. Petersburg: Sytina Publishing House. 389 p. (In Russ.).

Zatvornitskiy, N. M. (1909). *The Centenary of the Ministry of War. 1802—1902. Index of biographical information...*, 2. St. Petersburg: P. F. Panteleev Press. 526 p. (In Russ.).

References

Baskhanov, M. K. (2018). *The history of the study of Oriental languages in the Russian Imperial army*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. 632 p. (In Russ.).

Doroshevich, V. M. (2020). *Old theatrical Moscow. Reprint of 1923*. Moscow — Berlin: Direct—Media. 187 p. (In Russ.).

- Gordeev, Yu. M. (2024). Orenburg Neplyuyevsky military College in the second half of the 1830s. *Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University. Electronic scientific Journal*, 2 (50): 177—203. DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2024.50.11>. (In Russ.).
- Gordeev, Yu. M. (2024). Problems of the foundation of the Orenburg Neplyuyevsky military school in the first quarter of the 19th century. *Sibscript*, XXVI / 3 (103): 345—361. DOI: <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-3-345-361>. (In Russ.).
- Gordeev, Yu. M., Karpinets, A. Y. (2024). “To deliver enlightened officials to this remote region”: the role of P. K. Essen and P. P. Sukhtelen in the formation of the Orenburg Neplyuyevsky Military School (1825—1834). *MilitaryHistorical journal*, 7: 106—116. (In Russ.).
- Grekov, F. V. (1910). *A brief historical sketch of military educational institutions: 1700—1910*. Moscow: Type. Wilde. 190 p. (In Russ.).
- Lalaev, M. S. (1880). *Historical sketch of military educational institutions: 1700—1880*. St. Petersburg: M. Stasyulevich Publishing House. 283 p. (In Russ.).
- Matviyevskaya, G. P. (2016). *Orenburg Neplyuyevsky cadet corps. An essay on history*. Moscow: RAE Publishing House. 216 p. ISBN 978-5-91327-397-0. (In Russ.).
- Melnitsky, N. M. (1857). *Collection of information about military educational institutions in Russia*, 2 (4): St. Petersburg: Type. The General Staff of the EIV for military educational institutions. 266 p. (In Russ.).
- Nurmukhamedov, M. K. (1985). *Pushkin, Orenburg and the Orenburg people*. Tashkent: Fan Publ. 63 p. (In Russ.).
- Romanyuk, S. K. (1988). From the history of Moscow lanes. *Electronic scientific library on the history of ancient Russian architecture*. Moscow. Available at: <http://www.ru-sarch.ru/romanuk1.htm> (accessed 04.10.2024). (In Russ.).
- Samigulin, I. M. (2020). The history of one photograph. The vicissitudes of the fate of Su-leiman Batyrshin, adviser to the Turgai regional government. *Historical Ethnology*, 5 (1): 151—179. DOI: 10.22378/he.2020-5-1.151-179. (In Russ.).
- Semenov, V. G., Semenova, V. P. (2017). *Orenburg Neplyuyevsky cadet corps: a history in person*. Orenburg: Orenburg Publishing House named after G. P. Donkovtsev. 591 p. ISBN 978-5-88788-234-5. (In Russ.).
- Zoffka, V. V. (1988). Near Moscow region: Nemchinovka. *Russian speech*, 4: 120—122. (In Russ.).
- Zoffka, V. V. (1994). Nemchinovka. In: *Encyclopedia of villages and villages of the Moscow region: Odintsovo land*. Moscow: Encyclopedia of Russian Villages. 496 p. ISBN 5.207.00090-X. (In Russ.).

*The article was submitted 21.11.2024;
approved after reviewing 21.02.2025;
accepted for publication 23.04.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(3), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Ермаков В. П. Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны : внешнеполитический аспект и взаимодействие с советской властью / В. П. Ермаков, И. Н. Колесников, К. В. Каспарян // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 3. — С. 390—409. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-390-409.

Ermakov, V. P., Kolesnikov, I. N., Kasparyan, K. V. (2025). Russian Orthodox Church during Great Patriotic War: Foreign Policy Aspects and Interaction with Soviet Authority. *Nauchnyi dialog*, 14 (3): 390-409. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-390-409. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

НАУЧНАЯ ОТКРЫТОСТЬ
ИНФОРМАЦИИ

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны : внешнеполитический аспект и взаимодействие с советской властью

Ермаков Виктор Павлович

orcid.org/0000-0002-8906-3774

кандидат исторических наук, профессор,
кафедра исторических и социально-
философских дисциплин,
востоковедения и теологии
ermakov@pgu.ru

Колесников Илья Николаевич

orcid.org/0000-0002-5515-2701

кандидат исторических наук, доцент,
кафедра исторических и социально-
философских дисциплин,
востоковедения и теологии,
корреспондирующий автор
in_kolesnikov@mail.ru

Каспарян Константин Викторович

orcid.org/0000-0002-3982-7713

кандидат исторических наук, профессор,
кафедра исторических и социально-
философских дисциплин,
востоковедения и теологии
kasparyan@pgu.ru

Пятигорский

государственный университет
(Пятигорск, Россия)

Russian Orthodox Church during Great Patriotic War: Foreign Policy Aspects and Interaction with Soviet Authority

Viktor P. Ermakov

orcid.org/0000-0002-8906-3774

PhD in History, Professor,
Department of Historical and Socio-
Philosophical Disciplines,
Oriental Studies, and Theology
ermakov@pgu.ru

Ilya N. Kolesnikov

orcid.org/0000-0002-5515-2701

PhD in History, Associate Professor,
Department of Historical and Socio-
Philosophical Disciplines,
Oriental Studies, and Theology,
corresponding author
in_kolesnikov@mail.ru

Konstantin V. Kasparyan

orcid.org/0000-0002-3982-7713

PhD in History, Professor,
Department of Historical and Socio-
Philosophical Disciplines,
Oriental Studies, and Theology
kasparyan@pgu.ru

Pyatigorsk State University

(Pyatigorsk, Russia)

© Ермаков В. П., Колесников И. Н., Каспарян К. В., 2025

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проанализированы основные направления деятельности Русской православной церкви (РПЦ) в период Великой Отечественной войны. Источниковой базой исследования послужили тексты речей и телеграмм высших православных иерархов, адресованных предстоятелям иностранных единоверных сообществ, советским мирянам и государственным структурам СССР. Проанализировано 25 единиц материала: 5 источников и 20 научных работ. Выявлено, что конфессиональная политика Германии была ориентирована на использование верующих в интересах Третьего рейха, а именно — для создания конфликтной ситуации между советской властью и православным сообществом. Констатируется, что осознание данного факта, репрессии в отношении священников, стремившихся проявлять самостоятельность в отношениях с оккупационным режимом, а также эффективная агитационная политика Московской Патриархии в значительной степени обусловили патриотический характер деятельности священнослужителей и мирян на захваченной гитлеровскими войсками территории СССР. Уделяется внимание конструктивному характеру взаимодействия советского руководства и иерархов РПЦ, содействовавших успешной деятельности Московского патриархата на международной арене. Доказано, что внешнеполитический аспект деятельности РПЦ в 1943—1945 годах оказал содействие в укреплении ее позиций в мире и восстановлении тесных контактов с зарубежными поместными православными церквями.

Ключевые слова:

Русская православная церковь; Великая Отечественная война; церковные приходы; немецкая оккупация; патриотизм; партизаны; настоятели; Русская Православная Церковь Заграницей.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study analyzes the primary directions of the Russian Orthodox Church's (ROC) activities during the Great Patriotic War. The research is grounded in a comprehensive examination of texts including speeches and telegrams from senior Orthodox hierarchs directed to the leaders of foreign Orthodox communities, Soviet laypeople, and state structures of the USSR. A total of 25 sources were analyzed, comprising 5 primary documents and 20 scholarly works. The findings reveal that Germany's confessional policy aimed to exploit believers for the interests of the Third Reich, specifically to create a conflict between the Soviet authorities and the Orthodox community. It is noted that the awareness of this reality, along with the repression of priests who sought independence in their relations with the occupying regime, as well as the effective propaganda strategies employed by the Moscow Patriarchate, significantly influenced the patriotic engagement of clergy and laity in territories occupied by Nazi forces. The constructive nature of the interactions between Soviet leadership and ROC hierarchs is highlighted, which facilitated the successful operation of the Moscow Patriarchate on the international stage. This study demonstrates that the foreign policy aspect of the ROC's activities from 1943 to 1945 contributed to strengthening its global standing and restoring close ties with foreign autocephalous Orthodox churches.

Key words:

Russian Orthodox Church; Great Patriotic War; church parishes; German occupation; patriotism; partisans; clergy; Russian Orthodox Church Outside Russia.

УДК 94(47).084.8+271.2(47)“1941/1945”

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-390-409

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

5.6.2. Всеобщая история

Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны : внешнеполитический аспект и взаимодействие с советской властью

© Ермаков В. П., Колесников И. Н., Каспарян К. В., 2025

1. Введение = Introduction

История борьбы Советского государства против агрессии гитлеровской Германии в 1941—1945 годах предполагает анализ различных аспектов данной проблемы, в том числе роли и специфики деятельности Русской православной церкви (РПЦ) в данный период. При этом большое значение имеет изучение борьбы представителей РПЦ с гитлеровцами на временно оккупированных территориях СССР, а также международного аспекта работы Московского патриархата.

Новизна данного исследования заключается в том, что авторы осуществляют комплексный анализ деятельности православных священнослужителей и верующих на оккупированных германскими войсками территориях, а также рассматривают характерные особенности международной деятельности Русской православной церкви в 1941—1945 годах.

В прошлые эпохи российской истории РПЦ принимала активное и непосредственное участие в борьбе нашей страны с иностранными завоевателями, являясь в годы тяжелых испытаний центром освободительной борьбы русского народа [Кудрина, 2010, с. 3]. Не менее значимым является и сам факт того, что в годы Великой Отечественной войны Русская православная церковь оказывала активную и всемерную помощь Советскому государству вопреки гонениям, обрушившимся на нее после Октябрьской революции 1917 года.

Таким образом, работа над исследованием по данной проблематике позволяет раскрыть гуманистический характер православного христианского учения, а также патриотическую направленность деятельности Русской православной церкви [Берговский, 2014, с. 115]. Важно дать анализ данной составляющей деятельности РПЦ в момент, когда страна оказалась на грани уничтожения германскими захватчиками. Не меньшее значение

имеет и изучение патриотической деятельности православных священнослужителей, оказавшихся в оккупации (их проповедей, призывавших к борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, участию в партизанском и подпольном движении), в том числе и в Ставропольском крае (например, в Пятигорске) [Линец, 2019, с. 150].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В данной статье на базе работы с историческими источниками, а также с привлечением значительного массива научной литературы дан анализ истории Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны, который позволяет сформулировать сравнительные характеристики различных направлений ее деятельности в этот период и установить личный вклад церковных деятелей, как иерархов, так и рядовых священнослужителей, в победу над фашизмом.

Источниковую базу данной темы составляют, в частности, сборники речей и обращений высших иерархов Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны — Сергия (Страгородского) и Алексия (Симанского). Использование подобного типа источников позволяет рассмотреть проблему с точки зрения руководителей и организаторов деятельности Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны.

Анализ корпуса указанных выше источников предоставляет исследователям возможность детально изучить принципы и методы предстоятелей РПЦ в осуществлении диалога с верующими, в данном случае на оккупированной территории, и дать оценку степени эффективности столь сложного процесса.

Для детального анализа данной научной проблемы значимы работы, в которых рассмотрены различные аспекты изучаемой темы.

Непосредственную роль Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны исследуют М. И. Берговский [Берговский, 2014], О. В. Зеленова [Зеленова, 2015], Ю. В. Кудрина [Кудрина, 2010], Д. Ю. Лескин [Лескин, 2019], С. И. Линец [Линец, 2019; Линец, 2022], Б. С. Мартынов [Мартынов, 2008], С. М. Майнер [Miner, 2013], У. Б. Стройен [Stroyen, 2019].

Ряд отечественных и зарубежных специалистов рассматривают выборочно отдельные вопросы, связанные с деятельностью РПЦ в годы Великой Отечественной войны. Например, Л. А. Королева исследует особенности деятельности приходов РПЦ в 1941—1945 годах на примере Пензенской области [Королева, 2016]. В. В. Луканин рассматривает специфические черты взаимоотношений РПЦ с советской пенитенциарной системой во время Великой Отечественной войны и отмечает, что эти отношения в значительной степени улучшились в сравнении с предвоенным периодом

[Луканин, 2015]. М. В. Никулин и Д. Д. Уайнот проводят анализ отношений Московской Патриархии с советскими административными органами [Никулин, 2013; Wynot, 2019].

А. В. Штепа на основе современных научных трудов проводит анализ характерных черт государственно-конфессиональных отношений в период Великой Отечественной войны на примере сотрудничества советских государственных органов с православными приходами на территории Калужской, Орловской и Смоленской областей [Штепа, 2010].

Профессор Г. Н. Рыкун в своей работе приходит к выводу о том, что церковные институты способствуют сохранению исторической памяти о войне 1941—1945 годов [Рыкун, 2020]. В научной статье Д. С. Чекменева прослеживается значение конфессионального фактора в сохранении политической стабильности советского общества в период противостояния гитлеровской Германии [Чекменев, 2023]. Т. А. Чумаченко рассматривает внешнеполитический аспект деятельности РПЦ на завершающем этапе Великой Отечественной войны [Чумаченко, 2007]. Американский исследователь Й. К. Де Граффенрид в своей монографии пишет о гуманистическом характере деятельности православных священнослужителей в вопросах защиты и поддержки советских детей [De Graffenried, 2014].

Отдельно отметим работу историка М. В. Шкаровского, который положительно оценивает сотрудничество некоторых священнослужителей с гитлеровцами на оккупированной советской территории. Однако данный ученый использует в монографии ценный фактологический материал [Шкаровский, 2013].

Целью исследования является определение роли РПЦ в достижении победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов над нацистской Германией. Достижение поставленной цели в данном случае должно быть достигнуто посредством реализации следующих конкретных задач: анализа положения Русской православной церкви на оккупированной советской территории в 1941—1944 годах и изучения международного аспекта деятельности РПЦ в 1941—1945 годах.

Теоретико-методологическая база работы основана на применении следующих методов научного исследования: принципа историзма, позволившего рассмотреть историю Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны в динамике ее развития и в соответствии с конкретно-историческими реалиями того времени; приемов сопоставительного анализа, что обеспечило выявление причин различного подхода советских властей в отношении Церкви в довоенный период и после начала борьбы с гитлеровской Германией; логического и исторического анализа, что предотвратило субъективность оценок тех или иных событий и

явлений, связанных с изучаемой проблематикой; системного и конкретно-исторического подходов, без опоры на которые невозможна качественная обработка большого количества материалов, которые содержатся в исторических источниках и научной литературе, по этой же причине в исследовании было использовано изучение статистических данных; обобщающего и сравнительного методов, а также диалектического подхода, который обеспечивает осмысление научной проблемы с различных, часто полностью противоположных точек зрения.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Положение приходов РПЦ на оккупированной советской территории в 1941—1944 годах

Начальный период Великой Отечественной войны был для Советского Союза периодом тяжелых испытаний. В первые месяцы военных действий войска Красной Армии, несмотря на героическое сопротивление, несли большие потери и вынуждены были отступать, оставляя противнику значительные советские территории [Лескин, 2019, с. 7]. Уже к концу лета 1941 года германскими войсками были захвачены Белоруссия, Украина, прибалтийские республики, Молдавия и значительная часть европейских областей РСФСР [Зеленова, 2015, с. 56].

На оккупированных землях СССР проживали миллионы советских граждан, многие из которых являлись православными священнослужителями или верующими. При этом на данной территории располагалось подавляющее большинство православных храмов Советского государства. Нацистское руководство учитывало этот факт. Идеология гитлеровской Германии являлась антихристианской по своей сущности. Тем не менее, исходя из прагматических соображений, руководители Третьего рейха рассчитывали использовать антицерковную политику советской власти в довоенный период, чтобы привлечь на свою сторону православное духовенство и верующих в захваченных регионах и тем самым внести раскол в советское общество. Необходимость реализации данной стратегии подтверждалась развернутым в тылу немецких войск полномасштабным партизанским движением [Луканин, 2015, с. 35].

Германские войска, несмотря на значительные военные успехи лета-осени 1941 года, несли большие потери в живой силе и военной технике; действия партизан приводили к уничтожению железнодорожных коммуникаций, что замедляло доставку на фронт дополнительных воинских формирований, вооружения и боеприпасов, единиц боевой техники. Действовавшие в городах подпольщики вели агитационную работу и собирали ценные разведывательные данные, которые затем пересылались за линию фронта.

Гитлеровцы надеялись установить контакты с оказавшимися на захваченной ими территории православными иерархами, чтобы использовать их влияние на верующих и склонить их к сотрудничеству с оккупационными властями [Шкаровский, 2013, с. 142]. Для эффективного проведения подобной политики еще до вторжения в Советский Союз А. Гитлер санкционировал создание рейхсминистерства церковных дел.

Стремление привлечь на свою сторону архиереев Русской православной церкви, священников и монахов было обусловлено потребностью заручиться их поддержкой и в лице верующих обрести сотрудников вспомогательной полиции и оккупационных органов управления, бойцов карательных частей, ведущих борьбу с партизанами. Столь же значимой была для нацистов цель привлечь верующих крестьян и работников промышленности к работе на Третий рейх [Луканин, 2015, с. 36].

Активность оккупационных властей в религиозном вопросе стала проявляться с первых дней войны. Немецкое командование декларировало свое нападение на СССР как крестовый поход против «безбожного большевистского режима», борьбу за освобождение народа и возрождение религии в стране. В оставленных войсками Красной Армии городах и селах стали восстанавливаться храмы и монастыри. Только на захваченных территориях РСФСР возобновились службы в двух с лишним тысячах храмов. Всего за 3 года на занятой гитлеровцами территории восстановлено около 9400 церквей, более 40 % от их дореволюционного количества [Штепа, 2010, с. 35].

В частности, на территории восстановленной гитлеровцами Ставропольской епархии с конца лета 1942 года открывались заброшенные храмы. Так, в Ворошиловске (Ставрополе) открылись Крестовоздвиженская и Преображенская церкви; в Пятигорске в сентябре 1942 года было возобновлено постоянное богослужение в Кладбищенской (Лазаревской) церкви и церкви Михаила Архангела. Кроме того, в храм были возвращены из городского музея конфискованные иконы; в городе начала работу артель живописцев, которая приступила к созданию новых иконописных работ.

При этом германское командование не оказывало верующим материальной помощи на восстановление и функционирование храмов и монастырей. Местная оккупационная гражданская администрация, равно как и представители немецких вооруженных сил, не препятствовали священнослужителям и мирянам открывать соборы, церкви и монашеские обители. Однако данный процесс, согласно директиве генерал-фельдмаршала В. Кейтеля от 6 августа 1941 года, должен был осуществляться на средства самих православных граждан, без какой-либо помощи со стороны комендатур.

В том же Пятигорске Лазаревская церковь была восстановлена самими верующими; они же провели сбор религиозной литературы и инвентаря, необходимого для отправления богослужения, обратившись с этой целью ко всем жителям города [Линец, 2022, с. 225].

Также немецким военным служащим и представителям гражданского населения Третьего рейха было запрещено посещать богослужения в православных храмах. В свою очередь, православным (в том числе и немецкого происхождения) запрещалось посещать молебны, осуществлявшиеся в германских частях, во избежание контактов между различными христианскими конфессиями. Помимо рейхсминистерства по церковным делам, взаимоотношениями с Русской православной церковью занималось созданное уже после нападения на Советский Союз рейхсминистерство по управлению по делам так называемых восточных территорий (то есть захваченных советских регионов).

Данное ведомство возглавил второй по значимости, после самого А. Гитлера, идеолог нацизма А. Розенберг, выходец из остзейских (прибалтийских) немцев, бывший подданный Российской империи, который имел весьма специфические взгляды на конфессиональную политику. Разделяя взгляды фюрера по поводу христианства, он полагал, что до окончательной победы над СССР необходимо расширять сотрудничество с иерархами Русской православной церкви, которые впоследствии подлежали безоговорочному уничтожению [Никулин, 2013, с. 177].

В то же время А. Розенберг предлагал (на период военных действий) объявить политику веротерпимости и не позволить православию укрепить свое лидирующее положение. А. Гитлер при этом выражал недовольство действиями своего помощника. Его концепция существенно отличалась от предложений рейхсминистра, и он решительным образом возражал против создания централизованного управления Русской православной церкви [Miner, 2013, p. 86]. По идее нацистского фюрера, среди православных необходимо было поощрять всевозможные сектантские настроения, вплоть до появления в каждом русском населенном пункте своего собственного религиозного культа, идентичного языческим верованиям народов Крайнего Севера или африканских племен. По замыслу А. Гитлера, это привело бы к полной дезинтеграции русского народа и его упадку, что позволило бы нацистам предотвратить его возрождение в будущем [Линец, 2019, с. 151].

Следуя распоряжению правителя Третьего рейха, А. Розенберг распорядился разделить все конфессиональные группы по этническому и территориальному признаку на минимальные единицы. В особенности эта директива касалась Русской православной церкви, которую рейхсминистр рассматривал (и не без оснований) в качестве носительницы многовековых державных

идей российской государственности. Он обращал внимание своих сотрудников на то, что религиозную свободу для покоренных народов Третий рейх допускает временно. Впоследствии, как отмечал А. Розенберг, христианский крест должен быть заменен свастикой во всех соборах, церквях и часовнях.

Особое внимание предписывалось уделять детям из православных семей. На время войны официальным распоряжением германских властей в занятых ими городах и селах возобновили свою работу среднеобразовательные школы, в которых преподавание Закона Божьего объявлялось обязательным [Богданова и др., 2022, с. 301].

Однако, по предписанию рейхсминистра по делам восточных территорий, которое не предавалось огласке среди жителей захваченных областей, в будущем, после ожидавшейся в Берлине победы над СССР, новое поколение учащихся не должно было получать начального церковного образования и не могло обладать даже общими представлениями о православной вере. Чиновники, допускающие открытие церковно-приходских школ в покоренной стране, должны были осуждаться «по всей строгости» законов Третьего рейха [Лескин, 2019, с. 9].

Тем не менее активная позиция церковных иерархов на оккупированных территориях и всемерная поддержка, которую им оказывала православная паства, вынудили германское командование предоставить архиереям право управления православными приходами, оказавшимися под их контролем [Чумаченко, 2007, с. 92].

На территории рейхскомиссариата Остланд (в оккупированной Прибалтике) свое положение сохранил патриарший экзарх Латвии и Эстонии митрополит Виленский и Литовский Сергей (Воскресенский). Он приложил большие усилия к восстановлению православных приходов в прибалтийском регионе и Северо-Западной России. В частности, благодаря экзарху Сергию была восстановлена Псковская епархия [Stroyen, 2019, p. 119].

Однако его самостоятельная позиция по ключевым аспектам управления приходами, отказ опротестовать избрание местоблюстителя Сергия (Страгородского) Патриархом Московским и Всея Руси в 1943 году и поминать в богослужениях А. Гитлера вызвали резкое недовольство со стороны гитлеровского руководства. Также в Берлине вызывало раздражение его принципиальное противодействие сепаратистским тенденциям, проявившимся в среде политической и духовной элиты народов Прибалтики. Экзарх Сергей был, по общепризнанной версии, убит в апреле 1944 года агентами гестапо или литовскими националистами [Мартынов, 2008, с. 24].

Московский Патриархат со своей стороны прилагал все возможные усилия для того, чтобы убедить православных священнослужителей и мирян, оказавшихся в оккупации, в необходимости борьбы с гитлеровцами.

Так, 28 марта 1942 года местоблюститель Патриаршего престола митрополит Сергей в обращении к православным оккупированных территорий отметил, что христиане, являющиеся пособниками захватчиков, даже в случае покаяния не принимаются в разряд кающихся до особого решения Архиерейского Собора [Сергий ..., 28 марта 1942].

В особом воззвании к священнослужителям и их пастве в Прибалтике местоблюститель Сергей осудил экзарха Сергия и его соратников за пособничество режиму, считающему славян низшей расой, и привел в пример многочисленных белогвардейцев-эмигрантов, забывших о вражде с советской властью и вступивших в борьбу с нацизмом в Европе [Сергий ..., 22 сентября 1942].

В апреле 1943 года Алексей, митрополит Ленинградский, в своем обращении к жителям епархии, еще удерживаемым противником, напомнил о том, что немцы осуществляли попытки захватить русские земли еще во времена Александра Невского, но неизменно терпели поражение. Решение Собора епископов, созванного в марте 1943 в Ульяновске, осудившего архиереев, вставших на путь сотрудничества с гитлеровцами, существенно сократило общие масштабы коллаборационизма в среде православных на оккупированных территориях. Оно во многом способствовало тому, что большинство попавших в оккупацию рядовых священников сохраняли верность Родине, помогали партизанам, укрывали мирных жителей от репрессий гитлеровцев, вели разъяснительную работу среди населения и сражались в партизанских отрядах. Десятки православных священнослужителей были награждены за свой героизм [Алексий, митрополит Ленинградский, 25 апреля 1943].

Среди наиболее выдающихся примеров героического служения следует отметить священника Федора Пузанова из Псковской епархии — Георгиевского кавалера Первой мировой войны, ставшего разведчиком партизанского отряда и пожертвовавшего всем своим имуществом ради борьбы с оккупантами [Зеленова, 2015, с. 58].

Не менее славным примером является деятельность священника Василия Копычко, настоятеля Успенской Одржинской церкви (Пинская область Белорусской ССР), тайно оповещавшего свою паству о наставлениях Местоблюстителя (а позднее — Патриарха Сергия) и ставшего разведчиком в партизанском отряде.

Патриотическая деятельность священников нещадно каралась оккупантами. Так, еще в сентябре 1941 года за оглашение в храмах посланий Местоблюстителя Сергия в Симферополе были расстреляны нацистами протоиерей Николай Швец, дьякон Александр Бондаренко и старец Викентий; в Киеве были казнены по той же причине архимандрит Александр

(Вишняков), настоятель Николо-Набережной церкви и протоиерей Павел Остренский [Шкаровский, 2013, с. 208].

После жестоких пыток в Пятигорске осенью 1942 года был казнен гестаповцами священник Лазаревской церкви Василий Геккель, передававший ценные сведения советской разведке и укрывавший раненых красноармейцев [Луканин, 2015, с. 37].

Общее количество погибших в оккупации священнослужителей до сих пор не установлено; фашистское нашествие привело к разрушению 1670 православных храмов и 69 часовен; нацистами было расхищено и увезено в Германию большое количество ценной церковной утвари, извлеченной из храмов или музеев.

3.2. Международный аспект деятельности Русской православной церкви в 1941—1945 годах

Положительные изменения, наступившие в двусторонних отношениях между Советским государством и Русской православной церковью в начале Великой Отечественной войны, оказали воздействие на международное положение Московской Патриархии, которая получила возможность возобновить свои международные контакты с зарубежными поместными Церквями [Мартынов, 2008, с. 25].

Также, что не менее важно, новый этап государственно-конфессиональных отношений позволил Московскому Патриархату вступить в диалог с Русской православной церковью за границей (РПЦЗ).

Возникновение РПЦЗ было связано с катастрофой, постигшей российское общество в 1917—1922 годах, — революционными потрясениями, повлекшими за собой братоубийственную гражданскую войну, унесшую жизни тринадцати миллионов человек.

Кроме того, Россию покинуло около двух миллионов военнослужащих Белой Армии, священнослужителей и прочих лиц, не желавших оставаться под большевистской властью [Шкаровский, 2013, с. 211].

Уже в 1920 году оказавшиеся за рубежом священнослужители и православные миряне объединились в Высшее Русское Церковное управление за границей (ВРЦУЗ). Его основателями являлись митрополит Киевский Антоний (Храповицкий), митрополит Одесский Платон (Рождественский), архиепископ Полтавский Феофан (Быстров), епископ Севастопольский Вениамин (Федченков).

В подчинение ВРЦУЗ вошли православные миссии в Иране, Китае, Корее и Палестине; под юрисдикцией Заграничной церкви до ноября 1922 года (то есть до окончательного захвата Дальнего Востока большевиками) оставались приходы Владивостокской епархии и на территории Маньчжурии.

В то же время православные епархии на территории Финляндии, Польши, Латвии, Литвы и Эстонии — бывших провинций Российской империи — не вошли в подчинение Высшего Русского Церковного управления за границей под давлением политического руководства государств, на территории которых они были расположены.

Позднее в Сремских Карловицах (Чехословакия) приступил к работе Архиерейский Собор, который стал главным органом управления Русской православной церкви за границей [Stroyen, 2019, p. 181].

В 1920—1930-х годах ВРЦУЗ не удалось консолидировать все заграничные православные приходы под своим руководством. В частности, не присоединилась к централизованной церковной организации Архиепископия западноевропейских приходов во главе с митрополитом Евлогием (Георгиевским). Митрополит Евлогий мотивировал свою позицию, поддержанную его сторонниками, несогласием с разрывом ВРЦУЗ отношений с Московским Патриархатом, готовым к компромиссу с советской властью.

Позднее, в 1931 году обострение отношений Высшего Русского церковного управления за границей и Московской Патриархии привели к переходу Архиепископии западноевропейских приходов под юрисдикцию Константинопольского Патриарха [Wynot, 2019, p. 109].

Отказалась подчиниться ВРЦУЗ и Северо-Американская митрополия, возглавляемая митрополитом Платоном (Рождественским). При этом положение Северо-Американской митрополии осложнилось после создания в 1933 году на территории США и Канады экзархата Московской Патриархии во главе с архиепископом, а позднее митрополитом Вениамином (Федченковым). Это обстоятельство вынудило преемника митрополита Платона — митрополита Феофила (Пашковского) вернуться под юрисдикцию Архиерейского Собора в Сремских Карловицах (Чехословакия).

Нацисты принимали во внимание высокий уровень враждебности, который по объективным причинам испытывали по отношению к советской власти русские эмигранты, включая церковных архиереев, и рассчитывали использовать их в своей пропагандистской кампании против СССР и Московского Патриархата.

Намерение гитлеровцев подкреплялось тем, что заграничные православные иерархи в Европе единодушно поддерживали нападение Германии на Советский Союз и возносили молебны за победу немецкого оружия над большевиками. Местоблюстителя Сергия и других православных иерархов Русской православной церкви, занявших патриотическую позицию, они именovali изменниками православной веры.

Иерархи РПЦЗ положительно относились к той части белого офицерства и казачества, которая проживала в эмиграции в Европе и активно сотрудничала

с гитлеровцами, сражаясь с бойцами Сопротивления по всей Европе [Stroyen, 2019, p. 179]. При этом казаки под командованием генерала П. М. Краснова, бывшего атамана Войска Донского, уничтожили тысячи православных сербов, сражавшихся с гитлеровскими оккупантами на территории Югославии.

Заграничные архиереи, как и большинство рядовых клириков, благоклонно отнеслись к военным служащим Красной Армии, попавшим в плен и перешедшим на службу к нацистам в составе созданных Берлином коллаборационистских воинских формирований.

К примеру, они выказывали сочувствие так называемой Русской Освободительной Народной Армии (РОНА), состоявшей из репрессированных большевиками зажиточных крестьян (кулаков). На совести РОНА были десятки тысяч жизней убитых советских граждан (многие из которых являлись православными верующими) на территории Орловской и Брянской областей [Берговский, 2014, с. 116].

Еще большую поддержку со стороны РПЦЗ получила так называемая Русская Освободительная Армия (РОА), чей командующий, бывший советский генерал-лейтенант А. А. Власов неоднократно общался с высшими заграничными архиереями и посещал организованные ими богослужения.

В то же время Русская православная церковь за границей рассматривалась в гитлеровской Германии таким же временным инструментом влияния, как и православные священнослужители на оккупированной советской территории. Намерения заграничных иерархов создать на захваченных гитлеровскими войсками территориях свои приходы, неподконтрольные Московскому Патриархату, соответствовали намерениям официального Берлина [Там же, с. 59].

В первоначальные планы гитлеровского руководства (после завоевания СССР) входило создание автокефальной Германской православной церкви, в подчинении которой должны были оказаться православные приходы на территории самой Германии и стран Балканского полуострова.

Германская церковь должна была служить, по планам А. Гитлера и его окружения, противовесом для Московской Патриархии и одним из факторов для будущей ликвидации единой Русской православной церкви, которая должна была разделиться на десятки враждующих между собой псевдоправославных течений [Зеленова, 2015, с. 60].

Позиция Русской православной церкви за границей в годы Великой Отечественной войны заслуживает критических оценок еще по одной причине: негативную окраску приобрела позиция зарубежных иерархов, поддержавших высказывания представителей Ватикана о территории Советского Союза как о религиозной пустыне, в которой не осталось истинно верующих граждан [Stroyen, 2019, p. 196].

В СССР, несмотря на все усилия большевиков, миллионы православных, даже в регионах, лишенных какого-либо отправления религиозных богослужений, сохранили твердость в вере. Следует учесть еще один отрицательный фактор деятельности РПЦЗ: это солидаризация с католической церковью — исконным врагом православной веры, активно сотрудничавшим с фашистской Италией. Это не могло не нести вред Русской православной церкви и вызвало заслуженное осуждение со стороны Московского Патриархата [Богданова и др., 2022, с. 241].

Также Патриарх Сергей подверг критике поддержку, оказываемую заграничными православными иерархами коллаборационистам и пошедшим на сотрудничество с нацистами белым эмигрантам. Позиция данных лиц мало отличалась от действий изменников Родины и православной веры прошлых эпох — боярина Твердилы Ивановича, князя Михаила Александровича Тверского, князя Андрея Курбского, членов Семибоярщины, поставивших свои личные обиды или корыстные мотивы выше служения Родине [Чекменев, 2023, с. 45].

Обращения Предстоятеля Русской православной церкви к представителям русской эмиграции привели к тому, что тысячи колеблющихся священнослужителей, офицеров и гражданских мирян в европейских странах вступили на путь борьбы с гитлеровскими захватчиками [Зеленова, 2015, с. 61].

При этом во многом благодаря активным действиям экзарха Северной Америки, митрополита Вениамина (Федченкова) Северо-Американская митрополия отказалась одобрить действия Архиерейского Собора Русской православной церкви за границей и заявила о своем намерении возвратиться под юрисдикцию Московского Патриархата. Хотя данного воссоединения до конца Второй мировой войны не произошло, был установлен конструктивный диалог между Патриархией и североамериканскими приходами [Stroyen, 2019, p. 208].

Московский Патриархат выражал поддержку и сочувствие клирикам Японской православной церкви, основанной еще в дореволюционный период и после прихода к власти в России большевиков объявившей о своей самостоятельности (в ее подчинение перешла и православная миссия в Корее). Японское правительство, состоявшее в военном союзе с Третьим рейхом, подвергало гонениям японских православных, отказавшихся поддерживать пропагандистскую кампанию, начатую в странах «оси» против Русской православной церкви.

По обвинению в шпионаже в пользу СССР в мае 1945 года был помещен под домашний арест митрополит Токийский Сергей (Тихомиров), который еще с июня 1941 года возносил молитвы за победу русского оружия. Жестокое обращение со стороны японских властей привело к его смерти в августе

1945 года. Тысячи японских православных священнослужителей и мирян погибли в тюрьмах японской тайной полиции «кэмпэйтэй» (служба безопасности Сухопутных войск Японской империи в период 1881—1945 годов) или под бомбежками американской авиации [Чумаченко, 2007, с. 94].

В 1943 году, после наступления коренного перелома в Великой Отечественной войне, во внешнеполитическую стратегию СССР был включен религиозно-конфессиональный компонент. Это решение, по мнению И. В. Сталина, должно было вызвать одобрение в США и Великобритании, укрепить отношения Советского Союза с православными балканскими народами (сербам, черногорцам), которые вели героическую борьбу с германскими оккупантами и их пособниками — усташами — хорватскими ультра-католическими военными формированиями [De Graffenried, 2014, p. 37].

Народный комиссар иностранных дел В. М. Молотов с 1943 года курировал международную деятельность Московского Патриархата. Его вмешательство ограничивало свободу маневра Патриарха Сергия; тем не менее к февралю 1944 года все главы Восточных Православных церквей и других официальных христианских конфессий признали Патриарха Сергия первосвятителем Русской православной церкви.

Уход из жизни Предстоятеля Сергия 15 мая 1944 года вызвал необходимость выбора нового патриарха. Советское руководство поддержало идею Местоблюстителя Алексия призвать на Поместный Собор иерархов Восточных церквей для демонстрации единства Вселенской православной церкви и подчеркнуть международную значимость данного события [Чумаченко, 2007, с. 95].

В результате в работе Поместного Собора 31 января и 2 февраля 1945 года приняли участие двести четыре иностранных православных архиерея [Королева, 2016, с. 72]. В их число вошли Патриархи Александрийский и Антиохийский, представители Константинопольского и Иерусалимского Патриархатов, делегации Румынской и Сербской церквей [Известительные телеграммы ..., 1945, с. 18].

31 января 1945 года было принято «Положение об управлении Русской православной Церковью». 2 февраля 1945 года местоблюститель Патриаршего престола Алексий был избран Патриархом Московским и всея Руси [Письма патриарха ..., 2009, с. 75].

По распоряжению И. В. Сталина из государственного бюджета были выделены значительные финансовые средства на организацию Собора и встречу зарубежных гостей. По мнению главы СССР, данное мероприятие, по своим масштабам и уровню организации, должно было продемонстрировать тесное сотрудничество советской власти и Русской Церкви и напомнить о ее главенствующей роли в православном мире [Зеленова, 2015, с. 62].

Данный план («Московская Патриархия — центр православия») обсуждался еще осенью 1944 года. Расчеты И. В. Сталина во многом оправдались и нашли поддержку у архиереев Болгарской, Румынской, Сербской и Восточной церквей [Чумаченко, 2007, с. 98]. В мае 1945 года впервые в истории РПЦ ее предстоятель совершил паломничество в Святую землю: Патриарх Алексий посетил Палестину, Ливан, Сирию и Египет [Рыкун, 2020, с. 50].

К концу Великой Отечественной войны под юрисдикцию Московского Патриархата были возвращены около трехсот православных приходов, три митрополита, семнадцать архиепископов и архиепископов; восстановлены отношения со всеми автокефальными православными церквями [Берговский, 2014, с. 117].

4. Заключение = Conclusions

Политика властей Третьего рейха по отношению к православию на захваченных территориях, связанная с разрешением восстановления храмов и монастырей и свободным отправлением богослужения, носила временный характер и не отражала истинных намерений нацистов в отношении Русской православной церкви, которую они воспринимали как потенциальный центр народного сопротивления. Ярким примером, подтверждающим этот тезис, стала трагическая судьба экзарха Сергия, не желавшего служить послушным орудием в руках оккупантов.

Положение православных священнослужителей и мирян на территориях, оккупированных гитлеровцами, было сложным и неоднозначным. С одной стороны, конкретные действия оккупантов, объявивших о свободе вероисповедания, резко контрастировали с конфессиональной политикой большевиков с 1917 по 1941 годы, что не могло не наталкивать определенную часть клира и верующих на мысли о сотрудничестве с немцами. С другой стороны, воззвания местоблюстителя Сергия и других архиереев напоминали о необходимости борьбы с врагом.

В результате значительной частью паствы было отдано предпочтение патриотической точке зрения; священнослужители и миряне приняли активное участие в партизанском и подпольном движении; многие погибли, защищая Родину и православную веру.

Положительные изменения в церковной политике советской власти в начале Великой Отечественной войны привели к возобновлению международного направления работы Московского Патриархата. Однако данный аспект деятельности Русской православной церкви в 1941—1945 годах был осложнен враждебной позицией, которую заняли европейские иерархи Русской православной церкви за границей, принявшие сторону гитлеровской Германии и ее пособников из числа эмигрантов и советских граждан.

Тем не менее усилия, предпринятые патриархом Сергием и его окружением, способствовали переходу значительной части русской эмиграции к борьбе с нацизмом. Кроме того, они во многом обусловили патриотическую позицию русских православных иерархов в Северной Америке и Японии.

В 1943—1945 годах Русская православная церковь восстановила свой международный авторитет и возобновила контакты с автокефальными православными церквями.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Алексий*, митрополит Ленинградский. Пасхальное послание к пастве на оккупированной территории Ленинградской области. 25 апреля 1943 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.sedmitza.ru/lib/text/439952/> (дата обращения 29.09.2024).

2. *Известительные* телеграммы Патриарха Алексия восточным Патриархам и телеграммы восточных Патриархов Патриарху Алексию / Телеграммы Патриархов // Журнал Московской Патриархии. — 1945. — № 2 (Февраль). — С. 18—19.

3. *Письма* патриарха Алексия I в Совет по делам Русской Православной церкви при Совете народных комиссаров — Совете Министров СССР. 1945—1970. Сборник документов / под ред. Н. А. Кривовой. — Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. — Т. 1. — 847 с. — ISBN 978-5-8243-1284-3.

4. *Сергий*, митрополит Московский и Коломенский, патриарший местоблюститель. Послание к православным людям временно оккупированной немцами территории. 28 марта 1942 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.sedmitza.ru/lib/text/439907/> (дата обращения 22.10.2024).

5. *Сергий*, митрополит Московский и Коломенский, патриарший местоблюститель. Послание чадам нашей Православной Русской Церкви обитающим в Литве, Латвии и Эстонии. 22 сентября 1942 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.sedmitza.ru/lib/text/439922/> (дата обращения 21.10.2024).

Литература

1. *Берговский М. И.* Русская православная церковь — организатор всенародной помощи фронту в годы Великой отечественной войны (по материалам Тульской области) / М. И. Берговский // Научно-информационный журнал Армия и общество. — 2014. — № 2(39). — С. 113—118.

2. *Богданова Э. Н.* Апологетика монотеизма / Э. Н. Богданова, Ю. Ю. Гранкин, Р. М. Мухаметшин. — Пятигорск : Пятигорский государственный университет, 2022. — 515 с. — ISBN 978-5-4220-1360-9.

3. *Зеленова О. В.* Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны / О. В. Зеленова // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2015. — Т. 8., № 3 — С. 52—63.

4. *Королева Л. А.* Русская Православная церковь в годы Великой Отечественной войны (по материалам Пензенского региона) / Л. А. Королева // Образование и наука в современном мире. Инновации. — 2016. — № 6—2. — С. 70—76.
5. *Кудрина Ю. В.* Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны / Ю. В. Кудрина // Электронный научно-образовательный журнал «История». — 2010. — № 2. — С. 3—4.
6. *Лескин Д. Ю.* Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны / Д. Ю. Лескин // Поволжский вестник науки. — 2019. — № 4 (14). — С. 6—11.
7. *Линец С. И.* «Открывайте церкви и мечети!» : немецкий оккупационный режим и религиозные конфессии на Северном Кавказе в период Великой Отечественной войны (1942—1943 гг.) / С. И. Линец, О. Б. Маслова, М. В. Рутковская // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : История и политические науки. — 2019. — № 2. — С. 142—154. — DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-142-154.
8. *Линец С. И.* Состояние религиозного вопроса в городах Кавказских Минеральных вод при немецком оккупационном режиме в 1942—1943 годы / С. И. Линец, Ю. Ю. Клычников, С. С. Лазарян // Известия Воронежского государственного педагогического университета. — 2022. — № 4 (297). — С. 221—227. — DOI: 10.47438/2309-7078_2022_4_221.
9. *Луканин В. В.* Исправительно-трудовая система СССР и Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны / В. В. Луканин // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». — 2015. — № 5. — С. 34—39.
10. *Мартынов Б. С.* Изменение в правовом статусе РПЦ в годы войны / Б. С. Мартынов // Военно-юридический журнал. — 2008. — № 12. — С. 23—27.
11. *Никулин М. В.* Кардинальное изменение политики государства к РПЦ в годы Великой Отечественной войны / М. В. Никулин // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. — 2013. — № 4. — С. 173—181.
12. *Рыкун Г. Н.* Сохранение памяти о победе над фашизмом : уроки истории и вызовы современности / Г. Н. Рыкун, И. Н. Колесников // Вопросы истории. — 2020. — № 5. — С. 42—50. — DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202005Statyi03.
13. *Чекменев Д. С.* Общественно-политический потенциал православных религиозных организаций как акторов общественно-политического дискурса / Д. С. Чекменев, Э. Н. Богданова, С. К. Осипов // Вестник Пятигорского государственного университета. — 2023. — № 1. — С. 42—46. — DOI: 10.53531/25420747_2023_1_42.
14. *Чумаченко Т. А.* В русле внешней политики Советского государства : Московская Патриархия на международной арене в 1943—1948 годы / Т. А. Чумаченко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : История России. — 2007. — № 1. — С. 89—99.
15. *Шкаровский М. В.* Церковь против большевизма. Митрополит Сергей (Вознесенский) и Экзарх Московской Патриархии в Прибалтике, 1941—1944 годы / М. В. Шкаровский, И. Н. Соловьев. — Москва : Общество любителей церковной истории, 2013. — 345 с.
16. *Штепа А. В.* Русская Православная Церковь и советское государство в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. (на примере Калужской, Орловской, Смоленской областей) / А. В. Штепа // Вестник Калужского университета. — 2010. — № 2. — С. 32—42.

17. De Graffenried J. K. *Sacrificing Childhood : Children and the Soviet State in the Great Patriotic War* / J. K. De Graffenried. — Lawrence : University Press of Kansas, 2014. — 231 p.
18. Miner S. M. *Stalin's Holy War: Religion, Nationalism, and Alliance Politics, 1941—1945* / S. M. Miner. — Chapel Hill : The University of North Carolina Press, 2013. — 418 p.
19. Stroyen W. B. *Communist Russia and the Russian Orthodox Church, 1943—1962* / W. B. Stroyen. — Washington : Washington D. C. Catholic U of America Press, 2019. — 237 p.
20. Wýnot J. J. *Keeping the Faith : Russian Orthodox Monasticism in the Soviet Union, 1917—1939* / J. J. Wynot. — College Station : Texas A&M University Press, 2019. — 256 p.

*Статья поступила в редакцию 05.11.2024,
одобрена после рецензирования 09.12.2024,
подготовлена к публикации 11.04.2025.*

Material resources

- Alexiy, Metropolitan of Leningrad. *Easter message to the flock in the occupied territory of the Leningrad region. April 25, 1943.* Available at: <http://www.sedmitza.ru/lib/text/439952/> (accessed 29.09.2024). (In Russ.).
- Krivova, N. A. (ed.). (2009). *Letters from Patriarch Alexy I to the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church under the Council of People's Commissars — Council of Ministers of the USSR. 1945—1970. Collection of documents, 1.* Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 847 p. ISBN 978-5-8243-1284-3. (In Russ.).
- Sergius, Metropolitan of Moscow and Kolomna, Patriarchal locum tenens. *A message to the Orthodox people of the territory temporarily occupied by the Germans. March 28, 1942.* Available at: <http://www.sedmitza.ru/lib/text/439907/> (accessed 22.10.2024). (In Russ.).
- Sergius, Metropolitan of Moscow and Kolomna, Patriarchal Locum tenens. *A message to the children of our Orthodox Russian Church living in Lithuania, Latvia and Estonia. September 22, 1942.* Available at: <http://www.sedmitza.ru/lib/text/439922/> (accessed 21.10.2024). (In Russ.).
- Telegrams of Patriarch Alexy to the Eastern Patriarchs and telegrams of the Eastern Patriarchs to Patriarch Alexy. (1945). *Journal of the Moscow Patriarchate*, 2: 18—19. (In Russ.).

References

- Bergovsky, M. I. (2014). The Russian Orthodox Church — the organizer of nationwide aid to the front during the Great Patriotic War (based on materials from the Tula region). *Scientific and information journal Army and Society*, 2(39): 113–118. (In Russ.).
- Bogdanova, E. N., Grankin, Y. Y., Mukhametshin, R. M. (2022). *Apologetics of monotheism.* Pyatigorsk: Pyatigorsk State University. 515 p. ISBN 978-5-4220-1360-9. (In Russ.).
- Chekmenov, D. S., Bogdanova, E. N., Osipov, S. K. (2023). Socio-political potential of Orthodox religious organizations as actors of socio-political discourse. *Bulletin of Pyatigorsk State University*, 1: 42—46. DOI: 10.53531/25420747_2023_1_42. (In Russ.).
- Chumachenko, T. A. (2007). In line with the foreign policy of the Soviet state: The Moscow Patriarchate in the international arena in 1943—1948. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: The History of Russia*, 1: 89—99. (In Russ.).
- De Graffenried, J. K. (2014). *Sacrificing Childhood: Children and the Soviet State in the Great Patriotic War.* Lawrence: University Press of Kansas. 231 p.

- Korolyova, L. A. (2016). Russian Orthodox Church during the Great Patriotic War (based on materials from the Penza region). *Education and Science in the Modern World. Innovations*, 6-2: 70-76. (In Russ.).
- Kudrina, Yu. V. (2010). Russian Orthodox Church during the Great Patriotic War. *Electronic scientific and educational journal "History"*, 2: 3-4. (In Russ.).
- Leskin D. Yu. (2019). Russian Orthodox Church during the Great Patriotic War. *Volga Region Bulletin of Science*, 4(14): 6-11. (In Russ.).
- Linets, S. I., Klychnikov, Yu. Y., Lazaryan, S. S. (2022). The state of the religious issue in the cities of Caucasian Mineral Waters under the German occupation regime in 1942—1943. *Proceedings of the Voronezh State Pedagogical University*, 4 (297): 221—227. DOI: 10.47438/2309-7078_2022_4_221. (In Russ.).
- Linets, S. I., Maslova, O. B., Rutkovskaya, M. V. (2019). “Open churches and mosques!”: the German occupation regime and religious denominations in the North Caucasus during the Great Patriotic War (1942—1943). *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences*, 2: 142—154. DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-142-154. (In Russ.).
- Lukanin, V. V. (2015). Correctional Labor System of the USSR and the Russian Orthodox Church during the Great Patriotic War. *Bulletin of the public research laboratory "Interaction of the penal system with civil society institutions: historical, legal and theoretical and methodological aspects"*, 5: 34-39. (In Russ.).
- Martynov, B. S. (2008). Change in the legal status of the Russian Orthodox Church during the war. *Military Law Journal*, 12: 23—27. (In Russ.).
- Miner, S. M. (2013). *Stalin's Holy War: Religion, Nationalism, and Alliance Politics, 1941—1945*. Chapel Hill: The University of North Carolina Press. 418 p.
- Nikulin, M. V. (2013). Cardinal change in state policy towards the Russian Orthodox Church during the Great Patriotic War. *Proceedings of the Tula State university. Humanities*, 4: 173—181. (In Russ.).
- Rykun, G. N., Kolesnikov, I. N. (2020). Preservation of the memory of the victory over fascism: lessons of history and challenges of modernity. *Questions of History*, 5: 42—50. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202005Statyi03. (In Russ.).
- Shkarovsky, M. V., Solovyov, I. N. (2013). *The Church against Bolshevism. Metropolitan Sergius (Voznesensky) and the Exarchate of the Moscow Patriarchate in the Baltic States, 1941—1944*. Moscow: Society of Lovers of Church History. 345 p. (In Russ.).
- Shtepa, A. V. (2010). Russian Orthodox Church and the Soviet State during the Great Patriotic War of 1941-1945 (based on the example of the Kaluga, Oryol, and Smolensk regions). *Bulletin of Kaluga University*, 2: 32-42. (In Russ.).
- Stroyen, W. B. (2019). *Communist Russia and the Russian Orthodox Church, 1943—1962*. Washington: Washington D. C. Catholic U of America Press. 237 p. (In Russ.).
- Wynot, J. J. (2019). *Keeping the Faith: Russian Orthodox Monasticism in the Soviet Union, 1917—1939*. College Station: Texas A&M University Press. 256 p.
- Zelenova, O. V. (2015). The Russian Orthodox Church during the Great Patriotic War. *Con-tours of global transformations: politics, economics, law*, 8, 3: 52—63. (In Russ.).

*The article was submitted 05.11.2024;
approved after reviewing 09.12.2024;
accepted for publication 11.04.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(3), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Завьялова О. О. Славянский вопрос в общественном дискурсе России 1860—1870-х годов (по материалам газеты «Новое время») / О. О. Завьялова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 3. — С. 410—429. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-410-429.

Zavyalova, O. O. (2025). Slavic Question in Public Discourse of Russia in 1860s and 1870s (Materials from Newspaper “Novoe Vremya”). *Nauchnyi dialog*, 14 (3): 410-429. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-410-429. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Славянский вопрос в общественном дискурсе России 1860—1870-х годов (по материалам газеты «Новое время»)

Завьялова Оксана Олеговна^{1,2}

orcid.org/0000-0002-5219-958X

кандидат исторических наук,

¹ кафедра отечественной истории
Средних веков и Нового времени;

² старший научный сотрудник,
Институт истории
zavyalova@sfedu.ru

¹ Южный федеральный университет
(Ростов-на-Дону, Россия)

² Санкт-Петербургский
государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда,
проект № 23-78-10045,
<https://rscf.ru/project/23-78-10045/>

Slavic Question in Public Discourse of Russia in 1860s and 1870s (Materials from Newspaper “Novoe Vremya”)

Oksana O. Zavyalova^{1,2}

orcid.org/0000-0002-5219-958X

PhD in History,

¹ Department of National History
of the Middle Ages and Modern Period;

² senior research scientist,
Institute of History
zavyalova@sfedu.ru

¹ Southern Federal University
(Rostov-on-Don, Russia);

² St. Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-78-10045,
<https://rscf.ru/project/23-78-10045/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена анализу материалов политико-литературной газеты «Новое время» конца 1860-х — начала 1870-х годов, отражающих проблемы славянской солидарности и отношение редакторов-издателей газеты А. К. Киркора и Н. Н. Юматова к национальным движениям в славянских землях, к популярной идее панславизма и к его российскому варианту. Особое внимание уделяется концепции «нового панславизма», которая формировалась на страницах «Нового времени» в рассматриваемый период и предполагала создание союза равноправных славянских народов — славянской федерации во главе с Российской империей. В соответствии с теоретико-методологической установкой исследования особое внимание уделяется роли газеты «Новое время» в развернувшихся общественных дискуссиях по славянскому вопросу, свидетельствующих о стремлении к национальной консолидации русского образованного общества путем интеллектуального конструирования русских и славянских начал. Сделан вывод о том, что редакция газеты «Новое время», выступавшая за преодоление русского религиозного национализма, вырабатывала идеи, которые стали предтечей более позднего течения неославизма, признававшего равенство в славянском мире православия и католицизма, а также стоявшего на позициях самостоятельного развития каждого славянского народа и равноценности диалога славянских культур.

Ключевые слова:

Российская империя; славянский вопрос; панславизм; *Новое время*; А. К. Киркор; Н. Н. Юматов.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article analyzes materials from the political and literary newspaper “Novoe Vremya” from the late 1860s to the early 1870s, reflecting issues of Slavic solidarity and the attitudes of its editors-publishers, A.K. Kirkor and N.N. Yumotov, towards national movements in Slavic territories, the popular idea of Pan-Slavism, and its Russian variant. Special attention is given to the concept of “new Pan-Slavism,” which emerged within the pages of “Novoe Vremya” during this period and proposed the creation of a union of equal Slavic nations — a Slavic federation led by the Russian Empire. In accordance with the theoretical and methodological framework of this study, particular emphasis is placed on the role of “Novoe Vremya” in the public discussions surrounding the Slavic question, which demonstrated a desire for national consolidation among the educated Russian society through the intellectual construction of Russian and Slavic identities. The conclusion drawn is that the editorial team of “Novoe Vremya,” advocating for the transcendence of Russian religious nationalism, developed ideas that foreshadowed the later movement of Neo-Slavism, which recognized the equality of Orthodoxy and Catholicism within the Slavic world and supported the independent development of each Slavic nation alongside a mutual respect for cultural dialogue.

Key words:

Russian Empire; Slavic question; Pan-Slavism; Novoe Vremya; A.K. Kirkor; N.N. Yumotov.

УДК 94(47)“185”+81’42

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-410-429

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

Славянский вопрос в общественном дискурсе России 1860—1870-х годов (по материалам газеты «Новое время»)

© Завьялова О. О., 2025

1. Введение = Introduction

Во второй половине XIX века славянский вопрос, выступавший значимой частью национальной политики Российской империи и во многом зависевший от ее внешнеполитического курса, занимал особое место в общественных дискуссиях, отражая особенности восприятия национальной идеи разными направлениями русской общественной мысли. Славянский вопрос базировался на представлениях об этносоциальной специфике славянских народов, которая выводилась из идеи их этноязыкового родства, географической близости, «племенного» и конфессионального единства. Развитие славянской идеи в XIX веке было обусловлено самим ходом борьбы славянских народов за свою независимость, их стремлением к политическому и культурному «возрождению».

В период реализации Великих реформ 1860—1870-х годов в русском образованном обществе существенно возрос интерес к идее славянского единства, обусловленный не только внешнеполитическими событиями, но и модернизационными процессами, протекавшими внутри страны и ориентировавшими российских интеллектуалов на осмысление проблемы национальной идентичности, особенностей России и ее места в славянском мире. В развернувшихся общественных дискуссиях пореформенного периода о политических и социальных проблемах славянских народов и роли Российской империи в их решении особое место занимала позиция политико-литературной газеты «Новое время», издание которой началось в Санкт-Петербурге в 1868 году виленским публицистом А. К. Киркором совместно с Н. Н. Юматовым, ранее занимавшим пост редактора консервативно-аристократической газеты «Весть». Газета «Новое время» выходила небольшим тиражом (не более 3,5 тыс. экземпляров) пять раз в неделю. С 1869 года она стала ежедневной, и с апреля того же года единственным редактором-издателем газеты стал А. К. Киркор [От редакции ..., 1869, с. 1]. Большинство ее подписчиков проживало в северо-западных губерни-

ях Российской империи, что обуславливало большое внимание редакции газеты к проблемам этого края и польскому вопросу. Издательский проект А. К. Киркора, просуществовавший чуть более трех лет, потерпел неудачу из-за нерентабельности газеты, которая не пользовалась большой популярностью в центральных российских губерниях.

Секретарь редакции газеты С. С. Окрейц сообщал в своих воспоминаниях, что в рамках организационной работы по выпуску газеты между создателями «Нового времени» отсутствовало полное согласие [Окрейц, 1907, т. 108, с. 74]. Н. Н. Юматов в первую очередь стремился получить доход от издания, в то время как А. К. Киркор рассматривал «Новое время» в качестве «рупора» для распространения своих ценностей и взглядов на актуальные проблемы современности. Однако в идейном плане Киркора и Юматова сближали антиславянофильские взгляды и синтез либеральных и консервативных ценностей, ярко проявившийся, с одной стороны, в требованиях прекратить дискриминацию польского дворянства, а с другой — в отстаивании широких гражданских свобод. Оба редактора-издателя в передовицах газеты развивали панславистскую тематику, испытывая особый пиетет к идее славянского единства, солидарности, защиты интересов угнетенных славянских народов в условиях «переходного времени», знаковыми событиями которого для русского общества стали попытки преодоления русско-польского конфликта начала 1860-х годов и практического воплощения широких реформаторских замыслов царствования Александра II.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Отражение разных составляющих славянского вопроса в творчестве отдельных российских интеллектуалов и на страницах периодических изданий пореформенной России является довольно разработанной проблемой в историографии. Особое значение исследователи уделяли выявлению политических трактовок идеи славянского единства в консервативном и либеральном направлениях русской общественной мысли [Дьяков, 1993; Славянский вопрос ..., 1997; Славянская идея ..., 1998; Прокудин, 2007; Федорова, 2013; Славяне и Россия ..., 2014; Котов, 2024]. В современных исследованиях подчеркивается влияние славянского вопроса, который рассматривается не столько в этническом, сколько в национально-государственном контексте, на процессы нациестроительства славян, внешнюю и внутреннюю политику Российской империи и монархии Габсбургов [Борисенко и др., 2018, с. 20—21; Павленко, 2023]. Особое внимание при этом уделяется месту польского вопроса и других национальных вопросов, от решения которых зависела судьба «общеславянской империи», в творчестве представителей русской интеллектуальной элиты [Тесля,

2014; Киселев, 2015; Неменский, 2016; Попов, 2022]. В отдельных работах специально освещались подробности организации газеты «Новое время», ее деятельность в начальный период существования, социально-политические воззрения редактора А. К. Киркора, отстаиваемые в «редакционном отделе» [Грибановская, 2017; Banaszkiwicz et al., 2021; Банашкевич, 2022; Забытые страницы ..., 2022, с. 13—14; Завьялова, 2023]. Однако при анализе материалов газеты «Новое время», ее редакторской программы и передовых статей, в которых поднимались актуальные проблемы русской жизни рубежа 1860-х — 1870-х годов, практически не уделялось специального внимания отражению на страницах издания в 1868—1871 годы проблем славянской солидарности и отношению редакторов-издателей газеты к национальным движениям в славянских землях, к популярной идее панславизма и к его российскому варианту, предполагавшему объединение славянских народов под эгидой России и представлявшему собой совокупность разнообразных воззрений, в которых большое место отводилось идее растворения славянских особенностей в русском начале.

В ходе проведения исследования были использованы архивные материалы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Российского государственного исторического архива (РГИА), отражающие политические воззрения редактора-издателя газеты «Новое время» А. К. Киркора, особенности восприятия славянского вопроса русским обществом во второй половине 1860-х годов, а также его стремление к национальной консолидации путем интеллектуального конструирования русских или славянских начал. Источниковую базу исследования составили материалы газеты «Новое время» конца 1860-х — начала 1870-х годов, особенно передовые статьи издания, в которых освещалась славянская тематика, оценивалось положение славянских народов, предпринималась попытка выделить сближающие политические, культурные и духовные элементы славянства. Также к исследованию привлечены материалы центральной периодической печати, в которой отстаивалась противоположная убеждениям редакции газеты «Новое время» славянофильская модель панславизма, предполагавшая ассимиляцию славянских народов на основе общерусской языковой и культурной традиции, признававшейся универсальной.

В качестве теоретико-методологической установки исследования используется подход, в соответствии с которым периодическая печать рассматривается как один из самых значимых организаторов и выразителей общественного мнения во второй половине XIX века [Источниковедение ..., 2004, с. 9]. Историко-сравнительный метод применялся при выявлении и характеристике диаметрально противоположных панславистских моделей, артикулируемых в российской прессе второй половины 1860-х

годов. В исследовании также использовался дискурс-анализ газетных публикаций, направленный на выявление славянских сюжетов, особенностей восприятия идеи славянского единства, а также отношения редакторов-издателей газеты «Новое время» к национально-освободительному движению славян.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. «Единый славянский дух», проблема русско-польского примирения и место Польши в славянском мире

В контексте интеллектуальной истории России XIX века «переходное время» 1860-х годов стало периодом взаимовлияния русского национализма, ставшего объектом размышлений многих публицистов, и славянской идеи, осмысливающейся при помощи теории национальностей, базовой установкой которой являлось провозглашение права каждого народа на самоопределение. Для редакции газеты «Новое время» под руководством А. К. Киркора было характерно отстаивание идеи политической нации, когда под русскими подразумевались «все верные подданные русской империи» вне зависимости от происхождения и вероисповедания. В одной из передовых статей газеты подчеркивалось, что основой для сплочения различных этнических элементов может стать «единый славянский дух», в самом общем смысле предполагавший верность стране, преданность и лояльность престолу [По вопросу об объединении ..., 1870, с. 1—2]. Подобная интерпретация русского национализма открывала широкие возможности для национальной консолидации славян в рамках собственных национальных государств вне зависимости от их вероисповедной принадлежности.

Данная установка ориентировала редакцию «Нового времени» на особое отношение к полякам и Польше в контексте развиваемой ею славянской риторики и апелляции к формулам солидарности, братства, защиты интересов угнетенных славянских народов. Как «польский литератор, издающий русскую газету», А. К. Киркор еще с конца 1830-х годов включился в активную издательскую и публицистическую деятельность, одним из главных лейтмотивов которой стало стремление к налаживанию культурно-литературных контактов между русскими и поляками. В 1840—1850-е годы он пытался решить эту задачу путем издания в Санкт-Петербурге польскоязычных газеты «Эхо Невы» и «Виленского журнала», которые были призваны «искоренять вековые предубеждения и предрассудки» между русским и польскими народами, способствуя идейному слиянию Восточной и Западной Руси под Русским скипетром [ГАРФ, ф. 109, оп. 21, д. 11, ч. 1, л. 5].

Киркор выступал последовательным сторонником русско-польского примирения в непростых для его налаживания общественно-политических

условиях 1860-х годов, изыскивая способы издавать для жителей северо-западных губерний «разумный орган печати», призванный «способствовать мирному, свободному обрусению края, без насилий и несправедливостей, единственно путем убеждения» [РГИА, ф. 1282, оп. 2, д. 19556, л. 2]. Идеи русско-польского согласия он продолжал развивать и на страницах газеты «Новое время», в которой часто помещались как передовые статьи, так и корреспонденции, указывающие на злоупотребления отдельных представителей российской администрации — «крайних русификаторов» — по отношению к польскому населению в крае. В записке «Неизвестного литовца» 1865 года под названием «Как выйти из ненормального положения в Западных губерниях», одним из предположительных авторов которой являлся А. К. Киркор, «Московские ведомости» и «Виленский вестник» порицались за свои «бренные» и оскорбительные по отношению к полякам статьи, которые бередают «раны народного самолюбия» и разжигают страсти и взаимную неприязнь между русским и польским народами, отодвигая дело нравственного единения славян [ГАРФ, ф. 109, оп. 2, д. 707, л. 21—21 об.].

А. К. Киркора заботила не только проблема русско-польского примирения, но и вопрос развития польско-русинского согласия. В одном из своих писем от 12 (24) августа 1869 года он просил своего львовского корреспондента Э. А. Лойко прислать ему статью, излагающую польский вопрос «с точки славянской» [ГАРФ, ф. 109, оп. 2, д. 647, л. 1—1 об.]. Затрагивая польскую проблему, публицист сетовал, что «заставить администрацию и общество смотреть прямо» на польский вопрос невозможно. В связи с этим Киркор советовал Лойко в своих рассуждениях о польском вопросе выводить его из «немецкого общеславянского вопроса». Только этим способом, по мнению Киркора, можно было если не укротить бушующие страсти, то дать им другое направление, полезное правильному исходу польского вопроса. Вместе с тем редактор-издатель «Нового времени» давал наставление корреспонденту: «Будьте осторожны и беспристрастны в борьбе русинов с поляками», — отмечая, что обе стороны не правы, ведь «кто защищает свою национальность, должен уважать другую» [ГАРФ, ф. 109, оп. 2, д. 647, л. 1 об.].

Оправдывая свое повышенное внимание к польской теме, редакция «Нового времени» отмечала, что испытывала потребность «прямого, искреннего, свободного выражения мыслей и уяснения всех обстоятельств нашей кровной и кровавой связи с поляками», а также желала «мирного и прочного слияния двух до сих пор враждебных между собой славянских народностей» [Ответ «Голосу» ..., 1868, с. 1]. По мнению Киркора, прочной основой для славянского единения может стать примирение русской и польской национальностей и развитие общехристианского единства, для

которого необходимы новые формы. В одной из передовых статей газеты «Новое время», рассуждая об уничтожении римско-католических братств в Северо-Западном крае, Киркор отмечал, что России нужны новые братства, которые «сближали бы обе церкви и их последователей, не раздражали, не волновали» [По поводу уничтожения ..., 1868, с. 1]. Эта идея проводилась и в упомянутой записке «Неизвестного литовца», в которой за общими христианскими братствами признавалась цель «сближения, единения православных с католиками» [ГАРФ, ф. 109, оп. 2, д. 707, л. 56 об.].

Редакция «Нового времени» видела прямую взаимосвязь между успехом в решении славянского вопроса и налаживанием русско-польских отношений. Автор одной из передовых статей 1868 года отмечал, что, «как бы велика не была взаимная ненависть русских и поляков, поляки все-таки останутся членами славянской семьи» [Передовая статья ..., 1868, № 98, с. 1] и роль России, как первой славянской державы, заключается в том, чтобы защищать интересы всех славян [Политическое обозрение ..., 1868, № 81, с. 1]. Россия как могущественная и сильнейшая держава обязана продемонстрировать всему славянскому миру, что «не питает к полякам вечной вражды». Тем самым она сможет доказать другим славянским народам, что в основе ее отношения к ним будет лежать уважение к национальности [Политическое обозрение ..., 1870, № 259, с. 1]. По мнению редакции «Нового времени», вселить в жителей Царства Польского уверенность в прочности существующего порядка вещей и указать им легальный путь к соглашению с российским правительством возможно посредством введения «системы равноправия» этой территории с прочими русскими провинциями. Из этого вытекали призывы к дарованию Царству свободы печати, земских учреждений, городского самоуправления, суда присяжных, что позволило бы «призвать к самоуправлению всю массу польского населения и сформировать в местном обществе преданную правительству партию», которая будет содействовать российской администрации, всячески противодействуя революционным стремлениям [Предстоящие перемены ..., 1868, с. 1—2; Существует ли клерикальная партия ..., 1868, с. 1].

Новым поводом для рассуждений о судьбе Польши послужил польский съезд в швейцарском городе Рапперсвиле 16 августа 1868 года, приуроченный к открытию здесь памятника в честь 100-летия образования Барской конфедерации польскими магнатами. Н. Н. Юматов однозначно охарактеризовал этот съезд как «странное торжество», «демонстрацию крайне польской партии», устроенную польским эмигрантом, графом Владыславом Брель-Платером, которая была призвана агитировать общественное мнение в Европе против России [Юматов, 1868, № 157, с. 1]. Указывая на весь вред, которые крайняя польская партия приносит делу

славянского единства, отмечалось, что в России еще не наступило время для обсуждения польского вопроса в том аспекте, который ставит Польшу в соотношение с прочими членами славянской семьи как равноправного ее члена [Юматов, 1868, № 157, с. 1]. Вместе с тем особо указывалось на то, что «единственное спасение Польши лежит именно в руках русского народа». По его мнению, представителям крайне польской партии не следовало ориентироваться на «цивилизованное господство» Пруссии. Однако, поддерживая враждебную России польскую эмиграцию, они готовили смерть всему польскому народу: «Поляки не должны забывать, что Пруссия утвердилась на могилах славянских племен» [Юматов, 1868, № 157, с. 2]. При этом А. К. Киркор в своем отношении к польскому вопросу солидаризировался с мнением корреспондента «Славянина», который считал невозможным восстановление Польши в границах 1772 года и призывал поляков тесно соединиться в братском союзе с Россией, дабы оставаться славянами и не сделаться немцами [К славянскому вопросу ..., 1870, № 58, с. 1]. Таким образом, редакция газеты призывала поляков отречься от утопических политических мечтаний и надежд на то, что якобы они могли бы рассчитывать на польскую эмиграцию или поддержку Франции, и соединиться с Россией, а в адрес российской администрации высказывала пожелание, в свою очередь, снизить репрессивный гнет, апеллируя к здравому смыслу польского народа.

3.2. Два панславизма и пангерманская угроза

Газета «Новое время», отстаивающая необходимость русско-польского согласия, за свои примирительные идеи подвергалась частым нападкам со стороны оппонентов. Газеты «Москва» И. С. Аксакова и «Голос» А. А. Краевского обвиняли «Новое время» в том, что ее редакция защищала «оскорбленные права польских помещиков» и становилась на защиту интересов польской национальности в Северо-Западном крае [Юматов, 1868, № 167, с. 1; Москва, 1868, № 112, № 119; Журнальное обозрение, 1870, № 30, с. 1]. В свою очередь «Московские ведомости» М. Н. Каткова называли «Новое время» «официозным органом виленской администрации» [Прусская система ..., 1868, с. 1] за ее приветствие назначения виленским генерал-губернатором генерал-адъютанта А. Л. Потапова и принятого им курса на устранение крайностей деполонизации. Такое отношение к газете А. К. Киркора было во многом вызвано занимаемой ею позицией в деле обрусения Северо-Западного края и его социально-экономического развития во второй половине 1860-х годов [Юматов, 1868, № 98, с. 1; Раздражение религиозных страстей ..., 1868, с. 1—2; Псевдо-националисты ..., 1870, с. 1—2].

Вместе с тем «Новое время» и ведущие российские периодические издания принципиально различались в подходах к решению славянского

вопроса. В одной из передовых статей «Нового времени» отмечалось, что ее редакция смотрит на славянское призвание России не так, как газеты «Голос» и «Московские ведомости», которые сами себя компрометируют перед славянами, поощряя преследование одного из славянских языков — польского. Данные издания, по мнению редакции «Нового времени», отстаивающие по славянскому вопросу позицию «русского патриотического лагеря» или «псевдо-национальной партии», выступали приверженцами «старой теории панславизма» [Юматов, 1868, № 145, с. 1]. Сторонники старого панславизма в России готовы «даже из Златой Праги сделать нечто в роде русского губернского города» [Славянская федерация ..., 1868, с. 1]. Такая программа «великорусских централизаторов» подвергалась острой критике на страницах «Нового времени», отстаивающей «новый панславизм», суть которого заключалась в создании союза равноправных славянских народов или славянской федерации, в которой каждому предоставляется «полная внутренняя свобода, полное без всякого ограничения внутреннее самоуправление» [Славянский съезд ..., 1868, с. 2]. По мнению редакции газеты, славяне, несмотря на все исторические невзгоды, благодаря «внутренней силе» смогли «сохранить и поддержать свою национальную особенность», которая есть у каждого члена славянской семьи, даже самого малого. «Народная особенность» — это собственные исторические основания, свои «национальные отпечатки» в виде языка и веры, не позволяющие сплотить все славянство в нераздельную массу [К славянскому вопросу ..., 1870, № 58, с. 1]. Однако чтобы полноценно включиться в процесс развития мировой цивилизации в качестве ее полноправного члена, уже во второй половине XIX века славянские племена должны были приобрести себе такую же степень политической самостоятельности, которой обладают другие страны Европы. Право и роль России в славянском движении как сильнейшего члена славянской семьи должны были ограничиваться обязанностью «поддерживать слабейших и помочь им в их стремлении к достижению политической свободы» [Иностранное обозрение ..., 1869, № 26, с. 1]. Н. Н. Юматов подчеркивал, что всеславянская идея осуществления только при условии, если Россия в славянской федерации займет место «первое из равных» [Юматов, 1868, № 122, с. 1]. Но практическая реализация подобного объединения, во главе которого может стоять только Россия, по признанию редакции газеты, возможна лишь в будущем, в то время, когда вполне созреет «общая идея славянства», способная объединить разные по вероисповеданию славянские народы [Иностранное обозрение ..., 1869, № 28, с. 1; Патриотизм действительный ..., 1870, с. 1]. Однако в период стремительного развития событий франко-прусской войны 1870—1871 годов, когда «прусский германизм достиг апогея своего

величия и славы», А. К. Киркор несколько откорректировал данную позицию, заявляя о предоставившейся возможности скорой трансформации нравственного союза славянских племен в политический [Славянский вопрос ..., 1870, № 240, № 241].

За весь период редакторства А. К. Киркора решение славянского вопроса на страницах «Нового времени» рассматривалось в контексте противодействия германской угрозе. Во второй половине 1860-х годов данная проблема беспокоила многих современников. В одном из относившихся к данному периоду писем российского филолога С. П. Микуцкого к ученому-слависту В. И. Ламанскому сообщалось о нависшей над славянскими племенами и западными окраинами России сильной немецкой опасности и вполне определенно заявлялось, что «если дела пойдут еще несколько лет таким же порядком, то немцы окружают нас необоримой стеной от устьев Дуная до Белого моря». Микуцкий, которого можно охарактеризовать как ревнителя славяно-русского дела, также отмечал: «Без нашей нравственной и вещественной поддержки не устоять западным и южным славянам, Литве, латышам и чуди. Государственная мудрость и братская любовь возлагаются на нас, русских, священный долг — поддержать родных братьев, изнемогающих под всевозможными гнетами и истязаниями» [ГАРФ, ф. 109, оп. 2, д. 717, л. 3].

Редакция «Нового времени», отводя особое место в общем славянском движении чешскому народу, именно за ним закрепляла роль самого активного борца с пангерманизмом [Юматов, 1868, № 145, с. 2; К чешскому вопросу ..., 1869, с. 1—2; Политическое обозрение ..., 1870, № 339, с. 1]. Анализируя внутреннюю политику Австро-Венгерской империи, авторы передовых статей с нескрываемой к ней неприязнью отмечали рост недовольства среди населяющих ее народностей [Иностранное обозрение ..., 1869, № 195, № 198, № 240; 1870, № 5]. Один из них писал: «Чехи, хорваты, венгерцы и поляки, — по-видимому чуждые друг другу или временно разрозненные, но в сущности все одинаково враждебные немецкому господству, — выжидают лишь каждый удобный случай, чтобы шаг за шагом завоевать себе все более и более самостоятельное положение» [Передовая статья ..., 1868, № 17, с. 1].

По мнению А. К. Киркора, немцы, особенно пруссаки, — это самые опасные враги славян, способные эксплуатировать в свою пользу «самый народный характер, не посягая на принципы народности» [Славяне и немцы ..., 1869, с. 1]. Спасти славянство от немецкого порабощения способно только общеславянское нравственное и братское единение, отказ от мелочных «домашних дрязг» в семье славянских народов. Особую роль в этом процессе А. К. Киркор определял за Российской империей: «Только одна Россия, став во главе славянства, может положить конец дальнейшему

преобладанию германизма» [К славянскому вопросу ..., 1870, № 143, с. 1]. Противодействовать германской угрозе славянские племена могут только в том случае, если найдут в себе способность возвыситься до западной цивилизации, развивая гражданственность и сознательность, что позволит им активно участвовать в дальнейших успехах всемирной истории.

3.3. Восточный славянский вопрос и внешнеполитический курс Российской империи

В 1860—1870-е годы общественный интерес к идее славянского единства подогревался в связи с ростом национально-освободительной борьбы на Балканах и стремлением русского общества оказать поддержку славянам в их противостоянии с Османской империей. На страницах газеты «Новое время» на рубеже 1860—1870-х годов славянские народы характеризовались как «могущественный, сильный своим единством народ», разрозненные части которого тесно связаны «единодушием стремлений» [Политическое обозрение ..., 1868, № 27, с. 1], а славянский вопрос трактовался как составная часть восточного вопроса, который, в свою очередь, выражался «в нескончаемых страданиях турецких христиан, в томительном ожидании для них лучшей будущности...» [Восточный вопрос ..., 1868, № 34; № 39].

Редакция «Нового времени» усматривала особенность восточного вопроса в том, что «в нем скрываются условия нового порядка вещей, должные изменить судьбы Европы и произвести радикальную перемену в основаниях ее теперешнего политического равновесия» [Политическое обозрение ..., 1868, № 44, с. 1; 1870, № 348, с. 1]. В одной из передовых статей газеты подчеркивалось, что «с разгаром восточного вопроса выступит на сцену племя юное, мощное, несравненно более образованное, чем это думают в Европе, — племя славянское; и с первыми же выстрелами на берегах Дуная восточный вопрос не замедлит принять свое настоящее имя, — имя славянского» [Политическое обозрение, 1868, № 44, с. 1]. Славянские народы были призваны выполнить великую задачу на Востоке — восстановить свои права и значение, заняв свое место в ряду образованных европейских наций.

В политических обозрениях «Нового времени» большое внимание уделялось «возбужденному состоянию умов» в славянских землях, характеристике отношений, складывающихся между Османской империей и славянскими государствами в 1860-е годы. Подчеркивалось, что общественно-политическая ситуация на Востоке существенно изменилась и отныне не ведущие европейские державы, а славянские народы определяют судьбу Турции [Восточный вопрос ..., 1868, № 39, с. 1; Пуговин, 1869, № 20, с. 2]. По мнению редакторов газеты и ее корреспондентов, итоги Крымской войны 1853—1856 годов привели к утверждению господства Турции в Европе

и «к закреплению цепей восточных христиан». Турция действительно вошла в «европейский концерт» при заключении Парижского мира 1856 года, в том числе благодаря заявлениям турецкого султана о готовности продолжить реформы (танзимат), направленные на уравнивание состояний турецких христиан с мусульманскими подданными империи. Газета «Новое время» крайне недоверчиво относилась к подобным заявлениям, отмечая несоответствие заявленного реформаторского курса с традиционными нормами ислама [Политическое обозрение ..., 1868, № 109, с. 1—2; По восточному вопросу ..., 1869, № 40, с. 2; № 53, с. 1]. В статье одного из корреспондентов газеты К. Пуговина, отмечалось, что султан никогда не проведет обещанные в соответствии с Парижским трактатом 1856 года реформы в пользу христиан, чему препятствовали универсальная роль ислама в развитии Османской империи и догматы Корана, не предусматривавшие равенства христиан с мусульманами [Пуговин, 1868, № 244, с. 1; Пуговин, 1868, № 232, с. 1]. Ситуация в Турции, при которой провозглашенные реформы не исполнялись и не могли быть исполнены, вела к усилению влияния России на Востоке, «заставляя христиан обращать взоры свои на единственную великую христианскую державу, которая сочувствует их несчастьям и желала бы их прекратить» [Пуговин, 1868, № 232, с. 1].

В передовицах «Нового времени» также подчеркивалось, что европейские государства преследуют на Востоке свои корыстные цели, стремясь усыпить пробуждающихся к новой жизни славян [Восточный вопрос ..., 1868, № 39, с. 1]. Россия же, чуждая всяческим завоевательным стремлениям, не преследующая «собственных материальных целей», обладает особым положением по отношению к единоплеменному христианскому населению Турции и готова действовать более решительно, чем европейские державы, в деле облегчения участи христианских подданных турецкого султана и восстановления их политической независимости [С.-Петербург, 1868, № 107, с. 2].

По мнению редакции «Нового времени», Российская империя как могущественная православная держава была призвана совершить на Востоке свою великую миссию, которая заключалась в мирном и постепенном развитии христианского населения Османской империи [С.-Петербург ..., 1868, № 10, с. 1; Иностранное обозрение ..., 1869, № 45, с. 1]. В политических обозрениях газеты не раз подчеркивалось, что Россия вызывает опасения и даже страх у европейских стран своей «покровительственной» ролью в деле панславизма на Востоке [С.-Петербург ..., 1868, № 7, с. 1]. Редакция называла стремление турецких славян к сближению с Россией «естественным», прогнозируя, что падение Турции под напором пробудившего славянского духа является делом неминуемого будущего [Восточный

вопрос ..., 1868, № 34, с. 1]. В целом политика России в восточном вопросе оценивалась как «неуклонно-национальная и руководимая сознанием истинных интересов страны», способная предотвратить осложнения и не идти наперекор естественному ходу событий [Политическое обозрение ..., 1869, № 41, с. 1—2; Иностранное обозрение ..., 1869, № 41, с. 1—2].

В некоторых статьях газеты давалась критическая оценка восточной политики Англии, Франции и Австрии, нарушавших провозглашенный после Крымской войны принцип совместного решения восточного вопроса европейскими государствами. Так, например, Франция стремилась удерживать за собой первенство в Румынии, выступая в роли ее покровительницы, при этом истолковывая любое действие России в отношении подвластных Турции славянских народов как посягательство на свое неотъемлемое право влиять на Придунайские княжества [Политическое обозрение ..., 1868, № 52, с. 1; № 71, с. 1]. При анализе целей и задач австрийской внешней политики на Востоке редакция газеты отмечала, что империя Габсбургов, стремясь подчинить своему влиянию подвластные Турции славянские государства и расположить их к себе, препятствовала расширению влияния России на турецких христиан и вела двуличную политику, реализуя свое «германское призвание на Востоке» [Австрийская политика ..., 1868, с. 1]. Газета указывала, что «австрийское лицемерие» проявлялось в том, что перед европейскими державами она разыгрывала роль покровительницы и советницы Турции, усиливая при этом собственное политическое влияние на славянские княжества и разрушая связь, установившуюся между ними.

В политических обозрениях газеты делался однозначный вывод о том, что Российская империя при проведении своей внешней политики опиралась на национальную программу славянских народов и, соответственно, имела моральное право руководить их стремлениями, из чего следовало, что она одна из всех европейских держав была способна правильно подойти к решению восточного вопроса. Однозначно подчеркивалось, что политика российского правительства на Востоке находит «сочувственный отголосок в сердцах славянских народностей, которые в силу своего родства с русским народом обращают к нему свои взоры и возлагают на него все свои надежды в будущем» [С.-Петербург ..., 1868, № 10, с. 1]. Это также обуславливало ведущее положение в славянском мире Российской империи, выступавшей «искренней защитницей» интересов всех христиан Балканского полуострова.

4. Заключение = Conclusions

Трактовка славянского вопроса на страницах газеты «Новое время» в период редакторства А. К. Киркора и Н. Н. Юматова базировалась на

культурологической основе. По их мнению, главная задача славянских народов во второй половине XIX века заключалась в том, чтобы продолжать развивать «славянское чувство» посредством стремления к просвещению, развитию собственной литературы, истории и культуры в целом. Оценивая положение славян на рубеже 1860—1870-х годов и пытаясь предугадать их будущее, редакция газеты вырабатывала идеи, ставшие предтечей более позднего течения неославизма, которое отстаивало равенство в славянском мире православия и католицизма и выступало за самостоятельное развитие каждого славянского народа, открытость «славянского мира» и равный диалог между славянскими культурами.

В передовицах газеты последовательно развивалась идея о необходимости преодоления русского религиозного национализма или православного гегемонизма во взаимоотношениях России со славянами. Русское православие и русский язык, по мнению редакции «Нового времени», не должны были стать единственным «духовным базисом славянской идеи», которая основывалась на «национальной особенности» каждого славянского народа и была открыта для духовного обращения всех славян вне зависимости от их вероисповедования. При этом подчеркивалась идея о политическом лидерстве России в славянском мире, заложенная еще ранними славянофилами. Занимая главенствующее положение в славянской семье, Российская империя должна была защищать национальные права всех славянских народов. Редакция «Нового времени» считала, что российское правительство могло продемонстрировать славянам свою готовность отстаивать принцип свободного развития национальностей на примере собственной политики в отношении Северо-Западного края, которая должна была трансформироваться в сторону уважения этнического и религиозного многообразия окраинной территории.

Отстаивая идею славянского союза в виде свободной федерации, редакторы-издатели «Нового времени» усматривали в ней в первую очередь надежный оплот, способный противодействовать германской угрозе. В то же время затрагиваемые славянские сюжеты Киркор и Юматов стремились использовать для обоснования приемлемого для них способа решения польского вопроса, мотивируя свои призывы к ослаблению гнета в отношении поляков их принадлежностью к общей славянской семье, защита интересов которой признавалась высшей миссией Российской империи.

Источники и принятые сокращения

1. *Австрийская политика* // Новое время. — 1868. — № 19. — 27 января. — С. 1.
2. *Восточный вопрос* // Новое время. — 1868. — № 34 ; № 39.
3. ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109 (Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии.). Оп. 2. Д. 647 ; Д. 707 ; Д. 717 ; Оп. 21. Д. 11. Ч. 1.
4. *Журнальное обозрение* // Новое время. — 1870. — № 30. — 31 января. — С. 1.
5. *Иностранное обозрение* // Новое время. — 1869. — № 26 ; № 28 ; № 41 ; № 45 ; № 195 ; № 198 ; № 240 ; 1870. — № 5.
6. *К славянскому вопросу* // Новое время. — 1870. — № 58 ; № 143.
7. *К чешскому вопросу* // Новое время. — 1869. — № 137. — 18 июля. — С. 1—2.
8. *Москва* // Москва. — 1868. — № 112 ; № 119.
9. *От редакции* // Новое время. — 1869. — № 69. — 9 апреля. — С. 1.
10. *Окрейц С. С. Из литературных воспоминаний / С. С. Окрейц // Исторический вестник*. — 1907. — Т. 108. — С. 73—96.
11. *Ответ «Голосу»* // Новое время. — 1868. — № 76. — 19 апреля. — С. 1.
12. *Патриотизм действительный и патриотизм газетный* // Новое время. — 1870. — № 25. — 26 января. — С. 1.
13. *Передовая статья* // Новое время. — 1868. — № 17 ; № 98.
14. *По вопросу об объединении окраин* // Новое время. — 1870. — № 42. — 12 февраля. — С. 1—2.
15. *По восточному вопросу* // Новое время. — 1869. — № 40 ; № 53.
16. *Политическое обозрение* // Новое время. — 1868. — № 27 ; № 44 ; № 52 ; № 71 ; № 81 ; № 109 ; 1870. — № 259 ; № 339 ; № 348.
17. *По поводу уничтожения братств в Северо-Западном крае* // Новое время. — 1868. — № 91. — 10 мая. — С. 1.
18. *Предстоящие перемены в Ц. Польском* // Новое время. — 1868. — № 210. — 26 октября. — С. 1—2.
19. *Прусская система в Западном крае* // Новое время. — 1868. — № 142. — 22 июля. — С. 1.
20. *Псевдо-националисты* // Новое время. — 1870. — № 63. — 5 марта. — С. 1—2.
21. *Пуговин К. Болгары и восточный вопрос / К. Пуговин* // Новое время. — 1868. — № 232. — 26 ноября. — С. 1.
22. *Пуговин К. Восточный вопрос / К. Пуговин* // Новое время. — 1869. — № 20 ; № 244.
23. *Раздражение религиозных страстей* // Новое время. — 1868. — № 104. — 29 мая. — С. 1—2.
24. РГИА — Российский государственный исторический архив. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 19556.
25. *Славянский вопрос* // Новое время. — 1870. — № 240 ; № 241.
26. *Славяне и немцы* // Новое время. — 1869. — № 111. — 11 июня. — С. 1.
27. *Славянский съезд 1868 года (Письмо из Праги)* // Новое время. — 1868. — № 95. — 15 мая. — С. 2.
28. *Славянская федерация и Австрия* // Новое время. — 1868. — № 127. — 1 июля. — С. 1.
29. *С.-Петербург* // Новое время. — 1868. — № 7 ; № 10 ; № 107.

30. *Существует ли клерикальная партия в России* // Новое время. — 1868. — № 55. — 18 марта. — С. 2.
31. *Юматов Н.* Передовая статья / Н. Юматов // Новое время. — 1868. — № 98. — 21 мая. — С. 1.
32. *Юматов Н.* Венгерский вопрос / Н. Юматов // Новое время. — 1868. — № 122. — 24 июня. — С. 1.
33. *Юматов Н.* Пангерманизм и наш остзейский край / Н. Юматов // Новое время. — 1868. — № 145. — 26 июля. — С. 1.
34. *Юматов Н.* Патриотизм юридических / Н. Юматов // Новое время. — 1868. — № 157. — 12 августа. — С. 1.
35. *Юматов Н.* Замоскворечье обвиняло нас в измене / Н. Юматов // Новое время. — 1868. — № 167. — 26 августа. — С. 1—2.

Литература

1. *Банашикевич М. А.* Адам Киркор и «польская газета, издаваемая в Петербурге»: из истории (само)восприятия ранней публицистики «Нового времени» (1868—1871 годы) / М. А. Банашикевич // Наследие Речи Посполитой в имперском интеллектуальном пространстве / Под ред. А. Ю. Дворниченко. — Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2022. — С. 368—415. — ISBN 978-5-93615-313-6.
2. *Борисенок Е. Ю.* «Украинский вопрос» в системе исторических и политических координат: Российская империя и Советский Союз / Е. Ю. Борисенок, М. В. Лескинен // Малороссы vs украинцы: Украинский вопрос в науке, государственной и культурной политике Российской империи и СССР. — Москва: Институт славяноведения РАН, 2018. — С. 7—50. — ISBN 978-5-7576-0421-3.
3. *Грибановская А. М.* Газета «Новое время» до А. С. Суворина / А. М. Грибановская // Вестник Московского университета. Серия 8: История. — 2017. — № 1. — С. 44—53.
4. *Дьяков В. А.* Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России / В. А. Дьяков. — Москва: Наука, 1993. — 207 с. — ISBN 5-02-010096-X.
5. *Забытые страницы польского вопроса: Антология* / Под редакцией А. Ю. Дворниченко. — Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2022. — 402 с. — ISBN 978-5-288-06205-6.
6. *Завьялова О. О.* В борьбе с «бестактным либерализмом»: А. К. Киркор и газета «Новое время» о последствиях Великих реформ. В конце 1860-х — начале 1870-х гг. / О. О. Завьялова // *Historia provinciae* — журнал региональной истории. — 2023. — Т. 7. — С. 762—809. — DOI: 10.23859/2587-8344-2023-7-3-1.
7. *Источниковедение: Теория. История. Метод* / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. — Москва: Российский гос. гуманитарный ун-т, Ин-т «Открытое общество», 2004. — 701 с. — ISBN 5-7281-0090-2.
8. *Киселев В. С.* Панславизм и конструирование национальной идентичности в русской и польской словесности XIX в. / В. С. Киселев // Русин. — 2015. — № 3 (41). — С. 108—127. — DOI: 10.17223/18572685/41/8.
9. *Котов А. Э.* П. А. Кулаковский — сотрудник «Нового времени» / А. Э. Котов // Русско-Византийский вестник. — 2024. — № 2 (17). — С. 29—35. — DOI: 10.47132/2588-0276_2024_2_29.
10. *Неменский О. Б.* Польский вопрос у Н. Я. Данилевского и идея славянской общности / О. Б. Неменский // Вопросы национализма. — 2016. — № 3 (27). — С. 110—117.

11. Павленко О. В. Панславизм. Реальный и воображаемый. 1830—1860-е гг. / О. В. Павленко. — Москва : Российский гос. гуманитарный ун-т, 2023. — 404 с. — ISBN 978-5-7281-3333-9.

12. Попов Э. А. Проблема «Российская империя — Балканы» в творчестве и общественно-политической деятельности М. Н. Каткова / Э. А. Попов // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. — 2022. — № 3 (78). — С. 9—16. — DOI: 10.26105/SSPU.2022.77.2.017.

13. Прокудин Б. А. Идея славянского единства в политической мысли России XIX века / Б. А. Прокудин. — Москва : Социально-политическая мысль, 2007. — 132 с. — ISBN 978-5-902168-90-4.

14. Славяне и Россия : славянские и балканские народы в периодической печати к 90-летию со дня рождения А. А. Улуныя / Отв. ред. С. И. Данченко. — Москва : Институт славяноведения, 2014. — 419 с. — ISBN 978-5-7576-0310-0.

15. Славянский вопрос : веки истории / Отв. ред. М. Ю. Досталь. — Москва : ИСБ, 1997. — 209 с. — ISBN 5-7576-0054-3.

16. Славянская идея : история и современность / Отв. ред. В. А. Дьяков. — Москва : Институт славяноведения РАН, 1998. — 173 с. — ISBN 5-7576-0047-0.

17. Тесля А. А. «Славянский вопрос» в публицистике М. П. Погодина 1830 — 1850-х гг. / А. А. Тесля // Социологическое обозрение. — 2014. — Т. 13. — № 1. — С. 117—138.

18. Федорова Е. Ю. Славянский вопрос и русский национализм в либеральной публицистике 1860-х гг. / Е. Ю. Федорова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : История России. — 2013. — № 3. — С. 55—65.

19. Banaszekiewicz M. A. Adam Honory Kirkor i gazeta “Nowoje Wriemia” — nieznaną kartą polsko-rosyjskiej historii intelektualnej / M. A. Banaszekiewicz, A. E. Kotov // Przegląd Nauk Historycznych. — 2021. — T. 20. — № 1. — S. 191—224.

Статья поступила в редакцию 04.11.2024,
одобрена после рецензирования 10.12.2024,
подготовлена к публикации 23.04.2025.

Material resources

Austrian politics. (1868). *Modern times*, 19: P. 1. (In Russ.).

Editorial. (1868). *Novoe vremya*, 17; 98. (In Russ.).

Foreign review. (1869, 1870). *Novoe vremya*, 26; 28; 41; 45; 195; 198; 240; 5. (In Russ.).

From the editors. (1869). *Novoe vremya*, 69: P. 1. (In Russ.).

GARF — *The State Archive of the Russian Federation*. (In Russ.).

Is there a clerical party in Russia. (1868). *Novoe vremya*, 55: P. 2. (In Russ.).

Journal review. (1870). *Novoe vremya*, 30: P. 1. (In Russ.).

Moscow. (1868). *Moscow*, 112; 119. (In Russ.).

Okreits, S. S. (1907). From literary memoirs. *Historical bulletin*, 108: 73—96. (In Russ.).

On the Czech question. (1869). *Novoe vremya*, 137: 1—2. (In Russ.).

On the Eastern question. (1869). *Novoe vremya*, 40; 53. (In Russ.).

On the issue of the unification of the suburbs. (1870). *Novoe vremya*, 42: 1—2. (In Russ.).

On the Slavic question. (1870). *Novoe vremya*, 58; 143. (In Russ.).

Political review. (1868, 1870). *Novoe vremya*, 27; 44; 52; 71; 81; 109; 259; 339; 348. (In Russ.).

Pseudo-nationalists. (1870). *Novoe vremya*, 63: 1—2. (In Russ.).

- Pugovin, K. (1868). Bulgarians and the Eastern question. *New Time*, 232: P. 1. (In Russ.).
- Pugovin, K. (1869). The Eastern question. *Novoe vremya*, 20: 244. (In Russ.).
- Real patriotism and newspaper patriotism. (1870). *Novoe vremya*, 25: P. 1. (In Russ.).
- Regarding the destruction of fraternities in the North-Western Region. (1868). *Novoe vremya*, 91: P. 1. (In Russ.).
- Reply to Golos. (1868). *Novoe vremya*, 76: P. 1. (In Russ.).
- RGIA — *Russian State Historical Archive*. (In Russ.).
- Slavonic Congress of 1868 (Letter from Prague). (1868). *Novoe vremya*, 95: P. 2. (In Russ.).
- Slavs and Germans. (1869). *New time*, 111: P. 1. (In Russ.).
- St. Petersburg. (1868). *Novoe vremya*, 7; 10; 107. (In Russ.).
- The Eastern question. (1868). *Novoe vremya*, 34; 39. (In Russ.).
- The irritation of religious passions. (1868). *Novoe vremya*, 104: 1—2. (In Russ.).
- The Prussian system in the Western Region. (1868). *Novoe vremya*, 142: P. 1. (In Russ.).
- The Slavic Federation and Austria. (1868). *Novoe vremya*, 127: P. 1. (In Russ.).
- The Slavic question. (1870). *Novoe vremya*, 240; 241. (In Russ.).
- Upcoming changes in Central Poland. (1868). *Novoe vremya*, 210: 1—2. (In Russ.).
- Yumatov, N. (1868). Editorial. *Novoe vremya*, 98: P. 1. (In Russ.).
- Yumatov, N. (1868). Pan-Germanism and our Baltic region. *Novoe vremya*, 145: P. 1. (In Russ.).
- Yumatov, N. (1868). Patriotism of fools. *Novoe vremya*, 157: P. 1. (In Russ.).
- Yumatov, N. (1868). The Hungarian question. *Novoe vremya*, 122: P. 1. (In Russ.).
- Yumatov, N. (1868). Zamoskvorechye accused us of treason. *Novoe vremya*, 167: 1—2. (In Russ.).

References

- Banashkevich, M. A. (2022). Adam Kirkor and the “Polish newspaper published in St. Petersburg”: from the history of (self-)perception of early journalism of the “New Age” (1868—1871). In: *Heritage of the Polish-Lithuanian Commonwealth in the Imperial intellectual space*. St. Petersburg: Vladimir Dahl. 368—415. ISBN 978-5-93615-313-6. (In Russ.).
- Banaszkiewicz, M. A. (2021). Adam Honory Kirkor i gazeta “Nowoje Wriemia” — nieznaną kartą polsko-rosyjskiej historii intelektualnej. *Przegląd Nauk Historycznych*, 20 (1): 191—224. (In Polish.).
- Borisenok, E. Y., Leskinen, M. V. (2018). “The Ukrainian question” in the system of historical and political coordinates: the Russian Empire and the Soviet Union. In: *Little Russians vs Ukrainians: The Ukrainian question in science, state and cultural policy of the Russian Empire and the USSR*. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. 7—50. ISBN 978-5-7576-0421-3. (In Russ.).
- Danchenko, S. I. (ed.). (2014). *Slavs and Russia: Slavic and Balkan peoples in periodicals dedicated to the 90th anniversary of the birth of A. A. Ulunyan*. Moscow: Institute of Slavic Studies. 419 p. ISBN 978-5-7576-0310-0. (In Russ.).
- Dostal, M. Y. (1997). *The Slavic question: milestones of history*. Moscow: ISB. 209 p. ISBN 5-7576-0054-3. (In Russ.).
- Dvornichenko, A. Y. (ed.). (2022). *The Forgotten Pages of the Polish Question: An Anthology*. Saint Petersburg: Saint Petersburg University Press. 402 p. ISBN 978-5-288-06205-6. (In Russ.).
- Dyakov, V. A. (1993). *The Slavic question in the public life of pre-revolutionary Russia*. Moscow: Nauka Publ. 207 p. ISBN 5-02-010096-X. (In Russ.).

- Dyakov, V. A. (1998). *The Slavic idea: History and modernity*. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. 173 p. ISBN 5-7576-0047-0. (In Russ.).
- Fedorova, E. Y. (2013). The Slavic question and Russian nationalism in liberal journalism of the 1860s. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: The History of Russia*, 3: 55—65. (In Russ.).
- Gribanovskaya, A. M. (2017). Newspaper “Novoe vremya” before A. S. Suvorin. *Bulletin of the Moscow University. Episode 8: The Story*, 1: 44—53. (In Russ.).
- Kiselyov, V. S. (2015). Pan-Slavism and the construction of national identity in Russian and Polish literature of the 19th century. *Rusin*, 3 (41): 108—127. DOI: 10.17223/18572685/41/8. (In Russ.).
- Kotov, A. E. (2024). P. A. Kulakovskiy — employee Novoe Vremya. *Russian-Byzantine Bulletin*, 2 (17): 29—35. DOI: 10.47132/2588-0276_2024_2_29. (In Russ.).
- Nemensky, O. B. (2016). The Polish question of N. Y. Danilevsky and the idea of Slavic community. *Issues of nationalism*, 3 (27): 110—117. (In Russ.).
- Pavlenko, O. V. (2023). *Pan-Slavism. Real and imaginary. 1830—1860's*. Moscow: Russian State University of the Humanities. 404 p. ISBN 978-5-7281-3333-9. (In Russ.).
- Popov, E. A. (2022). The problem of the “Russian Empire — the Balkans” in the work and socio-political activities of M. N. Katkov. *Bulletin of the Surgut State Pedagogical University*, 3 (78): 9—16. DOI: 10.26105/SSPU.2022.77.2.017. (In Russ.).
- Prokudin, B. A. (2007). *The idea of Slavic unity in the political thought of Russia in the 19th century*. Moscow: Socio-Political Thought. 132 p. ISBN 978-5-902168-90-4. (In Russ.).
- Source studies: Theory. History. Method.* (2004). Moscow: Russian State University of the Humanities, Open Society Institute. 701 p. ISBN 5-7281-0090-2. (In Russ.).
- Teslya, A. A. (2014). “The Slavic question” in the journalism of M. P. Pogodin in the 1830s — 1850s. *Sociological Review*, 13 (1): 117—138. (In Russ.).
- Zavialova, O. O. (2023). In the fight against “tactless liberalism”: A. K. Kirkor and the newspaper Novoe Vremya on the consequences of the Great Reforms. In the late 1860s and early 1870s. *Historia provinciae — journal of regional history*, 7: 762—809. DOI: 10.23859/2587-8344-2023-7-3-1. (In Russ.).

*The article was submitted 04.11.2024;
approved after reviewing 10.12.2024;
accepted for publication 23.04.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(3), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Мамяченков В. Н. Государственные заготовки и закупки продукции животноводства на Урале в 1946—1950 годах / В. Н. Мамяченков, В. П. Мотревич // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 3. — С. 430—450. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-430-450.

Mamyachenkov, V. N., Motrevich, V. P. (2025). State Procurement and Purchase of Livestock Products in Ural Region (1946–1950). *Nauchnyi dialog*, 14 (3): 430-450. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-430-450. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Государственные заготовки и закупки продукции животноводства на Урале в 1946—1950 годах

Мамяченков Владимир Николаевич¹

orcid.org/0000-0001-6070-8746

доктор исторических наук, профессор
кафедры государственного
и муниципального управления,
корреспондирующий автор
mamyachenkov@mail.ru

Мотревич Владимир Павлович²

orcid.org/0000-0002-1184-3631

доктор исторических наук, профессор
кафедры истории государства и права
vladimir.motrevich@mail.ru

¹ Уральский государственный
экономический университет
(Екатеринбург, Россия)

² Уральский государственный
юридический университет
имени В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург, Россия)

State Procurement and Purchase of Livestock Products in Ural Region (1946–1950)

Vladimir N. Mamyachenkov¹

orcid.org/0000-0001-6070-8746

Doctor of History, Professor,
Department of State and
Municipal Administration,
corresponding author
mamyachenkov@mail.ru

Vladimir P. Motrevich²

orcid.org/0000-0002-1184-3631

Doctor of History, Professor,
Department of State and Law History
vladimir.motrevich@mail.ru

¹ Ural State
University of Economics
(Yekaterinburg, Russia)

² Ural State Law University
named after V. F. Yakovlev
(Yekaterinburg, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуется динамика государственных заготовок и закупок продукции животноводства на Урале в первом послевоенном пятилетии. Авторы использовали материалы двух ведущих федеральных архивов — Государственного архива Российской Федерации и Российского государственного архива экономики. Акцентируется внимание на экстремальности исследуемого временного периода. Показано, что даже в 1950 году довоенный уровень заготовок и закупок мяса, яиц и шерсти в республиках и областях на Урале так и не был достигнут. Авторы пришли к выводу, что при ежегодном росте производства уральские регионы только в единичных случаях выполняли установленные планы заготовок продукции, так как спускаемые им планы, как правило, существенно завышались. Подчеркивается, что система государственных поставок и закупок сельскохозяйственной продукции фактически выполняла роль системы натурального налогообложения. Утверждается, что и к 1950 году животноводство Урала по-прежнему находилось в тяжелом состоянии, подтверждением чему служит динамика государственных заготовок и закупок в первом послевоенном пятилетии. Сделан вывод, что в экстремальные периоды истории России и СССР данная система убедительно доказала свою настоятельную необходимость.

Ключевые слова:

Уральский регион; Великая Отечественная война; послевоенное пятилетие; обязательные государственные поставки и закупки; животноводство.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the dynamics of state procurement and purchase of livestock products in the Ural region during the first post-war five-year period. The authors utilized materials from two leading federal archives — the State Archive of the Russian Federation and the Russian State Archive of Economy. The study emphasizes the extremity of the examined temporal period. It is demonstrated that even by 1950, the pre-war levels of procurement and purchases of meat, eggs, and wool in the republics and regions of the Ural had not been achieved. The authors conclude that despite annual increases in production, Ural regions only occasionally met the established procurement targets, as these targets were generally set unrealistically high. It is underscored that the system of state procurement and purchase of agricultural products effectively functioned as a form of natural taxation. Furthermore, it is asserted that by 1950, livestock farming in the Ural region remained in a dire state, as evidenced by the dynamics of state procurement and purchases during the first post-war five-year period. The conclusion drawn is that during extreme periods in the history of Russia and the USSR, this system convincingly demonstrated its urgent necessity.

Key words:

Ural region; Great Patriotic War; post-war five-year period; mandatory state procurement and purchases; livestock farming.

УДК 94(47).084.8+94:330.567.222/.223(470.57)“1946/1950”

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-430-450

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Государственные заготовки и закупки продукции животноводства на Урале в 1946—1950 годах

© Мамяченков В. Н., Мотревич В. П., 2025

1. Введение = Introduction

Под *государственными заготовками* в наши дни понимаются закупки продукции аграрного сектора экономики государственными и кооперативными заготовительными организациями и предприятиями у сельскохозяйственных предприятий, а также у населения, имеющего личное подсобное хозяйство. Упомянутые заготовки и закупки, осуществляемые одновременно, являются, по сути, единым инструментом, который применяется государством в целях обеспечения населения (прежде всего — городского) необходимыми продуктами питания, а отраслей промышленности — сельскохозяйственным сырьем.

Однако в первые годы после Великой Отечественной войны вышеобозначенные термины *заготовки* и *закупки* имели несколько иное значение, как и отражаемые ими процессы. Главное же отличие между ними состояло в том, что государственные закупки не занимали существенного места в общем объеме заготовок: ведущую роль здесь играла система обязательных государственных поставок, фактически выполняющая роль системы натурального налогообложения. Данный факт придавал всей системе государственных заготовок, по сути, принудительный характер, что в итоге не способствовало позитивному стимулированию сельскохозяйственных производителей.

Необходимо отметить, что руководство страны не раз пыталось усовершенствовать систему обязательных госпоставок, но при этом все подобные новации не затрагивали принудительного характера поставок. Как нам представляется, именно данное обстоятельство было основной причиной нерентабельности большинства советских колхозов и совхозов, то есть прямо способствовало снижению общей эффективности сельского хозяйства. В итоге это привело к отмене системы обязательных госпоставок в 1957 году.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Целью данного исследования был анализ динамики объемов государственных заготовок и закупок продукции животноводства на Урале

в 1940—1950 годах. Объектом же исследования выступает система государственных заготовок и закупок продукции животноводства на Урале в 1946—1950 годах, а предметом — динамика их объемов. Обозначенный нами в заголовке статьи пятилетний период с полным правом следует охарактеризовать как экстремальный во всей более чем семидесятилетней истории Советского Союза.

Можно утверждать, что выбранный нами период стал своеобразной «проверкой на прочность» построенной в СССР административно-командной системы управления экономикой и социальной жизнью. При этом в рамках упомянутой управленческой структуры весьма большое место власти отводили системе государственных заготовок и закупок продукции сельского хозяйства, в том числе — продукции животноводства. Именно данной системе было суждено сыграть важнейшую роль в поддержке продовольственной безопасности страны и обеспечении ее населения (правда, с огромными издержками) необходимыми продуктами питания.

В связи с вышесказанным выбранный для исследования исторический период является весьма значимым для изучения представителями общественных наук, прежде всего историками, социологами и экономистами. Авторы полагают, что настоящая статья послужит еще одним вкладом в разработку исследуемой в ней проблемы.

В соответствии с поставленной целью авторы статьи использовали обнаруженные ими в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Российского государственного архива экономики (РГАЭ) материалы Народного комиссариата заготовок СССР. Считаем необходимым отметить, что публикуемые сведения в значительной своей части вводятся в научный оборот впервые, а это придает настоящему труду объективную научную новизну. К разряду использованных нами при написании настоящей статьи источников следует также отнести статистический сборник [Сельское хозяйство ..., 1988], собрание постановлений и распоряжений Совмина СССР за 1949 год № 9 и, наконец, главную газету Советского государства «Правда».

Попытки авторов сформировать перечень исторических трудов, посвященных непосредственно теме исследования, натолкнулись на их почти полное отсутствие, за исключением отдельных редких публикаций. К последним мы бы отнесли монографию одного из авторов данного труда [Мотревич, 1993]. При этом имеются труды по исследуемой нами проблематике в разрезе других, в том числе соседствующих временных периодов. Это, прежде всего, написанные на общесоюзном материале монографии, охватывающие период 1940-х годов. Среди них книги Ю. В. Арутюняна [Арутюнян, 1963], И. М. Волкова [Волков, 1972], И. Е. Зеленина [Зеленин,

1969], В. Ф. Зимы [Зима, 1996], В. П. Попова [Попов, 1992]. Сюда же следует отнести кандидатскую диссертацию и монографию С. А. Жевалова [Жевалов, 2018; Жевалов, 2023] посвященные деятельности советского государства в продовольственной сфере в годы Великой Отечественной войны, а также крупные многотомные издания по истории крестьянства [История советского крестьянства ..., 1988] и экономики СССР [История социалистической экономики ..., 1980].

Кроме того, в этот же ряд следует поставить написанные на региональных материалах работы таких авторов, как С. Н. Андреенков [Андреенков, 2009; 2014], С. И. Васильева [Васильева, 2010], В. А. Ильиных [Ильиных, 2004], И. В. Петрунина [Петрунина, 2022] и В. Н. Томилин [Томилин, 2021], а также труды уральских исследователей Н. В. Ахмадиевой [Ахмадиева, 2008], Р. С. Бахтиярова и А. В. Федоровой [Бахтияров и др., 2019], Г. Е. Корнилова [Корнилов, 1990], Р. П. Толмачевой [Толмачева, 1979], В. В. Филатова [Филатов, 2007] и Р. Р. Хисамутдиновой [Хисамутдинова, 2003].

Наконец, надо сказать, что научная и практическая значимость проблемы государственных заготовок и закупок сельскохозяйственной продукции издавна привлекала внимание многих ученых, в том числе иностранных, чьи работы также присутствуют в историографии исследуемой нами проблемы. Это, например, опубликованное на русском языке исследование К. Р. Грея [Грей, 1992], а также труд М. Левина — на английском [Lewin, 1994].

Как нам представляется, взятые в совокупности все вышеперечисленные источники и литература дают возможность реализовать достижение цели и решение задач данной работы.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Краткая история системы государственных заготовок и закупок сельхозпродукции в России

Считается, что практика использования госзаготовок сельхозпродукции возникла в царской России в годы Первой мировой войны, точнее — в 1916 году. Причем это была фактически продрозверстка, осуществляемая, правда, без особого успеха и не в такой жестокой форме, как это стало происходить при Советской власти. Начало советского периода истории России ознаменовалось введением «коммунистической» продрозверстки — беспрецедентной по жесткости формы реализации государственной монополии на сельхозпродукцию (прежде всего — зерна), при которой у хозяйствующих субъектов изымались все «излишки» за вычетом потребительских норм. В дальнейшем вся политика советских властей по отношению к аграрному сектору отличалась исключительно «классовым» подходом и крайней непоследовательностью.

Действительно, в начале 1924 года власти отменили натуральный налог, что сразу же положительно сказалось на активизации рыночных отношений в экономике и, соответственно, росте валового продукта аграрного сектора. Однако уже во второй половине 1920-х годов наметилась явная тенденция к «сворачиванию» НЭПа. Проявлялось это прежде всего во «внеэкономическом» (читай — репрессивном) вытеснении частного капитала из сферы сельского хозяйства и в замене рыночного механизма ценообразования на директивный. В результате с начала 1930-х годов основным способом изъятия продукции у колхозов и единоличников стала контрактация, замененная вскоре обязательными поставками. В конце же 1930-х годов в условиях надвигавшейся войны система обязательных поставок была еще и расширена: к ним привлекались хозяйства проживающих на селе рабочих и служащих.

В годы Великой Отечественной войны система изъятия у населения части произведенных продуктов претерпела значительные изменения. Так, сразу же появились новые виды натуральных сборов (например, сдача продукции в хлебный и мясной фонды РККА), была восстановлена порочная система «встречных» планов, резко возросло значение сборов, формально «добровольных» — сдача продуктов в фонды обороны, помощи освобожденным районам, инвалидам войны и т. п. Наконец, вновь появился гарнизонный сбор, отмененный было в 1930-х годах.

Такая политика ужесточения требований продолжалась и после окончания войны, уже в рамках исследуемого нами периода. Так, в 1947—1948 годах были увеличены размеры натуральной оплаты за работы, выполняемые машинно-тракторными станциями (МТС), снижена нагрузка на заведомо слабые хозяйства путем переложения их обязательств на экономически развитые, увеличены размеры налогообложения животноводства в целом, расширен контингент сельских жителей, привлеченных к обязательным поставкам, ликвидированы либо снижены размеры льгот и т. д.

3.2. Реализация государственных планов по заготовке и закупке продукции животноводства на Урале в исследуемом периоде

Для достижения поставленной цели и решения поставленных в работе задач мы сформировали таблицы 1—7, в которых представили массив цифр, характеризующих динамику объемов государственных заготовок и закупок основных видов животноводства в уральских регионах в исследуемом периоде.

Первые три таблицы посвящены самым, пожалуй, востребованным продуктам животноводства: мясу, молоку и яйцам. При этом для наглядности и обеспечения возможности проведения сравнительного анализа мы привели данные и за последний предвоенный год — 1940-й. Необходи-

мо отметить, что и сразу после окончания Великой Отечественной войны заготовкам животноводческой продукции уделялось большое внимание. Проявлялось это в том, что Правительством принимались специальные постановления по заготовке и закупке продукции животноводства. Однако сельские реалии того времени были таковы, что на протяжении 1946—1948 годов все семь уральских регионов (2 республики и 5 областей) государственные планы по заготовкам вышеуказанной продукции животноводства не выполняли. При этом исключений почти не было. Правда, в 1948 году Курганская область выполнила на 100 % план заготовки и закупки скота и птицы (табл. 1) и на 102 % — молока (табл. 2). И в этом же году план по молоку выполнила Свердловская область (табл. 2).

Власти, естественно, стремились исправить положение: в апреле 1949 года появляется совместное постановление Совмина и ЦК ВКП(б) в виде документа под названием «Трехлетний план развития общественного колхозного и совхозного продуктивного животноводства (1949—1951 годы)», которым предусматривался значительный рост поголовья скота и увеличение за трехлетний период производства животноводческой продукции в 1,5 раза [Правда...]. А вскоре тот же Совмин СССР своим постановлением от 21 апреля 1949 года «О минимуме общественного поголовья скота и трехлетнем плане увеличения поголовья продуктивного скота в колхозах по областям, краям и республикам» повысил обязательный минимум поголовья скота и птицы в сельхозартелях [Ильиных, 2004, с. 148]. Наконец, в мае 1949 года принимается решение об увеличении начиная с 1950 года сдачи основных видов животноводческой продукции. При этом план заготовок мяса на 1949 год по стране в целом в живом весе был установлен в размере 1930, а на 1950 год — уже 2300 тыс. т.

Вышеупомянутыми документами подробно регламентировались обязательные условия мясопоставок для колхозов, колхозников, рабочих и служащих, а также единоличных крестьянских хозяйств. Так, эти хозяйства обязывались сдавать в счет мясопоставок только упитанный скот: при сдаче скота ниже средней упитанности один кг засчитывался только за 750 г живого веса. Приемка же скота в счет мясопоставок ниже определенного веса была вообще запрещена. От колхозов было запрещено принимать крупный рогатый скот (КРС) весом менее 130, свиней — 60, овец и коз — 25 кг, а от индивидуальных хозяйств населения, соответственно, менее 60, 40 и 25. При этом с 1949 года нормы обязательной сдачи мяса государству подсобными хозяйствами государственных и кооперативных организаций были увеличены сразу на 25 % [Постановление ..., 1949, с. 180—181].

Для выполнения установленных планов мясосдачи, помимо запрета сдавать скот ниже определенного веса, был намечен к реализации и целый ряд

других мероприятий. Среди них — приведение в надлежащее состояние и расширение скотоприемочных и откормочных пунктов, организация строительства скотобаз и помещений для приема, дорастивания и откорма скота по типовым проектам, дополнительное закрепление за скотоводческими и скотооткармливающими организациями в постоянное пользование земельных угодий, установление постоянных трасс перегона скота, создание достаточных кормов в пунктах кормления скота, обеспечение ветеринарного контроля в пути перегона следования скота и т. д. [Там же, с. 183].

Таблица 1

Государственные заготовки и закупки скота и птицы
(в живом весе, все категории хозяйств, тыс. т) *

Республика, область	Год										
	1940	1946		1947		1948		1949		1950	
	1**	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2
Башкирская	31	19	82	21	95	23	97	27	87	36	92
Удмуртская	10	9,1	86	8,4	85	8,1	82	8,9	84	11	90
Курганская	29	15	91	15	94	15	100	17	92	18	89
Молотов- ская	16	14	92	14	94	14	93	16	94	18	89
Свердлов- ская	15	12	92	12	97	13	94	15	98	20	97
Челябин- ская	21	9,3	89	11	95	11	96	13	90	15	102
Чкаловская	26	20	91	20	93	22	96	24	94	26	88
Урал	149	98	н/с	101	н/с	106	н/с	121	н/с	144	н/с
СССР	2165	1389	н/с	1329	н/с	1560	н/с	1674	86,7	2300	100,0

* Источник: [РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 2165, л. 333; ф. 8040, оп. 2, д. 227, л. 49, 113; оп. 8, д. 803, л. 1—40, д. 568, л. 31].

** Примечание: в таблицах 1—7 под цифрой 1 приводятся данные о заготовках и закупках животноводческой продукции, под цифрой 2 — процент выполнения плана.

Принимаемые меры принесли положительные результаты. Во-первых, в стране достаточно быстро росло производство мяса основных видов (говядины, телятины, свинины, баранины и козлятины). Если в 1946 году его производство в СССР составило 3100 тыс. т (против 3053 в 1940 году), то в 1950 году — 4900. Это сразу отразилось и на результатах мясозаготовок. Данные таблицы свидетельствуют, что если в 1949 году план мясозаготовок выполнить не удалось, то в 1950-м он был выполнен ровно на 100 % (табл. 1). Во-вторых, росло производство мясной продукции и в регионах: в 1946 году производство мяса основных видов сельским хозяй-

ством на Урале составило 189 тыс. т в убойном весе (против 246 в 1940-м); в 1950 году — 275 [Мамяченков и др., 2024, с. 45].

Динамика заготовок и закупок по отдельным регионам Урала во многом согласуется с показателями по СССР, хотя есть и различия. Особенно противоречиво в этом плане выглядит таблица 1: по ней видно, что довоенный уровень заготовок и закупок скота и птицы в 1950 году удалось превзойти не только в обеих республиках, но также в Молотовской и Свердловской областях. Однако при этом существенное снижение данного показателя произошло в Курганской и Челябинской областях, а Чкаловская осталась «на прежних позициях» (к тому же не выполнив установленного планового задания). Все же в целом ситуация с государственными заготовками скота и птицы на Урале складывалась более или менее благополучно, а самое значительное отставание от выполнения плана по мясу в 1950 года было в Чкаловской области и составляло 12 % (табл. 1).

Постановлением Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) № 2153 от 26 мая 1949 года «О заготовках продуктов животноводства» были повышены на 25 % и среднегодовые нормы сдачи молока колхозами и совхозами (как и по мясу), а также подсобными хозяйствами государственных и коопера-

Таблица 2

Государственные заготовки и закупки молока
(все категории хозяйств, тыс. т) *

Республика, область	Год										
	1940	1946		1947		1948		1949		1950	
	1	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2
Башкир- ская	123	81	76	84	82	111	93	116	81	134	87
Удмуртская	26	31	79	30	79	40	87	41	92	43	84
Курганская	115	75	87	77	92	96	102	97	88	104	87
Молотов- ская	88	88	86	82	93	95	97	96	90	101	83
Свердлов- ская	78	80	86	79	98	100	101	104	97	110	93
Челябин- ская	70	59	85	60	91	79	97	84	90	99	91
Чкаловская	81	72	89	74	89	94	98	95	84	123	96
Урал	580	486	н/с	486	н/с	615	н/с	633	н/с	713	н/с
СССР	6453	4811	н/с	5272	н/с	6732	н/с	7589	94,9	8573	96,3

* Источник: РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 2165, л. 336—337; ф. 8040, оп. 2, д. 227, л. 49, 113; оп. 8, д. 568, л. 31; оп. 3, д. 1022а, л. 26. д. 1081, л. 164—165. д. 1082, л. 60].

тивных организаций. При этом Министерству заготовок СССР поручалось привлекать к обязательной сдаче молока любые подсобные хозяйства, имеющие коров (исключение делалось только для подсобных хозяйств больниц, санаториев, домов отдыха, детских домов и яслей, домов и интернатов инвалидов и престарелых). Наконец, Постановление утверждало обширную программу мер по совершенствованию сбора молочной продукции, ее хранения и переработки, что и было предметом деятельности Министерства мясной и молочной промышленности страны [Постановление ..., 1949, с. 185].

В целом динамика заготовок и закупок молока носила почти исключительно позитивный характер как по Уралу, так и по стране в целом, что было результатом роста его производства на протяжении первых послевоенных лет во всех республиках и областях Урала. Если в 1946 году в целом по Уральскому региону валовое производство молока составило 2526 тыс. т (против 2242 в 1940 году), то в 1947-м — 2733, в 1949-м — 2887 и в 1950-м — 2908 [Мамяченков, 2023, с. 208]. В результате при такой положительной динамике заготовок исключение составила лишь Курганская область, так и не достигшая по этому показателю довоенного уровня. Другое дело, что, несмотря на существенный рост производства молока, за годы четвертой пятилетки на Урале только одной Свердловской области в 1948 году удалось выполнить установленный план заготовок молока. Нам представляется, данную ситуацию можно объяснить тем, что спускаемые в регионы планы были существенно завышены и не учитывали реально существующее положение в животноводстве.

По сравнению с молочным животноводством значительно хуже в регионе, как и в стране в целом, обстояло с продукцией птицеводства. Дело было в том, что с началом войны поголовье птицы в стране повсеместно стало быстро сокращаться из-за нехватки зернофуража. Лишь по мере приближения Победы положение дел в этой сфере животноводства Урала стало постепенно улучшаться, особенно в Курганской и Свердловской областях.

Надо сказать, что в первые послевоенные годы производство яиц в целом по СССР быстро возрастало: в 1950 году оно более чем в два раза превысило показатель 1946 года, однако довоенный уровень достигнут не был [Сельское хозяйство ..., 1988, с. 10—11]. Аналогичная ситуация была характерна и для Урала, где производство яиц стабильно росло: в 1946 году — 350,1, 1947-м — 358,8, 1948-м — 472,0, 1949-м — 589,1 и 1950-м — 656,0 млн шт. Однако до довоенного показателя (921,4 млн шт.) было еще далеко [Мотревич, 1993, с. 211].

Результатом сокращения производства в военные годы стал тот факт, что объем заготовок и закупок яиц в 1950 году составил только 52 % от уровня 1940 года. Но и тут из общего ряда «выпала» Свердловская область,

в которой довоенный показатель был все-таки превзойден. Здесь нельзя не отметить, что руководство Среднего Урала (так иногда называют Свердловскую область) смогло уделить внимание птицеводству региона путем поощрения разведения птицы, в том числе в хозяйствах рабочих и служащих. Но это достижение никак не могло, естественно, помочь значительному росту обобщающего показателя заготовок и закупок по Уралу и тем более — по всему Советскому Союзу. Цифры, приведенные в таблице 3, свидетельствуют о том, что в 1950 году (достаточно благоприятном для агросферы Урала в исследуемом периоде) относительно неплохие показатели по заготовке и закупке яиц были у Свердловской и Молотовской областей, которые выполнили государственные планы соответственно на 84 и 75 %. Это все-таки был прогресс, так как в среднем по стране, как следует из таблицы, план был выполнен лишь на 64 %.

Нельзя также не сказать, что «спускаемые сверху» планы заготовок и закупок яиц постоянно увеличивались, причем без всякого разумного обоснования, чисто волюнтаристически. Так, заготовив в 1949 и 1950 годах по 17 млн яиц, Свердловская область выполнила план соответственно на 101 и 84 %. А вот Чкаловская область, увеличив в 1950 году по сравнению с предыдущим годом заготовку яиц на 5 млн шт., выполнила установленный для нее план всего на 44 % против 74 % в 1949 году (табл. 3).

Таблица 3

Государственные заготовки и закупки яиц
(все категории хозяйств, млн шт.) *

Республика, область	Год										
	1940	1946		1947		1948		1949		1950	
	1	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2
Башкирская	77	26	47	29	62	28	57	33	61	32	59
Удмуртская	18	12	63	9,2	48	11	58	11	68	12	57
Курганская	40	10	54	12	62	15	80	11	64	16	53
Молотов- ская	32	16	79	16	86	18	89	19	93	19	75
Свердлов- ская	16	11	73	12	79	14	91	17	101	17	84
Челябин- ская	21	4,7	52	5,3	55	6,3	66	5,0	57	7,8	40
Чкаловская	33	12	75	12	72	14	82	14	74	19	44
Урал	237	91	н/с	95	н/с	105	н/с	111	н/с	123	н/с
СССР	2679	1194	н/с	695	н/с	1065	н/с	1445	68,7	1921	64,0

* Источник: [РГАЭ, ф. 8040, оп. 2, д. 227, л. 49, 118—119; оп. 8, д. 1022а, л. 28, 294, д. 1448, л. 5—6. д. 2341, л. 14].

Если говорить в целом о причинах послевоенной динамики заготовок и закупок данных трех упомянутых видов продукции животноводства, то они, на наш взгляд, вполне очевидны и объясняются прежде всего тяготами военного времени. В годы войны, как известно, основное внимание обращалось на сохранение поголовья крупного рогатого скота (КРС), и прежде всего — дойных коров, а содержание птицы было затруднено дефицитом основного ее корма — зерна. При рассмотрении трех упомянутых таблиц (1—3) нетрудно заметить, что и в 1950 году животноводство Урала по-прежнему находилось в тяжелом состоянии, планы заготовок и закупок продукции отрасли и после принятия многочисленных решений Правительства не выполнялись. Тем не менее в результате реализации трехлетнего плана развития животноводства уже в 1950 году валовая продукция отрасли на Урале увеличилась с 463,2 до 481,6 млн руб, то есть на 4,0 % [РГАЭ, ф. 1562, оп. 324, д. 3237, л. 27—29; д. 3752, л. 24—26]. Однако новые нормы налогообложения и, соответственно, «спускаемые» в регионы плановые задания существенно опережали реальный прирост продукции животноводства.

В следующих четырех таблицах мы представили динамику госзаготовок и закупок кож и шерсти (табл. 4—7). При этом выделены кожи крупные (КРС), мелкие (козы и овечьи) и свиные.

Здесь необходимо отметить, что в рассматриваемые нами годы в организации заготовок и закупок кож произошли серьезные изменения (аналогично заготовкам и закупкам мяса, молока и яиц). В частности, в 1949 году нормы обязательных поставок колхозами государству кожевенного сырья были повышены, а государственные кооперативные и общественные организации и воинские части (имеющие подсобные хозяйства) вообще были обязаны сдавать все производимое кожевенное сырье. При этом Центросоюзу, предприятиям местной промышленности и промысловой кооперации было запрещено производить закупку данного сырья: их также обязали сдавать Министерству заготовок СССР все кожи от забоя купленного ими скота. Одновременно были несколько повышены и государственные закупочные цены на кожевенное сырье [Постановление ..., 1949, с. 194—195].

По изучении таблиц 4—5 можно сделать вывод, что производство кож КРС и мелкого рогатого скота почти во всех регионах Урала в годы войны и в первые послевоенные годы удалось не только сохранить, но даже приумножить. Об этом убедительно говорят в целом стабильно возросшие в исследуемом периоде цифры госзаготовок и закупок этих кож. При этом особенно следует выделить Башкирию, где за трудное послевоенное пятилетие заготовки и закупки крупных кож выросли на 91, а мелких — на 58 %. Конечно, у такой динамики кожевенного производ-

ства была и обратная сторона — сокращение поголовья скота, особенно мелкого рогатого.

Но совсем друга картина вырисовывается после изучения таблицы 6, по которой видно, какие огромные потери понесло свиноводство Урала в годы войны: к 1950 году только в Курганской области госзаготовки и закупки свиных кож превысили показатель 1940 года. Аналогично глубокий провал в сфере госзаготовок этих кож произошел и в масштабах Урала, а также всего СССР. Причина была опять же проста: в годы войны поголовье свиней в значительной своей массе пошло «под нож» из-за нехватки дефицитных комбикормов.

Таблица 4

Государственные заготовки и закупки крупных кож
(все категории хозяйств, тыс. шт.) *

Республика, область	Год									
	1946		1947		1948		1949		1950	
	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2
Башкирия	45	83	63	78	53	72	80	140	86	152
Удмуртия	27	74	24	66	21	72	69	105	27	95
Курганская	39	64	40	59	39	71	62	155	48	121
Молотовская	50	83	50	79	41	72	58	116	60	116
Свердловская	41	65	41	55	35	59	49	103	45	96
Челябинская	23	58	25	54	22	65	35	111	26	86
Чкаловская	35	72	45	67	43	75	72	132	62	113
Урал	259	н/с	287	н/с	255	н/с	427	н/с	354	н/с

* Источник: [РГАЭ, ф. 8040, оп. 2, д. 227, л. 127].

Таблица 5

Государственные заготовки и закупки мелких кож
(все категории хозяйств, тыс. шт.) *

Республика, область	Год									
	1946		1947		1948		1949		1950	
	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2
Башкирия	306	75	336	74	326	73	506	112	485	99
Удмуртия	54	79	44	64	48	73	81	122	85	121
Курганская	108	66	111	60	111	68	123	112	101	82
Молотовская	85	89	88	87	93	81	161	164	133	128
Свердловская	60	71	62	65	55	67	111	155	107	131
Челябинская	62	58	66	53	73	67	98	103	81	76
Чкаловская	137	88	170	82	150	75	181	131	138	32
Урал	811	н/с	876	н/с	855	н/с	1260	н/с	1130	н/с

* Источник: [РГАЭ, ф. 8040, оп. 2, д. 227, л. 130].

Таблица 6

Государственные заготовки и закупки свиных кож
(все категории хозяйств, тыс. шт.) *

Республика, область	Год									
	1946		1947		1948		1949		1950	
	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2
Башкирия	37	67	34	53	24	47	14	39	21	34
Удмуртия	39	56	24	35	19	38	10	34	14	29
Курганская	21	48	21	33	20	56	11	38	23	48
Молотовская	47	71	41	54	28	46	32	49	43	47
Свердловская	29	64	21	64	18	46	30	58	28	43
Челябинская	14	34	13	25	11	31	5,6	38	9,0	27
Чкаловская	16	71	13	48	8,9	40	6,4	37	12	34
Урал	202	н/с	166	н/с	130	н/с	109	н/с	150	н/с

* Источник: [РГАЭ, ф. 8040, оп. 2, д. 227, л. 133].

Что касается шерсти (табл. 7), то здесь надо отметить, что в 1949 году в стране были существенно увеличены действующие нормы обязательных ее поставок колхозами, а также сразу на 50 % — личными подсобными хозяйствами (ЛПХ) всех граждан, имевших овец. В то же время льготы по поставкам государству козьей шерсти были отменены. Подсобные же хозяйства государственных и кооперативных организаций (по аналогии с кожевенным сырьем) всю получаемую от настрига овец шерсть были обязаны сдавать государству. При этом госзакупки шерсти были отменены, а заготовительные цены на сдаваемую по обязательным поставкам шерсть были несколько повышены [Постановление ..., 1949, с. 191—192].

Необходимо также отметить, что производство шерсти в стране в годы четвертой пятилетки ежегодно возрастало, уже в 1949 году превысив довоенный уровень. Постепенно увеличивался этот показатель и на Урале — с 7848 т в 1946 году до 8500 в 1948-м и 10433 — в 1950-м. В уральском регионе самым значительным производителем шерсти в первую послевоенную пятилетку была Башкирская АССР, за которой в порядке уменьшения этого показателя шли Чкаловская, Челябинская и Курганская области [Мотревич, 2023, с. 193, 195].

Данные таблицы 7 показывают также заметный рост заготовок и закупок шерсти как в целом по стране, так и во всех уральских регионах. При этом довоенный объем госзаготовок и закупок шерсти в 1950 году был достигнут только в Удмуртии, а также в Молотовской и Свердловской областях, поскольку в нечерноземных районах края также стали ускоренно

развивать овцеводство. Однако в силу волонтаризма властей при осуществлении заготовительной политики ни один регион ни разу в течение всего первого послевоенного пятилетия (!) не выполнил плановое задание по шерсти.

Наконец, следует сказать несколько слов о заготовках и закупках такого ценного сырья, как каракуль. В фондах РГАЭ сохранились подобные сведения за исследуемый нами период только по Чкаловской области, которая фактически являлась монополистом его производства на Урале. Именно в данной области располагались два специализированных нетрестированных каракулеводческих хозяйства Министерства совхозов СССР: совхоз «Акжарский» в Домбаровском районе и совхоз «Им. Свердлова» в Люксембургском [РГАЭ, ф. 1562, оп. 324, д. 3492, л. 95—97]. В годы войны в этих совхозах сложилось крайне тяжелое положение, проявившееся в высокой гибели молодняка и резком ухудшении качества каракуля. В результате в 1946 году заготовки и закупки каракуля в Чкаловской области сократились более чем в 5 раз, а руководство Министерства внешней торговли СССР признало специализированное разведение каракульской породы овец на Южном Урале нецелесообразным и обратилось с предложением о переводе обоих каракулеводческих совхозов в Министерство жи-

Таблица 7

Государственные заготовки и закупки шерсти
(все категории хозяйств, т) *

Республика, область	Год										
	1940	1946		1947		1948		1949		1950	
	1	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2
Башкирия	1931	883	74	968	79	1117	78	1486	77	1814	82
Удмуртия	193	176	77	182	83	204	91	355	75	426	88
Курганская	1172	514	78	494	77	513	83	635	75	757	80
Молотов- ская	216	217	80	227	82	240	85	432	71	504	81
Свердлов- ская	187	259	94	269	89	288	96	455	68	505	75
Челябин- ская	1136	541	76	468	66	479	71	628	68	769	67
Чкаловская	2189	961	67	963	80	1163	79	1302	76	1837	82
Урал	7024	3551	н/с	3570	н/с	4002	н/с	5293	н/с	6612	н/с
СССР*	120	71	н/с	79	н/с	93	н/с	120	85,7	136	86,1

* Источник: [РГАЭ, ф. 8040, оп. 2, д. 227, л. 49, 123; оп. 3, д. 943, л. 1. д. 1074, л. 1. д. 1081, л. 105. Д. 1247, л. 9. д. 2341, л. 17—18].

** Данные по СССР в тыс. т.

вотноводства СССР с последующей сменой их специализации [Бахтияров и др., 2019, с. 173].

Таким образом, вопрос о передаче вышеуказанных совхозов формально был решен, однако смена специализации хозяйств так и не состоялась по той причине, что государству все-таки очень был нужен каракуль. Причем об остроте данного вопроса говорит уже тот факт, что в целях дальнейшего развития каракулеводства было принято весьма неординарное решение, согласно которому колхозам и ЛПХ граждан каждая сданная каракулевая шкурка засчитывалась либо как 4 кг мяса в зачет выполнения обязательств по мясопоставкам, либо как одна овчина в счет обязательств по поставкам мелкого и кожевенного сырья [Постановление ..., 1949, с. 196].

Надо еще сказать, что в Чкаловской области помимо совхозов чистопородных маток каракульской породы содержали также некоторые колхозники и частные лица, а кроме того, разведением таких овец занимались и отдельные колхозы. Однако существенных позитивных изменений в каракулеводстве в первые послевоенные годы на Урале так и не произошло: если в 1940 году государственные заготовки и закупки данного вида сырья в той же Чкаловской области по всем категориям хозяйств составили 39 тыс. шт., то в 1946 — 7,3, в 1947 — 8,3, в 1948 — 5,3, в 1949 — 9,8 и в 1950 — 8,3 [РГАЭ, ф. 8040, оп. 2, д. 227, л. 135]. Удивляться приведенным цифрам не приходится: в условиях послевоенной разрухи производство каракуля не входило в первоочередные задачи государства.

Наконец, завершая наше повествование, следует сказать о том, что весьма интересной и значимой проблемой является организация заготовок и закупок животноводческой продукции государством у ее производителей — колхозов, госхозов, в хозяйствах колхозников, единоличников, а также рабочих и служащих. Но так как данный вопрос является объектом специального исследования, то мы лишь отметим, что в годы четвертой пятилетки главным поставщиком сельскохозяйственной продукции государству были колхозы. Так, по данным по Курганской области за 1950 год, на долю колхозов пришлось 51 % заготовленного и закупленного в области мяса, 40,3 % молока, 38 % яиц. Примерно такие же показатели были и в соседней Свердловской области: 51,6; 41,7; 36,4 % [ГАРФ, ф. 262, оп. 5, д. 3023, л. 222, 278].

4. Заключение = Conclusions

Практика экономической жизни породила целый ряд форм и методов государственного регулирования производства и реализации сельскохозяйственной продукции: залог, ценообразование, биржа, аукцион, кредитование, финансирование, протекционизм. Но при этом главным методом была и осталась система государственных заготовок и закупок.

В данной работе исследована динамика натуральных объемов госзаготовок и закупок продукции животноводства на Урале в экстремальном периоде истории советского государства — первом послевоенном пятилетии. Проведенный анализ показал, что, несмотря на существенное улучшение в животноводстве, даже в 1950 году довоенный уровень заготовок и покупок мяса, яиц и шерсти в республиках и областях на Урале так и не был достигнут. При этом, несмотря на практически ежегодный рост производства, регионы Урала только в единичных случаях выполняли установленные планы заготовок продукции отрасли.

Данную ситуацию можно объяснить тем, что спускаемые в регионы планы сдачи продукции были существенно завышены и не учитывали реально существующее положение дел в животноводстве. В первые послевоенные годы государство действительно серьезно вкладывалось в укрепление материально-технической базы отрасли и развитие ее инфраструктуры, но при этом ждало от нее незамедлительной отдачи. В сельском же хозяйстве, особенно в животноводстве, для получения ожидаемого результата требуется определенный промежуток времени, иногда достаточно длительный.

Для того чтобы охарактеризовать вклад Урала в госзаготовки и закупки животноводческой продукции в исследованном нами периоде, можно привести несколько цифр. Так, в 1946—1950 годах их объемы в СССР и на Урале составили: по мясу — соответственно 8252 и 570, молоку — 32977 и 2933 тыс. т, яйцу — 6323 и 525 млн шт. При этом доля Урала в процентах составила по этим трем видам продукции соответственно: по мясу — 6,9, молоку — 8,9 и яйцам — 8,3 % [Сельское хозяйство ..., 1988, с. 15; РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 2165, л. 333—337; ф. 8040; оп. 2, д. 227, л. 49, 113—119, 123. д. 1448, л. 5—6, д. 2341, л. 14; оп. 3, д. 943, л. 1. д. 1022а, л. 26, 28, 294. д. 1074, л. 1. д. 1081, л. 105, 164—165. д. 1082, л. 60. д. 1247, л. 17—18; оп. 8, д. 568, л. 31. д. 803, л. 1—40. д. 568, л. 31].

В завершение исследования следует еще раз подчеркнуть, что социально-экономическая история нашей страны свидетельствует: в экстремальные периоды ее существования (прежде всего — в условиях военного положения) оформившаяся в довоенные годы система поступления в распоряжение государства сельскохозяйственной продукции доказала, по нашему мнению, свою настоятельную необходимость.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ГАРФ — *Государственный архив Российской Федерации*. Ф. 262 (Госплан РСФСР). Оп. 5. Д. 3023.
2. РГЭЭ — *Российский государственный архив экономики*. Ф. 1562 (ЦСУ СССР). Оп. 324. Дд. 3237, 3492, 3752 ; Оп. 329. Д. 2165 ; Ф. 8040 (Наркомзг СССР). Оп. 2. Д. 227 ; Оп. 3. Дд. 943, 1022, 1074, 1081, 1082, 1247, 2341 ; Оп. 8. Дд. 568, 803, 1022а, 1448, 2341.
3. *Сельское хозяйство СССР* : статистический сборник. — Москва : Финансы и статистика, 1988. — 534 с.
4. *Постановление Совета Министров СССР и Центрального Комитета ВКП(б)*. О заготовках продуктов животноводства. 26 мая 1949 г. № 2153 // Собрание постановлений и распоряжений Совета министров СССР за 1949 г. № 1-13 / Упр. Делами Совета Министров Союза ССР. — Москва : Б. и., б. г. — 320 с.
5. *Трехлетний план развития общественного колхозного и совхозного продуктивного животноводства (1949—1951 гг.)* // Правда : Орган Центрального Комитета и МК ВКП(б). — 1949. 19 апр.

Литература

1. Андреенков С. Н. Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири / С. Н. Андреенков // *Экономическая история: ежегодник*. — 2009. — С. 410—450.
2. Андреенков С. Н. Реформирование системы заготовок колхозной продукции в СССР в 1950-е гг. / С. Н. Андреенков // *Ежегодник по аграрной истории Европы*. — 2014. — № 1. — С. 449—458.
3. Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны / Ю. В. Арутюнян. — Москва : АН СССР, 1963. — 459 с.
4. Ахмадиева Н. В. Колхозное крестьянство Башкирской АССР в 1945—1965 гг. / Н. В. Ахмадиева. — Уфа : Гелим, 2008. — 176 с. — ISBN 978-5-7501-0960-9.
5. Бахтияров Р. С. Животноводство на Южном Урале в условиях Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. / Р. С. Бахтияров, А. В. Федорова. — Оренбург : ОГАУ, 2019. — 208 с. — ISBN 978-5-6040395-8-8.
6. Васильева С. И. Деревня и государственная заготовительная политика в 1941—1945 годах (на материалах Марийской АССР) / С. И. Васильева // *Российская история*. — 2010. — № 3. — С. 37—48.
7. Волков И. М. Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы : Колхозы СССР в 1946—1950 гг. / И. М. Волков. — Москва : Мысль, 1972. — 293 с.
8. Грей К. Р. Государственное регулирование сельскохозяйственного производства СССР и США : сравнительный анализ / К. Р. Грей // *Вестник сельскохозяйственной науки*. — 1992. — № 1. — С. 57—72.
9. Жевалов С. А. Решение продовольственной проблемы в СССР в годы Великой Отечественной войны : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / С. А. Жевалов. — Москва, 2018. — 23 с.
10. Жевалов С. А. Поставки сельхозпродукции в Советском Союзе в период Великой Отечественной войны. В 2-х ч. / С. А. Жевалов. — Москва : Родина, 2023. — 422 с. — ISBN 978-5-00180-910-4.
11. Зеленин И. Е. Совхозы в СССР (1941—1950) / И. Е. Зеленин. — Москва : Наука, 1969. — 344 с.
12. Зима В. Ф. Голод в СССР 1946—1947 годов : происхождение и последствия / В. Ф. Зима. — Москва : ИИ РАН, 1996. — 265 с.

13. *Ильиных В. А.* Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х — начало 1950-х гг. / В. А. Ильиных. — Новосибирск : ИИ ОИИФФ СО РАН, 2004. — 167 с. — ISBN 5-94306-148-7.

14. *История советского крестьянства.* Крестьянство в годы упрочения и развития социалистического общества, 1945 — конец 50-х гг. — Москва : Наука, 1988. — Т. 4. — 395 с.

15. *История социалистической экономики СССР.* Восстановление народного хозяйства СССР. Создание экономики развитого социализма, 1946 — начало 1960-х годов. — Москва : Наука, 1980. — Т. 6. — 589 с.

16. *Корнилов Г. Е.* Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) / Г. Е. Корнилов. — Свердловск : УрГУ, 1990. — 224 с.

17. *Мамяченков В. Н.* Производство молока сельским хозяйством Урала в 1946—1965 гг. / В. Н. Мамяченков, В. П. Мотревич // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. — 2023. — № 3 (947). — С. 203—217. — DOI: 10.32516/2303-9922.2023.47.13.

18. *Мамяченков В. Н.* Производство мяса в индивидуальном и общественном секторах сельского хозяйства Урала в 1946—1965 гг. / В. Н. Мамяченков, В. П. Мотревич // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. — 2024. — № 1 (69). — С. 42—54.

19. *Мотревич В. П.* Сельское хозяйство Урала в показателях статистики (1941—1950 гг.) / В. П. Мотревич. — Екатеринбург : Наука, 1993. — 307 с.

20. *Мотревич В. П.* Производство шерсти сельским хозяйством Урала в 1946—1965 гг. / В. П. Мотревич, В. Н. Мамяченков // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. — 2023. — № 2 (46). — С. 187—199. — DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-2-477-496>.

21. *Петрунина И. В.* Практический опыт организации заготовок скота и другой сельскохозяйственной продукции / И. В. Петрунина // Мясная индустрия. — 2022. — № 5. — С. 30—35. — DOI: 10.37861/2618-8252-2022-05-30-35.

22. *Попов В. П.* Крестьянство и государство (1945—1953). Исследования новейшей русской истории / В. П. Попов. — Париж : Умса-Press, 1992. — 298 с.

23. *Толмачева Р. П.* Колхозы Урала в первые послевоенные годы (1946—1950 гг.) / Р. П. Толмачева. — Томск : ТГУ, 1979. — 220 с.

24. *Томилин В. Н.* Государство и колхозы : 1946—1964 гг. / В. Н. Томилин. — Москва : АИРО, XXI, 2021. — 448 с. — ISBN 978-5-91022-480-7.

25. *Филатов В. В.* Уральское село, 1927—1941 гг. : продуктовые и денежные повинности / В. В. Филатов. — Магнитогорск : МГТУ, 2007. — 370 с. — ISBN 978-5-89514-844-0.

26. *Хисамутдинова Р. Р.* Аграрная политика советского государства после окончания Великой Отечественной войны (июнь 1945 — март 1953 г.) / Р. Р. Хисамутдинова. — Оренбург : ОГПУ, 2003. — 608 с.

27. *Lewin M.* «Taking Grain» : Soviet Policies of Agricultural Procurements before the War / M. Lewin // History, Agricultural and Food Sciences. — London : Palgrave Macmillan, 1974. — Pp. 281—323.

*Статья поступила в редакцию 18.08.2024,
одобрена после рецензирования 30.12.2024,
подготовлена к публикации 23.04.2025.*

Material resources

- Agriculture of the USSR. St. collection.* (1988). Moscow: Finance and Statistics. 534 p. (In Russ.).
- GARF — *The State Archive of the Russian Federation.* (In Russ.).
- Resolution of the Council of Ministers of the USSR and the Central Committee of the CPSU(b). About harvesting livestock products. May 26, 1949, 2153. In: *Collection of decrees and orders of the Council of Ministers of the USSR for 1949, No. 1-13.* Moscow: Without publisher, without year. — 320 p. . (In Russ.).
- RGAE — *Russian State Archive of Economics.* (In Russ.).
- Three-year plan for the development of public collective farm and state farm productive livestock (1949—1951). (1949). *Pravda: Organ of the Central Committee and the MK of the CPSU (b). 19 Apr.* (In Russ.).

References

- Akhmadieva, N. V. (2008). *Collective farm peasantry of the Bashkir ASSR in 1945—1965.* Ufa: Gelim. 176 p. ISBN 978-5-7501-0960-9. (In Russ.).
- Andreenkov, S. N. (2009). Agrarian transformations and agriculture in Siberia. *Economic history: yearbook.* 410—450. (In Russ.).
- Andreenkov, S. N. (2014). Reformation of the system of procurement of collective farm products in the USSR in the 1950s. *Yearbook on the agrarian history of Europe, 1:* 449—458. (In Russ.).
- Bakhtiyarov, R. S., Fedorova, A. V. (2019). *Animal husbandry in the Southern Urals during the Great Patriotic War of 1941—1945.* Orenburg: OGAU. 208 p. ISBN 978-5-6040395-8-8. (In Russ.).
- Filatov, V. V. (2007). *Uralskoye selo, 1927—1941: food and monetary duties.* Magnitogorsk: MSTU. 370 p. ISBN 978-5-89514-844-0. (In Russ.).
- Gray, K. R. (1992). State regulation of agricultural production in the USSR and the USA: a comparative analysis. *Bulletin of Agricultural Science, 1:* 57—72. (In Russ.).
- Harutyunyan, Yu. V. (1963). *Soviet peasantry during the Great Patriotic War.* Moscow: USSR Academy of Sciences. 459 p. (In Russ.).
- Ilinykh, V. A. (2004). *Taxation of the Siberian village. Late 1920s — early 1950s.* Novosibirsk: IIIFF SB RAS. 167 p. ISBN 5-94306-148-7. (In Russ.).
- Khisamutdinova, R. R. (2003). *Agrarian policy of the Soviet state after the end of the Great Patriotic War (June 1945 — March 1953).* Orenburg: OGPU Publ. 608 p. (In Russ.).
- Kornilov, G. E. (1990). *The Ural village during the Great Patriotic War (1941—1945).* Sverdlovsk: USU. 224 p. (In Russ.).
- Lewin, M. (1974). «Taking Grain»: Soviet Policies of Agricultural Procurements before the War. In: *History, Agricultural and Food Sciences.* London: Palgrave Macmillan. 281—323.
- Mamyachenkov, V. N., Motrevich, V. P. (2023). Milk production by agriculture in the Urals in 1946—1965. *Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University. Electronic scientific Journal, 3 (947):* 203—217. DOI: 10.32516/2303-9922.2023.47.13. (In Russ.).
- Mamyachenkov, V. N., Motrevich, V. P. (2024). Meat production in the individual and public sectors of agriculture in the Urals in 1946—1965. News of higher educational institutions. *The Volga region. Humanities, 1 (69):* 42—54. (In Russ.).
- Motrevich, V. P. (1993). *Agriculture of the Urals in statistical indicators (1941—1950).* Yekaterinburg: Nauka Publ. 307 p. (In Russ.).

- Motrevich, V. P. (2023). Wool production by agriculture in the Urals in 1946—1965. *Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University. Electronic scientific Journal*, 2 (46): 187—199. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-2-477-496>. (In Russ.).
- Petrulina, I. V. (2022). Practical experience in organizing the harvesting of livestock and other agricultural products. *Meat industry*, 5: 30—35. DOI: 10.37861/2618-8252-2022-05-30-35. (In Russ.).
- Popov, V. P. (1992). *The peasantry and the State (1945—1953). Studies of modern Russian history*. Paris: Ymca-Press. 298 p. (In Russ.).
- The history of the socialist economy of the USSR. Restoration of the national economy of the USSR. The creation of the economy of developed socialism, 1946 — early 1960s*, 6. (1980). Moscow: Nauka Publ. 589 p. (In Russ.).
- The history of the Soviet peasantry. The peasantry in the years of consolidation and development of socialist society, 1945 — the end of the 50s*, 4. (1988). Moscow: Nauka. 395 p. (In Russ.).
- Tolmacheva, R. P. (1979). *Collective farms of the Urals in the first post-war years (1946—1950)*. Tomsk: TSU. 220 p. (In Russ.).
- Tomilin, V. N. (2021). *The state and collective farms: 1946—1964*. Moscow: AIRO, XXI. 448 p. ISBN 978-5-91022-480-7. (In Russ.).
- Vasilyeva, S. I. (2010). Village and state procurement policy in 1941—1945 (based on the materials of the Mari ASSR). *Russian history*, 3: 37—48. (In Russ.).
- Volkov, I. M. (1972). *Labor feat of the Soviet peasantry in the post-war years: Collective farms of the USSR in 1946—1950*. Moscow: Mysl Publ. 293 p. (In Russ.).
- Winter, V. F. (1996). *Famine in the USSR 1946—1947: origin and consequences*. Moscow: Institute of Physics and Technology of the Russian Academy of Sciences. 265 p. (In Russ.).
- Zelenin, I. E. (1969). *State farms in the USSR (1941—1950)*. Moscow: Nauka Publ. 344 p. (In Russ.).
- Zhevalov, S. A. (2018). *The solution of the food problem in the USSR during the Great Patriotic War*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 23 p. (In Russ.).
- Zhevalov, S. A. (2023). *Supplies of agricultural products in the Soviet Union during the Great Patriotic War. In 2 hours*. Moscow: Rodina. 422 p. ISBN 978-5-00180-910-4. (In Russ.).

*The article was submitted 18.08.2024;
approved after reviewing 30.12.2024;
accepted for publication 23.04.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(3), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Махрачев Г. С. Хозяйственная деятельность промысловой кооперации Тамбовской губернии в 1921—1924 годах / Г. С. Махрачев // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 3. — С. 451—467. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-451-467.

Makhrachev, G. S. (2025). Economic Activities of Craft Cooperatives in Tambov Province from 1921 to 1924. *Nauchnyi dialog*, 14 (3): 451-467. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-451-467. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Хозяйственная деятельность промысловой кооперации Тамбовской губернии в 1921—1924 годах

Махрачев Георгий Сергеевич

orcid.org/0000-0002-8279-243X

Scopus Author ID: 58164619600

Scopus Author ID: 58164323300

WoS ResearcherID: IZE-0621-2023

кандидат исторических наук,

старший преподаватель

кафедры истории

и философии

mahrachova@mail.ru

Тамбовский государственный
университет имени Г. Р. Державина
(Тамбов, Россия)

Благодарности:

Публикация подготовлена
при финансовой поддержке гранта
Тамбовского государственного
университета имени Г. Р. Державина
для поддержки научных коллективов,
Приказ № 490/1 от 02.09.2024 г.

Economic Activities of Craft Cooperatives in Tambov Province from 1921 to 1924

Georgiy S. Makhrachev

orcid.org/0000-0002-8279-243X

Scopus Author ID: 58164619600

Scopus Author ID: 58164323300

WoS ResearcherID: IZE-0621-2023

PhD in History, Senior Lecturer

Department of History

and Philosophy

mahrachova@mail.ru

Derzhavin Tambov
State University
(Tambov, Russia)

Acknowledgments:

The publication was prepared
with financial support from the grant
of Derzhavin Tambov State University
to support scientific teams,
Order № 490/1 dated September 2, 2024

© Махрачев Г. С., 2025

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена изучению региональной специфики организации хозяйственной деятельности промысловых кооперативов и их союзов. Рассматриваемый временной промежуток соответствует начальному этапу возрождения промысловой кооперации в годы нэпа. Были выявлены особенности работы объединенных кустарей к моменту окончания периода военного коммунизма. Далее было проанализировано состояние функционировавших в 1921—1922 годы. уездных и губернских специальных союзов. Было установлено множество факторов, тормозивших становление кооперативной системы: слабая финансовая база образовавшихся союзов, их рыхлая структура, нехватка грамотных специалистов, неумение работать в рыночных условиях, организационные ошибки членов правления. Отдельно был рассмотрен временной промежуток 1923—1924 годов. В это время произошел острый кризис кооперативного строительства. Автор приходит к выводу о том, что в основе его лежали объективные (изменение территориальных границ губернии и общегосударственный экономический кризис 1923 года) и субъективные (многочисленные просчеты местного кооперативного руководства) факторы. Доказано, что в результате этого процесса единственный оставшийся в губернии к этому моменту районный союз кустарно-промысловой кооперации был упразднен, а в смешанных союзах промысловые кооперативы практически исчезли. Подчеркивается, что вместе с тем прекратили свое существование множество лежкооперативов.

Ключевые слова:

нэп; промысловая кооперация; кустарно-промысловый союз; кустарь; Тамбовская губерния.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the regional specifics of organizing economic activities among craft cooperatives and their unions during the early stages of the revival of craft cooperation in the NEP era. The timeframe under consideration corresponds to the initial phase following the end of War Communism. The study identifies distinctive features of the operations of consolidated artisans by the conclusion of this period. Furthermore, it analyzes the status of district and provincial special unions that were active from 1921 to 1922. Several factors hindering the establishment of a cooperative system were identified, including a weak financial foundation for the newly formed unions, their loose organizational structure, a shortage of skilled professionals, an inability to operate under market conditions, and organizational missteps by board members. A separate analysis is devoted to the period of 1923 to 1924, during which a severe crisis in cooperative development occurred. The author concludes that this crisis stemmed from both objective factors (such as changes in the territorial boundaries of the province and the nationwide economic crisis of 1923) and subjective factors (including numerous miscalculations by local cooperative leadership). It is demonstrated that as a result of this process, the only remaining district union of craft cooperation in the province was dissolved, and craft cooperatives virtually disappeared from mixed unions. The article emphasizes that many fraudulent cooperatives also ceased to exist during this time.

Key words:

NEP; craft cooperation; artisan cooperative; artisan; Tambov Province.

УДК 94(47).084.3+94(470.326)“1921/1924”

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-451-467

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

Хозяйственная деятельность промысловой кооперации Тамбовской губернии в 1921—1924 годах

© Махрачев Г. С., 2025

1. Введение = Introduction

Эпоха нэпа является уникальным периодом отечественной истории. Пришедшее к власти на волне революционного подъема советское правительство первые годы своего существования находилось на военном положении. К началу 1920-х годов лидеры белого движения были разгромлены, но начало расти недовольство в среде крестьянских масс. Усиливавшийся социальный кризис вынудил советское руководство принять решение о смягчении радикальности экономических реформ и частичном восстановлении рыночных отношений. Способы адаптации к послевоенной действительности как государственной власти, так и хозяйствующих субъектов выступают актуальной темой для исследований, поскольку уже в скором времени будут отражать потребности российского общества. В данной статье рассматривается специфика производственной деятельности промысловых кооперативов и их союзов в условиях демилитаризации экономики.

Для советских историков характерен низкий интерес к проблемам развития промысловой кооперации в годы нэпа. Авторы немногих вышедших в свет исследований излишне оптимистично оценивали положение объединившихся для совместной работы кустарей, отражали только положительные результаты государственной политики по поддержке мастеров, старались представить общегосударственную картину, оставляя за скобками региональную специализацию.

Б. Р. Фромметт подчеркивал взаимовыгодную связь между всеми звеньями кооперативной системы [Фромметт, 1927, с. 39]. Примеры положительного влияния социалистических соревнований на модернизацию кустарного производства рассмотрел В. А. Тихомиров. Он отметил рост числа промысловых объединений и их организационную прочность [Тихомиров, 1929, с. 11—12]. П. И. Василевский и Е. И. Шлифтейн изучили географию кустарной деятельности, динамику кооперирования мастеров, объемы производившейся продукции. Авторы придерживались мнения, что в промысловых кооперативах происходила механизация труда и доходы

мастеров повышались [Василевский и др., 1930, с. 54, 280]. П. И. Яковлев также отметил, что «советское государство оказывало им всевозможную помощь кредитом, сырьем, кадрами» [Яковлев, 1957, с. 19]. А. И. Бузлаева указывала, что «главная задача кооперации состояла в подготовке перехода мелких товаропроизводителей к социализму» [Бузлаева, 1969, с. 58]. Именно поэтому советская власть обеспечивала ее постоянными заказами, предоставляла налоговые послабления, организовывала целенаправленное кредитование и снабжала сырьем [Там же, с. 60, 63—65]. В. А. Архипов и Л. Ф. Морозов видели в промысловой кооперации опору советской власти в борьбе с частным капиталом [Архипов и др., 1978, с. 50].

Перестроечная эпоха кардинально повлияла на взгляды историков. Ученые стали резко негативно оценивать политику советской власти, делая акцент на ограничениях в деятельности объединившихся мастеров. Так, И. А. Козлов отмечал, что «курс на поощрение кустарно-ремесленной кооперации вел к всё большей потере ею своей хозяйственной самостоятельности» [Козлов, 1990, с. 82]. О. Н. Елютин писал, что после перехода к нэпу судьба кооперации «зависела от того, как сильно натягивался государственный регулирующий поводок» [Елютин, 1998, с. 45]. Схожую позицию занял Л. Е. Файн [Файн, 1994, с. 179—180].

Отдельно отметим работы А. А. Николаева. В своей опубликованной в 1988 году монографии ученый подробно остановился на исследовании специфики сибирского кооперативного опыта, отметив, что промысловые объединения, привыкшие существовать в условиях военного времени, оказались не готовы к новым реалиям [Николаев, 1988, с. 65]. В дальнейшем Николаев рассматривал уже общегосударственный уровень, вновь отметив, что взлет числа кустарных объединений в 1921 году был обусловлен их лжекооперативным уклоном, а сами мастера при этом испытывали серьезные производственные проблемы [Николаев, 2007, с. 129—130].

В 2005 году была опубликована крупная работа В. Г. Егорова, в которой автор попытался выявить место кустарей в системе развивавшихся капиталистических отношений и определить возможности трансформации мелкотоварного производства в кооперативное. 1921—1923 годы автором характеризовались как «демократические», когда кооперация развивалась в соответствии с рыночной конъюнктурой, вследствие чего происходило отмирание изначально нежизнеспособных объединений [Егоров, 2005, с. 259].

Для последних 20 лет характерен рост числа региональных исследований. Так, О. В. Ягов подробно рассмотрел эволюцию промысловой кооперации Поволжья, отметив ее экономический упадок в 1921—1923 годах, что было связано с голодом, снятием с госснабжения и финансовой слабостью [Ягов, 2008, с. 158]. Важно и то, что автор отметил тотальную ориен-

тацию кооперативов не на производственную, а на торговую деятельность [Там же, с. 157]. А. Ю. Давыдов изучил петроградско-ленинградский кооперативный опыт, заметив, что кризисные явления в первые годы нэпа были связаны с управленческими ошибками членов правления [Давыдов, 2011, с. 45]. Можно также отметить статьи Е. В. Бородулиной, О. Г. Вязовой, А. А. Панарина, опубликованные в периодических научных изданиях [Бородулина, 2018; Вязова, 2006; Панарин, 2021].

Таким образом, выводы многих историков были обусловлены не объективными данными, а веяниями политических тенденций. В связи с этим остается актуальным вопрос о причинах, приведших к кризису кооперативного сектора в начале нэпа. Были ли они в большей степени обусловлены общегосударственным хозяйственным упадком или субъективными ошибками, вина за которые лежала на партийных руководителях или членах правлений? Недостаточно подробно рассмотрена хозяйственная деятельность промысловых объединений. Так, многие исследователи указывали, что «ножницы цен» 1923 года негативно отразились на кооперации, однако конкретизация оставалась за скобками. Наблюдается явная нехватка региональных исследований.

В одной из своих предыдущих работ автор затрагивал вопросы хозяйственной деятельности промысловых кооперативов [Махрачев, 2024]. Однако основное внимание было уделено выявлению этапов построения промысловых союзов. В данной статье будет предпринята попытка изучить специфику их хозяйственной деятельности.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Хронологические рамки исследования охватывают временной промежуток с 1921 по 1924 годы. В историографии нет единого подхода к периодизации развития промысловой кооперации в годы нэпа. Нижняя граница первого этапа, очевидно, связана с решениями X съезда РКП(б). Верхнюю границу историки определяют по-разному: 1923 или 1925 год. В первом случае имеется в виду сбытовой кризис, значительно скорректировавший представления советской власти о дальнейшем развитии экономики. Во втором случае — окончательное восстановление промысловой кооперации [Егоров, 2005, с. 224]. На наш взгляд, следует учесть региональную специфику и ограничить верхнюю временную границу исследования 1924 годом. Именно тогда произошло окончательное складывание административно-территориального деления Тамбовской губернии, а также окончательно исчезли специализированные кустарно-промысловые союзы.

В рамках работы использовались протоколы заседаний уездных и губернских партийных комитетов по вопросам развития кооперации, прилагавшиеся к ним доклады и отчеты. Эти документы хранятся в государ-

ственном архиве социально-политической истории Тамбовской области. В фондах государственного архива Тамбовской области были изучены доклады, предоставлявшиеся для местных советов народного хозяйства. К исследованию также привлекались опубликованная делопроизводственная документация и периодические издания.

Оборачиваясь на исследовательский опыт предшествующих поколений историков, мы были особенно внимательны при реализации принципа объективности, отразившегося в оценках событий и явлений периода нэпа. В качестве методологической основы использовался также принцип историзма. Было прослежено влияние изменявшихся экономических реалий на специфику организации производственного процесса мелких товаропроизводителей, трудившихся в кооперации. При этом учтена инерциальность самих мастеров, привыкших работать в мобилизационном ритме и не желавших перестраиваться под новые условия. Историко-генетический метод позволил выявить ключевые этапы адаптации промысловой кооперации к послевоенному времени. На основе историко-сравнительного метода были сопоставлены особенности организации хозяйственной деятельности в среде объединившихся кустарей в 1921 и 1924 годах.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Промысловая кооперация на пути к нэпу

Развернувшаяся на рубеже 1910—1920-х годов гражданская война потребовала от молодого советского правительства мобилизации всех имевшихся ресурсов. Победа была обусловлена не только солдатской храбростью и полководческими талантами военачальников, но также тотальным напряжением производственных сил, которые закрывали потребности армии в вооружении, обмундировании, топливе и провизии. При этом важно понимать, что крупная промышленность, которая должна была удовлетворять эти потребности, оказалась в глубоком кризисе, а потому к выполнению военных заказов пришлось привлекать мелких товаропроизводителей. Так, в 1920 году был учрежден специальный орган — чрезвычайная комиссия по производству и распределению валенок и лаптей, которая должна была мобилизовать кустарей для изготовления армейской обуви [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 1042, л. 148]. Кроме того, советское правительство взяло курс на создание массовой сети промысловых объединений. Для большего контроля над деятельностью кустарей промысловая кооперация в 1920 году была переведена в подчинение потребительской.

С одной стороны, тотальная мобилизация кустарного производства позволила выжить многим мастерам в тяжелые военные годы. Государство предоставляло им заказы, сырье, пайки, налоговые послабления и возмож-

ность уклониться от службы в армии. Именно благодаря адаптации под военные запросы получило свое развитие Рассказовское промысловое кооперативное товарищество кустарей-вязальщиков, которое легло в основу образовавшегося 23 ноября 1920 года Рассказовского районного производственного союза кооперативов. Организованное в 1917 году из 17 человек [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 3499, л. 66], к концу 1920 года товарищество насчитывало около 3 500 членов, исключительно женщин. Мастерицы изготавливали различные шерстяные изделия: платки, шарфы, перчатки, чулки, шапки, фуфайки и т. д. [Там же, д. 1610, л. 69].

С другой стороны, политика по кооперированию кустарей сопровождалась явными ошибками и перегибами. К началу нэпа самостоятельная успешная деятельность рассказовского союза была скорее единичным явлением. В остальных случаях объединения промысловых кооперативов функционировали в качестве автономных секций при потребительских союзах. Здесь мастера практически теряли производственную самостоятельность и должны были работать исключительно на государственные нужды, получая фиксированную плату за выполнение заранее установленной ежедневной нормы [Отчет ..., 1921, с. 14].

К тому же наличие госзаказов само по себе не означало обязательную занятость кустарей. В источниках можно найти множество упоминаний о проблемах с выделением необходимого для работы мастеров уездных кустарно-промысловых секций (укустпромсекций) сырья, что вело к срыву производственных работ. В Усманской укустпромсекции в начале 1921 года были зафиксированы задержки в поставках шерсти и купоросного масла для валяльщиков. Кроме того, оказалось, что из 3 423 кг шерсти, предоставленной по итогу многочисленных запросов, 983 кг являлось браком [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 2268, л. 8]. Специальная комиссия, принимавшая 22 марта 1921 года шерсть от Липецкого уездного союза для нужд местной укустпромсекции, отметила, что все 8 742 кг выделенного сырья были непригодными для выделки [Там же, л. 21]. Также члены Липецкой укустпромсекции были вынуждены сталкиваться с многочисленной бюрократической волокитой при оформлении требований на сырье [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 2257, л. 3].

Но было бы ошибкой связывать тяжелые условия, в которых оказались многие кооперированные кустари к началу нэпа, исключительно с политикой советских властей. В стремлении избежать военной службы крестьяне организовывали промысловые кооперативы, получившие название «дезертирские артели». Существовая формально, эти объединения халатно относились к выполнению госзаказов и своим примером негативно влияли на остальных мастеров. Встречались и такие случаи, когда промысловые кооперативы хоть и числились таковыми, но на практике действовали по

образу капиталистических предприятий. Руководство обозначенных объединений получало от государства всевозможные льготы, а мастеров использовало как наемных рабочих. И даже в объединениях, которые внешне соответствовали всем требованиям советской власти и в которых мастера стремились качественно выполнять свою работу, при ближайшем рассмотрении был замечен низкий организационный уровень. Отмечалась неуплата вступительных и паевых взносов, редкость общих собраний членов кооператива, низкий уровень делопроизводственной документации, слабая связь с союзами [Покровский, 1922, с. 24].

3.2. Самостоятельная деятельность промысловой кооперации

После перехода к нэпу началось обособление кустарной кооперации от влияния потребительской. 1 августа 1921 года был образован Тамбовский губернский союз кустарно-промысловой кооперации (губкустпромсоюз), охватывавший 12 уездных и 1 районный союзы. Первое время своего существования новые союзы испытывали заметные затруднения в своей деятельности. Во-первых, они базировались на слабой хозяйственной базе бывших кустарно-промысловых секций. Во-вторых, постепенно заканчивалась гражданская война, государство все меньше привлекало кустарей к выполнению военных заказов, экономика переходила на капиталистические начала, а потому и промысловым кооперативам необходимо было быстро перестраиваться под новые реалии.

В условиях, когда «своих средств не хватало даже на оплату аппарата» [Е., 1923, с. 23], первоочередной задачей образовавшихся союзов стал поиск средств к существованию. Поначалу им удалось добиться лишь предоставления мелких кредитов на срок в 2—3 месяца. Для организации качественного производства этот временной промежуток был мал. К тому же кредиторы постоянно меняли условия сделок. А потому союзы частично переориентировались на торговую деятельность: закупка товаров по возможно более низким ценам с целью сбыть их максимально дорого [Покровский, 1922, с. 24].

Производственная деятельность союзов в это время была связана преимущественно с выполнением заказов от различных государственных структур при условии предоставления всех необходимых для работы материалов [Лябин, 1922, с. 26]. Однако первые крупные договоры, которые удалось заключить губкустпромсоюзу с губернским продовольственным комитетом, Всероссийским кооперативным лесным союзом, губернской военнотехнической дистанцией, не были реализованы. Можно выделить несколько причин такой неудачи. Во-первых, установленные договорами твердые цены были выгодны мастерам лишь на момент предоставления заказов, но с течением времени быстро теряли свою актуальность из-за инфляции. Во-

вторых, заказчики не предоставляли требовавшиеся для работы материалы в должном объеме [Краткий ..., с. 461]. В-третьих, созданные союзы имели поначалу весьма рыхлую структуру. В нормальных условиях первичные кооперативы должны объединяться во вторичные, а последние — в третичные. На Тамбовщине наблюдался обратный процесс: образовавшийся губкустпромсоюз стал подстраивать под свои интересы уездные объединения, а эти последние — первичные кооперативы, которые за годы военного коммунизма привыкли к многочисленным льготам. Как отмечалось в документах, «произошло строительство кооперации сверху» [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 2340, л. 166]. В результате центр не отражал интересы низов, а потому последние теряли в нем всякую заинтересованность. В-четвертых, аппарат союзов испытывал острую нужду в квалифицированных кадрах. В частности, не хватало инструкторов, которые должны были оказывать кооперативам техническую и организационную помощь [Покровский, 1922, с. 24].

В течение 1922 года производственный процесс в губкустпромсоюзе все же стал налаживаться. Было принято решение о создании собственной сырьевой базы. Для этого на кредиты Государственного банка (госбанка) и средства, полученные от торговых оборотов, началась закупка необходимых для мастеров материалов. Для дубильщиков и портных было заготовлено 30 000 овчин, для трикотажников и валяльщиков — 57 332 кг шерсти, для щеточников — 4 914 кг щетины и 16 381 кг конского волоса, для деревообделочников — 40 952 кг железа, а также 142 м³ досок и тесов — для деревообделочников. Были организованы экспедиции в Киргизскую АССР и Воронежскую губернию для закупки кож, шерсти, рог и копыт. Были приобретены лесные делянки для заготовки древесины [Краткий ..., с. 461—462].

Кроме того, принимались меры для улучшения качества производимой продукции. Губкустпромсоюзом была открыта кройно-пошивочная мастерская по шубному делу, а также произведено оборудование показательной механической столярной мастерской и мастерской изделий из жести [Щ., 1923, с. 89]. Кирсановским уездным союзом кустарно-промысловой кооперации (укустпромсоюзом) была организована показательная школа, где желающие могли обучиться гончарному делу. Более того, изготавливая в процессе обучения гончарные изделия, воспитанники школы получали за свою работу паяк и 1 000 руб. В день на человека [2-й ..., с. VI]. А Козловский укустпромсоюз организовал собственную валяльную мастерскую [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 2834, л. 37].

К началу 1923 года работа губкустпромсоюза стала постепенно налаживаться. За предшествующий год союзу удалось изготовить по разным заказам около 25 000 овчин, 500 полушубков и тулупов, 7 000 штук трикотажных изделий. Его баланс доходил до 1 500 000 руб., а прибыль со-

ставила 600 000 руб. [Щ., 1923, с. 89]. Однако вместе с первыми успехами начался и закат союза.

3.3. Кризис кооперативной системы

В течение второй половины 1922 — начала 1923 года 6 укустпромсоюзов, состоявших в губкустпромсоюзе, были преобразованы в смешанные союзы и вошли в состав губернского союза сельскохозяйственной, кустарно-промысловой и кредитной кооперации (губсельскосоюза). Еще 5 укустпромсоюзов вышли из состава Тамбовской губернии вместе с уездами, в которых они находились. Остатки губкустпромсоюза к 1 апреля 1923 года были преобразованы в Тамбовский районный союз кустарно-промысловой кооперации (райкустпромсоюз), получивший в наследство начальные средства на сумму в 2 990 руб. 80 коп. Причем 36 % из этой суммы приходилось на имущество и инвентарь союза, а 64 % — на товары, которые, как утверждалось, не поддавались реализации и просто лежали на складе. А потому оказалось, что Тамбовский райкустпромсоюз, подобно своему предшественнику — губкустпромсоюзу — на момент своего создания испытывал серьезные финансовые трудности [ГАСПИТО, ф. П–840, оп. 1, д. 2340, л. 172].

Первый кредит в размере 1 500 руб. для производственных нужд был открыт райкустпромсоюзу госбанком 20 июня 1923 года. Из этой суммы 500 руб. имели вексельный характер. 300 руб. были потрачены на закупку овчин и 200 руб. — на погашение задолженностей, полученных от ликвидированных союзов. Еще 1 000 руб. должна была быть предоставлена райкустпромсоюзу под залог товаров. Но у него не нашлось изделий в таком количестве, которое бы в полной мере удовлетворило требование кредитора. Лишь рассказовский кооператив вязальщиков, входивший в союз, смог предоставить товар в залог на сумму в 426 руб. Соответственно, все полученные средства кооператив использовал для своих нужд, не считаясь с потребностями союза [Там же, л. 172—173].

В следующий раз райкустпромсоюзу удалось получить кредиты только под участие в Нижегородской ярмарке, проходившей в августе–сентябре 1923 года [Там же, л. 55]. 5 000 руб. были предоставлены госбанком и еще 500 руб. — Всероссийским кооперативным банком. Предполагалось потратить эти денежные средства на закупку сырья. Однако оказалось, что оно стоит в несколько раз дороже, чем на Тамбовщине, ввиду чего было принято решение приобрести фабрично-заводскую продукцию с целью в дальнейшем перепродать ее дороже. Начавшееся уже в конце ярмарки снижение товарных цен поставило союз в тяжелое положение. Пришлось реализовывать продукцию себе в убыток, а часть так и осталась лежать на складе [Там же, л. 173].

Стараясь стабилизировать свое финансовое положение, райкустпромсоюз организовал в августе 1923 года оптово-розничный магазин в Рас-

сказово, а в ноябре того же года — в Тамбове. Но прибыль, которую давали магазины, была незначительной — около 4,5 % от реализованного товара. Виной тому — общее снижение цен, о котором уже упоминалось выше. И если первоначально союз мог самостоятельно распоряжаться полученной выручкой, покрывая с ее помощью наиболее неотложные обязательства, то последовавшие 9—17 июня 1924 года постановления местного отделения госбанка обязали все полученные средства употреблять исключительно на погашение предшествовавших задолженностей [Там же, л. 169—171].

В это же время союз пытался наладить собственное производство. Основные силы были направлены на развитие овчинно-пошивочного дела. Для переработки было закуплено 19 000 овчин. 10 000 штук приобретено за счет ссуды госбанка и еще 9 000 за свои средства. Кроме этого, 10 080 овчин было получено от губсельскосоюза [Там же, л. 169, 173]. Впоследствии члены специальной Комиссии, занимавшейся ревизией состояния союза, критически отнесутся к такому решению: «Неправильно и ошибочно союзом было все внимание и все средства употреблено на овчинно-пошивочное дело, требовавшего значительное время для своего производства и долгосрочного кредита, какого союз ни откуда в своем распоряжении не имел» [ГАСПИТО, ф. 842, оп. 1, д. 992, л. 3 об.]. Ситуацию усугубили запоздалое получение ссуды и длительность производственного процесса. В результате многие изделия были готовы только к весне, когда спрос на них сильно упал, а потому реализовать их по выгодной цене не получалось. В дальнейшем союз был вынужден брать новые кредиты только для погашения предшествующих долгов [ГАСПИТО, ф. П–840, оп. 1, д. 2340, л. 174].

С 1 апреля 1923 года по 1 января 1924 года кооперативами, входившими в райкустпромсоюз, было выделано 32 413 овчин, а также пошито 2 164 тулупов и полушубков. Были налажены канатно-веревочное и жестяночное производства, но контрольных данных нет. Кроме того, члены союза организовали собственные мастерские. С 1 января по 1 июля 1924 года было изготовлено 4 034 овчин, 1 000 полушубков рабочего образца, 102 полушубка крестьянского образца, 4 тулупа из овчин заказчиков, 500 полушубков военного образца, 100 пар валенок, 1 000 бараньих кож, 300 пар рукавиц, 788 пар обуви, 505 шапок, 2 545 товаров из жести. Велись мелкие работы по трикотажному, портняжному и деревообделочным производствам [Там же, л. 169—170].

Ревизионная комиссия разделила все изготовленные изделия на три группы: 1) дорогие, сезонный спрос на которые прошел; 2) средней ценовой категории, требующие значительного периода для сбыта; 3) такие, реализация которых маловероятна. Кроме этого, отмечалось, что в бухгалтерских документах союза эти изделия оцениваются на 25 % дороже их рыночной

стоимости. С учетом многочисленных долгов союза решение о его ликвидации выглядит вполне уместным [ГАСПИТО, ф. 842, оп. 1, д. 992, л. 4—4 об.].

3.4. Работа кустарей в смешанных союзах

После ликвидации райкустпромсоюза в губернии больше не осталось специализированных кустарных союзов. А потому дальнейшую историю существования промысловых объединений необходимо рассматривать в рамках деятельности смешанных союзов сельскохозяйственной, кустарно-промысловой и кредитной кооперации, которым с трудом удавалось справляться со всеми своими обязательствами.

Ревизионная комиссия, изучившая в июле 1923 года состояние дел в Кирсановском смешанном союзе, выявила множество нарушений как в уставе союза, так и в уставах первичных кооперативов. Оказалось, что правление союза не имеет в своем распоряжении уставов всех действовавших в его составе кооперативов, а кроме того, оно не располагает данными ни о социальном составе, ни о специфике деятельности своих подопечных. Редко (бывало, что раз в месяц) проходили собрания членов правления, а копии протоколов заседаний не предоставлялись губсельскосоюзу. За период с конца 1922 года по начало 1923 года из 6 членов правления 2 попали под арест, 2 были отстранены, 1 удалился по собственному желанию, 1 перешел на службу в Борисоглебск. Единственным членом правления, который сохранил свою должность, был Д. Г. Цыпкин, заведовавший вопросами строительства кустарной и кредитной коопераций. Слабой была деятельность инструкторов, которые почти не выезжали на места. По финансовой части комиссия вынесла 20 замечаний, половина из которых была связана с хищением имущества и денежных средств союза. На момент ревизии в союзе из 74 кооперативов только 3 являлись кустарными. Неудивительно, что при вышеобозначенных обстоятельствах они владели жалкое существование без плана работы и нагрузки [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 1943, л. 17—21, 26—28].

Поскольку на момент своего учреждения Борисоглебский смешанный союз не имел средств к существованию, его правление в течение 1922—1923 годов было больше всего озабочено финансовыми вопросами. Первые успехи в работе были перечеркнуты неудачей Нижегородской ярмарки: покупка дорогих товаров в кредит и трудности их дальнейшей реализации в связи с общим снижением цен. Вероятно, именно этот факт стал причиной изменения состава правления союза. Из 5 человек нового правления, избранного 10 марта 1924 года, трое были коммунистами. Однако их политические взгляды не подкреплялись профессионализмом: стаж работы этих людей в кооперативной среде составлял всего 2—3 года [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 2340, л. 55—56]. К августу 1923 года в составе союза действовал только 1 промысловый кооператив булочников-кондитеров.

В это же время на регистрацию своих уставов подали заявки два кооператива: 1) по ремонту сельскохозяйственных орудий труда и 2) колбасников. Причем последний имел характер скорее торгового предприятия [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 3325, л. 27].

В «Докладной записке о состоянии Козловского кредсельсоюза» также упоминалось о тяжелом положении и бюджетных убытках в 1924 году на 95 000 руб. вследствие «кризиса на товарном рынке осенью 1923 года, снижения цен на промтовары, денежной реформы 1924 года и принудительного ассортимента неходовых товаров» [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 3322, л. 5]. Но при этом состояние промысловых кооперативов в этом союзе было несколько лучше, чем в двух вышеобозначенных. В его состав входило 6 кооперативов деревообделочников, 3 — овчинников, 1 — вальщиков, 1 — кожевников, 1 — гончаров, 1 — кожевников. Производили «телеги, сани, сохи, деревянные и железные бороны, горшки, овчины, валенки, потники и т. д.». Выполняли главным образом заказы местных кооперативных организаций или частных лиц [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 3325, л. 20].

В наследство от укустпромсоюза Моршанский смешанный союз принял задолженность в 4 638 руб., множество бракованных изделий, качественные материалы, большей частью заложенные в госбанке, 32 кооператива, из которых действующими были признаны только 24. Впрочем, капитал, полученный от усельскосоюза, также не вызывал оптимизма [ГАСПИТО, ф. 997, оп. 1, д. 867, л. 6]. Первоначальные успехи по реализации поступавших госзаказов способствовали привлечению необходимых для существования союза средств. В конце 1922 — начале 1923 года 12 000 руб. прибыли было получено в результате заготовления яблок, 13 000 — рыбы и еще 52 000 — мануфактуры. Однако уже в скором времени положение дел было омрачено неудачами в связи с повторной заготовкой рыбы, из-за чего союз получил убыток в 74 000 руб. [Там же, л. 15]. Из всех обозначенных договоров для нас интересен тот, который был связан с заготовкой 327 614 кг яблок, поскольку он дал работу деревообделочным кооперативам, производившим тару. Кроме этого мастера занимались выработкой шерсти, кадушек, топоров и рам из материалов, полученных союзом в кредит [Там же, л. 4, 6]. Объективные кризисные явления 1923 года, обусловленные снижением цен на товары, приобретенные в кредит, вкупе с субъективными нарушениями, связанными, в частности, с неудовлетворительным ведением бухгалтерской отчетности, привели к изменению состава правления 22 июля [ГАСПИТО, ф. 997, оп. 1, д. 938, л. 64, 72 об.]. Положение промысловых кооперативов стало в этот момент критичным. Их осталось 2: колесников-санников и тележников-санников [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 3325, л. 21].

Вероятно, кризис 1923 года отразился также на Липецком и Лебедянском смешанных союзах, но современников больше волновало их слияние в 1924 году, поскольку именно этот вопрос в подавляющем большинстве случаев поднимался на собраниях партийных и кооперативных органов. Липецкий союз в 1923 году объединял 2 кооператива овчинников, 2 — тележников, 1 — вальщиков, 1 — санников, 1 — по обжигу извести, 1 — веревочников, 1 — дужников. Лебедянский объединял три товарищества женского труда [Там же, л. 29—30]. После вхождения Лебедянского уезда в состав Липецкого в 1924 году Липецкий союз был ликвидирован, а входившие в него кооперативы поглотил Лебедянский союз. Промысловых кооперативов по состоянию на 1 октября 1924 года в нем было по-прежнему 12 (именно такая цифра и должна была получиться при сложении числа кооперативов двух союзов в 1923 году), однако число участников стало заметно ниже: 147 человек против 213 в предшествующем году [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 3322, л. 38]. Ключевой вопрос был связан с долгами упраздненного Липецкого союза, поскольку кредиторы пытались взыскать их с Лебедянского союза и не выдавали новые ссуды. По итогу совещания при губкоме РКП(б) было принято решение, что Лебедянский союз не является правопреемником Липецкого, а потому не отвечает по его долгам [Там же, д. 2667, 5, 8, 8 об.].

4. Заключение = Conclusions

Переход к нэпу кардинально изменил условия труда мелких товаропроизводителей, объединившихся для совместной работы. Промысловая кооперация освободилась из тисков потребительской и начала автономную деятельность. Новые промысловые союзы стали формироваться на базе ранее функционировавших укустпромсекций. Сложилась ситуация, когда вторичные и третичные кооперативы начали подстраивать под свои интересы первичные объединения. Ранее такая организация была приемлема, поскольку мастера через кооперативы получали гарантированные заказы. Однако окончание гражданской войны снизило число государственных заданий, слабая финансовая база образовавшихся союзов не позволяла развернуть производственную деятельность в должном объеме, а восстанавливавшаяся рыночная экономика требовала самостоятельности, к которой никто не привык. В поисках средств к существованию многие союзы переориентировались на торговую деятельность, занимаясь производством преимущественно под заказ. Последовавшие изменения в административно-территориальном устройстве губернии, ошибочные действия членов правления союзов и кризис 1923 года подорвали благосостояние кооперативов. Вместе с тем исчезло множество изначально недееспособных объединений.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ГАСПИТО — *Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области*. Ф. П–840 (Тамбовский губернский комитет ВКП(б). О. 1. Д. 1943, 2340, 2667 ; 3322 ; Ф. 842 (Тамбовский уездный комитет ВКП(б). Оп. 1. Д. 992 ; Ф. 997 (Моршанский уездный комитет ВКП(б). Оп. 1. Д. 867, 938.
2. ГАТО — *Государственный архив Тамбовской области*. Ф. Р–727 (Совет народного хозяйства исполнительного комитета Тамбовского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов). Оп. 1. Д. 1042, 1610, 2257, 2268, 2834, 3325, 3499.
3. *Е. В. Кустарная кооперация в 1922 году* / В. Е. // Кооператор. — 1923. — № 3. — С. 23—24.
4. *Краткий обзор деятельности ГИК и его Президиума за 1921—22 отчетный год*. — Без места и года. — 553 с.
5. *Лябин Н.* Производственная работа губкустпромсоюза (обзор деятельности) / Н. Лябин // Кооператор. — 1922. — № 1. — С. 25—27.
6. *Отчет Президиума Тамбовского ГСНХ к 4-му губернскому съезду совнархозов и 5-му губернскому съезду профсоюзов*. (За первое полугодие 1921 года). — Тамбов : Государственное издательство. Тамбовское отделение, 1921. — 38 с.
7. *2-й отчет Кирсановского уездного экономического совещания Тамбовской губернии*. На 1-е октября 1921 года. — Без места и года. — 49 с.
8. *Покровский Б.* Кустарно-промысловая кооперация в Тамбовской губернии / Б. Покровский // Кооператор. — 1922. — № 1. — С. 23—25.
9. *Щ. Н.* История Тамбовского губкустпромсоюза и его деятельность / Н. Щ. // Кооператор. — 1923. — № 11. — С. 88—89.

Литература

1. *Архипов В. А.* Борьба против капиталистических элементов в промышленности и торговле. 20-е — начало 30-х годов / В. А. Архипов, Л. Ф. Морозов. — Москва : Мысль, 1978. — 263 с.
2. *Бородулина Е. В.* Первые шаги сибирского промкооперативного строительства в условиях перехода к новой экономической политике (1921—1923 годы) / Е. В. Бородулина // Научный диалог. — 2018. — № 3. — С. 116—135. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-3-116-135.
3. *Бузлаева А. И.* Ленинский план кооперирования мелкой промышленности / А. И. Бузлаева. — Москва : Наука, 1969. — 175 с.
4. *Василевский П. И.* Очерки кустарной промышленности СССР / П. И. Василевский, Е. И. Шлифштейн. — Москва ; Ленинград : Государственное издательство, 1930. — 293 с.
5. *Вязова О. Г.* Кооперирование кустарных промыслов Чувашии в годы новой экономической политики / О. Г. Вязова // Вестник Чувашского университета. — 2006. — № 6. — С. 27—34.
6. *Давыдов А. Ю.* Кооператоры советского города в годы нэпа. Между «военным коммунизмом» и социалистической реконструкцией / А. Ю. Давыдов. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2011. — 216 с. — ISBN 978-5-91419-488-5.
7. *Елютин О. Н.* Кооперация в России — невостребованный опыт / О. Н. Елютин // Вестник Московского университета. Серия 8, История. — 1998. — № 5. — С. 30—53.

8. Козлов И. А. Революция, нэп и судьбы мелкого производства / И. А. Козлов // Историческое значение нэпа : сборник научных трудов. — Москва : Институт истории СССР, 1990. — С. 61—85.

9. Махрачев Г. С. Промысловая кооперация на территории Тамбовской губернии в 1920-х годах / Г. С. Махрачев // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 7. — С. 427—444. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-427-444.

10. Панарин А. А. Кустарно-промысловая кооперация Северного Кавказа в условиях новой экономической политики (1921—1929 гг.) / А. А. Панарин // Гуманитарные и юридические исследования. — 2021. — № 4. — С. 77—83. — DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.9.

11. Тихомиров В. А. Социалистическое соревнование и промысловая кооперация / В. А. Тихомиров. — Москва : Всекомпромсоюз ; Крестьянская газета, 1929. — 13 с.

12. Файн Л. Е. Отечественная кооперация : исторический опыт / Л. Е. Файн. — Иваново : Ивановский государственный университет, 1994. — 275 с. — ISBN 5-230-02245-0.

13. Фромметт Б. Р. Десять лет советской промысловой кооперации. 1917—1927 / Б. Р. Фромметт. — Москва : Книгосоюз, 1927. — 70 с.

14. Ягов О. В. Кустарно-промысловая кооперация Поволжья в условиях реализации новой экономической политики / О. В. Ягов. — Самара ; Пенза : Издательство Самарского научного центра Российской академии наук ; Пензенский государственный педагогический университет имени В. Г. Белинского, 2008. — 335 с. — ISBN 978-5-93424-385-3.

15. Яковлев П. И. Промысловая кооперация СССР за 40 лет / П. И. Яковлев. — Москва : Всесоюзное кооперативное объединенное издательство, 1957. — 51 с.

Статья поступила в редакцию 18.11.2024,
одобрена после рецензирования 24.12.2024,
подготовлена к публикации 23.04.2025.

Material resources

A brief overview of the activities of the GIK and its Presidium for the 1921—22 reporting year. "Without a place or a year". 553 p. (In Russ.).

E. V. (1923). Artisanal cooperation in 1922. *Cooperator*, 3: 23—24. (In Russ.).

GASPITO — *The State Archive of the socio-political History of the Tambov region*. (In Russ.).
GATO — *State Archive of the Tambov region. F. R-727 (Council of National Economy of the Executive Committee of the Tambov Provincial Council of Workers, Peasants and Red Army Deputies)*. (In Russ.).

Lyabin, N. (1922). Production work of gubkustpromsoyuz (review of activities). *Cooperator*, 1: 25—27. (In Russ.).

Pokrovsky, B. (1922). Handicraft and industrial cooperation in the Tambov province. *Cooperator*, 1: 23—25. (In Russ.).

Report of the Presidium of the Tambov State Agricultural Academy to the 4th Provincial Congress of the Council of National Farms and the 5th Provincial Congress of Trade Unions. (For the first half of 1921). (1921). Tambov: State Publishing House. Tambov branch. 38 p. (In Russ.).

2nd report of the Kirsanovsky District Economic Conference of the Tambov province. On October 1, 1921. Without a place or a year: 49 p. (In Russ.).

S. N. (1923). The history of the Tambov gubkustprom union and its activities. *Cooperator*, 11: 88—89. (In Russ.).

References

- Arkhipov, V. A., Morozov, L. F. (1978). *The struggle against capitalist elements in industry and trade. 20s — early 30s*. Moscow: Mysl Publ. 263 p. (In Russ.).
- Borodulina, E. V. (2018). The First Steps of the Siberian Industrial-Cooperative Construction in the Context of the Transition to a New Economic Policy (1921—1923). *Nauchnyi dialog*, 3: 116—135. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-3-116-135> (In Russ.).
- Buzlaeva, A. I. (1969). *Lenin's plan for small industry cooperation*. Moscow: Nauka Publ. 175 p. (In Russ.).
- Davydov A. Y. (2011). *Cooperators of the Soviet city during the NEP years. Between “war communism” and Socialist reconstruction*. St. Petersburg: Aleteya. 216 p. ISBN 978-5-91419-488-5. (In Russ.).
- Fine, L. E. (1994). *Domestic cooperation: historical experience*. Ivanovo: Ivanovo State University. 275 p. ISBN 5-230-02245-0. (In Russ.).
- Frommett, B. R. (1927). *Ten years of Soviet fishing cooperation. 1917—1927*. Moscow: Knigosoyuz. 70 p. (In Russ.).
- Kozlov, I. A. (1990). Revolution, NEP and the fate of small-scale production. In: *Historical significance of NEP: collection of scientific papers*. Moscow: Institute of History of the USSR. 61—85. (In Russ.).
- Makhrachev, G. S. (2024). Fisheries Cooperation in Tambov Province during 1920s. *Nauchnyi dialog*, 13 (7): 427—444. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-7-427-444> (In Russ.).
- Panarin, A. A. (2021). Artisanal and commercial cooperation of the North Caucasus in the context of the new economic policy (1921—1929). *Humanitarian and legal studies*, 4: 77—83. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.9. (In Russ.).
- Tikhomirov, V. A. (1929). *Socialist competition and industrial cooperation*. Moscow: Vsekompromsoyuz; Krestyanskaya gazeta. 13 p. (In Russ.).
- Vasilevsky, P. I. (1930). *Essays on the handicraft industry of the USSR*. Moscow; Leningrad: State Publishing House. 293 p. (In Russ.).
- Vyazova, O. G. (2006). Cooperation of handicrafts in Chuvashia during the years of the new economic policy. *Bulletin of the Chuvash University*, 6: 27—34. (In Russ.).
- Yagov, O. V. (2008). *Handicraft and commercial cooperation of the Volga region in the context of the implementation of the new economic policy*. Samara; Penza: Publishing House of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences; Penza State Pedagogical University named after V. G. Belinsky. 335 p. ISBN 978-5-93424-385-3. (In Russ.).
- Yakovlev, P. I. (1957). *Fishing cooperation of the USSR for 40 years*. Moscow: All—Union Cooperative United Publishing House. 51 p. (In Russ.).
- Yelyutin, O. N. (1998). Cooperation in Russia — unclaimed experience. *Bulletin of the Moscow University. Episode 8, The Story*, 5: 30—53. (In Russ.).

*The article was submitted 18.11.2024;
approved after reviewing 24.12.2024;
accepted for publication 23.04.2025.*

Информация для цитирования:

Муслимова Е. О. Федеральные земли Австрии в трансрегиональном сотрудничестве с регионами и странами Востока в XX—XXI веках / Е. О. Муслимова, А. Г. Нестеров, В. А. Катунцев // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 3. — С. 468—490. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-468-490.

Muslimova, E. O., Nesterov, A. G., Katuntsev, V. A. (2025). Transregional Cooperation of Austrian Federal Lands with Eastern Regions and Countries in 20th-21st Centuries. *Nauchnyi dialog*, 14 (3): 468-490. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-468-490. (In Russ.).

Web of Science™

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Федеральные земли Австрии в трансрегиональном сотрудничестве с регионами и странами Востока в XX—XXI веках

Муслимова Екатерина Олеговна¹

orcid.org/0000-0003-3866-450X
кандидат исторических наук, доцент
кафедры международных
отношений и регионоведения,
корреспондирующий автор
e.o.muslimova@utmn.ru

Нестеров Александр Геннадьевич²

orcid.org/0000-0002-3349-6204
доктор исторических наук,
профессор кафедры
зарубежного регионоведения
alexander.nesterov@urfu.ru

Катунцев Владимир Андреевич¹

orcid.org/0009-0000-8597-3706
аспирант
ipkatuntsev@yandex.ru

¹ Тюменский государственный университет
(Тюмень, Россия)

² Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда № 22-78-10118,
<https://rscf.ru/project/22-78-10118/>

Transregional Cooperation of Austrian Federal Lands with Eastern Regions and Countries in 20th-21st Centurie

Ekaterina O. Muslimova¹

orcid.org/0000-0003-3866-450X
PhD in History, Associate Professor,
Department of International
Relations and Regional Studies,
corresponding author
e.o.muslimova@utmn.ru

Alexander G. Nesterov²

orcid.org/0000-0002-3349-6204
Doctor of History, Professor,
Department of Foreign
Regional Studies
alexander.nesterov@urfu.ru

Vladimir A. Katuntsev¹

orcid.org/0009-0000-8597-3706
Postgraduate Student
ipkatuntsev@yandex.ru

¹ University of Tyumen
(Tyumen, Russia)

² Ural Federal University named after the First
President of Russia B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported by Russian Science
Foundation, project number 22-78-10118,
<https://rscf.ru/project/22-78-10118/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос формирования и развития трансрегиональных отношений федеральных земель Австрии со странами и регионами Востока. Уделяется внимание взаимодействию земель с федеральным правительством в сфере формирования региональных внешнеполитических стратегий. Представлены результаты анализа нормативных основ международной и внешнеполитической деятельности регионов Австрии (проведено исследование национального законодательства). Поднимается вопрос о традиционных тесных связях австрийских регионов с партнерами из сопредельных государств. Отдельно рассмотрено партнерство с отдаленными восточными территориями: китайскими провинциями, японскими префектурами, Ираном, Турцией, Израилем, государствами Ближнего Востока. Исследование базируется на авторской комплексной методологии, включающей принципы динамизма, системности и целостности, историко-системный и историко-сравнительный подходы, а также теоретические основы теории многоуровневого управления и федерализма. Установлено, что приоритетным партнером для многих австрийских земель является Китай. Показано, что при этом в качестве партнеров выступают разные провинции Китая в соответствии с ресурсной и инфраструктурной базой регионов Австрии.

Ключевые слова:

трансрегиональное сотрудничество; регионы; Австрия; Китай; провинции Китая; Европейский союз.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the formation and development of transregional relationships between the federal lands of Austria and Eastern countries and regions. It highlights the interaction between the lands and the federal government in shaping regional foreign policy strategies. The study presents an analysis of the regulatory framework governing the international and foreign policy activities of Austria's regions, based on a review of national legislation. The paper addresses the traditional close ties of Austrian regions with partners from neighboring states. Additionally, it explores partnerships with distant Eastern territories, including Chinese provinces, Japanese prefectures, Iran, Turkey, Israel, and Middle Eastern countries. The research is grounded in an original comprehensive methodology that incorporates principles of dynamism, systemic thinking, and holistic analysis, as well as historical-systemic and historical-comparative approaches, alongside theoretical foundations from multilevel governance and federalism theories. It is established that China serves as a priority partner for many Austrian lands, with various Chinese provinces engaging based on the resource and infrastructure capabilities of Austria's regions.

Key words:

transregional cooperation; regions; Austria; China; Chinese provinces; European Union.

Федеральные земли Австрии в трансрегиональном сотрудничестве с регионами и странами Востока в XX—XXI веках

© Муслимова Е. О., Нестеров А. Г., Катунцев В. А., 2025

1. Введение = Introduction

Насчитывающая чуть более ста лет существования, образованная после Первой мировой войны Республика Австрия занимала особое место в европейской истории и политической жизни: вплоть до середины 1950-х годов Австрия воспринимала себя скорее как исторический центр крупной центрально-европейской державы, а не как относительно небольшое национальное государство. В начале 1920-х годов австро-венгерский философ и политик граф Р. Куденхове-Калерги выдвинул идею объединения Европы на принципах мира, согласия, общей культуры и экономического процветания. Манифест «Пан-Европы», опубликованный им в 1923 году, дал начало понятиям европейской идеи и европейской идентичности. Для политика из Австрии это было вполне естественным, так как многосубъектная и полиэтническая Австро-Венгрия еще в XIX веке рассматривалась как своего рода прообраз европейского интеграционного объединения — Соединенных Штатов Европы [Нестеров, 2013].

В 1948 году Австрия присоединилась к Организации европейского экономического сотрудничества, будущей Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). После подписания Австрийского государственного договора (Декларации о независимости Австрии, 1955) государство в 1956 году вступило в Совет Европы, а в 1960 году — в Европейскую ассоциацию свободной торговли (ЕАСТ). Процесс присоединения к Европейским Сообществам начался с подписания таможенного соглашения с Европейским объединением угля и стали (ЕОУС) в 1956 году и продолжился переговорами и дальнейшим заключением соглашения о свободной торговле с Европейским экономическим сообществом (ЕЭС) в 1972 году. В 1989 году Австрия подала заявку на вступление в Европейские сообщества и спустя шесть лет наряду с Финляндией и Швецией стала полноправным членом Европейского союза.

Сотрудничество Австрии и ее регионов со странами и территориями Востока носит долгосрочный характер: налажены стратегические партнерские отношения с государствами Ближнего и Дальнего Востока, Индией, Средней Азией. Для австрийских федеральных земель выход на международный уровень открывает возможности для экономического, социального, инфраструктурного и культурного развития. Сотрудничество с отдаленными территориями представляет интересный феномен трансрегиональной кооперации — формирования устойчивых связей со странами и регионами, расположенными за пределами собственного региона. Целью данной статьи является определение основ и особенностей формирования и развития таких трансрегиональных связей австрийских земель со странами и регионами Востока.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Методологический конструкт исследования включает комплекс научных принципов, подходов и методов. В первую очередь, изучение активности регионов Австрии в трансрегиональном взаимодействии базировалось на принципах динамизма, системности и целостности, что позволило сформировать представление о формах и изменениях, ей свойственных, характере и содержании ее практической реализации, основах ее организации и регулирования.

Теоретически исследование было ограничено концептуализацией региона с опорой на пространственный подход: в качестве территориального, функционального и политического пространства, продукта изменений общественной жизни в структурном международно-политическом и экономическом пространстве. Здесь и далее формулировки *регион*, *земля* и *федеральная земля* тождественны и используются в соответствии с классификацией, принятой в номенклатуре единиц в целях статистики ЕС (Nomenclature of Territorial Units for Statistics, NUTS).

Исследование также опирается на положения теории многоуровневого управления с целью рассмотрения взаимно пересекающихся интересов и компетенций участников международно-политического процесса различного уровня, а также федерализма для интерпретации связей и процессов в отношениях «центр — регионы».

В качестве источников были задействованы Конституция и национальное законодательство Австрии, материалы местных и региональных органов власти, общественных и иных структур.

Хронологически исследование ориентировано на период с 70-х годов XX века по XXI век, так как именно в этих временных рамках произошло становление и развитие самостоятельной международной и внешнеполитической деятельности австрийских территорий.

Переходя к историографии вопроса, стоит отметить, что вопросы самостоятельного ведения регионами внешнеполитической и международной деятельности, или парадипломатии, освещаются в работах многих авторов. Так, Ю. Г. Акимов обращает внимание на особенности парадипломатии субъектов федераций, и в частности идентификационной парадипломатии, — выражении интересов регионов с яркой культурно- исторической и лингвистической спецификой [Акимов, 2016]. В. Г. Благодатских и А. А. Керимов изучают разность подходов к трактовке понятия «парадипломатия» [Благодатских, Керимов, 2017]. С. Пакин в многочисленных работах анализирует различные вопросы международной деятельности субгосударственных акторов, протодипломатии, функциональной, торговой и иной парадипломатии [Paquin, 2021; Paquin, 2022a; Paquin, 2022b].

Отдельного внимания заслуживают работы, посвященные австрийскому международному сотрудничеству и его специфике. Д. А. Зеленев исследует отношения Австрии с сопредельными государствами. В частности, он отмечает применение «нетрадиционных» механизмов дипломатической поддержки в момент распада Югославии — прецеденты парадипломатической деятельности, осуществляемой главами городов и федеральных земель Австрии: визиты бургомистра Вены Х. Цилька в Загреб, а также Люблян в 1991 году и проведение личных переговоров с президентом Хорватии Ф. Туджманом и премьер-министром Словении Л. Петерле [Зеленев, 2024, с. 58].

М. И. Колыхалов и Н. В. Плотникова рассматривают аспекты федерального устройства Австрийской Республики [Колыхалов, 2021; Плотникова, 2002]. Так, М. И. Колыхалов останавливается на том, что, несмотря на общую тенденцию к максимальному проявлению активности в международной жизни со стороны субнациональных регионов федеративных государств, Австрия относится к категории стран с исключительной компетенцией федерального центра в сфере внешних сношений [Колыхалов, 2021, с. 72]. В этом контексте стоит упомянуть работы Х. Михельмана по соотношению явления федерализма и внешней политики, в частности феномена «länder paradiplomacy» — парадипломатии федеральных земель (в контексте ФРГ) [Michelmann, 1988; Michelmann, 1991]. Международные связи австрийских земель освещаются в работах А. Кифера [Kiefer, 2011]. Сотрудничество Австрии со странами Востока отражено в работах М. Пичлер, Э. Гумпенбергер и Ф. Гальбартшлагера [Pichler, 2012; Gumpenberger et al., 2010]. Существует монография М. Фалзера, написанная в историко-проблемном ключе и посвященная австро-венгерским концессиям на территории Китайской империи, расположенным в Тяньцзине [Falser, 2022].

Таким образом, лишь единичные работы касаются парадипломатической деятельности субнациональных единиц (земель) Австрии, в особен-

ности в отношении стран и регионов Востока, что подчеркивает научную новизну представленного исследования.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Основы международной и внешнеполитической деятельности регионов Австрии

Последние десятилетия демонстрируют беспрецедентный подъем международной активности европейских регионов, федеральные земли Австрии не являются исключением. Внешнеполитическая деятельность австрийских земель отличается многообразием форм и направлений. Она интегрирована в федеральную конституционно-правовую систему Австрийской Республики и в многоуровневую структуру Европейского союза. Федеральные земли обладают возможностью инициировать самостоятельные внешнеполитические действия и активно реализуют данную компетенцию. В результате за последние десятилетия сформировались разнообразные платформы сотрудничества, часть из которых основана на нормативно-правовых актах Европейского союза.

Нормативно-правовая база, определяющая рамки внешнеполитической деятельности австрийских федеральных земель, формируется в первую очередь вокруг Федерального конституционного закона (*Bundes-Verfassungsgesetz*) Австрии от 10 ноября 1920 года. Статья 10, абзац 1, пункт 2 Федерального конституционного закона относит внешнюю политику к исключительной компетенции федерации, однако с оговоркой о сохранении компетенции земель в соответствии со статьей 16. Данная оговорка, согласно интерпретации ряда авторов, предоставляет землям право заключать международные договоры и соглашения [Bußjäger, 2016]. Следует отметить, что в 1919 году Государственная канцелярия, занимаясь разработкой Федерального конституционного закона, подчеркнула необходимость обеспечения международно-правового единства федеративного государства в сфере внешней политики [Glantschnig, 2011].

Согласно статье 16, в вопросах собственного ведения земли могут заключать государственные договоры с пограничными с Австрией государствами или их составными частями, губернатор земли обязан информировать Федеральное правительство перед началом переговоров о таком государственном договоре [Федеральный конституционный закон Австрии]. Данное положение было внесено в качестве поправки к Федеральному конституционному закону от 1988 года. Полномочие земель заключать договоры с соседними странами и их частями не вторгается в сферу действия права федерального правительства на заключение международных договоров, практическое значение данного полномочия земель остается низким

[Водяницкая, 2009]. Однако, как обращает внимание П. Пернталер, эта компетенция создает правовую основу для трансграничного сотрудничества на региональном уровне [Pernthaler, 1975].

В соответствии со статьей 105 Федерального конституционного закона, главы федеральных земель выступают в качестве представителей своих территорий за рубежом. Данный механизм можно определить как упрощенное территориальное управление. Сфера самостоятельного ведения земель охватывает и международное пространство. В данном контексте земли могут заключать международные соглашения, не обладающие обязательной юридической силой, а также вступать в частноправовые отношения или использовать другие неофициальные формы взаимодействия. При этом, как подчеркивает П. Бусьегер, при анализе конкретных действий земель необходимо проводить различие между властными действиями, например оказанием трансграничной помощи при стихийных бедствиях, что влечет за собой ответственность земли в соответствии с Законом об ответственности должностных лиц, и действиями, осуществляемыми в рамках частного права, такими как заключение договора о совместных действиях [Bußjäger, 2023, с. 123].

Внешнеполитическая деятельность австрийских земель имеет достаточно давнюю историю. Так, 19 декабря 1945 года земли Форарльберг и Тироль заключили с соседней Швейцарией собственные «меморандумы» об обмене хозяйственными товарами [Eisterer, 1995, с. 16—23]. Кроме того, регионы Австрии были неоднократно вовлечены в территориальные вопросы, когда речь шла о спорных границах, как, например, в пограничных спорах между Австрией и Лихтенштейном [Nachbauer, 2007, с. 247—251]. Здесь земле Форарльберг пришлось вмешаться и выступить против федерации, которая, по мнению региональных властей, была слишком готова к уступкам [Nachbauer, 2007, с. 248]. После 1945 года Зальцбург добивался от союзников уступки Берхтесгадена для Австрии, а возвращение Кляйнвальдзерталя оказалось трудным путем, потребовавшим активного участия земли Форарльберг [Nachbauer, 2007, с. 119—157]. Немаловажную роль в становлении международной деятельности австрийских земель сыграло урегулирование межэтнических отношений. Штирия, с одной стороны, должна была противостоять территориальным претензиям Югославии, с другой стороны, в ее собственных интересах, а также в интересах немецкой этнической группы за границей были предприняты усилия для установления как можно более хороших отношений, выразившихся, в частности, в открытии югославского генерального консульства в Граце в 1953 году [Wielinger, 2007, с. 17]. Каринтия, в свою очередь, стала особым случаем из-за словеноязычного меньшинства. Невыполнение

Австрий требований государственного договора в отношении двуязычных местных советов в Каринтии обострило отношения между Австрией и Югославией и между Австрией и Словенией [Karner, 2008, с. 139—151; Maier, 2013, с. 271—294].

В конце 1960-х — начале 1970-х годов внешнеполитическая активность австрийских земель, ранее ориентированная на двусторонние, преимущественно неформальные взаимодействия, претерпела существенную трансформацию, обусловленную формированием регионалистских тенденций. В 1969 году земли представили Линцский проект — программу требований, касавшихся в числе прочего и компетенции в области международного права [Burtscher, 1988, с. 142]. Спустя пять лет требование было удовлетворено, и «Поправка о федерализме 1974 года» (Bundes-Verfassungsgesetznovelle 1974) к Федеральному конституционному закону предоставила землям право на выражение своего мнения до заключения федеральных международно-правовых договоров [Bundesrecht konsolidiert; Bundesverfassungsgesetz vom 10. Juli 1974...; Glantschnig, 2011, с. 601]. Кульминацией активизации австрийских земель во внешнеполитической деятельности стало создание в 1972 году «Рабочего сообщества альпийских стран» (*Arge Alp*), объединившего десять альпийских регионов из четырёх государств (немецкую Баварию, австрийские Зальцбург, Тироль и Форарльберг, швейцарские Граубюнден, Санкт-Галлен и Тичино, итальянские Южный Тироль, Ломбардия и Трентино). Целью данной инициативы являлось совместное представительство региональных интересов, преимущественно в отношении центрального государственного уровня, в сфере культуры и укрепление идентичности Альпийского региона [Bramanti, Ratti, 2017, с. 108]. В этот же период была учреждена Международная конференция Боденского озера, в состав которой вошли федеральная земля Форарльберг (Австрия), Княжество Лихтенштейн, две немецкие земли (Бавария и Баден-Вюртемберг) и несколько швейцарских кантонов [Pallaver, 2010, с. 103—104].

В дальнейшем регионализм стал доминирующей парадигмой внешнеполитической активности австрийских земель. Так, в 1978 году было основано Рабочее сообщество Альп-Адрия (*Arge Alpe Adria*), объединившее земли Австрии (Каринтию, Верхнюю Австрию, Штирию), югославские республики (Хорватию, Словению) и два итальянских региона (Фриули-Венеция-Джулия и Венето). В 1986 году венгерские комитаты получили при сообществе статус наблюдателей, а в 1988 году — полноправных членов организации [Wielinger, 2007, с. 17—18]. Важно отметить роль Рабочего сообщества Альп-Адрия в налаживании связей с социалистическими республиками Восточной Европы. В 1990 году, после завершения «холодной войны», ряд земель, расположенных вдоль Дуная, образовали новое

региональное объединение, включающее 41 регион, в том числе Верхнюю Австрию (вышедшую из Рабочего сообщества Альп-Адрия), Нижнюю Австрию, Вену и Бургенланд. Таким образом, переход от неформальных контактов к региональному сотрудничеству привёл к формированию убеждения о необходимости участия земель в международном взаимодействии, учитывая влияние внешней политики федерации на их интересы.

С вступлением Австрии в Европейский союз в 1995 году участие земель в процессе принятия решений в Союзе стало центральным пунктом региональной повестки. Это нашло отражение в создании региональных представительств восьми земель в Брюсселе (за исключением Форарльберга). Чуть ранее, в мае 1990 года, был создан филиал Единого бюро земель в Брюсселе, который является частью представительства Австрии в ЕС [Fischer, 2011, с. 69]. В 1995 году Тироль создал в Брюсселе совместное представительство с итальянскими провинциями Южный Тироль и Трентино, что вызвало критику со стороны и Рима, и Вены [Bußjäger, 2007, с. 37]. В дальнейшем внимание земель сосредоточилось на общеевропейском уровне принятия решений, который, с одной стороны, существенно затрагивал компетенции земель, а с другой — открывал новые возможности для сотрудничества с Комитетом регионов и неформальными организациями, такими как Конференция европейских регионов с законодательной властью (Conference of European Regions with Legislative Power, RLEG) или Конференция европейских законодательных ассамблей (Conference of European Legislative Assemblies, CALRE).

3.2. Трансрегиональное сотрудничество со странами Востока

Международное сотрудничество федеральных земель Австрии активно ведется в рамках европейского пространства. Стоит отметить, что внешнеполитическая деятельность австрийских земель характеризуется доминированием исполнительной власти: деятельность земель в этой сфере в основном ведут правительства, преимущественно через глав федеральных земель. Участие земельных парламентов (ландтагов) проявляется в обсуждении отчетов земельных правительств, а также, в определенной степени, в рамках проверки соблюдения принципа субсидиарности Европейского союза.

В связи с этим большое значение приобретают межпарламентские формы сотрудничества. Наиболее ярким примером такого сотрудничества в Австрии с 1992 года является «Трехсторонний земельный парламент» между Тиролем, Южным Тиролем и Трентино, в котором с 1993 по 1996 годы также участвовал Форарльберг [Bußjäger, 2013, с. 179—182]. Благодаря этому тесное сотрудничество в рамках Еврорегиона Тироль — Южный Тироль — Трентино не является исключительной прерогативой исполнительной власти. Похожей, хотя и значительно менее масштабной,

формой парламентского участия во внешней политике (в рамках Международной конференции Боденского озера) является Конференция парламентариев Боденского озера [Bußjäger, 2013, с. 182—184].

На международном уровне представлены все австрийские федеральные земли. Причем, как указывает Австрийское агентство по развитию (подразделение, реализующее правительственную программу «Австрийское сотрудничество в целях развития»), каждая из земель имеет свои приоритеты в направлениях и сферах сотрудничества. Так, Бургенланд прилагает усилия по поддержке волонтерских проектов в наименее развитых странах. Для федеральной земли Каринтия важно, чтобы основой проекта было сотрудничество между учреждениями Каринтии и партнерами в развивающихся странах. В 1991 году региональный парламент Каринтии принял решение о создании Консультативного совета по политике в области развития. Начиная с 1993 года дважды в год совет обсуждает проекты содействия сотрудничеству в целях развития, финансируемые из федеральных государственных средств. Сотрудничество Нижней Австрии сосредоточено на образовании в области устойчивого развития, содействии справедливой торговле, поддержке партнерских проектов, выделении субсидий на реализацию проектов неправительственными организациями и, в случае необходимости, на международную помощь при стихийных бедствиях. Нижняя Австрия также в 1993 году присоединилась к Климатическому альянсу и, спустя десять лет, к Альянсу по земле и почвам, что помогает ей участвовать, например, в экологических проектах в африканских странах.

Ежегодно программа сотрудничества в целях развития Верхней Австрии поддерживает сто проектов, реализуемых государственными организациями, ассоциациями и работниками, по оказанию помощи в целях развития. Основными целями Зальцбургского международного сотрудничества являются содействие развитию гражданского общества в интересах демократии, защиты окружающей среды и смягчения последствий конфликтов, а также региональное сотрудничество в экономическом и социальном секторах. Приоритетными партнерами признаны регионы Сан-Висенте в Сальвадоре и Сингида в Танзании. С 1981 года Штирийское агентство по сотрудничеству в целях развития поддерживает проекты в странах Африки, Азии, Латинской Америки и Океании.

Федеральная земля Тироль объявляет приоритетными проекты, которые способствуют улучшению экономических, социальных и культурных условий жизни людей в странах-партнерах, находящихся в особо неблагоприятном положении. Вена помогает неправительственным организациям осуществлять проекты развития в Африке, Азии и Восточной Европе. Форарльберг финансирует проекты по оказанию помощи в целях развития,

направленные на улучшение условий жизни и долгосрочных перспектив в странах Глобального Юга.

Что касается сотрудничества австрийских регионов со странами и территориями Востока, переводящего взаимодействие в трансрегиональную плоскость, особой активностью в нем отличаются Бургенланд, Вена, Форарльберг, Верхняя Австрия.

Крупным партнером Бургенланда на Востоке является Китай. В июне 2018 года делегация федеральной земли в сопровождении губернатора Ханса Ниссля, государственного советника по экономическим вопросам Александра Печнига и президента земельного парламента Кристиана Илледитса совершила девятидневную поездку в КНР. Особо подчеркивался активный торговый обмен между Бургенландом и китайскими территориями: годом ранее объем экспорта из Бургенланда в Китай составил около 89 миллионов евро, а стоимость импорта — около 150 миллионов евро. Маршрут визита включал Гонконг, Шанхай и провинцию Хунань, с которой Бургенланд подписал соглашение о партнерстве в 1999 году [Burgenländische Delegation auf Chinareise]. В сентябре того же года состоялся ответный визит — делегации китайской провинции Гуандун во главе с Ли Шуйхуа, секретарем муниципального комитета Коммунистической партии Китая городского округа Цзюан. В ходе переговоров австрийской и китайской сторон основное внимание уделялось укреплению и оптимизации партнерских отношений. Кроме того, китайская делегация посетила завод компании «Trafomodern» (производителя электротехнических комплектующих) в Хорнштайне [Delegation aus China besucht das Burgenland]. В декабре 2018 года Бургенланд посетила китайская делегация высокого уровня из региона-партнера Хунань. Особый интерес для делегации представляли темы сельского хозяйства (экологически чистое производство и производство органической продукции): экскурсия на винодельню Штрэн позволила провести прямые переговоры с региональными производителями [Hochrangiger Besuch aus der chinesischen Partnerregion Hunan]. Годом позже Бургенланд принимал делегацию инвесторов из Чунцина, посетившую, в частности, образовательный центр «WIFI» в Эйзенштадте, где обсуждались конкретные возможности обучения китайских специалистов в сфере туризма [Chinesische Wirtschaftsdelegation im Burgenland].

Китай — не единственный партнер Бургенланда на Востоке, федеральная земля устанавливает и поддерживает контакты и с другими государствами. В 2019 году регион принимал посла Исламской Республики Иран в Австрии доктора Эбадоллу Молаи. Основными темами для обсуждения были вопросы охраны природы и окружающей среды, а также расширение использования возобновляемых источников энергии (Бургенланд произво-

дит возобновляемую энергию с помощью фотоэлектрических и ветряных турбин в объеме 150 % от требуемого количества), что особо заинтересовало господина посла [Botschafter des Iran zu Besuch im Burgenland].

В 2023 году регион Бургенланд подписал Меморандум о взаимопонимании с японской префектурой Сига в ходе официального визита делегации префектуры в Австрию. Соглашение предполагает укрепление культурного и экономического обмена между территориями [Präfektur Shiga und Burgenland ...]. Нужно отметить, что Австрия и Япония имеют довольно давнюю историю взаимоотношений: в 2019 году страны отпраздновали 150-летний юбилей установления дипломатических отношений, в связи с чем состоялись взаимные визиты высокопоставленных лиц обоих государств. В 1994 году страны учредили «Японо-австрийский комитет для XXI века» (в 2012 году был переименован в «Японо-австрийский комитет по вопросам будущего»), состоящий из представителей бизнеса, академической среды и органов власти. Форум собирается каждый год, поочередно в Японии и Австрии, для организации живых дискуссий по множеству политических, экономических, дипломатических и социальных вопросов [Japan-Austria Relations...].

Китай является приоритетным партнером и для Вены: активно поддерживаются связи с городом-побратимом Чэнду, венская делегация также посещала провинцию Сычуань, где презентовала результаты собственной жилищной политики, с тремя китайскими городами установлено прямое авиасообщение. Важными событиями в сфере культурного обмена являются организация Чэнду-Венского молодежного симфонического оркестра по инициативе Австро-китайского центра развития культуры и искусства в Чэнду, а также партнерство между австрийскими музыкальными университетами и Китайским университетом Гонконга (CUHK) в Шэньчжэне [China-Reise von Landtagspräsident Woller].

Вена поддерживает и действующее тематическое соглашение о сотрудничестве с турецкой Анкарой. Основное внимание уделяется инновационным концепциям и практическому опыту в области защиты климата, эффективности использования ресурсов, гражданского участия и социальной сплоченности, сохранения исторического наследия, углубления культурных и экономических отношений [Städtekooperationen].

Широкий спектр партнерств в восточных странах был установлен Форарльбергом. Проект по развитию туризма посредством повышения квалификации, обучения и переподготовки персонала, создания местного потенциала и улучшения конкретных туристических предложений был реализован в регионе Айт-Бугемес в Марокко. Гуманитарная помощь была оказана региону Асалья в Ливане, пострадавшим от землетрясения

территориям Сирии и Турции. Три проекта гуманитарной направленности были реализованы в афганской провинции Герат. Наиболее отдаленными географически являются территории Непала, Шри Ланки и Филиппин, где Форарльберг инициировал проекты в области образования, окружающей среды, сельского хозяйства, здравоохранения [PrsE Projektlandkarte].

Нижняя Австрия в 2019 году заключила соглашение о партнерстве с восточнокитайской провинцией Чжэцзян, затрагивающее такие области, как коммуникационные технологии, автомобилестроение, исследования, образование и другие [Außenbeziehungen...], Зальцбург, в свою очередь, с провинцией Хайнань — с фокусом на развитие экономических и туристических связей [Kiefer, 2011]. Основными партнерами Штирии на Востоке также являются китайские регионы — провинции Гуйчжоу (с 1986 года) и Цзянсу (с 2011 года) и город центрального подчинения Шанхай (с 2017 года) [Partner regions of...]. С 2013 года Штирия и Китай регулярно проводят координационные форумы в посольстве Китая в Вене в рамках «Дружеского стратегического партнерства» [Chinese Ambassador Qi Mei...].

В 2019 году региональные власти Каринтии приняли высокопоставленную делегацию из китайской провинции Хэнань. В ходе визита делегации стороны подписали соглашение о сотрудничестве, которое закрепило намерения австрийского и китайского регионов налаживать политическое и экономическое взаимодействие [New agreement with Henan Province].

Верхняя Австрия с 1995 года является партнером китайской провинции Шаньдун (в центре внимания сотрудничество в области спорта и бизнеса), а с 2019 года она сотрудничает и с провинцией Сычуань — в области науки, экономики, а также культуры и туризма. При этом столица провинции Сычуань Чэнду с 1983 года является городом-побратимом австрийского Линца [Eurora und Internationales]. Регион Верхней Австрии примечателен и тем, что ведет активное сотрудничество с Израилем. В частности, в ноябре 2004 года между Верхней Австрией и Израилем впервые было подписано «Культурное соглашение 2005—2010», в 2010, 2016 и 2022 годах оно продлевалось на следующие 5 лет. Также существует партнерство в рамках программы «Горизонт 2020», крупнейшей в мире транснациональной программы исследований и инноваций. В контексте сотрудничества между федеральной землей и Израилем поддерживаются и двусторонние связи между университетами и колледжами, например, партнерами являются университеты прикладных наук Верхней Австрии и Холонский технологический институт (НИТ). Также в Тель-Авиве традиционно проходят Дни австрийской культуры. Еще одним аспектом трансрегионального сотрудничества, который отличает Верхнюю Австрию, является наличие сети «Международная Верхняя Австрия» (OÖ International), объединяющей со-

отечественников из Верхней Австрии, живущих по всему миру. Сеть была основана в 2007 году по инициативе губернатора Верхней Австрии Йозефа Пюрингера, в настоящее время она объединяет около восьмисот шестидесяти человек из почти ста стран мира: Японии, Индии, Китая, государств Ближнего Востока и других регионов. Целью сети является использование опыта и контактов жителей Верхней Австрии, проживающих за рубежом, для повышения международного авторитета Верхней Австрии [Netzwerk OÖ International].

Стоит вновь обратить внимание на тот факт, что внешнеполитическая деятельность австрийских федеральных земель зачастую ведется именно органами исполнительной власти, преимущественно через глав регионов. Губернаторы федеральных земель и члены региональных правительств участвуют в официальных австрийских делегациях за рубежом, включая страны Востока. Так, в 2001 году в состав австрийской делегации в Китай вошел глава Зальцбурга Франц Шаусбергер, в 2004 году к делегации в Иран присоединился губернатор Бургенланда Ханс Ниссль. В 2005 году визит делегации в Индию состоялся при участии глав Зальцбурга и Тироля Габи Бургсталлер и Гервига ван Штаа. Однако есть прецеденты участия в национальных делегациях и депутатов региональных парламентов: в 2006 и 2007 году Объединенные Арабские Эмираты и Южную Корею посетили Омар Аль-Рави (Вена) и Михаэль Штруль (Верхняя Австрия). Что касается региональных делегаций, земли довольно активно используют данный инструмент налаживания внешних связей. Так, например, в период с 2000 по 2007 год было совершено 368 визитов, что зафиксировано в Австрийских внешнеполитических ежегодниках, публикуемых Федеральным министерством европейских и иностранных дел. Однако большинство визитов состоялось в европейские страны, среди государств Востока лидировал Китай, Иран и ОАЭ [Kiefer, 2011].

Анализ внешнеполитической деятельности Австрии на субнациональном уровне был бы неполным без учета роли муниципальных образований. Особого внимания заслуживают многочисленные межмуниципальные партнерства, устанавливаемые между городами и общинами Австрии и других государств. Несмотря на отсутствие нормативного закрепления данные партнерства стимулируют развитие разнообразных форм сотрудничества, выходящих за рамки протокольных мероприятий. Большинство партнерских отношений налажено с муниципалитетами в ЕС и Европе. Несколько сотен муниципалитетов Австрии в настоящее время поддерживают партнерские отношения с коллегами в других странах.

Кроме того, Австрийская Ассоциация крупных и небольших городов является первой ассоциацией местных органов власти в Европе, открыв-

шей офис в Брюсселе (в августе 1994 года), который физически и организационно связан с дипломатическим представительством Австрии при Европейском союзе. Представители Ассоциации городов Австрии принимают участие как в заседаниях Комитета регионов ЕС, так и в заседаниях Конгресса местных и региональных властей Европы в Совете Европы.

Согласно исследованию 1997 года, было зафиксировано 719 подобных партнерств [KDZ]. По данным Австрийского союза общин 2021 года, как минимум 900 муниципальных образований поддерживали формальные партнерские отношения или кооперацию [Europäische Gemeindepartnerschaften]. Важную роль играют партнерства в сфере международного развития, в рамках которых осуществляется обмен опытом с муниципальными образованиями стран глобального Юга.

В качестве примера можно привести сотрудничество между китайским Чжанцзяцзе и муниципалитетом Мёрбиш в Бургенланде, подписавшими в 2018 году Меморандум о взаимопонимании [Gegenbesuch des Bürgermeisters...].

Таким образом, можно констатировать, что внешнеполитическая деятельность реализуется не только на федеральном и региональном уровнях, но и на уровне муниципальных образований, что свидетельствует о многоуровневом характере внешнеполитического процесса в Австрии.

4. Заключение = Conclusions

Внешнеполитическая деятельность австрийских земель характеризуется многоаспектностью и реализуется в рамках общегосударственной системы, при этом обладая определенной степенью самостоятельности. Она интегрирована в федеральную конституционно-правовую систему Австрийской Республики и в многоуровневую структуру Европейского союза.

Формирование платформ для международного сотрудничества (по типу Рабочего сообщества Альп-Адрия или Международной конференции Боденского озера) привело к возникновению новых пространств для взаимодействия. Результатом такого сотрудничества стали скоординированные действия и совместные проекты, способствовавшие углублению понимания специфики и интересов других регионов, а также укреплению чувства общности, по меньшей мере, в среде политических акторов.

Вклад регионализма в парадипломатическую деятельность австрийских земель, особенно в контексте европейской интеграции, не следует недооценивать. После вступления Австрии в ЕС к классическому регионализму как стратегии добавилось и сотрудничество в рамках различных Еврорегионов.

Федеральные земли Австрии обладают возможностью инициировать самостоятельные внешнеполитические действия и активно реализуют данную компетенцию с помощью формализованных и неформальных инструментов. К первым относятся инструменты, которые предусмотрены, с одной стороны, европейским правом, а с другой — Федеральным конституционным законом: например, участие в Комитете регионов и направление совместных представителей земель в рабочие группы институтов ЕС [Bußjäger, 2016, с. 365]. Неформальной является деятельность земель в рамках организаций, которые служат представительству интересов регионов: RLEG, CALRE и др.

Что касается трансрегионального сотрудничества со странами и регионами Востока, приоритетным партнером для многих австрийских земель становится Китай. Примечательно, что в качестве партнеров выступают разные провинции Китая в соответствии с ресурсной и инфраструктурной базой регионов: Бургенланд — Хунань и Гуандун, Вена — Сычуань, Нижняя Австрия — Чжэцзян, Зальцбург — Хайнань, Штирия — Гуйчжоу и Цзянсу, Каринтия — Хэнань, Верхняя Австрия — Шаньдун и Сычуань. Существуют и межмуниципальные партнерства, примерами которого можно считать отношения Вена — Чэнду, Линц — Чэнду и Мёрбиш — Чжанцзяцзе.

Интересны и более точечные варианты взаимодействия: региона Бургенланд с японской префектурой Сига; Вены с турецкой Анкарой; Форарльберга с регионами Айт-Бугемес (Марокко), Асаль (Ливан), территориями Сирии и Турции, афганской провинцией Герат; Верхней Австрии с Израилем. Здесь стоит отметить и тот факт, что в отдельных случаях, пусть и имеющих специфический характер, двусторонние отношения земель могли оказывать влияние на внешнюю политику федерации: наглядным примером служат поездки в Ирак и контакты с Ливией со стороны главы Каринтии Йорга Хайдера (1999—2008). Кроме того, среди инструментов внешнеполитической деятельности австрийских земель присутствуют и площадки публичной дипломатии, как, например, сеть соотечественников «Международная Верхняя Австрия».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, несмотря на то что земли могут заключать международные договоры только с сопредельными странами и предпочтение отдается участию в многочисленных региональных платформах сотрудничества и подписанию неформальных документов рекомендательного характера — соглашений и меморандумов, австрийские регионы сформировали оригинальные модели трансграничного и трансрегионального сотрудничества, разнообразящие спектр взаимодействий регионов ЕС с внешними партнерами.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Федеральный конституционный закон Австрии* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://legalns.com/download/books/cons/austria.pdf> (дата обращения 02.02.2025).
2. *Außenbeziehungen des Landes NÖ* [Electronic resource]. — Access mode : https://www.noe.gv.at/noe/Internationales-Europa/Aussenbeziehungen_des_Landes_NOE1.html (accessed 04.02.2025).
3. *Botschafter des Iran zu Besuch im Burgenland* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.burgenland.at/politik/europa-internationales/eu-internationales/aktuelles-wissenswertes/detail/botschafter-des-iran-zu-besuch-im-burgenland-1/> (accessed 03.02.2025).
4. *Bundesrecht konsolidiert* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.ris.bka.gv.at/eli/bgbl/1974/444/A11/NOR12007808> (accessed 02.02.2025).
5. *Bundesverfassungsgesetz vom 10. Juli 1974, mit dem das Bundes-Verfassungsgesetz in der Fassung von 1929 geändert wird* [Electronic resource] // *Bundesgesetzblatt für die Republik Österreich*. 1974, 30 Juli. — Access mode : https://www.ris.bka.gv.at/Dokumente/BgblPdf/1974_444_0/1974_444_0.pdf (accessed 02.02.2025).
6. *Burgenländische Delegation auf Chinareise* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.burgenland.at/politik/europa-internationales/eu-internationales/aktuelles-wissenswertes/detail/burgenlaendische-delegation-auf-chinareise/> (accessed 03.02.2025).
7. *China-Reise* von Landtagspräsident Woller [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.wien.gv.at/politik/international/aktivitaeten/koooperation-china-wien.html> (accessed 03.02.2025).
8. *Chinese Ambassador Qi Mei Visited Styria: Deepening Bilateral Relations* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.vindobona.org/article/chinese-ambassador-qi-mei-visited-styria-deepening-bilateral-relations> (accessed 04.02.2025).
9. *Chinesische Wirtschaftsdelegation im Burgenland* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.burgenland.at/politik/europa-internationales/eu-internationales/aktuelles-wissenswertes/detail/chinesische-wirtschaftsdelegation-im-burgenland/> (accessed 03.02.2025).
10. *Delegation aus China besucht das Burgenland* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.burgenland.at/politik/europa-internationales/eu-internationales/aktuelles-wissenswertes/detail/delegation-aus-china-besucht-das-burgenland-2/> (accessed 03.02.2025).
11. *Europa und Internationales* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.land-oberoesterreich.gv.at/91933.htm> (accessed 04.02.2025).
12. *Europäische Gemeindepartnerschaften* [Electronic resource]. — Access mode : <https://gemeindebund.at/themen-zahlen-und-fakten-partnerschaften/> (accessed 05.02.2025).
13. *Gegenbesuch* des Bürgermeisters aus Zhangjiajie aus der chin. Partnerprovinz Hunan [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.burgenland.at/politik/europa-internationales/eu-internationales/aktuelles-wissenswertes/detail/gegenbesuch-des-buergermeisters-aus-zhangjiajie-aus-der-chin-partnerprovinz-hunan/> (accessed 03.02.2025).
14. *Hochrangiger Besuch* aus der chinesischen Partnerregion Hunan [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.burgenland.at/politik/europa-internationales/eu-inter>

nationales/aktuelles-wissenswertes/detail/hochrangiger-besuch-aus-der-chinesischen-partner-region-hunan/ (accessed 03.02.2025).

15. *Japan-Austria Relations* (Overview) [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.mofa.go.jp/region/europe/austria/data.html> (accessed 03.02.2025).

16. *KDZ* [Electronic resource]. — Access mode : https://www.staedtebund.gv.at/fil-eadmin/USERDATA/themenfelder/europa/gemeindepartnerschaften_brosch.pdf (accessed 05.02.2025).

17. *Netzwerk OÖ International* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.land-oberoesterreich.gv.at/203111.htm> (accessed 04.02.2025).

18. *New agreement with Henan Province* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.lca-sued.at/en/2019/06/04/new-agreement-with-henan-province/> (accessed 04.02.2025).

19. *Partner regions of the State of Styria* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.europa.steiermark.at/cms/ziel/3082096/EN/> (accessed 04.02.2025).

20. *Präfektur Shiga und Burgenland stärken Partnerschaft mit Memorandum of Understanding* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.burgenland.at/politik/europa-internationales/eu-internationales/aktuelles-wissenswertes/detail/praefektur-shiga-und-burgenland-staerken-partnerschaft-mit-memorandum-of-understanding/> (accessed 03.02.2025).

21. *PrsE Projektlandkarte* [Electronic resource]. — Access mode : <https://vorarlberg.at/projektlandkarte> (accessed 03.02.2025).

22. *Städtekooperationen* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.wien.gv.at/politik/international/netzwerke/staedtekooperationen.html> (accessed 03.02.2025).

Литература

1. *Акимов Ю. Г.* Парадипломатия как средство выражения региональной идентичности субъектов федераций / Ю. Г. Акимов // Управленческое консультирование. — 2016. — № 2. — С. 25—33.

2. *Благодатских В. Г.* Концепт парадипломатии в политологическом дискурсе : сущность и основные направления исследований / В. Г. Благодатских, А. А. Керимов // Социально-политические науки. — 2017. — № 6. — С. 31—36.

3. *Водяницкая Е. А.* Австрийская Конституция и международное право / Е. А. Водяницкая // Московский журнал международного права. — 2009. — № 4 (76). — С. 190—205.

4. *Зеленов Д. А.* Подход Австрии к отделению Словении и Хорватии от Югославии / Д. А. Зеленов // Вестник РГГУ. Серия : Политология. История. Международные отношения. — 2024. — № 2. — С. 51—61. — DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2024-2-51-61>.

5. *Колыхалов М. И.* Международные связи субнациональных регионов как фактор развития культурно-гуманитарного сотрудничества России и Швейцарии : диссертация ... кандидата политических наук : 23.00.04 / М. И. Колыхалов. — Москва, 2021. — 272 с.

6. *Нестеров А. Г.* Австро-Венгрия как интеграционный проект : опыт для Центрально-Восточной Европы XXI века / А. Г. Нестеров // Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки. — 2013. — № 5 (122). — С. 67—72.

7. *Плотникова Н. В.* Этнический фактор в федеративном устройстве Швейцарии и Австрии : диссертация ... кандидата политических наук : 23.00.02 / Н. В. Плотникова. — Москва, 2002. — 156 с.

8. *Bramanti A.* Formen der territorialen Zusammenarbeit, Grenzen und Perspektiven / A. Bramanti, R. Ratti // Un Libro per EUSALP, Hrsg. von Arge Alp. — Trento : Arge Alp, 2017. — Pp. 107—123.

9. *Burtscher W.* Die völkerrechtlichen Aspekte des Forderungskataloges der österreichischen Bundesländer im Vergleich zu bestehenden „Außenkompetenzen“ anderer Gliedstaaten / W. Burtscher // Zeitschrift für öffentliches Recht (ZÖR). — 1988. — № 39 (1). — Pp. 137—180.
10. *Bußjäger P.* Die innerstaatliche Koordination zwischen / P. Bußjäger // Bund und Länder in auswärtigen Angelegenheiten Außenbeziehungen im Bundesstaat, Hrsg. von Stefan Hammer und Peter Bußjäger. — Wien : Braumüller, 2007. — Pp. 31—40.
11. *Bußjäger P.* Grenzüberschreitender Parlamentarismus im Alpenraum / P. Bußjäger // Multi-Level Governance im Alpenraum. Die Praxis der Zusammenarbeit im Mehrebenensystem, Hrsg. von Peter Bußjäger und Christian Gsodam. — Wien : New academic press, 2013. — Pp. 177—188.
12. *Bußjäger P.* Föderalismus und die „Außenpolitik“ der Länder / P. Bußjäger // Handbuch Außenpolitik Österreichs. — Wiesbaden : Springer VS, 2023. — 794 p.
13. *Bußjäger P.* Multi-Level-Governance als Gegenstand und Herausforderung des Öffentlichen Rechts / P. Bußjäger // Zeitschrift für öffentliches Recht (ZÖR). — 2016. — № 71 (2). — Pp. 307—330.
14. *Eisterer K.* Die Schweiz als Partner. Zum eigenständigen Außenhandel der Bundesländer Vorarlberg und Tirol mit der Eidgenossenschaft 1945—1947 / K. Eisterer. — Wien : Braumüller, 1995. — 107 p.
15. *Falser M.* Habsburgs going global. The Austro-Hungarian Concession in Tientsin/Tianjin in China (1901—1917) / M. Falser. — Vienna : Austrian Academy of Sciences Press, 2022. — 286 p.
16. *Fischer K. H.* Die Verbindungsstelle der Bundesländer in Brüssel — Das föderale Doppelhutmodell / K. H. Fischer // Im Dienste der Länder — im Interesse des Gesamtstaates. Festschrift 60 Jahre Verbindungsstelle der Bundesländer, Hrsg. von Andreas Rosner und Peter Bußjäger. — Wien : Braumüller, 2011. — Pp. 67—76.
17. *Glantschnig G.* Die Alpenkonvention — ein Modell für eine effizientere Ländermitwirkung an der auswärtigen Gewalt / G. Glantschnig // Im Dienste der Länder — im Interesse des Gesamtstaates. Festschrift 60 Jahre Verbindungsstelle der Bundesländer, Hrsg. von Andreas Rosner und Peter Bußjäger. — Wien : Braumüller, 2011. — Pp. 601—611.
18. *Gumpenberger E.* Mozart meets Panda : die österreichisch-chinesischen Beziehungen im Überblick / E. Gumpenberger, F. Halbartschlager, A. G. Höfle, S. Oberpeilsteiner, C. Sommeregger. — Wien : Südwind Agentur, 2010. — 44 p.
19. *Karner S.* Minderheitenproblematik in Kärnten / S. Karner // Österreich. 90 Jahre Republik. Beitragsband zur Ausstellung im Parlament, Hrsg. von Stefan Karner und Lorenz Mikoletzky. — Wien : StudienVerlag, 2008. — Pp. 139—151.
20. *Kiefer A.* Republic of Austria // Regional Autonomy and International Relations : New Dimensions of Multilateral Governance, ed. Carlos Pacheco Amaral / A. Kiefer. — Paris : L'Harmattan, 2011. — Pp. 155—193.
21. *Maier J.* Die Kärntner Ortstafelregelung 2011 — ein Ergebnis des erfolgreichen Regierens auf mehreren Ebenen / J. Maier // Multi-Level-Governance im Alpenraum. Die Praxis der Zusammenarbeit im Mehrebenensystem, Hrsg. von Peter Bußjäger und Christian Gsodam. — Wien : New academic press, 2013. — Pp. 271—294.
22. *Michelmann H. J.* Federalism and International Relations : The Role of Subnational Units / H. J. Michelmann. — Oxford : Clarendon Press, 1991. — 334 p.
23. *Michelmann H. J.* Länder Paradiplomacy / H. J. Michelmann // German Politics & Society. — 1988. — № 15. — Pp. 22—31.

24. *Nachbaur U.* Vorarlberger Territorialfragen 1945 bis 1948. Ein Beitrag zur Geschichte der Landesgrenzen seit 1805 / U. Nachbaur. — Konstanz : UVK Verlagsgesellschaft mbH, 2007. — 474 p.

25. *Pallaver G.* Die Beziehungen zwischen Südtirol und Nordtirol und die Europaregion Tirol — Südtirol — Trentino / G. Pallaver // Politik in Tirol, Hrsg. von Ferdinand Karhofer und Anton Pelinka. — Innsbruck : StudienVerlag, 2004. — Pp. 115—135.

26. *Paquin S.* Les actions extérieures des entités subétatiques : quelle signification pour la politique comparée et les relations internationales / S. Paquin // Revue internationale de politique comparée. — 2022b. — Vol. 12 (2). — Pp. 129—142. — DOI: 10.3917/ripc.122.0129.

27. *Paquin S.* Paradiplomatie fonctionnelle, identitaire et protodiplomatie en Catalogne : un cas unique / S. Paquin // Catalonia. — 2022a. — Vol. 31. — Pp. 1—20. — DOI: <https://doi.org/10.4000/catalonia.334>.

28. *Paquin S.* Trade Paradiplomacy and the Politics of International Economic Law : The Inclusion of Quebec and the Exclusion of Wallonia in the CETA Negotiations / S. Paquin // New Political Economy. — 2021. — Vol. 27 (4). — Pp. 597—609. — DOI: 10.1080/13563467.2021.1879761.

29. *Pichler M.* Perceptions of a Diverse Region Asia in the Eyes of Austria / M. Pichler // Asia in the Eyes of Europe : Images of a Rising Giant. — Baden-Baden : Nomos, 2012. — Pp. 25—52.

30. *Pernthaler P.* Raumordnung und Verfassung / P. Pernthaler. — Wien : Braumüller, 1975. — Bd. 1. — 437 p.

31. *Wielinger G.* Die ‚regionale Außenpolitik‘ der Länder als Realität und Problem der verfassungsrechtlichen Kategorisierung / G. Wielinger // Außenbeziehungen im Bundesstaat, Hrsg. von Stefan Hammer und Peter Bußjäger. — Wien : Braumüller, 2007. — Pp. 13—21.

Статья поступила в редакцию 17.01.2025,
одобрена после рецензирования 24.03.2025,
подготовлена к публикации 10.04.2025.

Material resources

Außenbeziehungen des Landes NÖ. Available at: https://www.noee.gv.at/noee/Internationales-Europa/Aussenbeziehungen_des_Landes_NOE1.html (accessed 04.02.2025). (In Germ.).

Botschafter des Iran zu Besuch im Burgenland. Available at: <https://www.burgenland.at/politik/europa-internationales/eu-internationales/aktuelles-wissenswertes/detail/botschafter-des-iran-zu-besuch-im-burgenland-1/> (accessed 03.02.2025). (In Germ.).

Bundesrecht konsolidiert. Available at: <https://www.ris.bka.gv.at/eli/bgb/1974/444/A11/NOR12007808> (accessed 02.02.2025). (In Germ.).

Bundesverfassungsgesetz vom 10. Juli 1974, mit dem das Bundes-Verfassungsgesetz in der Fassung von 1929 geändert wird. (1974). Bundesgesetzblatt für die Republik Österreich. 30. Juli. Available at: https://www.ris.bka.gv.at/Dokumente/BgblPdf/1974_444_0/1974_444_0.pdf (accessed 02.02.2025). (In Germ.).

Burgenländische Delegation auf Chinareise. Available at: <https://www.burgenland.at/politik/europa-internationales/eu-internationales/aktuelles-wissenswertes/detail/burgenlaendische-delegation-auf-chinareise/> (accessed 03.02.2025). (In Germ.).

China-Reise von Landtagspräsident Woller. Available at: <https://www.wien.gv.at/politik/international/aktivitaeten/kooperation-china-wien.html> (accessed 03.02.2025). (In Germ.).

- Chinese Ambassador Qi Mei Visited Styria: Deepening Bilateral Relations.* Available at: <https://www.vindobona.org/article/chinese-ambassador-qi-mei-visited-styria-deepening-bilateral-relations> (accessed 04.02.2025). (In Germ.).
- Chinesische Wirtschaftsdelegation im Burgenland.* Available at: <https://www.burgenland.at/politik/europa-internationales/eu-internationales/aktuelles-wissenswertes/detail/chinesische-wirtschaftsdelegation-im-burgenland/> (accessed 03.02.2025). (In Germ.).
- Delegation aus China besucht das Burgenland.* Available at: <https://www.burgenland.at/politik/europa-internationales/eu-internationales/aktuelles-wissenswertes/detail/delegation-aus-china-besucht-das-burgenland-2/> (accessed 03.02.2025). (In Germ.).
- Europa und Internationales.* Available at: <https://www.land-oberoesterreich.gv.at/91933.htm> (accessed 04.02.2025). (In Germ.).
- Europäische Gemeindepartnerschaften.* Available at: <https://gemeindebund.at/themen-zahlen-und-fakten-partnerschaften/> (accessed 05.02.2025). (In Germ.).
- Gegenbesuch des Bürgermeisters aus Zhangjiajie aus der chin. Partnerprovinz Hunan.* Available at: <https://www.burgenland.at/politik/europa-internationales/eu-internationales/aktuelles-wissenswertes/detail/gegenbesuch-des-buergermeisters-aus-zhangjiajie-aus-der-chin-partnerprovinz-hunan/> (accessed 03.02.2025). (In Germ.).
- Hochrangiger Besuch aus der chinesischen Partnerregion Hunan.* Available at: <https://www.burgenland.at/politik/europa-internationales/eu-internationales/aktuelles-wissenswertes/detail/hochrangiger-besuch-aus-der-chinesischen-partnerregion-hunan/> (accessed 03.02.2025). (In Germ.).
- Japan-Austria Relations (Overview).* Available at: <https://www.mofa.go.jp/region/europe/austria/data.html> (accessed 03.02.2025).
- KDZ.* Available at: https://www.staedtebund.gv.at/fileadmin/USERDATA/themenfelder/europa/gemeindepartnerschaften_brosch.pdf (accessed 05.02.2025).
- Netzwerk OÖ International.* Available at: <https://www.land-oberoesterreich.gv.at/203111.htm> (accessed 04.02.2025). (In Germ.).
- New agreement with Henan Province.* Available at: <https://www.lca-sued.at/en/2019/06/04/new-agreement-with-henan-province/> (accessed 04.02.2025).
- Partner regions of the State of Styria.* Available at: <https://www.europa.steiermark.at/cms/ziel/3082096/EN/> (accessed 04.02.2025).
- Präfektur Shiga und Burgenland stärken Partnerschaft mit Memorandum of Understanding.* Available at: <https://www.burgenland.at/politik/europa-internationales/eu-internationales/aktuelles-wissenswertes/detail/praefektur-shiga-und-burgenland-staerken-partnerschaft-mit-memorandum-of-understanding/> (accessed 03.02.2025). (In Germ.).
- PrsE Projektlandkarte.* Available at: <https://vorarlberg.at/projektlandkarte> (accessed 03.02.2025). (In Germ.).
- Städtekooperationen.* Available at: <https://www.wien.gv.at/politik/international/netzwerke/staedtekooperationen.html> (accessed 03.02.2025). (In Germ.).
- The Federal Constitutional Law of Austria.* Available at: <https://legalns.com/download/books/cons/austria.pdf> (accessed 02.02.2025). (In Russ.).

References

- Akimov, Yu. G. (2016). Paradiplomacy as a means of expressing the regional identity of the subjects of the federation. *Management consulting*, 2: 25—33. (In Russ.).

- Blagodatskikh, V. G., Kerimov, A. A. (2017). The concept of paradiplomacy in political science discourse: the essence and main directions of research. *Socio-political Sciences*, 6: 31—36. (In Russ.).
- Bramanti, A. (2017). Formen der territorialen Zusammenarbeit, Grenzen und Perspektiven. In: *Un Libro per EUSALP*, Hrsg. von Arge Alp. Trento: Arge Alp. 107—123. (In Germ.).
- Burtscher, W. (1988). Die völkerrechtlichen Aspekte des Forderungskataloges der österreichischen Bundesländer im Vergleich zu bestehenden „Außenkompetenzen“ anderer Gliedstaaten. *Zeitschrift für öffentliches Recht (ZÖR)*, 39 (1): 137—180. (In Germ.).
- Bußjäger, P. (2007). Die innerstaatliche Koordination zwischen. In: *Bund und Länder in auswärtigen Angelegenheiten Außenbeziehungen im Bundesstaat*, Hrsg. von Stefan Hammer und Peter Bußjäger. Wien: Braumüller. 31—40. (In Germ.).
- Bußjäger, P. (2013). Grenzüberschreitender Parlamentarismus im Alpenraum. In: *Multi-Level Governance im Alpenraum. Die Praxis der Zusammenarbeit im Mehrebenensystem*, Hrsg. von Peter Bußjäger und Christian Gsodam. Wien: New academic press. 177—188. (In Germ.).
- Bußjäger, P. (2016). Multi-Level-Governance als Gegenstand und Herausforderung des Öffentlichen Rechts. *Zeitschrift für öffentliches Recht (ZÖR)*, 71 (2): 307—330. (In Germ.).
- Bußjäger, P. (2023). Föderalismus und die „Außenpolitik“ der Länder. In: *Handbuch Außenpolitik Österreichs*. Wiesbaden: Springer VS. 794 p. (In Germ.).
- Eisterer, K. (1995). *Die Schweiz als Partner: Zum eigenständigen Außenhandel der Bundesländer Vorarlberg und Tirol mit der Eidgenossenschaft 1945—1947*. Wien: Braumüller. 107 p. (In Germ.).
- Falser, M. (2022). *Habsburgs going global. The Austro-Hungarian Concession in Tientsin/Tianjin in China (1901—1917)*. Vienna: Austrian Academy of Sciences Press. 286 p. (In Germ.).
- Fischer, K. H. (2011). Die Verbindungsstelle der Bundesländer in Brüssel — Das föderale Doppelhutmodell. In: *Im Dienste der Länder — im Interesse des Gesamtstaates. Festschrift 60 Jahre Verbindungsstelle der Bundesländer*, Hrsg. von Andreas Rosner und Peter Bußjäger. Wien: Braumüller. 67—76. (In Germ.).
- Glantschnig, G. (2011). Die Alpenkonvention — ein Modell für eine effizientere Ländermitwirkung an der auswärtigen Gewalt. In: *Im Dienste der Länder — im Interesse des Gesamtstaates. Festschrift 60 Jahre Verbindungsstelle der Bundesländer*, Hrsg. von Andreas Rosner und Peter Bußjäger. Wien: Braumüller. 601—611. (In Germ.).
- Gumpenberger, E., Halbartschlag F, Höfle, A. G., Oberpeilsteiner S., Sommeregger C. (2010). *Mozart meets Panda: die österreichisch-chinesischen Beziehungen im Überblick*. Wien: Südwind Agentur. 44 p. (In Germ.).
- Karner, S. (2008). Minderheitenproblematik in Kärnten. In: *Österreich. 90 Jahre Republik. Beitragsband zur Ausstellung im Parlament*, Hrsg. von Stefan Karner und Lorenz Mikoletzky. Wien: StudienVerlag. 139—151. (In Germ.).
- Kiefer, A. (2011). *Republic of Austria. Regional Autonomy and International Relations: New Dimensions of Multilateral Governance*, ed. Carlos Pacheco Amaral. Paris: L'Harmattan. 155—193. (In Germ.).
- Kolykhalov, M. I. (2021). *International relations of subnational regions as a factor in the development of cultural and humanitarian cooperation between Russia and Switzerland*. PhD Diss. Moscow. 272 p. (In Russ.).
- Maier, J. (2013). Die Kärntner Ortstafelregelung 2011 — ein Ergebnis des erfolgreichen Regierens auf mehreren Ebenen. In: *Multi-Level-Governance im Alpenraum. Die*

- Praxis der Zusammenarbeit im Mehrebenensystem*, Hrsg. von Peter Bußjäger und Christian Gsodam. Wien: New academic press. 271—294. (In Germ.).
- Michelmann, H. J. (1988). LänderParadiplomacy. *German Politics & Society*, 15: 22—31. (In Germ.).
- Michelmann, H. J. (1991). *Federalism and International Relations: The Role of Subnational Units*. Oxford: Clarendon Press. 334 p. (In Germ.).
- Nachbaur, U. (2007). *Vorarlberger Territorialfragen 1945 bis 1948. Ein Beitrag zur Geschichte der Landesgrenzen seit 1805*. Konstanz: UVK Verlagsgesellschaft mbH. 474 p. (In Germ.).
- Nesterov, A. G. (2013). Austria-Hungary as an integration project: experience for Central and Eastern Europe of the 21st century. *Proceedings of the Ural Federal University. Series 3. Social Sciences*, 5 (122): 67—72. (In Russ.).
- Pallaver, G. (2004). Die Beziehungen zwischen Südtirol und Nordtirol und die Europaregion Tirol — Südtirol — Trentino. In: *Politik in Tirol*, Hrsg. von Ferdinand Karlhofner und Anton Pelinka. Innsbruck: StudienVerlag. 115—135. (In Germ.).
- Paquin, S. (2021). Trade Paradiplomacy and the Politics of International Economic Law: The Inclusion of Quebec and the Exclusion of Wallonia in the CETA Negotiations. *New Political Economy*, 27 (4): 597—609. DOI: 10.1080/13563467.2021.1879761. (In Germ.).
- Paquin, S. (2022a). Paradiplomatie fonctionnelle, identitaire et protodiplomatie en Catalogne: un cas unique. *Catalonia*, 31: 1—20. DOI: <https://doi.org/10.4000/catalonia.334>. (In Germ.).
- Paquin, S. (2022b). Les actions extérieures des entités subétatiques: quelle signification pour la politique comparée et les relations internationales. *Revue internationale de politique comparee*, 12 (2): 129—142. DOI: 10.3917/ripc.122.0129. (In Germ.).
- Pernthaler, P. (1975). *Raumordnung und Verfassung, I*. Wien: Braumüller. 437 p. (In Germ.).
- Pichler, M. (2012). Perceptions of a Diverse Region Asia in the Eyes of Austria. In: *Asia in the Eyes of Europe: Images of a Rising Giant*. Baden-Baden: Nomos. 25—52. (In Germ.).
- Plotnikova, N. V. (2002). *The ethnic factor in the federal structure of Switzerland and Austria*. PhD Diss. Moscow. 156 p. (In Russ.).
- Vodianitskaya, E. A. (2009). The Austrian Constitution and international law. *Moscow Journal of International Law*, 4 (76): 190—205. (In Russ.).
- Wielinger, G. (2007). Die ‚regionale Außenpolitik‘ der Länder als Realität und Problem der verfassungsrechtlichen Kategorisierung. In: *Außenbeziehungen im Bundesstaat*, Hrsg. von Stefan Hammer und Peter Bußjäger. Wien: Braumüller. 13—21. (In Germ.).
- Zelenov, D. A. (2024). Austria’s approach to the separation of Slovenia and Croatia from Yugoslavia. *Bulletin of the Russian State University of Economics. Series: Political Science. History. International relations*, 2: 51—61. DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2024-2-51-61>. (In Russ.).

*The article was submitted 17.01.2025;
approved after reviewing 24.03.2025;
accepted for publication 10.04.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(3), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Разинков С. Л. Трудовые резервы в СССР в 1940—1950-е годы : социокультурный портрет учащихся / С. Л. Разинков, М. Б. Ларионова, Т. А. Заглодина // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 3. — С. 491—511. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-491-511.

Razinkov, S. L., Larionova, M. B., Zaglodina, T. A. (2025). Labor Reserves in USSR during 1940s and 1950s: A Socio-Cultural Portrait of Students. *Nauchnyi dialog*, 14 (3): 491-511. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-491-511. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Трудовые резервы в СССР в 1940—1950-е годы: социокультурный портрет учащихся

Разинков Сергей Львович

orcid.org/0000-0002-0018-7931

кандидат исторических наук, доцент,
кафедра документоведения, права,
истории и русского языка,
корреспондирующий автор
sergerazinkov@mail.ru

Ларионова Марина Бариевна

orcid.org/0000-0003-4969-0527

кандидат исторических наук, доцент,
кафедра документоведения, права,
истории и русского языка
marin.lar@mail.ru

Заглодина Татьяна Алексеевна

orcid.org/0000-0002-1689-1552

кандидат социологических наук,
кафедра философии, социологии и
социальной работы
tz1708@yandex.ru

Российский государственный
профессионально-педагогический
университет
(Екатеринбург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой
поддержке Российского научного фонда,
проект № 23-28-01065,
https://grant.rscf.ru/prjcard_int?23-28-01065

Labor Reserves in USSR during 1940s and 1950s: A Socio-Cultural Portrait of Students

Sergey L. Razinkov

orcid.org/0000-0002-0018-7931

PhD in History, Associate Professor,
Department of Documentation Science,
Law, History, and Russian,
corresponding author
sergerazinkov@mail.ru

Marina B. Larionova

orcid.org/0000-0003-4969-0527

PhD in History, Associate Professor,
Department of Documentation Science,
Law, History, and Russian Language
marin.lar@mail.ru

Tatyana A. Zaglodina

orcid.org/0000-0002-1689-1552

PhD in Sociology, Department
of Philosophy, Sociology,
and Social Work
tz1708@yandex.ru

Russian State
Vocational Pedagogical University
(Yekaterinburg, Russia)

Acknowledgments:

This study was supported by the Russian
Science Foundation, Project № 23-28-01065,
https://grant.rscf.ru/prjcard_int?23-28-01065

© Разинков С. Л., Ларионова М. Б., Заглодина Т. А., 2025

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Авторы статьи характеризуют важнейшие социально-демографические показатели учащихся государственных трудовых резервов в 1940—1950-е годы. Исследование базируется на математико-статистических методах анализа делопроизводственной документации государственных трудовых резервов. В работе проводится детальный анализ таких показателей, как пол, возраст, место проживания, социальное положение, уровень образования, национальность и состояние здоровья учащихся ремесленных / железнодорожных училищ и школ ФЗО. Обоснованы выводы о неоднородности учащихся трудовых резервов по отдельным социо-демографическим показателям; зависимости социального портрета учащихся от типа учебного заведения (училище / школа); динамическое изменение социально-демографических показателей на различных этапах развития системы подготовки квалифицированных рабочих кадров в период 1940 — второй половины 1950-х годов. Отмечается, что социально-демографические характеристики можно считать социокультурными маркерами неформального портрета учащихся трудовых резервов, детерминирующими поведенческие практики и ментальные установки этой социальной группы. Результаты исследования могут быть применены при исследовании эволюции системы профессионально-технического образования.

Ключевые слова:

государственные трудовые резервы; ремесленные училища; школы ФЗО; социально-демографические характеристики; социальный портрет учащихся.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines key socio-demographic indicators of students enrolled in state labor reserves during the 1940s and 1950s. The research employs mathematical and statistical methods to analyze administrative documentation pertaining to the state labor reserves. A detailed analysis is conducted on various indicators, including gender, age, place of residence, social status, educational level, ethnicity, and health conditions of students in vocational / technical schools and training institutions. The findings reveal the heterogeneity of labor reserve students across specific socio-demographic metrics, as well as the correlation between students' social profiles and the type of educational institution (school vs. vocational school). Furthermore, the study highlights the dynamic changes in socio-demographic indicators at different stages of the development of the skilled labor training system from the 1940s to the late 1950s. It is noted that these socio-demographic characteristics can be viewed as socio-cultural markers of the informal portrait of labor reserve students, influencing their behavioral practices and mental frameworks. The results of this research can be applied to the study of the evolution of vocational and technical education systems.

Key words:

state labor reserves; vocational schools; technical schools; socio-demographic characteristics; student social profile.

Трудовые резервы в СССР в 1940—1950-е годы: социокультурный портрет учащихся

© Разинков С. Л., Ларионова М. Б., Заглодина Т. А., 2025

1. Введение = Introduction

Система государственных трудовых резервов СССР была создана в октябре 1940 года для целенаправленной подготовки молодых квалифицированных рабочих массовых профессий и обеспечения ключевых отраслей промышленности. Первоначально в трудовых резервах СССР существовали два типа учебных заведений: училища (ремесленные и железнодорожные) и школы фабрично-заводского обучения (ФЗО), позднее видовой состав был расширен за счет горно-промышленных, специальных, строительных, художественно-ремесленных, технических училищ и училищ механизации сельского хозяйства), а также горно-промышленных и строительных школ.

Комплектование контингента учащихся в системе трудовых резервов проводилось как посредством мобилизации, так и путем добровольного набора. Первый призыв 1940 года в Государственные трудовые резервы СССР составил 602 014 человек городской и колхозной молодежи, из них в порядке добровольного набора — 450 100 человек, однако впоследствии на всем протяжении периода 1940-х годов механизмы принудительного призыва имели приоритет (особенно для школ ФЗО). Только с начала 1950-х годов происходил постепенный переход на преимущественное комплектование учебных заведений добровольцами, способствовавший трансформации в 1958 году полувоенных трудовых резервов в систему профессионально-технического образования.

Функционирование трудовых резервов привело к формированию специфической социокультурной среды, в которой осуществлялась искусственная интеграция подростков из разных социальных слоев, принадлежащих как к городскому, так и к сельскому населению, имеющих разный уровень образования и ментальности, зачастую принудительно мобилизованных из отделенных регионов. Эта интеграция была направлена на решение амбициозной задачи по формированию многочисленной элитной группы «молодых гвардейцев труда» — дисциплинированных отличников

учебы, умелых мастеров своей профессии, преданных партии и правительству патриотов. Однако в реальности многие элементы субкультуры были далеки от этого идеального образа учащегося, официально формируемого системой трудовых резервов. Этому способствовал в том числе и состав учащихся — «пестрый в возрастном, социальном и в национальном отношении» [Мешков, 2012, с. 227].

Цель статьи — охарактеризовать важнейшие социально-демографические показатели (пол, возраст, место проживания, социальное положение, уровень образования, национальность и состояние здоровья) как основу для реконструкции социального-культурного портрета учащихся государственных трудовых резервов в 1940—1950-е годы (преимущественно на примере учебных заведений Свердловской области).

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В современной научной литературе уделяется недостаточное внимание изучению социального портрета учащихся государственных трудовых резервов в контексте просопографии и количественного анализа социально-демографических показателей. Отдельные характеристики социального портрета учащихся кратко упоминаются в ограниченном количестве научных работ для иллюстрации самых общих тенденций развития системы профессионально-технического образования в 1940—1950-е годы. Так, в работах Н. В. Чернышевой [Чернышева, 2021], Д. Ю. Мешкова [Мешков, 2012], Р. Р. Хисамутдиновой и Д. Р. Хисамутдинова [Хисамутдинова и др., 2022] отмечена тенденция рекрутирования в учебные заведения трудовых резервов преимущественно сельской молодежи. К возрастным характеристикам обращается М. А. Клинова, которая анализирует феномен повышения призывного возраста для расширения базы контингента учащихся, мобилизованных в школы ФЗО во второй половине 1940-х годов [Клинова, 2019]. Аспектов территориального происхождения призывников трудовых резервов касаются работы Л. В. Захаровского, в которых содержатся количественные показатели межрегиональных перебросок призывников и доказывается тезис о том, что они охватывали в первую очередь колхозную молодежь из преимущественно аграрных регионов [Захаровский и др., 2019; Захаровский и др., 2021].

Британский исследователь Д. Фильцер в монографии, посвященной положению рабочего класса в период позднего сталинизма, упоминает несколько тенденций, связанных с распределением учащихся трудовых резервов по полу, возрасту и социальному происхождению [Фильцер, 2011]. О. Кучеренко подчеркивает противоречие между декларируемой элитарностью государственных трудовых резервов и механизмами пополнения

этой социальной группы за счет освобожденных из заключения подростков [Kucherenko, 2012].

В целом социально-демографические аспекты функционирования государственных трудовых резервов как социокультурной общности остаются практически неизученными.

Фрагментарная информация о социально-демографических характеристиках учащихся содержится в нормативно-правовых актах правительства, распорядительных документах Главного управления трудовых резервов, информационно-справочной документации мобилизационного отдела управления трудовых резервов Свердловской области, отчетах уполномоченных Госплана СССР в регионах, а также в некоторых сохранившихся массовых источниках (книги учета выпускников учебных заведений).

Исследование базируется на математико-статистических методах (типологические группировки, диаграмма рассеяния) анализа делопроизводственной документации государственных трудовых резервов.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

При создании трудовых резервов в октябре 1940 года были определены базовые требования к социально-демографическим характеристикам учащихся в зависимости от типа учебного заведения: городская и колхозная молодежь «мужского пола в возрасте 14—15 лет для обучения в ремесленных и железнодорожных училищах и в возрасте 16—17 лет для обучения в школах фабрично-заводского обучения» [О государственных трудовых ..., 1940]. Однако реконструкция социального портрета учащихся требует более подробного анализа основных социально-демографических показателей.

3.1. Половозрастной состав учащихся

В учебных заведениях трудовых резервов изначально обучались подростки обоего пола (хотя в указе от 02.10.1942 речь шла только о призыве мужчин). По итогам осеннего призыва 1940 года во вновь созданных училищах и школах ФЗО доля девушек среди учащихся составила более 2 %, в результате последующих мобилизаций в военный период она существенно возросла: в конце 1942 года девушки составляли более 35 % учащихся, в 1943 году — 43 % [ГАРФ, ф. Р-9507, оп. 1, дд. 203, 206, 207]. После окончания войны число учениц в училищах и школах ФЗО существенно сократилось, и в 1946—1952 годы «количество учащихся женского пола не превышало 19 % от общей цифры» [Фильцер, 2011, с. 59]. При этом училища и школы трудовых резервов имели существенные различия в динамике абсолютных и относительных показателей численности учениц, особенно в послевоенный период (рис. 1).

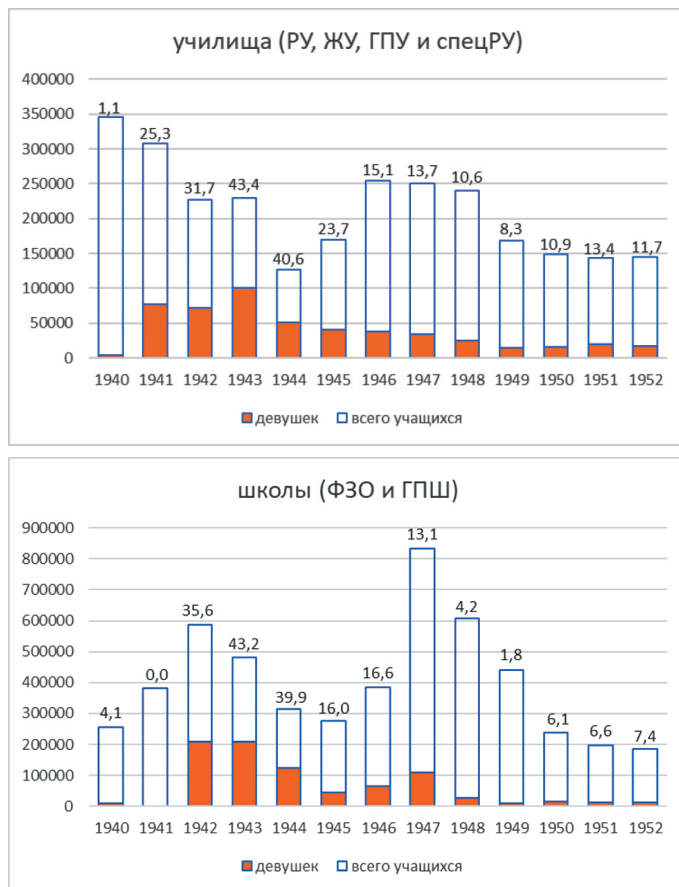

Рис. 1. Количество девушек, призванных в учебные заведения государственных трудовых резервов СССР в 1940—1952 годы, чел и %

Тем не менее в 1940—1950-е годы девушки составляли заметную долю контингента учащихся, что, с одной стороны, делало учебные заведения государственных трудовых резервов в определенной степени уникальной площадкой межгендерной коммуникации (особенно с учетом того, что в общеобразовательных школах в крупных городах СССР в 1943—1954 годах была реализована практика раздельного обучения мальчиков и девочек) и, с другой стороны, способствовало сдвигу гендерных ролей (в ситуации обучения девушек «мужским» профессиям для отраслей с исключительно тяжелыми условиями труда) [Ларионова и др., 2023, с. 70]. Однако следует

отметить, что при организации учебного процесса руководство училищ и школ старалось формировать отдельные учебные группы юношей и девушек — например, в отчете Свердловского областного управления трудовых резервов за 1947/48 учебный год подчеркивалось, что во всех училищах «по полу разнородных групп нет» [ГАРФ, ф. Р-9507, оп. 2, д. 727, л. 1].

Хронологический возраст призыва в учебные заведения государственных трудовых резервов был установлен в 1940 году: 14—15 полных лет для учащихся училищ; 16—17 лет для школ ФЗО. При этом с точки зрения психологического возраста учащиеся училищ и школ ФЗО представляли собой две различные категории [Ларионова и др., 2023, с. 70].

В 1940-е — первой половине 1950-х годов заметной тенденцией в динамике указанного показателя явилось расширение верхней возрастной границы для призывников (особенно школ ФЗО), обусловленное как недостаточным количеством контингента учащихся, так и стремлением к улучшению физических параметров выпускников в отраслях с тяжелыми условиями труда [Клинова, 2019, с. 299—300]. Например, в школы ФЗО в 1947—1949 годах призывались молодые мужчины в возрасте 19—23 лет, не проходившие службу в Советской Армии [Фильцер, 2011, с. 60—61], которые с точки зрения своего психосоциального развития принадлежали уже к начальному зрелому возрасту, существенно отличающемуся от юношества.

Даже в конце 1940-х годов возрастной состав учащихся ремесленных и железнодорожных училищ не был настолько однородным, как это можно было предположить из буквального понимания текста Указа «О государственных трудовых резервах СССР». Анализ отчетов Свердловского областного управления трудовых резервов за 1947 и 1949 годы показывает, что возраст учащихся второго года обучения существенно варьировался (табл. 1), то есть во многих случаях они выходили за возрастные границы в 14—15 лет к моменту призыва, будучи зачисленными в училище как в возрасте 13 лет, так и 16—17-летними.

Следует отметить, что в делопроизводственной документации трудовых резервов неоднократно были отмечены факты намеренного завышения и занижения возраста призывников, особенно мобилизованных в учебные заведения Свердловской области из других регионов страны. Например, в черновых материалах мобилизационного отдела Свердловского областного управления трудовых резервов за 1950 год подчеркивалось, что некоторые районные и городские исполкомы советов депутатов трудящихся Кировской и Пензенской областей, Мордовской, Марийской и Удмуртской АССР «встали на путь прямого обмана государства», сознательно увеличивая в паспортах призванной молодежи их возраст на 2—3 года, а также направляя в школы ФЗО «молодежь, которая неоднократно окончила школы

Таблица 1

Распределение по возрасту учащихся ремесленных
и железнодорожных училищ Свердловской области,
переведенных во второй класс в 1947—1949 годах *

Возраст, лет	1947 г.		1949 г.	
	чел.	%	чел.	%
14	319	3,5	332	3,3
15	2311	25,2	2710	27,1
16	3101	33,9	3141	31,4
17	2345	25,6	2717	27,2
18	1085	11,8	1102	11,0
Всего	9161	100,0	10002	100,0

*Источник: подсчитано по: [ГАРФ, ф. Р-9507, оп. 2, д. 699, л. 13; д. 758, л. 48—48 об.].

ФЗО и ремучилища» [ГАСО, ф. Р-2033, оп. 1, д. 44, л. 37]. В отчете Свердловского областного управления трудовых резервов за 1948/49 учебный год было отмечено, что в Северском РУ № 47 «принимались подростки, не достигшие установленного возраста» [ГАРФ, ф. Р-9507, оп. 2, д. 758, л. 3].

При этом учащиеся разных возрастов, как правило, были «перемешаны» даже в рамках одной учебной группы. Анализ сведений о возрастном составе учебных групп в училищах Свердловской области показывает высокую степень их неоднородности: почти половина учебных групп включала в себя учащихся трех возрастных категорий, а пятая часть — четырех и более возрастов (табл. 2). Такое значительное количество неоднородных по возрасту учебных групп в отчете Свердловского управления трудовых резервов за 1948 год объясняется необходимостью обеспечить однородность параметров физического развития учащихся внутри группы [ГАРФ, ф. Р-9507, оп. 2, д. 727, л. 1]. Показателен тот факт, что подавляющее большинство однородных по возрасту учебных групп (10 из 27, то есть 37 % от общего количества однородных учебных групп во всех училищах трудовых резервов Свердловской области) были сформированы в училище № 42, имевшем особый статус художественно-ремесленного, для учащихся которого формальные параметры физического развития (рост, масса тела, мышечная сила и т. д.) отступали на второй план.

3.2. Территориальное распределение призывников

Географическая локализация места проживания учащихся до их призыва в училища и школы трудовых резервов является одним из ключевых показателей социального портрета, связанным с определением соотноше-

Таблица 2

Распределение учебных групп ремесленных и железнодорожных училищ Свердловской области по однородности возрастного состава учащихся в 1948 году *

Категории учебных групп по возрастному составу учащихся	Количество		Число училищ, имеющих группы из указанной категории
	групп	%	
однородные	27	3,7	13
включают учащихся двух возрастов	180	24,9	36
включают учащихся трех возрастов	359	49,7	48
включают учащихся четырех возрастов	153	21,2	36
содержат учащихся более 4 возрастов	4	0,5	3
Всего	723	100,0	48

* Источник: подсчитано по: [ГАРФ, ф. Р-9507, оп. 2, д. 727, л. 13].

ния между городской и сельской молодежью, а также доли призывников, переброшенных в учебные заведения из других регионов.

Многие исследователи подчеркивают такую характерную черту социального портрета учащихся государственных трудовых резервов, как диспропорцию городской и сельской молодежи. Н. В. Чернышова отмечает, что «источником пополнения учебных заведений в основном являлась сельская молодежь» [Чернышева, 2021, с. 304]; Д. Ю. Мешков подчеркивает, что во второй половине 1940-х годов в масштабах СССР «три четверти учащихся школ ФЗО и училищ были выходцами из села» [Мешков, 2012, с. 227]; по мнению Р. Р. Хисамутдиновой и Д. Р. Хисамутдинова, проблема недобора учащихся в школы ФЗО на Урале в конце 1940-х годов была связана именно с набором в них преимущественно сельской молодежи, так как «промышленно развитые регионы... не могли самостоятельно обеспечить себя людскими ресурсами, выкачиваемыми из деревни» [Хисамутдинова и др., 2022, с. 168]. Наконец, Д. Фильцер на основе анализа сводных статистических данных приходит к выводу, что в 1946—1952 годах «режим использовал систему трудовых резервов для перераспределения кадров из сельского хозяйства в промышленность и строительство» [Фильцер, 2011, с. 59].

В данном контексте мы хотели бы добавить несколько уточнений к характеристике указанной диспропорции. Во-первых, на начальном этапе формирования трудовых резервов наблюдалась обратная тенденция, связанная с преобладанием во вновь создаваемых училищах и школах ФЗО городской молодежи, что можно объяснить особенностями территориаль-

ного расположения учебных заведений, большим числом добровольцев из городской молодежи, а также логистикой порайонных планов призыва.

Во-вторых, в 1940 — первой половине 1950-х годов соотношение сельской и городской молодежи существенно различалось в училищах и школах ФЗО. Если в школах ФЗО на всем протяжении рассматриваемого периода доля учеников-выходцев из сельской местности составляла более 80 %, то в ремесленных и железнодорожных училищах их было немногим более 50 %.

В-третьих, среди учащихся школ ФЗО Свердловской области чрезвычайно высокую долю составляли учащиеся, призванные из других регионов (подавляющее большинство из них являлись сельскими жителями). С 1940 по 1956 годы в школы ФЗО были направлены призывники из 39 различных областей, краев и республик СССР, некоторые из которых были очень удалены от Урала (табл. 3). Таким образом, в школах трудовых резервов в указанный период в среднем 45% учеников были представлены выходцами из других регионов, что не могло не сказаться на социокультурном облике учащихся.

3.3. Социальный и национальный состав учащихся

При характеристике социального происхождения и положения учащихся системы профессионально-технического образования следует отметить превалирование в 1940—1950-е годы, особенно в школах ФЗО, крестьянских детей (по сравнению с периодом 1930-х годов, когда основную массу учащихся школ ФЗО составляла городская молодежь пролетарского происхождения).

Не в последнюю очередь на социальный состав учащихся учебных заведений трудовых резервов повлияли и «утилитарные соображения подростков и их родителей» (особенно из сельской местности), обусловленные низким уровнем жизни населения [Постников и др., 2004, с. 192]. Закрепленная в указе «О государственных трудовых резервах СССР» обязанность государства кормить, одевать и обеспечивать жильем учащихся в течение всего периода обучения привлекала колхозников, многие из которых принадлежали к малообеспеченным слоям населения СССР, возможностью обеспечить своего рода «социальный лифт» через поступление в некоторые престижные училища (например, железнодорожные). В то же время дети более или менее состоятельных родителей предпочитали избегать призыва в учебные заведения трудовых резервов, ориентируясь в том числе на продолжение обучения в 8—10 классах средней школы (которое с октября 1940 года было платным). Как отмечалось на совещании зам. директоров по политической части училищ и школ ФЗО Свердловской области в январе 1943 года применительно к учащимся, призванным из Ирбитского района Свердловской области и дезертировавшим из ремесленного училища, «большинство ребят, которые сбежали, зажиточных родителей,

Таблица 3

Сводные данные о количестве молодежи, призванной в школы ФЗО и ГПШ трудовых резервов Свердловской области из других регионов СССР в 1940—1956 годы, тыс. чел.

Регионы СССР	1940	1941	1942	1943	1944	1945	1946	1947	1948	1949	1950	1951	1952	1953	1954	1955	1956
Алтайский край						1,16											
Арзамасская обл.																0,18	0,07
Башкирская АССР	1,3	3,8				0,97	0,86	0,76	1,06								
Белорусская ССР					4,12												
Белгородская обл.																0,27	
Брянская обл.										1,35	1,08	1,09	1,13	0,92	0,67	0,62	0,64
Винницкая обл.										0,39						0,19	
Владимирская обл.									0,83								
Вологодская обл.			2,15	3,39				1,93		0,74				0,43	0,18		0,11
Воронежская обл.															0,66		
Волынская обл.															0,21		
Дрогобычская обл.																	
Калининская обл.			2,74														
Казахская ССР		1,6															
Калужская обл.												0,33					
Кировская обл.			3,72	1,05	0,35	1,93	0,84	2,47	3,3	4,24	1,45						
Курганская обл.						0,2											
Курская обл.						2,03						1,19	1,48	0,66			
Липецкая обл.															0,04		
Львовская обл.																0,09	
Марийская АССР				1,83			0,32			0,33							
Молотовская обл.						0,6											

Регiónы СССР	1940	1941	1942	1943	1944	1945	1946	1947	1948	1949	1950	1951	1952	1953	1954	1955	1956
Мордовская АССР		1,2		0,95			1,0	1,57		1,75	1,46	1,11	0,96	0,44		0,2	0,1
Новосибирская обл.						0,95											
Омская обл.						0,73	1,38										
Орловская обл.			2,19											0,18	0,52	0,32	0,1
Пензенская обл.								1,33		2,64	1,8	1,51	1,31	0,47			
Рязанская обл.																0,16	
Саратовская обл.			0,8														
Смоленская обл.			1,65														
Тамбовская обл.								0,46	0,59	2,61				0,56	0,81	0,4	0,25
Татарская АССР							2,58									0,11	
Тернопольская обл.															0,44		
Тульская обл.			0,7														
Тюменская обл.				0,2		1,2											
Ульяновская обл.													0,19	0,18			0,22
Удмуртская АССР										1,49							
Черниговская обл.															0,88		
Чувашская АССР				1,88	0,68		1,05	0,84	0,52								
Всего	1,3	6,6	13,95	9,3	5,15	9,77	8,03	9,38	6,3	15,54	5,79	5,23	5,07	3,84	4,41	2,54	1,49
% от кол-ва уч-ся	15,9	53,7	41,2	38,4	24,8	68,3	58,3	42,8	30,7	74,2	63,6	63,9	62,7	49,0	43,4	50	13,7

* Подсчитано по: [ГАРФ, ф. Р-9507, оп. 2, д. 418, л. 1; д. 420, л. 1; д. 422, л. 13; д. 423, л. 7—16; д. 424, л. 4; д. 425, л. 8; д. 427, л. 28; ГАСО, ф. Р-2033, оп. 1, д. 44, л. 2].

им не понравилось работать на медеплавильном заводе, трудно» [ГАСО, ф. Р-2033, оп. 1, д. 12, л. 99].

Также большое значение имела постоянная передача в училища воспитанников детских домов и массовое направление в училища и школы ФЗО в начальный период Великой Отечественной войны освобожденных от наказания молодых заключенных.

Появление в 1942—1943 годах в учебных заведениях трудовых резервов в значительном количестве несовершеннолетних заключенных, среди которых оказалось немало число «зlostных хулиганов, рецидивистов и социально опасных» [ГАРФ, ф. Р-9507, оп. 5, д. 52, л. 31], привело к широкому распространению в училищах и, особенно, в школах ФЗО полууголовной (а зачастую и уголовной) молодежной субкультуры, которая противостояла принятым в советском обществе традициям и определяла «непарадный» портрет учащихся. В официальных документах трудовых резервов постоянно упоминались случаи совершения учащимися убийств, грабежей, разбойных нападений, поножовщины, крупных краж изнасилований и т. д. [ГАРФ, ф. Р-9507, оп. 5, д. 52, лл. 27, 93; д. 236, л. 176].

Проявления полукриминальной субкультуры в учебных заведениях трудовых резервов способствовали формированию у многих учащихся средних школ и их родителей негативного отношения к обучению училищах и школах ФЗО. Как отмечал в начале 1943 года зам. директора по политической части Свердловского РУ № 18, «родители имеют понятие такое, что в училище только одни хулиганы и плохо их здесь учат» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 38, д. 221, л. 38].

Как отмечает О. Кучеренко, учащиеся государственных трудовых резервов имели репутацию «опасных и неисправимых хулиганов и воров» и некоторые реально соответствовали этому образу. Особенно дурной славой пользовались ученики школ ФЗО, «иногда объединявшиеся в банды грабителей, насильников и бессердечных убийц», которые «деморализовывали и развращали других учеников» [Kucherenko, 2012, p. 405].

В документах Свердловского областного управления трудовых резервов отсутствует подробная информация о национальном составе контингентов учебных заведений области. С большой вероятностью можно предположить, что систематическая и массовая переброска призывников из других регионов СССР, в том числе из национальных республик и областей, значительная часть населения которых не принадлежала к титульной нации (табл. 3), привела к тому, что многие учебные заведения трудовых резервов Свердловской области (особенно школы ФЗО) в определенные периоды отличались «пестрым» национальным составом учащихся. В документах упоминается незнание привезенными из национальных регио-

нов учащимися русского языка, их слабая мотивация к обучению рабочим профессиям, повышенный уровень дезертирства, а также (крайне редко) — проблемы межнациональной коммуникации в отдельных учебных заведениях. Например, зам. директора по политчасти Дегтярской школы ФЗО № 3 Зиятдинов в марте 1941 года отмечал: «У нас есть национальная разнь... Бывали такие случаи, если в комнату среди татар попадет русский, то вели антагонизм. Они друг друга называли волками и всякими другими прозвищами. С этим пришлось бороться. Сейчас нет такого грубого отношения как раньше. У нас 50 % татар, некоторые не умеют говорить по-русски и им приходится трудно» [ГАСО, ф. Р-2033, оп. 1, д. 5, л. 49].

3.4. Уровень образования призывников

На начальном этапе существования государственных трудовых резервов требования к образованию и минимально необходимому уровню грамотности призывников были, в целом, невысокими. Призывников можно дифференцировать по типам учебных заведений: училища пополнялись выпускниками начальной школы, а в школы ФЗО молодежь призывалась фактически без учета уровня образования. Городская молодежь, имевшая более высокий уровень подготовки, зачислялась преимущественно в ремесленные и железнодорожные училища, а сельская — в школы ФЗО. Как отмечают С. П. Постников и М. А. Фельдман, значительное расширение сети учебных заведений в 1940 году «привело к снижению общеобразовательного уровня учащихся», многие из которых «не знают таблицы умножения» [Постников и др., 2004, с. 199—200].

Даже в конце 1940-х годов образовательный уровень учащихся в ремесленных и железнодорожных училищах, то есть типах учебных заведений, предназначенных для подготовки квалифицированных рабочих для самых сложных профессий, в целом оставался недостаточным. Например, в Свердловской области в 1949 году только менее 8 % учащихся училищ имели образование не ниже 7 классов средней школы (табл. 4).

При этом уровень образования учащихся существенно варьировался в конкретных училищах Свердловской области (рис. 2).

Самым высоким уровнем образования учащихся выделялись: Свердловское РУ № 42, имевшее особый статус художественно-ремесленного училища для подготовки камнерезов и ювелиров (туда изначально принимали юношей и девушек в возрасте 14—18 лет с образовательным цензом 7 классов); традиционно популярные у молодежи железнодорожные училища (Камышловское ЖУ №1 и Красноуфимское ЖУ № 2); Свердловское РУ № 1, имевшее в качестве базового предприятия машиностроительный гигант Уралмаш; Ирбитское РУ № 41 при мотоциклетном заводе; Свердловское РУ № 3 при Верх-Исетском металлургическом заводе; Алапаев-

Таблица 4

Распределение по уровню образования учащихся ремесленных
и железнодорожных училищ Свердловской области,
переведенных во второй класс в 1949 году *

Уровень образования	чел.	%
окончили 3 класса	55	0,6
окончили 4 класса	5478	59,8
окончили 5 классов	2042	22,3
окончили 6 классов	919	10
окончили 7 классов и более	667	7,3
Всего	9161	100

* Источник: [ГАРФ, ф. Р-9507, оп. 2, д. 758, л. 48—48 об.].

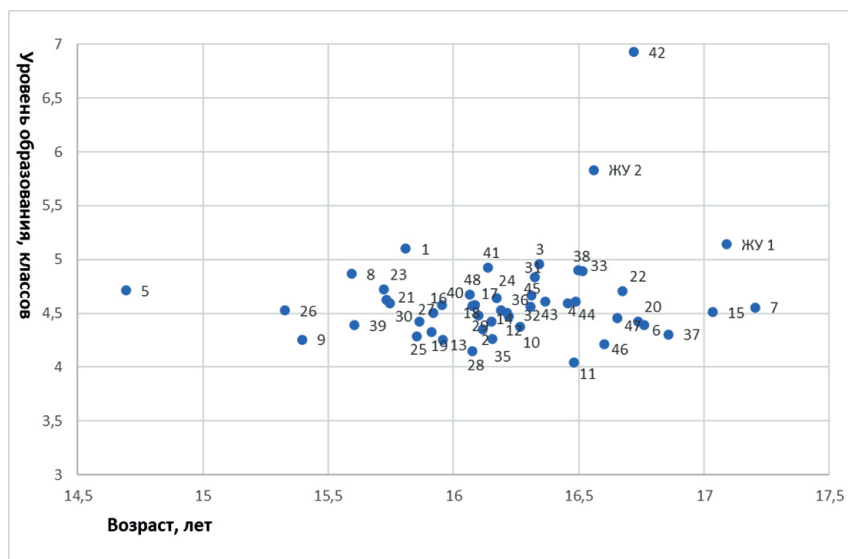

Рис. 2. Распределение в 1949 году училищ трудовых резервов Свердловской области по среднему возрасту и уровню образования учащихся второго года обучения.

ское РУ № 38 при станкостроительном заводе; Невьянское РУ № 33 на базе механического завода; Свердловское РУ № 31 при заводе «Уралэлектроаппарат»; Красноуральское РУ № 8 при медеплавильном заводе.

Тенденция концентрации молодежи с повышенным уровнем образования в железнодорожных и отдельных ремесленных училищах маши-

ностроительной и металлургической промышленности, где «престиж рабочих профессий был достаточно высок» [Постников и др., 2004, с. 192], подтверждается и документами Свердловского областного управления трудовых резервов. Так, в отчете о работе мобилизационного отдела за 1949 год было отмечено, что «в ЖУ № 2 на 250 мест подано 1318 заявлений, зачислено 250 чел., все с образованием 6—7 классов, в РУ № 21 на 125 мест — 176 заявлений, зачислено 62 чел., из них 42 с образованием 6—7 классов» [ГАСО, ф. Р-2033, оп. 1, д. 44, л. 30—31].

Пониженный уровень образования учащихся был характерен для многих училищ, удаленных от заселенных районов и промышленных центров области, готовивших кадры для предприятий лесной и горнодобывающей промышленности, а также находящихся под угрозой ликвидации из-за проблем с набором и учебно-производственной базой — например, Верхне-Тавдинского РУ № 28 при лесокомбинате, Нижнесалдинского РУ № 11 при металлургическом заводе и Исовского РУ № 46 на базе золото-платинового прииска (последние два училища были через год ликвидированы).

Высокую степень дифференциации учащихся училищ трудовых резервов по уровню образования в 1940-е годы подтверждают и статистические данные по Свердловской области (табл. 5). Даже в конце 1940-х годов состав учебных групп в училищах оставался далеко не однородным, что не могло не мешать нормальному обучению.

Таблица 5

Распределение учебных групп ремесленных и железнодорожных училищ Свердловской области по однородности образовательного уровня учащихся *

Категории учебных групп по образовательному уровню учащихся	1944 г.		1947 г.		1948 г.	
	групп	%	групп	%	групп	%
однородные	4	0,5	20	4,8	165	22,8
из учащихся двух уровней образования	110	14,4	96	22,9	315	43,6
— «» — 3 — «» —	235	30,7	170	40,6	198	27,4
— «» — 4 — «» —	256	33,4	118	28,1	45	6,2
— «» — 5 — «» —	150	19,6	15	3,6	0	0
— «» — 6 — «» —	10	1,3				
— «» — 7 — «» —	1	0,1				
	766	100	419	100,0	723	100,0

* Источник: подсчитано по: [ГАСО, ф. Р-2033, оп. 1, д. 13, л. 39а; ГАРФ, ф. Р-9507, оп. 2, д. 699. л. 13; д. 727, л. 1].

3.5. Состояние здоровья учащихся

К состоянию здоровья призывников и учащихся государственных трудовых резервов предъявлялись жесткие требования [ГАРФ, ф. Р-9507, оп. 1, д. 1, л. 15—23]. Примером тщательного физического отбора учащихся в учебные заведения трудовых резервов служит первый призыв (1940 год), который характеризовался большим количеством добровольцев, зачастую превышающим количество мест в училищах и школах ФЗО. Так, например, медицинскими комиссиями Свердловской области в ходе призыва 1940 года по состоянию здоровья было «отбраковано» более 13 % призывников (2839 из 21478), в основном в связи с явным физическим недоразвитием, наличием активной формы туберкулеза и противопоказаний для обучения профессиям горно-рудного и металлургического дела [ЦДО-ОСО, ф. 4, оп. 36, д. 208, л. 184]. При этом некоторые учащиеся, формально соответствующие всем требованиям, в силу возрастных особенностей организма не могли еще полноценно работать в металлургических и горных профессиях [ГАСО, ф. Р-2033, оп. 1, д. 2, л. 31].

Результатом столь тщательного отбора призывников и мер по организации медицинского обеспечения деятельности учебных заведений во многом явился достаточно низкий уровень заболеваемости учащихся в 1940 — первой половине 1941 года. Например, из отчета Свердловского облздравотдела (март 1941 года) следует, что число случаев простудных заболеваний (воспаление легких, бронхит, грипп) среди учащихся не превышало 3,7 % (611 на 16620 чел.) [ЦДООСО, ф. 4, оп. 36, д. 208, л. 194—194 об].

Однако в последующие периоды в условиях доминирования принудительного призыва учащихся в учебные заведения в документах Свердловского областного управления трудовых резервов периодически отмечались случаи «поверхностного и несерьезного» отношения медицинских и призывных комиссий к набору учащихся, которые «в погоне за выполнением плана призыва» направляли в учебные заведения «заведомо больную молодежь», непригодную по состоянию здоровья. В отчете о работе мобилизационного отдела Свердловского областного управления трудовых резервов за 1947 год отмечалось, что из школ ФЗО в первые два-три месяца по состоянию здоровья были отчислены 755 чел. [ГАСО, ф. Р-2033, оп. 1, д. 44, л. 66].

Тем не менее, несмотря на массовость случаев призыва в трудовые резервы заведомо больных подростков, они не могли существенно понизить общий высокий уровень физического развития учащихся школ ФЗО, в первую очередь потому, что эти подростки незамедлительно отчислялись из учебных заведений по состоянию здоровья. В связи с этим нам трудно согласиться с утверждением Д. Ю. Мешкова о том, что во второй половине 1940-х годов «каждый четвертый учащийся трудовых резервов [Свердлов-

ской] области, а по г. Свердловску — более 40 % страдали туберкулезом, ревматизмом и др. опасными заболеваниями» [Мешков, 2012, с. 227], так как в изученных нами документах Свердловского областного управления трудовых резервов не упоминается о таком высоком уровне распространения опасных заболеваний. Хотя в сводном статистическом отчете Министерства трудовых резервов о заболеваемости и травматизме учащихся за 1956 год по Свердловской области приводятся данные о 2736 случаях заболеваний (что составляет 31,7 % от численности контингента учащихся на начало года), но большую часть из них сложно отнести к опасным заболеваниям (табл. 6).

Таблица 6

**Сведения о заболеваемости учащихся трудовых резервов
в Свердловской области в 1956 году ***

Вид заболевания	Количество случаев	%
Грипп	487	17,8
Острый катар дыхательных путей	537	19,6
Ангина	374	13,7
Ревматические заболевания сердца	21	0,8
Туберкулез органов дыхания	9	0,3
Гнойничковые заболевания кожи	230	8,4
Травмы производственные	116	4,2
Острые желудочно-кишечные заболевания	86	3,1
Конъюнктивит	39	1,4
Язвенные болезни	2	0,1
Воспаление легких	45	1,6
Плеврит	7	0,3
Отит	40	1,5
Бронхит	55	2,0
Прочие болезни	688	25,1
Всего	2736	100,0

* Источник: [ГАРФ, ф. Р-9507, оп. 4., д. 538, л. 35].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, совокупность таких социально-демографических показателей, как пол, возраст, место проживания, социальное положение, уровень образования, национальность и состояние здоровья, позволяет реконструировать социальный портрет учащихся государственных трудовых резервов как обособленной социальной группы. Эта социальная группа с точки зрения отдельных показателей характеризовалась неоднородно-

стью, объединяя молодежь разного пола, возраста (13—18 лет, а в отдельных случаях — и старше), социального положения, территориального происхождения, образовательного уровня и профессиональной ориентации.

Указанные социально-демографические показатели, взятые в комплексе, иллюстрируют тесную зависимость социального портрета учащихся от типа учебного заведения: в ремесленных и железнодорожных училищах, как правило, обучались подростки 14—16 лет с повышенным образовательным уровнем (от начального до среднего), приблизительно в равной пропорции являвшиеся городскими и сельскими жителями; в школах ФЗО были сконцентрированы преимущественно 16—18-летние юноши и девушки, призванные из сельской местности, зачастую переброшенные в промышленные районы из отдаленных сельскохозяйственных регионов, имевшие пониженный уровень образования и мотивации к овладению рабочей профессией.

Существенной характеристикой социального портрета учащихся трудовых резервов является его динамическое изменение на различных этапах развития системы подготовки квалифицированных рабочих кадров: 1) на стадии формирования государственных трудовых резервов в предвоенный период; 2) в период Великой Отечественной войны; 3) в период послевоенного восстановления экономики СССР; 4) в период кризиса мобилизационной модели рекрутирования учащихся в середине и второй половине 1950-х годов.

Социально-демографические характеристики выступали в качестве социокультурных маркеров неформального портрета учащихся трудовых резервов, детерминирующих поведенческие практики и ментальные установки этой социальной группы.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ГАРФ — *Государственный архив Российской Федерации*. Ф. Р-9507. Оп. 1. Дд. 203, 206, 207 ; Оп. 2. Д. 727, 758 ; Оп. 4. Д. 538 ; Оп. 5. Дд. 52, 236.
2. ГАСО — *Государственный архив Свердловской области*. Ф. Р-2033. Оп. 1. Дд. 2, 5, 12, 44.
3. *О государственных трудовых резервах СССР* : Указ от 02.10.1940 // Ведомости Верховного Совета СССР. — 1940. — № 37. — С. 3—5.
4. ЦДООСО — *Центр документации общественных организаций Свердловской области*. Ф. 4. Оп. 36. Д. 208; Оп. 37. Д. 66 ; Оп. 38, Д. 221.

Литература

1. *Захаровский Л. В.* Проблема межрегиональных перевозок призывников государственных трудовых резервов в 1940 — начале 1950-х гг. (на материалах Свердловской области) / Л. В. Захаровский, С. Л. Разинков // Ученые записки НТГСПИ. Серия : История и филология. — 2021. — № 4. — С. 11—29.
2. *Захаровский Л. В.* Эвакуация и резвакуация учебных заведений и учащихся государственных трудовых резервов в годы Великой Отечественной войны / Л. В. Захаровский, С. Л. Разинков // Научный диалог. — 2019. — № 11. — С. 306—322. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-306-322.
3. *Клинова М. А.* Учебные заведения системы трудовых резервов : методы и результаты решения кадровых проблем советской индустрии в послевоенные годы / М. А. Клинова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. — 2019 — Т. 19. — Выпуск 3. — С. 298—303.
4. *Ларионова М. Б.* Социокультурные маркеры как основа для реконструкции портрета учащихся государственных трудовых резервов / М. Б. Ларионова, Т. А. Заглодина, С. Л. Разинков // Профессиональное образование и рынок труда. — 2023. — Т. 11. — № 2. — С. 65—80. — DOI: 10.52944/PORT.2023.53.2.004.
5. *Мешков Д. Ю.* От трудовых мобилизаций к профессиональной ориентации : Советская политика в области трудовых ресурсов 1945 — начала 1960-х гг. и ее региональные особенности / Д. Ю. Мешков // Magister Dixit. — 2012. — № 4. — С. 224—235.
6. *Постников С. П.* Государство и профессиональная подготовка рабочих кадров промышленности Урала в 1900—1940 гг. / С. П. Постников, М. А. Фельдман. — Екатеринбург : УрО РАН, 2004. — 230 с. — ISBN 5-7691-1478-9.
7. *Фильцер Д.* Советские рабочие и поздний сталинизм. Рабочий класс и восстановление сталинской системы после окончания Второй мировой войны / Д. Фильцер. — Москва : РОССПЭН, 2011. — 359 с. — ISBN 978-5-8243-1593-6.
8. *Хисамутдинова Р. Р.* Реализация государственной политики призыва молодежи в систему трудовых резервов в период четвертой пятилетки на территории Урала (1946—1950 гг.) / Р. Р. Хисамутдинова, Д. Р. Хисамутдинов // Вестник оренбургского государственного педагогического университета. — 2022. — № 1. — С. 168—184. — DOI: 10.32516/2303-9922.2022.41.14.
9. *Чернышева Н. В.* Мобилизация молодежи в учебные заведения системы государственных трудовых резервов в Волго-Вятском регионе в 1941—1945 гг. : демографический аспект / Н. В. Чернышева // Одна на всех трагедия и одна Победа. Международная научно-практическая конференция к 80-летию начала Великой Отечественной войны. — Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2021. — С. 304—308.
10. *Kucherenko O.* State v. Danila Kuz'mich : Soviet Desertion Laws and Industrial Child Labour during World War II / O. Kucherenko // The Russian Review. — 2012. — № 71. — Pp. 391—412.

*Статья поступила в редакцию 28.10.2024,
одобрена после рецензирования 19.12.2024,
подготовлена к публикации 23.04.2025.*

Material resources

CDDOO — Documentation Center for public organizations of the Sverdlovsk region.
(In Russ.).

GARF — *The State Archive of the Russian Federation*. (In Russ.).

GASO — *The State Archive of the Sverdlovsk region*. (In Russ.).

On the State labor reserves of the USSR: Decree dated 02.10.1940. (1940). *Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR*, 37: 3—5. (In Russ.).

References

- Chernysheva, N. V. (2021). Mobilization of youth in educational institutions of the system of state labor reserves in the Volga-Vyatka region in 1941—1945: demographic aspect. In: *One tragedy and one Victory for all. International Scientific and Practical Conference dedicated to the 80th anniversary of the beginning of the Great Patriotic War*. Orenburg: OGPU Publishing House. 304—308. (In Russ.).
- Filzer, D. (2011). *Soviet workers and late Stalinism. The working class and the restoration of the Stalinist system after the end of World War II*. Moscow: ROSSPEN. 359 p. ISBN 978-5-8243-1593-6. (In Russ.).
- Khisamutdinova, R. R., Khisamutdinov, D. R. (2022). Implementation of the state policy of conscription of youth into the labor reserve system during the fourth five-year plan in the Urals (1946—1950). *Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University*, 1: 168—184. DOI: 10.32516/2303-9922.2022.41.14. (In Russ.).
- Klinova, M. A. (2019). Educational institutions of the labor reserve system: methods and results of solving personnel problems of the Soviet industry in the post-war years. *Proceedings of the Saratov University. A new series. A series of Stories. International relations*, 19 (3): 329—303. (In Russ.).
- Kucherenko, O. (2012). State v. Danila Kuz'mich: Soviet Desertion Laws and Industrial Child Labour during World War II. *The Russian Review*, 71: 391—412.
- Larionova, M. B. (2023). Socio-cultural markers as a basis for reconstructing the portrait of students of state labor reserves. *Vocational education and the labor market*, 11 (2): 65—80. DOI: 10.52944/PORT.2023.53.2.004. (In Russ.).
- Meshkov, D. Y. (2012). From labor mobilizations to professional orientation: Soviet labor policy of 1945 — early 1960s and its regional features. *Magister Dixit*, 4: 224—235. (In Russ.).
- Postnikov, S. P., Feldman, M. A. (2004). *The state and professional training of workers industry of the Urals in 1900—1940*. Yekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 230 p. ISBN 5-7691-1478-9. (In Russ.).
- Zakharovsky, L. V., Razinkov, S. L. (2019). Evacuation and Re-Evacuation of Educational Institutions and Students of the State Labor Reserves during the Great Patriotic War. *Nauchnyi dialog*, 11: 306—322. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-11-306-322> (In Russ.).
- Zakharovsky, L. V., Razinkov, S. L. (2021). The problem of inter—regional transportation of conscripts of state labor reserves in the 1940s — early 1950s (based on materials from the Sverdlovsk region). *Scientific notes of the NTSPi. Series: History and Philology*, 4: 11—29. (In Russ.).

*The article was submitted 28.10.2024;
approved after reviewing 10.12.2024;
accepted for publication 23.04.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(3), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Сорокин А. А. Портсмутский мирный договор 1905 года в оценках российского общественного мнения / А. А. Сорокин, Ю. В. Соколов // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 3. — С. 512—530. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-512-530.

Sorokin, A. A., Sokolov, Yu. V. (2025). Portsmouth Peace Treaty of 1905 in Assessments of Russian Public Opinion. *Nauchnyi dialog*, 14 (3): 512-530. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-512-530. (In Russ.).

Web of Science™

НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
РОССИИ

LIBRARY.RU

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Портсмутский мирный договор 1905 года в оценках российского общественного мнени

Сорокин Александр Анатольевич

orcid.org/0000-0003-1710-0801

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник,
кафедра информационных технологий
в гуманитарных исследованиях,
корреспондирующий автор
skaliger1989@yandex.ru

Соколов Юрий Вячеславович

orcid.org/0000-0003-1628-8558,

младший научный сотрудник,
кафедра информационных технологий
в гуманитарных исследованиях
sapsan118@yandex.ru

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского
(Нижний Новгород, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 22-78-10006,
<https://rscf.ru/project/22-78-10006/>

Portsmouth Peace Treaty of 1905 in Assessments of Russian Public Opinion

Alexander A. Sorokin

orcid.org/0000-0003-1710-0801

PhD in History,
senior research scientist, Department
of Information Technologies
in Humanities Research,
corresponding author
skaliger1989@yandex.ru

Yuriy V. Sokolov

orcid.org/0000-0003-1628-8558

junior research scientist, Department
of Information Technologies
in Humanities Research
sapsan118@yandex.ru

National Research Lobachevsky State
University of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 22-78-10006,
<https://rscf.ru/project/22-78-10006/>

© Сорокин А. А., Соколов Ю. В., 2025

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье впервые рассматриваются оценки различных политических групп российской общественности (либеральных, консервативных и народнических) относительно Портсмутского мирного договора 1905 года. Исследование выполнено на материалах центральной российской периодической печати. Авторы выделяют сущность и содержание позиций российской прессы, обсуждавшей необходимость заключения мирного договора с Японией. Показано, что в периодической печати проводились связи между заключением мира и внутривнутриполитическим кризисом в России. Охарактеризованы мнения, высказанные в периодических изданиях по поводу посредничества Соединенных Штатов Америки при заключении мирного договора между Россией и Японией. Анализируется отношение ведущих газет и журналов к территориальным уступкам со стороны России (в том числе предметом обсуждения были статус территорий Квантунской области и раздел острова Сахалин). Рассматривается видение периодическими изданиями перспектив статуса России на Дальнем Востоке и изменения влияния различных держав на политику в регионе после подписания Портсмутского договора.

Ключевые слова:

общественное мнение; русско-японская война; Портсмутский договор; периодическая печать; Сахалин; Рузвельт.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article presents a novel examination of the evaluations made by various political factions within Russian society — liberal, conservative, and populist — regarding the Portsmouth Peace Treaty of 1905. The research is based on materials from central Russian periodicals. The authors elucidate the essence and content of the positions articulated by the Russian press concerning the necessity of concluding a peace treaty with Japan. It is demonstrated that connections were drawn in the periodical press between the establishment of peace and the domestic political crisis in Russia. The article characterizes opinions expressed in periodicals regarding the mediation of the United States in the conclusion of the peace treaty between Russia and Japan. Furthermore, it analyzes the perspectives of leading newspapers and journals on territorial concessions made by Russia, including discussions surrounding the status of territories in the Kwantung region and the division of Sakhalin Island. The article also explores how periodicals envisioned Russia's status in the Far East and the shifting influence of various powers on regional politics following the signing of the Portsmouth Treaty.

Key words:

public opinion; Russo-Japanese War; Portsmouth Treaty; periodicals; Sakhalin; Roosevelt.

УДК 94(47).083.4+341.38(47)“1905”

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-512-530

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история
5.6.2. Всеобщая история
5.6.7. История международных
отношений и внешней политики

Портсмутский мирный договор 1905 года в оценках российского общественного мнения

© Сорокин А. А., Соколов Ю. В., 2025

1. Введение = Introduction

К началу XX века общественное мнение как индикатор оценки эффективности различных мер правящих кругов Российской империи приобретает все большее значение, в том числе и в сфере внешней политики. В условиях внутривнутриполитического кризиса начала XX века русско-японская война 1904—1905 годов стала одним из самых обсуждаемых событий в периодической печати. Вопрос о возможностях ее окончания с самого начала войны при этом являлся одним из центральных при ее обсуждении. Неоднозначное отношение к войне в обществе предопределило и различные, полярные оценки ее итогов. К настоящему времени оценки, данные Портсмутскому мирному договору 1905 года в российской периодической печати, так и не стали предметом пристального изучения специалистов.

Несмотря на обширную историографию собственно русско-японской войны, сам мирный договор почти не был предметом самостоятельного, отдельного изучения с точки зрения реакции общественности на него. Так, собственно историю его заключения показали Л. Н. Кутаков и И. В. Лукоянов [Кутаков, 1961; Лукоянов, 2007]. С. А. Гладких предпринял изучение процесса его заключения и итоговых положений в контексте определения итогового победителя [Гладких, 2014]. В схожем ключе выстроены и работы зарубежных исследователей [McDonald, 1992; Nish, 2014; Okamoto, 1970; Esthus, 1988; Trani, 1969]. Отдельные главы, посвященные Портсмутскому миру, в том числе его влиянию на внутреннюю политику России, имеются в труде О. Р. Айрапетова [Айрапетов, 2014]. В монографии В. К. Шацилло была дана оценка роли США в процессе заключения мирного договора [Шацилло, 2019]. В ряде статей была дана попытка охарактеризовать спектр оценок российских периодических изданий и современников, которые были даны договору, однако эти попытки носят весьма поверхностный и довольно общий характер [Гинятуллин, 2023; Савосина

и др., 2024]. Отметим, что при этом имелись попытки рассмотреть оценки русско-японской войны на примере отдельных провинциальных периодических изданий [Хвостова, 2015].

Между тем органы печати активно обсуждали основные положения Портсмутского мира. В данной статье мы сосредоточимся на его оценке в центральных периодических изданиях по таким параметрам, как приемлемость самого мира для России на момент его заключения, оценка посреднической роли США, территориальные уступки, а также дальнейшие перспективы российско-японских отношений.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Источниковой базой для данного исследования выступил комплекс публикаций в центральных периодических изданиях Российской империи 1905 года. В целях наибольшей репрезентативности использованы материалы газет и журналов различной политической ориентации: консервативных («Друг», «Гражданин», «Московские ведомости», «Новое время», «Санкт-Петербургские ведомости», «Русское дело», «Русский вестник»), либеральных («Биржевые ведомости», «Вестник Европы», «Слово», «Русская мысль», «Русские ведомости», «Русь») и народнических («Русское богатство»). Используемые публикации представляют собой ценный источник по изучению общественного мнения в отношении вопроса о заключении мира России с Японией в 1905 году.

Отметим, что к настоящему времени таковое изучение по материалам периодической печати практически не проводится. Исключением является ряд трудов, рассматривающих оценки Портсмутского мирного договора в зарубежной периодической печати [Дзюба и др., 2020; Цыганова, 2020]. В рамках настоящего исследования упор делается на структурный подход, позволяющий определить отношение центральной российской периодической печати к Портсмутскому миру через совокупность характеристик вышеуказанных составляющих (необходимость его заключения, оценка американского посредничества, приемлемость территориальных уступок, дальнейшие перспективы развития российско-японских отношений).

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Оценки необходимости заключения мира

Заключение мирного договора пришлось на активную фазу внутривнутриполитического кризиса в России. Дипломат П. С. Боткин, служивший в посольстве Российской империи в США, отмечал в своих воспоминаниях, что сама война повышала риск революции, поэтому заключение мира было очень важно для стабилизации внутривнутриполитической ситуации: «Наши ре-

волюционеры только и ждали момента осуществить свои мечты переворотом, но мир был заключен, и тучи рассеялись...» [Боткин, 1930, с. 185].

О том, что России пришлось вести войну фактически на два фронта, на внешнем и внутреннем, упоминалось и на страницах консервативного «Гражданина», издаваемого князем В. П. Мещерским. Указывалось, что война стала поводом для дискредитации армии, флота, власти, а окончание ее поражением обязательно будет использовано для показных разоблачений и расследований. Однако стремление за счет этого вызвать новый виток внутренней смуты должно было получить жесткий отпор: «Мы скорее сойдемся миролюбиво с недавним нашим врагом, настоящими японцами, чем можем положиться на умиротворение наших “внутренних японцев”, мирные условия коих никогда не могут быть приняты и во имя пользы, и во имя исторического достоинства России» [Русский человек ..., 1905, с. 3—4].

В том, что противниками «внешнего» мира в первую очередь были сторонники «постоянной внутренней войны», с консерваторами были солидарны и обозреватели либерального «Вестника Европы». Однако подстрекателями внутривнутриполитического кризиса в «Вестнике» понимались отнюдь не революционеры: «Люди, приходящие в ужас при мысли об уничтожении старых внутренних порядков, беззаконий и хищений, волнуются также при мысли о наступлении мира, который неизбежно должен будет привести к коренным переменам в нашей внутренней политической жизни» [Иностранное обозрение ..., 1905, книга 8, с. 785].

В первых откликах на заключение мира в газете «Слово», ставшей с конца 1905 года органом октябристов, сквозило недовольство внутривнутриполитической ситуацией, с которой и связывались неудачи в войне: «Мир без уплаты контрибуции — такой мир, какого мы только могли хотеть в нашем положении». Подчеркивалось, что России нужен мир, но «встает чувство озлобления против режима, который довел нас — Россию — до такого унижения: до необходимости радоваться тому, что мы только не платим контрибуции». И хотя успехи дипломатов не подвергались сомнению (так, про уступки писалось, что «решение скорее принести эту жертву, нежели возобновлять из-за нее кровопролитие, продиктовано истинной государственной мудростью»), общая оценка была совершенно безрадостной: «Мы никогда не забудем этой позорной войны; никогда не затянутся у нас раны, нанесенные нашей национальной гордости, а что найдется много охотников растравлять их в будущем, в том не может быть сомнения» [Заключение мира ..., 1905, с. 1—2].

Сам Мещерский открыто писал, что любые попытки рассматривать заключенный мир как некое перемирие для дальнейшего реванша — подлость, поскольку именно война, по его мнению, была единственной при-

чиной роста революционного движения в стране. В связи с этим он проводил историческую параллель с поражением России в Крымской войне в 1856 году: «Сегодня эта задача еще нужнее, чем в 1856 году, ибо нам нужен мир не только для возрождения России, но для спасения ее от внутренних врагов, идущих на разрушение ее основ и разжигающих пожар революции». Именно поэтому всякий сторонник реванша для Мещерского был союзником этих «внутренних врагов» [Дневники ..., 1905, с. 17—18].

Не считали победой заключение мира в либеральной «Руси». По оценкам редакции, Россия смогла лишь избежать дополнительного дипломатического поражения, потому что если бы пришлось выплатить Японии контрибуцию, то это стало бы залогом повторения войны между странами, поскольку «подобная уступка неизбежно глубоко затронула бы народное самолюбие, а тяжесть финансовых жертв, которая легла бы на русский народ...на много лет, не давала бы зажить нашим нравственным ранам», и мир нес бы в себе идею реванша [Мир (Русь)..., 1905, с. 3].

В редактируемых монархистом В. А. Грингмутом «Московских ведомостях» близкий к славянофилам князь Д. Н. Цертелев однозначно высказывался о временном характере заключенного мира, который на самом деле, по его оценкам, является перемирием [Цертелев, 1905, с. 2]. Служивший в начале XX века генеральным консулом в Нью-Йорке В. А. Теплов в «Русском вестнике» отмечал, что мир заключал в себе основу возможного нового конфликта. Это объяснялось рядом обстоятельств. Во-первых, для России было критически важно сохранить выход в Тихий океан, который фактически терялся («Владивосток не может считаться свободным для нас выходом, тем более что с отдачей нами японцам южной части Сахалина он стоит на берегу японского озера»). Во-вторых, разграничение сфер влияния на Сахалине носило искусственный характер, поскольку не имело ни топографических, ни этнографических оснований. В-третьих, совместное управление территорией в истории часто становилось причиной нового конфликта, ярким примером чего был случай Шлезвига и Голштинии. В-четвертых, японская общественность ждала более значимых успехов от Портсмутской конференции [Теплов, 1905, т. 299, с. 725—726].

Радикальные оценки были даны и в издаваемом монархистом С. Ф. Шараповым «Русском деле», в передовой статье которого утверждалось, что в Портсмуте «схоронили Россию богатырскую, громопобедную, великую военную державу». Чтобы несколько снизить степень радикальности утверждения, Шарапов добавлял, что позорен не сам мир, а факт его заключения. Оговаривалось, что уступки со стороны России в итоге могли составить и больше. Однако этот факт перевешивало то обстоятельство, что мир был заключен тогда, когда «даже все гимназисты и уличные маль-

чишки поняли, что победоносная Япония дошла до невозможности далее воевать». Именно этим в газете пытались объяснить согласие Японии на отказ России признавать пункт о контрибуциях, и даже доказывалось, что в ситуации, когда японцам мир был просто необходим, они согласились бы и на отказ от передачи части Сахалина [Москва ..., 1905, с. 1—2].

Председатель монархического «Союза русских людей» князь А. Г. Щербатов на страницах «Русского дела» и вовсе угрожал, что Портсмутский договор предвещает не мир, а новую войну, и пугал экономической и внешнеполитической дестабилизацией, утверждая, что «азиатские народы, утратив веру в непобедимость русского оружия, будут готовиться к нашествию на наши азиатские владения» [Щербатов, 1905, с. 8—9].

Неожиданно солидарны с отрицательно настроенными к факту заключения мира консервативными изданиями оказались и народники. В «Русском богатстве» С. Ю. Витте же был удостоен самых нелестных характеристик как «один из главных авторов современного состояния России», который подписал «самый унижительный из когда-либо подписанных представителями России» трактат [Южаков, 1905, № 8, с. 188, 190; Южаков, 1905, № 9, с. 13, 116—117].

В газете «Русь» отмечалось, что условия мира «сносны, но не почетны», хотя и оговаривалось, что почетного мира и не могло быть после «того моря позора, в который мы окунулись». Немаловажно для авторов было и то, что этот позор пришелся на войну с Японией, а не с более сильной державой, поскольку следствием этого был бы полный разгром. Поэтому война и ее последствия расценивались как болезненный, но нужный для государства и общества урок [Предупреждение ..., 1905, с. 2].

Либеральные «Русские ведомости», ставшие в 1905 году фактическим органом правых кадетов, считали, что Россия не смогла добиться «почетного мира», объясняя это тем обстоятельством, что итоги войны есть исключительная вина тех, кто «придумал эту дальневосточную авантюру» [Отголоски и впечатления ..., 1905, с. 3].

О том, что договор был тяжелым для «нашего государственного самолюбия» и особенно для армии, отмечалось в «Новом времени» [Мирный договор ..., 1905, с. 3]. Еще в одной статье в «Новом времени» без указания авторства констатировалось, что мир оказался «половинчатым» и для России, и для Японии, а наибольшее удовлетворение он принес Англии, заключившей союзный договор с Японией 12 августа 1905 года. Для России «половинчатость» виделась в том, что договор «определяет собою не конец огромной международной драмы, а лишь более или менее продолжительный антракт». Отсюда возникал и риторический вопрос: стоило ли заключать договор на таких условиях? [О Портсмутском договоре, 1905, с. 2].

Вместе с тем для ряда изданий заключение мира являлось безоговорочной победой. Редакция издаваемой в Кишиневе черносотенцем П. А. Крушеваном газеты «Друг» отмечала, что Россия одержала дипломатическую победу, в то время как никто не верил, что японская сторона пойдет на уступки после заявления о том, что предъявленные России условия являются не подлежащим изменениям минимумом. В итоге же Япония ошиблась в своих расчетах, в то время как Россия смогла отстоять свою позицию [Русско-японская война, 1905, с. 2].

Газета «Санкт-Петербургские ведомости», представлявшая собой орган либеральных консерваторов, редактор которой Э. Э. Ухтомский долгое время возглавлял правление Маньчжурской железной дороги, и вовсе осудила отечественную «отнюдь не оппозиционную» печать и интеллигенцию в непоследовательности, в «почти полном равнодушии к акту государственной мудрости», как газета охарактеризовала Портсмутский мирный договор, хотя в период войны та же интеллигенция войну «проклинала» и считала все поражения «небывальными и нестерпимыми» [О русско-японском мире ..., 1905, с. 1].

Удоволителен фактом заключения мира оказался и «Вестник Европы». За мирным договором для России виделись новые перспективы: именно мир, по оценкам издания, должен был помочь «покончить с великими грехами прошлого» и приступить к обновлению политической жизни России как во внутреннем отношении, так и во внешнем [Иностранное обозрение ..., 1905, книга 9, с. 376—377].

Для либеральных «Биржевых ведомостей» ключевым в заключении мира было облегчение для русского народа, которое связывалось с окончанием «тягостной, бесславной войны». Из войны и заключенного договора, по оценкам редакции, Россия должна была вынести урок: «Война заставила Россию раскрыть глаза на свой подгнивший уклад, на свое необразование, на свои ужасные беспорядки — в армии, во флоте, в школе, во всех отраслях управления и государственного хозяйства» [Мир (Биржевые ведомости) ..., 1905, с. 1].

3.2. Оценка посреднической роли США

К посредничеству американцев и персонально к президенту Теодору Рузвельту благосклонно отнеслись в «Руси»: «Старания президента на пользу мира идут до крайних пределов возможного и не могут не быть приветствуемы с искренней признательностью всеми друзьями мира, с русским обществом и правительством во главе» [Переговоры ..., 1905, с. 2].

В «Вестнике Европы» Рузвельт был назван главным творцом русско-японского мира, поскольку именно благодаря его энергичному вмешательству, в том числе порой и вопреки дипломатическим традициям, работа

конференции завершилась заключением мирного договора, хотя из-за противоречий русской и японской сторон несколько раз оказывалась под угрозой срыва [Иностранное обозрение, 1905, книга 9, с. 375—376].

Вместе с тем «Новое время» двояко оценило посреднические услуги США. Воздавая им должное за содействие делу примирения, газета не без сожаления отмечала, что при этом российскими интересами пренебрегали, в то время как японские «настойчиво связывались с благами мира»: «Роли миротворца и партизана весьма отличаются одна от другой, и даже с величайшим старанием их трудно отделить» [Мирный договор ..., 1905, с. 3]. В «Гражданине» указывалось, что США пытались просто не допустить доминирования какого-либо государства на Дальнем Востоке, и высказывались опасения, что преобладающее влияние Японии вредно отразилось бы на американских интересах. При этом для США господство Японии над Китаем было также нежелательно, как и влияние над вторым России. Однако именно с учетом курса на ослабление японской мощи для американцев были недопустимы притязания Японии на Владивосток [К мирным переговорам ..., 1905, с. 13—14].

В свою очередь, В. А. Теплов на страницах «Русского вестника» указывал, что на миротворческий путь Рузвельта толкали исключительно корыстные мотивы: стремление окончить войну до поражения Японии, чтобы обеспечить возврат американских ссуд (в частности, отмечалось, что японский удар на Порт-Артур пришелся именно после визита в Японию военного министра США Тафта), а также желание «поставить себя в роли вершителя судеб мира и тем поднять на недостижимую высоту престиж Соединенных Штатов в ущерб Европе» [Теплов, 1905, т. 298, с. 751].

В «Московских ведомостях» США (наряду с англичанами) и вовсе были названы врагами России, которые хотели навязать ей унижительный мир как из «свокорыстных политических соображений», так и по «чистоденежному расчёту», поскольку, как утверждалось, война велась Японией на их средства, которые Япония, тем более побеждённая, вернуть не в состоянии, поэтому эти деньги США и Англия планировали получить от России в виде контрибуции [Война и мир ..., 1905, с. 1].

3.3. Территориальные уступки

Довольно настороженная реакция на итоги заключения мира была представлена в газете «Новости». Ее редакция полагала, что договор не сможет надолго обеспечить безопасность и спокойствие не только на Дальнем Востоке, но и вообще в мире. Как и в «Вестнике Европы» и иных либеральных изданиях, ответственность за итоги войны возлагалась исключительно на верховные власти, а те уступки, которые были сделаны японцами, оценивались как неожиданный от них подарок, а не как резуль-

тат мастерства российских дипломатов: «Несостоятельная бюрократическая система, приведшая государство к великой военной катастрофе, не могла завершить войны иным миром, как тем, который нам доставила Портсмутская конференция, и то лишь благодаря поразительному сюрпризу со стороны самих японцев» [Санкт-Петербург ..., 1905, с. 1].

В «Биржевых ведомостях» отмечалось, что, поскольку Япония не получила удовлетворения и половины своих требований, контрибуция не была наложена, а уступаемая часть Сахалина не воспринималась как сугубо русская земля (поскольку ранее принадлежала японцам) [После подписания мирного договора ..., 1905, с. 1].

В «Санкт-Петербургских ведомостях» отмечалось, что «уступаемая Японии часть Сахалина — страна по преимуществу гористая, покрытая лесом и весьма труднопроходимая... Что касается минеральных богатств этой части острова, то о них мало можно сказать положительного... Главнейшее богатство южного Сахалина составляет рыба». Резюмируя, автор газетной статьи А. Панов писал: «В наших руках остались богатейшие каменноугольные, нефтяные и рудные богатства, которые, во всяком случае, стоят того, что мы уступили японцам. Но сумеем ли мы воспользоваться ими? Сумеем ли создать бок о бок с японцами ту широкую промышленную жизнь, к которой способен северный Сахалин, или же будем спать и дождёмся, пока Япония проглотит и остальную его часть, а следом за ней и всё Приамурье?» [Панов, 1905, с. 1].

В «Вестнике Европы» констатировалось, что важнейшие пункты на Дальнем Востоке, недавно бывшие в руках России, перешли к Японии, которая стала фактически единственным доминантом в Восточной Азии. Однако уступки не воспринимались как болезненные: «Нам не следует скорбеть о потере Порт-Артура и Дальнего, об исчезновении всей этой роковой фантазмагии, истощавшей жизненные соки России и требовавшей от нее еще неисчислимых жертв ради сомнительных целей» [Иностранное обозрение ..., 1905, книга 9, с. 376—377].

В «Русских ведомостях» указывалось, что занятая у Китая территория юридически не была российской, поэтому отказ от нее не следует рассматривать как позор. Что касается Сахалина, то подчеркивалось, что южная его часть представляет безусловную ценность для Японии, в то время как для России он «более чем второстепенный». Гораздо более важным признавался исход переговоров в той их части, согласно которым на Россию не налагалась контрибуция [Отголоски и впечатления ..., 1905, с. 3].

Однако, по мнению «Московских ведомостей», Япония легко бы отказалась от требования части Сахалина и признания её преимущественных прав в Корее, поскольку имела такое «грозное оружие» на будущее, как но-

вый англо-японский трактат, который не мог быть пущен в ход немедленно из-за истощения Японии [Англо-японская угроза миру ..., 1905, с. 1].

В «Русском богатстве» констатировалось, что Портсмутский мир фактически отменял пункт российско-японских соглашений 1894 и 1895 годов о независимости Кореи и передавал ее японцам. Кроме того, вставала проблема не допустить милитаризацию Китая, а также решить вопрос с железной дорогой (Маньчжурскую железную дорогу предлагалось продать и соорудить Амурскую для связи Уссурийской с Забайкальской). Потеря южной части Сахалина признавалась крупной утратой и потенциальным поводом для новой войны, при этом в новых условиях: Япония надолго получала господство в водах Дальнего Востока [Южаков, 1905, № 8, с. 188, 190; Южаков, 1905, № 9, с. 113, 116—117].

Также считали «огромным козырем» для японцев со стратегической и экономической точек зрения южную часть Сахалина, которую Россия уступала Японии, и в газете «Русь»: именно эта часть была наиболее богата рыбой (одним из главных пищевых продуктов японцев) и именно за счет этой части можно было заблокировать выход российского флота из Владивостока [Мир (Русь) ..., 1905, с. 3].

В «Новом времени» констатировалось, что Владивосток с переходом южной части Сахалина к Японии оказывался «на берегу японского озера», к тому же сам по себе он один не мог удовлетворить российских потребностей в незамерзающих портах, будучи полгода скованным льдами. Соответственно, предполагалось, что после этого Россия будет иметь фатальное стремление к таким портам до тех пор, пока их не получит. При этом разграничение российских и японских сфер влияния на материке и на Сахалине приобретало условный характер, поскольку не было обусловлено топографически или этнографически, что могло лишь провоцировать в перспективе население этих территорий к недовольству, которое затем могло бы стать основой для нового конфликта [О Портсмутском договоре ..., 1905, с. 2].

Обстоятельный разбор Портсмутского мира на страницах газеты «Слово» дал профессор Санкт-Петербургского университета В. Н. Латкин, ставший впоследствии видным октябристом. Ст. 2 договора им расценивалась как признание за Японией прав протектората над Кореей (подчеркивалось, что Корея будет фактически лишена всякой самостоятельности). Из-за ст. 7 об эксплуатации железных дорог в Маньчжурии только в коммерческих и промышленных целях делался вывод, что Владивостоку грозит опасность в военном отношении быть практически отрезанным от России, потому что утрачивается возможность использовать маршрут ст. Маньчжурия — Харбин — ст. Пограничная для переброски войск и боеприпасов. Возникал вопрос и по ст. 3, согласно которой обе страны обязывались очистить

Маньчжурию, причем Россия объявляла, что не обладает на ее территории преимуществами либо преференциальными или исключительными концессиями, могущими затронуть верховные права Китая. Автор вопрошал: «Ну, а как же Харбин, этот своеобразный русский город на китайской территории с его управлением, находящимся в русских, а не в китайских руках?» В связи с этим высказывалось опасение, что так и Харбин придется оставить и уйти из него [Латкин, 1905, с. 2].

3.4. Перспективы России в регионе

В. А. Гольцев особо отметил в «Русской мысли», что в манифесте Николая II по случаю окончания войны указывалось на признание необходимости «доброго соседства с отныне дружественной нам Японией». По его мнению, это должно было означать окончание провального внешнеполитического курса на Дальнем Востоке, носившего авантюрный характер, с последующим преданием суду людей, способствовавших началу войны: «Этим кладется предел политике приключений, хищническим вожделениям *истинно-русских* корыстолюбцев и честолюбцев» [В. Г., 1905, с. 175].

С учетом того, что второй уполномоченный от России на переговорах барон Р. Р. Розен в своей речи к японским дипломатам назвал бывших врагов друзьями, в «Биржевых ведомостях» делался вывод, что заключение мира должно ознаменовать собой реализацию программы, в которой нет места реваншу и есть крепкая дружба с соседями в Азии [После подписания мирного договора ..., 1905, с. 1].

В «Русских ведомостях» отмечалась необходимость развития российского Приамурья и приобщения всего его населения (в том числе инородческого) «ко всем благам цивилизации», при этом добавлялось, что внешняя политика на Дальнем Востоке нуждается в пересмотре: «Вместо того, чтобы вооружать против себя Японию и Китай, России уместно было бы сблизиться с обеими этими нациями азиатского Востока и укрепить в них убеждение, что нам нет оснований угрожать им или посягать на их территории, покуда они не проявляют притязаний на наши» [Отголоски и впечатления ..., 1905, с. 3].

В «Новом времени» выражалась надежда, что в будущем Россия сможет обеспечить себе экономическое и политическое первенство на Дальнем Востоке и не только [Мирный договор ..., 1905, с. 3]. Примечательна в этом отношении заочная полемика двух сотрудников газеты. Постоянный корреспондент газеты в Лондоне, побывавший во время войны на Дальнем Востоке Г. С. Веселитский-Божидарович заявил в зале Русского Географического общества, что Россия должна отказаться от активной внешней политики, расширений и сосредоточиться на внутренних делах. Несмотря на наличие в этом заявлении отдельных здравых посылов (в частности:

как Россия сможет обеспечить безопасность Приамурского края, если не смогла защитить Маньчжурию?), с точки зрения М. О. Меньшикова данное утверждение было «вздорной мыслью», поскольку, по его мнению, трудно было представить мысль более нелепую, чем та, согласно которой расширение России вредит ее внутреннему прогрессу. Напротив, Меньшиков считал, что не экстенсивная политика погубила Россию, а скорее наоборот. Он исходил из того, что если бы Россия была действительно завоевательной страной, то это говорило бы о присутствии в ней энергии, которой хватало бы и на внутренние дела. Также им утверждалось, что если бы Россия следовала примеру Англии, подчинившей Индию, и завоевала Китай, то стала бы великой державой, и «Англии не пришлось бы тогда читать нам унижительной морали». Отказ от колоний он воспринимал как «самоизмену» и отказ от борьбы за будущее. Однако, признавая, что Россия действительно не стремится к настоящей колониальной политике, Меньшиков считал, что нельзя делать это положение девизом нации, и надеялся, что будущие поколения пересмотрят свое отношение к «политике одиночного заключения» государства [Там же].

М. О. Меньшиков в статье «Мир с Америкой» особое внимание уделил отношению к Витте в США во время переговоров. По его мнению, и американцы, и англичане как христиане не могли не испытывать смущения от того, что Россия оказалась унижена азиатами, в том числе не без помощи англичан («в этом не может не чувствоваться род измены»). Однако в этом виделась и угроза христианским державам: «Отразив робкую попытку России укрепиться на Средиземном океане, Америка и Англия не отдадут ли Азию желтой расе? Не сами ли себе они готовят оттуда изгнание?» [Меньшиков, 1905, с. 5].

О пресловутой «желтой опасности» со ссылкой на западную печать писал и «Гражданин», отмечая, что, по сообщениям корреспондентов «New York Times» в Берлине, император Вильгельм II в частной беседе с членами Конгресса США 22 августа говорил об этой самой опасности ввиду военных успехов Японии, которая может стать «косвенной владычицей» Китая и вытеснить Европу и Америку с восточно-азиатских рынков. В связи с этим Вильгельм предлагал «белым народам объединиться для борьбы с желтой опасностью» и добавлял, что США — единственная страна, которой боится Япония [Желтая опасность ..., 1905, с. 14].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, отношение к Портсмутскому мирному договору 1905 года в российской периодической печати включало в себя четыре основные составляющие, последовательно нами рассмотренные.

Важнейшей составляющей в оценке был принципиальный вопрос о необходимости заключения мира как такового. По этому критерию можно выделить три сложившихся точки зрения. Представители первой считали факт заключения мира безусловным провалом России (примечательно, что ее выразителями оказались не только консервативно-радикальные «Московские ведомости» и «Русское дело», но и орган народников «Русское богатство»). Приветствовали мир либеральные «Вестник Европы» и «Биржевые ведомости», а также либеральные консерваторы в лице «Санкт-Петербургских ведомостей» и консервативно-радикальный «Друг». А сторонники третьей позиции фактически приветствовали не сам мирный договор, а окончание войны. Они исходили из того, что Россия сумела достичь максимума в дипломатических баталиях при очевидном военном поражении. И здесь многие либеральные органы («Русские ведомости», «Русь», «Слово») оказались солидарны с консервативными «Гражданином» и «Новым временем».

Оценивая посредничество США и его роль в деле заключения мира, рассмотренные нами издания также сформулировали три подхода. В рамках первого из них американский президент Т. Рузвельт характеризовался как главный творец мира, сумевший помочь найти компромисс между российской и японской сторонами («Вестник Европы», «Русь»). Второй подход, сторонниками которого были «Новое время», «Гражданин» и «Русский вестник», заключался в видении США как государства, стремившегося одновременно ослабить и Россию, и Японию до такой степени, чтобы они не смогли конкурировать с США в регионе (но при этом не до такой степени, чтобы в результате отношения этих стран с США приобрели враждебный характер). Выразителями третьего подхода были «Московские ведомости», видевшие в США врага России, стремившегося ее разорить с помощью Японии.

Что касается территориальных уступок, то большая часть либеральных изданий («Биржевые ведомости», «Вестник Европы», «Русские ведомости»), а также «Санкт-Петербургские ведомости» полагали их несущественными, акцентируя внимание на том, что уступаемые земли не принадлежали к числу исконно русских. Противники этой позиции, которые принадлежали к различным секторам общественного мнения (народническое «Русское богатство», либеральные «Русь» и «Слово», консервативные «Новое время» и «Московские ведомости»), в свою очередь, исходили из того, что уступка этих территорий грозит российским интересам в регионе и безопасности флота.

В отношении перспектив для России в регионе Дальнего Востока либеральной прессой («Русская мысль», «Русские ведомости», «Вестник

Европы») указывалось на необходимость отказа от авантюрной внешней политики, а сам Портсмутский договор виделся стартовой точкой для возможности построения дружественных отношений с Японией. При этом в «Новом времени» на этот счет не было единой позиции, поскольку одни авторы полагали возможным постепенное восстановление утраченного Россией статуса в регионе, а другие исходили из того, что результат договора должен побудить Россию отказаться от активной внешней политики. Отсюда, в свою очередь, отдельными консерваторами (М. О. Меньшиковым и В. П. Мещерским на страницах «Нового времени» и «Гражданина» соответственно) поднимался вопрос угрозы «желтой расы», которая виделась в вытеснении христианских держав с Дальнего Востока.

Можно заключить, что оценки Портсмутского договора носили многокомпонентный характер и определялись зачастую не политической ориентацией издания в целом, а отношением к конкретным проблемам и, в первую очередь, к необходимости завершения войны, в том числе и ввиду внутренней ситуации в России (так, именно по этой причине консервативный «Гражданин» оказался солидарен с рядом либеральных изданий).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Англо-японская угроза миру* // Московские ведомости : [газета]. — 1905. — № 255. — С. 1.
2. *Боткин П. С.* Картины дипломатической жизни / П. С. Боткин. — Париж : [б. и.], 1930. — 187, [2] с.
3. *В. Г. [Гольцев В. А.]*. Иностранное обозрение / В. А. Гольцев // Русская мысль. — 1905. — Книга X. — Отд. II. — С. 175—180.
3. *Война и мир* // Московские ведомости : [газета]. — 1905. — № 202. — С. 1.
4. *Дневники* // Гражданин. — 1905. — № 66. — С. 17—20.
5. *Желтая опасность* // Гражданин. — 1905. — № 68. — С. 14.
6. *Заключение мира* // Слово : [газета]. — 1905. — № 228. — С. 1—2.
7. *Иностранное обозрение* // Вестник Европы. — 1905. — Книга 8. — С. 782—796 ; Книга 9. — С. 365—377.
8. *К мирным переговорам* // Гражданин. — 1905. — № 26. — С. 13—14.
9. *Меньшиков М.* Мир с Америкой / М. Меньшиков // Новое время : [газета]. — 1905. — № 10595. — С. 5.
10. *Мир* // Биржевые ведомости : [газета]. — 1905. — № 206. — С. 1.
11. *Мир* // Русь : [газета]. — 1905. — № 192. — С. 3.
12. *Мирный договор* // Новое время : [газета]. — 1905. — № 10587. — С. 3.
13. *Москва, 20 августа* // Русское дело : [газета]. — 1905. — № 34. — С. 1—2.

14. *О Портсмутском договоре* // Новое время : [газета]. — 1905. — № 10595. — С. 2.
15. *О русско-японском мире* // Санкт-Петербургские ведомости : [газета]. — 1905. — № 202. — С. 1.
16. *Отголоски и впечатления* // Русские ведомости : [газета]. — 1905. — № 228. — С. 3.
17. *Панов А. Раздел Сахалина* / А. Панов // Санкт-Петербургские ведомости : [газета]. — 1905. — № 199. — С. 1.
18. *Переговоры* // Русь : [газета]. — 1905. — № 187. — С. 2.
19. *После подписания мирного договора* // Биржевые ведомости : [газета]. — 1905. — № 213. — С. 1.
20. *Предупреждение* // Русь : [газета]. — 1905. — № 199. — С. 2.
21. *Русский человек. Своевременное предупреждение* / Русский человек // Гражданин. — 1905. — № 66. — С. 3—4.
22. *Русско-японская война. Заключенное мира* // Друг : [газета]. — 1905. — № 113. — С. 2.
23. *Санкт-Петербург. 14 сентября* // Новости и Биржевая газета : [газета]. — 1905. — № 178. — С. 1.
24. *Теплов В. Обзор внешних событий* / В. Теплов // Русский вестник. — 1905. — Т. 299. — Октябрь. — С. 722—751.
25. *Теплов В. Переговоры о мире* / В. Теплов // Русский вестник. — 1905. — Т. 298. — Август. — С. 742—779.
26. *Цертелев Д. Мир или перемирие?* / Д. Цертелев // Московские ведомости : [газета]. — 1905. — № 249. — С. 2.
27. *Щербатов А. После примирения* / А. Щербатов // Русское дело : [газета]. — 1905. — № 35. — С. 8—9.
28. *Южаков С. Политика* / С. Южаков // Русское богатство. — 1905. — № 8. — Отд. II. — С. 184—204.
29. *Южаков С. Политика* / С. Южаков // Русское богатство. — 1905. — № 9. — Отд. II. — С. 107—25.

Литература

1. *Айрапетов О. Р. На пути к краху. Русско-японская война 1904—1905 гг. Военно-политическая история* / О. Р. Айрапетов. — Москва : Торговый Дом Алгоритм, 2014. — 496 с. — ISBN 978-5-4438-0994-6.
2. *Гинятуллин И. Д. Взгляд российской печати на подписание Портсмутского мирного договора 1905 года* / И. Д. Гинятуллин // Тенденции развития науки и образования. — 2023. — № 104—4. — С. 152—155. — DOI: 10.18411/trnio-12-2023-225.
3. *Гладких С. А. Портсмутский мир : чья победа?* / С. А. Гладких // Россия и АТР. — 2014. — № 1 (83). — С. 95—106.
4. *Дзюба В. С. Окончание русско-японской войны в освещении газеты «Frankfurter Zeitung»* / В. С. Дзюба, И. В. Макаров // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». — 2020. — Т. 5. — № 1. — С. 55—61. — DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-1-55-61.
5. *Кутаков Л. Н. Портсмутский мирный договор (из истории отношений Японии с Россией и СССР. 1905—1945)* / Л. Н. Кутаков. — Москва : Соцэкгиз, 1961. — 291 с.
6. *Лукоянов И. В. Портсмутский мир* / И. В. Лукоянов // Вопросы истории. — 2007. — № 2. — С. 16—33.
7. *Савосина Ю. В. Заключение Портсмутского договора 1905 года в восприятии современников и участников событий* / Ю. В. Савосина, Н. П. Писчикова // Современ-

ная наука : актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». — 2024. — № 2—1. — С. 49—52. — DOI: 10.37882/2223-2982.2024.02.28.

8. Хвостова И. А. Причины поражения России в войне с Японией 1904—1905 гг. по материалам «Нижегородской земской газеты» / И. А. Хвостова // Достижения вузовской науки. — 2015. — № 18. — С. 13—17.

9. Цыганова И. В. Портсмутский мирный договор 1905 г. В оценке британской политической элиты, дипломатии и прессы / И. В. Цыганова // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». — 2020. — Т. 5. — № 1. — С. 75—80. — DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-1-75-80.

10. Шаццло В. К. Россия и США : от Портсмутского мира до падения царизма / В. К. Шаццло. — Москва : КМК, 2019. — 281 с. — ISBN 978-5-907099-76-0.

11. *Esthus R. A. Double Eagle and Rising Sun : the Russians and Japanese at Portsmouth in 1905* / R. A. Esthus. — Durham : Duke univ. press, 1988. — X, 265 p.

12. *McDonald D. United Government and Foreign Policy in Russia, 1900—1914* / D. McDonald. — London : Harvard univ. press, 1992. — 280 p. — ISBN 0-674-92239-5.

13. *Nish I. H. The Origins of the Russo-Japanese War* / I. H. Nish. — London ; New York : Longman, 2014. — 288 p. — ISBN 0-582-49114-2.

14. *Okamoto S. The Japanese Oligarchy in the Russo-Japanese War* / S. Okamoto. — New York : Columbia Univ. Press, 1970. — XII, 355 p.

15. *Trani E. P. The Treaty of Portsmouth* / E. P. Trani. — Lexington : University of Kentucky Press, 1969. — XI, 194 p.

Статья поступила в редакцию 28.12.2024,
одобрена после рецензирования 25.02.2025,
подготовлена к публикации 05.04.2025.

Material resources

About the Portsmouth Treaty. (1905). *Novoe vremya*: [newspaper], 10595: P. 2. (In Russ.).

About the Russian-Japanese world. (1905). *St. Petersburg Vedomosti*: [newspaper], 202: P. 1. (In Russ.).

After the signing of the peace treaty. (1905). *Birzhevye Vedomosti*: [newspaper], 213: P. 1. (In Russ.).

Botkin, P. S. (1930). *Pictures of diplomatic life*. Paris: [b. i.]. 187, [2] p. (In Russ.).

Diaries. (1905). *Citizen*, 66: 17—20. (In Russ.).

Echoes and impressions. (1905). *Russian Vedomosti*: [newspaper], 228: P. 3. (In Russ.).

Foreign review. (1905). *Bulletin of Europe*, 8, 9: 782—796; 365—377. (In Russ.).

Goltsev, V. A. (1905). Foreign review. *Russian Thought*, II: 175—180. (In Russ.).

Menshikov, M. (1905). The world with America. *Novoe vremya*: [newspaper], 10595: P. 5. (In Russ.).

Mir. (1905). *Birzhevye vedomosti*: [newspaper], 206: P. 1. (In Russ.).

Mir. (1905). *Rus*: [newspaper], 192: P. 3. (In Russ.).

Moscow, August 20. (1905). *Russian business*: [newspaper], 34: 1—2. (In Russ.).

Negotiations. (1905). *Rus*: [newspaper], 187: P. 2. (In Russ.).

Panov, A. (1905). Section of Sakhalin. *St. Petersburg Vedomosti*: [newspaper], 199: P. 1. (In Russ.).

Russo-Japanese war. The conclusion of peace. (1905). *Friend*: [newspaper], 113: P. 2. (In Russ.).

- Shcherbatov, A. (1905). After reconciliation. *Russian business: [newspaper]*, 35: 8—9. (In Russ.). St. Petersburg. September 14. (1905). News and Exchange newspaper: [newspaper], 178: P. 1. (In Russ.).
- Teplov, V. (1905). Negotiations on peace. *Russian Bulletin*, 298: 742—779. (In Russ.).
- Teplov, V. (1905). Review of external events. *Russian Bulletin*, 299: 722—751. (In Russ.).
- The Anglo-Japanese threat to peace. (1905). *Moskovskie Vedomosti: [newspaper]*, 255: P. 1. (In Russ.).
- The conclusion of peace. (1905). *Slovo: [newspaper]*, 228: 1—2. (In Russ.).
- The Peace Treaty. (1905). *Novoe vremya: [newspaper]*, 10587: P. 3. (In Russ.).
- The Russian man. Russian Russian man. (1905). *Citizen*, 66: 3—4. (In Russ.).
- Towards peace negotiations. (1905). *Citizen*, 26: 13—14. (In Russ.).
- Tsertelev, D. (1905). Peace or truce? *Moskovskie Vedomosti: [newspaper]*, 249: P. 2. (In Russ.).
- War and peace. (1905). *Moskovskie Vedomosti: [newspaper]*, 102: P. 1. (In Russ.).
- Warning. (1905). *Rus: [newspaper]*, 199: P. 2. (In Russ.).
- Yellow danger. (1905). *Citizen*, 68: P. 14. (In Russ.).
- Yuzhakov, S. (1905). Politics. *Russian wealth*, 8 (II): 184—204. (In Russ.).
- Yuzhakov, S. (1905). Politika. *Russian Wealth*, 9 (II): 107—25. (In Russ.).

References

- Airapetov, O. R. (2014). *On the way to collapse. The Russian-Japanese War of 1904—1905. Military and political history*. Moscow: Trading House Algorithm LLC. 496 p. ISBN 978-5-4438-0994-6. (In Russ.).
- Dzyuba, V. S., Makarov, I. V. (2020). The end of the Russian-Japanese war in the coverage of the newspaper “Frankfurter Zeitung”. *Omsk Scientific Bulletin. The series “Society. History. Modernity”*, 5 (1): 55—61. DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-1-55-61. (In Russ.).
- Esthus, R. A. (1988). *Double Eagle and Rising Sun: the Russians and Japanese at Portsmouth in 1905*. Durham: Duke univ. press. X, 265 p.
- Ginyatullin, I. D. (2023). The view of the Russian press on the signing of the Portsmouth Peace Treaty of 1905. *Trends in the development of science and education*, 104—4: 152—155. DOI: 10.18411/trnio-12-2023-225. (In Russ.).
- Gladkikh, S. A. (2014). Portsmouth World: whose victory? *Russia and the Asia-Pacific Region*, 1 (83): 95—106. (In Russ.).
- Khvostova, I. A. (2015). The reasons for Russia’s defeat in the war with Japan of 1904—1905 based on the materials of the Nizhny Novgorod Zemskaya Gazeta. *Achievements of university science*, 18: 13—17. (In Russ.).
- Kutakov, L. N. (1961). *The Portsmouth Peace Treaty (from the history of Japan’s relations with Russia and the USSR. 1905—1945)*. Moscow: Sotsekgiz. 291 p. (In Russ.).
- Lukoyanov, I. V. (2007). The Portsmouth World. *Questions of history*, 2: 16—33. (In Russ.).
- McDonald, D. (1992). *United Government and Foreign Policy in Russia, 1900—1914*. London: Harvard univ. press. 280 p. ISBN 0-674-92239-5.
- Nish, I. H. (2014). *The Origins of the Russo-Japanese War*. London; New York: Longman. 288 p. ISBN 0-582-49114-2.
- Okamoto, S. (1970). *The Japanese Oligarchy in the Russo-Japanese War*. New York: Columbia Univ. Press. XII, 355 p.
- Savosina, Yu. V., Pischikova, N. P. (2024). The conclusion of the 1905 Portsmouth Treaty in the perception of contemporaries and participants in the events. *Modern science:*

- actual problems of theory and practice. The series "Humanities", 2—1: 49—52. DOI: 10.37882/2223-2982.2024.02.28. (In Russ.).*
- Shatsillo, V. K. (2019). *Russia and the USA: from the Portsmouth world to the fall of Tsarism*. Moscow: KMK. 281 p. ISBN 978-5-907099-76-0. (In Russ.).
- Trani, E. P. (1969). *The Treaty of Portsmouth*. Lexington: University of Kentucky Press. XI, 194 p.
- Tsyganova, I. V. (2020). The Portsmouth Peace Treaty of 1905. In the assessment of the British political elite, diplomacy and the Press. *Omsk Scientific Bulletin. The series "Society. History. Modernity", 5 (1): 75—80. DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-1-75-80. (In Russ.).*

*The article was submitted 28.12.2024;
approved after reviewing 25.02.2025;
accepted for publication 05.04.2025.*

Информация для цитирования:

Шайдулов В. Н. Немцы Туркестана : история формирования этнического сообщества в 1880-е — 1906 годы / В. Н. Шайдулов, С. Н. Наврузов, У. М. Абдалов // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 3. — С. 531—551. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-531-551.

Shaidurov, V. N., Navruzov, S. N., Abdalov, U. M. (2025). Germans of Turkestan: Formation of an Ethnic Community from 1880s to 1906. *Nauchnyi dialog*, 14 (3): 531-551. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-531-551. (In Russ.).

Web of Science™

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Немцы Туркестана: история формирования этнического сообщества в 1880-е — 1906 годы

Шайдулов Владимир Николаевич ¹

orcid.org/0000-0002-1431-1163

доктор исторических наук, доцент,
Научно-образовательный центр
исторических исследований и анализа,
корреспондирующий автор
s-w-n@mail.ru

Наврузов Сапорбой Наврузович ²

orcid.org/0009-0000-8977-6777

кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры истории,
экономико-гуманитарный факультет
saporboynavruzov@gmail.com

Абдалов Умидбек Матниязович ²

orcid.org/0000-0001-9089-5888

кандидат исторических наук, доцент,
декан экономико-
гуманитарного факультета
umid_abdalov@mail.ru

¹ Ленинградский государственный
университет имени А. С. Пушкина
(Санкт-Петербург, Россия)

² Университет Мамуна
(Хива, Узбекистан)

Germans of Turkestan: Formation of an Ethnic Community from 1880s to 1906

Vladimir N. Shaidurov ¹

orcid.org/0000-0002-1431-1163

Doctor of History, Associate Professor,
Research and Educational Center
for Historical Studies and Analysis,
corresponding author
s-w-n@mail.ru

Saporboy N. Navruzov ²

orcid.org/0009-0000-8977-6777

PhD in History, Associate Professor,
Department of History,
Faculty of Economics and Humanities
saporboynavruzov@gmail.com

Umidbek M. Abdalov ²

orcid.org/0000-0001-9089-5888

PhD in History,
Associate Professor, Dean, Faculty
of Economics and Humanities
umid_abdalov@mail.ru

¹ Pushkin Leningrad
State University
(St. Petersburg, Russia)

² Mamun University
(Khiva, Uzbekistan)

© Шайдулов В. Н., Наврузов С. Н., Абдалов У. М., 2025

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуется переселение и демографическое развитие немецких поселян-собственников на территории Туркестанского генерал-губернаторства (Закаспийская и Сыр-Дарьинская области) в 1880—1906 годах. Основными источниками стали делопроизводственные документы из фондов Российского государственного исторического архива, материалы из опубликованных в 1890—1907 годах областных обзоров, сводные статистические данные Первой всеобщей переписи населения Российской империи по изучаемым областям, записки современников. В ходе исследования мы пришли к выводу, что в 1880—1890-е годы в Туркестане были образованы первые немецкие моноэтнические и моноконфессиональные поселения. Среди основных причин, толкнувших немцев на переселение из Поволжья, определены распространение на меннонитов воинской повинности и аграрный кризис, негативными проявлениями которого были неурожаи и голод. Показано, что немцы смогли создать в местах водворения устойчивые общества, основным источником пополнения которых стал до начала столыпинской аграрной реформы естественный прирост.

Ключевые слова:

Российские немцы; меннониты; переселение; колонисты; воинская повинность; аграрный кризис; голод; К. П. фон Кауфман; Туркестан; Закаспийская область; Сыр-Дарьинская область; Хивинское ханство.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study examines the migration and demographic development of German land-owner settlers in the Turkestan General-Governorship (specifically the Transcaspian and Syr-Darya regions) between 1880 and 1906. Primary sources include administrative documents from the Russian State Historical Archive, materials from regional surveys published between 1890 and 1907, aggregate statistical data from the First General Census of the Russian Empire pertaining to the studied regions, and contemporary accounts. Our research concludes that during the 1880s and 1890s, the first mono-ethnic and mono-confessional German settlements were established in Turkestan. Key factors driving the migration of Germans from the Volga region included the imposition of military service on Mennonites and an agrarian crisis characterized by crop failures and famine. It is demonstrated that the Germans were able to create sustainable communities in their new locations, with natural population growth serving as the primary source of demographic increase until the onset of Stolypin's agrarian reform.

Key words:

Russian Germans; Mennonites; migration; settlers; military service; agrarian crisis; famine; K.P. von Kaufman; Turkestan; Transcaspian region; Syr-Darya region; Khiva Khanate.

УДК94(47+574):316.343.42(=112.2)“1880/1906”

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-531-551

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

5.6.2. Всеобщая история

Немцы Туркестана: история формирования этнического сообщества в 1880-е — 1906 годы

© Шайдуров В. Н., Наврузов С. Н., Абдалов У. М., 2025

1. Введение = Introduction

Полиэтнический состав населения Центральной Азии во многом обусловлен фактом расположения региона на пересечении миграционных путей. До второй половины XIX века оно пополнялось выходцами из соседних государств, которые по разным причинам были вынуждены покинуть прежнее место жительства.

Среди европейских диаспор, сформировавшихся в центральноазиатских государствах во второй половине XIX — начале XX веков, особое место заняли немцы. В досоветский период одни из них оказались здесь по долгу службы, другие — как добровольные переселенцы. В советское время численность немцев резко возросла за счет депортаций времен Великой Отечественной войны. На протяжении второй половины XIX — XX веков они играли заметную роль в хозяйственной жизни региона, которая до сих пор не полностью изучена.

Историография центральноазиатских немцев не столь обширна, как это можно увидеть применительно к немцам Поволжья, Новороссии или Сибири. Длительное время они оставались вне поля зрения историков. Лишь с 1970-х годов можно отметить первые позитивные сдвиги. Появление научных статей, в которых упоминались немцы, в конце 1960-х — 1970-е годы во многом объясняется происходившими общественно-политическими изменениями. Одним из немногих авторов, кто обратился к истории немецкого населения региона в конце XIX — начале XX веков, стал А. М. Матвеев [Матвеев, 1970].

В современной российской историографии сохраняется высокий интерес к изучению различных аспектов истории немцев в Центральной Азии и некоторых других регионах. Основное внимание исследователей сосредоточено на выявлении причин переселения, государственном регулировании переселенческого движения, адаптационных практиках поселенцев в местах водворения, их взаимоотношениях с коренным

населением [Гайсина, 2012; Ерохина и др., 2023; Емтыль, 2023]. Изучение этих аспектов следует вести в контексте процессов, протекавших в регионе [Васильев, 2024].

Развал СССР повлиял на формирование национальной историографии независимых государств центральноазиатского региона. Это нашло отражение в смене методологических подходов и исследовательских акцентов. Часть современной историографии Кыргызстана, Узбекистана, Туркменистана представлена публикациями, авторы которых выступают с позиций исторической объективности [Кронгардт, 1997; Гентшке, 2013; Мухамедова (Кох), 2013; Иноятowa, 2019]. В то же время в некоторых исследованиях авторы ориентируются на популярные в современной исторической науке теории фронта [Иноятowa, 2021; Иноятowa, 2023] и колонизации [Рахимов и др., 2021].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель данной статьи — выявить особенности формирования и демографического развития немцев-переселенцев в Центральной Азии в конце XIX — начале XX веков. Основное внимание будет уделено выявлению причин переселения немцев на окраины Российской империи, географии расселения, особенностям демографического развития.

Решение поставленных исследовательских задач возможно лишь с использованием широкого круга исторических источников. Среди опубликованных привлекаются нормативно-правовые акты, включенные в Полное собрание законов Российской империи. Отдельно выделим сводные данные переписей 1897 года. Эти материалы позволяют определить численность немецкого населения в регионе, его географическое размещение, распределение между городом и сельской местностью.

Ценным источником являются областные «Обзоры», издававшиеся местными статистическими комитетами с конца XIX века. Приведенная в них статистическая информация порой была неточной, но использование данных позволяет определить географию расселения, динамику численности отдельных групп немецкого населения, особенности их демографического развития и пр.

Разрозненные сведения о переселении немцев в Туркестан на рубеже XIX—XX веков содержатся в публицистических работах [Гейер, 1893], авторы которых были очевидцами описанных событий. Среди последних следует особо выделить И. И. Гейера, который был не только историком и этнографом, но также секретарем Сыр-Дарьинского областного статистического комитета, а позднее и вице-губернатором Сыр-Дарьинской области.

Некоторые сведения о хивинских меннонитах сохранились благодаря иностранным путешественникам, посетившим Хивинское ханство в нача-

ле XX века. Среди них назовем австрийского биолога Эриха Цугмайера, опубликовавшего в 1905 году свои записки об экспедиции в Центральную Азию [Zugmayer, 1905].

Нами были использованы различные материалы из архивохранилищ, что позволило представить более детальную картину происходящего. Так, некоторые документы (делопроизводственная переписка) отложились в Российском государственном историческом архиве. Например, некоторые интересующие нас документы сохранились в фондах Общей канцелярии Министерства финансов (Ф. 560), Переселенческого управления Министерства земледелия (Ф. 391), Управления по делам о воинской повинности МВД (Ф. 1292).

Теоретической основой исследования является концепция фронтирной модернизации. Немцы в рассматриваемый период проживали на окраинах государства, находясь в контакте с коренным населением. Это позволяет нам говорить о наличии этноконфессионального фронта. В то же время они стали носителями новых знаний, которые были использованы в модернизации сельского хозяйства.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Особенности формирования немецкого населения региона

Как и в целом по России, мы не можем говорить о единстве немецкого населения центральноазиатских окраин империи. Это объясняется отсутствием единства внутри самой этнической группы. Исходя из этого следует понимать, что, с одной стороны, в регионе оказались этнические немцы из числа военных и чиновников, которые нередко проживали здесь лишь в период несения службы. С другой стороны, это были немецкие поселяне-собственники (бывшие колонисты), которые по разным причинам вынуждены были покинуть места прежнего проживания и оказались в Центральной Азии. Не последнюю роль сыграла и самоидентификация: одни считали себя немцами только по фамилии, но уже давно были частью «русского мира», другие стремились сохранить свою немецкость, третьи же в условиях менявшейся общественно-политической ситуации считали себя не немцами, а голландцами.

Пополнение «немецкого компонента» Центральной Азии за счет военных и чиновников происходило на протяжении всего рассматриваемого периода. Немцами были высшие должностные лица в Туркестанском генерал-губернаторстве, включая губернаторский корпус. Они занимали посты в военной и гражданской администрации.

В условиях экономической модернизации в регионе открывались отделения русских банков и торговых домов, акционерных обществ, появ-

лялись новые предприятия, шло создание транспортной железнодорожной и водной сети. Среди служащих были представители разных национальностей, прибывшие из обеих столиц и внутренних губерний, в том числе и немцы. Некоторые из них с течением времени покидали регион, но были и те, кто обосновался коренным образом.

Если появление немца из военных, чиновников или служащих в 1870—1920-х годах было предопределено государственной политикой по включению центральноазиатских окраин в состав общеимперского организма, то переселение немецких поселян-собственников носило во многом случайный характер.

В 1850—1870-х годах был продолжен курс на гомогенизацию в отношении некоторых этнических меньшинств, взятый в правление Николая I. Следовало стереть существовавшие в законодательном отношении различия, превратив всех в подданных, обладающих равными правами и обязанностями. Наиболее отчетливо это прослеживалось в отношении так называемых «русских евреев», которых, с одной стороны, удерживали в черте оседлости, а с другой — постепенно включали в состав общегосударственных институтов (например, армия).

Уже в 1840-х годах была начала подготовка нового Устава, который определил бы место иностранных, в том числе немецких, колонистов. Однако разработанные в Саратове и Одессе проекты были столь различны, что свести их в один не удалось. Лишь в 1857 году был утвержден корпус нормативных документов, которые регламентировали жизнь колонистов.

«Великие реформы» Александра II не обошли стороной немцев-колонистов. Крестьянская реформа со временем превратила их в собственников земельных наделов, земская и судебная реформы инкорпорировали их в соответствующие избирательные курии. Эти преобразования немцы встретили спокойно.

Иная ситуация стала развиваться при реализации военной реформы. Следует помнить, что в отношении колонистов еще в 1763 году был декларирован принцип освобождения от военной службы «на вечные времена» [ПСЗРИ-I, т. 16, № 11880]. Введение всеобщей воинской повинности для мужского населения вызвало ропот среди колонистов. Наибольшую обеспокоенность проявили меннониты, для которых военная служба была несовместима с религиозными канонами.

Предоставление 6-летней отсрочки до окончательного вступления в законную силу соответствующих статей Военного устава 1874 года не привело к однозначному решению проблемы. При том, что подавляющее большинство приняло нововведение, были среди немцев и те, кто попытался найти иной путь. Так, некоторые семьи колонистов вышли из русско-

го подданства и эмигрировали в Америку, где основали новые поселения. Другие же искали выход внутри страны.

В новых реалиях меннониты выбирали место, куда они могли бы переселиться. Государственная политика спровоцировала активность некоторых проповедников, которые вновь стали говорить о том, что «Ех oriente lux» (пер.: С востока свет). И одним из регионов, который привлек их внимание, стал Туркестан.

Не последнюю роль в переселении меннонитов в Туркестан сыграл первый генерал-губернатор края К. П. фон Кауфман. Сами меннониты в поданной ими записке, датированной 1885 годом, указывали: «Когда эти депутаты застали генерал-губернатора фон Кауфмана и объяснили наше положение и желание, Его Высокопревосходительство охотно высказал: “Могу вам помочь. Еду сегодня в Крым, где находится Государь, доложу ему вашу просьбу, обождите, когда я вернусь, и получите окончательный ответ”. Вернувшись назад, Его Высокопревосходительство уверил нашу депутацию, что дело наше может уладиться, и посоветовал нам, чем скорее, тем лучше, уладить свои дела и приехать в Туркестанский край» [Геншке, 2001, с. 180].

Некоторые современные историки преувеличивают его роль в этой истории, утверждая, ссылаясь на этот же документ, что Кауфман «уговорил их переселиться в Туркестан, обещав всяческую поддержку, в том числе и освобождение от воинской повинности» [Иноятва, 2023, с. 161]. Об истинных мотивах, которые сделали генерал-губернатора сторонником меннонитов, можно только догадываться. Вероятно, не был далек от истины капитан Генерального Штаба К. Г. Гиршфельд, служивший в качестве старшего адъютанта при начальнике Аму-Дарьинского отдела канцелярии во второй половине 1899 года в Петро-Александровске. В одной из своих работ он отмечал, что «немцы меннониты ... были вызваны покойным К. П. Кауфманом для развития здесь образцового сельского хозяйства» [Военно-статистическое описание ..., 1903, с. 82].

Как бы то ни было, сохранившиеся документы свидетельствуют о том, что фон Кауфман способствовал не только переезду меннонитов в Туркестан, но и их устройству на новом месте жительства. Так, для приема первого транспорта переселенцев из Самарской губернии численностью около 500 человек было дано распоряжение через военного губернатора Сыр-Дарьинской области начальнику г. Ташкента подготовить необходимые жильё, ассигновав на эти нужды 100 руб. [Геншке, 2001, с. 174].

Одним из последних мероприятий, которое было завершено при жизни фон Кауфмана, стало выделение более 1 тыс. дес. земли для водворения 80 семейств в Аулиеатинском уезде [Там же, с. 175]. Судя по всему, изна-

чально предполагалось подворное наделение земель, так как в документах размер земельного надела рассчитывается на одну семью. Участок должен был составлять 13 дес. всех угодий. Это было меньше, чем на родине, но в условиях ограниченности пригодного для хлебопашества земельного фонда меннонитам не приходилось выбирать. Предоставленная в канцелярию военного губернатора Сыр-Дарьинской области подписка от 14 марта 1881 года указывает на то, что общество имело возможность принять новых переселенцев: подписи поставили главы лишь 48 семейств. Таким образом, были образованы первые меннонитские поселения в регионе, центром притяжения которых стал Николайполь.

Как видно из документов, не все меннониты высказали желание поселиться в Туркестане. Как отмечали сами переселенцы, наиболее состоятельные переселились в Бухарский эмират и Хивинское ханство. Но водворение их на бухарских землях не состоялось. Если первоначально эмир намеревался принять 31 семью, то вскоре он отказался от своего намерения: меннонитов, желающих переселиться, много, но они «не знают языка, не умеют обрабатывать землю и женщины их открытыми лицами дадут дурной пример здешним» [Геншке, 2001, с. 177].

Иная судьба оказалась у поселенцев, которых принял Хивинский хан. В это время генерал русской армии Дреш, проходивший службу в Самарканде, написал письмо Янтцену, имевшему большое влияние среди немцев. В своем письме генерал писал, что находившийся в Петро-Александровске (Турткуле) генерал фон Гроттенхельм имел беседу с хивинским ханом Мухаммад Рахим ханом II о немцах. Основная тема разговора была о проживании немцев-меннонитов в Хивинском ханстве. В конце письма генерал Дреш писал, что хивинский хан согласился с предложением барона Гроттенхельма и посоветовал ему послать делегацию для переговоров с ханом.

Следуя совету генерала, немцы направили для переговоров своих представителей в составе Янтцена, Ризена, Эпа. Делегация с проводником отправились в 100-километровый нелёгкий путь к хивинскому хану, который пролегал через Петро-Александровск.

В Петро-Александровске их с радушием встретил барон фон Гроттенхельм. Оказав щедрое гостеприимство и предоставив переводчика, он отправил их в Хиву. Переплыв Амударью на лодке, члены делегации 40 миль до Хивы проехали верхом на лошадях. Хан оказал радушный приём меннонитам. Согласившись на их переезд, Мухаммад Рахим хан II просит только не разводить свиней [Абдуллаев, 1995, с. 85]. Это условие хана было принято. Таким образом, переговоры завершились успешно.

В 1884 году немецкие меннониты переселились в село Чикирчи, расположенное в 15 милях к юго-востоку от Хивы. Переезд длился две неде-

ли. На сотнях телег с большими колёсами был перевезён весь груз немцев, вплоть до досок и тростника. Извозчиками были дехкане из кишлака Чикирчик. Здесь возник второй меннонитский анклав (ак-мечетский), который по своим размерам значительно уступал аулиеатинскому.

Во второй половине 1880-х годов поволжские немцы проявили интерес к переселению в Закаспийскую область. В некоторых документах встречается упоминание о том, что в 1887 году там намеревались водвориться 33 семьи выходцев из Каменской волости Саратовской губернии [ОЗО 1897, с. 6—7]. Вероятно, ими двигало стремление уклониться от несения военной службы, воспользовавшись льготами, которые предоставлялись переселенцам окраин. Однако переселение не состоялось. Местные власти готовы были выделить земли для водворения, но переселение и обустройство должно было происходить без финансовой поддержки со стороны казны. Собственных же средств у поселян-собственников, судя по всему, было недостаточно.

Подобный подход резко контрастировал с отношением начальства Закаспийской области к другим переселенцам. Так, в 1888 году обсуждался вопрос об организованном переселении в область молокан из Эриванской губернии. Межведомственная переписка позволяет говорить не только о выделении поселенцам земельных наделов, включавших в себя сад, клеверные посевы, пахотные, пастбищные и сенокосные угодья, но и 100 руб. на семью. Кроме того, в пользу молокан был решен и один из важных вопросов — транспортный: семьи и имущество следовало перевезти по воинскому тарифу [ОЗО 1897, с. 9]. Несмотря на то, что и этот проект не был реализован, он свидетельствует о разных подходах царской администрации к решению одного и того же вопроса.

Новая волна переселения немецких поселян-собственников была спровоцирована неурожаем и голодом, которые охватили некоторые губернии Европейской России в начале 1890-х годов. Стремясь выжить, они вынуждены были уходить с прежнего места жительства. Новые немецкие поселки в 1890-х годах появились в Сибири и Туркестане.

Немецкая миграция в Центральную Азию носила самовольный характер. Но выбор нового места жительства не был случайным. На это указывает тот факт, что еще в октябре 1891 года ходоки из Саратовской губернии прибыли «с просьбами об отводе земли для поселка» [ОЗО 1892, с. 390]. Местные власти, несмотря на дефицит пригодных для хлебопашества земель, пошли навстречу вынужденным переселенцам и выделили для их водворения участки.

В конце 1880-х — начале 1890-х годов была заложена законодательная основа для переселенческого движения из Европейской России. Так, в июле 1889 года силу закона обрело Высочайше утвержденное мнение Го-

сударственного Совета «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и о порядке перечисления лиц означенных сословий, переселившихся в прежнее время» [ПСЗРИ-III, т. 9, № 6198]. Несмотря на то, что в тексте нет прямого упоминания о Закаспийской области, законодатель при разработке новых актов, касавшихся области, ссылается на распространение его отдельных норм на закаспийских переселенцев [ПСЗРИ-III, т. 10, № 8590].

Первым немецким поселением в Закаспийской области, может считаться пос. Саратовский, образованный в Асхабадском уезде в 1892 году [ОЗО 1900, с. 156—157]. Его жители были выходцами из Самарской (6 семей) и Саратовской (8 семей) губерний [ОЗО 19026, с. 14—15]. В нем немцы проживали до 1902 года включительно, затем они переселились в Мервский уезд [ОЗО 1905, с. 71]. Переселение было связано с удаленным расположением поселка, как отмечал в своем докладе императору Александру III еще в 1894 году начальник Закаспийской области генерал-лейтенант А. Н. Куропаткин, «от пунктов сбыта продуктов сельского хозяйства» [РГИА, ф. 560, оп. 22, д. 190, л. 8]. Во вновь образованный поселок, который стал именоваться *Саратовский 2-й*, переселилось уже 41 семейство, состоявшее из 69 мужчин и 49 женщин [ОЗО 1904, с. 168]. На место выселившихся немцев в пос. Саратовский 1-й пришли молokane из Карской области.

Другая партия немецких переселенцев составила 28 семей, которые в декабре 1892 года прибыли в областной центр [ОЗО 1892, с. 202]. Чиновники Закаспийской области мотивировали действия администрации стремлением не допустить «праздного шатания их без дела, которое привело бы их только к полному разорению» [ОЗО 1897, с. 45]. Для поселения немецким крестьянам было предложено арендовать так называемые карендные земли (принадлежали туркменам и сдавались ими в аренду) Хан-Ябского участка в Серахском оазисе с платой 1/10 урожая. Размер семейного земельного надела оказался небольшим и составил всего 5 дес. [ОЗО 1893, с. 202].

Собственных средств для переселения из Ашхабада в окрестности пос. Серахса и обустройства на новом месте у немцев не было. Они нашли поддержку в лице областной администрации, выделившей из собственных средств заем, который состоял из 420 руб. для проезда, по 100 руб. на «домоблагодетельство» на семью, 600 руб. на покупку рогатого скота. Кроме того, каждой семье было выделено на пропитание и посев по 30 пудов разного зерна [ОЗО 1897, с. 45]. Поселенцам потребовалось всего два года, чтобы чиновники могли сказать, что немецкие переселенцы «обустроились лучше жителей других поселков», а сам пос. Крестовый «имеет все данные к дальнейшему развитию» [Там же].

Кроме пос. Крестовый, в начале XX века в Закаспийской области было образовано еще два сельскохозяйственных немецких поселения [Драницын, 1910, с. 118]. Оба были расположены в Тохтамышском районе Мервского уезда.

Большие сложности ожидали 97 семей немцев-переселенцев, которые бежали от неурожая и голода из Самарской губернии. Промежуточным пунктом для них оказался г. Казалинск — уездный центр Сыр-Дарьинской области. Здесь, как отмечал в своих путевых письмах И. Гейер, «они снова переживают ту нужду, страха ради которой они покинули родину» [Гейер, 1893, с. 14]. Не имея возможности найти заработок в маленьком городе, они начали проживать небогатый скраб. Уже весной 1893 года они готовы были выдвинуться в дорогу, но, имея фургоны, не имели лошадей. Лишь помощь со стороны администрации позволила им преодолеть непростой путь по пустынной степи.

В мае 1893 года для них был распланирован участок вблизи Ташкента, на котором был образован пос. Константиновский. В начале июля переселенцы заняли предназначенный для них участок, который И. Гейер назвал «обетованной землей» [Там же, с. 15].

Водворение переселенцев на новых землях позволило им воспользоваться различными льготами. Наибольшие затраты требовались на проезд. Поэтому переселенцы охотно пользовались правом проезда по всем железным дорогам по удешевленному, переселенческому, тарифу [РГИА, ф. 391, оп. 2, д. 185, л. 17].

Для немцев одним из наиболее значимых стало освобождение, пусть и временное, от воинской повинности. Так, с 10 октября 1900 года им было даровано 10-летнее освобождение от призыва [РГИА, ф. 1292, оп. 5, д. 30, л. 4]. Эта норма для переселенцев в Туркестанское генерал-губернаторство была скорректирована в 1904 году [Временные правила ..., 1904, п. 24] и отменена Государственным Советом в 1906 году [РГИА, ф. 1292, оп. 5, д. 30, л. 7].

Таким образом, в конце XIX — начале XX веков на территории центральноазиатских окраин Российской империи появились первые поселения, основанные немецкими поселянами-собственниками (бывшими колонистами). Одни из них устремились в регион с целью сохранить устои религиозной жизни, других к переселению подтолкнули вполне объективные причины: неурожай и голод.

3.2. Численность и размещение немецкого населения в регионе в конце XIX — начале XX веков

Развитие статистики на общегосударственном и региональном уровнях позволяют нам проследить динамику численности и размещения немецкого населения. Различные сведения можно получить из итоговых

таблиц Первой всеобщей переписи населения Российской империи по центральноазиатским областям. Анализ материалов областной статистики, представленных в «Обзорах» за разные годы, позволяет определить динамику некоторых явлений.

Согласно данным статистического обследования, на территории Закаспийской области проживало 1026 немцев обоего пола, при этом следует отметить заметную гендерную диспропорцию, когда на долю мужчин приходилось 60,8 % [ПВПНРИ, 1904, с. 55]. В городах этот показатель был еще выше и составлял почти 62 %. Подобная ситуация вполне объяснима: среди лиц, указавших немецкий язык в качестве родного, 233 мужчины по области [ПВПНРИ, 1904, с. 107] (из них 160 в городах [Там же, с. 119] и 73 в уездах [Там же, с. 113]) были связаны со службой в русской армии. Этот же фактор объясняет и преимущественное сосредоточение немцев в городах (57,6 %).

Рассматривая территориальное распределение немцев в Закаспийской области, можно отметить места их наибольшей концентрации. Так, 40% приходилось на Асхабад и Мерв (27,8 % и 12,2 % соответственно), в сельской же местности самые крупные общины были в Тедженском и Асхабадском уездах (26,2 % и 7,2 %) [Там же, с. 55].

Основные демографические черты немецкого населения Сыр-Дарьинской области, по данным переписи 1897 года, совпадали с теми, которые уже были отмечены в Закаспийской области. При общей численности немцев в 1887 чел. 59,8 % были мужчины, при этом в городах они составляли почти 76 % проживавших в них немцев. Ранний приход немецких поселян-собственников в область объясняет их преобладание над городскими немцами (63,4 % и 36,6 % соответственно).

О географической неравномерности размещения немцев в области свидетельствуют приведенные в таблице данные (табл. 1) [ПВПНРИ, 1905, с. 57].

Статистические данные распределения лиц, указавших в качестве родного немецкий язык, в целом коррелируют с распределением лютеран и меннонитов (табл. 2) [ПВПНРИ, 1905, с. 54—55].

Приведенные данные отражают конфессиональную принадлежность немецких переселенцев. Так, население пос. Константиновский было лютеранским, тогда как среди немцев в Аулиеатинском уезде преобладали меннониты при гораздо меньшем количестве лютеран.

Сведения о численности немецкой общины в Ак-Мечети Хивинского ханства мы можем заимствовать у Е. Цугмайера, посетившего меннонитскую колонию в 1904 году. На это время в ней проживало 200 человек [Zugmayer, 1905, S. 356].

Таблица 1

Размещение немцев по уездам
Сыр-Дарьинской области (1897 год)

	М.п.	Ж.п.	Обоего пола
Ташкентский уезд			
всего	663	399	1062
город	401	153	554
уезд	262	246	508
Аулиеатинский уезд			
всего	352	348	700
город	16	2	18
уезд	336	346	682
Казалинский уезд			
всего	17	3	20
город	12	3	15
уезд	5	0	5
Перовский уезд			
всего	15	1	16
город	14	1	15
уезд	1	0	1
Чимкентский уезд			
всего	29	1	30
город	20	1	21
уезд	9	0	9
Аму-Дарьинский отдел			
всего	53	6	59
город	53	6	59
отдел	0	0	0

О демографических особенностях развития немецких поселков в начале XX века мы можем говорить по материалам региональной статистики, опубликованным в ежегодных областных обзорах.

Так, мы можем утверждать, что в Закаспийской области сохранялись прежние центры притяжения немцев. Постоянно их численность увеличивалась в Асхабаде и Мерве, на долю которых приходилось от 41 до 43 % от общего количества. В сельской местности они проживали в оазисах (пос. Крестовый и хозяйства в Тохтамышском районе Тедженского уезда) — 45—46 %. Изменения в общей численности были связаны с миграционными процессами и, возможно, временными неполными статистическими данными.

Таблица 2

Географическое размещение лютеран и меннонитов
в Сыр-Дарьинской области, 1897 год

	лютеране			меннониты		
	м.п.	ж.п.	об.п.	м.п.	ж.п.	об.п.
Ташкентский уезд						
всего	608	344	952	2	0	2
город	414	158	572	2	0	2
уезд	194	186	380	0	0	0
Аулиеатинский уезд						
всего	64	60	124	281	281	562
город	14	2	16	1	0	1
уезд	50	58	108	280	281	561
Казалинский уезд						
всего	20	3	23	0	0	0
город	15	3	18	0	0	0
уезд	5	0	5	0	0	0
Первский уезд						
всего	15	1	16	0	0	0
город	14	1	15	0	0	0
уезд	1	0	1	0	0	0
Чимкентский уезд						
всего	30	2	32	1	0	1
город	30	2	32	0	0	0
уезд	0	0	0	1	0	1
Аму-Дарьинский отдел						
всего	57	5	62	1	0	1
город	57	5	62	0	0	0
отдел	0	0	0	1	0	1

ми. Последнее может служить объяснением резкого колебания числа немцев в пос. Крестовом за 1907 год (418 чел.) и 1908 год (336 чел.).

В Сыр-Дарьинской области отмечается та же тенденция. В 1900—1906 годах в Туркестанском генерал-губернаторстве официально не были выделены земельные участки для водворения немецких крестьян. Поэтому отмечается рост численности немцев в городах и уже существовавших поселках. Отчетливо это можно проследить на примере меннонитов. На 1904 год общая численность меннонитской общины в области составила 993 чел., или 175 % к 1897 году (566 чел.) [Обзор ..., 1906, с. IX]. Качествен-

ным изменением стало формирование меннонитской общины в русской части Ташкента, которая составила 202 человека (118 м. п. и 84 ж. п.). Значительно выросло число меннонитов и в Аулиеатинском уезде: с 561 чел. (280 м.п. и 281 ж.п.) до 791 чел. (402 м.п. и 389 ж.п.). (+141 % к 1897 году). Подобный рост стал возможен как за счет естественного прироста, так и вследствие переселения новых семей.

В «Обзорах» сохранились разрозненные сведения о демографических показателях немецкого населения.

Так, за 1900 год имеются сведения о количестве немецких мальчиков и девочек в пос. Крестовском (46 и 51 соответственно) [ОЗО 1902а, с. 20—21]. При общей численности немцев-протестантов в поселке в 249 человек [ОЗО 1902а, с. 13—14] дети в возрасте до 12 лет составили почти 39 %. В 1903 году их было 46 и 40 соответственно, что составило 32,8 % [ОЗО 1904, с. 13, 18]. К 1907 году доля детей несколько сократилась и составила 30 % [ОЗО 1909, табл. 4]. На основании этих данных можно предположить, что мы имеем дело с молодыми семьями.

Сохранившиеся данные дают возможность сделать некоторые заключения об уровне рождаемости и смертности в пос. Крестовый и Саратовский в начале 1900-х годов (табл. 3) [ОЗО 1902а, с. 11; ОЗО 1902б, прил. 6, с. 11, 13].

Таблица 3

Естественное движение немецкого населения
в поселках Закаспийской области

Год	Численность населения	Родилось в течение года		Умерло в течение года	
		мальчиков	девочек	мужчин	женщин
Пос. Крестовый					
1900	249	4	7	0	1
Пос. Саратовский					
1901	84	3	1	0	4

Исходя из данных областной статистики, можно сделать вывод об очень высоком уровне рождаемости среди немецких поселян. Так, в пос. Крестовый он составил почти 44,2 %, а в меньшем по численности обществе пос. Саратовский превысил 47,6 %.

Для сравнения можно взять аналогичный показатель на 1901 год по русским переселенческим поселкам Асхабадского уезда. Самые высокие показатели рождаемости отмечены у баптистов пос. Куропаткино (71,4 %) и пос. Романовское (70,7 %); самый низкий показатель (17,7 %) — у молокан пос. Невтоновский [ОЗО 1902б, прил. 6, с. 11, 13]. Для православного населения пос. Скобелевский и Михайловское он составил 34,8 и 40,3 %

[ОЗО 19026, прил. 6, с. 11, 13]. Следовательно, у немцев-лютеран отмечается более высокий уровень рождаемости, чем у православных, но ниже, чем у баптистов.

Общий коэффициент смертности во многом зависел от эпидемиологической ситуации в области. Характерной чертой был высокий уровень младенческой смертности, на долю которой приходилось большинство летальных случаев. В полной мере это можно отнести и к немецким поселкам. Так, в пос. Саратовский общий коэффициент смертности составил 47,6 %, более высокий был лишь в пос. Романовский (50,5 %) [ОЗО 19026, прил. 6, с. 11, 13]. Современник отмечал, что в 1905 году «естественный прирост населения сошел на нет благодаря свирепствовавшей эпидемии кори и желудочно-кишечных заболеваний и скарлатины» [ОЗО 1907, с. 15—16]. Подобная ситуация была типичной не только для центральноазиатских областей, но и других губерний Империи.

Показатели рождаемости и смертности свидетельствуют о том, что естественный прирост населения был важным фактором роста немецкого сообщества. Сокращение числа поселян объясняется выселением семей, которые в начале 1900-х годов эмигрировали в Америку [ОЗО 1907, с. 15—16]. Резкий рост числа немцев в Крестовом объясняется как продолжавшимся естественным ростом, так и реэмиграцией.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, в течение 1880—1890-х годов в некоторых областях Туркестанского генерал-губернаторства и Хивинском ханстве были образованы немецкие переселенческие поселки. Этот процесс шел в рамках законодательно регламентированных общероссийских миграционных процессов. В условиях укоренившейся гомогенизации немцы переселялись в Азиатскую Россию на тех же основаниях, что и прочие крестьяне.

Первыми поселенцами оказались меннониты, которые не пожелали идти на компромисс с русскими властями, а предпочли оставить обжитые места и переселиться туда, где от них не требовали нести военную службу. Этот аспект уже в начале XX века позволил некоторым современникам представить их не иначе как «узниками совести», «которые были изгнаны из России за свою веру» [Zugmayer, 1905, S. 343].

В 1890-е годы в немецких колониях обострились проявления аграрного кризиса (малоземелье, неурожай, голод), которые стимулировали активное распространение среди поселян-собственников миграционных настроений. Основную массу переселенцев в это время составили немцы-лютеране, которые вместе с крестьянами других национальностей стали частью переселенческого потока на рубеже XIX—XX веков в Азиатскую Россию.

Используя поддержку на государственном уровне в виде денежных ссуд, различных льгот и послаблений, а также со стороны местной администрации, немцы смогли закрепиться на новом месте жительства. Временное прекращение переселения в начале XX века привело к тому, что естественный прирост стал главным источником увеличения числа немцев-поселян в сельской местности и привел к формированию демографически сбалансированных обществ.

Конфессиональные различия и дисперсность в расселении не способствовали установлению тесных контактов между разными группами немецких переселенцев, что было характерно, например, и для Сибири. Тем не менее именно в рассматриваемый период в Туркестане начало формироваться немецкое этническое сообщество, которое стало неотъемлемой частью немцев России.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Военно-статистическое описание Хивинского оазиса* / Сост. Ген. штаба кап. Гиршфельдом ; Перераб. нач. Аму-Дарьин. отд. ген.-майором Галкиным. — Ташкент : типография Штаба Туркестанского военного округа, 1903. — 268 с.
2. *Временные правила о добровольном переселении сельских обывателей и мещан-земледельцев* // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1904 г. Отдел первый. Полугодие второе. № 131. Ст. 1390. — Санкт-Петербург : Сенатская типография, 1904. — 371 с.
3. *Гейер И.* По русским селениям Сырдарьинской области (Письма с дороги). Чимкентский уезд / И. Гейер. — Ташкент : Типо-литография бр. Каменских, 1893. — Т. 1. — 174 с.
4. *Генишке В. Л.* Меннониты в Туркестане : документы НА РУз / В. Л. Геншке // Исторический архив. — 2001. — № 3. — С. 173—181.
5. ОЗО 1892 — *Обзор* Закаспийской области за 1891 г. — Асхабад : Типография Штаба Закаспийской области, 1892. — С. 390—496.
6. ОЗО 1893 — *Обзор* Закаспийской области за 1892 г. — Асхабад : Типография Штаба Закаспийской области, 1893. — 226 с.
7. ОЗО 1897 — *Обзор* Закаспийской области с 1890-го по 1896 г. — Асхабад : Паровая тип. К. М. Федорова, 1897. — Приложение № 12. Историческая справка по переселенческому делу в Закаспийской области. — С. 1—51.
8. ОЗО 1900 — *Обзор* Закаспийской области за 1899 г. — Асхабад : Типография Штаба 2-го Туркестанского Армейского корпуса, 1900. — 456 с.
9. ОЗО 1902а — *Обзор* Закаспийской области за 1900 год. — Асхабад : Паровая типография газеты «Асхабад», 1902. — 422 с.

10. ОЗО 19026 — *Обзор* Закаспийской области за 1901 год. Асхабад: Типография Штаба 2-го Туркестанского Армейского корпуса, 1902. — Приложения. — Отчет о русских поселках Асхабадского уезда за 1901 год — С. 7—29.
11. ОЗО 1904 — *Обзор* Закаспийской области за 1903 год. — Асхабад : Типография Штаба 2-го Туркестанского Армейского корпуса, 1904. — 228 с.
12. ОЗО 1905 — *Обзор* Закаспийской области за 1904 год. — Асхабад : Типография газеты «Асхабад», 1905. — 180 с.
13. ОЗО 1907 — *Обзор* Закаспийской области за 1905 год. — Асхабад : Паровая типография газеты «Асхабад», 1907. — 216 с.
14. ОЗО 1909 — *Обзор* Закаспийской области за 1907 год. — Асхабад : Паровая типография газеты «Асхабад», 1909. — 112 с.
15. *Обзор* Сыр-Дарьинской области за 1904 год. — Ташкент : Типо-литография В. М. Ильина, 1906. — 253 с.
16. ПВПНРИ, 1904 — Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Закаспийская область. — Санкт-Петербург : Типография кн. В. П. Мещерского, 1904. — Т. LXXXII. — 170 с.
17. ПВПНРИ, 1905 — Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Сыр-Дарьинская область. — Санкт-Петербург : Типография Тов-ва «Народная польза», 1905. — Т. LXXXVI. — 208 с.
18. ПСЗРИ-I — *Полное* собрание законов Российской империи. Собрание I. Санкт-Петербург : Типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. — 1196 с.
19. ПСЗРИ-III, т. 9 — *Полное* собрание законов Российской империи. Собрание III. Санкт-Петербург : Государственная типография, 1891. — Т. 9. — 1410 с.
20. ПСЗРИ-III, т. 10 — *Полное* собрание законов Российской империи. Собрание III. — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1893. — Т. 10. — 1382 с.
21. РГИА — *Российский* государственный исторический архив. Ф. 391. Переселенческое управление при Министерстве земледелия ; Ф. 560. Общая канцелярия Министерства финансов ; Ф. 1292. Управления по делам о воинской повинности МВД.

Литература

1. *Абдуллаев К.* Нахшлар битилган умр / К. Абдуллаев. — Тошкент : «Гафур Гулом», 1995. — 325 с. (на узбекском)
2. *Васильев Д. В.* Социальная структура Мургабского государева имения (1889—1912) : планы и действительность / Д. В. Васильев // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 10. — С. 360—379. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-360-379.
3. *Гайсина Л. Р.* Этнический состав населения «новых частей» городов Русского Туркестана / Л. Р. Гайсина // Вестник Томского государственного университета. — 2012. — № 354. — С. 71—73.
4. *Гентшке В. Л.* «Немецкий компонент» в жизни Туркестанского общества : специфика формирования (вторая половина XIX — начало XX в.) / В. Л. Гентшке // Два с половиной века с Россией (к 250-летию начала массового переселения немцев в Россию) : материалы 4-й международной научно-практической конференции (Москва, 24–27 августа 2012 г.) / под ред. А. А. Германа. — Москва : МСНК-пресс, 2013. — С. 151—160.
5. *Драницын Д.* Колонизационные задачи в Закаспийской области / Д. Драницын // Вопросы колонизации. — 1910. — № 7. — С. 118.

6. Емтыль З. Я. Переселение иностранных подданных на Северо-Западный Кавказ во второй половине XIX века / З. Я. Емтыль // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 9. — С. 390—408. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-390-408.

7. Ерохина О. В. Российские немцы в Туркестанском генерал-губернаторстве : переселение и хозяйственная деятельность (последняя треть XIX — начало XX в.) / О. В. Ерохина, В. Н. Шайдулов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2023. — № 3 (62). — С. 160—169. — DOI: 10.20874/2071-0437-2023-62-3-14.

8. Иноятова Д. М. История появления и формирования немецкой диаспоры в Туркестане / Д. М. Иноятова // Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. — 2021. — № 1 (9). — С. 47—61. — DOI: 10.33466/2500-0063-2021-1(9)-47-61.

9. Иноятова Д. М. Опыт толерантного взаимоотношения народов Узбекистана (на примере акмечетских меннонитов Хорезма) / Д. М. Иноятова // Журнал фронтирных исследований. — 2023. — Т. 8. — № 3 (31). — С. 157—170. — DOI: 10.46539/jfs.v8i3.536.

10. Иноятова Д. М. Немецкая диаспора Узбекистана : Вехи истории / Д. М. Иноятова. — Ташкент : TURON-IQBOL, 2019. — 424 с. — ISBN 978-9943-14-601-3.

11. Кронгардт Г. К. Немцы в Кыргызстане : 1880—1990 гг. / Г. К. Кронгардт. — Бишкек : ИЛИМ, 1997. — 414 с. — ISBN 5-8355-0952-9.

12. Матвеев А. М. К вопросу о выходах из Германии в Средней Азии в конце XIX — начале XX в. / А. М. Матвеев // Научные труды ТашГУ. — 1970. — Т. 392. — С. 61—77.

13. Мухамедова (Кох) Л. Возникновение немецких поселков в Туркменистане / Л. Мухамедова (Кох) // Два с половиной века с Россией (к 250-летию начала массового переселения немцев в Россию) : Материалы 4-й международной научно-практической конференции (Москва, 24—27 августа 2012 г.) / под ред. А. А. Германа. — Москва : МСНК-пресс, 2013. — С. 161—176.

14. Рахимов Б. Э. О миграции немцев в Туркестан в XIX — начале XX вв. / Б. Э. Рахимов, М. Б. Якубова // Межкультурная коммуникация и миграция в истории народов Центральной Азии : Сборник материалов по итогам Международной научно-практической конференции молодых ученых, Москва, 25 июня 2021 года / отв. ред. Д. В. Сапрынская. — Москва : Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Издательский Дом (типография), 2021. — С. 74—79.

15. Zugmayer E. Eine Reise durch Vorderasien im Jahre 1904 / E. Zugmayer. — Berlin : Dietrich Reimer, 1905. — 410 S.

Статья поступила в редакцию 10.02.2025,
одобрена после рецензирования 03.04.2025,
подготовлена к публикации 13.04.2025.

Material resources

- Genshke, V. L. (2001). Mennonites in Turkestan: Documents on the Republic of Uzbekistan. *Historical Archive*, 3: 173—181. (In Russ.).
- Geyer, I. (1893). *On the Russian villages of the Syrdarya region (Letters from the road). Shymkent district, I*. Tashkent: Tipo-lithography by br. Kamenskikh. 174 p. (In Russ.).
- Military statistical description of the Khiva oasis*. (1903). Tashkent: Printing House of the Headquarters of the Turkestan Military District. 268 p. (In Russ.).
- Overview of the Syr Darya region in 1904*. (1906). Tashkent: Printing House of V. M. Ilyin. 253 p. (In Russ.).

- OZO 1892 — *Overview of the Transcaspian region in 1891*. (1892). Askhabad: Printing House of the Transcaspian region Headquarters. 390—496. (In Russ.).
- OZO 1893 — *Overview of the Transcaspian region in 1892*. (1893). Askhabad: Printing House of the Transcaspian Region Headquarters. 226 p. (In Russ.).
- OZO 1897 — *Overview of the Transcaspian region from 1890 to 1896, 12*. (1897). Askhabad: Steam type. K. M. Fedorov. 1—51. (In Russ.).
- OZO 1900 — *Overview of the Transcaspian region in 1899*. (1900). Askhabad: Printing House of the Headquarters of the 2nd Turkestan Army Corps. 456 p. (In Russ.).
- OZO 1902a — *Overview of the Transcaspian region in 1900*. (1902). Askhabad: Steam printing house of the newspaper “Askhabad”. 422 p. (In Russ.).
- OZO 1902b — *Overview of the Transcaspian region in 1901*. (1902). Ashgabat: Printing House of the Headquarters of the 2nd Turkestan Army Corps. 7—29. (In Russ.).
- OZO 1904 — *Overview of the Transcaspian region for 1903*. (1904). Askhabad: Printing House of the Headquarters of the 2nd Turkestan Army Corps. 228 p. (In Russ.).
- OZO 1905 — *Overview of the Transcaspian region in 1904*. (1905). Askhabad: Printing house of the newspaper “Askhabad”. 180 p. (In Russ.).
- OZO 1907 — *Overview of the Transcaspian region in 1905*. (1907). Askhabad: Steam printing house of the newspaper “Askhabad”. 216 p. (In Russ.).
- OZO 1909 — *Overview of the Transcaspian region in 1907*. (1909). Askhabad: steam printing house of the newspaper “Askhabad”. 112 p. (In Russ.).
- PSZRI-I — *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection I*. (1830). St. Petersburg: Printing House of the Second Department of His Imperial Majesty’s Own Chancellery. 1196 p. (In Russ.).
- PSZRI-III, т. 9 — *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Assembly III*, 9. (1891). Saint Petersburg: State Printing House. 1410 p. (In Russ.).
- PSZRI-III, т. 10 — *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Assembly III*, 10. (1893). St. Petersburg: State Printing House. 1382 p. (In Russ.).
- PVPNRI, 1904 — *The First universal population census of the Russian Empire. Transcaspian region, LXXXII*. (1904). St. Petersburg : Printing house of V. P. Meshchersky. 170 p. (In Russ.).
- PVPNRI, 1905 — *The First universal population census of the Russian Empire. Syr-Darya region, LXXXVI*. (1905). St. Petersburg: Printing House of Comrade Narodnaya Prosla. 208 p. (In Russ.).
- RGIA — *Russian State Historical Archive. F. 1292. Directorate for Military Service Affairs of the Ministry of Internal Affairs; F. 391. Resettlement Administration under the Ministry of Agriculture; F. 560. General Office of the Ministry of Finance*. (In Russ.).
- Temporary rules on the voluntary resettlement of rural inhabitants and petty-bourgeois farmers. (1904). In: *Collection of laws and government orders issued under the Governing Senate. 1904 Department one. The second half of the year, 131. St. 1390*. St. Petersburg: Senate Printing House. 371 p. (In Russ.).

References

- Abdullaev, K. (1995). *Nakshlar bitilgan umr*. Toshkent: Gafur Gulom. 325 p. (In Uzbek).
- Dranitsyn, D. (1910). Colonization tasks in the Transcaspian region. *Colonization issues*, 7: P. 118. (In Russ.).
- Emtyl, Z. Ya. (2023). Resettlement of Foreign Subjects to North-Western Caucasus in Second Half of 19th Century. *Nauchnyi dialog*, 12 (9): 390—408. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-390-408. (In Russ.).

- Erokhina, O. V., Shaidurov, V. N. (2023). Russian Germans in the Turkestan General Governor's office: resettlement and economic activity (the last third of the 19th — early 20th centuries). *Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography*, 3 (62): 160—169. DOI: 10.20874/2071-0437-2023-62-3-14. (In Russ.).
- Gaisina, L. R. (2012). Ethnic composition of the population of the “new parts” of the cities of Russian Turkestan. *Bulletin of Tomsk State University*, 354: 71—73. (In Russ.).
- Gentschke, V. L. (2013). The “German component” in the life of Turkestan society: the specifics of its formation (the second half of the 19th — early 20th centuries). In: *Two and a half centuries with Russia (on the 250th anniversary of the beginning of the mass resettlement of Germans to Russia): Proceedings of the 4th International Scientific and Practical Conference*. Moscow: MSNK-press. 151—160. (In Russ.).
- Inoyatova, D. M. (2019). *The German diaspora of Uzbekistan: Milestones of history*. Tashkent: TURON-IQBOL. 424 p. ISBN 978-9943-14-601-3. (In Russ.).
- Inoyatova, D. M. (2023). The experience of tolerant mutual relations between the peoples of Uzbekistan (on the example of the Akmecheti Mennonites of Khorezm). *Journal of Frontier Studies*, 8 / 3 (31): 157—170. DOI: 10.46539/jfs.v8i3.536. (In Russ.).
- Inoyatova, D.M. (2021). The history of the emergence and formation of the German Diaspora in Turkestan. *Yearbook of the International Association of Researchers of the History and Culture of Russian Germans*, 1 (9): 47—61. DOI: 10.33466/2500-0063-2021-1(9)-47-61. (In Russ.).
- Krongardt, G. K. (1997). *Germans in Kyrgyzstan: 1880—1990*. Bishkek: ILIM. 414 p. ISBN 5-8355-0952-9. (In Russ.).
- Matveev, A. M. (1970). On the question of immigrants from Germany in Central Asia at the end of the XIX — beginning of the XX century. *Scientific works of TASHGU*, 392: 61—77. (In Russ.).
- Mukhamedova (Koch), L. (2013). The emergence of German settlements in Turkmenistan. In: *Two and a half centuries with Russia (on the 250th anniversary of the beginning of the mass resettlement of Germans to Russia): Proceedings of the 4th International scientific and practical conference*. Moscow: MSNK-press. 161—176. (In Russ.).
- Rakhimov, B. E. (2021). On the migration of Germans to Turkestan in the 19th — early 20th centuries. In: *Intercultural communication and migration in the History of the Peoples of Central Asia: A collection of materials on the results of the International Scientific and Practical Conference of Young Scientists, Moscow, June 25, 2021*. Moscow: Lomonosov Moscow State University Publishing House (Printing House). 74—79. (In Russ.).
- Vasilyev, D. V. (2024). Social Structure of Murghab Sovereign's Estate (1889—1912): Plans and Reality. *Nauchnyi dialog*, 13 (10): 360—379. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-10-360-379> (In Russ.).
- Zugmayer, E. (1905). *Eine Reise durch Vorderasien im Jahre 1904*. Berlin: Dietrich Reimer. 410 S. (In Germ.).

*The article was submitted 10.02.2025;
approved after reviewing 03.04.2025;
accepted for publication 13.04.2025.*

АВТОРАМ

Журнал «Научный диалог». ISSN 2225-756X, e-ISSN 2227-1295
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-86214 от 27.10.2023 г., Роскомнадзор
Издается с 2012 года. Языки публикации — русский, английский.
Включен в Перечень ВАК с 1 декабря 2015 года.
Индексируется в Scopus
Индексируется в Google Академия
Индексируется в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)
Включен в базу ERIH PLUS с 11 июня 2015 года (идент. номер 485900).
Размещается на платформах НЭБ (eLibrary), DOAJ, на сайте журнала.
Подписной индекс 29255 в Объединенном каталоге «Пресса России».
Обязательные экземпляры журнала отправляются в Российскую государственную библиотеку, Минцифры России.
Электронный адрес: nauka-dialog@mail.ru, editor@nauka-dialog.ru
Сайт: <http://www.nauka-dialog.ru/>

Перечень ВАК РФ	
Область наук: Социальные и гуманитарные науки	
Группы научных специальностей	Научные специальности
5.9. Филология	5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
	5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)
	5.9.3. Теория литературы (филологические науки)
	5.9.4. Фольклористика (филологические науки)
	5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
	5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)
	5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
	5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
5.6. Исторические науки	5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
	5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
	5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

Журнал «Научный диалог» — рецензируемое периодическое издание открытого доступа (open access), публикующее материалы гуманитарного профиля по двум научным областям — «ФИЛОЛОГИЯ» и «ИСТОРИЯ».

Тематика: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакommunikации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Миссия журнала — организация диалога между национальными исследовательскими традициями в гуманитарных отраслях науки — исторической и филологической.

Задачи:

- 1) аккумуляция знаний о русской культуре через исследования языка, литературы и отечественной истории как основных маркеров идентичности в окружении других идентичностей;
- 2) обмен интерпретациями инокультурного текста: русская литература и история в интерпретации зарубежных коллег — и зарубежный литературный и исторический дискурс в трактовках русских исследователей;
- 3) представление наблюдений исследователей из разных стран за развитием медиа как фактором глобализации;
- 4) приглашение исследователей разных стран к презентации и обсуждению теорий, подходов, методик, приемов анализа языка, текста, дискурса, поскольку ввиду длительного периода замкнутого развития национальных научных традиций и школ накопились разночтения в выборе проблематики исследований, трактовках ключевых терминов, методических предпочтениях.

ИНСТРУКЦИИ ДЛЯ АВТОРОВ

Принимаются к рассмотрению (1) обзорные статьи, содержащие теоретические и статистические обобщения; (2) оригинальные статьи, в которых представлены результаты исследования эмпирического материала.

Все статьи, поступившие в редакцию, проходят внутреннее рецензирование (анализируются актуальность темы, новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала) и публикуются на основании заключения рецензента из числа членов редакционного совета журнала и решения главного редактора. Выполняется двойное слепое рецензирование (автор не знает рецензента; рецензент не знает автора). Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации.

Рецензирование статей проводится в срок не более **70** дней.

Средние сроки публикации 2—5 месяцев со дня поступления статьи.

Требования к оформлению

Файл объемом до 5000 слов (22 страницы).

Шрифт 14 Times New Roman, интервал 1,5.

Поля: левое — 3 см, остальные — 2 см. Абзацный отступ — 1,25 см.

Количество авторов не более трех.

Один автор может представить к рассмотрению две статьи в течение года.

Сведения об авторе и финансировании, благодарностях (кегель — 12 pt) по образцу:

Фамилия Имя Отчество

orcid.org/0000-0000-0000-0000

ученая степень, ученое звание

кафедра

mmm@mail.ru

Организация

(Город, Страна)

Благодарности:

Исследование выполнено

при финансовой поддержке Фонда,

проект № 00-000-00

Аннотация (шрифт 12 pt, 150 слов) должна включать короткие ясные предложения и точно отражать содержание статьи: проблему, цель, материал, подробнее всего — результаты.

Ключевые слова – шрифт 12 pt (4–6 слов или словосочетаний, разделенных точкой с запятой).

Англоязычные метаданные не готовятся автором.

Структурирование статьи: IMRaD

1. Введение = Introduction

Текст не менее 1 страницы. Описать научную проблему, степень ее исследованности, актуальность и новизну в сравнении со своими предшествующими и чужими исследованиями.

2. Материал, методы, обзор = Material, methods, review

Текст, 1—3 страницы. Описать используемые методы, процедуру анализа материала, представить методы, подходы, приемы других исследователей, обращавшихся к выбранной проблематике [Воркачев, 2004, с. 37; Зализняк и др., 2005, с. 156—157], [ОР РНБ, ф. 1148, д. 56, л. 5], [НКРЯ].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Текст 7—12 страниц.

3.1. Тематическое название раздела

Текст. Иноязычный материал снабжается переводами (рядом в скобках). Указывается: (здесь и далее перевод наш. — *И. Ф.*). Система оформления материала: слово *жизнь*, понятие «жизнь», концепт ЖИЗНЬ, лексико-семантическое поле «Жизнь».

3.2. Тематическое название раздела

Текст

3.3. Тематическое название раздела

Текст

4. Заключение = Conclusions

Текст 1—2 страницы.

Источники и принятые сокращения

(Словари, архивы, документы, газеты и другие СМИ).

ОПИСАНИЕ ЛИЧНОГО АРХИВА АВТОРОВ СТАТЬИ:

1. АА — *Архив* авторов.

ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. — Санкт-Петербург : Типография М. О. Вольфа, 1880—1882. Т. 1—4.

ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ БЕЗ АВТОРА:

2. *В Британии* ответили на антироссийское заявление // *Правда* : [газета]. — 2004. — № 4. — С. 1.

ОПИСАНИЕ АРХИВА:

3. ГАСО — *Государственный архив* Свердловской области. Ф.Р1813 (Областное статистическое управление). Ф. Р1813. Оп. 1. Д. 227. Л. 84. Д. 518. Л. 20.

ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ С АВТОРОМ:

4. *Ищенко Е.* На Колыму! / Е. Ищенко // *Колымская правда* : [газета]. — 1994. — № 4 (18). — С. 2.

ОПИСАНИЕ КОРПУСА – ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:

5. НКРЯ — *Национальный корпус* русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 16.01.2022).

ОПИСАНИЕ ДОКУМЕНТА:

6. *Об образовании* в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 02.03.2016). — Режим доступа : <http://www.assessor.ru/zakon/273-fz-zakon-ob-obrazovanii-2013>.

ОПИСАНИЕ АРХИВА:

7. ОР РНБ — *Отдел* рукописей Российской национальной библиотеки.

Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.

Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.

ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:

8. СРНГ — *Словарь* русских народных говоров. — Москва ; Ленинград : Наука, 1965—. — Вып. 1—.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:

9. BNC — *British National Corpus* [Electronic resource]. — Access mode : <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (accessed 16.01.2022).

Литература

(Научные исследования:

не менее 15 позиций в алфавитном порядке;

если статья имеет номер DOI, то нужно приводить идентификатор;

автор может сослаться не более чем на две своих работы;

следует опираться на научную литературу, а не на учебники;

должны присутствовать публикации последних десятилетий;

рекомендуется цитировать и зарубежные публикации, их можно найти в базах:

<https://www.sciencedirect.com/>

<https://erih.dimensions.ai/discover/publication>

<https://doaj.org/>

<https://mjl.clarivate.com/home>

сначала располагается русскоязычная литература, затем англоязычная).

ОПИСАНИЕ КНИГИ:

1. *Воркачев С. Г.* Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. — Москва : Гнозис, 2004. — 192 с. — ISBN 5-94244-002-6.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ С УКАЗАНИЕМ DOI:

2. *Гадомский А. К.* Лексикографическое описание терминологии теолингвистики (на примере русского и польского языков) / А. К. Гадомский // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. — 2018. — № 17 (1). — С. 17—28. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2018.1.2.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В СБОРНИКЕ:

3. *Зализняк А. А.* Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев // Ключевые идеи русской языковой картины мира. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — С. 153—174. — ISBN 5-94457-104-7.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

4. *Иоанесян Е. Р.* Удовольствие : способы номинации в языке / Е. Р. Иоанесян // Вопросы психолингвистики. — 2017. — № 3 (33). — С. 156—169.

ОПИСАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ:

5. *Орлов Э. Д.* Литературный быт 1880-х годов : творчество Чехова и авторов «малой прессы» : диссертация ... кандидата филологических наук / Э. Д. Орлов. — Москва, 2014. — 234 с.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ ЧЕТЫРЕХ И БОЛЕЕ АВТОРОВ В ЖУРНАЛЕ:

6. *Содержание* понятия «эффективность образования» в контексте инклюзивных тенденций современной школы / И. С. Самохин, М. Г. Сергеева, Н. Л. Соколова, Е. А. Марченко // Научный диалог. — 2018. — № 1. — С. 278—288.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

7. *Lakoff G.* Hedges : A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts / G. Lakoff // Journal of Philosophical Logic. — 1973. — Vol. 2. — No. 4. — Pp. 458—508.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КНИГИ:

8. *Makuchowska M.* Od wrogów do braci. Posoborowe zmiany w dyskursie Kościoła katolickiego / M. Makuchowska. — Opole : UO, 2011. — 496 p. — ISBN 978-83-7395-431-1.

Material resources и References

НЕ ЗАПОЛНЯТЬ.

АВТОРЫ НЕ ДЕЛАЮТ СПИСОК ПО ЗАРУБЕЖНЫМ СТАНДАРТАМ.

СПИСОК ГОТОВИТСЯ СИЛАМИ РЕДАКЦИИ В СЛУЧАЕ ПРИНЯТИЯ СТАТЬИ.

Внутритекстовые ссылки приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например [Поланин, 2004, с. 47] или [Поланин, 2004, с. 47—48]. Если указывается источник (словарь, архив и др.), то в ссылке указывается сокращенное наи-

менование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: [СРНГ, т. 8, с. 75] или [ФСРС, с. 7] (при этом сокращения должны быть указаны в списке источников). Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Егоров, 1983, с. 213–218; Капитонова, 1991, с. 83]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Истрин, 1984; Истрин, 1997]. При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы. Если встречаются ссылки на две или несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, они приводятся с буквенным маркером около цифры, обозначающей год: [Иванов, 2001a; Иванов, 2001b]. Если авторов двое или трое, то упоминается только фамилия первого автора, а вместо фамилий остальных пишется «и др.» – в случае русскоязычного источника, «et al.» – в случае с источником на английском языке. Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Микрофлора ..., 1994], [Методика расчета ..., 2007, с. 17].

Цитаты обязательно снабжаются указанием на номер страницы.

Автор направляет статью через «Личный кабинет» на сайте журнала. Условия публикации размещаются на сайте журнала <http://www.nauka-dialog.ru/>. Справку можно получить по тел. (343)3458984, 89120458984.

Каждая статья, опубликованная в журнале «Научный диалог» с 2017 года, имеет идентификатор DOI. Пожалуйста, если в своих последующих статьях, направляемых в любые другие журналы, Вы будете цитировать свою статью или делать ссылку на любые другие опубликованные в нашем журнале статьи, то **УКАЗЫВАЙТЕ** номера DOI этих статей (образец оформления выходных данных статьи с номером DOI см. в начале каждой статьи).

CONTENTS

LINGUISTICS

<i>Ageeva, A. V., Abdullina, L. R.</i> Semasiological Relationships of Lexical Parallels in English and French Color Nomenclature.....	9
<i>Danilov, I. A., Stepanova, Yu. G.</i> Concepts of “Small Homeland” and “Big Homeland” in Linguistic Consciousness of Residents of Northeast Russia	25
<i>Pishchalnikova, V. A., Stepykin, N. I.</i> Changes in Nature of Prediction in Speech Acts: An Experimental Study.....	43
<i>Sdobnikov, V. V.</i> AI in Translation: How to Use it Effectively	62
<i>Tishina, E. V., Zakharova, M. A., Kalinina, M. V.</i> Attitudes Toward Ethical and Communicative Norms in Student Group Chats: Findings from a Sociolinguistic Survey	81

MEDIA COMMUNICATIONS AND JOURNALISM

<i>Dubina, A. M., Kondratenko, P. I.</i> Wildberries: Features of Assimilation of a Pseudo-Borrowed Ergonym in Russian	102
<i>Merkulova, A. M., Sharapkova, A. A.</i> Perception of Historical Fakes: Experimental Approach and Frame Analysis	123
<i>Shubina, E. L., Shelekhova, R. S.</i> Euphemization within Migration Discourse in German Journalism	156

LITERARY STUDIES. FOLKLORE

<i>Zakharova, N. V.</i> “Yü Sī” (“Threads of Words”) Literary Society and Birth of Modern Chinese Essayism.....	178
<i>Kaplun, M. V.</i> Beasts of Speech: Constructing Marginal Narrative in the 15th-Century Edition of “Stefanit and Ichnilat”	196
<i>Lushnikova, G. I., Osadchaia, T. Iu.</i> Role of Linguistic Devices in Creating Cultural and Historical Specificity in Literary Texts	212
<i>Norets, M. V., Reinova, A. V.</i> Representation of British Royal Family in Mike Bartlett’s Play “King Charles III”	229
<i>Urtmintseva, M. G.</i> Epistolary Genre in Works of Maxim Gorky: Correspondence with V. F. Khodasevich (1924–1925).....	249
<i>Tsvetova, N. S.</i> Journalistic Framework of Soviet Literary Era.....	267

HISTORY

<i>Badmaeva, E. N.</i> Pastoral Livestock Farming in Southern Regions of Russia under Natural and Climatic Conditions of “Black Earth” of Kalmykia in 1930s.....	285
<i>Bogatyрева, O. N., Krapivnitskaya, E. D.</i> Changing Migration Landscape in Latin America in 21st Century	303
<i>Bodrova, E. V., Kalinov, V. V., Krasivskaya, V. N.</i> Effectiveness of Modernization Measures in Soviet Industry during Late 1960s	332
<i>Ganiev, R. T., Butsyk, P. I., Khamzin, I. R.</i> Information on ‘Tatars’ in Chinese Historical Chronicles: “Song Shi” and Works of Li Xinchuan.....	351
<i>Gordeev, Yu. M.</i> Orenburg Nepluev Military School in Early 1840s: On Eve of Its Rebranding as a Cadet Corps.....	369
<i>Ermakov, V. P., Kolesnikov, I. N., Kasparyan, K. V.</i> Russian Orthodox Church during Great Patriotic War: Foreign Policy Aspects and Interaction with Soviet Authority	390
<i>Zavyalova, O. O.</i> Slavic Question in Public Discourse of Russia in 1860s and 1870s (Materials from Newspaper “Novoe Vremya”).	410
<i>Mamyachenkov, V. N., Motrevich, V. P.</i> State Procurement and Purchase of Livestock Products in Ural Region (1946–1950).	430
<i>Makhrachev, G. S.</i> Economic Activities of Craft Cooperatives in Tambov Province from 1921 to 1924.....	451
<i>Muslimova, E. O., Nesterov, A. G., Katuntsev, V. A.</i> Transregional Cooperation of Austrian Federal Lands with Eastern Regions and Countries in 20th-21st Centuries.....	468
<i>Razinkov, S. L., Larionova, M. B., Zaglodina, T. A.</i> Labor Reserves in USSR during 1940s and 1950s: A Socio-Cultural Portrait of Students	491
<i>Sorokin, A. A., Sokolov, Yu. V.</i> Portsmouth Peace Treaty of 1905 in Assessments of Russian Public Opinion	512
<i>Shaidurov, V. N., Navruzov, S. N., Abdalov, U. M.</i> Germans of Turkestan: Formation of an Ethnic Community from 1880s to 1906.....	531
TO AUTHORS	552

Компьютерная верстка и дизайн: Издательский Дом «Ажур»
Подписано в печать 24.04.2025. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 32,66. Тираж 500 экз. Заказ 24/04-1.
Отпечатано в ООО «Издательский Дом «Ажур».
620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54.Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.
© Центр научных и образовательных проектов, 2025
Свободная цена